

Сейеде Азам Хосейни

**ДА: ВОСПОМИНАНИЯ
СЕЙЕДЕ ЗАХРЫ ХОСЕЙНИ**

г. Москва
2020 год

УДК 82-94

ББК 84(5)

X84

X84 Сейеде Азам Хосейни "Да: Воспоминания Сейеде Захры Хосейни." Роман. – М.: ООО Паблит, 2020. – 652 с.

ISBN 978-5-6043820-4-2

Данная книга представляет собой мемуары Сейеде Захры Хосейни, посвященные жизни простой иранской матери во времена ирано-иракской войне.

Книга рассчитана на широкий круг читателей

Перевод с перс. яз.: Хизриев А.Х., Мамед-заде Н.Г.-А.

УДК 82-94

ББК 84(5)

Роман

Сейеде Азам Хосейни "Да: Воспоминания Сейеде Захры Хосейни."

Компьютерная верстка автора

Подписано в печать 14.02.2020. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офс. № 1.

Цифровая печать.

Тираж 500 экз. Заказ № 02448.

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»

127214, г. Москва, Полярная ул., д.31В, стр.1, Э/ПОМ/К 3/1/1

Тел.: (495) 230-20-52

© Центр истории и культуры Востока ДГУ, 2020

ISBN 978-5-6043820-4-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	24
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	65
Глава четвёртая	65
Глава пятая	124
Глава шестая	152
Глава седьмая	171
Глава восьмая	202
Глава девятая	218
Глава десятая	290
Глава одиннадцатая	351
Глава двенадцатая	384
Глава тринадцатая	445
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	459
Глава четырнадцатая	459
Глава пятнадцатая	471
Глава шестнадцатая	484
Глава семнадцатая	488
Глава восемнадцатая	490
Глава девятнадцатая	493
Глава двадцатая	509

Глава двадцать первая.....	519
Глава двадцать вторая.....	522
Глава двадцать третья.....	526
Глава двадцать четвёртая.....	529
Глава двадцать пятая.....	531
Глава двадцать шестая.....	534
Глава двадцать седьмая.....	536
Глава двадцать восьмая.....	541
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ.....	552
Глава двадцать девятая.....	552
Глава тридцатая.....	589
ЧАСТЬ ПЯТАЯ.....	602
Глава тридцать первая.....	602
Глава тридцать вторая.....	612
Глава тридцать третья.....	614
Глава тридцать четвёртая.....	618
Глава тридцать пятая.....	621
Глава тридцать шестая.....	631
Глава тридцать седьмая.....	636
Глава тридцать восьмая.....	639
Глава тридцать девятая.....	640
Глава сороковая.....	656

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Несколько месяцев от отца не было никаких известий. Из-за своей политической деятельности он редко приходил домой. Настолько редко, что мы привыкли к его отсутствию. Однако на этот раз его исчезновение затянулось.

Мать говорила: «С тех пор, как твой отец оставил работу на мельнице у дедушки и стал торговать мешками на базаре, он занялся политической деятельностью и стал общаться с таинственными людьми».

Работодателем отца был торговец иранского происхождения, которого все называли Хаджи. Он был вовлечён в дела отца, и казалось, что и он сам, и все его рабочие играли свою роль в этих делах.

Когда отец отсутствовал, Хаджи тесно занимался делами нашей семьи и передавал нам от него разные новости. Иногда он приходил, когда отец бывал дома, чтобы сообщить: «Сейед! Положение опасное. Тебе нельзя оставаться дома».

Очень долгое время, когда соседи интересовались у матери о делах отца, она им отвечала: «Мой муж ездит на работу в Эль-Курну¹, и так как дорога туда очень долгая, то очень поздно возвращается домой».

В те годы мы жили в портовом городе Басра на юге Ирака. Наш дом находился в квартале Рабат. Поскольку там протекала река Тигр, то в нашем квартале было очень много зелени и полно деревьев. Это был район, где жили переселенцы в глинобитных домах с наклонными крышами, покрытыми тростником и циновкой. В то время большая часть домов в Басре была построена именно из этого материала. Дома имели большой двор, с

¹ Один из маленьких иракских городов вблизи г. Басры.

перемежающимися друг с другом комнатами. Добротные кирпичные дома можно было увидеть в основном в квартале Ашшар и на рынке Ашшар, которые считались центром города.

Дом двоюродного дяди находился в этом же квартале. Я всегда радовалась, когда шла к ним домой. Так как в нашем бедном районе не было электричества, моя мать перед закатом мыла фонарные стёкла, которые в то время называли тюльпанами, и зажигала их, как только стемнеет. Она расставляла ещё несколько фонарей по углам комнаты. Я не помню, как включали свет или электричество, обычно по ночам мы рано ложились спать. Но по всей площади квартала Ашшар были расположены магазины, в которых даже ночью было светло как в дневное время. Горящие лампы у дверей магазинов привлекали к себе клиентов, чтобы они покупали там товары. Если бы мне мать разрешала, я бы часами стояла там и смотрела на блеск ламп и продуктов, которые бросались в глаза покупателей. В нашем районе рынок так заманчиво не сиял. Сельские жители клали для продажи свои продукты в корзины или телеги.

Мои родители за несколько лет до их свадьбы в конце 1950-х годов переехали из деревни Корднешин уезда Зарринабад района Дехлоран¹ в Басру. Вот почему я и четверо моих братьев и сестёр родились в Басре. Сейед-Али родился в 1961 году, и затем по порядку с разницей в один год Сейед-Мохсен, я и Лейла. Последним родился Сейед-Мансур, который был на три года моложе Лейлы.

Жизнь в Басре, городе, населённом арабами, требовала от нас свободно изъясняться на арабском языке. Но при этом, дома и при встрече с земляками, такими же как и мы переселенцами, мы разговаривали на курдском. Одевались мы так же, как и местные арабы. Носили длинные рубашки, которые назывались *дишдаша*. Мать, которую мы по-курдски называли «Да», с юности проживала в Басре и привыкла к обычаям и порядкам её людей. Она так свободно говорила по-арабски, что никто не мог

¹ Город в остане (провинции) Илам.

поверить, что она курдянка. Даже платок носила как арабские женщины. Длинной шёлковой шалью она словно платком оборачивала голову и накидывала на себя *абу*, что являлась той же чадрой.

Большая часть наших соседей или как мой отец, продавали мешки, или работали в порту. Все жили относительно бедно. Мы снимали две ближайшие ко входу в дом комнаты, но сами сидели в большой комнате в конце двора.

Мать готовила еду на примусе под навесом, установленным в передней части комнаты с помощью деревянного столба и циновки. Еда, которую готовила Да, представляла собой местные блюда, такие как рыба *сабоур*, приправа из *бамии* и рыбное *галийе*¹. Но иногда она готовила нам традиционные эламские блюда с *тархине*² и животным жиром, которые нам привозили родственники из Ирана в качестве гостинцев.

Летом мы в основном ели под этим самым навесом, который называли *сабат*³. По вечерам мы – дети – ложились спать на большую деревянную тахту, закрытую сеткой от комаров, кроме грудного Мансура, который оставался с Да. Большая часть наших расходов составляла плата за жильё. Да для дополнительного заработка покупала на базаре волокна для вязания мешков, вязала их, пока беседовала по душам со своим дядей Мими, пряла из них нити и затем продавала. Разумеется, и отец, когда приезжал, давал ей денег.

Когда он возвращался после долгого отсутствия, в доме всё становилось по-другому. Он брал нас на руки и целовал. Смеялся. Прижимался к нам головой и, короче говоря, старался максимально, насколько это было возможно, проявить всю свою любовь к нам. По вечерам мы собирались в кругу семьи, и он нам рассказывал о своём прошлом и об озорных годах своего детства. Интересным здесь было то, что с нами отец разговаривал на курдском, так как плохо знал арабский. В те дни, когда он

¹ Блюдо из рубленого жареного мяса.

² Сорт сыра.

³ Крытая галерея.

бывал дома, нашим языком становился курдский. Отец рассказывал: когда ему было два года, он потерял своих родителей, и его вырастил дядя и, поскольку он был последним ребёнком в семье, то все, особенно дядя, требовали к себе его внимания. Отец многое вспоминал о дяде. Он рассказывал: «Дядя занимался охотой и всегда брал меня с собой в горы. Он имел привычку курить трубку и поэтому всегда просил меня заправлять её для него. Я уставал, когда готовил ему трубку к курению, и уже не знал, что делать, чтобы избавиться от этой обязанности. Однажды я вытащил немного пороха из его ружья и засыпал его в трубку. Сверху доложил немного табака и дал в руки несчастному дяде. Тот сидел со своими друзьями вокруг костра и зажёг её. Через некоторое время, когда огонь дошёл до пороха, трубка взорвалась и опалила бороду и усы дяди. Все громко расхохотались. Я от страха сбежал и спрятался на дереве. С одной стороны, дядя очень разозлился, но с другой, очень испугался, что меня разорвут на части дикие горные животные. Он стал искать меня и кричать: «Идём! Я не буду тебя за это наказывать». С того времени дядя сам стал заправлять свою трубку».

Мне очень нравились истории, рассказанные отцом. Его детские шалости казались очень интересными, ведь тогда я сама была ребёнком, и мне было не более четырёх-пяти лет.

Он также рассказывал нам о том, как переехал в Басру и потом женился. Мои отец, Сейед-Хосейн Хосейни, и мать, Сейеде Шахпасанд Хосейни, были родственниками и выходцами из одной деревни. Отец родился в 1936 году и был на три года моложе Да. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он переехал из деревни Зарринабад в Басру работать у своего старшего брата. Вот там Сейед-Наджаф, или тот самый *Папа*, который был добрым и семейным человеком, встречает отца. Сам Папа был бригадиром на одной из государственных мельниц, и там он уделял большое внимание приезжим людям. Так он взял под своё крыло отца и дал ему работу. С тех пор, неся на себе ответственность за его работу и жизнь, тот сватает ему мою мать. Отец снимает жильё возле дома Папы и начинает

совместную жизнь с Да. Они очень хорошо ладили друг с другом. Я никогда не видела, чтобы Да возражала отцу в чём-то вроде «Почему тебя не было?» или «Зачем ты нас одних оставляешь?». В самом деле, они были искренни с друг с другом.

Я вспоминаю, как однажды Да подметала по дому. Мы детьми играли в углу. Как-то раз отец вошёл в комнату, и мы резко встали. Нам хотелось подбежать к нему, как он поставил перед собой руку и дал нам понять, чтобы мы ничего не говорили. Да убирала под тахтой и совсем ничего не понимала. Отец устало вышел вперёд и из-за головы посмотрел ей в глаза.

Да взволнованно спросила: «Кто?» В какой-то момент мы засмеялись от радости, что пришёл отец, и от того, как испугалась Да. В те дни, когда отец бывал дома, мы рано утром просыпались с его голосом. Он привык после совершения намаза делать зарядку. Потом он перекусывал что-нибудь и уходил поплавать, одновременно произнося героические лозунги. В своих лозунгах он громко произносил салават каждый раз, когда доходил до имени Имама Али (мир ему). После зарядки он включал своё радио с двумя волнами. Радио включалось, только когда он был дома, в остальное время нам запрещено было к нему прикасаться или даже подходить к нему. Это было собственностью отца, и к ней должно было сохраняться уважение вплоть до соблюдения запретной территории, в пределах которой находились его вещи. Потом он купил радио побольше. Новое радио было размером с ящик. Когда мы откручивали от него винт, иногда уходило время, пока из него появится звук. Отец говорил, что сначала у него должна разогреться лампа, и только потом оно заработает. Мы развлекались с помощью радио, а отец работал рядом с Да и потом переключался на детей. Он очень заботился о матери и обожал всех нас. Всё то время, что был рядом с нами, он старался максимально восполнить, чтобы потом со спокойной душой снова уехать. Я никогда не помню, чтобы видела, как отец уезжал. Он всегда уезжал из дома, пока мы спали. После его отъезда снова становилось тяжело, и снова начиналось одиночество Да. Снова плач и капризы детей, появление друзей

отца, их распросы и ответы и, наконец, что хуже всего, визиты сотрудников «Истихбарат»¹: от их стуков в дверь всегда было понятно, что они пришли к нам. Когда в дверь дома стучали именно таким образом, мы всегда бежали к Да. Из-за их грубости настроение Да резко менялось, и её лицо сразу бледнело. Страх и беспокойство матери отражались на нас, и мы дрожали как осиновый лист. Прежде она нас учила в такие моменты молчать, сжав губы, и оставаться в комнатах. И мы серьёзно относились к её словам. Мы не понимали, для чего всё это, но понимали, что она заботится о нашем благополучии и спокойствии перед лицом опасности. От нас было достаточно не совершить оплошность, чтобы, не дай бог, не стало хуже. Сотрудники, после того как допросят Да и напугают нас, когда не могли ничего добиться, громко хлопали дверьми, чтобы мы были уверены, что они вернутся.

Да, после того как они уйдут, возвращалась в комнату, прислонялась к стене и, проклиная их, говорила: «Этот Хасан аль-Баقر ни на что не способен. Все они находятся под Саддамом. Саддам держит всё под контролем». Потом она проклинала того: «Этот нечестивец Саддам – Шимр сын Шимра». Затем, уже немного успокоившись, она показывала на рамку фотографии Сейед-Мохсена Хакима, висевшую на стене, и говорила: «Разве тот, кто подверг лишениям семью Хакима², тот, кто не проявил милость к этому учёному, разве смилуется он над нами?»

¹ Служба разведки баасистского режима в Ираке.

² Сейед-Мохсен Хаким: аятолла Сейед-Мохсен Табатабаи Хаким (1888-1970 г.) проходил богословские курсы у учёных-аятолл времён семинарий в Бесподобном Неджефе, таких как Ахунд Хорасани, Зия-од-Дин Эраги, Мирза-Хасан Наини и Мохаммад Хансари, и в двадцать четыре года стал мужтахидом. Он участвовал в событиях времён борьбы за независимость в Ираке против английских войск. Время его официальной службы началось в 1986 г. после смерти аятоллы Сейед-Аболь-Хасана Эсфахани. Он боролся против режима короля Фейсала, коммунистического правительства Абдоль-Карима Касема, баасистского правительства Хасана аль-Бакура, а также против антиисламской деятельности шахского режима в Иране.

После смерти аятоллы Боруджерди в 1961 г. Мохаммад-Реза Пехлеви выразил ему поддержку как шиитскому марджа-ат-таклиду. Он принял эти обязанности вследствие исхода центра шиизма из Ирана и ослабления богословской науки в Куме. Однако поддержка аятоллой Хакимом исламской борьбы в Иране под предводительством Имама Хомейни свела на нет роль пехлевийского режима. Аятолла Хаким распространял многочисленные воззвания в таких событиях как нападение армейских сил на медресе Файзийе, убийство 15 хордада (5 июня) и оглашение смертного приговора членам Партии исламских народов. Он оставил после себя такие познавательные книги как 14-томная «Энциклопедия по фикху», «Доводы «Урват-аль-Вуска», «Хакаик аль-Вусуль» и «Нахдж-аль-Фукаха».

Слова матери пугали меня больше чем эти люди. Хотя мне было ещё немного лет, но я их уже хорошо различала. Один-два раза, когда я открывала перед ними дверь, у меня от страха немел язык. Это были люди с густыми усами и в костюме обычно тёмно-серого цвета. Я хорошо помню, как один из них, присев на корточки и сделав доброе выражение лица, сказал: «Если ты расскажешь, где твой папа, то я куплю тебе баглаву»¹.

Так как я их сильно боялась, и слова матери всё ещё были у меня на слуху, то я ответила: «Я не хочу баглаву». Сотрудники баасистского режима были везде, и в каждом месте и по каждому случаю они приходили в наш квартал и забирали несколько человек с собой. Так как в этом квартале жили курдские иммигранты, то полицейские тоже во всём подозревали их. Кроме того, такие люди, как мой отец, занимавшиеся политической деятельностью, больше всех находились под их подозрением.

Приезды и деятельность отца продолжались до тех пор, пока однажды один человек со своей женой и единственной дочерью не сняли комнату в нашем доме. Этот человек не выглядел обычным. Несколько дней он бывал дома и несколько дней отсутствовал. И всегда следил за нами. Очень часто он уводил нас, детей, в сторону и расспрашивал об отце и даже пытался что-либо разузнать у другой квартиросъёмщицы – Нане Папи². Бедная старая женщина, она всегда говорила, что ничего не знает. Да остерегалась этого человека, и так как того звали Али, то всегда проклинала со словами: «Да накажет его Али. Этот человек – враг шиитов. Он шпион «Истихбарат». Он называет себя Али, чтобы легче было преследовать людей». Нам она наказала перед этим человеком не произносить ни слова. Было очевидно, что опасения Да не были напрасными. Именно в те дни отец стал долго отсутствовать. Сотрудники «Истихбарат» всё время приходили в поисках его. Через некоторое время они пришли за моим дядей и забрали его с собой.

¹ Баглава – пирожное в виде трубочек с начинкой из миндаля.

² Нане Папи была такая же курдянка как и мы, и её единственного сына звали Папи. Именно поэтому мы её называли Нане Папи.

Дом дяди находился рядом со стеной нашего дома. Именно поэтому его задержали, чтобы, попытаться выведать от него информацию об отце. Дядя сотрудникам говорил: «Я не имею никакого отношения к делам своего брата».

На это отвечали: «Вы живёте рядом с его стенами, вы брат. Как может быть, что вы ничего не знаете о его делах?»

В конце концов, через несколько дней сотрудники поняли, что он действительно не участвует в делах брата и отпустили его. Но отец продолжал отсутствовать.

Несколько месяцев мы ничего о нём не слышали. Пока от Хаджи не узнали, что Служба разведки баасистского режима схватила отца по обвинению в шпионаже в пользу Ирана и заключила того в тюрьму «Ханакин».

Скоро и наш арабоязычный квартиросъёмщик освободил комнату и уехал из нашего дома.

Глава вторая

Да прилагала все усилия, чтобы нам разрешили увидеться с отцом. Каждый день она заходила и возвращалась из конторы. Уставшая и убитая горем она в разговоре с Папой и Мими и рассказывала, куда она ходила и с кем разговаривала. Я и Али внимательно их слушали. Мы хотели видеть, чем же всё, наконец, закончится. Да, после того как заканчивала разговаривать с Папой и Мими, теперь была вынуждена вновь отвечать на наши расспросы. У нас всегда был один и тот же вопрос: «Мама, когда же мы увидим отца?» – Она сама была в сомнениях, чтобы что-то предпринять, и потому клала нам на головы руки и говорила: «Скоро, думаю, увидимся».

Старания и мольбы матери к Всевышнему, наконец, возымели своё дело. Был весенний день 1968 года. В тот день утром Да отвела детей в дом Папы и поручила всех своему дяде Мими. На встречу с отцом она взяла только меня и Али.

В то время люди передвигались пешком или на дрожках. Но так как дорога была очень дальняя, мы сели в машину. Это был первый раз, когда я села в автомобиль – старый голубой «Шевроле». Дорога, на мой взгляд, была очень долгой. В отличие от Да, которая очень волновалась и переживала, казалось, что я и Али были безучастны к её переживаниям и развлекались всякими шалостями. Мы не могли спокойно вести себя на месте и всё время трогали ручки машины. Поднимали и опускали стёкла и смотрели наружу. Несмотря на постоянную тряску в легковой машине, я временами спрашивала Да: «Мы увидим папу?» – Да махала головой, но ничего не говорила.

Через несколько часов мы доехали до Ханакина. Машина остановилась перед многоэтажным зданием, в котором были многочисленные широкие ступени. Перед большими коричневыми воротами стояли два вооружённых охранника в военной форме. Но люди внутри были одеты в спецодежду. Один из них повёл нас наверх по лестницам посреди здания. Пространство

внутри было полутёмное. До сих пор я не видела подобного места. Я чувствовала себя жутко. Мы остановились в конце коридора второго этажа за окном с железными прутьями. Окно находилось высоко, и до него невозможно было добраться. Да взяла меня на руки, и я схватилась за прутья. Комната тоже была полутёмной. В ней было несколько маленьких клеток, в каждой из которых находился заключённый. Дверь клетки, в которой отец сидел на корточках, открыли. Он с трудом оттуда вышел. Казалось, что его тело полностью высохло. Его поясница и колено были согнуты, и он не мог свободно ходить. Мне было не более пяти лет, и я от вида этой сцены очень испугалась. В один момент исчезли вся радость и волнение, которые испытывала от того, что увижу отца. Я испугалась самого отца, от того состояния и вида, в котором тот пребывал. Мой страх усилился, когда он вышел вперёд. Лицо отца сильно изменилось.

Его лицо было очень бледным, лицо стало костлявым, а щёки вывалились. Волосы были спутаны и взъерошены. От блеска красоты, которую излучали его глаза, не осталось и следа. Наоборот, его глаза стали красными и безжизненными. На мой взгляд, он очень похудел, очень. Несмотря на это, в моих глазах запечатлелись вся величественность и непреклонность, которые я в нём видела.

Да, увидев отца в таком состоянии, тут же разрыдалась. Вслед за ней зарыдали и мы. Хотя отец был человеком эмоциональным, он старался не выдавать своего беспокойства. Однако из-за плача и рыданий матери у него тоже покатались слёзы. Он просунул руки через прутья наружу и стал меня гладить и целовать. Потом Да спустила меня на пол и подняла на руки Али. Отец стал целовать и его.

Всё время, пока мы там были, бедная Да поднимала по очереди на руки то меня, то Сейед-Али. Конечно, больше на руках матери находилась я, в то время как Сейед-Али пытался зацепиться за окно и потянуться наверх.

Я чувствовала, как отец беспокоился, пока я и Али были там. Он говорил матери: «Зачем ты привела с собой детей?» Словно не хотел, чтобы мы видели его в таком состоянии.

Затем он сказал Да: «Постарайся уехать отсюда. Забери детей и возвращайся в нашу страну».

Свидание было ужасным. Я хотела как можно быстрее уйти оттуда и не переставала плакать. Отец, чтобы успокоить меня, гладил по голове, теребил мои волосы и говорил по-курдски: «Не плачь, моя маленькая мамочка».

После этого свидания голова моя была занята разными мыслями. Я постоянно думала: «Почему отец там? Почему он должен был оказаться в тюрьме? Он не тот человек, который творит дурные дела». В конце концов, я пришла к выводу, что отец невиновен, и сел только за то, что является последователем Имама Али (мир ему). Я слышала из уст Да, что некоторые выступают против тех, кто любит Имама Али (мир ему). Потом про себя говорила: была бы у меня такая сила, чтобы разломать прутья, вытащить отца и привезти его с собой. Сутками после той сцены в тюрьме перед моими стройными рядами проносились клетки и люди, сидевшие в них. Мои мысли до того были заняты этим вопросом, что, увидев какое-либо окно с прутьями, я вспоминала то место. Несмотря на всё это, мы были рады встрече с ним, и нас уже меньше одолевала печаль.

По совету отца Да направилась в консульство Ирана в Басре и заявила, что мы хотим вернуться в Иран. Поскольку мы не принимали гражданство Ирака, у нас не было и удостоверений личности. Даже наши свидетельства о рождении отец забирал из иранского консульства. Именно поэтому нам было не так трудно выехать из страны. Надо было только несколько месяцев ждать до получения разрешения. Но была другая проблема. Разлука с Папой и его семьёй давались нам тяжело. Как же мы могли уехать без них из Басры. Мы ведь были частью его семейства. Помощь Папы для нас была неоценимой. Он очень любил нашего отца.

Мы, дети, тоже любили Папу. Мы бывали у него дома и днём, и ночью. Его дом находился через несколько улочек от нашего. Каждый день ранним утром мы ходили туда. Завтрак мы ели с ними, и он тоже имел привычку давать нам один *анэ*¹. Иногда даже, когда отец бывал дома и не разрешал нам идти туда рано утром, наша бабушка Биби-Иззат приходила к нам домой с полным подносом завтрака и причитающей долей карманных денег и ругала отца за то, что тот не разрешал детям ходить к ним.

Обычно после завтрака мы приходили с дядей Селимом и тётёй Салимэ к притоку реки, а также брали с собой гусей и уток матери. Это было очень красивое место. Речка Аби, являвшаяся притоком реки Тигр, придавала этой местности вид зарослей. Мы с другими девочками поднимали вверх брюки и игрались в речке. А мальчики ловили рыбу. Иногда дядя Селим и Али забирались на пальму и собирали для нас *харак*². Нам было так весело, что не замечали, как проходит время. Когда солнце было в зените, мы снова ходили в дом Папы, а гусей и уток отпускали на волю. Мы знали, что к закату, те сами вернутся домой.

Только добравшись до дома Папы, мы бежали к верёвке, которую дядя привязывал к балкам навеса, и играли с ней. Жгучая жара к обеду распекала нам головы и обжигала пятки босых ног. Несмотря на это, мы не уходили оттуда, только время от времени бежали к хоббанэ³ попить прохладной воды. При этом мы всегда посматривали на дверь, откуда Папа должен был войти. Он всегда летом в обеденное время приходил домой с арбузом подмышкой, мыл его и клал в ящик со льдом. Когда тот становился прохладным, он разрезал его на доли, давал каждому из нас и говорил:

– Теперь идите по домам.

От Биби – нашей бабушки – мы видели не меньше доброты, чем от Папы. Она не видела разницы между нами и своими детьми и была настолько

¹ Старинная мелкая денежная единица Ирака.

² Сорт фиников.

³ Хоббанэ – глиняный кувшин, стоящий на треноге. Имеет конусообразное дно и широкое горло, из которого можно черпать воду чашей.

ласкова и добра, что мы до самой её смерти не понимали, почему она не является матерью Да, а дядя Надали, дядя Селим и тётя Салимэ не являются её родными братьями и сёстрами. Папа через несколько лет после смерти своей первой жены, то есть матери Да и дяди Хагг-Али, женился на Биби. Поскольку она была из сейидов¹, то говорили, что все жители деревни Зарринабад Дехлорана – потомки Ибрахима, сына Имама Мухаммеда Бакира (мир ему) – связывались браком только с сейидами. Папа после женитьбы на Биби бросил заниматься сельским хозяйством в деревне из-за постоянной опасности засухи и поэтому со своей семьёй переехал в Басру.

Биби стала настоящей матерью для Да. Мать тоже её очень любила. Свою любовь к ней она привила и нам. Но судьба оказалась столь изменчива, что произошёл несчастный случай, из-за которого мы её потеряли.

Однажды ранним утром в месяц рамазан Биби встала, чтобы приготовить *сахар*² и зажгла мангал. Когда она пыталась зажечь огонь под мангалом, на неё пролился керосин, и она сама тоже загорелась, получив сильные ожоги. На её крик прибежал Папа, пытавшийся её спасти. Однако его попытки потушить на ней огонь ни к чему не привели, и он лишь обжёг свои руки. Утром, узнав об этом, мы пришли домой к Папе; были ещё видны следы пожара возле водяного бассейна, куда Биби бежала и упала прямо там.

В последние дни жизни Биби в больнице, Да ухаживала за ней. Та испытывала сильную жажду и всё время просила пить. Но врачи не разрешали ей пить воду, и наконец, после нескольких дней боли и страданий, она преставилась перед милостью Всевышнего. Папа похоронил её в Неджефе. Что касается Да, то она сильно переживала смерть Биби.

После этого несчастного горестного события тётя Да, которую мы называли Мими, взяла на себя уход за домом Папы. Мими за несколько лет до этого жила в доме Папы и помогала Биби по дому. Как она сама рассказывала, она вышла замуж в девятилетнем возрасте. Через несколько

¹ Род потомков Пророка.

² Сахар – предрасветный завтрак перед началом поста.

лет после свадьбы Мими родила мальчика, который выглядел очень сообразительным, но в восемь лет умер от кори. Через два года также умирает её муж, и она остаётся одна. Мими была молодой женщиной, и поэтому к ней приходил только её брат. Она никогда не забывала о смерти своего сына. Каждый раз, когда мы чем-нибудь занимались, ей становилось грустно; она сидела в углу, говорила о своём мальчике и плакала. Мы, дети, любили Мими. Она очень для нас старалась и переживала за нас как родная мать. Кроме нас она растила также детей наших дядей и тётёй. Я предпочитала больше проводить время с Мими. Иногда я настолько увлекалась играми, что, когда бывала у себя дома, не слышала голоса Да, которая звала меня присмотреть за Мансуром: «Захра, ты здесь? Ты где? Ты где, Захра?»

Не услышав ответа, она начинала сердиться и по-курдски произносила: «Где ты, коса резаная?»

Что касается Мими, то она нам ничего не запрещала. Мы прыгали на тахту и под неё и вместе с тётёй Салимэ играли с куклами, которую мы сделали из ствола пальмы, крышки бачка и немного материи. В это время дядя Надали, уже уставший от нашего шума, прекращал наши игры или отвязывал верёвку на качелях. На какое-то время мы так успокаивались, пока дядя не перестанет злиться или не выйдет из дома, чтобы мы снова могли продолжить наши игры.

Летними вечерами Мими делала себе во дворе место и закрывала его сеткой. У Папы было отдельная тахта в углу двора, где он мог поспать. Каждый вечер он ругал нас – особенно меня и Сейед-Мохсена – за то, что спали рядом с Мими. Чтобы нас не обидеть, она каждый раз по очереди брала двоих с собой и укладывала с обеих сторон от себя, положив руки нам под головы. Она рассказывала нам сказки, читала стихи, пока мы не уснём.

Папа тоже, хотя и был неграмотным, рассказывал нам истории из «Шахнам» и читал стихи Моуляны и Хафиза. У него была длинная родословная, и генеалогическое древо его семьи писали Аятолла Сейед-Мохсен Хахим, Шейх Мортаза Ансари, Аятолла Гольпайгани, Мараш

Наджафи и множество других алимов¹. Папа очень берёт это генеалогическое древо. Мы его видели только несколько раз. Каждый раз он приносил его со всей осторожностью и благоговением с тысячами приветствий и благословений к нему. Он показывал его нам и заново убирал в специально сделанный металлический футляр. Можно было увидеть лицо Папы в той абе и чёрной чалме, когда он стоял посреди двора и громко читал азан. Сияние его лица придавало человеку удивительное спокойствие. Он до конца своей жизни, будучи уже очень старым и немощным, читал намаз перед общиной. Когда в мечети ему что-либо давали в виде дара или подношения, он приносил это нам.

Никогда не забуду, как однажды я пошла к Папе, и в первый раз захотела совершить намаз. Когда он понял, что я хочу начать молиться, то был очень доволен. Он взял меня на руки и, поцеловав, сказал: «Я сам тебя научу». Я встала для намаза; Папа говорил, а я повторяла за ним. Если я ошибалась, он меня аккуратно исправлял. Наконец, он потом дал мне немного денег. Каждый раз, когда он видел, как я совершаю намаз, он высказывал одобрение.

Возле дома Папы было одно *хосейние*². В месяц рамазан во время ифтара³ мы с детьми из нашей улицы ходили в хосейние и оставались там в ожидании азана. Как только из минарета раздавался голос муэдзина, мы расходились по улицам. Каждый, кто добегал до своего дома, кричал: «Азан! Азан!», то есть наступило время намаза. Наша работа заключалась в том, чтобы сообщать людям о наступлении времени ифтара, так как голос муэдзина был слышен не везде, а радио редко можно было найти на нашей улице. Когда Да ходила на базар, она иногда брала с собой меня и Али. По дороге нам надо было проходить деревянный мост, сделанный через канал

¹ Улёмы (араб. [уляма́] «знающие, учёные»; ед.ч. [алим]) или али́мы — собирательное название признанных и авторитетных знатоков теоретических и практических сторон ислама. Со временем стало уважительным прозвищем.

² Хосейние — место, в которых собираются шииты для проведения траурных мероприятий в день Ашура (газия).

³ Ифта́р — разговение, вечерний приём пищи во время месяца Рамадан.

Шатт-эль-Хандак. Рядом с этим мостом находилась мельница, или по-нашему «макинэйе арди»¹, Папы, которая вместе с двумя другими государственными мельницами обеспечивала весь город мукой. До того, как мельницы стали работать на солярке или электричестве, жернова приводились в движение течением воды из канала, ответвлявшегося от Тигра. Да по привычке, когда мы доходили до мельницы, сворачивала с пути и заходила поздороваться с Папой. Мы с большой радостью бежали впереди неё. Я очень любила Папу, и когда он хотел меня позвать, то называл меня «Далякам», то есть «Моя мама». Я очень любила это слово, так как после него ощущала всю любовь Папы ко мне.

Я знала, что Папа сейчас находится в «машине», с его головы снята чалма, и вместо неё надета шапочка. Пояс был крепко обтянут кушаком, а края его дишдаши² заправлены в кушак, чтобы легче было работать. Когда с его лица стекал пот, и я видела, как солнце обжигало Папу в этой изнурительной басрийской жаре, и он доставал свой платок из кармана дишдаши, мне становилось его жалко. Я не любила, когда он перетаскивал с места на место тяжёлые мешки с мукой. Но эти мысли не были столь навязчивыми.

Только добравшись с Али до «машины», мы начинали беситься. Там внутри было почти темно. И только к полудню, когда солнце начинало светить прямо, через просветы крыши хорошо освещалось пространство мельницы. Пока Да расспрашивала своего отца о делах, я и Али прыгали по мешкам муки, по углам и станкам «машины» и устраивали полный беспорядок. Папа тоже, пока разговаривал с Да, поглядывал на нас и временами говорил: «Не бегите по муке. Это же милость от Всевышнего. Не совершайте грех. Спускайтесь».

Мы всё пропускали мимо ушей и продолжали своё дело. Однажды, когда мы прыгали с Али по мешкам, моя нога поскользнулась, и я свалилась

¹ «Мельничная машина» (курд.).

² Дишдаша – традиционная мужская долгополая рубаха с длинными рукавами у арабов.

с мешка в кучу муки. В момент я вся побелела и ничего не видела. Когда я дышала, в рот и нос заходила мука, и я стала задыхаться. Только собрав все силы, я проговорила: «Мама».

Да и Папа, услышав, как я упала, обратили внимание на случившееся и быстро вытащили меня оттуда.

Папа сердито сказал: «Чтоб ты умерла, сколько я тебе говорил, не лезь туда».

Он видел, как я сильно испугалась и не могла нормально вздохнуть, и тут же подул мне на лицо, стряхнув меня с ног до головы, и сказал: «*Далякакам*¹, почему ты спокойно не сидишь? Не позволяй бесу войти в тебя».

Эти и тысячи других случаев были столь опасны, что я не могла их пропустить просто так. Это объясняло то, почему нам всё труднее было туда ходить. Из-за своего маленького возраста я не могла понять, почему мы должны были отсюда уехать и бросить всё.

Спустя несколько месяцев Да постепенно распродавала домашнюю мебель, которая большей частью была её приданым со свадьбы. Каждый день несколько соседей приходили к нам домой, осматривали наши вещи и покупали ниже стоимости. Железную кровать родителей, в которой мне нравилась белая сборная сетка, китайские и японские керамические чашки голубого цвета, на стенках которых были разрисованы птицы и пышные деревья, деревянный двухдверный комод, в центре которого было установлено трюмо, буфет для посуды, люльку Мансура и всё остальное мы продали очень дёшево. Когда Да отделяла вещи для продажи и откладывала их в сторону, мы с Лейлой готовы были вот-вот заплакать. К чему бы она не прикасалась, я говорила: «Да, не продавай это». На что она отвечала: «Не получается, Захра, не получается».

¹ «Далякакам» – Мамочка (курд).

Я настаивала: «Да, умоляю тебя, оно красивое. Оставь нам». Она сказала: «Дочка, если я не захочу его продавать, то не продам. Но это невозможно. Мы не можем брать с собой большой груз».

Когда она и мою абу бросила к тем вещам, меня резко схватил комок в горле, и я разрыдалась. Чтобы успокоить меня, Да сказала: «Там, куда мы едем, все персы, и никто абу не носит».

Но меня это не убедило, ведь я очень любила свою абу. Она была сделана из шёлка, края которой были обшиты тесьмой жёлтого цвета. Когда я надевала её и ходила повсюду с корзиной, плетёной из пальмовых листьев, то чувствовала себя взрослой. Именно из-за того, что я так разрыдалась, Да согласилась не продавать абу. От всей той жизни Да оставляла только необходимое. Мы переехали из дома, который ей пришлось продать, в комнату, которую Папа снял для нас рядом со стенами своего дома. Хозяйкой была одинокая старая женщина, которая жила за счёт того, что сдавала комнату и продавала перед домом всякие тряпки и полотенца. Мы там долго не задержались.

Когда нам из консульства ответили, что можем ехать, мы начали прощаться со всеми. Дом Папы находился в состоянии траура. Родственники, друзья и соседи приходили по несколько человек, чтобы попрощаться. Наше дело было плакать и причитать. Мы очень сильно беспокоились. Больше всего мы переживали из-за Мими и Папы. Нам хотелось, чтобы они тоже поехали с нами.

В этой суете дядя Хосейни – родной брат Да – который жил со своей семьёй в Хорремшахре, сообщил нам, что отец сейчас там. Весть об освобождении отца как раз в те дни, когда мы хотели уехать из Ирака, очень нас обрадовала. Но вместе с тем нам было горько расставаться с Папой и его семьёй и было тяжело смириться с тем, что они будут от нас далеко.

В день нашего выезда все приехали в таможню Басры: Папа, Мими, дядя Селим, дядя Надали и тётя Салимэ. Мы все плакали. Особенно Мими и Да не могли успокоиться. Даже Папа плакал. До этого дня я ни разу не

видела его слёз. Мне от этого было очень больно. Когда мы садились на баркас, он пытался нас утешить словами: «Вы езжайте, мы тоже соберёмся и поедem за вами».

Дядя Надали, которому было не более семнадцати-восемнадцати лет, сопровождал нас до пограничного пункта Абуль-Хусайб¹. Всю дорогу мы так же плакали и причитали. Дядя пытался шутить и рассмешить нас, но это не помогало. Под конец он тоже всплакнул и пустил слезу.

У меня долго с глаз не сходили лица Папы и Мими во время прощания. Мысль о том, что мы их оставляем и уезжаем без них, очень меня мучила. Но Али чувствовал себя по-другому. Он смог быстро успокоиться, словно всегда проявлял любопытство и вытворял шалости. Он так долго крутился вокруг рулевого баркаса, что тот, наконец, дал ему в руки судовой руль, и долгое время судно вёл Али.

Кроме нас на баркасе была другая семья, которая, как и мы, была родом из Илама. Они тоже пытались нас успокоить и утешить, приговаривая: «Аллах велик. Дай бог вы снова все соберётесь вместе».

Но мне от их слов не становилось легче. В своём детском миру я про себя говорила им: «Вам легко так говорить. Вы-то все вместе. Даже ваши невестка и внук пришли. У вас ведь в Басре никого не осталось, по кому бы вы скучали».

На границе, по договорённости с консульством нас ждало иранское судно. Нас перевели из иракского баркаса на то судно. Когда дядя остался на баркасе, мы снова начали сильно плакать. Наше судно тронулось, однако баркас всё также стоял. Возможно так захотел дядя. Пока мы всё дальше отплывали, мы видели, как он тоже плакал. Потихоньку мы так далеко отплыли, что теперь дядю Надали можно было заметить только в виде маленькой точки. Точки, которая через несколько минут исчезла.

¹ Водная граница между Ираном и Ираком на реке Арвандруд.

Глава третья

Мы доплыли до таможни Хорремшахра к закату, когда уже кричали азан. За нами приехал дядя Хосейни. Мы задержались, пока выполняли все таможенные формальности и проходили проверку. Перед таможней нас ждал отец. Несколько месяцев мы не виделись. Сперва, когда мы его увидели, он нам показался немного чужим. Но потом мы побежали к нему. Пока отец брал нас на руки и целовал, у него из глаз лились слёзы. Он тискал нас по очереди. Все мы были счастливы. Затем мы поехали с дядей Хосейни к нему домой. По пути отец поменял монеты по два и пять фельсов¹, которые дал нам Папа, на иранскую валюту, сказав, что здесь эти деньги ничего не стоят.

Дядя начал готовиться к прибытию всех гостей. В его доме для нас всё было абсолютно новым. Он совсем не был похож на наш дом в Басре. К примеру, пол у него во дворе был покрыт мозаикой, в то время как у нас в Басре был земляной пол. Большинство гостей разговаривали на фарси, и мы, зная только арабский и курдский, ничего не понимали из того, о чём они говорят. Персидский язык нам казался чужим и странным.

Я помню, как в тот вечер мы во дворе играли с водой. Мы ставили руки под кран и брызгали друг на друга водой. Пришла жена дяди и, выговаривая что-то на фарси, не разрешила нам играть с ней. Из её разговора мы поняли только слово «хис», что на арабском означает «портиться». Мы очень удивились и про себя подумали, что это за вода такая, которая из-за того, что под неё ставишь руку, портится?

Из-за жары и тесноты ужин провели на площадке на крыше, где жена дяди расстелила скатерть. Мне было интересно подниматься по мозаичным ступенькам, так как в Басре мы пользовались деревянной приставной лестницей, чтобы подняться на крышу.

В тот вечер мы узнали, как отец всю дорогу проходил пешком и пересёк границу, когда его депортировали из Ирака. Пока он добирался до

¹ Фельс – мелкая иракская денежная единица.

Хорремшахра, его ноги покрылись ранами и грязными волдырями; поэтому дядя несколько дней держал ноги отца в тазу, чтобы они пропитались солью, чтобы убрать все нагноения. Много времени прошло пока отец смог спокойно ходить. Потом он сам нам рассказывал, что эти раны получил, в основном, из-за того, что сотрудники «Истихбарат» били его тросами по ногам.

Дядя сам со своей семьёй снимал дом, и его тёща жила с ними. Именно из-за этого отец стал думать о том, как найти нам жильё. Он отправился на поиски и, наконец, через несколько дней снял комнату в Куйе-Шахабад¹; так мы переехали к себе домой.

Какое-то время отец искал работу. Из-за тяжёлых условий в тюрьме и физических и душевных лишений, он не имел крепкого здоровья. Да уделяла ему много внимания. Она старалась нас держать в тишине, чтобы наши дурачества не беспокоили его. Каждый раз, когда он приходил с работы и ложился спать, я ходила к нему и массировала ему руки и ноги. Я хотела снять с него всю дневную усталость. Отец тоже сквозь губы молился за меня и просил у Всевышнего будущего благополучия для меня.

Такое состояние душевного кризиса отца длилось недолго. Его мучило что-то другое. Он целыми днями был в поисках работы, но вечером возвращался ни с чем. Из-за его прежней политической деятельности ему в государственных учреждениях не давали работу. Необходимость кормить детей и платить за квартиру ложилась на него тяжёлым бременем. Даже некоторые из его окружения думали, что отец – человек неработающий, и у него нет желания работать.

Когда я это осознала, мне было очень горько видеть одиночество отца. Я хотела всем высказаться, что эти мысли о моём отце ошибочны, но не могла ничего поделать. Только во время совершения намаза я просила Всевышнего что-нибудь сделать. Когда отец потерял всякую надежду найти подходящую ему работу, он от безысходности взял в аренду ручную тележку

¹ Впоследствии этот район города переименовали в Куйе-Талегани.

и подрабатывал на рынке грузчиком; одновременно он подрабатывал у мастеров при прокладке труб, строительстве, пайке.

Через несколько месяцев отец забрал Сейед-Али и Сейед-Мохсена, чтобы навестить родственников и получить паспорта в Иламе. Среди событий тех дней был взрыв гарнизона в Иламе и гибель начальника гарнизона. На этот раз САВАК задержал отца как подозреваемого в инциденте и бросил в тюрьму. Мы об этом ничего не знали. Долгое время мы не получали от них новостей. Мы стали волноваться из-за того, что они долго не возвращались. С одной стороны, когда мы связались с родственниками в Иламе, они сообщили, что те уже уехали. С другой стороны, они ещё не прибыли в Хорремшахр. Такая неопределённость была для нас мучительной. Мы не знали, что делать. Отсутствие новостей об отце и детях, разлука с Папой и Мими осложняли нам жизнь. Когда заходило солнце, нам по-настоящему становилось одиноко. Звук азана оставлял на нас странное ощущение. Именно в такие моменты мы надевали абу Да и начинали плакать. Мы спрашивали друг друга, что сейчас делает Папа, что делает Мими, или вспоминали дядю Селима и тётю Салимэ и тихонько плакали. Да сидела в углу и плакала вместе с нами. Услышав нас, приходили соседи и сопереживали с нами, а иногда ругали: «Ты их мать! Что ты делаешь?! Вместо того, чтобы успокоить бедных детей, ты сама сидишь и плачешь?!» Потом они пытались и нас утешить. Но было бесполезно. И эта сцена повторялась каждый вечер. Дядя Хосейни также к нам регулярно заходил. Поведение и действия дяди напоминали Папу. Мы очень его любили. Мы всегда клялись его именем. Если кто-то говорил: «Клянусь дядей Хосейни», то его слова больше не подвергались сомнению. Дядя имел хорошее материальное положение. Когда он был в Ираке, то работал переводчиком в посольстве Ирана, а также руководил школой для иранцев, проживающих в Ираке. В Хорремшахре он работал в компании по производству растительного масла. Он никогда к нам не приходил с пустыми руками.

Иногда давал Да деньги, чтобы, как говорится, помочь в наших ежедневных тратах.

В те времена из Хорремшахра экспортировали много фиников. Кладовщики приносили людям в дом собранные финики для очистки, а на следующий день всё собирали и мыли на фабрике. Затем в них клали ореховую косточку или сыпали на них кунжут или финиковый сироп и экспортировали в арабские и европейские страны. Да тоже брала эти ящики с финиками. Она сажала нас и сыпала в поднос финики, чтобы мы могли помочь ей. Чтобы нам это занятие не наскучило, она постоянно читала стихи. Мы делали надрезы в финиках, отделяли от них косточки и головки и потом бросали в ящик. За каждый трёхкилограммовый ящик фиников нам платили один туман, что потом составляло тринадцать риалов.

Летом и зимой мы делали то же самое. Зимой финики становились твёрдыми, и нож с трудом разрезал их. Чтобы легче было работать, Да ставила поднос на мангал, который отапливал комнату, и финики становились мягче. В то время, когда отец сидел в тюрьме в Иламе, мы обеспечивали свои расходы на жизнь именно таким способом, чтобы ни у кого не просить помощи. У нас был сосед по имени Абдоль-Хосейн Харби. Он был хорошим человеком и поддерживал нас. Он очень почитал сейидов. Время от времени его жена приносила нам фрукты или что-нибудь ещё. Но Да не принимала их и с особой гордостью говорила: «Нам ничего не нужно».

Да была сдержанным человеком. Она старалась сама переносить всю тяжесть жизни. Она ни с кем не делилась своими проблемами. Я очень часто видела, как она плакала, когда подметала или чистила рамки фотографий. Я всегда пыталась по возможности делить с ней её одиночество. Но всё было тщетно.

Наконец, через три-четыре месяца отец и дети вернулись. При этом их лица сильно побледнели и истощились. Тогда Сейед-Али было восемь лет, а Сейед-Мохсену – семь. Грязь кругом и ужасная тюремная еда вызвали у Сейед-Мохсена сильный понос и рвоту, потом из-за отсутствия ухода у него

начался кровавый понос. В ответ на требования отца, сотрудники тюрьмы не спешили приводить врача и говорили: «Бесполезно. Чем быстрее умрёт, тем ему легче будет. На одного птенца-вредителя станет меньше». Они настаивали на том, что отец совершил поджог военной части. На это он отвечал: «Если бы я хотел поджечь военную часть, то не оказался бы здесь с двумя детьми». Однако тюремщики ни за что не соглашались с этим. В общем, пока разобрались в невиновности отца, ушло много времени.

Отец, после того как освободился, снял целиком дом с двумя комнатухами в Куйе-Шахабад. Комнату, обложенную кирпичом, мы предусмотрели для гостей, а комнату с глиняными стенами использовали в качестве кухни и жилого помещения. В этом доме не было воды, но было электричество. За основной дверью дома из маленького двора, похожего на коридор, мы выходили на более широкий двор, где и находились комнаты. В маленьком дворе были ступени, которые вели на площадку на крыше. Летними вечерами мы спали там, чтобы спрятаться от жары и укуса комаров. Отец всегда советовал быть осторожными, так как крыша была ненадёжна. Мы почти три года жили в этом доме. Постепенно наша жизнь в Хорремшахре вошла в привычное русло, и мы надеялись, что Папа и остальные тоже придут к нам.

В начале 1969 года, когда мне было шесть лет, дядя Надали переехал из Басры в Иран и сразу отправился служить в армии. Во время службы, получив отпуск, он приходил к нам домой, чтобы не беспокоить жену дяди Хосейни. Но, видя наше тяжёлое материальное положение, к вечеру он возвращался к дяде. Все радовались, когда дядя Надали приходил к нам. Через два года, до того как баасистский режим депортирует иранцев, проживающих в Ираке¹, к нам переехали Папа и Мими. Когда я поняла, что к нам придет Папа, я почувствовала, что теперь мы по-настоящему счастливы,

¹ В то время президентом Ирака был Ахмад Хасан аль-Бакри, однако фактически страной руководил его заместитель Саддам Хусейн. Под предлогом конфликта с Ираном из-за проблемы Арвандруда, который он требовал называть Шатт-эль-Араб и намеревался присоединить к Ираку, Саддам депортирует иранцев, проживающих в Ираке. После этого события Да говорила: «Это Саддам Шмир, а не Саддам Хусейн».

так как соберёмся все вместе. Тот день был одним из самых счастливых в моей жизни.

Папа снял дом рядом с нами, и мы снова начали ходить к ним. Каждый день, возвращаясь со школы, я, Сейед-Али и Сейед-Мохсен вместе заходили в дом к Папе. Старик, как и прежде, давал нам деньги. Однажды мы пришли к нему и увидели, что его нет дома. Мы сели за стол и стали поедать свой обед. Но Папа так и не пришёл. Мими по обыкновению дала нам денег и сказала: «Ваша мама вас ждёт, идите домой». Потом она отправила тётю Салимэ проводить нас через дорогу. Как только тётя проводила нас, она сказала: «Дальше сами идите, а я пойду обратно».

Мы остановились в углу, пока тётя не уйдёт. Как только она исчезла из виду, мы свернули на овощной рынок. Мы знали, что Папа ходил совершать обеденный намаз в мечеть, а потом сидел на мосту «Часеби»¹ и дружески беседовал с друзьями. Там мы увидели Папу. Он радостно нас обнял и расцеловал и представил своим друзьям. Под конец, он как обычно дал нам денег. Мы ему не сказали, что Мими уже дала нам денег. В общем, радостные и довольные от того, что каждый из нас получил по пять тысяч, мы вернулись домой. Конечно потом, когда тётя Салимэ об этом узнала, она нас сильно отругала.

В 1971 году наш хозяин, живший в Шадегане, потребовал от отца освободить дом. Отец быстро взялся за дело и в один день вместе с Да отправился на поиски нового жилья, при этом детей они поручили мне. Они закрыли перед нами дверь, чтобы мы, не дай бог, не выбежали на улицу.

В тот день в доме по соседству с нами проводили обряд обрезания. Сейед-Мохсен поднялся на крышу, чтобы посмотреть, что там происходит. Я играла в комнате с Сейед-Мансуром, как в этот момент вбежала испуганная Лейла с криком: «Захра, идём, Мохсен умер!» Я подумала, она что-то путает, но когда она сказала: «Клянусь дядей Хосейни», то я больше не думала о

¹ Территория современной площади «Фалакейе Аллах». В настоящее время русло реки там высохло, и в современной планировке улиц она не упоминается. Здесь вода отвечалась от реки Карун и доходила до этого места.

том, с кем оставить детей, и выбежала во двор. Мохсен лежал без чувств возле ступеней. Его глаза опухшие и почерневшие, выступили наружу. При этом не было заметно ни капли крови.

Увидев таким Мохсена, я подняла крик и схватилась за лицо руками. Лейла тоже была вся испугана. Мы обе разрыдались и били себя. В этот момент постучали в дверь. Это была дочь ханум Новрузи, нашей соседки напротив. Она из-за двери спросила: «Мама спрашивает, что случилось? Почему вы так кричите?»

Я ответила: «Мохсен умер! Он упал с крыши».

Она спросила: «Почему тогда дверь не открываете?»

Я ответила: «Отец и Да ушли и заперли дверь».

Няня Джасим – та самая ханум Новрузи – женщина крупная и сильная, как только услышала об этом, так сильно ударила ногой в деревянную дверь во двор, что та открылась настежь. Увидев Мохсена, она сказала: «Он без сознания, надо его отвезти в больницу. Где твои родители?»

Я ответила: «Они пошли искать новый дом. Но я знаю, что сейчас они находятся у кого-то из наших родственников». Она тогда сказала: «Иди за ними, скажи, чтобы пришли».

Всю дорогу я думала, как об этом рассказать Да, чтобы не испугать её. Наконец, она ждала ещё одного ребёнка. Когда я дошла, все удивились, увидев меня.

Да спросила: «Зачем ты пришла?»

Я ответила: «Тётя Хаджар приехала из Илама». В то время как я до сих пор ни разу не видела тётю Хаджар.

Отец сказал: «По какому поводу тётя Хаджар проделала такую дорогу сюда?»

Я ответила: «Не знаю. Она сейчас пришла. Говорит: Я тётя Хаджар».

Когда я говорила всё это, моё израненное и исцарапанное лицо вызвало у них сомнения. Врать было бесполезно. Они меня так допрашивали, что я, наконец, вынуждена была признаться: «Мохсен упал на землю, и ему очень

плохо. Я от страха откинула голову. Но ничего не случилось. Он в порядке. Сейчас там с ним Няня Джасим».

После этих слов Да почувствовала себя плохо и потеряла сознание.

Когда мы добрались до дома, Сейед-Мохсена уже забрали в больницу. Через несколько минут мы видели, как издалека приближается Мими, бьёт себя по лицу и груди и плачет. Мохсена она вырастила и полюбила его как собственного сына. Она бы не перенесла его утрату. Она не могла представить, чтобы с ним случилась какая-нибудь беда.

Даже не знаю, как эта новость так быстро распространилась, что в один момент в доме стало полно друзей и знакомых. Все плакали и сопереживали, чувствуя свою беспомощность. Они уже считали его умершим.

Мохсен так же без сознания лежал на больничной койке. Всё это время у нас дома слышны были вопли и рыдания. Никто не был в состоянии заняться своими делами. Как обычно, в доме, где бывает траур, соседи приносили еду и настойчиво уговаривали поесть. Но никому кусок в горло не лез.

Мы, дети, чувствовали себя как все остальные. В конце концов, мы почувствовали друг к другу удивительную привязанность и больше стали любить друг друга. Хуже всех чувствовала себя я. Однажды вечером, когда я стелила себе постель, мой взгляд упал на опустевшее место Мохсена, который всегда спал рядом с Сейед-Али и Сейед-Мансуром. У меня невольно комок застрял в горле. Я присела и начала плакать. Отец очень старался успокоить меня. Сколько бы он ни произносил: «Я сегодня видел Мохсена, ему лучше, не беспокойся», я никак не мола успокоиться. Он даже пошёл в магазин купить мне что-нибудь поесть. Но всё было бесполезно. Не знаю, почему у меня было предчувствие, что в этот вечер мы Мохсена потеряем.

Я так много плакала, что стала всхлипывать. В конечном счёте, отцу пришлось в тот же вечер забрать меня в больницу. Но там мне не разрешили зайти к Мохсену. Тогда отец поручил меня старому охраннику, и зашёл туда

сам. Старик, который был очень добр ко мне, посадил меня рядом с собой. Он разговаривал со мной и пытался проявить ко мне сочувствие.

Скоро вернулся отец и сказал: «Мохсен сейчас себя чувствует хорошо. Мы с ним разговаривали».

Я поверила его словам и успокоилась.

Мохсен три-четыре дня находился в коме. Потом потихоньку пришёл в сознание. Но он потерял память и никого не узнавал. Через десять дней его выписали из больницы, но он уже не был прежним. Врачи говорили: «Нужно время, чтобы он полностью излечился».

Он словно стал полоумным. У него были нарушены рассудок и ощущения. Например, когда мы давали деньги, чтобы он купил хлеб, он уходил и через несколько часов возвращался домой с пустыми руками. Или совсем исчезал. А когда приходил, он тратил все деньги и не знал, за чем его отправляли. Тогда наш мальчик учился в первом классе, и он очень хорошо справлялся с учёбой. Но после этого несчастного случая, он стал получать слабые оценки. Он стал безразличен к занятиям. Отец очень старался заинтересовать его, но было бесполезно. Он и до второго класса вёл его, но потом всё бросил. При всех обстоятельствах его состояние оставалось точно таким же.

Несчастье, случившееся с Мохсеном, само по себе отложило наш переезд на другое место. Именно в этом доме родился Сейед-Хасан – шестой ребёнок Да и четвёртый сын в семье. В то время Папа и Мими совершили зиярат к мавзолею Имама Резы. Именно поэтому Да в больницу Хомбе¹ отвезли жена дяди Хосейни и её мать. Отец до сих пор не имел приличной работы, и наше материальное положение было очень тяжёлым. По этой причине тёща дяди оплачивала больничные расходы, что составляло пятьдесят туманов. Конечно, отец потом вернул ей деньги.

¹ Больница Хомбе: известно было также под другим названием – Мосаддег; находилось недалеко от площади «Фармандари».

Когда Да привезли домой, я стала за ней ухаживать, потому что больше некому было этим заниматься, и это было очень тяжелым занятием для меня, так как мне тогда было всего восемь лет.

В этой ситуации хозяин снова нас побеспокоил, и мы были вынуждены переехать на другое место. Новый дом, на самом деле, состоял из двух частей, которые соединялись друг с другом длинным узким коридором. Жильцам задней части приходилось проходить через передний двор, где жили хозяин и мы. В новом доме нам приходилось несладко. Наши прежние домовладельцы были хорошими людьми, а этот хозяин сильно нас мучил. Он был скверным человеком. Всё время, пока мы снимали там квартиру, он по утрам перекрывал водяной вентиль и уходил на работу. Первое время все думали, что воду отключали. Но когда он вечером возвращался, воду снова давали. Его жена, милое создание, не была такой. Она всё время ворчала на своего мужа: «Не по-божески это. У них ведь дети. Грех на себя берёшь». Но его это ничуть не беспокоило, и на это он отвечал: «Нет! У них большая семья. Они много воды тратят. На воду уходит много денег».

Соседи также возмущались, что мы все платим за воду. Мы ведь тоже даём деньги. Но он всё равно делал всё по-своему. Да сильно стенала по поводу поведения этого человека. А также из-за нашей безысходности и страданий.

Напротив, один из наших соседей был очень добрым и отзывчивым. Холостой парень. Мы его редко видели. Он всё время ездил по пустыне и привозил фрукты с каждого города, который посещал и делил между соседями. Отец всё время говорил: «Дай бог ему здоровья. Он очень скромный человек».

О его приезде мы догадывались по звуку его сетара¹. Мы, дети, очень его любили. Когда он играл на таре², мы все с радостью собирались за окном его комнаты и слушали.

¹ Сетар – трёхструнный музыкальный инструмент.

² Тар – музыкальный инструмент.

В нашем детском мире никакие трудности не мешали нам шалить. Жизнь у нас протекала своим чередом. Дни проходили, а мы всё резвились между собой.

Осенью того же года я пошла в первый класс. Не прошло и двух месяцев, как со мной случилось происшествие.

В тот день мы играли с детьми во дворе соседнего дома. Сосед привёз много древесины из порта и раскидал по двору. Мы по ним забирались и спускались. Вдруг во время игр брёвна свалились. Я упала, и большой гвоздь, торчавший из одного из брёвен, проткнул мне голень до конца. Чтобы его вытащить, один из детей тянул мою ногу, а другой – доску. С большим трудом, но гвоздь всё-таки вытащили. Нога моя была сильно поранена. Я не могла сдвинуться с места. Дети побежали рассказать об этом Да.

Я очень сильно испугалась. Все мои мысли были о том, как об этом рассказать Да. Но она ничего не сказала, когда пришла. Возможно она так сильно испугалась, что забыла отругать меня. Она только быстро взяла меня на руки и отнесла домой. Потом она подохла ткань, пепел от неё приложила к моей ране и перевязала её, чтобы остановить кровь.

После этого случая прошло несколько дней. Моя нога сильно опухла. Она оставалась в согнутом положении и не выпрямлялась. Я не могла ходить. Я волочилась по земле. Из-за сильной боли я никому не давала трогать мою ногу. Наконец, Да отнесла меня в клинику на собственных плечах. Там врачи сказали: «Её нога сильно заражена, если так оставить, то она станет калекой».

Тот день был самым худшим в моей жизни. Врач с медсестрой взяли меня на руки и заставили ходить. Было очень тяжело. Когда я ставила ногу на землю, становилось невероятно больно. Вот так я ходила и редела от боли, из ноги выходил гной с кровью. Через некоторое время меня уложили на койку. Я подумала, что уже всё закончилось. Но на этот раз врач пришёл ко мне с пинцетом. Он просовывал его в рану и вычищал им оставшийся гной. Закончив, он осмотрел мою ногу. Она выглядела как воздушный шарик, из которого выпустили воздух.

Наконец, Да сказали: «Вам надо приводить сюда вашего ребёнка каждый день менять перевязку».

Каждый день, когда Да собиралась отводить меня, я начинала кричать: «Не пойду. Меня там мучают». Но она, невзирая ни на что, бросала меня на плечо и приводила в клинику».

Пока мы шли туда, у меня при каждом движении болела нога. В общем, пока дойдём до клиники и вернёмся обратно, от меня уходили почти все силы. Из-за этого случая я не ходила в школу месяц. Директор нашей школы думал, что мои родители не пускают меня в школу учиться, так как в то время девочки не могли свободно ходить на занятия. По этой причине он отправил за мной человека. Утром Да отправилась в школу. Она рассказала о случившемся и добавила: «Она ещё плохо себя чувствует. Её нога так сильно болит, что она не может ходить в школу».

Там с этим не согласились и сказали, что она должна ходить.

На следующий день бедная мать на собственных плечах отнесла меня в школу. Увидев мою ногу, там сказали: «Теперь нет никаких вопросов. Но раз ты смогла ходить, то тебе обязательно придётся посещать занятия».

Только через полтора месяца я смогла самостоятельно встать. Я рукой держалась за стену и старалась ходить. Денег платить за машину у меня не было, и поэтому мне приходилось, прихрамывая, добираться до школы пешком.

Было очень тяжело. Но несмотря на это, мне очень хотелось учиться, и я всеми способами старалась восполнить своё отставание в учёбе. Конечно и ханум Форузанде – моя учительница – очень помогала мне. Её сочувствие и мои усилия привели к тому, что в месяце хордад я стала ученицей первого класса.

Как только закончился учебный год, мы переехали в другой дом и избавились от скверного хозяина квартиры. После этого мы ещё несколько раз меняли жильё. Через каждые несколько раз мы снова попадали из одной улицы квартала Шахабад в другую. Каждое место по-своему казалось

хорошим, а плохое мы не замечали. Нам надо было терпеть. В одном месте хозяин бывал добрым и хорошо относился к нам, в другом – скверным и мучил нас. Один нам всё разрешал и делал так, чтобы нам было удобно, а другой нам всегда причинял неудобства. К примеру, мы сидели возле дома на улице Мина, где был широкий, около трёхсот метров, двор. Комнаты были расположены по обе стороны двора. На одной стороне были комнаты хозяина и комната, которую мы снимали, а на другой – комнаты, которые снимали три семьи. У всех жильцов были дети.

Летом во всех семьях перед дверью своей комнаты расстилали ковёр и ужинали на нём. Интересно было то, что друг другу предлагали угощение, а другой семье передавали тарелку. Таким образом, какая бы еда в доме не готовилась, все соседи пробовали её. Между нами были очень чистые и искренние отношения. Каждый вечер после ужина хозяин приносил свой телевизор и ставил его посередине. И все смотрели его, собравшись вокруг.

Зимой все сидели в своих комнатах. Мы также пользовались комнатой, которая была одновременно и гостиной, и жилой, и спальней, и местом для уроков. Нашим единственным развлечением было радио, по которому мы слушали вечерние сказки: сказание о Рустаме и Сухрабе и другие эпические рассказы, которые нам очень нравились.

Да всё так же для дополнительного заработка чистила финики, и мы садились помогать ей. Даже Сейед-Али и Сейед-Мохсен с нами работали. Через несколько часов дети уставали и по одному уходили спать. Я и Да были последними, кто уходил спать.

Отец работал на рынке носильщиком, пока не устроился в мэрию дворником. По утрам в пять часов, совершив намаз, он уходил на работу. Иногда я и Сейед-Али, когда в семь часов отправлялись в школу, видели, как он подметает. Мы подбегали и целовали ему руки. Он гладил нас по голове и говорил: «Идите! А то опоздаете в школу».

Моя школа называлась «Салур», а Сейед-Али – «Двадцать пятое шахривара». Обе эти школы находились рядом на улице Халидже-Фарс¹.

Как раз в тот год отец купил мне чадру из чёрной штапельной ткани с крупными цветками барбариса и белыми листьями. Решено было его носить только в доме. Но я очень любила его носить, когда ненадолго выбиралась на улицу. Так я чувствовала, что уже выросла. Но отец говорил: «Ты не ведёшь себя аккуратно и можешь упасть в грязь и испачкаться с ног до головы».

Я ему не говорила: «Нет!», но тайком складывала чадру и передавала Сейед-Али. Он выходил из дома пораньше, потом я прощалась и уходила за ним. На улице я забирала чадру у Али и надевала на себя.

Когда мы доходили до школы, я уже по пояс бывала в грязи и пыли, так как в городе за исключением основных улиц все остальные были неасфальтированные и после дождя они повсюду становились грязными. Мне поэтому приходилось каждый день в бассейне во дворе школы мыть свои чадру, носки и обувь. Потом я ставила сушиться чадру на лестничные перила на втором этаже.

Некоторое время моей попутчицей была соседская девочка. Мы договорились ездить в школу на микроавтобусе. Такси стоило пять риалов, а микроавтобус – три риала. Поэтому один день я брала два риала, а соседская девочка – один, на следующий день она брала два риала, а я – один. Водитель с нас обоих детей брал как за одного пассажира. Таким вот образом, мы ездили в школу за три риала.

Большую часть тех лет в классе я была старостой. Мне это очень нравилось, и я хорошо выполняла свои обязанности. В то время в школе еду бесплатно давали; это были молоко и кекс или сэндвич и куриное яйцо, а иногда и фрукты. Иногда давали голландский сыр. Детям этот сыр не нравился, потому что в открытом виде он высыхал. Поэтому его называли камнем и бросали друг в друга. В те дни, когда давали сэндвич, я и наш учитель готовили их для класса. Мы их клали в специальную голубую или

¹ Персидский залив (перс.).

красную корзину, и я раздавала их классу. Руководство школы настаивало, чтобы ученики ели всё на месте. Но большинство детей забирали свой паёк домой. Я тоже, как и остальные, не любила одна есть. Так же поступали Али и Мохсен. Мы свой обед приносили домой и ели вместе с Да и остальными детьми. Мы даже для отца оставляли долю. Однако его глаза наполнялись слезами, и он говорил: «Сами ешьте. Не хочу. Я этого наелся у себя на работе – в мэрии». При этом мы знали, что отец вряд ли что-нибудь без нас ел.

Летом 1974 года один из сотрудников мэрии попросил отца переехать с нами в его дом. Господин Амини искал человека порядочного, чтобы в летнее время уехать в Тегеран, и дом поручить ему. И поскольку он был человеком добродетельным, то попросил своих друзей для этого дела познакомить с порядочным и семейным человеком.

Теперь к нам присоединились Саид и Зейнаб, и нас стало восемь детей. Отец нас воспитал так, чтобы мы никогда не беспокоили соседей и не шумели. Инженер Бехрузи тоже был очень нами доволен. Поэтому вместо трёх месяцев мы там остались на целый год.

Дом инженера Бехрузи был большим и красивым и находился на железнодорожной площади. Построен он был по типу виллы, и в его здании было две двери. Мы пользовались калиткой во дворе, выходящей на переулок, а семья Бехрузи выходила через основную дверь на улицу Дастгахе-Шахрдари, 13.

В этом районе жили работники морского флота и сотрудники городской администрации. Дома так располагались друг к другу, что между ними образовывался тупик, который использовался как паркинг. Дворовые калитки домов выходили на этот же переулок. Внутри дворов располагались прямоугольной формы сады, в которых было полно деревьев. Узкие проходы, уложенные камнями, делили сад. Помимо этого там был большой бассейн с голубыми стенами. В конце двора за деревьями находился курятник, в котором ханум Бехрузи держала своих кур и цыплят, а рядом была построена конура для собаки.

В другом углу были две комнаты, разделённые узким проходом. Комнату слева ханум Бехрузи использовала как кладовую, куда она убирала ненужные вещи. Комнату справа, что побольше, они отдали нам. В конце прохода было возвышение, под который мы ставили газовый баллон, а на него клали плиту с тремя конфорками. Отец соорудил деревянную полку и прибил её к стене, чтобы ставить на неё кухонную утварь. В комнате был маленький комод для одежды и подкроватный буфет¹. На пол мы кидали палас, а вокруг ставили *мохаддах*². И наконец, как всегда, мы на стену крепили рамку с фотографиями алимов, среди которых были фотографии аятоллы Боруджерди, аятоллы Хакима и др., к которым отец относился с особым почтением. В комнате находились самые священные предметы, один из которых был Коран, а другой – эти самые фотографии на стене, к которым отец учил нас относиться с уважением.

Много лет мы чувствовали себя в этом доме комфортно и спокойно. И больше не было придирчивых хозяев и многочисленных соседей. Инженер и его жена были хорошими людьми и не влезали в наши дела.

Нам казалось, будто это наш дом.

Нам, детям, тоже было здесь очень комфортно. Больше всего в этом доме я любила двор.

Дети дяди Хосейни тоже любили приходить к нам. Им также было интересно в этом доме. Но дядя Хосейни очень заботился о нашем положении и не позволял своим детям подолгу задерживаться у нас, хотя отец настаивал, чтобы они у нас оставались.

Это было то время, когда мы все собирались вместе, а в углу двора расстилали коврик для игр. Большую часть своей жизни мы проводили в играх. Потом мы садились на качели, которые отец привязывал к деревьям.

Среди деревьев во дворе было держи-дерево, к которому жена инженера относилась по-особенному. Как-то раз она нам рассказала, что

¹ В то время в большинстве домов был деревянный буфет, в который убирали фарфоровую посуду, а на него стелили постель. Обычно его называли подкроватным буфетом.

² Мохаддах – большая подушка, которой пользовались в качестве опоры на стену.

однажды в полночь она проснулась и увидела в дереве свет. Ханум Бехрузи, будучи образованной женщиной, при этом говорила: «Наверняка в этом дереве живёт некий хороший человек». Искренне веря в это, она провела узкую борозду вокруг дерева и каждый вечер в пятницу заливала её водой, а также зажигала свечи по всему кругу. Эти её труды по вечерам создавали красивый вид. Каждый раз перед поездкой она давала мне несколько связок свечей, чтобы я вместо неё зажигал их вокруг держи-дерева.

В месяц рамазан, когда мы были в доме инженера, я в первый раз полностью соблюдала пост. В прежние годы, проголодавшись, я тайком что-нибудь ела и нарушала свой пост.

В тот год ханум Бехрузи сказала Да: «Давайте пост отпустим у меня». Хотя она принесла к нам в комнату угощение, всё же она настойчиво позвала нас к себе, чтобы лично угостить у себя дома. Тем не менее, отец сказал: «Сперва съешь финики или выпей воду у нас, а потом мы тебя отпустим».

Ханум Бехрузи всегда в время азана, призывавшего к ночной молитве, говорила: «Молись за меня и моих детей. Твои молитвы всегда принимаются». Все дети ханум Бехрузи, кроме Шахрама, уже отучились и работали на серьёзных местах.

Шахрам страдал монголизмом¹. Несмотря на свои семнадцать-восемнадцать лет, он всё ещё был как ребёнок. Когда я увидел его в первый раз, то удивилась, почему он был таким. Но он был спокойным и добрым парнем. Каждому, кто заходил к ним домой, он сразу же приносил что-нибудь поесть и настойчиво угощал. Если же кто-то отказывался, то он переживал и жаловался матери.

Ханум Бехрузи была пожилым человеком и везде обходилась одна. Она не успевала за всеми своими домашними делами. Поэтому я старалась помогать ей. Но по праздникам, когда в свой родительский дом приезжали её дети, её голова была занята ими, и она больше не чувствовала себя одинокой. Однажды Париюш, дочь ханум Бехрузи, жившая в Абадане, была очень

¹ Монголизм – синдром Дауна.

довольна, увидев, как я помогаю её матери. Она подошла ко мне, поцеловала и сказала: «Молодец! Я очень благодарна за то, что ты присматриваешь за моей матерью». Потом она дала мне монету в двадцать туманов на праздник. Я была ей очень признательна, поскольку двадцать туманов в то время были большие деньги.

Вне всякого сомнения, весь тот год, который мы прожили в этом доме, мы провели весело и беззаботно. Но наши спокойствие и радость длились не так долго. Через год инженер Бехрузи переехал в Тегеран, и мы снова вернулись в Шахабад¹. В этот раз отец снял комнату в доме на улице Мина возле Джаннатабада². Хозяин этого дома внешне хоть и выглядел хорошим человеком, но был противоречивым человеком и любил выпить. Отец очень порицал его за это дело, но было бесполезно. В конце концов, мы из-за этого долго там не оставались и очень скоро переехали в другой дом.

К сожалению, новый хозяин не сильно отличался от прежнего. Он без разрешения брал строительные материалы из дома, что строили неподалёку, и приносил к себе в дом. Когда отец об этом узнал, то стал возмущаться: «Зачем ты это делаешь? Это ведь неправильно, хозяин этого здания будет недоволен».

Возражения отца действия не возымели, напротив, он разозлился на нас. Один день, когда отца не было дома, он взял кирку и поднялся на площадку на крыше, после чего обвалил кусок перекрытия от нашей комнаты на наши вещи. Вполне возможно, если бы там не оказалось соседей, он бы обрушил весь дом нам на голову. Выражая уважительное отношение к сейидам, они при этом были очень недовольны хозяином дома. Вечером все пришли к отцу и посоветовали пожаловаться на него. Отец не соглашался. Но после долгих уговоров отец всё-таки последовал их совету.

¹ Несколько лет назад (около 1999 г.) Да, выйдя из автобуса одной компании, увидела в Тегеране ханум Бехрузи. Она с ней поздоровалась и спросила о господине инженере. Ханум Бехрузи ответила, что её муж умер за несколько лет до этого. Как сказала Да, ханум Бехрузи очень сильно состарилась и была сломлена жизнью. Разумеется, поскольку она только выходила из автобуса, то не смогла спросить её адрес.

² Джаннатабад – старое название кладбища в Хорремшахре. Сейчас оно называется Гользаре-Шохада (Цветник мучеников – перс.).

На следующий день пришли полицейские и забрали хозяина. Но отец всё же не выдержал. Не прошло и двух дней, как он отозвал свою жалобу, и того отпустили.

Али, видя все эти трудности, с самого детства начал работать. После полудня в жаркое лето и холодную зиму, желая помочь семье деньгами, он продавал пассажирам и водителям грузовых машин жевательные резинки и кукурузу на бензозаправке под названием «Дизель-абад» в начале шоссе Хорремшахр-Ахваз. Одно время я начала доставать его: «Али, давай я тоже пойду. Я хочу увидеть, как ты продаёшь». Ему эта идея явно не нравилась. Он отвечал: «Девочкам там делать нечего. Там проезжают все водители и хозяева гаражей». Я настаивала: «Умоляю. Давай я с тобой пойду, я просто хочу посмотреть, как ты продаёшь жвачки». Наконец, под моим напором он сдался. Несколько раз сходяв с Али и увидев, как он и другие ребята ведут торговлю, я тоже захотела что-нибудь продавать. Я столько говорила об этом Да, что та согласилась и отправила меня с Али. Отец, как узнал об этом, очень разозлился. Он стал ругать Да: «Зачем ты детей отправляешь работать?» Отец с самого начала был против того, чтобы Али работал; что уж говорить о том, когда он увидел, что и я торгую. Из-за тяжёлых условий жизни в семье Да была доведена до отчаяния и незаметно для отца отправляла нас. Я с радостью и благодарностью отправлялась в дорогу с кастрюлей, в которой готовила *ляб-ляб*¹. Али не любил, когда я туда приходила, но из-за Да ничего не говорил. С самого утра я, Али и около двадцати больших и маленьких детей садились в ряд вдоль шоссе. Мы ставили наши кастрюли перед собой и ждали покупателей. Всевышний всем помогал в поиске заработка. Все продавали, но я и Али раньше остальных продавали свой *ляб-ляб*, потому что Да натирала кастрюлю до блеска. *Ляб-ляб* она также готовила соблазнительно. Водители, когда подходили, просили нас открывать свои кастрюли. Они по порядку их у нас рассматривали.

¹ Одно из южных блюд, похожее на хорошо проваренные чечевицу, турецкие бобы или горох с добавлением соли и перца.

Потом подходили и покупали у нас. Али старался, чтобы сперва я продала и могла раньше уйти домой. Когда кто-то из водителей хотел покупать у меня, Али подходил к нему и говорил, что мы с ним вместе. Он всё время стоял рядом и присматривал за мной.

Хотя мы нуждались в деньгах, заработанных таким образом, всё же Али иногда не позволял ни мне, ни себе что-либо продавать там. Когда он видел кого-нибудь из детей, кто был беднее него и жил хуже, то отправлял того вперёд и говорил: «Иди к той машине и предложи им жвачку и шоколад». Сам он стоял и наблюдал со стороны. Я очень любила за это Али. Несмотря на то, что он в то время учился во втором или третьем классе начальной школы, я беспрекословно выполняла его поручения. Я знала, что он всё правильно делает.

Дядя Хосейни, видя старания Али и условия нашей жизни, попросил у Да и отца разрешения забрать Али с собой. Дядя хотел, чтобы его способности и таланты не были загублены из-за тяжёлых условий жизни в нашем доме, чтобы он учился и развивался. В конце концов, он забрал Али к себе. Не прошло и пары дней, как тот вернулся домой. Он прошёлся по дому и спросил меня: «Что вы ели на обед?» Я ответила: «Ничего». – «Почему?» – «Не было ничего, что бы Да могла приготовить». Он сильно расстроился и был в плохом настроении. Когда отец пришёл домой, он сказал, что больше не пойдёт в дом дяди. Отец, который, кажется, с самого начала был недоволен уходом Али и согласился на это только на особых условиях, мягко спросил его о причинах этого. Али ничего не ответил. Да уговаривала его не упускать такую возможность. Потом пришёл дядя и долго с ним говорил, но не смог уговорить Али вернуться к нему. Через несколько дней я спросила Али: «Почему ты так поступил?» Он посмотрел на меня и сказал: «Я хочу жить в нашем доме. Чтобы мы ели вместе то, что у нас есть. Чтобы жить так же, как живут все остальные в доме».

Таким своим поступком Али отказался от многого. Дядя хотел устроить его в Национальную школу, которая считалась одной из лучших.

Эти несколько дней он его со своими детьми отвозил в школу и привозил обратно. Благоприятные условия жизни в доме дяди любому ребёнку в том возрасте должны были показаться привлекательными и важными. Как минимум, его мог к себе привязать телевизор в доме дяди в условиях, когда во всём нашем квартале был только один телевизор. Но Али вернулся и снова приступил к тому, чем он раньше занимался. Из-за сочувствия к Али я теперь его по-другому любила. Мы максимально долго проводили время вместе. Когда в школе были выходные, и все дети выбегали с криками на улицу, он раньше всех выбегал из своей школы и ждал меня у дверей моей, чтобы я не проходила сквозь шум и гам, которые творились перед его школой. По дороге домой мы доставали свою еду и показывали друг другу. Иногда, когда мы хотели её съесть, мы передумывали и говорили: «Возьмём лучше домой». По дороге мы рассказывали о своих желаниях. Мы всегда хотели построить дом и избавиться от всяких хозяев.

В одном из домов хозяин постоянно избивал свою жену. С ночи до утра он устраивал попойки с друзьями, которые были хуже него. Всё то время, что мы там были, отец и Али не спали до утра и сверху присматривали за нами. Такой стресс и страх порождали в нас мысли о том, что необходимо искать отдельный дом для нас. По ночам, когда спали на крыше, мы с Лейлой и Мохсеном показывали на звёзды и говорили: «Это моя звезда. Она ярче». Али говорил: «Если бы сердца всех людей сверкали как эти звёзды, они все были бы как одно целое и думали одинаково. Если бы богатые люди думали о бедных и свои деньги раздали бы им, и тогда никто не остался бы бедным».

Слова Али заставляли нас задуматься. Мы говорили: «Ну хорошо, пойдём мы к какому-нибудь богачу и скажем, чтобы он поделился деньгами. Он ответит: Нет, не получится». Они именно потому стали богатыми, что любят деньги и не готовы тратить их на других». Потом мы говорили: «Ну что мы должны сделать для того, чтобы они поняли, что бедные тоже хотят иметь деньги». Мы долго об этом говорили и потихоньку засыпали.

Однажды мои туфли сильно порвались. У меня не было другой обуви, чтобы пойти в школу. Али сказал: «Не беспокойся. Мы вместе будем носить мои туфли». В тот год мы учились в разную смену. Али ходил в школу утром, а я после обеда. Как только у него заканчивались занятия, он в одно дыхание прибежал домой. Он снимал свои кеды и давал их мне, уже стоявшей наготове. Туфли, которые сидели на нём плотно, были для меня просторными и болтались. Когда я ходила в них, они у меня скользили вперёд, и мой палец выглядывал через дырку впереди туфлей. Каждый раз, когда я проходила через квартал Фаршид или улицу Камбизи, которые были известны под этим названием из-за своих избалованных богатых детей, то я прилагала все усилия, стараясь ходить так, чтобы палец не выступал наружу. Я боялась подшучиваний богатеньких детей того района, которые только искали повода, чтобы над кем-нибудь поиздеваться. Пока я пройду тот квартал, моя нога сильно болела. Когда я сказала Али, что его кеды большие для меня, он затолкал туда немного ваты. Но это никак не помогло. В жарком южном климате мои ноги потели, вата комкалась, и мой палец опять выступал наружу; и снова начинались мои мучения. Так мы протянули некоторое время, пока Али на заработанные им деньги не купил себе туфли и отцу тоже пришли деньги, после чего я была спасена.

В конце 1976 года мэрия приступила к строительству домов для своих сотрудников в районе старинного городского кладбища, которое называли «Старым кладбищем»; в этом проекте участвовал и отец. На него были возложены такие обязанности как охрана, доставка строительных материалов и контроль за рабочими.

После долгой бродячей и бездомной жизни мы не могли поверить в эту новость. Мысль о том, что через несколько месяцев мы сами станем хозяевами, радовала нас. Однако те мучения и издевательства, которые отец терпел от хозяев, настолько довели его, что он больше уже не мог терпеть. Как только закончили перекрытие первого этажа, он забрал нас в один из этих домов. Это не было домом в полном смысле этого слова: четыре стены

без дверей и внешнего вида. Даже окна отец закрыл нейлоном. Но, несмотря ни на что, это было лучше, чем все проблемы со съёмным жильём и соседство с непорядочными хозяевами.

Старое кладбище потихоньку превращалось в маленький городок. В течение всего года, что мы там жили, мы часто видели, как рабочие, каждый раз, расчищая площадку для строительства, выкапывали из-под земли кости и скелеты людей. Единственная могила, которую уберегли от разрушения, принадлежала двенадцатилетней девочке из рода сейидов по имени Хашемийе, поскольку люди верили в её чудодейственную силу. К ней обращались, когда что-то хотели себе пожелать. Каждый раз, когда погрузчик городской администрации подходил к этой могиле, у него начинались проблемы, и он переставал работать. В конце концов, решили его оставить в таком же виде и построить надгробие, чтобы люди могли туда приносить свои жертвования. У одной из семей была также выкуплена родовая усыпальница, принадлежавшая одной из арабских общин Хорремшахра. Потом это место превратили в мечеть. Люди рассказывали, что во время Второй мировой войны здесь был запретный город. Когда английские войска вошли в Хорремшахр, люди здесь рыли окопы, а потом там же хоронили убитых, в результате чего здесь образовалось кладбище. Раньше я даже слышала, как двое ребят нашли гранату в этом самом старом кладбище. Они нашли её, когда искали здесь медь, чтобы потом продавать её. Однако граната взорвалась, о оба они погибли.

Отец, несмотря на то, что много работал и иногда валился с ног от усталости, каждый раз, когда рабочие находили скелет, забирал его и перезахоранивал в земле, заранее отведённой для зелёной зоны. Он говорил: «Это грех. Нельзя, чтобы кости были разбросаны повсюду».

Иногда и мы, играя там, натыкались на кости и звали отца. Он делал яму и говорил нам: «Аккуратно возьмите и принесите их». Когда мы, невзирая на его советы, несли их небрежно, он нервничал и говорил: «Не несите как бревно. К человеческим останкам, сколько бы лет они не

пролежали, надо относиться уважительно». Мы же поминали имя Всевышнего и возносили его. Целые скелеты мы поднимали с помощью картона шириной в несколько человек. Наконец, некоторые из них, оставаясь нетронутыми, превращались в порошок, или иногда от скелета целыми оставались либо череп, либо нога. Видя всё это, мы уже не боялись трупов и скелетов.

Всех привлекало в отце то усердие и внимательность, которые он проявлял в своей работе. Он переделал на свой вкус тетрадку, чтобы выдавать водителям расписки. Но поскольку он умел читать только Коран и не мог писать, то листы его тетрадки расписывали мы. Мы не заполняли только место для номера машины и даты выдачи. Когда он принимал от водителей стройматериалы, то заполнял два листочка, ставил печать и принимал подпись. Один он отдавал водителю, а другой хранил у себя. Водители так любили отца, что привозили ему из своих городов подарок. Даже когда отца не было на работе, они приходили домой, чтобы увидеть его.

Каждый раз, когда отец уходил на другую работу, он оставлял вместо себя Али. Отец, зная особую дисциплинированность Али, спокойно поручал ему свою работу, и был уверен, что тот справится с тем, что хотел бы сделать сам отец. Становясь старше, он выполнял всё более сложную работу. Находясь рядом с отцом, он постепенно научился разбираться в строительстве, прокладке труб и сварке. Когда у него из-за сварки наполнились кровью глаза, и он приходил домой, то от боли не мог спать до утра. После того, как ему исполнилось восемнадцать лет, он стал мастером по строительной сварке и расшиванию швов. В то время дома и здания в большинстве своём были одноэтажными, и таких высоких домов нигде не было. Сварку при строительстве двухэтажной больницы «Мехр» и трёхэтажной аптеки «Бехбеханийан» в районе рынка «Сафа» выполнял Али. Очень часто, когда я и Да ходили на рынок, мы видели Али работающим на строительных лесах зданий. Али имел привычку всегда во время работы

вытирать лоб платком. Яркий свет и жар от сварки всегда вредили его глазам. К вечеру они становились красными и опухшими, и из-за этого он ныл от боли. Он разрезал на куски картофель и клал его на глаза, чтобы снять с них воспаление. Но утром он снова уходил и продолжал работать. Не только Али, но и Мохсен много трудился. До того, как упасть с крыши, он был способным учеником. После того происшествия он говорил, что его не тянет к знаниям. Но отец заставлял его продолжать учёбу. Когда во втором классе он за несколько уроков повторил весь курс, то оставил школу и начал работать. Мохсен, как и Али, успешно выполнял свою работу. Первый интересовался строительством, а второй – сварочными работами. Оба они, каким бы делом ни занялись, проявляли необычайное усердие и интерес, становясь профессиональными мастерами.

Али работал до изнеможения, но деньги отдавал отцу или матери. Я несколько раз видела, как Али отдавал деньги отцу, и тот плакал. Он целовал и говорил ему: «Сынок, потрать эти деньги на себя. Я знаю, ты трудишься для того, чтобы снять груз с наших плеч. Мы тебе очень благодарны. Но потрать их сам». Али не соглашался принимать деньги и говорил: «Нет. Я не для себя работал. Я хочу, чтобы эти деньги остались для дома». Али помимо работы ходил на занятия по каратэ и боевым искусствам. У него был чёрный пояс. Дома иногда он показывал нам приёмы и говорил, что нам тоже надо научиться. Он постоянно занимался каллиграфией и без учителя стал искусным мастером письма. Он также ходил плавать на реку Хорремшахра, куда ходили большинство ребят города. Тем не менее, Али профессионально занимался плаванием в бассейне молодёжной организации «Красного Полумесяца», известной как «Лев и Солнце».

Али всегда занимался либо чтением Корана и других религиозных текстов, либо спортом и каллиграфией и... агитационными листовками. Да не могла нарадоваться и говорила, что он во всём талантлив.

Наконец, через год дома для сотрудников мэрии были достроены, и мы переехали в дом, который нам достался по паю и находился в конце городка.

За нашим домом был обширный солончак, находившийся ниже уровня наших домов. Каждый раз после дождя он превращался в искусственное озеро. Дома были построены в английском стиле. Между их дворами не было стен. Только металлические ограды, которые обычно прятались за зарослями самшита, отделяли дома друг от друга. Многие болезненно относились к тому, что их жёны и дети были на виду. Отец был одним из них. В первые же дни он привёл одного из своих друзей-строителей, чтобы вместе с Мохсеном и Али поднять забор. Они обложили двор мозаикой и сделали балкон.

Али занимался расшиванием швов на стенах, а Мохсен с отцом занимались сварочными работами при строительстве дома. Мы с Лейлой тоже помогали им. Я готовила раствор и заливала его в таз. Лейла забирала его и передавала отцу. Потом мы менялись местами, чтобы не устать. В десять утра Да зажигала во дворе примус. Она разбивала куриные яйца в посуду и перемешивала их. Взбив до пены, она опустошала их в сковороду, где уже было залито животное масло. После того, как яичница будет готова, она клала её рядом с отдельно прожаренной алычой. Было очень заманчиво после утомительного рабочего дня есть эту яичницу-болтуню с луком посреди двора и выпивать один за другим горячий чай.

Наконец, совместными усилиями дом был достроен. После всего этого, когда мы постоянно меняли жильё и терпели нравы хозяев, у нас наконец-то появился свой собственный дом. Дом, в котором только теперь мы стали ощущать спокойствие и безопасность. То, что годами мы могли лишь минимально испытать.

Именно в тот год до нас потихоньку стали отовсюду доноситься слухи о революции. Али очень быстро включился в революционную деятельность. Потихоньку он бросил свои занятия. Отец, который всегда ревностно следил за тем, чтобы Али и Мохсен учились, прежде, занимаясь политической деятельностью, не только не возражал против позиций Али, но и сам был с ним заодно. Вечерами они сидели и тихо обсуждали ход революции. Я очень старалась разобраться, о чём они говорят, но ничего не понимала. К концу

ночи они выходили, чтобы распространять воззвания и записи с речами Имама и других лидеров, которые приносил Али. В ходе этих событий последний действительно идейно рос. Казалось, что эти идеи запечатлевались на его глазах. Под его влиянием и мы росли, увлекаясь книгами, которые он читал. Отец целиком был занят нами. Однажды Али принёс постер с Че Геварой. В то время этот человек был кумиром всех борцов за свободу, которые агитировали за борьбу против империализма. Когда отец пришёл домой и увидел фотографию Че Гевары на стене, то забеспокоился. Через несколько дней он снял со стены постер и положил его в комод Али. Али, понимая, зачем отец это сделал, ничего тоже не сказал. Отец ведь был очень тонким и проницательным человеком. Даже при всей той любви, что проявлял к имамам, он категорически не признавал постеры с их изображением и всегда был против, чтобы ставить их на двери и стены дома. Он говорил, что их придумали заблудшие иудеи, чтобы заложить в нашей вере сомнения.

Когда революционные процессы, становясь всё очевиднее, стали перерастать в уличные протесты, Али купил фотоаппарат и маленький магнитофон. На демонстрациях он записывал голос народа и фотографировал. Отец, повсюду следуя за Али, брал также с собой и Мохсена. Он и его друзья решили разносить людям воду. Они покупали большие куски льда, клали их в бочку и развозили среди людей. Отец не разрешил мне и Лейле участвовать в демонстрациях. Говорил, что мы девочки, и боится, что мы можем попасть в руки САВАКовцев.

Я уже два года не ходила в школу. Хотя я хорошо училась, но из-за того, что в школе девочки и мальчики учились вместе, по требованию отца мне со всеми слезами и переживаниями пришлось оставить учёбу. В годы учёбы у нас была учительница по имени ханум Наджар. Она носила хиджаб. В условиях тех лет, в какую бы школу она не пошла, спустя некоторое время её увольняли из-за религиозности. Сестра ханум Наджар училась со мной, и она приносила мне из дома разные книги. Среди них была серия книг под

названием «Молодёжь, почему?»), которые мне очень нравились, и автором которых, по-моему, был Ахмед Бехешти. Видя, как я интересуюсь, они давали мне другие книги. Чтение этих книг расширило мой кругозор. С одной стороны, видя, чем занимаются Али и отец, я всё больше хотела участвовать в демонстрациях. Лейла тоже не меньше меня хотела. Частенько мы сами тайком пробирались на места скопления людей, будь то в конце демонстраций, будь то в их самой середине. Мы оставались там до тех пор, пока нам нравилось, при этом оставались там столько, сколько, по нашему убеждению, было достаточно, чтобы за это время отец не успел вернуться домой. Всё это время, понимая, что мы совершаем проступок, моё сердце билось от страха, и мы торопились поскорее вернуться домой.

Это были удивительные дни. Казалось, что весь народ вышел на улицы. Солдаты режима пригоняли танки на большинство улиц, особенно Чехель-Метри, Фердоуси, вокруг Центральной мечети и в районе скотобойни, где они знали, будет скопление людей. Таким способом они хотели разделить толпы народа. Во главе этих шествий находились городская молодёжь и отдельные представители духовенства, такие как Хаджи-Ага Мохаммади и Нури, которые активно руководили процессом. Периодически они нападали на магазины с алкогольной продукцией, располагавшиеся в основном на берегу реки, и поджигали их. Они сбросили с постамента статую шаха на губернской площади. САВАК задержал многих из этих молодых людей. Мы всё время ожидали, что и Али попадёт в их руки. Он сам говорил, что надо быть ловким и хитрым, чтобы здоровым вернуться домой.

Я также видела шествия с участием женщин, которые митинговали в коранической школе. Благодаря этому, я участвовала в занятиях по тафсиру, которые проводились в школе Хаштруди. С каждым разом я всё больше заводила знакомства в школе. Руководила всем там женщина по имени Хадидже Абеди. Мужа ханум Абеди, Мехди Альбугбайша, я знала из-за его революционной деятельности. Он составлял программы и руководил большинством шествий в другой группе протестующих. Среди других

программ школы было проведение мероприятий с молитвами «Кумейль» и «Нудба». Программы с лекциями преподавателей, которых приглашали из Кума, пользовались большим спросом.

Однажды во время одной из людных демонстраций мы узнали, что Папа, возвращаясь из мечети, упал на землю, и его состояние было тяжёлым. В растерянности мы пошли навестить его. Он рассказывал, что, когда возвращался после намаза, наткнулся на демонстрацию. Городские полицейские стали стрелять в людей и пускать слезоточивый газ. В результате одна из слезоточивых пуль упала к ногам Папы, а он, оказавшись посреди толпы, бежавшей от преследовавших всех солдат, упал на землю под ноги бежавших демонстрантов и получил сильное удушье. В конце концов, ему помогли находившиеся рядом люди, которые вывели его из места, где продолжались задержания. Всевышний оказался очень милостив к Папе.

Наконец, старания народа дали свои плоды. Однажды вечером, возвращаясь с демонстрации, я стояла на улице у развилки, связывавшей площадь Дарвазе с площадью Ордибехешт, возле газетной лавки и посмотрела на заголовки газет. Большой заголовок газеты гласил:

«ЗАВТРА ПРИБУДЕТ ИМАМ»

В один момент всё моё существо наполнилось радостью и восторгом. Я убедилась, что победа неизбежна. Именно в эти дни, когда уже повсюду трубили о прибытии Имама, отец купил нам телевизор. Мы этому очень удивились. Он питал особую страсть к записям речей покойного Кафи, Корана Абдоль-Басета; он сам слушал их записи и нам давал послушать. Когда мы просили купить телевизор, он ставил кассету с покойным Кафи в магнитофон, откуда слышались слова: «О те, у кого дома есть телевизор, будьте бдительны. Ибо они этими передачами, которые показывают по телевизору, распространяют безнравственность».

В исторический момент прибытия Имама в Иран отец посреди гостиной комнаты поставил телевизор, вокруг которого все собрались. Когда мы увидели Имама, который прибыл в аэропорт, невзирая на

противодействие оставшихся приспешников пехлевийского режима, то все благодарили Всевышнего и от радости становились на землю и прыгали вверх и вниз. В этот момент мой взгляд упал на отца, и я заметила, как у него по всему лицу текли слёзы. Понятно было, что он тоже очень радовался. Когда я увидела слёзы отца, я вспомнила те дни, когда он меня отправлял на начало улицы, чтобы сообщить ему, есть ли там люди, которым он сам сообщал адрес. Всё его поручение сводилось к тому, что я шла туда и возвращалась. Каждый раз, когда я спрашивала: «Кто эти люди?», он отвечал: «Ничего не спрашивай». Потом я поняла, что отца проверяли люди из полицейского управления или из САВАК.

Теперь для него закончились времена постоянных перемещений и лишений. Отец больше не был политическим диссидентом. За мной больше не следил кошмар от САВАКа, равно как и кошмар от «Истихбарат». Очень часто я задумывалась о том, что же он сделал такого, что за ним так надо следить. Я очень внимательно присматривалась к его работе, чтобы хоть что-нибудь понять. Но он был замкнутым и скрытным человеком. Он даже от членов своей семьи сильно отличался. В этих тяжёлых условиях, когда родственники Да или его родственники приезжали работать в Хорремшахр и останавливались у нас дома, он принимал их с открытой и щедрой душой. Но я чувствовала, что никто отца не понимает, он чувствовал себя чужим среди своей родни. Наоборот, при всей засекреченности его работы я знала, что у него были скрытые связи с целой группой лиц. Очень часто, когда он сталкивался с кем-нибудь на улице или на рынке, то холодно здоровался и уходил. Из взглядов и встреч с некоторыми из них я понимала, что они друг друга хорошо знают, но здороваются очень обыденно.

После победы революции Али в доме больше не появлялся. Он занимался организацией регистрации и отправлялся помогать крестьянам и содействовать заселению сёл в обездоленных районах. Очень часто по ночам выходил патрулировать в свою очередь для охраны порядка и не приходил домой. Не прошло ещё нескольких месяцев после победы революции, как в

городе начали распространяться разные слухи. Рассказывали, что некоторые предводители арабских общин требовали независимости. Это были именно те люди, которые до революции сотрудничали с САВАК и теперь снова плели заговор. Своими оружием и боеприпасами, которые получали из Ирака, они где-нибудь устраивали взрыв, чтобы запугать и людей и заставить народ разочароваться в революции, пролив кровь невинных людей. Нападениям подверглись Центральная мечеть, рынок «Сайф», спортивный стадион и многие другие места, считавшиеся чувствительными из-за большого скопления народа. Однажды в Центральной мечети велась проповедь, где собралось много людей для участия в мероприятии. Посреди людей бросили гранату, из-за которой погибли и были ранены несколько человек. Под покровительством этой группировки ещё сильнее активизировалась их деятельность. Они наводили справки об активистах и революционерах города и забрасывали их дома бомбами и гранатами. Им удалось создать ту тревожную обстановку в городе, которую им хотелось создать, но главной их целью было отделить Хузестан от Ирана и присоединить его к Ираку. В подготовленных ими картах Хорремшахр назывался Мухаммерой, Ахваз – Насирией, а Абадан – `Ибаданом. Что касается революционных сил, то те готовы были предотвратить эти процессы, не имея при этом достаточно оружия и боеприпасов. Али говорил нам, что мы можем собрать простыней и бензина. Я, Лейла, отец и Мохсен собирали у соседей и родственников все чистые простыни, лекарства и мыло и отправляли их Али и его друзьям. Наконец, между силами обеих сторон произошло прямое противостояние, пик которого длился три дня. Три дня, которые для всех оказались тяжёлыми. Силы «Хальке-Араб», требуя расследования, окружили военно-культурный клуб, который был центром революционных сил и молодых активистов, и после вооружённой схватки взяли в заложники несколько человек. Порядок был наведён, когда из Тегерана и Хорремабада в город вошли военные силы и заняли иракскую школу и здание на набережной улице возле городского управления

здравоохранения, подавив самый первый и важный центр мятежа. Оттуда были извлечены все документы, по которым всем становились понятны сущность и связи этой группировки. Многие, кто был с ними в заговоре, были задержаны, а остальные бежали в Ирак.

На первый взгляд, после этих действий волнения среди арабов¹ были подавлены, но они не исчезли совсем, и их движущие силы пока не собирались сдаваться. По ночам они нападали на людей, а в домах наиболее активных ребят делали угрожающие заявления. Чиновники города, такие как Джахан-Ара, для того, чтобы справиться с этой проблемой, сказали ребятам, чтобы они меньше появлялись в городе, а если смогут, то пусть на какое-то время уедут из Хорремшахра. Среди тех, кому надо уехать, был и Али. Единственным местом, где у нас были родственники, оказался Илам. Место, где он прожил в тюрьме три-четыре месяца, когда ему было девять лет. Уехав туда, он продолжил свою деятельность. Он регулярно отправлял нам письма и писал, что люди здесь живут в очень тяжёлых условиях. Даже питьевую воду себе они брали из реки. У них не было ни одной аптеки или клиники, чтобы они в случае несчастья могли кому-либо помочь. Он просил, чтобы мы отправляли лекарства туда для помощи людям. Мы тоже всё, что он просил, покупали в аптеке, и отправляли ему. Таким образом, Али занимался в некотором роде джихадом в сёлах Илама. Он даже в земледелии и скотоводстве оказывал сельчанам помощь.

¹ Волнения «Хальке-Араб»: через три дня после образования исламского революционного комитета седьмого марта 1979 года о существовании своей организации под названием «Фронт воинов-арабов» с арабско-национальным радикальным уклоном в бывшем здании американского консульства в Хорремшахре заявили представители арабоязычных групп.

Эта организация пыталась поднять националистический дух и превратиться в национально-политическое движение. Эта группа отговаривала арабоязычных жителей Хорремшахра от вступления в революционный комитет и другие государственные структуры и не принимала в свои ряды неарабов. Все, кто имели дело с этой организацией, обязаны были надевать местную одежду и т.п.

Основной движущей силой этой организации были те, кто возглавлял заговор за отделение Хузестана и участвовал в акциях сепаратистов.

Покровительство шейха Мохаммадтахира Але Шабира – пожилого и далёкого от политика священнослужителя из Хорремшахра – только усиливало незаконные требования этой группы. Эта организация создала культурное общество «Хальке-Араб», чтобы привлечь в свои ряды представителей интеллигенции, которые изначально были из числа бывших сторонников «Фронта освобождения» и промарксистской интеллигенции.

Зимой 1980 года в Хорремшахре и соседних округах произошло сильное наводнение. Очень много сёл оказалось под водой, и многим сёлам был нанесён значительный ущерб. Чтобы помочь пострадавшим от наводнения, Али вернулся в Хорремшахр. Ребята из Гвардии¹ и «Строительного джихада» давали пострадавшим жильё и обеспечивали питание. Из-под обломков они извлекали оставшиеся вещи людей, а в конце участвовали в восстановлении сёл. Через некоторое время, когда Али пришёл домой, он вытащил несколько больших пакетов с одеждой. Он говорил: «Ребята из Агаджари здесь чужие. Они очень помогали нам по работе. Я это принёс на стирку, чтобы хоть что-нибудь для них сделать».

Я знала, что из Агаджари приехала группа молодых ребят для прохождения учебного курса. Они хотели после этого создать у себя в городе свою Гвардию. Меня вдохновляли поступки Али, и я считала каждое мгновение, когда он придёт домой, и со всей душой выполняла всё, что он мне поручит. Первая партия одежд была столь большая, что на крыше не было места, чтобы их расстелить. Каждый раз, когда мы стирали одежду, то при необходимости чинили её соседской швейной машинкой и потом гладили утюгом. Однажды я сказала Али: «Мне уже стыдно ходить к соседям за швейной машинкой. Если ты хочешь, чтобы я выполняла твою просьбу, то тебе надо купить такую же. На следующий день к обеду Али пришёл домой со швейной машинкой. Он ездил в Абадан, чтобы купить её».

Через некоторое время, поскольку Али участвовал в деятельности добровольческих отрядов, он проявил желание вступить в Гвардию. В ноябре 1979 года объявили о его принятии в качестве стража Гвардии. Мы все радовались тому дню, когда он пришёл домой в форме Гвардии. Одежда стража Корпуса оливково-зелёного цвета очень подходила Али. Когда я увидела взгляд отца, направленный на него, то поняла, как он им гордился. Я сама испытывала гордость от того, что у меня такой брат. Особенно из-за того, что эта одежда была для меня священной. Когда я его видела в этой

¹ Гвардия – Корпус стражей исламской революции (*прим. пер.*)

форме, то я чувствовала, что это особенная одежда, которую не мог носить любой желающий. С течением времени моя убежденность в этом только крепла. Я видела, что все, кто привлекался в Гвардию, работали во благо Всевышнего. Там никто не думал о зарплате и льготах. Даже спустя время, когда Джахан-Ара – предводитель Гвардии Хорремшахра – предусмотрел для них зарплату, они пустили эти деньги на другие программы.

Первую свою зарплату Али раздал нуждающимся. Через месяц из неё он немного денег дал мне, Лейле и Да, а на остальное вместе со своими товарищами купил продовольствие и всё необходимое для людей и по вечерам относил всё в дома нуждающихся, о которых они уже имели сведения. Через некоторое время несколько человек отправили в Шадеган. Там они должны были создать местную Гвардию. То было прекрасное время. Все работали бескорыстно и помогали друг другу. Нам была дарована атмосфера революции, безопасности и спокойствия. Отец теперь разрешал мне и Лейле участвовать во всяких мероприятиях и шествиях. Я также взяла на себя работу по дому и старалась внести от себя не меньший вклад.

Наступил апрель 1980 года. Отец в первый раз разрешил мне и Лейле вместе с Хусейном навестить семью дяди Хосейни на праздник сиздахбедар. Рано утром мы сели на грузовик и с несколькими семьями, дружившими с дядей, поехали к месту захоронения Али ибн Хусейна. Этот сын Имама находился в Шаламче. Там росли высокие пальмы и виноградники, гранат, а территория вокруг пальм и садов Шаламче выглядела как красивая зелёная территория. Только мы приехали, как увидели Али, прогуливающимся по территории. Побывав в Шадегане четыре-пять месяцев, он вернулся в Хорремшахр из-за волнений на границе и вместе с ребятами из местной Гвардии расположился на границе, чтобы следить за ситуацией. Увидев нас, Али вышел вперёд и, поздоровавшись с дядей Хосейни, сказал, чтобы мы долго здесь не оставались, так как иракцы могут открыть огонь в нашу сторону. Я не могла поверить, что на нас могут так просто напасть. Я помню, как в 1970 г. тоже произошла небольшая стычка между Ираном и Ираком.

Когда наш дом находился на территории Дизель-абада возле кольцевой дороги, я видела, как военные машины направлялись в сторону иракской границы. Иногда эти грузовики, заполненные солдатами, стояли колоннами и после часа отдыха трогались, чтобы дислоцироваться у границы. Причиной конфликта 1970 г., который начался со стороны Ирака и привёл к изгнанию иранцев, проживавших на территории Ирака, стала ситуация на реках Шатт-эль-Араб и Арвандруд. Но на этот раз один Всевышний знал, в чём была причина, и о чём мечтал баасистский режим. Очень скоро, наконец, произошёл первый инцидент.

Двадцать первого хордада того же года¹ двое гвардейцев из Хорремшахра по имени Аббас Фархан Асади и Муса Бахтвар были убиты в приграничном районе иракскими военными. Этот случай подтвердил слова ребят из Гвардии. Несколько месяцев они настойчиво заявляли, что иракцы, передвигаясь и передислоцируясь таким образом на пограничной линии в этом районе, не имеют никакой другой цели, кроме как начать войну. Но на их донесения никак не реагировали.

В тот день, когда хоронили Аббаса и Мусу, я, Лейла и Да поехали в Джаннатабад. Отца и Мохсена мы уже встретили там. Пришло много народу. Там можно было увидеть также ребят из Гвардии. По их печальным лицам было видно, что они очень переживали за своих погибших товарищей. Они рыдали и били себя в грудь. Из-за чрезвычайной ситуации в городе, проблем с «Хальке-Араб» и угрозы бомбардировок в здании, где омывают покойников, расположились несколько гвардейцев.

После того, как похоронили погибших, если мне не изменяет память, с речью выступил Хаджи-Ага Нури, пятничный имам Хорремшахра, и братья из Гвардии над могилой шахидов Мусы Бахтвара и Аббаса Фархана Асади исполнили гимн, из которого я до сих пор помню несколько предложений:

Мы гвардейцы, верные Хомейни,

¹ 11 июня 1980 г.

Никогда не отступим назад до последнего вдоха.
О, Хомейни, о, наш брат,
Отдавай нам приказ, пока после смерти нас не омоют,
И из вены нашей кровь не потечёт.
Из крови нашей взойдёт тюльпан,
И будет повсюду полно цветов как в цветнике.

Удивительная была картина. Несмотря на то, что обстановка была очень горестной и печальной, тем не менее, очень интересной и торжественной казалась клятва, которую давали гвардейцы своим погибшим соратникам.

Али пришёл ночью. Он выглядел очень тревожным и беспокойным. Аббас и Муса были его близкими друзьями. Он нам много о них рассказывал. Али рассказывал: «После мероприятий в Джаннатабаде мы с ребятами из Гвардии пошли в дом Аббаса. Ребята были в угнетённом состоянии. Все мы рыдали. Нам было тяжело потерять этих двух парней. Напротив, мать Аббаса была спокойна и, видя нашу печаль, она утешала нас и говорила: «Аббас отправился в тот путь, который он сам выбрал, путь, который не каждый выбирает. Вы должны радоваться, зачем плачете?»»

На следующий день, как обычно, я занялась сумкой Али. Там была одежда, испачканная кровью и пара ботинок. Я их вытащила оттуда. Я постирала их и расстелила во дворе. Через пару часов Али пришёл домой. Когда он увидел свою одежду на бельевой верёвке, из его груди вырвался вздох, когда он недовольно сказал: «Зачем ты взяла эту одежду? Это одежда Аббаса. Я хотел так сохранить о нём память, чтобы на ней оставалась его мученическая кровь». Потом он забрал её и вместе с ботинками положил в комод. Я чувствовала себя странно из-за того, что постирала окровавленную одежду Аббаса и ботинки Мусы. Я ходила, открывала дверцу комода. Когда я смотрела на них, то у меня менялись чувства.

Гибель Мусы и Аббаса оставили неизгладимый след в душе Али. Он был в таком состоянии, в каком я его прежде не видела. Али, который своими

поступками всегда заставлял нас двигаться, теперь был очень спокойным. Казалось, что он хочет уйти от всего этого.

Прошло несколько дней после траурных мероприятий в честь шахидов. Мне казалось, что Али постепенно приходит в себя после гибели своих товарищей, и он возвращался в нормальное состояние. В тот день я на несколько часов уехала в дом Папы. Когда я вернулась, то увидела, как Али стоит возле окна комнаты и смотрит во двор; он был одет в чёрную одежду и в руках держал рамку с большой фотографией. В рамке была его собственная фотография. Фотография, которую я раньше не видела. Да сидела на балконе. Я поздоровалась с ними и спросила: «Али, что это? Зачем ты поместил свою фотографию в рамку?»

Он спокойно ответил: «Именно эту я хочу на тот день».

Потом он повернулся, посмотрел на Да и улыбнулся. С другой стороны, недовольный взгляд Да показывал, как эти слова её беспокоили. Я знала, что Али был самым дорогим человеком для Да. Она любила его больше всех. Она всем говорит о нём и буквально молится на него. Хотя и нас она считала своими детьми, но он был для неё дороже всех. Поскольку она всем сочувствовала, то, невзирая на своё положение, она старалась взять на свои плечи проблемы других. Я хотела знать, правильно ли я думаю, что он задумал героическую смерть, или нет. Именно поэтому я его переспросила: «О каком дне ты говоришь, Али? Для какого момента ты задумал эту фотографию?»

Он ответил: «О том дне, когда вы все будете гордиться мной».

Я спросила: «Ты говоришь о дне своей гибели?»

Последние свои слова я проглотила при резком взгляде Да. Али сказал: «Я выбрал эту фотографию, чтобы, когда я стану шахидом, вы поставили её в моей комнате, и все понимали, что тот путь, в который я отправился, был выбран лично мной».

После некоторых минут молчания он добавил: «Я не хочу, чтобы вы плакали, если я умру. Я хочу, чтобы вы вели себя как мать Аббаса, чтобы терпеливо и достойно преодолевали трудности, чтобы успокаивали всех».

Я не знала, что ответить Али. Только когда я увидела, как изменилось состояние Да, и она чуть ли не рыдала, то начала шутить и смеяться вместе с ним.

С тех пор, как Али стал стражем Гвардии, он всегда мучился, когда пользовался оружием, так как два его пальца на обеих руках с самого рождения были сросшимися, и во время передёргивания затвора застревали в оружейном створе, ранив руки. Как следствие, руки Али всё время были перевязаны. Куда бы он совал свои руки, они всегда начинали кровоточить, что доставляло мучения при омовении. Иногда, когда рана была глубокой, ему приходилось зашивать её. Сам он говорил: «Ничего такого не случилось. Не беспокойтесь». Да по этому поводу очень переживала и говорила: «Что за беда на твою голову свалилась».

Отец очень хотел собрать деньги на операцию Али и отвести его к хирургу в больницу, но в те дни больше тысячи трёхсот туманов он не зарабатывал, а эта операция стоила около двадцати тысяч туманов. Проблемы Али не ограничивались одними только сросшимися пальцами. Два пальца у него на ногах были покрыты плёнкой. Когда он долго оставался в ботинках, то на этом месте у него также появлялись раны. Когда он хотел снимать носки, то с ними стягивалась и кожа. Каждый раз мне становилось его жалко при виде этой сцены. Я бегом шла за мазью, но он не давал до себя дотронуться.

В конце концов, Джахан-Ара решил заняться этим вопросом. По согласованию с Гвардией Али решили отправить на операцию в Тегеран. День отъезда Али был для меня самым худшим и чёрным днём моей жизни. Я была рада, что он, наконец, прооперирует свои руки. Но из-за того, что он уезжал от нас на долгое время, я готова была умереть от тоски. Али был мне не только братом. Он был мне близким другом и знал о моих секретах. Он

знал о моих желаниях и тайнах, о которых я даже Да не рассказывала. А Али рассказывала. Он старался исполнять мои желания. Например, когда он сам был не в состоянии это сделать, то говорил об этом отцу так, что тот не догадывался, что это была моя просьба. Лейла тоже очень любила Али. В тот день, когда отец купил Али комод, я и Лейла уговорили перенести комод в нашу комнату, чтобы под этим предлогом Али почаще заходил к нам в комнату. С тех пор, как он стал гвардейцем и приходил домой не более одного-двух раз в неделю, я регулярно ворошила его комод и впивалась взглядом в его вещи. Таким вот образом я занимала себя мыслями о нём.

В ночь перед вылетом он очень поздно пришёл домой. Я положила в его чемодан одежду, фотоаппарат, записи, коврик и всё, что, на мой взгляд, могло ему понадобиться. Придя домой и увидев свой чемодан, он поблагодарил меня. Я ночью плохо спала. Утром во время отъезда я обняла его, начала произносить молитвы и везде целовать. Он говорил: «Не надо. Хватит. Зачем ты так делаешь?» Но я не успокаивалась и трогала его бороду. Он уже начинал злиться. В последние минуты, когда он прошёл под Кораном, перед тем, как мы вышли на улицу, я сжала его руку. Потом отец отправил нас обратно в дом, а сам отвёз его вместе с Да в аэропорт, так как было также решено прооперировать Да глаза.

Когда я вернулась в дом, то чувствовала, что в нём стало мрачно. Моя душа покинула меня. Я очень за него беспокоилась. Говорили, что его ждёт сложная операция. Было принято решение, что команда нейрохирургов прооперирует ему сосуды и кости. Они хотели после того, как восстановят ему кожу между пальцами, выправить его изогнутую кость, затем взять кожу из ног и пришить к рукам. Когда я думала обо всём этом, то начала в несколько раз больше испытывать печаль из-за его отсутствия. Я пошла за его фотографией, которая находилась в нише в стене, именно в его комнате, где он сказал поставить её. Я взяла фотографию и несколько раз поцеловала её.

Хотя мы ожидали, что на это уйдёт недели две, он вернулся только через месяц. Ему прооперировали только правую руку. Он рассказал, что Да очень сильно его беспокоила, вот он её и привёз. В ту ночь он остался дома, и на следующий день его снова ждала дорога. В этот раз я чувствовала себя ещё более разбитой. Я себя плохо чувствовала. Казалось, что с отъездом Али что-то покинуло меня и уехало с ним. Я говорила про себя, а что если он не приедет. Что если я его не увижу до его окончательного возвращения. Почему он так быстро уехал. Что-то во мне говорило, что я в последний раз увидела Али.

Я постоянно звонила в больницу и узнавала о здоровье Али. Он тоже, в свою очередь спрашивал, как дела в городе. Ему было беспокойно. Когда я ему рассказала, о том, как погиб Сейед Джафар Мусави в приграничном столкновении, я почувствовала, как он переживал. Его голос явно дрожал, но при этом он постарался не показывать мне свои переживания. С тех пор я не хотела рассказывать Али новости, которые заставляли бы его переживать. Но он был также на связи со своими друзьями из Хорремшахра, и я попросту не могла обойти стороной эти новости и не рассказать Али о том, что чем ближе становились последние летние дни, ситуация на границе всё более обострялась, и происходили новые события.

В месяце хордад конфликты на границе стали усиливаться, и жители тех районов вынуждены были приезжать из своих деревень в город. Большинство из них были крестьяне, занимавшиеся, в основном финиковыми пальмами, помимо которых они выращивали зелень, яровую пшеницу, а также изготавливали молоко, сливки и кефир и привозили всё это на базар. В ходе пограничных столкновений пропал весь скот этих крестьян. Многих из этих бедняг поселили в здание военно-культурного клуба Гвардии, которое сгорела во время беспорядков, устроенных «Хальке-Араб».

Когда вечером мы выходили спать на крышу, то видели выстрелы, которыми обменивались наши военные с иракцами. Как рассказывал отец, наши военные старались не давать им повода и не отвечать на эти выстрелы.

Но с каждым днём иракские военные всё больше наглели. Их провокации доходили до того, что они на своих лодках заплывали в наши воды. Они выходили на сушу и стреляли по нашим позициям. Потихоньку нашим ребятам приходилось отвечать им.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава четвёртая

Тридцать первого шахривара все ждали, когда наступит завтрашний день, и дети пойдут в школу. У нас в доме Саид ходил в первый класс начальной школы, Хасан – в третий класс начальной школы, и Мансур – в первый класс средней школы. Несколько дней назад отец дал денег, чтобы мы могли сделать необходимые покупки. Я пошла с ребятами на площадь Дарвазе. На имеющиеся деньги я купила им всё необходимое. Дети, особенно Саид, очень радовались сделанным покупкам. Детей я тоже рано уложила спать, чтобы они утром легко проснулись.

На следующий день, совершив намаз, я приготовила завтрак и разбудила детей. Мне хотелось самой отвезти Саида и Хасана в школу, будто это для меня был первый день в школе. Мне самой было радостно на душе. Я вспоминала те прекрасные дни, когда ходила в школу. По дороге, держа за руку Саида, я оглядывалась по сторонам. Было как-то странно. Улицы мне показались пустыми, и не было видно ни одного ребёнка. Когда мы дошли, двери школы были закрыты. Когда я хотела постучать в двери, то увидела соседа. Я поздоровалась с ним и спросила, почему двери школы закрыты.

Он ответил:

– Ты что? Не знаешь, что вчера иракцы бомбили город?

Я удивлённо спросила:

– Когда?

– В полночь.

Невозможно было поверить, что на нас так легко напали. Как же это я не расслышала звуки бомбёжек.

Я не стояла больше ни минуты и бегом забрала детей обратно домой, а сама вернулась на улицу в надежде кого-нибудь увидеть и узнать новости. Во

время прогулки я встретила Ахлама Ансари – одного из своих одноклассников по начальной школе. Ахлам плакал. Его лицо всё было красным. Я подошла к нему и, несмотря на то, что давно его не видела, сразу спросила:

– Что случилось? Почему ты плачешь?

– Мой дядя погиб.

– Как это? Как он погиб?

– Тебя не было вчера в городе? Разве не знаешь, что город бомбили?

– Но почему-то я ничего не слышала. И как это произошло?

Ахлам, не переставая хныкать, ответил:

– Попали в наш дом, и как раз дядя у нас гостил. Он умер во сне.

Мне стало очень тревожно. Я спросила:

– Куда ты сейчас хочешь пойти?

– В Джаннатабад. Моего дядю забрали туда.

Хотя мне не хотелось оставлять Ахлама одного, но я всё же подумала, что смогу помочь в больнице. Я оставила Ахлама и пошла в больницу «Мосаддег». Я не смогла сесть ни на одну машину и добиралась пешком. Дорогу в больницу я выбрала от улицы Ордибехешт через улицу Чехель-Метри¹. От площади Ордибехешт я подходила всё ближе к площади Фармандари. Всё это время в сторону больницы быстро проносились машины скорой помощи, которых становилось всё больше. Напротив, людей на улице ходило не так много. Люди, которых я видела, выглядели испуганными. Пройдя площадь Фармандари, я заметила большую толпу людей за больницей Мосаддега. Мне казалось странным такое скопление народа. Чем ближе я подходила, тем сильнее я слышала звуки плача, стенаний, визга и криков. Я видела страдающих людей, бивших себя в грудь и поминавших своих родных. У некоторых одежда была в крови, а некоторые с ног до головы были в пыли. Многие женщины сидели на земле и

¹ Улица Чехель-Метри является главной улицей города, которая начинается от площади Коштаргах и тянется до площади Фармандари. Сегодня она называется бульвар Аятоллы Хаменеи.

причитали. Видя всё это, я старалась пройти мимо плотной толпы и сквозь людей проложить себе путь, продвигаясь вперёд. Я подошла к решетчатым воротам больницы, как вдруг охранники открыли их, и толпа в давке проникла во двор больницы. Все куда-то бежали. Крики и шум всё усиливались. В больнице творился беспорядок. Тела убитых лежали во дворе. Я направилась в отделение неотложной помощи, что находилась справа от больницы после комнаты справок. Когда заболели мои брат и сестра, я их отводила в клинику неотложной помощи, и поэтому я хорошо знала эту часть зданий. Перед дверью охранник кому-то, кто хотел зайти внутрь, настойчиво объяснял:

– Там полно людей. Вы не сможете пройти. Вы просто застрянете там.

Я осталась там ждать, и, как только охранник отошёл от двери, тут же забежала внутрь. Когда охранник понял это, он окликнул меня. Несколько шагов он бежал вслед за мной. Я ничего не ответила и быстренько забежала в гущу скопившейся там толпы. Никогда я не видела неотложку в таком хаосе. Следы крови в фойе больницы тянулись от входных дверей до комнат. В некоторых местах было видно, как утопающих в крови раненых уложили на землю. На крови были видны следы обуви. Раньше на полу фойе, вытертом до блеска, можно было увидеть отражение лунного света, и чувствовался только запах спирта и савлона¹. Но сейчас меня раздражали запахи пыли, крови и пороха, заполонившие воздух. Медсёстры, держа в руках вакцину, мелькали в обе стороны и тянули с собой каталки с лекарствами и медицинскими приборами. В этот раз медсёстры, вопреки обыкновению, когда они обычно были безупречно одеты и аккуратны, из-за этой рабочей суеты выглядели совершенно по-другому. От их ухоженных лиц, белой одежды и вычищенной обуви не осталось и следа. Теперь их чистая одежда была измазана кровью раненых. У многих слетели булавки с колпаков, из которых торчали волосы, беспорядочно лежавшие на голове и шее. Не лучше себя чувствовали медсёстры, носившие платки на голове. Врачи в состоянии

¹ Савлон – название антисептической мази.

ажитожа выполняли свою работу. В палатах было полно раненых. Тем из них, кого уложили вдоль стен коридоров, установили капельницу в пакетах, висевших на прибитых к стене гвоздях. Одни лежали на носилках, другие на одеялах. Многие из них выглядели обессиленными и истощёнными. Казалось, что они выглядели так из-за обильного кровотечения. Многие из них стонали. Громко было слышно только одного человека, который из палаты в конце коридора кричал:

– Помогите. Я умираю...

Я мигом побежала в ту сторону. Человек, так громко кричавший, был ранен не сильнее остальных. И со стороны было видно, что он больше кричал от страха. Другие раненые, лежавшие с ним в палате, возмущённо говорили ему:

– Замолчи. Сначала надо помочь тем, кому хуже. До тебя тоже дойдёт очередь.

Я не знала, что мне делать. Мне было страшно видеть всех этих раненых. Я хотела что-нибудь сделать от себя, чтобы помочь медсёстрам, уставшим и нервным от такого объёма работы и суеты, и, возможно, быстрее прийти к раненым, нуждающимся в помощи. Но для этой работы необходимо было знать элементарные правила оказания первой помощи и основы медицины, чему я никогда не училась. Я на себя злилась из-за того, что не могу выполнять такую работу. Именно поэтому, в отчаянии я сказала про себя: «Если ты ни на что не годна, то и предложить никакую работу не сможешь».

Я вышла из здания и стояла в углу. Во дворе больницы было ещё много людей. Несколько человек ждали перед моргом, чтобы получить тело кого-либо из своих родных. Их состояние было ещё хуже по сравнению с теми, кто был ранен. Их душераздирающие вопли пробирали любого человека, и мне было тяжело видеть, как плакали дети. Я пошла в другие отделения в надежде, что смогу найти там подходящую работу для себя. Там положение было не лучше, чем в отделении неотложной помощи, и порядка было

меньше. Большинство раненых лежали на голом полу. Рядом со многими из них были ухаживающие, которые держали над ними капельницу. От тишины, которая царила прежде в этом отделении, и давала человеку покой, не было и следа. И теперь тишина и покой сменились шумной обстановкой и душераздирающими воплями. Неожиданно я стала подходить к отдельным раненым и спрашивать:

– Если вам что-нибудь нужно, скажите, я помогу или могу принести что-нибудь.

Из-за потери крови большинство из них испытывали жажду и просили пить. Некоторые говорили:

– Нам больно. Иди, позови доктора.

Несчастные врачи не знали, к кому из них подойти. Когда я видела, что они заняты более серьёзным больным, то мне было тяжело им что-то говорить. С другой стороны медсёстры тоже кричали:

– Что ты тут делаешь? Выходи отсюда. Незачем тебе тут слоняться без дела.

В тот момент, когда я ходила по коридору, меня привлёк стон женщины. Я посмотрела на неё. Это была худая женщина, и по её лицу нельзя было подумать, что это она так стонала. Тон её голоса говорил, что она молода, но из-за ран и потери крови она выглядела так плохо, что её вид вызывал во мне тяжёлые чувства. Я вздрогнула. При этом старалась перебороть себя. Чувство сострадания потянуло меня к ней. Она чувствовала себя очень плохо. Повязки на её голове, завязанные вдоль и поперёк, были в крови, а на ногах были шины. Я взяла её руки. Она приоткрыла веки и посмотрела на меня. Я спросила:

– Что-нибудь тебе надо? Что я могу для тебя сделать?

Обессиленными руками она слабо едва на мои пальцы и спокойно сказала:

– Иди, приведи врача. Мне больно. У меня голова трещит. Глаза так и хотят выйти из глазниц.

– Тебе не ввели обезболивающее?

Она ответила:

– Бесполезно.

Чувствуя, как она давит мне на руки, я понимала, что её выворачивает от боли. Я сказала ей:

– Попробуй поспать. Так будет меньше болеть. А я схожу за доктором.

Она закрыла глаза и сильно обессиленная ответила:

– Из-за сильной боли я не могу уснуть.

Я отошла от неё и, повернув голову, увидела, как из одной из палат выходит медсестра, у которой в руках было несколько капельниц. Я подбежала к ней. Она была вся бледная и валилась с ног от усталости. Было件нятно, что она не спала. Я ей сказала:

– Извините, той женщине, которая там лежит, очень больно. Вы можете что-нибудь для неё сделать?

Она ответила:

– Что я могу сделать? С утра и до вечера, – она сделала паузу и продолжила, – со вчерашнего вечера и до сих пор она всех нас замучила. Мы сами умираем от боли в ногах и голове. У нас сил уже нет. Их же не один-два человека. Пусть потерпят.

Сказав это, она быстро ушла. Пока она удалялась, мой взгляд оставался на ней. По-моему, ей было двадцать семь – двадцать восемь лет. Волосы её были связаны в конский хвост, отчего они были ещё больше взлохмачены. Одежда была вся в крови и бетадине, а чулки спущены до верха голени. Мне стало её жалко, когда я увидела, как она устала и вся забегалась. Размышляя об этом, я вдруг услышала доносившийся до фойе голос ребёнка. Немного поодаль от женщины, просившей позвать доктора, я увидела девочку трёх-четырёх лет. Её мать сидела у неё над изголовьем, и при каждом её стоне поднимала голову от одеяла и плакала, зажимая в объятиях. Ноги ребёнка были закреплены шинами и обмотаны перевязкой. Повязка и опухшие пальцы ребёнка были в крови. Я подошла и посмотрела на неё. Девочка была

красивой с прелестным и маленьким лицом. Её светлые, но взъерошенные волосы доходили до плеч. Большая часть голубых и зелёных цветов на её жёлтом платье теперь отдавали лазурным цветом из-за крови. Когда смотрела на неё, я понимала, что она пугалась и стонала каждый раз, когда поднимала голову и смотрела на свои ноги. Её матери, от ужаса прибежавшей в больницу в домашней одежде, я сказала:

– Укрой её ноги чем-нибудь. Она боится и стонет, когда видит кровь на ногах.

С плачем женщина ответила:

– У меня ничего нет, видишь, в чём я сама пришла.

Я тогда сказала:

– Это не проблема. Накинь ей на ноги угол этого одеяла, что под ней.

Женщина слушала мои слова, но её горестный плач заставил меня сказать:

– Когда ты так себя ведёшь, ребёнок ещё больше боится и чаще всего становится беспокойным. Сначала сама успокойся, а затем успокой ребёнка.

Она ответила:

– Ты говоришь так, что мне самой становится на душе больно из-за того, что ничего не могу сделать для своего ребёнка.

Я села и погладила девочку по лицу. Мне хотелось что-нибудь сделать для неё, чтобы помочь ей, но не могла. В какой-то момент я услышала, как один человек спрашивает:

– Где я должен сдать кровь?

После этих слов я немедленно вскочила. Ведь в данных условиях минимум, что я могла сделать, это сдать кровь. Я побежала за этим человеком и вслед за ним вошла в комнату, где было много больших металлических комодов с витринами. Там сидела медсестра, которая разрезала лейкопластыри и лепила их на край тележки. Я спросила раньше мужчины:

– Я хочу сдать кровь. Куда надо идти?

Медсестра подняла голову и спросила:

– Сколько тебе лет?

Я ответила:

– Будет семнадцать.

Она сказала:

– Нет, тебе нельзя сдавать кровь. У тебя не будут брать.

– Разве у меня есть какие-то дефекты?

– Ты моложе восемнадцати. И худая. Кровь берут у людей старше восемнадцати лет, и то если у тебя нормальный вес.

Мне стало обидно. Я сказала про себя:

– О, Всевышний, я хотела сделать хоть то, что могу, и то не получилось. Теперь что мне делать...

Я решила идти домой и обсудить с отцом, что делать, так как он во время беспорядков «Хальке-Араб» много помогал детям в мечети. По его совету я и Лейла собрали у соседей простыни, бензин и мыло. Решив этот вопрос, я стала искать дорогу, чтобы выйти из отделения. Подойдя к одной из палат, я увидела, как медсестра высунула оттуда голову и кричала кому-то:

– Скажи заведующему морга, тут один скончался, пусть придёт забрать покойника.

После этих слов я подумала о погибших мучениках. Я выбежала во двор. Из морга доносилось много шума. Перед его входом стояло много мужчин и женщин и били себя по голове и лицу, выкрикивая имена своих погибших родных. Там же перед входом стоял мужчина и не давал людям ворваться в морг. Он всё время говорил:

– Зачем такую давку создаёте? Мы ведь всё равно перевезём всех в Джаннатабад. Каждый, кто хочет забрать своего покойника, должен идти туда.

Про себя я сказала: «Пойду-ка посмотрю, что творится в Джаннатабаде. Может, я там смогу что-то сделать». Я вышла из больницы и направилась к

площади Фармандари. Остановившись на улице, я начала думать, по какой дороге пройти в Джаннатабад: через улицу Ашайер или Чехель-Метри? Поскольку Ашайер выходила на безлюдное место кольцевого шоссе, я посчитала нецелесообразным идти оттуда. Поэтому я пошла пешком через улицу Чехель-Метри. Мимо проезжавшие машины были заполнены людьми, и в них больше никого не сажали. Я проходила через мебельный магазин Моради, как увидела проезжавший мимо «Пейкан» белого цвета и стала голосовать. Он остановился. Там были пассажиры только две женщины. Водитель спросил:

– Куда едете?

Я ответила:

– Прямо. Я хочу добраться до Джаннатабада.

– Мы едем до Центральной мечети.

– Тогда я сойду на улице близ мечети.

Я вышла из машины на пересечении улиц Энгелаб и Чехель-Метри возле цветочного магазина «Мохаммади» и дала водителю деньги. Но он не принял их и только сказал:

– Почитай за нас салават¹.

Я поблагодарила и от улицы Ордибехешт спустилась в сторону Джаннатабада, который находился недалеко от нашего дома. Я ходила туда много раз и потому не боялась обстановки и трупов на кладбище. Я вспомнила, как однажды вместе с Да и Зейнаб возвращалась от дома дяди в районе Парс-Авен. Мы должны были пройти через кольцевое шоссе рядом с Джаннатабадом, чтобы добраться до дома. Сколько мы ни стояли на шоссе, такси нам поймать не удалось. Уже темнело, и Зайнаб от усталости начала хныкать. Нам пришлось идти пешком. Когда мы подошли ближе к кладбищу, чтобы сократить путь, я предложила:

– Да, а давай пойдём напрямиком через кладбище.

¹ Произнесение формулы благословения пророка Мухаммеда Аллахом: (О, Аллах, благослови Мухаммеда и род Мухаммеда!).

Да ответила:

– Нехорошо ходить в сумерках через кладбище и ещё посредине недели.

– А в чём проблема? Те, кто сейчас здесь лежат, когда-то были как мы. Потом я зашла на кладбище, и Да пришлось идти за мной. Я вспоминала все страшные истории про кладбище, которые ребята рассказывали на улице, но мне не было страшно. Проходя мимо могил, я поняла, что у меня развязался шнурок. Я присела, чтобы завязать его и в этой темноте заметила свечение над могилой, находившейся в нескольких метрах от нас. Мне захотелось заглянуть внутрь гроба. Да это поняла и сказала:

– Зачем тебе этот гроб, пойдём быстрее отсюда домой.

Я ответила:

– Подожди, я сейчас приду.

Я слегка приоткрыла крышку гроба и увидела мертвеца, обёрнутого в саван. Да в этот момент было очень страшно, и, не став меня ждать, ушла. Я быстро прочла над покойным «Фатиху»¹ и побежала догонять Да. Возле омывального домика, стоял пикап. По-видимому, они хотели перенести тело покойного на другое место.

По улице Ордибехешт я недолго добиралась до Джаннатабада. Кругом творилось что-то страшное. Люди суетились вокруг. Со всех сторон доносились стоны и рыдание. Никогда я Джаннатабад не видела таким. Вдоль дороги были уложены замороженные тела, обёрнутые в белый саван. Кровь перемешалась с водой и текла рекой из таявших тел. Каждого погибшего оплакивали по несколько человек, занимавшихся самобичеванием. Неистовство некоторых могло заволновать любого спокойного человека. Женщины с особой печалью выражали свою скорбь. Некоторые настолько исцарапали своё лицо, что оттуда текла кровь. Некоторые били себя по волосам ладонями, и у них руки были в волосах. Некоторые упали в обморок. Остальные, стараясь привести их в сознание,

¹ «Аль-Фатиха» (араб. – «Открывающая») – первая сура Корана.

били всех по лицу, заливали им воду в рот и массировали плечи. Даже мужчины не выдерживали из-за всей этой трагедии. Они бились головой об стену или падали на тело. А некоторое мазали грязью себе лицо и плечи. Большинство скорбящих арабских женщин напевали зауспокойную мелодию, остальные подпевали им и били себя по груди. В тот момент, когда я проходила мимо всех и видела эту сцену, у меня из глаз лились слёзы, и до меня доносился траурный плач арабок:

Одна женщина напевала: Vehva гулен veh.

Остальные подпевали: Vehva vehva.

Первая продолжала: Vehva `ала-р-раhu шаһидийя vehva.

Остальные подпевали: Vehva vehva.

Первая напевала: Vehva `ала-ль-Мухаммад vehva.

Когда произносили имя умершего, все начинали рыдать. Потом они тут в быстром ритме били себя по щекам и разом подхватывали: «ha, ha...». Между тем, некоторые не выдерживали и теряли сознание. Удивительная сцена была. Хотя я и видела многократно похороны мучеников в ходе революции, а также мятежа «Хальке-Араб» и бомбовых атак вероотступников, но в этот раз погибших было очень много. Они были с кровавой жестокостью убиты во сне. С той стороны беспощадно сияло солнце. В воздухе витал запах пыли, земли и пороха. Для меня было очень тяжело на всё это смотреть. Я чувствовала, что больше не могу стоять на ногах.словно моё тело разом лишилось всех сил. В глазах у меня темнело, и начала кружиться голова. Я с трудом добралась до столба напротив сеня и прислонилась к нему. Колени меня уже не держали, и мне пришлось присесть на землю. Увиденное мной было больше похоже на то, что я слышала о событиях в Кербеле. Находясь в сидячем положении, я говорила себе: «Что же случилось? Почему ты такая слабая?» С таким внутренним страхом я попыталась взять себя в руки, потом встала и направилась в женскую омывальную комнату. Перед входом в неё творилось столпотворение. За дверью сидели мужчина и женщина, которые ждали,

когда им передадут тело их близкого. Как только открылась дверь, многие разом вскочили, чтобы зайти внутрь. Они хотели во время омовения и укутывания в саван своих родных быть там. Выдав покойника, с той стороны тут же закрывали дверь. Один человек держал в руках список, и по порядку записанных им имён покойников отправляли на омовение. Пробираясь среди людей, я сделала себе дорогу и вышла вперёд. Я постучала в дверь, но мне не открыли. Я дождалась, пока её откроют, и вынесут очередное тело, и, проталкиваясь через толпу, прошла внутрь и остановилась посреди комнаты. Я ждала, пока кто-нибудь начнёт ругаться со мной: «Ты зачем зашла сюда?» У меня быстро застучало сердце. Я стояла молча, как вкопанная. В омывальне было только две смежные комнаты с одной входной дверью. Комната, в которой я стояла, была размером в десять-двенадцать метров. Стены и пол были цементные, а их мертвенно-серый цвет делал воздух ещё более тяжёлым. Напротив меня была деревянное окно зелёного цвета. Комнату освещал свет, проникавший оттуда, вперемешку со слабым светом лампы. В общем, всё в комнате было холодным и безжизненным, усиливая горе человека. Но ещё больше меня расстраивали женские тела, уложенные от стен до середины комнаты. С самого начала, как я их увидела, я невольно сделал шаг назад. Их головы были направлены в мою сторону, а ноги – в сторону деревянной двери между комнатами. У некоторых глаза и рот были полуоткрыты, а у некоторых рот был весь в крови. Их лица со спутанными волосами также были крови. Все были молодые. Руки и ноги были переломаны и свисали с тел. Некоторые совсем были без конечностей. У одного трупа кисть была отсечена от руки с разорванным в клочья мясом, что меня сильно угнетало. Да всегда клялась отрубленными руками святого Аббаса, обращаясь к Всевышнему с просьбой, и когда испытывала беспокойство.

Я как посмотрела на них ещё раз, вновь почувствовала слабость, и меня начало тошнить. Мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь облил меня водой и сказал: «Вставай». Всё это было сплошным кошмаром для меня. Но звуки

воплей и рыданий, доносившихся из омывальной, запахи камфоры и земляной глины говорили о другом. Я столкнулась с горькой реальностью, от которой не знала, как убежать. Мне стало печально от того, что я пришла сюда. Я стала говорить с самой собой: «Что же ты делаешь? Поехала бы на этой машине в центральную мечеть. Там наверняка есть чем заняться. Зачем же ты сюда пришла?»»

В углу с правой стороны комнаты была находилась цементная скамья, а напротив неё – металлический комод. Возле скамьи на полу сидела полная старуха. С неё лился пот. Ей было так плохо, что она даже не поняла, что я вошла. Казалось, что она от усталости присела, чтобы перевести дыхание. Я стояла в оцепенении, как вдруг из задней комнаты вошла худая и относительно невысокого роста женщина. На ней была просторная одежда тёмного цвета, а голова была обвязана красной хлопковой тканью. Цвет её лица был ярко-зелёный, переходящим в жёлтый. Когда она прошла мимо, мне в голову ударил резкий запах сигарет. Её синие губы давали понять, что она много курит. Она подошла к комоду в углу комнаты и, сразу же вернувшись, посмотрела на меня. У меня застучало сердце. Я про себя подумала, что она сейчас начнёт ругаться со мной. Хриплым голосом она спросила:

– Ты пришла помогать или забрать тело своего родственника?

Неожиданно удивившись, я ответила:

– Я пришла помогать.

Не знаю, что она увидела у меня на лице, когда спросила:

– Не боишься?

Я чувствовала, что во мне ещё оставалась слабость, которую я испытывала за пределами омывальной. Я ей сказала:

– Постараюсь не испугаться.

– Ну тогда помогай.

– Хорошо.

Из ящика комода она достала несколько больших кусков бязи и сказала:

– Ну-ка, возьми их и вместе с той женщиной разрежьте их для савана.

Я взяла материю и подошла к старой женщине. Взглянув на неё украдкой, я заметила, что на ней не было лица. Из-за обильного пота платье у неё прилипло к телу. Несколько седых волос выглядывали у неё из-под платка и падали на лоб. Её рыжие тонкие косы выступали из обеих сторон платка.

Я обернула вокруг себя чадру и села напротив неё на корточки. Чтобы нарушить молчание, я с ней поздоровалась. Она в ответ кивнула головой, взяла из моих рук материю и отмерила её пядью. Потом она передала мне один конец и разрежала ткань ножницами.

Пока я разрежала ножницами ткань, из задней комнаты до меня доносились голоса. Мне стало интересно посмотреть, что там происходит. Голос одной женщины звучал громче всех. Она, не переставая, с заботой всё время говорила:

– Неси воду сюда. Аккуратно носи. Зачем ты так делаешь? Сейчас этот бедняга упадёт. Держи шланг с этой стороны...

Когда она говорила: «Сейчас упадёт», у меня стучало сердце. Я несколько раз поворачивала голову, чтобы увидеть, что же там всё-таки происходит. Через полуоткрытую дверь я видела голову женщины, уложенной на возвышение, и по её свисающим волосам текла вода, а руки в перчатках вёдрами поливали водой её тело. Такую же сцену я наблюдала год назад. Нахид – сестра жены дяди Надали – сгорела от огня из мангала, когда готовила кебаб. Хотя процент ожогов был невысоким, но были задеты жизненно важные органы, и она по милости Всевышнего отправилась на тот свет. Длинные и взлохмаченные волосы Нахид так же расходились, двигались волнами и играли в воде на камне во время омовения. Эта сцена очень долгое время занимала мои мысли и беспокоила. Теперь я снова наблюдала эту же сцену.

Когда мы закончили нарезать саваны, старушка сказала:

– Положи их в комод.

Я разложила ткань по полкам комода и направилась к задней комнате. Я была вся в смятении. Пока я размышляла о том, с каким же трудом я проникла в омывальню сквозь эту толпу, теперь, когда я здесь нахожусь без разрешения родителей, важнее всего было то, что я должна что-то сделать, если хочу иметь какие-то заслуги перед Страшным судом. С другой стороны, я хотела во всём приобрести опыт. С этими мыслями я вошла в комнату, пусть даже если в таком состоянии мне будет тяжело видеть трупы. В любом случае я заставила себя зайти в комнату. Увидев пол, пропитанный кровью, я собрала чадру в руки. Прежде всего моё внимание привлёк бассейн посреди комнаты, маленький сток вокруг которого был заполнен кровью. Невольно я представила себе скотобойню. Когда наш дом находился в конце улицы Мина возле бойни, то иногда я ходила туда вместе с Да и соседками покупать голову с ногами, требуху и прочее. Из чувства любопытства я всегда подходила к окну скотобойни, чтобы заглянуть внутрь. Под тушами висевших баранов текли стоки крови. Мне было жалко их. В настоящий момент омывальня не сильно отличалась от того места.

По обеим сторонам этой комнаты были два цементных возвышения, на которых омывали тела. За стёклами деревянных окон комнаты была привязана белая бязь, чтобы снаружи даже тени не было видно. Свет лампы, светившейся над бассейном, отражался в воде и освещал комнатное пространство. В комнате было несколько женщин, которые пришли помогать делать омовение. Двое-трое из них открывали и закрывали водяной кран, разрезали и снимали одежду на телах, или же набирали ведром камфорный раствор из бассейна и на последнем этапе красной пластиковой чашей поливали им тело. Закончив с одним телом, они тут же забирали из края комнаты тело другого погибшего и ставили на возвышение. После вскрытия многие из них столько крови пускали на землю, что, казалось, это барана резали. Когда поливали водой разрезы, кровь с новой силой выливалась

наружу. Видеть всё это доставляло мучения и ранило мне сердце. С той стороны доносился звон от ручки ведра, которое звенело при каждом движении и раздражало мои нервы. То серое ведро окончательно вывело меня из себя.

Я стояла всё так же на месте, оглядываясь по сторонам. Женщина, которая сидела на возвышении напротив меня и казалась главнее остальных, контролируя работу других женщин, повернула голову. Я сразу узнала её. Это была Зейнаб Рудбари – сотрудница городской администрации в Джаннатабаде. На ней были синее манто и чёрный платок. На ней были также чёрные сапоги и перчатки, а пояс был обвязан тёмной шалью. Я знала, что её дом находится на один *лайн*¹ дальше нашего. Встречаясь временами на улице, мы здоровались друг с другом. В дни Ашура мы брали пожертвования у неё дома, чтобы раздавать затем её людям. Но сейчас она так была погружена в работу, что совсем не обратила внимание, когда я поздоровалась с ней.

Я начала думать, что дальше делать. Тела, подготовленные для омовения, подвергали меня сомнениям, создавая дилемму. С одной стороны, я себе говорила, что больше сюда не приду. С другой стороны, говорила: хорошо, что пришла. Я находилась в смятении, когда видела, как одна женщина, поставив ведро на пол, положила руки себе на пояс. Она откинула голову назад и, сгибаясь и выпрямляясь, хотела немного снять усталость. Зейнаб Рудбари, не поняв, что та остановилась, всё в таком же рабочем пылу, сказала:

– Налей воду.

Придя в себя, я пошла вперёд, взяла ведро и погрузила его в бассейн, который был опустошён уже наполовину. После того как я налила воды и поставила ведро на возвышение, Зейнаб посмотрела на меня и сказала:

– Спасибо.

¹ Лайн (англ. line) – улица. Из-за присутствия англичан в нефтеносных районах Хузестана в разговорный язык людей вошло много английских слов.

Я ей сказала:

– Я пришла помогать, буду делать всё, что скажете.

Одна из женщин, стоявшая рядом с Зейнаб Рудбари, спросила:

– Не боишься?

Я ответила:

– Нет. Сначала действительно боялась, но сейчас для меня это стало обычным делом.

Она подвигала головой и сказала:

– Дай бог тебе здоровья, детка.

Потихоньку я уже начинала выполнять свою работу, став у крана с водой и каждый раз по просьбе тех, кто в данный момент омывал тело, открывала и закрывала кран. Я всё время ждала их команды. Как только они говорили: «Иди, принеси из комода камфору или вату», «Налей чашку воды» или «Держи шланг с водой», я бежала выполнять любую работу, какую только скажут.

Все женщины были в возрасте, и поэтому они были рады любому, кто вызовется им помочь. Особенно, когда уже были уставшими. Как только я стала занята делом, то начала переживать, что скажет Да. Я боялась, что в один момент она придёт, отругает меня и скажет: «Я уже обыскала тебя. Что ты тут делаешь? Иди, сама будешь объясняться перед отцом». Хуже всего то, что отец мог сам прийти за мной. Из-за этого я напрягала свой слух, чтобы, если услышу из улицы знакомый голос, привести себя в порядок. Однако, кроме людского шума, плача и стенаний, я ничего другого не слышала. Когда выносили или передавали погибшего, голоса становились громче. До меня доносились плачи и стенания по усопшим на разных языках: арабском, тюркском, лурском, бахтиярском, фарси на ширазском, на исфаханском диалекте и др.

Когда прозвучал призыв к обеденной молитве, женщины прекратили работать и решили пойти совершить намаз и отдохнуть.

Пока омывальщицы закончат работать с покойниками, я взяла шланг и начала мыть руки сверху от щиколоток и ноги от верха колен. Я также прошлась по краям брюк и рукавов, которые также были испачканы кровью. Хотя я и старалась во время работы не запачкать чадру и платье, но, когда мы клали и убирали тела, на нас брызгала кровь после их вскрытия. Я прошлась также по краю своего платка и помыла голову и лицо. Наконец, я помыла также водой обувь.

Я старалась не испачкать снова обувь кровью. Выходя из омывальни и пробивая себе дорогу сквозь этих людей, я сказала Зейнаб, что зайду быстро домой. С самого утра домашние не знают, где я. Наверняка беспокоятся. Если отец разрешит, то вернусь обратно.

Зейнаб поблагодарила меня, когда я попрощалась, чтобы уйти. За эти два-три часа я сильно устала, но больше усталости меня поразили сцены, свидетелем которых я стала с утра. В течение этих нескольких часов меня многое шокировало. Никогда не думала, что белые простыни, которые так нужны в каждом доме, будут мною использованы как саван. До сих пор я считала, что саван – это святое одеяние, поскольку человек, одеваясь в него, отправляется в свой последний путь. Но сейчас мне становилось жутко плохо от одной мысли о нём. Чем ближе я подходила к дому, тем дальше становились мои мысли об омывальном домике, сменяясь беспокойством. Я не знала, что сейчас должна ответить отцу. Что сказать, чтобы его устроили мои объяснения. Хотя я его очень любила, но при этом всё же боялась его. Когда отец злится, меня начинает бросать в дрожь от его строгого взгляда. Разумеется, без причины он никогда не злился. Он совсем не любил, когда его дети проводили всё время на улице. Сейчас мне могло по заслугам достаться за то, что я исчезла из дома, никому ничего не сообщив. С другой стороны, я знала, что Да пришлось самой выполнять ту работу, которая была возложена на меня. Наверняка она всё сообщит отцу. Дойдя до дому и постучав в дверь, я прочитала приветствие и салават. Изнутри были слышны голоса Хасана и Саида, резвившихся во дворе. Услышав стук, они побежали

открывать дверь. После этого Да вышла из кухни, дверь которой выглядывала во двор. Она осмотрела на меня с ног до головы, а затем повернула голову к окну гостиной. Я направила туда взгляд вслед за ней и увидела за окном отца. Он был погружён в мысли, держа руку под подбородком. Мне показалось, что он сильно переживал.

Я зашла в дом. От страха у меня пересохло в горле. Заглотив слюни во рту, я поздоровалась с ним.

Я знала, что каждый раз, когда отец переживал или сердился на нас, он с нами не здоровался в ответ или отвечал: «Не здоровствуй». Но вместо этого он убрал руку с подбородка и ответил:

– Здравствуй, родная.

Тон его строгим не был. Про себя я сказала: «Слава Аллаху, пронесло. Он точно не знает, с какого времени меня не было дома». Я сделала ещё несколько шагов, чтобы зайти внутрь. Когда я проходила мимо Да, она сказала:

– Где ты бесхозная ходила столько времени? Твой отец уже шахидом готов был стать.

Прежде чем я что-то ответила Да, отец, словно очнувшись, спросил:

– Ты где была?

Чтобы придать важность причине своего отсутствия, я, быстро перечислив все причины, ответила:

– В Джаннатабаде. Там было много погибших, и я оказывала помощь.

– В Джаннатабаде?! Что ты там делала?

– Помогала всем в омывальном домике, там ведь было много погибших.

Он удивлённо спросил:

– И что, например, ты там делала?

– Помогала омыwać и заворачивать в саван покойников.

Его нахмуренные брови расслабились. Он посмотрел на меня внимательнее и спросил:

– И тебе не было страшно?

– Ну почему. Сперва сильно боялась, что мне даже немного плохо стало.

Я хотела уже сказать, что чуть не упала в обморок, но вместо этого сказала:

– Я постаралась взять себя в руки и взяться за работу.

– Хорошо, родная. Дай бог тебе здоровья. Сегодня печальный день, всем надо помогать.

Меня эти слова обрадовали и я сказала:

– То есть вы согласны, если я пойду туда помогать?

– Да, если ты действительно считаешь, что твоё присутствие там необходимо, и без тебя не справятся, то согласен.

– А если опоздаю, то как? Там много работы, я могу поздно прийти домой. Вы не будете против?

– Постарайся быть дома до захода солнца. Если всё-таки запозднишься, ничего страшного.

Я была вне себя от радости. Не могла поверить, что встреча с отцом закончится так благополучно. Я подбежала к окну и через оградительные решётку поцеловала его руку. Спокойно рассмеявшись, он сказал:

– Ты что, родная? Что ты делаешь?

Но я ещё несколько раз поцеловала ему руку. С ещё большей любовью он говорил:

– Нет, родная. Не надо.

Из чувства благодарности мне хотелось забежать в комнату и поцеловать его в лицо. Когда я уже дошла до двери зала, Да громко спросила:

– Куда? Куда?

Поняв в чём дело, я ответила:

– Я уже умылась.

– Сначаланими свою чадру.

Я сняла платок и чадру и бросила их в угол балкона. Да, снова возмущаясь, сказала:

– Носки свои тоже снимии.

Тут раздался голос отца:

– Оставь её, она устала. Не мучай её так сильно.

Я тоже сказала:

– Потерпи, Да. Я сейчас иду в ванную.

– С такими ногами и носками ты не можешь зайти внутрь.

Я подошла к крану, сняла носки, помыла ноги и босиком зашла в гостиную. Отец всё ещё стоял задумчиво за окном. В этот момент я сказала:

– Отец, большое спасибо. Заходя в дом, я очень боялась, что ты начнёшь меня ругать.

Он повернулся ко мне и ответил:

– Зачем я должен тебя ругать? Ты же не сделала ничего дурного.

– Нет. Но ведь я надолго ушла без спроса и переживала за это.

– Ты сделала благое дело. Совершила то, что нужно было сделать. Всевышний тебе за это воздаст. Я доволен тобой. И Всевышний будет тобою доволен.

Когда он сказал это, я бросилась к нему в объятия. Он придержал меня руками и сказал:

– Тихо, тихо. Успокойся.

Я не понимала, что ещё не мыла покойников. Я повисла у него на шее и целовала в лицо. Я прямо смотрела ему в глаза, которые уже не казались такими строгими, снова поцеловала и с благодарностью снова спросила:

– Значит, вы сказали, что я могу снова пойти, так ведь?

Я снова поцеловала его. Он, убрав мои руки с шеи, посмотрел мне в лицо и сказал:

– Да, сегодня все должны помогать. Теперь разницы нет, мужчина это или женщина. Мы все должны сплотиться и дать отпор. Мы должны не допустить, чтобы чужеземец вторгся в нашу страну, и приложить все усилия

ради нашей земли, совести и чести. И женщины, и мужчины должны встать как один.

Он добавил:

– Я сам был в Джаннатабаде. Видел, что там происходит. Нас отправили туда рыть могилы. Ведь могильщикам прежде не приходилось копать столько могил для покойников.

– Вы тоже там были, отец?!

– Но я не могу это выдерживать. Не могу оставаться в Джаннатабаде и думать только о покойниках. Я должен уйти с остальными и противостоять врагу. Лучше я отдам свои силы на это.

После чего он добавил:

– Теперь расскажи ты, что происходило в омывальне?

Я ему рассказала о ситуации в омывальном доме, о мучениках, увидевших страшную смерть. О том, как много их было, и как устали омывальщицы. Всё это время Лейла заходила и выходила, и слушала наш разговор. Отец был сильно впечатлён моим рассказом. Я почувствовала, что с момента, когда я вошла в дом, он ещё больше погрузился в мысли. По его лицу я хорошо понимала, какое он испытывал волнение. В какой-то момент он резко встал и молча вышел из дома.

После того, как отец дал мне разрешение, я была уже спокойна. Я почувствовала, как в поднятом настроении прогнала с себя лень. Именно в тот момент я решила вернуться в Джаннатабад.

Когда я уже выходила из зала, Лейла сказала:

– Захра, я тоже хочу пойти.

– Куда пойти? Зачем?

– Туда же, куда и ты. Для чего ты туда ходила?

– Я помогаю.

– Ну и я пойду помогать.

– Тебе не надо туда идти. Тебе туда нельзя. Будешь мучиться.

– С чего ты взяла, что я буду мучиться?

– От того, что я там увидела, мне до сих пор не по себе. Представляю, что с тобой будет.

Больше она ничего не сказала. Я тем временем вышла во двор к крану и совершила омовение песком вместо воды¹ и совершила намаз на *тармэ*². Мне показалось, что после намаза я стала чувствовать себя значительно лучше, и с моего сердца упала та тяжесть, что давила на меня. Я сняла и одела носки. Несмотря на то, что я их постирала, от них всё ещё отдавало камфорой и омывальной. В этот момент ко мне подошла мелкая пятилетняя Зейнаб. Так как она с утра меня не видела, было понятно, что ей хотелось, чтобы я обняла её. Я сказала:

– Родная, не подходи ко мне. У меня одежда грязная.

Она подняла голову, нахмурила свои соединённые брови и своими миндальными чёрными глазами, светящими словно две звезды, посмотрела на меня вопрошающим взглядом. Она не ждала от меня таких слов.

Я сказала ей:

– Я ухожу. Вечером, когда приду, я поменяю одежду и обниму тебя. Теперь расскажи, что ты делала с самого утра и до сих пор?

Да, услышав мой голос, вышла из кухни и особым тоном, выдававшее её недовольство, сказала:

– Удачи в делах!

Я ответила:

– Я снова иду в Джаннатабад.

– Что ты там забыла в Джаннатабаде? Зачем ты снова собралась туда?

– Ты же видела, отец разрешил.

– А мне что делать? С самого утра ты исчезла. Всё осталось на мне.

Я понимала, что она не только от работы устала. Дети больше слушались Да, чем меня. Но сейчас, пока я отсутствовала, ей пришлось

¹ Только потом я поняла, что надо было сначала совершить таямум (омовение песком), а потом совершить полноценное омовение перед намазом.

² Тармэ – балкон.

отвлекаться от основной работы. Она сама говорила: «От детей сильно устаёшь».

Я ответила ей:

– Но ведь есть Лейла.

После того, как я надела чадру, переживая за меня, она спросила:

– Что ты там хоть ела? Подожди, сейчас для тебя обед принесу.

– Не хочу. Аппетита нет. Мне в горло ничего не лезет.

Я вышла и отправилась в путь. Я начала обо всём раздумывать. Отец странно себя вёл. Хотя я и была довольна его согласием, но начала размышлять, о чём он говорил, и как он себя чувствовал. Он не был тем человеком, который сразу успокоится. На мой взгляд, его больше ничего не беспокоило.

Так, раздумывая обо всём этом, я дошла до Джаннатабада. После обеда я чувствовала себя не лучше чем утром, но в этот раз мысли были спокойнее и больше не тревожили меня. Обстановка вокруг омывальни стала для меня более привычной, но, несмотря на это, я плакала, пока работала, и старалась на многое не обращать внимание. Но в один момент, среди тел, занесённых внутрь, я увидела знакомое лицо. Меня охватила дрожь. Это была одна из наших соседок, которая жила раньше в нашем квартале. Рядом с ней были тела двух её детей. У меня подхватил комок к горлу, и перед глазами появилась пелена. Пока её омывали и оборачивали в саван, я слышала за дверью стенания её мужа. Его душераздирающий плач и вопли пробирали любое каменное сердце. Я догадывалась, о чём он думает, и что творится в его голове. Это был молодой, красивый мужчина со светлым лицом, влюбившийся в эту смуглолицую девушку. Девушку, лицо и фигура которой не отличались красотой, и внешность которой явно отличалась от внешности её мужа. Удивительно, но они любили друг друга, и женились, несмотря на разногласия между их семьями. Семья парня, имея двух внучек, была очень недовольна такой невестой. Они так доставали своего сына, что он, наконец, развёлся со своей женой. Но парень не смог стерпеть этого развода и через

несколько недель передумал и вернул жену в дом. После этого случая прошло не так много времени. Разумеется, из-за несчастья, случившегося с ней, он сходил с ума. Когда ему передали тела его жены и детей, я тоже вышла одновременно с ними. Муж этой женщины упал прямо на её тело и ревел изо всех сил. Он отпустил их и бил себя. Он сыпал на себя землю с могилы и кричал: «Боже!»

Меня всю передёргивало, когда я наблюдала за этими сценами. Как я хотела обладать такой силой, чтобы словами я могла успокоить и сказать ему, что понимаю его боль. Но от стыда не смогла этого сделать. Смотреть на него было уже невыносимо для меня, и я быстро вернулась в омывальню. Снова я почувствовала слабость и головокружение. В голове у меня постоянно крутился вопрос: «Ну почему? Почему такое должно было случиться? В чём же провинились эти люди?»

Голос Зейнаб-ханум не дал мне оставаться в таком состоянии. Раздражённым тоном она сказала:

– Иди принеси из комода в той комнате камфору.

Я очень удивилась такому её настроению. С самого утра при всей той тяжёлой работе, которую выполняла эта женщина, от неё я слышала только ласковые слова. Не понимаю, почему она стала столь резка. Про себя я подумала: «Она явно устала и валится с ног». Но я не приняла это близко к сердцу и бегом направилась в ту самую комнату. Проходя мимо покойников, я пошла к комоду. Вдруг я вернулась назад, словно меня сковал резкий удар молнии. Я увидела ещё одно знакомое лицо. Это была Эффат. Несколько лет назад мы вместе жили на одной улице. Теперь я её видела лежащей на полу омывальни с годовалым ребёнком у неё на руках. Я знала, что в эти дни она должна была родить второго ребёнка. Эффат вышла замуж семь-восемь лет назад, но у неё до сих пор не было детей. Вместе со своей семьёй она стучала во все двери, столько молила Всевышнего, чтобы он услышал её, и уже через год она родила сына. После этого её жизнь поменялась, и в её дом пришли веселье и радость. Не успел этот ребёнок родиться, как Эффат снова

забеременела. Я присела у её изголовья. Её голова была изувечена, но тело было в целости. А вот бок и шея её ребёнка были разорваны. Их обоих принесли в омывальню именно в таком виде – мать обняла голову ребёнка. С трудом сдерживая свои чувства, я, обратившись к женщинам в комнате, сказала:

– Почему должно было до этого дойти? Я ведь знаю их. Семь лет они ждали этого ребёнка.

Я уже не сдерживала себя. Я немного рассказала им о жизни Эффат. Они все единодушно выражали сочувствие и проклинали Саддама. Я не могла больше терпеть. Указав на труп Эффат и её ребёнка, они сказали:

– Помоги уложить их на возвышение.

Я ответила:

– Не могу.

– Ты так быстро устала?

– Нет. Не устала. Просто я её знаю. Мне тяжело её резать.

Я вышла из омывального домика. Мне показалось, что людей стало меньше. Многие из тех, кто остались, были без сил от того, что много плакали и скорбели, и по всей территории кладбища лежали на могилах своих близких. Я боялась увидеть среди них мужа Эффат. Если бы я его увидела, то что должна была сказать? Весь тот год счастливого ожидания прекратился вмиг за одну ночь. Мне стало тоскливо от себя, от жизни, от всего. Мне было плохо от того, что я, видя всё это, ещё жива. Немного пройдясь по Джаннатабаду, я обнаружила, что день ещё не закончился, а я обошла всё кладбище. Я подошла к воротам Джаннатабада, надеясь увидеть на улице другую сцену. Не доходя до ворот, я заметила, как скорбит высокая худощавого телосложения женщина. Из морщин на её лице было ясно, что она очень стара. Но при этом она держалась. У неё на бровях, висках, и под губой до подбородка были нанесены татуировки зелёного цвета. Она была одета в платье из чёрного шёлка с узором из зелёных листьев. Большим шёлковым платком в виде чалмы она обернула ткань арабского стиля. По

обычаям курдов¹, два пучка волос выступали по обеим сторонам лба, доходя до плеч. Удивительней всего было то, что пучок волос, который она убрала во время траура, был завёрнут вокруг её руки. Она причитала и на курдском оплакивала покойника. Уходя, она также скручивала свои руки и потом так сильно била себя в грудь, что было слышно, как она это делала. Проходя мимо неё, я слышала её причитания:

–Из-за угла этот неверный принёс мне смерть!

Потом она стала произносить проклятия:

– Теперь, когда он поставил клеймо мне на сердце, что мне сказать о деяниях Всевышнего, забравшего у меня дитя!

Я подняла голову к небу и сказала:

– О, Всевышний, помоги же этим людям! От бомбёжки, от беспорядков «Хальке-Араб» и от террора. До каких же пор на наши головы будут валиться эти несчастья?

Потом я стала успокаивать себя теми ответами, которые слышала с утра, вслушиваясь в то, о чём говорят люди: «В течение сегодняшнего и завтрашнего дня их войска отступят. Прилетят самолёты и разбомбят вражеские позиции. Перед войсками, которые сюда придут, иракцы не осмелятся сделать и шагу. Это не будет длиться долго. Война с «Хальке-Араб» тоже быстро закончилась...» и т.п.

Успокаивая себя такими объяснениями, я вернулась в омывальною. Зейнаб-ханум омывала Эффат, а Марьям-ханум – её коллега – та самая, что курила – омывала ребёнка Эффат. Как я ни пыталась быть безучастной к Эффат и не смотреть на неё, всё было бесполезно. Её губы красивого цвета теперь стали синими, а глаза, которые каждый раз отдавали каким-нибудь цветом, навсегда закрылись. Когда ей развязывали сплетённые локоны, я снова не выдержала и побежала в соседнюю комнату, от сильного беспокойства смявшись в клубок. Мне тяжело было дышать. Я чувствовала

¹ Из-за общения разных национальностей, проживавших в Хузестане, их обычаи сильно повлияли друг на друга.

сильную боль в горле. Мне казалось, что оно распухло. Горло и грудь испытывали страшную тяжесть. Я не хотела слышать ничьих расспросов. Я ждала, пока закончат возиться с Эффат. Из любопытства я вышла посмотреть, как переносят её тело. К несчастью, я увидела её мать и сестру. Я знала, что они приехали из Азны¹ на роды Эффат. Сейчас они хотели забрать её тело к себе в шахрестан². Хотя они меня плохо знали, я всё же старалась не попадаться им на глаза. Я спряталась за Зейнаб-ханум. Мать Эффат разговаривала с ней на родном языке, словно та была жива. Бедная женщина не пустила ни единой слезы. Вначале мне показалось удивительным, почему она не плачет. Но потом заметила, что ей было очень плохо. Только иногда так била себя по голове и груди, что казалось, она сейчас себя убьёт. Сестра Эффат плакала и держала мать за руки. Мне приходила в голову мысль сказать ей, чтобы та поплакала и станет легче. Как только я попыталась ей это сказать, она тут же меня резко осадил:

– Почему я должна плакать! Мы пришли встретить роды Эффат.

Потом она сказала дочери:

– Иди обдай дымом руты свою сестру. Хватит плакать...

Когда она клала голову на тело Эффат, мне показалось, что та хочет выяснить, остался ли жив плод в утробе её дочери или нет. Эта сцена прожгла меня насквозь. Я подумала, что она вспоминает то время, когда Эффат находилась у неё в утробе.

Когда они ушли, уже начало темнеть, а за неопознанными покойниками, с самого утра омытыми и обёрнутыми в саван, никто так и не пришёл, чтобы их похоронить. Весь день они лежали под брезентом, и каждый раз, когда кто-нибудь искал своих пропавших близких, его откидывали в сторону, чтобы тот мог найти родных среди них. Каждый раз, когда открывали тела, меня передёргивало, и я не могла выдержать.

¹ Азна – шахрестан (область) в провинции Лурестан (Иран).

² Шахрестан – малая административная единица Ирана (область), на которые делятся останы (провинции).

Поскольку было уже поздно, то человек, записывавший личности погибших, сказал Зейнаб-ханум:

– Пусть придут священнослужители и чиновники, чтобы мы могли их похоронить.

Зейнаб-ханум кивнула головой и пошла с ними. Когда забрали мёртвых, я снова начала переживать за них, из-за того, что они никому не нужны, за то, что они так и останутся безвестными, и их похоронят так, что родные потом не узнают место их захоронения. Помимо них осталось ещё много погибших в омывальном домике у стены. Их имена были известны. Но я не знаю, что случилось такого с их родными, что те до сих пор не явились за ними.

Когда Зейнаб вернулась, полная старуха курила кальян, а Марьям-ханум потягивала сигарету. Остальные также были заняты. Зейнаб позвала меня и сказала:

– Возьми её за голову.

Она имела ввиду молодую девушку. С утра до этого момента я избегала такой работы, и переносила покойников, только взяв в руки носилки. Но теперь пришлось своими руками трогать погибших. Я посмотрела на неё. Она была где-то моего возраста. С той лишь разницей, что я была худой и смуглой, а она светлой и крупной. Она была одета в кофту шоколадного цвета и кремовые брюки, которые ей очень шли. Оказывается, это была модная девочка; цвет платка, свисавшего у неё с головы, сочетался с её одеждой. Зейнаб, уставшая от работы, не выдержала, видя мои руки и то, как я держу ими, и спросила:

– Детка, что ты стоишь как вкопанная?

Я хотела ответить: «Не могу». Но не смогла. Я смотрела то на густые и пышные волосы девушки, опалённые огнём и съёжившиеся, то на красивую, но окровавленную и продырявленную одежду, окровавленные и переломанные голову и тело, и не могла заставить себя поднять её. Однако Зейнаб наклонилась над трупом и сказала:

– Быстрой. Поздно уже.

Чтобы там остаться, мне пришлось послушать её. Я обернула вокруг пояса чадру. Поскольку возникало ощущение, что девушка на меня смотрит, я сказала:

– Я не возьму её за голову.

Зейнаб спросила:

– Какая разница?

– Разницы нет. Мне легче с этой стороны. – И я стала у ног девушки.

– Если сможешь, детка.

Когда я схватила труп за ноги, то в один момент я почувствовала, как меня ломит от пояса до головы, а волосы на теле встали дыбом. Я лишилась всех сил. Мои руки занемели, и больше я ничего не могла держать в них. Из-за сильной пульсации сердце хотело выскочить из грудной клетки. Как будто я бежала несколько часов, в горле у меня горело, и я не могла дышать. Зейнаб, видя моё состояние, сказала:

– Давай, скажи: «Йа Али»¹ и крепко схвати её.

Я произнесла: «Йа Али мадад»², схватила руками колени девушки и подняла её до подмышек.

Когда омыли последнего неопознанного покойника, омывальщицы вдруг сказали составлявшему список:

– Больше покойников не бери. Мы уже с ног валимся. Нам тоже надо домой. Что бы ни было, отложи на завтра.

Мы начали мыть омывальный зал. Внутри было темно, поскольку из-за полётов иракских самолётов нельзя было включать свет. Но я знала, что стены, к которым были прислонены покойники, были в крови и даже почернели от дыма и копоти, возникших в трупах после взрыва, и мне не хотелось трогать их. Зейнаб и Марьям-ханум надели на руки перчатки и, протирая стены руками, говорили:

¹ «Йа Али» (араб. «О, Али!») – фраза, которую произносят в Иране при поднятии тяжестей.

² «Йа Али мадад» (араб. «О, Али, помоги!»).

– Если оставить столько крови, то до завтра омывальня провоняет.

Я мыла пол омывальни напором воды из шланга. Потом мы промыли свои ноги и вышли. К этому времени кроме меня уже больше никто не оставался помогать. Даже на улице было пусто, только возле мужской омывальни стояли несколько человек. Они били себя и рыдали. Мне показалось, что лицо одной женщины было мне знакомо. Я пошла вперёд. Это была ханум Нури – учительница начальных классов. Ей было очень плохо. Я почувствовала боль, увидев, как она плачет. Она ведь была жизнерадостной женщиной. Никогда я её не видела без улыбки. Она была очень приветлива с коллегами и всегда шутила. Но теперь рыдала, стараясь закрыть лицо чадрой. Когда я с ней поздоровалась и выразила соболезнование, она, плача, ответила и несколько раз повторила:

– Не дай Аллах тебе такое увидеть. Деяния Всевышнего, накладывающего клеймо, тяжелы для нас. – Другие сёстры Нури-ханум, особенно самая младшая, больше неё рыдали. Когда из омывальни вынесли их брата, в Джаннатабаде поднялся невероятный шум. Погибшего быстро забрали и вместе с неопознанным покойником, которого омывали Зейнаб и Марьям-ханум, уложили перед мечетью Джаннатабада. Прочитав заупокойную молитву, их отнесли на кладбище. Так как я хорошо знала и очень уважала семью Нури, то пошла с ними. Зейнаб вместе с парой человек отправилась хоронить неизвестного покойника. У могилы дочери бросались на тело брата, состояние их матери становилось хуже. Их отец плакал и говорил по-курдски:

– Роуля, Гайтас. Роуля, Гайтас.

Я знала, что Гайтас – это старший сын в семье Нури, который учится в Америке. Но когда отец ханум Нури произносил имя Гайтаса, мне показалось, что он вернулся и встретил здесь свою смерть. Поэтому, когда кто-то записывал на чёрной металлической доске имена погибших, он спросил:

– Как зовут покойного?

Я спросила господина Нури:

– Отец, как зовут покойного? Гайтас?

Тот резко вспылел и крикнул:

– Не говори: Гайтас! Не говори! Лучше я себя убью! Мой Гайтас находится на чужбине.

Я опешила. Меня вдруг затрясло. Я сказала:

– Извините. Я ошиблась.

Я тогда спросила их родственников:

– Который из сыновей семейства Нури погиб?

Мне ответили:

– Бижан. Самый младший из них.

Они написали имя Бижана. Когда уже хотели уложить его тело в могилу, его мать и сёстры не отпускали его от себя. После того как Бижана всё же уложили в могилу и открыли ему лицо, его маленькая сестра, у которой не было с ним большой разницы в возрасте, стала кричать:

– Положите меня вместо Бижана!

Она хотела сама лечь в могилу. Я впервые увидела глубину вырытой ямы в могиле. Она мне показалась узкой и тёмной. Видя сестёр Бижана, мужчины находились в смятении. Я посмотрела на красивое и миловидное лицо сестры погибшего, которая была настолько обессиленной, что мне стало её жалко. Я постаралась успокоить девочку, приходившейся мне ровесницей. Но та продолжала визжать и не владела собой. С неё сползла чадра. Обстановка была удручающая. Сколько я ей ни говорила: «Не гневи Всевышнего. Не веди себя так. Покойный тоже будет недоволен тобой. Моли у Всевышнего помощи всё это выдержать». Но та не слушала. То есть совсем не внимала мне. После того, как могилу закрыли, все снова сели у захоронения и скорбели. Все родственники, мужчины и женщины, тоже собрались вокруг них.

Зейнаб и Марьям, вернувшись после того, как похоронили неизвестного мученика, прочитали суру «Фатиха» над могилой Бижана и

пособлезновали семейству Нури. Потом Зейнаб-ханум, видя, что я вожусь с сестрой Бижана, тихо мне на ухо сказала:

– Тебе не надо домой? Они могут здесь до полуночи задержаться. Ты тоже хочешь здесь остаться?

Я ответила:

– Я их хорошо знаю. Мне хочется успокоить эту девочку, чтобы она приободрилась. Вы идите, я тоже следом пойду.

– Хорошо. Мы пойдём.

Сестра Бижана обращалась к своему покойному брату:

– Я останусь с тобой и не уйду отсюда. Я прочитаю заупокойную молитву по тебе.

В этот момент я ей сказала:

– Омывальщики сами прочитают молитву.

Она не соглашалась. Наконец, после долгих уговоров родственников и знакомых семейство Нури встало и покинуло могилу. Я подняла их дочь и проводила их до двери их дома. Когда те сели в машину, я вернулась в Джаннатабад.

Наступил закат, и прочитали азан. Я подошла к двери комнаты, которая находилась рядом с комнатой Зейнаб и других омывальщиц и предназначалась для мужчин, омывавших покойников. Так как я обещала сестре Бижана, что омывальщицы совершат заупокойную молитву, то хотела убедиться, что не ошиблась. Я поздоровалась с женщиной, которого видела с утра несколько раз, и спросила об этом.

Он ответил, что они не успевают читать заупокойную молитву над каждым покойником. Но насколько это возможно, особенно те, кто обязан, делают это.

– Только кем является погибший, не умеющий отвечать, и над которым надо прочитать молитву?

Я поблагодарила его и ушла, как вдруг увидела Али-Резу, мужа той самой смуглой женщины. Удивительно. Он с самого утра до сих пор был там.

Мне стало его жалко. Он словно потерял рассудок. Он лежал распластанным на голой земле. Затем он вставал и бродил в беспамятстве посреди могил. Больше он не издавал никаких звуков и находился в состоянии отрешённости.

У меня было мало времени. Я подошла к комнате Зейнаб и Марьям-ханум, чтобы попрощаться. Они меняли свою рабочую одежду и разговаривали друг с другом. Я слышала их голоса. Марьям-ханум говорила:

– Я сегодня ни одну сигарету не смогла спокойно выкурить.

Меня развеселили эти слова. Потому что в ходе работы она каждый раз, как выдавалась возможность, садилась покурить. В ответ Зейнаб-ханум ей сказала:

– У меня тоже разболелась голова. По-моему, это из-за того, что мы не попили чай.

Потом они говорили о работе, проделанной за день, и о том, как они устали. Обе говорили, что больше не могут держаться на ногах, и были правы. Основная нагрузка легла на них. Та старушка-омывальщица быстро выбилась из сил. Наконец, со своей полной фигурой она уже не могла встать на ноги. Время от времени, делая перерыв в работе, она уходила к углу стены, садилась и курила кальян. Теперь она ушла пораньше со своим мужем, относительно полным мужчиной, работавшим в мужской омывальне.

Увидев, что Зейнаб и Марьям-ханум хотят поговорить о работе, я не посчитала нужным оставаться с ними рядом и слушать их. У самой двери я им уже сказала:

– Если позволите, я уйду.

Обе вслед сказали:

– Большое тебе спасибо. Да благословит тебя Всевышний.

Потом Зейнаб подошла к двери и спросила:

– Завтра тоже придёшь?

– Не знаю. Как бог даст.

Я попрощалась и отправилась домой. Я чувствовала, что Зейнаб-ханум очень привязалась ко мне, несмотря на большую разницу в возрасте между нами: она была почти вдвое старше меня. Мне было с ней очень легко. Мы были искренни друг с другом. Когда Зейнаб хотела к кому-нибудь обратиться, то произносила: «Мать». Она и меня звала «мать» или «доченька». Именно этот момент, на мой взгляд, показывал её ещё добрее и более сочувствующей. Марьям-ханум тоже была хорошей и общительной женщиной, но никак не могла сравниться с Зейнаб.

Пока я добиралась домой, передо мной проносились все события прошедшего дня. Бижан и его сёстры, Эффат, жена Ходарахма, и та смуглая женщина, о которой я знаю только, что её муж Али-Реза, занимали все мои мысли.

Не знаю, но почему-то после обеда я чувствовала себя в ещё более удручённом состоянии нежели утром. Теперь, когда я уже доходила до дома и стало темно, у меня в душе словно перемешались все страдания мира. Утром я больше боялась и удивлялась всему. Но к вечеру то самое состояние страха сменилось мраком и отрешённостью. На улице я встретила несколько соседок: жену господина Горухи, жену Эскандара, владельца магазина в нашем квартале и других. Я поздоровалась и собиралась пройти мимо, как ханум Горухи спросила:

– Как дела? Какие новости?

Даже не знаю, как она поняла, что я была в Джаннатабаде, но я ей ответила:

– Очень много людей. Обстановка была очень беспокойной.

Потом добавила:

– Кстати, Эффат, жена Ходарахма тоже погибла. Её ребёнка тоже извлекли.

Ханум Горухи вдруг ударила себя по руке и прикусила губы. Она очень заволновалась. Женщины её спросили:

– Кто такая была Эффат?

Ханум Горухи, рыдая, пыталась объяснить, как я извинилась, поскольку уже не могла задерживаться, и отправилась домой.

Дверь мне открыл Мансур. Я вошла во двор. Да стояла перед *тармэ*. Она выглядела уставшей и очень разбитой. Когда я поздоровалась, та ответила:

– Неужели ты пришла?

Было понятно, что она сердилась на меня, и я отшутилась:

– Хочешь, чтобы я ушла обратно?

Поцокав, она посмотрела на меня и ушла в кухню.

Сев у бассейна, я помыла свои чулки, после чего спросила:

– Да, какие новости?

– Тебе какое дело до новостей?

– Отец где?

– Не знаю. Ты как ушла, он только один раз зашёл домой и ушёл обратно. Сказал: «Меня не ждите. Сообщили, что надо быть в состоянии боевой готовности».

Увидев, как я села умываться у крана, она крикнула:

– Вставай. Вставай, иди в баню.

– Хорошо. Сейчас иду.

Я очень устала и чувствовала себя разбитой. Но если я не послушаюсь Да, то та мне устроит как следует. Уйдя от греха подальше, я через силу пошла мыться в баню и стала под душ в одежде. Удивлённо я посмотрела на свои руки и спросила себя: «Как я такими руками переносила покойников? При том, что вода была холодная, и меня бросало в дрожь». Тем не менее, вода меня успокаивала, и мне становилось легче. У меня абсолютно не было сил мыться. Я потоптала свою одежду под душем и выжала её. Потом я позвала Лейлу, чтобы развесить её. Лейла, с нетерпением ожидая меня у двери, забрала одежду. Я слышала, как Да ей говорит: «На бельевую верёвку её не стели. Брось на забор».

Меня вдруг посетила мысль: «Что сказала бы Да, увидев, что творится в омывальне?».

Я вспоминала, как мы омывали покойников, когда я дотрагивалась до этих погибших. На мой взгляд, отличие было только в том, что в них не было сил, чтобы столько работать; я же в себе эти силы чувствовала. Когда я вышла на воздух, мне очень хотелось пойти и лечь на тахту. Но пришлось поработать, чтобы не давать Да лишний повод меня ругать.

Лейла тоже следовала за мной по пятам и расспрашивала обо всём. Она хотела знать, что творится в Джаннатабаде. Меня мучила усталость и было неохота говорить. Мы принесли ужин и накрыли стол. Ребята сидели вокруг стола, бесились и ели. Я смотрела на них. Рука не тянулась к еде. Желудок мой бурлил. Но аппетита не было совсем. Мне становилось плохо от одного вида мяса в еде. Да не переставала говорить:

– Почему ничего не ешь? Ты с самого утра была на ногах.

Мне хотелось сказать: «Ты не знаешь, что у меня на душе творится». Но ограничилась лишь тем, что нет аппетита. Я взяла кусок хлеба и вышла во двор, заставив себя съесть лепёшку, чтобы прошла слабость в желудке. Потом выпила несколько чашек чая, чтобы утолить жажду и согнать усталость с тела. Затем пошла убирать со стола и принесла постель. В таком состоянии я про себя говорила: «Определённо, когда кто-то умирает, то всё это теряет всякий смысл. Разве можно после этого спокойно есть, спать?! После всего этого можно гораздо проще жить». Когда мы с Лейлой стали убирать всё вокруг, та заявила:

– Я тоже завтра с тобой пойду.

– Не получится. Если ты пойдёшь, Да останется одна. Тогда она наговорит всего отцу. Потом он никого из нас не пустит.

Потом я сбивчиво начала ей рассказывать о том, что видела и что делала. Да ходила туда-сюда и между делом, слыша мой рассказ, проклинала Садама:

– Он никогда нас не оставит в покое. Все наши беды из-за него. Что в Ираке, что в Иране.

Закончив работать, я помолилась и пошла спать. Я очень устала и хотела спать, но Зейнаб не давала. Как только я ступила ногой в дом, она ко мне так и хотела прильнуть. Я ей всё время говорила: «Иди спать, я устала». Но она меня не слушалась. Зайдя в комнату, она детским голосом сказала: «Я хочу лечь спать рядом с тобой», и я больше не смогла её прогнать, ответив: «Идём».

Я уложила ей рядом с собой и начала гладить волосы. Сейчас, чувствуя её безгрешность и нежность, я больше не хотела думать о Джаннатабаде. Но Зейнаб спросила:

– Где ты была?

– В Джаннатабаде.

– Что ты там делала?

Что я должна была ей сказать? Выдержав паузу, я ответила:

– Работала. А теперь я очень устала.

Потом, чтобы отвлечь её от темы, я спросила:

– А вы чем сегодня занимались?

– Ничем. Я устала. Все мы были дома. Да не разрешала выходить на улицу. Говорит: «Опасно». И отец не приходил.

– Да правильно говорит. Вам нельзя идти на улицу. А отец, что бы ни случилось, обязательно приходит.

Про себя я сказала: «Что дома, что на улице, больше нет никакой разницы. Везде опасно». Зейнаб заставила меня прочитать ей сказку. Что ни говори, я всё же устала. Меня клонило ко сну, но я не поддавалась. В конце концов, я на что-то положила голову, и так продолжала свой рассказ. Когда ушла Зейнаб, со мной рядом легла Лейла и начала обо всём расспрашивать. Это оказалось ещё большим мучением для меня. Ни один ответ её не устраивал. Когда она уже была довольна и убрала руку с моей головы, я сама уже не могла заснуть из-за того, сильно устала. Наконец, мои веки

сомкнулись, и меня теперь преследовали кошмары. Будто я нахожусь в могиле, и кто-то тянет меня туда внутрь. Как я тщетно ни старалась, но никак не могла высвободиться. Пока я тщетно пыталась это сделать, не на столь большом расстоянии я видела странные и ужасные лица, которые нападали на меня. Я хотела выйти из могилы и убежать куда глаза глядят. Но мои ноги ещё крепче были схвачены, и я уже никуда не могла шевельнуться. В последние мгновения, когда эти кошмары уже приблизились ко мне, я резко вскочила с постели. С меня ужасно тёк пот. Сердце готово было вырваться наружу. Я произнесла салават и поблагодарила Всевышнего за то, что пробудил меня, иначе я бы умерла со страху. После того, как я опять заснула, меня снова преследовали сновидения. В них перемешивались различные сцены, полные событий, которые продолжали беспокоить меня. До утра я несколько раз просыпалась из-за своего учащённого дыхания. Однажды, вскочив, я услышала голос Да, разговаривавшей с отцом:

– Почему ты этой девочке ничего не говоришь? Почему ты ей не запрещаешь ходить в Джаннатабад?

Меня очень взволновали слова Да, и я сказала:

– Мне просто представилась возможность поработать.

Отец ей ответил:

– Сейчас нельзя так рассуждать. Мы теперь, как никогда, должны все сплотиться. В то время, когда враг может один день прийти, захватить нашу страну и лишить нас всех чести и совести. Ты не понимаешь, какие бессовестные люди эти баасисты! В них нет ни совести, ни религии, ни веры! Некоторые из них хуже зверей.

После слов отца я успокоилась и вновь заснула.

В последний раз я проснулась, когда прочитали азан. Я тут же встала и пошла совершать намаз. Да уже была на ногах, после чего я её спросила:

– Во сколько отец пришёл вчера ночью?

– Ближе к утру.

– А где он сейчас?

– Ушёл после азана.

Я очень хотела снова вернуться в постель и поспать до обеда, но так как мне хотелось пойти в Джаннатабад, то надо было приступить к работе. Лейла тоже резко вскочила. Мы обе в спешке взялись за дело, приготовили завтрак и расстелили скатерть. Я разбудила детей, а Лейла заправила постель. За завтраком я подготовила порции и раздала детям. Самая я выпила залпом стакан чая и побежала одеваться. Да, видя наши сборы в дорогу, спросила:

– Куда?

Мы вдвоём ответили:

– В Джаннатабад.

– Вы что? Вдвоём идёте? Как минимум одна из вас пусть останется помогать.

Я сказала:

– Я не могу остаться. Я им сказала, что приду сегодня тоже. Я обещала, что приду помочь.

Лейла стала умолять:

– Да, я тоже хочу пойти помочь.

Тогда я сказала:

– Мы постараемся вернуться пораньше, чтобы помочь тебе.

Да промолчала в ответ. Мы, недолго думая, быстро выбежали из дома. По дороге я стала беспокоиться из-за того, что Лейла шла со мной. Поскольку она была эмоциональной и чувствительной девочкой, я боялась, что та не сможет выдержать эти сцены, что оставит в её душе неизгладимый след. В таком случае она не смогла бы работать и заставила бы меня краснеть за неё. Я задавалась вопросом: почему, несмотря на все душераздирающие сцены, которые я ей описывала, она с ещё большей настойчивостью стремилась туда? Единственный ответ, который приходил в голову – это поскольку между мной и Лейлой только один год разницы в возрасте, то мы всегда всю работу делали вместе, и она везде была рядом со мной. Она и

теперь не хотела оставаться в стороне от работы, которая приносит пользу людям. Чтобы успокоить себя насчёт Лейлы, я ей сказала:

– Мы идём в Джаннатабад. Ты должна быстрее влиться в работу, не мешкать. Даже я с трудом справляюсь. Мне самой страшно. Это не описать словами. Если ты идёшь, то должна быть готова к любой работе.

Бедняжка, чтобы пойти со мной, сказала:

– Пусть. Я готова выполнить любую работу, какую мне дадут.

Очень скоро мы дошли до Джаннатабада. В такое раннее утро людей было не так много. Омывальщики пока только переодевались. Мы стояли на улице. Когда Зейнаб натягивала на ноги сапоги и надевала на руки перчатки, мы с ней поздоровались. Улыбнувшись, она ответила:

– Ты к нам помощь привела?

– Да. Это Лейла, моя сестра.

– Дай Аллах тебе здоровья. В вашем маленьком возрасте вы пришли помогать.

Обращаясь к Лейле, та продолжила:

– Вчера твоя сестра очень нам помогла. Она очень устала.

Потом мы все вместе пошли в сторону омывальни. Не доходя до неё, мы увидели несколько тел погибших, уложенных рядом друг с другом. Зейнаб сказала:

– Их привезли из больницы.

Все мои мысли были о Лейле. С того момента, как она увидела трупы, её глаза округлились. Она с изумлением и беспокойством разглядывала их. Казалось, что она только теперь поняла, что же произошло. Хотя она обо всём этом меня расспрашивала, но пока не увидела это своими глазами, она не могла поверить, сколько бы я ей ни рассказывала. Только теперь она поняла всю глубину трагедии. Она уставилась на них, не раскрыв рта и не показывая никакой реакции. Иногда посматривая на меня, её взгляд словно говорил: «Это не похоже на то, что ты мне рассказывала».

Чтобы вывести её из этой атмосферы и представить всё это обыденным, я сказала:

– Пойдём к могиле брата ханум Нури.

Вчера я ей рассказывала о Бижане и его сёстрах. Ханум Нури работала учительницей в школе «Салур», и Лейла её очень любила.

Лейла прочитала «Фатиху» над могилой Бижана и заплакала. Этот плач вызывал у неё спазм, который душил её перед дверьми омывальной. Я опять рассказала ей о сестре Бижана. Мы потом встали и направились к омывальному домику. Лейла с удивлением смотрела на могилы, которые были выкопаны здесь со вчерашнего дня и говорила:

– Смотри, Захра, ведь ещё два дня назад здесь был пустырь. Неужели это всё появилось за одну ночь?!

Лейла была права. Ещё с начала 1980 года администрация города объявила, что больше не разрешает хоронить покойников в Джаннатабаде, и люди должны будут хоронить своих близких на новом кладбище в районе мазара¹ Али ибн аль-Хусейна на шоссе Шаламче. После этого объявления люди очень редко стали посещать Джаннатабад. Мусу Бахтвара, Аббаса Фархана Асади и Сейеда Джафара Мусави, погибших в боях у границы, похоронили в Джаннатабаде, поскольку те считались шахидами². Можно было сказать, что в Джаннатабаде разрешали хоронить, только если покойный погиб как мученик на войне. Теперь же, в течение одного-двух дней шахидов стало так много, что они заполнили всю эту территорию.

Несмотря на то, что мы вернулись раньше, чем за полчаса, перед омывальной было уже полно народу. В отличие от вчерашнего дня дверь не была заперта на засов, и мы легко прошли внутрь. Лейла опять с удивлением и любопытством всё высматривала и смотрела, как омывают тела. Она не проронила ни слова. В её лице проглядывала слабость. Она беспомощно смотрела на меня. По её взгляду было понятно, что она хочет сказать: «Что я

¹ Мазár (араб. – место, которое посещают) – могила мусульманского «святого» (авлия).

² Шахид (араб.) – мученик, павший за веру, который именно благодаря такой смерти приобретает к сонму святых; воин-смертник, обычно представляющий религиозные организации (у мусульман).

в этой ситуации могу сделать?!» Но это её состояние длилось недолго, и она быстро приступила к работе. Словно она слышала мои слова, что не надо медлить. Но она так же, как и я вчера, старалась не прикасаться к трупам. Она приносила воду, разрезала саван и передавала его омывальщицам или переставляла носилки. Мне показалось, что у неё получалось делать всё в омывальне лучше и быстрее, чем у меня. Возможно мои рассказы об этом месте подготовили её к такой обстановке. И возможно именно поэтому я была рядом с ней. Я сама чувствовала, что присутствие Лейлы здесь меня успокаивало. Теперь я не одна и могу работать с удвоенной силой. С таким чувством я подумала, что должна суметь более серьёзно выполнять работу и уже надо приступить к делу.

Я усердно работала, будучи целиком поглощена этими мыслями, как меня позвала Зейнаб Рудбари:

– Девочка моя, подойди пожалуйста.

Я пришла в себя и ответила:

– Да.

– Ну-ка зажми края этой раны, чтобы кровь свернулась.

Увидев, что она показывает на распоротый и истекающий кровью бок женщины, я испугалась и ответила:

– Нет, я не могу. Любую другую работу, какую скажете, я выполню, но только не эту. Клянусь, мне стыдно признаться, но душа не лежит к этой работе.

Зейнаб сложила несколько слоёв ваты и, положив на разрез, сказала:

– Уже пора привыкать. После этого ты можешь увидеть хуже, чем это, и тебе всё равно придётся это делать. А теперь давай, хватай. Зажми сильнее, а то кровь может пойти.

Я пошла вперёд и, пока у меня по телу бежали мурашки, положила руку на вату. Я чувствовала, как начинаю застывать, а мой мозг весь сжимается и леденеет. Меня внутри всю мутило, и, пока держала руку на ране, я словно затвердела. Мне казалось, что я не выберусь из этого сжатого

состояния. Как я не давила, кровяная жидкость всё равно протекала через слои ваты, попадая мне на руки, от чего меня начинало тошнить. Из страха, что Лейлу могли вывести из омывальни, я не рискнула показать своё недовольство и только говорила про себя: «Зачем я пришла сюда? Вся вот это работа?! Почему здесь?! Почему здесь?!»

Я повернула голову, чтобы не обращать внимания на свои ощущения и состояние. К моему несчастью, мой взгляд попал на трупы нескольких девушек и детей, которые только занесли в омывальню. У них были очень красивые лица. Наверняка они ещё и сладкоголосые были. Мне стало плохо, как только подумала, что тела этих детей, словно листья нежного и невинного цветка, хотят уйти под землю.

Когда я закончила работать с Зейнаб, женщины позвали меня разрезать одежду. Было очень трудно. Я от стыда не могла смотреть на обнажённые тела убитых. Мне приходилось выдерживать удивительное давление и не дышать. Я всегда видела людей только в одежде, прикрывающей запретные места, но теперь на полу валялись бесчувственные и бездушные тела, и мне приходилась разрезать их одежду. Молитвы и причитания омывальщиц перемешивались со стонами и криками, доносившимися снаружи.

Наконец, работа шла в таких условиях, что я уже вошла в раж и каждый раз шла за новым трупом. Не знаю, возможно стыд от увиденных тел детей, усталость омывальщиц и жестокая смерть убитых побудили меня взяться за дело, засучив рукава. С помощью одной из женщин я подняла с земли тело темнолицей арабки лет пятидесяти и положила его на камень. Я разрезала её одежду и приготовилась омыwać её.

Когда мне хотелось взять мочалку и мыло, я снова начинала сомневаться. У меня не было перчаток. При соприкосновении со всеми покойниками я должна была пользоваться мочалкой. Я испытывала тяжёлый душевный стресс, но про себя сказала: «Рано или поздно ты должна делать эту работу, в противном случае твоё присутствие здесь будет бесполезным». Тем временем я посматривала за Лейлой. Эта пухленькая избалованная

девчонка, которая всегда сама с собой разговаривала, вошла в обстановку и без лишних расспросов выполняла свою работу. Как бы то ни было, со всем чувством отвращения, в состоянии, вызывающим дрожь, я приступила к омовению. Мне пришла помочь полная женщина. Я поблагодарила Всевышнего, так как не могла прикоснуться к голове и волосам погибшей. Посреди работы воду то перекрывали, то открывали вновь. Хуже всего было то, что кровь, которая текла между взъерошенных и серых волос погибшей, не свёртывалась, и это безводье доставляло нам проблемы.

В конце концов, из бака, что был наверху омывального домика, протянули шланг, и мы продолжили работу. За дверью ни на секунду не переставала стонать дочь этой женщины, которая всё время произносила: «Юмма, юмма!¹» Ей не разрешили войти внутрь, так как многие пытались вместе с покойниками проникнуть в омывальню, плакали и рыдали, а когда омывали их близких, то умоляли: «Ради Всевышнего, передвигайте их аккуратно. Умоляю: потихоньку...» и т.п.

Когда мы закончили работать с этой женщиной, я принесла ткань. Я её обернула в саван и про себя сказала: «О, Боже! Что за доля выпала на мою судьбу! Почему я должна выполнять эту работу? Где я, и где это место? За что мне такая немилость, что я должна трупы мыть?» Я уже от самой себя устала. И вот в таком состоянии пошла забирать следующего покойника, ещё одного и ещё...

К некоторым вещам я не могла прикоснуться. Выкидыши, которые случались после взрыва, выглядели ужасно и очень меня пугали. Мне и маленьких детей не хотелось брать. Они прожигали всю мою сущность. Я только помогала остальным мыть маленьких девочек и мальчиков. Мне очень стало жалко шести-семимесячного новорождённого. Пока я ходила туда и обратно, мой взгляд попадал на неё. Было понятно, что её принесли из больницы. У неё к горлу был приложен газ². Грудь была обвязана бандажом.

¹ Юмма (араб.) – мать.

² Газ – ткань, используемая в некоторых странах вместо марли.

Несмотря на свой тёмный цвет кожи, ребёнок был очень красив. Его длинные ресницы и кучерявые волосы на голове смотрелись привлекательно. Когда мне сказали: «Положи его наверх», заплакав, я ответила, что не могу. Лишь провела рукой по его шероховатой голени. Оказывается, она прошла через десятки рук, из-за чего её кожа и стала такой грубой. Я вздрогнула от рёва самолётов, летавших на низкой высоте и прорвавших шумовую стену. Все прервали работу и шёпотом прочитали молитву. Мой взгляд продолжал оставаться на ребёнке. Я вспомнила Зейнаб, Саида и Хасана и стала за них беспокоиться. Про себя я начала молить Всевышнего: «Убереги детей. Убереги мою семью». Когда доносились взрывы, все стали произносить: «Только бы мост не взорвали».

Так как мост был единственной нашей дорогой в Абадан, иракцы пытались прервать наше сообщение с ним. В такой обстановке женщина перед дверью с криком начала спрашивать:

– Вы ещё не закончили с тем ребёнком? Его отец спрашивает о нём.

Услышав слово «отец», я решила отправиться искать своего отца, как только закончится воздушная атака. Он сам говорил, что его просили подготовить могилу. Значит, он наверняка должен быть тут в Джаннатабаде. Я собиралась это сделать с самого утра, но не было возможности. Я соскучилась по нему. Хотя он и разрешил мне поработать в Джаннатабаде, на душе всё равно было беспокойно. Ведь Да была недовольна. Я хотела после того, как войду в колею, поговорить с отцом об этом, чтобы Да не смогла его переубедить. Ближе к обеду я, наконец, вышла из омывального домика и шла вперёд между рядами могил, зная, в какой части копают новые могилы. Увидев его издалека, я тут же обрадовалась. Мы не виделись со вчерашнего полудня. С ним работало несколько человек. Он работал киркой и лопатой выбрасывал камни и землю. Чем ближе я подходила, тем отчётливей видела его торс. На нём были белая рубашка с синими линиями и тёмно-серые брюки. Я знала, что здесь работало только его тело, а душа уже целиком была на месте сражения. Мне хотелось подбежать к нему, но я знала, что ему

это не понравится в присутствии его товарищей. Потом стала выше делать шаги и, остановившись в нескольких шагах от него, сказала:

– Здравствуй, отец.

Он поднял голову и отошёл назад. Радостным тоном он ответил:

– Здравствуй, детка. Ты в порядке? Где ты сейчас?

– В оmyвальном доме.

Он отбросил лопату и выбрался из могилы. Я повисла у него на шее и поцеловала. Он тоже поцеловал меня. Я взяла его за руки, которые ещё несколько секунд назад держали лопату, и гладила их с обеих сторон, чувствуя, как они покраснели и огрубели от тяжёлой работы. Несколько раз я их целовала, на что отец постоянно говорил:

– Не надо. Некрасиво перед людьми.

Потом он спросил:

– Какую работу ты там выполняешь?

– Работы хватает. Погибших очень много.

– Не страшно?

– Сперва было страшно. Но теперь страха как не бывало. При этом временами бываю в таком состоянии, что начинаю выходить из себя.

– Они такие же как и мы люди. Бояться нечего. Они тоже жили, как и мы, но теперь ещё живее. Разница только в том, что они ушли в вечный мир, а мы остались на этой брэнной земле.

– Отец, почему ты такой грустный? Что тебя беспокоит?

– А с чего мне не беспокоиться. Когда обрываются жизни наших молодых людей. Поголовно уничтожают наших жён и детей. А мы, вместо того, чтобы воевать, копаем здесь могилы. Я ухожу. Они пусть делают, что хотят. Пусть вообще уволят меня. Я с завтрашнего дня ухожу. Они все сели за стол и сказали нам идти копать могилы.

Чтобы его немного успокоить, я сказала:

– Отец, какая разница? Это работа, и то работа. Служба есть служба.

– Нет, есть разница. Между мной, кто умеет пользоваться оружием, и теми, кто не может, разница в том, что я смогу лучше выполнять ту работу. Я обязан идти воевать с неверными баасистами.

После этих слов я уже не знала, что ему ответить. Он хорошо умел воевать как тяжёлым, так и лёгким оружием, и умел пользоваться разными видами вооружения. Он сам нас учил, как пользоваться и разбирать-собирать «Джи-3»¹ и «Кольт», которые Али приносил из своего отряда. Он делал это поразительно быстро. Только закроешь глаза на несколько минут, как он успевал разобрать и снова собрать оружие. Словно он всегда был готов к таким обстоятельствам. Нам он говорил: «Вы и в своей работе должны быть также проворны. Вдруг вам придётся стать партизанами».

Иногда по утрам, когда дома никого не было, после утренней зарядки он брал длинную верёвку и завязывал на неё семь-восемь узлов на одинаковом расстоянии. Потом он поднимался на крышу и крепко привязывал конец верёвки возле дверного засова. Затем другой конец верёвки бросал вниз во двор. И сам спускался вниз. Со двора он брал эту верёвку, цепляясь пальцами ног за те узелки, и ловко поднимался вверх. После чего распутывал узелки, хватался одной рукой за верёвку, а ступнями ног цеплялся за самый нижний её конец. Таким же способом он потом соскальзывал вниз. Иногда он поднимался вверх по железному столбу посреди тармэ. Дойдя до крыши, он расцеплялся, соскальзывал и быстро запрыгивал на балкон. Мне все эти упражнения казались очень удивительными. Я думала про себя: «Какой же он развитый. Во всём способен». Когда он видел, как я смотрю на него с удивлением и восхищением посреди двора, то говорил:

– Подойди, родная. Ты тоже позанимайся.

– Нет. Я боюсь.

– Я буду рядом стоять.

– Нет.

¹ «G-3» – немецкая автоматическая винтовка, принятая на вооружение армией ФРГ в 1959 году.

При этом я очень настойчиво спрашивала:

– Где ты этому научился?

Он в ответ молчал и ничего не говорил.

Учитывая данные обстоятельства, было понятно, почему он был совсем недоволен работой копателя могил. С таким состоянием духа разве мог он в такое кризисное время спокойно сидеть на месте?

Поняв тщетность попыток его успокоить, я отпустила его руки и сказала:

– Отец, если позволите, я пойду. Работы много.

– Иди. С богом.

– Отец, здесь много работы. Я должна ходить сюда каждый день. Иной раз работа может затянуться и надо будет оставаться со всеми, пока всё не закончим. Вы не возражаете?

– Нет. Сейчас время, когда надо работать. Все мы должны работать. Только постарайся сильно не задерживаться, когда на улице уже людей не будет.

– Эти дни Да совершенно одна. Лейла тоже ходит со мной. Возможно Да будет жаловаться.

– Ходите так, чтобы Да не оставалась одна, и ей не придётся жаловаться.

Я успокоилась. Снова взяв его за руку, поцеловала и попрошалась.

Когда я вернулась, то оказалось, что закончились вата и саван. Зейнаб-ханум сказала:

– Иди возьми в администрации. Там есть человек по имени Парвизпур.

Я вышла. Одна из трёх комнат, примыкавших друг к другу, и была администрацией Джаннатабада, откуда управляли делами кладбища. Постучав в дверь я вошла; за столом увидела высокого худого мужчину лет тридцати с лишним. У него была светлая кожа, и он носил широкие очки. Большой кабинет перед ним был открыт. Я видела его несколько раз. С той лишь разницей, что при уличном свете у него были тёмные очки. Вместе с

другим мужчиной, примерно его возраста, он записывал личности погибших, которых им называли двое родственников погибших. Судя по тому, что он ходил по разным кабинетам, и тому, что говорил, я поняла, что тот, кто носил очки – это Парвизпур, а его коллега – Саларванд. Мне показалось, что господин Парвизпур, судя по брюкам и жилету, которые он носил, из культурных людей, может даже начальник на кладбище.

Как только в кабинете стало свободно, я поздоровалась и сказала:

– Меня отправили из омывальни. Ханум Рудбари просила вату и саван.

Парвизпур встал из-за стола, подошёл к металлическому комоду в углу кабинета и принёс то, что я просила. С того момента, в случае необходимости, как только что-нибудь понадобится, в администрацию за всем этим отправляли меня. Парвизпур, знавший моего отца, понимал, что я дочь сейида и тепло принимал меня. Будучи серьёзным и сухим человеком, он уважительно относился к моей работе. Когда я зашла к нему в кабинет во второй-третий раз, он попросил меня помочь ему в регистрации сведений и личностей неопознанных погибших женщин. Имена погибших, личности и род занятий которых были известны, записывали в администрации. Что касается неопознанных погибших, то о них сообщали человеку, стоявшему перед дверью и отмечавшему их у себя. Парвизпур вытащил из ящика стола тетрадь и сказал:

– Личности неопознанных погибших записывайте в этой тетради, а потом передавайте её мне, чтобы я отметил статистику в основной тетради. В омывальне я расчертила тетрадь и записала личности нескольких погибших женщин, уложенных в углу стены до момента, пока им не омоют. Я записывала цвет кожи и волос, приблизительный возраст, по национальности арабка или нет, рост и размер тела, а иногда другие данные, которые имелись. Тем, кто разрезал их одежду, я говорила, чтобы отрезали её кусочек и на соответствующей странице, связанной с покойным, ставили закладкой. Мне казалось, что родственник погибшего так мог бы легче узнать его. Если иногда вместе с покойным находились деньги, золото или что-то ещё ценное,

мы клали их в нейлоновую ткань и писали на ней: «Вещи такого-то погибшего». Нейлоновый свёрток мы клали в комод. Когда приходил представитель органов юстиции, мы составляли протокол и передавали ему вещи.

Иногда, выходя из омывальни, я видела, как из администрации города привозили могильный камень и чёрные металлические таблички и ставили их в углу и по сторонам омывального дома. Когда хоронили тело, пара работников из администрации писали кисточкой и краской на металлической табличке имя и фамилию погибшего и прибавляли над могилой. Очень долго эти люди не появлялись, и тогда я сама расписывала таблички. Если заканчивались таблички, то я писала имя погибшего на разбитых цементных плитах, которые уже нельзя было использовать в качестве могильного камня, и ставила их поверх могилы. К ночи камни обычно заканчивались, а кисточки портились. Тогда я находила деревянные кусочки, которыми писала на картоне имена погибших, и клала их под землю в верхней части могилы.

Каждый раз задумываясь о том, что сказал отец, я заряжалась энергией. Я чувствовала, что стала смелее, и то горькое чувство уже меньше преследовало меня. Именно поэтому после обеденного азана с глубокой верой в свои силы подошла я к Марьям-ханум и двум другим женщинам, собиравшимся поднять с пола труп женщины, и сказала:

– Дайте я вам помогу.

Потом я взялась за дело. Тело принадлежало женщине около сорока лет. Хотя на её голове была хлопковая шаль, а из её макнаэ выглядывали косы, но внешне она не выглядела арабкой. На ней были тёмная пижама с цветными кремовыми узорами и тёмное платье. Я просунула руки под её плечи и сцепила их на грудной клетке. Когда я подняла её тело немного вверх, и оно приняло сидячее положение, то почувствовала, насколько же её тело мягкое и податливое. Поскольку проходило много времени после гибели, тела ссыхались и грубели, и их приходилось поднимать словно

доски. Женщины и Марьям-ханум схватили труп за ноги и пояс. Только мы хотели поднять тело и поставить его на возвышение, как все вздрогнули от ужасного звука, разрывающего шумовую стену.

Снова прилетели самолёты. Стёкла окон задрожали. Старые деревянные двери омывальни тряхнуло так, словно кто-то пытался их выдавить. Марьям-ханум и те две женщины в том же согнутом положении застыли и вопрошающе скользнули по мне своим взглядом. Я отвела от них взгляд и устала на Зейнаб-ханум, спокойно стоявшую с перчатками на руках. Снова был слышен рёв самолётов, и комнату снова тряхнуло. Женщины, разрезавшие одежду, разрезавшие саван все остальные спешно бросили свою работу. Я тоже вернула труп в первоначальное положение и подошла к окну, став рядом с Зейнаб. Обе мы пытались рассмотреть небо и увидеть самолёт, но деревья вокруг кладбища и ограждающая стена мешали нам это сделать. Как я ни крутила головой, ничего не увидела. Люди за стенами омывальни шумели. Женщины изнутри выбежали на улицу, чтобы найти убежище. Я подошла к двери. Люди, до этого толпившиеся у двери, разбежались во все стороны. Женщины и дети кричали. Творилась ужасная неразбериха. Один кричал:

– Вражеские самолёты! Прячьтесь!

Другой говорил:

– Не бойтесь. Это наши «Фантомы». Они прилетели бомбить иракцев.

Через некоторое время крики прекратились. Мы почувствовали, что ситуация вновь стала обычной и разошлись по своим делам. Не знаю, сколько времени прошло, но снова тот ужасающий звук, который хотел словно расколоть небо, встряхнул омывальню. Так как в прошлый момент бомбёжки не было, люди меньше испугались. Снова было слышно тех, кто высказывал своё мнение на этот счёт:

– Я разве не говорил, что это свои?! Не бойтесь.

Другой сказал:

– Нет, это иракские самолёты прилетели только для разведки. Они бомбить не собираются.

Только он это сказал, как раздался ужасный взрыв, и вслед за ним до неба донеслись ещё более громкие вопли и крики людей. Один стал кричать:

– Не бойтесь. Они сбросили бомбы со стороны моста и Фармандари. Это далеко. Не бойтесь.

Но гул и визг среди людей показывали, что его уже никто не слушал. Самолёты улетели, но люди всё ещё находились в состоянии страха, волнения и беспокойства. Все успокоились, только когда уже ничего нового не происходило.

После полудня у меня уже не хватало терпения оставаться в омывальне. Все устали. Омывальщицы продолжали шуметь. Одна из них постоянно ворчала:

– Они должны выслать нам смену. До каких пор мы должны смотреть на истерзанные тела. Мы так с ума сойдём.

Иногда они между собой начинали спорить. Я искала повод, чтобы выйти оттуда. Мне не хотелось, чтобы остальные поняли, что я не выдержала. Я был у всех на виду. Особенно, когда каждый, проходя мимо, говорил мне и Лейле:

– Клянусь, сколько же у вас хватает выдержки, что вы в таком маленьком возрасте остались здесь.

Когда я услышала мужчину, говорившего из-за двери: «Давайте мы их заберём похоронить. С утра никто за ними не пришёл», – то решила воспользоваться благоприятным моментом. Зейнаб и Марьям, занятым оборачиванием в саван погибших, я сказала:

– Может, пойдём. Они сказали, что надо похоронить. Не хорошо ведь, если мужчины их похоронят.

Марьям-ханум, всегда державшая сигарету в зубах, не горела желанием что-либо поднимать. Напротив, Зейнаб, которая словно просила Всевышнего

вывести её из этой душной обстановки с удушливым запахом камфоры и человеческой крови, кивнула головой и ответила:

– Сейчас иду.

Как только она закончила свою работу, мы вышли.

Возле оmyвальной лежало три-четыре трупа, которые мы выдали с утра. Мужчина стоял возле них и отодвигал с их лиц брезент и саван, показывая тем, кто пришёл найти своих пропавших родных. Видимо, они были из одной семьи, так как их всех привезли из одного места, и все они были очень похожи друг на друга. Когда принесли носилки, мы подняли тела. Нам помогали люди, находившиеся там. В одни носилки мы брали по несколько человек и клали их на землю чуть подальше перед маленькой мечетью Джаннатабада. Хаджи-Ага Нури и ещё один мулла, которого звали Хаджи-Ага Седагат, прочитали заупокойную молитву над погибшими. Так как их было много, то укладывали сразу по семь-восемь тел и сразу над ними читали молитву. После этого мы направились к кладбищу. Один из мужчин громко произносил: «Ля Иляха илля-Ллах»¹, и все за ним повторяли. Мы дошли до кладбища, уложили трупы на землю, а Зейнаб-ханум спустилась в могилу. Женщины брали тела за края саванов, некоторые из которых были в крови, и передавали Зейнаб. Видя, что Зейнаб была не в состоянии брать тела в одиночку, и при этом не желая, чтобы погибших женщин хоронили мужчины, я прыгнула в могилу. В какой-то момент я вспомнила, как мне всегда рассказывали о том, как в могиле темно и тесно. Я подумала про себя: «Не так уж и страшно. Всё обыденно. Деяния человека важны, чтобы всё исправлять». Затем двое мужчин схватили за руки и ноги труп, похожий на шоколадный свёрток. С середины труп также схватила женщина, и они втроём передали его мне и Зейнаб. Тяжесть от трупа сразу отдалась у меня в поясице, отчего у меня перехватило дыхание. Мы очень быстро спустили его в яму и, как сказала Зейнаб, уложили справа. Однако нам там не хватало места. Я выскочила из могилы, чтобы покойницу можно было правильно

¹ «Нет бога, кроме Аллаха» (пер. с араб.).

уложить. Зейнаб раскрыла ей лицо, потом старик, подсказывавший, как всё делать, отошёл, чтобы прочитать слова шахады¹. Бедный старик уже валился с ног, потому что всё время входил и выходил из могилы. Чтобы завершить эту работу, я волоком притащила могильные камни к месту захоронения. Мне помогли мужчины. Тяжёлые камни мы передавали Зейнаб и потом ложили на могилу.

К вечеру за дверью оставалось ещё десять-двенадцать погибших. Так как все устали, то в какой-то момент одна из омывальщиц сказала: «Заканчиваем работать. Сколько бы там трупов ни оставалось, всё оставляем на завтра». Все согласились, будто ждали этих слов. Лейла также, бесшумно работавшая в тот момент, по моему взгляду поняла, что пора прекращать работу.

Зейнаб-ханум, отправляя наружу последнего неопознанного мученика, сказала мне:

– Разрежь эту одежду и оставь, пусть сожгут.

Хотя мы ещё обедом избавились от одежды, снятой с покойников, в углу омывальной комнаты опять накопилась куча разорванной одежды. Я прошла в конец кладбища, пригнала оттуда тачку и накидала в неё лопатой одежду. Мне не хотелось жечь одежду. Я отвела тачку напротив омывальной. Не доходя до старого кладбища находился пустой участок земли. Я воткнула лопату и, так как земля была песчаная, было легко копать. Прокопав полметра, я бросила одежду в яму. Конечно, теперь их имена нельзя было оставлять на одежде. Сперва тела их хозяев были разорваны взрывом, потом мы разрезали их в омывальной, а теперь остались только изодранные куски, которые ещё вдобавок сжались от влажности. Бросив в яму, я постучала по ним, и посыпала известью, которую принесла из омывальной. Посыпав

¹ Шаха́да (араб. – букв. свидетельство) – свидетельство о вере в Единого Бога (Аллаха) и посланническую миссию пророка Мухаммеда, выраженное фразой: «Ашхаду’ ан ла ила́ха илла Лля́ху ва ашхаду а́нна Мухáммадан Расу́лу-Лля́хи» («Я свидетельствую, зная, будучи абсолютно убежденным, что нет иного Божества, достойного поклонения, кроме единственного Бога – Аллаха; я, также зная и будучи абсолютно убежденным, свидетельствую, что поистине Мухаммад – Его раб и Посланник»).

землѣй, я постучала сверху лопатой, чтобы уплотнить землю и собаки не смогли раскопать одежду.

Когда я вернулась в омывальню, меня ждала Лейла. Попрощавшись с омывальщицами, мы вышли на улицу. Сколько бы вокруг ни оглядывалась, отца я не увидела. Странно, он говорил, что с завтрашнего дня не будет ходить в Джаннатабад. До обеда, кроме того раза, когда я целовала ему руки и разговаривала с ним, я ещё пару раз видела, как он работает. Но кажется, у него не хватило терпения, и он ушёл.

Выходя из Джаннатабада, мы увидели несколько человек, которые работали с ним. Они тоже, закончив работу, собирались уходить. Я подошла к ним и, поздоровавшись и пожелав удачи, спросила:

– А где мой отец? Почему его с вами нет?

Один из них ответил:

– Сейид обедом оставил работу и ушёл. Он был очень беспокоен. Дотянул до обеда, потом сказал: «Я больше не могу здесь оставаться».

– Куда он ушёл?

– Не знаем. Может, в городскую администрацию.

– После обеда, как ушёл, он больше не возвращался?

– Нет.

Попрощавшись с ними, я продолжила свой путь и подошла к Лейле. Я переживала за отца, но ничего не могла сказать Лейле.

Она была очень замкнута и беспокойна. Я также знала, что она уставшая и голодная. Наверняка, работа в омывальне и вид разлагающихся разорванных тел оставили наибольшее впечатление в голове Лейлы, которой на тот момент было не более шестнадцати лет.

В конечном счёте, не было разве что разрезания тел. Споры о нарушении запретного, скрытого и постыдного были очень важным вопросом, угнетавшим меня. Я очень переживала за то, что Лейла видела много подобных сцен и вообще то, что она находилась там. Несмотря на всё

это, её присутствие придавало мне душевные силы. Чтобы заставить её говорить, проходя мимо домов и улиц, я ей сказала:

– Завтра-послезавтра могут и по нашему району ударить.

Лейла, словно не слыша моих слов, ответила:

– То есть завтра будет точно так же, или завтра же всё закончится?

Я промолчала. Мне нечего было ответить Лейле. Дойдя до нашего квартала, она совсем замолчала. Люди хорошо слышали предупреждение по радио: «Не включайте свет. Уложите за окнами мешки с песком и прячьтесь». Казалось, повсюду была мёртвая земля, откуда не проникали ни звук, ни свет. Не было видно ни мужчин, ни женщин, которые всегда вечером собирались у дверей своего дома, чтобы посидеть и поболтать друг с другом. По пути увидела только двух человек, быстро ходивших по тротуару. Дойдя до дома, мы обе удивились. Дверь, вопреки обыкновению, была открыта. Мы вошли внутрь. Во дворе стояла Да. Мы поздоровались с ней. Она ласково нам ответила и спросила:

– Как дела? Что нового?

Лейла ответила:

– Ничего. Мёртвый на мёртвом. Их было так много, что мы не успевали хоронить.

Я спросила:

– Да, есть новости от отца?

– Пришёл, в спешке забрал магнитофон и несколько кассет с записями Корана и песнопениями и ушёл.

– Вечером придёт?

– Не знаю. Ничего не сказал.

Лейла спросила:

– Да, есть вода? Я хочу искупаться.

– Водопроводной нет. Только та, что я набрала.

Я рассмеялась. Из страха, что мы вот так войдём в дом, она во все ёмкости набрала воды. Она также поставила большой медный чайник на

керосиновую лампу, чтобы до нашего прихода вода разогрелась. Мы пошли в баню. Воды, чтобы постирать одежду, не хватило. Через несколько минут Да толкнула дверь, и принесла таз, куда мы бросили всю свою одежду. Мне показалось, что она почувствовала запах камфоры, так как брезгливо взглянула на одежду, и, пока она несла таз к краю огорода, спросила меня:

– Дочка, ты не боишься дотрагиваться до трупов?

– Нет.

С момента, как мы зашли домой, я ждала, что Да начнёт ворчать или ругаться. Но всё это время она была спокойна и добра с нами. Я про себя подумала: «Скорее всего отец поручил нас Да».

Когда мы вышли из бани, ужин уже был готов. Мы расстелили скатерть. Саид, Хасан и Зейнаб – все уселись вокруг нас. Хасан радовался тому, что школа была закрыта, а Саид, напротив, очень хотел пойти туда, переживал и спрашивал меня:

– Когда я пойду в школу?

Я взяла его за руку и усадила за стол. Я не знала, что ему ответить.

Усталая я совершила все намазы и, не положив в рот ни кусочка, улеглась на тахту. Лейла раньше меня пришла в комнату и лежала в темноте. Сколько Да нас ни звала: «Идите ужинать», мы отвечали: «Не хотим. Аппетита нет». Да больше ничего не говорила. Она даже не позвала нас собирать и мыть посуду. Дверь комнаты была приоткрыта, и было слышно Хасана, Мансура и Саида. Дети лежали все вместе и смеялись. Я сказала Лейле:

– Тебе когда-нибудь приходило в голову, что мы однажды вот так будем целиком заняты работой? Ты бы поверила, что мы будем мыть трупы?

Лейла тяжёлым голосом ответила:

– Захра, у меня такое чувство, что это было во сне. Что это всё ночной кошмар. А у тебя это разве не так?

– Вчера у меня было такое же ощущение. Я не чувствовала землю у себя под ногами и ходила будто в какой-то пустоте. Но сегодня мне было лучше. Всё стало для меня обыденным.

Смех детей прерывал наш разговор. Я думала, как же люди могут совершать такие преступления, чтобы ради подчинения себе какой-либо территории или кусочка земли убивать всех этих людей. Всех приносить в жертву ради своих целей. Я повернулась к Лейле и спросила:

– То есть они могут и по нашему дому ударить?! Лейла, а если вдруг принесут тела этих детей в Джаннатабад и положат перед нами, что тогда я и ты будем делать? Я же с ума сойду.

Глаза Лейлы, которые уже слипались, вдруг резко открылись и испуганно посмотрели на меня. Я тут же резко возразила:

– Вообще зачем нам думать о плохом?! Оставим этот разговор. Аллах велик.

Я замолчала, но эти мысли не оставляли меня. Я постоянно переворачивалась с одного бока на другой. Руки, ноги и поясница у меня были в разбитом состоянии. Я чувствовала, как моя поясница хочет сломаться пополам. Мои ноги из-за сильной боли в пояснице от чувства слабости в них дрожали. Я долго не могла уснуть. Как и вчера меня мучили ночные кошмары. Куда бы я ни бежала, всюду передо мной были трупы. Руки и ноги были в крови. Я кричала: «Помогите! Помогите!». Я не знала, куда бежать. У меня перед глазами вставали лица и образы тех, кого мы омывали. Они кружились и кружились так, что у меня в таком состоянии кружилась голова, и я начинала падать.

Глава пятая

На третий день мы были уже целиком охвачены работой. Погибших было очень много. Особенно в жилых районах, которые и были главной целью, больше погибло женщин и детей, и естественно в женской омывальне было больше работы. И по сравнению с первыми днями людей, желавших помочь, было значительно меньше. Некоторые приходили помочь на один-два часа, потом уходили. Сказав: «Мы вернёмся», они больше не появлялись. Естественно, не каждому хватало духа и смелости, чтобы оставаться в этом жутком пространстве. Хотя городская водовозная машина привозила воду регулярно, заливала её в резервуар и заполняла шлангом бассейн, воды всё равно не хватало. Если бы погибших было меньше, то этого ограниченного количества воды вполне бы хватило для работы. Но с таким количеством трупов этот резервуар не справлялся. Из-за этого омывальщикам приходилось очень аккуратно работать и точно рассчитывать воду на каждый труп. Пару раз, когда вода заканчивалась и мы ждали, пока городской водовоз привезёт воду, приходил господин Саларванд и сообщал, что Шатт-эль-Араб находится под таким огнём, что невозможно ничего сделать.

Чем ближе становилось время к обеду, тем серьёзней становилось положение. Машины скорой помощи с включённой сиреной привозили умерших из больниц. Некоторых погибших со стонами и воплями привозили к омывальному дому их родные, завернув в одеяло или простыню. Некоторые добровольно на своих пикапах кружили по городу и, найдя в развалинах мёртвых или раненых, привозили их. От этих же людей мы узнавали много новостей. Они нам рассказывали, какие районы города находятся под большим обстрелом, и насколько иракцы продвинулись вперёд, и где они сейчас находятся. Когда мы спрашивали, почему враги продвигаются вперёд, при том, что люди самоотверженно защищаются, они в ответ жаловались на нехватку войск и оружия. Звуки взрывов, регулярно доносившиеся повсюду, подтверждали их слова и заставляли нас больше

работать. Саларванд быстро записывал номера и крепил булавку к одежде погибших, а мы, занося трупы внутрь, заносили данные в специальную тетрадку. С другой стороны, свободных могил больше не было, и в женская омывальня уже не работала столь напряжённо. Количество погибших мужчин с мест сражения тоже постепенно возросло. Число помогавших людей тоже на глазах таяло. Даже не знаю, как мужчины-омывальщики доходили до работы. Я, Зейнаб и Марьям-ханум видели, как они сильно уставали. Вчерашняя бессонная ночь выбила их из сил. Зейнаб сказала:

– Вчера эти собаки не дали нам спать.

Из страха, что собаки могут нас съесть, мы до утра не смыкали глаз. Мы боялись, что они могут напасть на тела погибших или на нас самих, так как они своим обонянием учуяли запах крови.

Зейнаб, которая была так отзывчива ко всем, теперь, стоит только замешкаться, уже тоном, отличным от прежнего, говорила:

– Живее, девочка, чем ты там занимаешься?

Или если я, оказавшись в состоянии шока или удивления, отвлекусь от работы, она резка высказывалась:

– Что ты сидишь, сложа руки? Иди, пока не остолбенела.

Она не понимала, что я уже не могу. У меня уже не хватало сил видеть всё это. В тот момент я хотела от всего отрешиться. Забиться, скрючившись, в угол. Закрывать глаза и ни о чём не думать. На меня нашло такое состояние, что мне абсолютно не хотелось ни с кем говорить, молчать и целиком уйти в свои мысли.

Один раз мы вышли хоронить покойников, которых мы омыли ещё утром. Я знала, что идти надо, когда есть, кто может помочь. Самолётов не было видно, и представился удобный момент для похорон. Вместе с Лейлой и Зейнаб мы принесли несколько носилок. У нас их забрали и, произнеся салам и салават¹, мы подняли тела. Пока дойдём до кладбища, мы несколько

¹ Произнесение формулы благословения и приветствия пророка Мухаммеда и его семейства Аллахом: «О, Аллах, благослови и приветствуй Мухаммеда и род Мухаммеда!».

раз ставили носилки на землю и снова их поднимали. Я больше не могла выпрямиться. Иногда у меня перед глазами темнело, и кружилась голова.

Нам помогали парень двадцати с лишним лет, араб, с редкими завивками на волосах, худым и вытянутым лицом и мягкими усами, и взрослый мужчина по имени Джабер Джаббар-заде, которые, желая помочь нам, выполняли тяжёлую работу. Мальчишка-араб, чьё имя я уже не помню, был работящим, искренним и простым парнем. Он молча выполнял работу. Когда приносили покойника, он тут же бежал подхватывать гроб или носилки и приносил могильные камни. После того как похоронят покойника, он бросал в могилу землю. Но при этом никогда не дотрагивался до тела. Каждый день он приходил и оставался в Джаннатабаде, пока там была работа. Иногда, сопровождая мучеников, он выкрикивал лозунги. Он не мог произносить некоторые буквы, но с уверенностью выкрикивал лозунги. Например, вместо «п» он говорил «ф» и произносил: «Война, война, фобеда»!»

Мы несколько раз ходили туда и обратно, пока не принесли всех покойников, и начали их хоронить. Похоронив нескольких, я заметила, что свободных могил больше нет. У мужчины, державшего в руках кирку и лопату и от сильной усталости присевшего на землю, я попросила кирку.

Он устало ответил:

– Это что тебе? Игрушки? Вы же не сможете копать могилу.

Я возмущённо ответила:

– Это почему я не смогу копать могилу?! Вы, мужчины, думаете, что мы женщины, и у нас нет сил?!

Я схватила мотыгу и начала бросать землю. Работа была не из лёгких. С меня лился пот, пока я стучала мотыгой. Мужчина, как показалось, пожалел о том, что сказал, и настойчиво просил отдать ему мотыгу. Я не отдавала и из упрямства полностью засыпала всю могилу. но после этого у меня горели ладони, которые затем покрылись волдырями.

Было очень жарко и сильно припекало солнце. Казалось, что вопли и стоны людей, пыль на кладбище делали жару ещё больше невыносимой. Стоя у выкопанной ямы, я, схватившись руками за колени, чуть наклонилась, чтобы проверить, могила выкопана до необходимых размеров или нужно ещё поработать. При этом, я думала о том, что теперь, когда умереть так просто, одна из этих могил не сегодня-завтра обязательно будет моей. Среди всей этой суеты и криков я слышала, как кто-то кричал: «Вода, вода».

Это был юноша, в ведре, наполненном водой со льдом, он предлагал людям воду в стакане. Я хотела попросить себе воды, как в двух-трёх метрах выше увидела старика в могильной яме, который говорил мужчинам, передававшим ему тело:

– Так нельзя его хоронить.

Я не поняла, что он хотел сказать. Я так и продолжила туда смотреть. Старик вышел из ямы и сказал одному из мужчин:

– Держи его, она высохла, – и показал на согнутую ногу трупа.

Потом он сам всем корпусом навалился на него и сломал ему колено. Сухой звук трескавшейся кости был столь сильным, что все услышали. Родственник погибших и все остальные громко кричали и рыдали. Многие начали произносить «Ля Иляха илля-Ллах». У меня всё тело задрожало. Я не могла шевельнуться от изумления. Я посмотрела на свои согнутые колени и почувствовала в них сильную боль. Одна из женщин посреди толпы, не знаю кем она приходилась покойному, увидев эту сцену, закричала так, будто это с ней такое сделали. Она стала сыпать на себя землю, что попадала под руки, дёргала волосы и царапала себе лицо. Потом сама упала на землю и катилась по ней как дети, дёргая ногами. Несчастная был не в себе и крутилась. Однако никто её не успокаивал. Потом она потеряла сознание. Женщины волоком её отвели в сторону, облили ей лицо и голову водой и потёрли ей плечи. Она никак не приходила в сознание. Я почувствовала сильное беспокойство из-за этой сцены. Ещё и жара усиливала моё нервное состояние. Юношу, который принёс воды, я попросила:

– Принеси мне кружку воды.

Он окунул оловянную кружку в ведро с водой и, дав мне, сказал:

– Пей и произноси: «Йа Хусейн».

Я взяла кружку. Она была очень холодная. Выпив воды, я вернула кружку обратно. Я направилась к омывальне. Меня всё время мучила сцена со звуком трескающегося колена. Мне было плохо, в груди горело. Выпив воды, я почувствовала состояние тошноты, подступавшей у меня к горлу.

Я снова пошла за материалом. Парвизпур сказал:

– Ничего не осталось. Я должен поехать и привезти.

Увидев, как он встаёт и закрывает свой кабинет, я поняла, что он уходит именно сейчас. Я попросила, если ему не трудно, подвезти меня до дома.

Мне хотелось узнать домашние новости. Узнать, заходил ли отец домой или нет, так как беспокоилась за него. Он согласился подвезти меня.

Я пошла вместе с Парвизпуром. Его «Пейкан» стоял перед воротами парка. Я села в машину, и мы поехали. До нашего дома ехать было недалеко. Завернув на нашу улицу, Парвизпур спросил:

– Ты вернёшься в Джаннатабад?

– Да. А почему вы спрашиваете?

– Тогда я подожду. Вы делайте свои дела, а потом верну вас в Джаннатабад.

– Спасибо.

Когда машина остановилась, вокруг собрались соседи. Только я вышла из машины, как к нам подошли дядя Голями, жена Абдоль-Али – нашего соседа по стене, мама Резы, тётя Согра и жена дяди Голями. Я поздоровалась с ними. Они также поздоровались со мной, видимо будучи в курсе, откуда я приехала.

Парвизпур, который, кажется, знал дядю Голями, тоже вышел из машины и поздоровался с ним за руку. Потом дядя Голями, обратившись ко мне, сказал:

– Девочка моя, ты оправдала наши надежды. Ты молодец, моя храбрая племянница.

Я хотела сказать, видели бы они, как я валилась с ног от усталости, и сколько мне пришлось вынести. Но ничего не стала говорить.

Женщины спросили:

– Доченька, какие новости из Джаннатабада?

– Ничего нового. Всюду плач и стоны. Всюду несчастье и горе. Всё время привозят мёртвых.

Жена дяди Голями сказала:

– Я бы даже минуту не выдержала. Если бы я ступила туда ногой, меня бы на месте хватил удар. Клянусь, ты молодец, что можешь в таком возрасте всё это выдержать!

Мама Резы добавила:

– Правда, мы тобой гордимся. Ты достойна похвалы.

Меня удивили слова соседней. Я не думала, что работа в Джаннатабаде имеет для них такое большое значение, или вообще будут интересоваться, где мы находимся.

Собираясь вернуться в Джаннатабад с Парвизпуром, я оставила их и зашла домой. В первую очередь я спросила Да:

– Какие новости от отца?

– Никаких новостей нет.

Хотя я и сама волновалась, но Да сказала:

– Не переживай.

И быстро пошла к комоду. Я сняла с ушей серьги, потом сняла с шеи ожерелье и сунула в ящик комода. Это было первое моё золото, которое отец мне подарил в этом году. Мне очень нравилось моё ожерелье, и оно было очень дорого мне. С того времени, как отец надел мне его на шею, я его

больше не снимала. Но эти три дня, когда я нагибалась и собиралась поднять или омыть труп, оно свисало у меня с шеи и нервировало меня. С другой стороны, я не мола объяснить, почему теперь для меня все эти вещи уже не имели значения. Когда люди отдавали свою жизнь, золото уже не имело никакой ценности. Я ещё не закрыла комод, как из-за двери голос Да спросил меня:

– Зачем ты их снимаешь?

– Они мне больше не подходят.

– В смысле?

Я ничего не ответила. Часы свои я тоже сняла, но, поняв, что они мне ещё понадобятся, заново их надела и сказала:

– Да, я сегодня останусь в Джаннатабаде. За меня не беспокойся.

Она возмутилась:

– Зачем ты остаёшься там? Отец придёт, волноваться будет.

– Почему он должен волноваться? Все там. Мы не одни. Отец сам видел ситуацию в Джаннатабаде. Он в курсе, что там происходит.

– Тебе лучше знать. Сама перед отцом ответишь.

Я ответила: «Хорошо» и вышла из дома на улицу. Потом села в машину Парвизпура, и мы поехали в управление городской администрации. Подъехав, Парвизпур сказал:

– Вы тоже выходите.

Мы вместе вошли в здание. Там он поручил одному человеку передать куски ткани савана мне, после чего сказал:

– Ждите меня здесь, пока я не вернусь.

Он ушёл. Через десять-пятнадцать минут тот самый человек, с которым разговаривал Парвизпур, высыпал в мешок куски ткани и передал его мне. Очень скоро подошёл и Парвизпур. Он забрал мешок и бросил в кузов пикапа. Там я увидела несколько мотков ваты, завёрнутых в виде рулета, несколько больших тетрадей и один мешок, на котором было написано

«Камфора». Как я поняла, Парвизпур успел их забрать за то время, что отсутствовал. Мы сели в машину и вернулись в Джаннатабад.

К трём-четырёх часам мы уже всё разрезали. Все разом свалились от усталости. На нас навалилось столько работы, что мы даже на обед не успели. Меня мучил голод, и я выбилась из сил. У меня тряслись руки, но при этом совсем не могла думать о еде. Когда я наклонялась, чтобы поднять тело, у меня усиливалось головокружение, а в глазах темнело. В таком состоянии ни я, ни мой мозг не получали питание, и вообще невозможно было найти что-то поесть. Иногда омывальщицы доставали из звонкого комода в углу помещения печенье, чтобы затем съесть его. Они и мне предлагали, но я отказывалась.

Они настойчиво предлагали взять одно печенье. Но мне в мозг ударили только запахи крови и камфоры. Меня тошнило, и перед глазами у меня проносились сцены с трупами, которые взрывной волной не только разорвало на части, но и набросало их друг на друга; их глаза повывлезали наружу, а гортань разодрало. Этого было для меня достаточно, чтобы устать и не желать ничего от этой жизни. Два-три раза в течение дня старики-омывальщики приходили за чаем. Марьям-ханум посреди работы снимала свои чёрные перчатки, от которых меня брала оторопь, наполняла чайник водой и ставила на керосиновую лампу. Как только вода закипала, она бросала кипу чёрного чая в чайник и относила старикам, курившим на улице. Она и себе наливала чай в маленькие стеклянные чашки для варенья. Хотя и мне очень хотелось выпить стакан чая, но я не могла даже шевельнуться в ту сторону. Марьям-ханум настойчиво звала попить чаю, сказав, что это поможет снять усталость. Я отказывалась под предлогом, что не могу пить чай на пустой желудок. Тем временем, прошло уже два с половиной дня с начала войны, а взрывов и убитых становилось ещё больше. Особенно если учесть, что поблизости от Джаннатабада находился укрепленный гарнизон, из-за чего этот район бомбили сильнее. Находясь там вместе с остальными, я про себя думала о том, что так невозможно продолжать работу. Мы валимся

с ног от усталости. Нам нужна подмога. Сколько ещё могут выдержать эти мужчины и женщины, омывая трупы? Со временем трупов становилось не меньше, а, наоборот, всё больше и больше, и их приходилось складывать друг на друга.

При этом мне было любопытно узнать, какие новости в центральной мечети, так как от многих я слышала, что отряды, собирающиеся на линию боёв, забирают оружие там и оттуда распределяются. Самое важное для меня было увидеть, чем всё закончится, сколько ещё продлится война. В голове у меня звучали слова Зейнаб: «На нас напали собаки. Мы до утра не смыкали глаз и бросали в них камни». Мысли обо всём этом беспокоили меня. Наконец, обратившись к Зайнаб и остальным, кто собрался в углу, я сказала:

– Я иду в Центральную мечеть.

Зейнаб спросила:

– Зачем?

– Мы должны рассказать, что здесь происходит, чтобы они задумались. Ведь неизвестно, когда всё это закончится. От военных тоже помощи пока нет. Разве не видишь, что тут творится? Саму себя разве не видишь? Ты уже вообще никакая. Мы должны сказать, пусть отправят подмогу. Если так продолжится, то через пару дней кому-нибудь придётся нас самих хоронить.

– Кто же в такой ситуации откликнется? Кто же к твоим словам прислушается? У них сейчас полно своих забот. К кому ты хочешь обратиться? Это дело мужчин. Они должны пойти и привезти подмогу.

– Сколько мы теперь ещё должны ждать мужчин? Если не мы, то кто это сделает? Разве у нас самих нет языка? Пойдёмте, что-нибудь скажем. Кто-нибудь всё равно откликнется нам помочь. Чем больше времени проходит, ситуация, вместо того, чтобы улучшиться, ещё хуже становится.

Зейнаб больше ничего не сказала. Я вышла из омывальной. Только я направилась к воротам Джаннатабада, как увидела несколько человек, работавших с отцом. Они уже закончили работать и хотели уходить. Я

подошла к ним и, поздоровавшись, спросила об отце. Они ответили, что не знают.

Я уже собралась уйти, как один из них сказал:

– Я видел Сейеда до обеда. Он ехал с солдатами, обслуживающими 106-миллиметровое орудие, в направлении дорожной полиции. Я его спросил: «Сейед, будь здоров. Куда направился?» Он ответил: «На передовую линию». – «Почему ты так решил?» – «Мы сегодня должны воевать с врагом». Я ему говорю: «Ты разве не в курсе, что администрация города сообщила, что все, кто не явился на работу, будут уволены?» На это Сейед ответил: «К чёрту эту работу. Враг пришёл в наш город и хочет изгнать нас отсюда. И в это время они мне угрожают увольнением?! Пусть. Мой долг – идти воевать».

Я обрадовалась. Наконец-то мой отец присоединился к участникам обороны. До того момента я переживала, что никто из нас не участвует в защите города. Я была уверена, что если бы Али был в Хорремшахре, он бы обязательно отправился на линию боёв. Про себя я думала: «Вот бы и мне разрешили отправиться на передовую линию».

Выходя из Джаннатабада, я заметила много солдат, лежавших вдоль стены кладбища. Мне показалось, что они были уставшие и голодные. Чуть поодаль стоял танк «Чифтен»¹. Меня стало раздражать то, что они в этих условиях валялись без дела на земле, а некоторые из них курили. Я подошла к ним и грубо сказала:

– Вам не стыдно? Улеглись тут спать! Разве не видите, враг уже в городе, уничтожает людей, желая захватить наш город?!

Двое из них стали отвечать:

– А нам что остаётся делать? Командира нет.

Я ещё больше возмутилась и сказала:

– Что значит «Что делать»? Вы же не мертвы?! Если мертвы, то мы вас можем похоронить. Вы не похожи на живых. Встаньте, сделайте же что-

¹ Танк английского производства, который может выстреливать во время движения.

нибудь! Если командира нет, то честь же у вас осталась. Встаньте, помогите хотя бы покойников захоронить.

– Не было никакого приказа. Что мы теперь должны делать?!

– Почему вы должны ждать приказа? Пусть вам приказывает ваша совесть.

После этих слов несколько солдат встали и направились в Джаннатабад. Некоторые всё также продолжали ворчать:

– Мы что поделаем?! Командира нет.

По дороге я опять увидела солдат, бродивших по улицам. Облик города, на мой взгляд изменился, в нём чувствовалось состояние войны. Из-за дыма от пожаров, исходивших из горевших нефтеперерабатывающих заводов Абадана, небо над городом стало чёрным. Не было почти ни одного дома, не пострадавшего от взрывов. Некоторые дома были разрушены, а большинство магазинов закрыто. Я видела, как лица людей были в смятении, а некоторые плакали. Бульвары, усаженные цветами и зеленью, зелёные деревья по обеим сторонам улиц и декоративные пальмы посреди бульвара уже не имели той постоянной свежести и выглядели увядшими из-за всей этой пыли. Эти сцены я увидела после двух-трёх дней работы в Джаннатабаде. Всё это время я имела об этом представление только со слов людей. Я сказала про себя: «Как же быстро война придала всему этому всему грубый и несчастный облик. Уничтожаются люди в моём городе, дома в моём городе». Потом я стала себя успокаивать, что всё это долго не продлится. Как только придёт помощь из других городов, они изгонят врага из нашей земли, и мы все единым порывом построим всё разрушенное лучше прежнего. Я очень хотела заглянуть во все части города и всё увидеть своими глазами.

Я прошла от площади Ордибехешт до площади Дарвазе, пока с улицы Фахра Рази не попала в Центральную мечеть. Площадь Дарвазе считается центром города. Я хотела посмотреть, что там изменилось. Мне нравилось это место. Там было красиво. На тротуарах вокруг площади было полно

«распутных»¹ деревьев, чьи мелкие листья и многослойные кроны словно зонтом покрывали всё это место. В центре площади находился сравнительно большой круглый бассейн, вокруг которого росли букс, розы и вербена. Вместе они делали площадь Дарвазе очень красивой. В тёплые дни я всегда проходила отсюда, так как на моё лицо попадала тень деревьев и прохлада фонтанов из бассейна. От этой площади около девяти второстепенных и основных улиц выходили на рынки и важные улицы города: Фахр Рази, Хафез, Харисчи, Фарханг, Рудаки и т.д. Именно по этой причине данная точка города была весьма многолюдной. Но теперь на эту площадь ничто не указывало как на оживлённое место. Магазины все были закрыты, фонтаны не работали. На листьях всех деревьев и цветов сидела чёрная пыль. Я посмотрела в сторону улицы Хафеза. Территория кинотеатра «Хафез» и дневного базара подверглись удару, а посреди улицы были разбросаны сгоревшие кроны деревьев вместе с камнями и глыбами. Чем ближе я подходила к Центральной мечети, тем больше становилось движение людей и машин. У стен мечети собралась вся разношёрстная масса людей: от представителей органов правопорядка, военных и сил специального назначения до народных ополчений и добровольческих отрядов, загрузившихся на пару грузовиков. Я не знала, кого искать в мечети и у кого спрашивать. У дверей мечети, выходящих на улицу Фахра Рази, вокруг стола собралась группа людей, которые громко разговаривали. За столом сидел парень с кучерявыми волосами и тёмным цветом лица и разговаривал по телефону, находившемуся на столе. Периодически он говорил людям, собравшимся вокруг него:

– Тише. Я разговариваю.

Они все болтали о своём. Одни требовали оружие, чтобы пойти на передовую, другие уже были с оружием на плече в ожидании, когда их отправят на место боёв. Некоторые говорили:

¹ Возможно научное название этого дерева, растущего в тёплых краях, совсем другое и может иметь целебные свойства. В любом случае, в диалекте жителей юга оно известно как «распутное» дерево, так как не имеет съедобных плодов.

– Нам нужна машина, чтобы вывозить из передовой раненых ребят. Парни гибнут из-за обычного кровотечения.

Другие говорили:

– Скажи там главным, пусть быстрее проверят места бомбёжек, чтобы город не остался без воды...

Проходя мимо них, я зашла во двор мечети и стала искать кого-нибудь, у кого можно было что-то спросить. Слева от меня несколько человек готовили «коктейли Молотова». Вокруг них было полно разного мыла. Начиная от «Йас», «Джонсон» и «Арус» и заканчивая «Растительным» и «Боруджерди», которое собирали у людей по всем домам. В углу лежали несколько галлонов и баков с бензином и разные большие и маленькие бутылки. Пару человек выстругивало мыло в таз. Некоторые сначала заливали в кувшин керосин и бензин, а потом с помощью воронки наполняли ими бутылки. Немного поодаль, в помещении для ночных молитв в мечети лежало несколько мешков и картонных коробок, наполненных разными вещами. Рядом с ними стояла высокая смуглая девушка. Мне понравилась её внешность. Она выглядела очень спокойной и молчаливой. На ней были голубой платок, немного отдававший фиолетовым цветом и плотно обвязывавший её лицо, и чёрное манто. Кроме неё в этом помещении и во дворе мечети было много женщин и детей. Часть из них сидела, скорчившись в углу стены. У всех на лицах выступали ужас, волнение и беспокойство. Словно все были в ожидании какого-то случая. Я ясно видела этот страх у них во взгляде. Мулла средних лет и среднего роста, на плечи которого не была наброшена *аба*, стоял рядом с несколькими стариками, которые, по моему, пришли из рынка «Сафа», и слушал их разговоры. При этом он о чём-то печально думал. Маш-Мамад – смотритель Центральной мечети – всегда поднимался и спускался по ступенькам, возвышающимся над его комнатой и приносил то, что ему нужно, возвращаясь к своей работе.

Я вернулась к столу, стоявшему в стороне от мечети и очутилась среди тех, кто высказывал своё недовольство. Парень за столом старался им

доброжелательно отвечать. Через какое время перед ним стало меньше людей. Я подошла к нему и спросила:

– Извините. С кем я могу здесь поговорить?

– Насчёт чего?

– Насчёт погибших.

– Не знаю. Иди в мечеть. Там спроси. Может кто-нибудь тебе ответит.

Я разозлилась и сказала:

– Как вы себе это представляете? У кого мне идти спрашивать? К кому подойти? Я должна стать посреди двора и закричать: «Эй, кто-нибудь поможет мне?» Ему стало смешно от того, как я ругалась и бранилась, и он спросил:

– Что именно ты хотела узнать?

– В Джаннатабаде погибшие на земле остаются. Мы там одни. Воды нет, саванов не хватает, собаки в бешенстве нападают на трупы.

– Не беспокойся. Продержитесь ещё немного. Я позвоню ребятам, и мы договоримся насчёт того, чтобы отправить подмогу в Джаннатабад. Хорошо?

Я больше ничего не сказала. Наклонив голову в знак согласия, я отправилась обратно в Джаннатабад. Зейнаб, видя меня поникшей, спросила:

– Что случилось?

– Я ходила туда, рассказала всё. Обещали и людей отправить и для помощи, и для охраны.

– Хорошо бы, если так.

Когда я уже хотела зайти в омывальню, она сказала:

– Пойдём, похороним этих несчастных. Вода в баках закончилась. У нас выхода нет.

Схватившись за носилки, которые Зейнаб держала у изголовья, мы с ней направились к могилам. Когда мы прошли мимо мужской омывальной, к нам подошли двое и подхватили снизу носилки. В Джаннатабаде было почти безлюдно. Не более десяти-двенадцати человек. Дойдя до пустых могил, мы положили носилки на землю. Потом мы подняли покойника, чтобы уложить

его в могилу. Менее чем через секунду всех нас напугал звук разбитого звукового барьера. Мы стали вглядываться в небо. Это были два «Мига». Не успели мы прийти в себя, как первый из них пустил ракеты.

Рёв был столь ужасен и близок, что мы с уверенностью подумали, что попали в Джаннатабад. Вокруг вся земля задрожала и к небу поднялась сильная пыль. Все разбежались кто куда. По сторонам был слышен звук взрывов от попадания ракет. Услышав взрыв, я тут же вытащила свои руки из-под шеи и плеч покойника, которого собиралась поднять. Обеими ногами я резко прыгнула в могилу, в которую мы собирались уложить покойника, и тут же закричала:

– Зейнаб-ханум, прыгай!

Прошло несколько секунд. Я была в ожидании, что следующие ракеты пустят именно сюда, и одна из них упадёт на мою голову. Но ничего не происходило. Пока я сквозь губы поминала Хазрата Аббаса и просила его о помощи, я подняла голову, чтобы найти Зейнаб-ханум. Она спряталась на земле возле трупа. Несколько мужчин также спрятались в могилах и произносили *такбир*¹.

Со стороны гарнизонной крепости донёсся второй взрыв, и тут же Джаннатабад обстреляли из пулемёта. Пули пропахивали землю в пятидесяти-ста метрах от нас. Я снова спрятала свою голову. Пули издавали особый звук, когда ложились на землю. Я переживала за Зейнаб. Несмотря на свой страх и на то, что лежала распластанной на земле, мне было даже немного интересно в эти страшные моменты. Но всё закончилось быстро. Когда шум утих, в той яме меня охватило другое чувство. Если бы одна из тех пуль попала в меня, я бы прямо здесь распласталась и обрела место в своём вечном доме. С этими мыслями я лежала в яме, чтобы почувствовать, каково это находиться в могиле и прокручивала в голове все этапы, которые я прошла, хороня погибших мучеников: укладывание на правый бок, поворачивание лица к земле, могильный камень над головой, и потом

¹ Произнесение формулы возвеличивания Всевышнего Аллаха: *араб.* Аллаһу Акбар – Аллах велик!

темнота и одиночество. Меня охватили удивительные страх и ужас. Я вспоминала всё, что я делала. Передо мной стремительно пронеслись все сцены из моей жизни. Я обратилась с мольбой к Всевышнему: «О, Аллах, забери меня из этого мира в тот момент, когда простишь меня за все прегрешения, а мои деяния будут столь праведными, что меня больше не будут терзать никакой страх и ужас».

Голос Зейнаб нарушил моё уединение:

– Хочу понять, какой вкус у смерти. Посыпь на меня немного земли.

Представь, что я покойник.

– Поднимайся, поднимайся. Хватит шутить. Вставай, у нас нет времени.

Я пошутила в ответ:

– Разве ты хозяйка могилы, чтобы поднимать меня отсюда?

Она засмеялась и ответила:

– Нет, её хозяйка – эта бедняжка. А я её доверенное лицо, душеприказчик.

Она протянула руку и вытащила меня из могилы. Поднявшись наверх, я понимала, что самолёты могут вернуться в любой момент. Поэтому мы быстро уложили тело в могилу и сверху закрыли её. Потом мы направились в ту сторону, где утихла стрельба. Некоторые пули попали в могилы. Остальные рассыпались, вспахав землю. Мужчины подняли несколько пуль. Все мы с удивлением разглядывали их. Пули были большие, пятисантиметровые. Один из мужчин пошутил:

– Одна такая даже слона может сбить с ног. Эти нечестивцы пришли убивать нас.

Потом мы направились на кладбище *Сабеев*¹. Их могилы лежали на свободной земле, в промежутке между Джаннатабадом и домами работников культуры. Пятьдесят-шестьдесят могил, между которыми было приличное

¹ Сабеев – последователи пророка Яхьи (мир ему), приписывавшие звёздам особую значимость и уважение. Исходя из своих религиозных порядков, они обычно жили на берегу рек.

расстояние, были залиты цементом. В первую очередь именно сюда были сброшены ракеты, из-за чего могилы были в развороченном состоянии. Мы там недолго побыли и вернулись обратно.

К вечеру Джаннатабад потихоньку опустел. Мы тоже закончили свою работу. Все разом падали от усталости. Я не могла выпрямиться из-за того, что переставляла трупы с одного места на другое. Ещё оставались трупы, до которых мы не дошли. Омывальщицы говорили:

– К закату воздух становится тяжёлым. Нельзя хоронить кого-либо в ночной темноте.

Увидев, что никто уже продолжать работу не будет, я Лейле сказала:

– Иди домой.

– Ты не идёшь?

– Нет.

– Тогда и я останусь, раз ты не идёшь.

– Я должна остаться.

– Значит, и я останусь.

– Нет.

Я не хотела, чтобы Лейла оставалась там на ночь и испытала все трудности кладбищенской ночи. С самого утра и до того самого момента она сильно измучилась. Находясь в постоянном движении и рабочей суете, я видела, какая нагрузка на неё выпала. Кроме того, я также беспокоилась за Да.

Поднявшись с недовольством, она попрощалась с женщинами, и мы вышли. Я проводила Лейлу до улицы Данешсара. Когда мы уже собирались попрощаться друг с другом, я ей сказала:

– Скажи Да, пусть за меня не беспокоится. Я остаюсь с Зейнаб-ханум и Марьям-ханум.

Она кивнула головой и ушла. Лейла была расстроена из-за того, что я её отправила домой. Я немного постояла и, когда она исчезла из поля моего зрения, вернулась обратно.

Как только я вошла в Джаннатабад, из радиоприёмника одного из стариков послышался звук вечернего азана. Совершив омовение, я вошла в комнату омывальщиц. В этой комнате они проводили свой дневной отдых. Пол был покрыт выцветшим ковром. Металлический комод, в который была уложена вся одежда, с двумя-тремя одеялами составлял всю утварь в этой комнате. Рассматривая стену, я про себя думала: «Как же нам справиться с этой работой? Как мы всё это выдержим...?»

Прошло немного времени, и мне стало грустно от того, я захотела остаться здесь на ночь. Я себе говорила: «Зачем ты здесь осталась? Пошла бы домой, отдохнула. И тело твоё отдохнуло бы. Утром вернулась бы полной сил. Мать тоже легла бы спать со спокойными мыслями. Потом я стала себя подбадривать тем, что не зря тут осталась. Было бы хуже, если бы не осталась. Если бы я пошла домой, то не заснула бы до утра, а мысли были бы здесь. Таково было пожелание Всевышнего, давшего понять, что надо остаться здесь.

Сказав это, я немного успокоилась, и снова передо мной пронеслись сцены, которые я наблюдала с утра. Больше всего в омывальне я боялась выброшенных зародышей. Они имели странный вид и форму. Лица некоторых из них были придавлены друг к другу, словно их спрессовали. Рассказывали, что у женщин из-за страха и ужаса от взрывов и развалин происходил выкидыш. До вечера я к ним вообще не подходила, но новорожденных детей и обёрнутых в саван зародышей в углу омывальни стало так много, что мне пришлось прикасаться к ним, чтобы освободить то место. Устав от ходьбы Почувствовав их холод у себя в руках и на боках, я вся дрожала. Когда я вспоминала, как один из новорождённых младенцев всё ещё держал соску во рту с нагрудником на шее и пил перед этим молоко, высохшее у него в углу рта, мне хотелось умереть. Из-за своего любопытства я не могла просто так пройти мимо чего-либо. Я внимательно всматривалась в их одежду и пелёнки. Можно было догадаться, в какой семье каждый из них родился. В малоимущей семье они родились или благополучной.

Мне самой было удивительно, как мы можем сталкиваться со всем этим лицом к лицу. Я и Лейла, у которых от одного вида крови сжималось сердце и не в состоянии были смотреть на обычную рану, как мы смогли выполнять эту работу?! У отца иногда во время сварки или стройки ноги и руки покрывались ранами. Возвратившись домой, он садился на краю *тармэ* и говорил: «Принесите савлон и газ, чтобы перевязать эти руки». Нам становилось плохо. Мы не могли даже видеть рану. Я не знала, что произошло с нами сейчас. Но теперь у меня закружилась голова. Я подняла голову и обратилась к Всевышнему: «О, Аллах, пусть все эти трудности закончатся как можно быстрее. Дай мне столько сил, чтобы я могла держаться на ногах, работать и вынести всё сколько потребуется».

Прочитав молитву, я начала совершать поклоны. У меня начали литься слёзы. Выплакавшись, я встала. В этой темноте и тишине я начала спорить сама с собой, потом закрыла глаза, чтобы прогнать усталость. Мимо проносились лица погибших. В какой-то момент слышится голос Зейнаб:

– Ты где, девочка? Вставай, выходи к нам. Не сиди одна.

Я собралась с силами. Вышла на улицу и присела к ним. В этот момент перед ними поставили выцветший стильный поднос с варёным картофелем. Принесли также хлеб с луком. Они произнесли: «Бисмилла¹)» и начали есть. Марьям, снимая кожуру с картофеля, сказала:

– Приготовить бы сейчас две луковицы.

Один старик сказал:

– Да, было бы неплохо.

Другой сказал:

– Не получится. Масло где мы достанем. Да и огня нет.

В полумраке все аппетитно откусывали хлеб с луком и картофель. Увидев, что я не прикасаюсь к еде, стали настойчиво уговаривать меня поесть. Я же, поблагодарив, отвечала, что не могу.

¹ Бисмилла – сокр. от «Бисмилляхи-р-Рахмани-р-Рахим» (араб. – «Во имя Аллаха Милостивого Милосердного»).

Несмотря на сильный голод, я не могла заставить себя есть. Находясь с ними, я чувствовала себя неудобно. Все они были омывальщиками, и вся их жизнь была связана с трупами и кладбищем. Зейнаб, увидев, что больше картофеля не остаётся, спросила:

– Снять для тебя шкурку?

Я ответила:

– Нет.

Но я знала, что она силой даст мне его в руки. Поскольку мне не хотелось, чтобы она снимала шкурку, я сама взяла маленькую картошку, сняла с неё шкурку и посыпала солью. С отвращением я его откусила и, не разжёвывая, проглотила.

Когда еда пошла вниз, я почувствовала, как пищевод у меня раскрылся, и мне ещё захотелось поесть. Я взяла хлеб и съела с ним остальной картофель. Мои мысли были заняты тем, что Зейнаб говорила прошлой ночью. Издалека был слышен лай собак. Я же представляла себе сцены, которые возможно увижу сегодня. После того кусочка, сколько меня ни уговаривали, я отказалась есть. Они продолжали жадно есть картофель с хлебом, выдавливая на него лук. Потом вскипятили чай и налили мне. Я отказалась пить его.

Они сами стали пить чай и беседовали друг с другом о своих семьях, а также рассказывали об удивительных вещах, которые они видели здесь за эти несколько дней. Казалось, что из-за своей работы они больше всего понимают друг друга, чем кого-либо другого. Они были словно одна семья, в которой все вели себя свободно и искренно.

Я прислушалась к их разговорам. Они говорили обо всём. Зейнаб Рудбари рассказывала:

– Я спокойна. Поручила дочку её отцу, они уехали из этого огня. Если бы я не отправила свою дочь, то не смогла бы здесь остаться. Какой звук ни услышу, всегда начинаю думать, что ударят по нашему дому.

Я знала дочь Зейнаб-ханум. Её звали Марьям. Она имела привычку во время занятий подниматься на крышу. Каждый раз, когда я её видела, мы друг с другом здоровались.

Марьям-ханум, зять которой был из «Такаваран», и которого она называла Яди, рассказывала о новостях из передовой с его слов. Потом, показывая сигарету, говорила:

– Спасибо ему, что сигареты отправил. Я ему сказала: «Забери мою дочку и своих детей и уезжай». Яди и меня сильно уговаривал уехать с ними, но я отказалась.

Я больше не могла слушать их разговоры и начала ходить туда-сюда и вокруг них. Немного погодя ко мне присоединилась Зейнаб-ханум. Время было пол-одиннадцатого – одиннадцать. Пока мы гуляли по территории, Зейнаб всё время зевала. Было понятно, что она очень устала. Потом она рассказала о своей дочери. Видно было, что она очень её любит и скучает из-за того, что не видела её два дня. Пока мы гуляли, та продолжала рассказывать.

Как только мы доходили до погибших, лежавших на земле перед мечетью, во мне всё переворачивалось. Когда я думала об их одиночестве и муках, мне хотелось остаться рядом с ними и сделать для них что-нибудь. Как только я начинала смотреть на них, Зейнаб не давала мне погружаться в мысли, постоянно спрашивая:

– Ты со мной сейчас?

– Да.

Но я снова уходила в себя, думая о моментах их рождения, приносивших радость в их дом; желаниях, которые у них были и ради которых они старались, и о многом другом, что так необходимо человеку. У меня самой было множество желаний. Я ждала того момента, когда снова могу продолжить учёбу. Я стала думать об этом с тех пор, как Али мне рассказывал о бедности и отсутствии медицинского обслуживания в

деревнях. С каждым днём во мне всё больше крепла решимость учиться и сделать что-нибудь для преодоления невзгод.

Чем дальше мы уходили, тем сильнее были слышны вой и лай собак. Несколько раз мы поднимали камни и бросали в их сторону. Однако положение становилось всё более серьёзным. Поначалу из-за деревьев послышался скрежет клыков, говоривший о том, что они готовы напасть. У меня по спине пробежала дрожь. Я стала ждать, что они все нападут и укусят сзади за голени. Зейнаб начала шуметь. Стучала палкой в разные стороны, чтобы отпугнуть их. На мой взгляд, это всё было бесполезно, потому что их становилось всё больше. В этой темноте можно было увидеть, как сверкают их глаза. Мы с Зейнаб набрали в руки и подмышки камней и ждали, когда они нападут. В какой-то момент, очутившись в окружении деревьев, мы их почувствовали сзади себя. В страхе мы стали оглядываться назад. Одна шайка собак, у которых изо рта шла пена, а на их острых кончиках накапливался яд, очутилась сзади нас. Мои ноги дрожали от страха. Я старалась прижиматься к Зейнаб-ханум. Мы стали бросать камни. Нагибаясь, мы поднимали камни и бросали в их сторону. Сгибаясь и выпрямляясь, я снова почувствовала боль в пояснице и ладонях, которые и так болели, когда я поднимала и перетаскивала трупы, заставляя меня издавать стоны.

По вою собак было видно, что камни, которые мы бросали, попадали в них. Потихоньку их становилось меньше, и они, наконец, убежали прочь. Мы очень устали и направились к домикам. Проходя мимо десяти-двенадцати мучеников, лежавших перед мечетью, я остановилась на минуту и посмотрела на них.

– Где же ваши родные? – спросила я. – Куда они пошли искать вас?

Зейнаб сказала:

– Я не для этого сюда пришла. Пойдём к домику.

Немного постояв, мы пошли дальше. Я надеялась, что помощь, которую парень из мечети обещал, сейчас вот-вот появится. Но, пока мы шли к своим комнатам, от них не было ни слуху, ни духу. Марьям-ханум и другая

работавшая с ней женщина всё ещё болтали. Старик лежал рядом и слушал радио «Би-Би-Си». Другой лежал чуть поодаль. Зейнаб остановилась поговорить, я же зашла в комнату. Я прислонилась к треугольной нише, образовавшейся от стены и металлической стенки комода, вытянула ноги и накинула на лицо край чадры. Через две-три минуты слышу голос Зейнаб:

– Девочка, ты не идёшь на улицу спать?

– Нет.

После этого вошли Зейнаб, а следом за ней и Марьям, и легли на ковролин.

– Зачем ты так села? – спросили они меня. – Вставай и ложись нормально.

– Так мне удобнее. – ответила я.

Я уже не стала говорить, что мне не хочется лечь на этот грязный ковролин. Помимо того, что он был старый, и на нём проглядывали нитки, казалось, что он много лет не видел воды. Воздух в комнате, в отличие от прохладного и приятного воздуха на улице, был несвежим и тяжёлым. Несмотря на это, перед тем как заснуть, я встала и плотно закрыла деревянную дверь.

Марьям-ханум, обратив внимание на мои действия, спросила:

– Зачем закрыла дверь. Задохнёмся сейчас.

– Так нам спокойнее.

– Сейчас в такой темноте кто нас увидит?

Мне пришлось оставить дверь наполовину открытой и вернуться на место. Я постаралась заснуть, но прежде чем мои веки потеплеют и затем сомкнутся, у меня в голове раздавались непонятные крики и гомон, из-за чего я несколько раз от ужаса вскакивала. Сон у Зейнаб и Марьям был тяжёлый. Во сне или наяву у них за спиной был тяжёлый день. Помимо этого, храп старушки, спавшей на улице, пересекался с храпом и посапыванием Марьям-ханум, что меня очень нервировало. Если бы меня саму не мучили кошмары, то эти звуки меня точно разбудили бы.

В один момент я проснулась и почувствовала, что не могу дышать. Тяжесть воздуха в комнате душила меня. Словно на меня давили стены. Я встала и вышла на улицу, пройдя мимо старушки, лежавшей прямо перед дверью. После нескольких глубоких вдохов я снова легко задышала. Я побоялась, что напугаю их, если останусь стоять там же перед домиком. Я пошла прогуляться в сторону Джаннатабада. Повсюду было темно, а мерцание звёзд на небе никак не решало проблемы, и я не видела видеть перед собой дальше пяти-шести метров. Я стала произносить «Бисмилла» и четыре «Куль»¹, чтение которых меня всегда успокаивало. Не доходя до двери, я подумала, что если вдруг передо мной появились иракцы или неверные, или ещё какой-нибудь другой человек вместо них, каким бы способом я могла защитить себя. Даже если никого из них не будет, то звук собак, находившихся неподалёку и, как мне казалось, становившихся всё ближе, заставил меня отказаться от дальнейшей прогулки. Я вернулась в комнату. Когда мне захотелось закрыть дверь, то поскрипывание двери заставило проснуться Зейнаб-ханум.

– Ты зачем встала? – спросила она.

– Я резко проснулась и не могу больше спать.

– Приляг на всю длину, и сон одолеет тебя.

– Я не могу заснуть. Не идёт мне сон. – Потом продолжила. – Собак слышно близко. Если они нападут, что будем делать с этими трупами?

– Предлагаешь пойти прогуляться?

– Ты не хочешь спать?

– Нет.

Она собралась встать, как Марьям-ханум, повернув голову, заворчала:

– Идите спать. Как же вы шумите?!

Зейнаб тихонько ответила:

– Ты спи. Мы тебе чем мешаем?

¹ Четыре суры Корана, начинающиеся со слов («Куль»): «Аль-Ихлас», «Ан-Нас», «Аль-Фалак» и «Аль-Кафирун».

Сказав «Йа Али!», она встала. Мы вышли из комнаты и пошли гулять. Сперва из-за приближающегося воя собак мы подумали, что сейчас обязательно они появятся. В этой темноте я растерянно поворачивала глаза, пытаюсь найти что-нибудь, чтобы этим потом прогнать собак. Но ничего в глаза не попадалось. К счастью, вопреки нашим худшим предположениям, их голоса потихоньку отдалялись, и Зейнаб сказала:

– Давай вернёмся.

Мы опять прошли мимо покойников. Невольно я сказала:

– Ассаляму алейкум, Айюха Аш-Шухада¹.

Зейнаб шутливо и с акцентом, с которым она хотела повторить за мной арабские слова, ответила:

– Ваалейкум ас-салам²!

– Я приветствовала этих мучеников, – сказала я.

– Если бы кто-нибудь из них ответил, чтобы ты сделала?

– Ничего. Просто убежала бы.

Мы обе засмеялись и направились к домику. Зейнаб легла на своё место, и мне сказала:

– Ты тоже ложись здесь, чтобы до утра хоть немного вздремнуть.

– Нет, я сяду на своё место.

За эти несколько дней я сильно привязалась к Зейнаб-ханум и полюбила её, но я брезговала спать как на том ковролине, так и рядом с Зейнаб, которая до того момента всегда мыла покойников и была пропитана ими. Через некоторое время я увидела, что Зейнаб крепко заснула, но сама, сколько я себя ни заставляла, не могла заснуть. Вдалеке и вблизи доносились звуки взрывов, а в голове проносились тысячи разных мыслей и воображений. Чтобы убежать от всех них, я снова решила выйти прогуляться. На этот раз Зейнаб не заметила, как я вышла на улицу.

¹ Пер. с араб. – «Мир вам, о, мученики!».

² Пер. с араб. – «И вам мир!».

Кладбище было большим и не имело ворот и дверей. Его окружали очень старые стены, через которые можно было легко перепрыгнуть внутрь. Вдоль здания омывальни шла асфальтированная дорога, по обе стороны которой были посажены деревья. В такой темноте, когда дул ветер, и качались кроны и листья деревьев, та часть становилась страшнее и грязнее. До этого я много ночей, убегая от жары, проспала на крыше. Всегда, перед тем как заснуть, я всматривалась в небо и разглядывала луну и звёзды. Серебристый цвет звёзд ярко сиял на чёрно-синем фоне. Небо над моим городом было столь звёздным, что иногда меня охватывал страх, что небо от этого груза потяжелеет и сбросит звёзды вниз. Я всегда вспоминала этот стишок, которую читала нам Мими во дворе их дома в Басре:

Эй месяц красивый,
Не видел ты отца моего по пути?
Когда он держал ружьё на плече,
Уходя на охоту.

Теперь, когда мне был столь необходим свет луны и звёзд, кусочки облаков, разбросанные по небу, нагоняли на меня печаль. Я направилась к телам мучеников. Марьям-ханум посреди ночи проговаривала:

– Только собак-то ведь нет. Наверное, какой-нибудь другой зверь полез за трупами.

Мне же не хотелось, чтобы теперь, когда я здесь осталась, мои труды пропали даром, и увидеть трупы изувеченными. С другой стороны, какой-то удивительный страх сидел во мне. Я думала о том, чтобы, не дай бог, встал какой-нибудь из этих трупов, уложенных здесь рядами. Что бы я тогда сделала? Я слышала, как некоторых убитых клали в морг, а через несколько часов к ним возвращались признаки жизни, и выяснялось, что их уложили в морг по ошибке. Именно поэтому было предписано, прежде чем привезти погибшего в Джаннатабад или морг, сперва подтвердить заключение о смерти в больнице. Эти размышления в одиночестве и темноте, вместе с

моими мыслями о разлагающихся трупах, вызывали у меня чувство беспокойности.

Я внимательно вслушивалась в звуки вокруг себя. Услышав какой-нибудь звук, я останавливалась. Всё моё существо превращалось в слух, чтобы понять, что за звук издали доносится: звук собак или взрывов. В основном это были неизвестные и непонятные звуки от ветра, пронесившегося между кронами деревьев, которые я отбрасывала. Чтобы в случае опасности иметь при себе средство для борьбы, я схватила ветку одного из деревьев. Она вроде высохла, но её с трудом удалось скрутить и сломать. Я отделила от ветки лишние листки, потом взяла её в руки как дубинку и с более спокойными мыслями продолжила разгуливать вокруг трупов. Я думала о том, что некоторые из этих тел всё время были здесь, но, когда мы на них смотрим, то кажется, что они буквально час назад погибли. От них не чувствовалось ни малейшего запаха разложения.

В таком состоянии я смотрела на небо. Луна была надо мной. Я чувствовала, как дорога, по которой ходила, двигалась со мной. В какой-то момент облако всё собой закрывало, и наступала полная темнота.

Проходящая между погибшими, я вдруг почувствовала, как моя нога во что-то погрузилась. У меня тут же волосы на голове встали дыбом. Я боялась шевельнуться или протянуть руку к ноге, почувствовав там липкость и влажность, которая с каждым моментом становилась всё больше. Я сразу застыла. В таком состоянии у меня со лба текли капли пота. Я спокойно спустила руку вниз и протянула к ноге. Когда я поняла, что случилось, мой позвоночник стало колоть до головы, и все четыре конечности моего тела задрожали. Моя нога утонула в животе трупа, из которого полезли наружу внутренности. Я с трудом подняла потяжелевшую и занемевшую ногу, которая была уже словно не моя. Я тянула её, пока резко не положила на сухое место. Вытащив ногу из обуви, я положила её на землю. Было бесполезно. Тогда я вытащила носок, но не смогла двинуть нормально ногой. Взяв в руки землю, я посыпала её на ногу и обувь. Потом я на одном дыхании

дошла до домика. Взяла кувшин и отошла в сторону. Я снова посыпала носок и обувь землёй и повесила их на ствол дерева. Я вытянула ногу к краю ручейка, чтобы смыть ту липкую влагу, потом потихоньку поливала водой. Земля у меня под ногами превратилась в глину, и я с трудом смогла помыть свою ногу, обувь и носок. Воды было недостаточно, и мне пришлось довольствоваться тем, что есть, после чего я зашла в домик. У меня всё тело дрожало. К несчастью, я ещё и замёрзла. У меня сердце так сильно стучало, что мне хотелось чуть ли не выпрыгнуть из грудной клетки. Потом я легла и постаралась заснуть, чтобы прогнать от себя эти мерзкие ощущения. Но мне не спалось. Дрожь в моём сердце никак не хотела прекращаться. Я умоляла Всевышнего, чтобы поскорее наступило утро, которое прогонит эту темноту. Придут люди, и я избавлюсь от этих мучений совести.

Глава шестая

К утру я заснула и резко проснулась со звуком азана, который читал старик-омывальщик. С трудом заставила себя встать. Все кости болели. Совершив намаз, мне захотелось очутиться дома и снова поспать, но сейчас здесь этого нельзя было делать. Зейнаб и Марьям-ханум после намаза начали разговаривать. Увидев, как я неподвижная и измученная лежу, скорчившись в углу, Зейнаб спросила:

– О, Аллах, помилуй меня! Девочка моя, ты совсем не спала?

– Почему?! Немного вздремнула.

– В сидячем положении усталость не проходит. Мы поспали на тахте и всё равно чувствуем себя разбитыми и с удовольствием поспали бы ещё. Представляю, каково тебе.

После чего она отвернула от меня взгляд и сказала:

– Дай бог, чтобы сообщили, что война закончилась, и иракцы ушли. Больше не привозили бы погибших. И наши обязанности стали бы понятны.

Она встала и вынесла керосиновую лампу на улицу. Её окликнул один из мужчин:

– Этот керосин не загорается через фитиль. Если вы оставите его гореть без керосина, то где мы в этой суматохе найдём новый фитиль? Тогда мы останемся без чая.

Пока закипела вода в чайнике и заварили чай, взошло солнце. За это время мы прогулялись с Зейнаб по территории перед домиком и мечетью без минарета и купола, использовавшейся только для чтения заупокойных молитв. Несмотря на очень приятный воздух, с каждым вздохом я чувствовала запах пороха. Всё также были слышны взрывы, раздававшиеся всю ночь. Иногда, прерываясь на полчаса, они начинались заново. Я уже привыкла ко всем этим звукам и сказала Зейнаб:

– Для них не существует разницы, чтобы понять, ночь это или день?

– Они что-нибудь вообще понимают?

Мы немного прошлись, что помогло прогнать сухость в моих мышцах. Но стенки моего желудка тёрлись друг об друга, отчего я чувствовала ужасную слабость. Я присела возле маленького источника с водой, которую привозили, чтобы использовать как питьевую, помыла лицо и руки и сполоснула рот водой. Меня вдруг затошнило, и вышла горькая пена. Я теперь не могла встать с места. Мои рёбра впивались в тело. Мышцы шеи вытянулись. Даже руки онемели.

Когда я встала, голову закружило, и я почувствовала, как у меня под ногами возникла пустота, и я погружаюсь в чёрную яму. Потихоньку я добралась до домика.

На завтрак на стол положили несколько картофелин и куски хлеба, оставшегося с прошлой ночи. Марьям-ханум принесла из комнаты печенье «Пети-Бор». Я взяла два-три печенья и нехотя съела. Хотя мне хотелось только снять тошноту, но я абсолютно не чувствовала никакого вкуса, и мне стало только хуже.

Омывальщики сдержанно ели это небольшое количество картофеля и хлеба, поговаривая между собой:

– Невозможно в обессиленном состоянии работать. Так на ногах не удержишься.

Мне пришла в голову мысль предложить прихожанам мечети организовать для них питание. Если так продолжится, они не смогут продолжать работу. Тогда я сказала:

– Все силы они бросили туда, не отправив сюда ни одного человека. Они могут прийти к мысли, чтобы достать для омывальщиков еду?

Действительно, они остаются здесь ночами, работают сверх нормы. Но кто оценит этот труд? Они сами на работают на пределе сил. Хотя все могли бы бросить это всё и уйти.

Я нервничала с тех пор, как они допустили меня к работе, и со вчерашнего дня, когда я поглядывала на дверь в ожидании помощи. После завтрака я сказала:

– Я сейчас пойду в мечеть. Если и на этот раз тот парень захочет дать пустое обещание, то я устрою ему скандал, чтобы он больше бесполезные обещания не давал.

Потом я встала посреди них и сказала:

– Я иду.

Зейнаб спросила:

– Куда?

– В Центральную мечеть.

– Для чего ты туда идёшь?

– Хочу посмотреть, что можно сделать?

– Вчера ты разве не ходила? Что они могли успеть сделать со вчерашнего дня?

– Наверняка забыли. Я сегодня пойду сделать что-нибудь, чтобы они не забыли.

Я ушла. Во мне уже кипела кровь. До мечети мне придётся пройти целый километр пути. Я проходила мимо домов городской администрации, дошла до середины улицы Ордибехешт, как заметила, что ко мне подъезжает рассыпающийся на ходу пикап. Остановившись возле меня, водитель сказал:

– Сестра, я еду в сторону Центральной мечети. Если тебе по пути, садись.

Я чувствовала себя такой разбитой, что была рада благодарить Всевышнего за то, что могу поехать на пикапе с незнакомым водителем. Я поблагодарила его и полезла в машину. По дороге водитель останавливал каждому, кого увидит, и сажал к себе. Впереди сели двое мужчин, сзади – женщина с четырёхлетним ребёнком. Чуть позже к нам подсели ещё двое мужчин, которые слезли уже на улице Чехель-Метри недалеко от мечети Имама Садыка. Остальные все сошли у Центральной мечети.

В толпе я увидела вчерашнего парня. Его звали Эбрахими. Он не стоял на одном месте. Он всё время был в суете и с кем-нибудь разговаривал. Как только зазвонит телефон, он подбегал, чтобы поднять трубку. Когда кто-

нибудь его звал, он подходил к нему. При всей этой суете он доброжелательно всем отвечал. Когда он на какой-то момент вернулся за стол, чтобы ответить по телефону, я воспользовалась удобным случаем и поздоровалась с ним. Он поздоровался в ответ.

Я его спросила:

– Извините. Помощь, которую вы отправили, ещё не пришла. Я хотела узнать, почему?

Он рассмеялся и ответил:

– Подожди. Сперва отвечу по телефону, потом.

Я не вслушивалась в его разговор. Посмотрела на двор мечети. Наблюдалась удивительная толчея. Группа людей во дворе передвигала вещи и помощь для людей. Женщины и дети находились в беседках у мечети. Крики женщин, плач и вопли детей могли ввести в смятение кого угодно. Я вернулась к парню за столиком. Положив трубку, он спросил:

– Ну, что хотела?

Я поняла, что он забыл меня, раз так долго спрашивает, и сказала:

– Разве я вчера ни приходила, не говорила вам, что в Джаннатабаде нуждаются в помощи?!

Выдержав паузу, он ответил:

– Джаннатабад! Так-так!

– Ну и где подмога, которую вы обещали?

– Где мне найти подмогу?

– Вы явно забыли, что я вчера приходила. И сейчас вы не поняли, зачем я пришла? Уважаемый, если вы не можете, зачем обещаете? Если бы вы вчера сказали, что не можете, я бы подошла к кому-нибудь другому.

Он раздражённо ответил:

– Вот сейчас говорю, что не могу. Иди и найди кого-нибудь другого.

Я возмущённо ответила:

– Ну уж нет. Как хотите, или подмогу, или оружием обеспечьте.

– Я тут при чём? Я обязан, что ли?

– Ничего не знаю. Я тоже не обязана была оставаться в Джаннатабаде. Но чувствую ответственность. Вы тоже, раз уж здесь находитесь, чувствуете какую-то ответственность. И теперь вы должны хорошо исполнять взятые на себя обязательства.

– Что теперь по-твоему я должен сделать?

– Придумайте что-нибудь для Джаннатабада. Там тоже нужна помощь. Несколько человек, чья вина только в том, что они омывальщики, за эти несколько дней сильно измучены. Из сил уже выбились. Никто не думает, чем их кормить, и подмоги никакой нет. По ночам собаки нападают, и нет никакого оружия, чтобы от них защититься. Сейчас к кому бы мы ни подошли сказать, что нужна подмога, нужно оружие, никому до нас нет дела. Завтра, если снова собаки нападут или унесут чей-нибудь труп, что мы тогда скажем, если объявится их родственник?

Сказав это, я заметила, как вокруг нас собрались люди. От них было слышно: «Правильно говорит», «Ну и ситуация», «Надо о них тоже подумать», «Так нельзя» и т.п.

Парень беспомощно отвечал:

– Она для меня как сестра, но что я сделаю?! Не я этим занимаюсь.

– Я тоже не говорю, что вы этим занимаетесь. У вас же есть под рукой телефон, свяжитесь, всем кому можно объясните ситуацию в Джаннатабаде. Скажите: «Каждый день приходят, ругаются со мной». Вот это скажите, и им придётся что-нибудь там предпринять.

– Ну хорошо. Если телефон поможет решить проблему, то попробую.

– Я не уйду отсюда, чтобы как вчера не получилось. Если и на этот раз без внимания всё оставите, то снова приду. Я такой крик подниму, что кто-нибудь обязательно отзовется.

Рассмеявшись, он сказал:

– Нет. Не настолько мы и беспомощные. Все к нам приходят за помощью. Значит, и вам мы сможем помочь.

Когда он это сказал, я успокоилась. Помолчав, через некоторое время сказала:

– Дай бог вам здоровья. – И попрощалась.

Выйдя из мечети, я направилась в Джаннатабад. Чувствовала себя в смятении. Я пришла в надежде привести подмогу и оружие, но сейчас иду с пустыми руками, говоря про себя: «Теперь Зейнаб и остальные скажут: разве мы не говорили, не иди? Теперь видишь, что бесполезно?!»

Пока я добиралась до Джаннатабада, повсюду были слышны взрывы. Дойдя до площади Ордибехешт, я заметила напротив, со стороны бойни, несколько бежавших собак. Увидев меня, они начали тихо выть и побежали в мою сторону. В их голосах слышны были страх и мольба. Я поняла, что они не собираются нападать, а только из-за раздающихся взрывов, чувствуя опасность, хотят найти прибежище. Ясно, что в таких условиях они стали голодными и беззащитными. Когда люди не могут себе найти пропитание, то как они будут их кормить?

Как только я завернула на улицу Ордибехешт, завывая, они побежали за мной. Когда они выли, мне казалось, что они как будто говорят: «Возьми и нас с собой». Мне знакомо было такое поведение собак, поэтому понимала, что хочет сказать животное. Я повернулась к ним и крикнула:

– Куда вы бежите за мной? Куда я заберу вас с собой? Привести вас в Джаннатабад, чтобы потом надо мной все смеялись и говорили: «Эту помощь ты хотела привести? У нас самих полно этих собак. А ты наоборот ещё их привела. Можешь идти заниматься своими делами».

Как я их ни отгоняла и ни старалась отогнать от себя подальше, ничего не получалось. Они не отставали и хотели бежать за мной следом. Я махала на них своей чадрой и делала резкие движения руками и ногами, чтобы они не подходили близко. При всей злости, я в тоже время засмеялась. Если кто-нибудь увидит меня с такими прыжками и телодвижениями, что он подумает? Наконец, я выбилась из сил и оставила их следовать за мной, куда пожелают. Видя собак в таком состоянии, я вспомнила зиму прошлого года.

Однажды, возвращаясь из дома Папы, на пустой территории, которая должна была стать зелёной зоной, я увидела нескольких щенков. Им было всего несколько дней, как родились. Местные ребята бросали в них камни или пинали ногами, отчего щенки жалобно выли. Они ёрзали между собой, чтобы избежать ударов детей. Мне стало их жалко. Я знала, что отец ни при каких обстоятельствах не позволит держать собаку в доме. Когда мы жили в доме инженера Бехрузи, тому бы не нравилось, если бы у них дома оказалась собака. Отец также был убеждён, что в то место, где бывает собака, не заглянут ангелы Аллаха и не будет благополучия. Его невозможно было в этом разубедить. За нашим домом находился пустырь, и непрошеные гости вполне могли через крышу проникнуть в дом. Отец всегда советовал, когда мы ходили по крыше, всё время быть внимательными. Мы на это отвечали, что если там привяжем собаку, то беспокоиться будет не о чем, и если непрошенный гость захочет проникнуть туда, то по лаю собаки мы об этом узнаем. Но на это он отвечал отказом.

Тем не менее, вернувшись домой, я рассказала Али, что видела щенков. Он сперва был против. Но когда я рассказала, что их мучают дети, он вышел и, вернувшись, спросил:

– Захра, я видел их. Которого из них ты хочешь забрать?

– Не знаю. Один был самый красивый. Его и хочу забрать, – ответила я.

– Идите и возьмите одного. Отца я уговорю, – сказал он, обратившись ко мне и Мансуру.

Я от радости подпрыгнула. Мы с Мансуром побежали за щенками. Но там их осталось только двое. Щенка, которого я хотела, не было. Это был белый щенок с несколькими чёрными пятнами на теле. Вокруг одного глаза у него тоже было пятно. Увидев, что того щенка нет, я спросила Мансура и Лейлу:

– Кого из этих двоих оставшихся возьмём?

Вдруг несколько ребят, что были рядом, сказали:

– Они наши.

– С утра они здесь лежали бесхозные, а теперь как они вашими стали?

Я пришла забрать их, – ответила я им.

После этого их тон сменился, и они спросили:

– Тётяшка, а можешь одного из них нам дать?

– Хорошо. Возьмите какого хотите.

Эти оба щенка, казалось, были одинаково жёлтого цвета. Одного из них дети забрали.

– Что вы собираетесь с ними делать?

– Хотим забрать к себе и вырастить их.

– Только не мучайте и не убивайте их. Иначе Всевышний покарает вас.

– Нет, тётяшка, мы не будем их обижать.

Мансур накинул на другого щенка кусок ткани и взял на руки. Радостные и довольные мы направились домой. К нашему несчастью, у двери стоял отец. Увидев нас, он спросил:

– Вы где были?

Дрожа от страха, мы ответили:

– На той же линии, где Папа живёт.

– Что вы там делали?

Мы начали невнятно говорить, смотреть друг на друга, думая, что ответить. Потом Мансур вытащил из-за спины щенка и сказал:

– Али нам сказал забрать их.

Посмотрев сначала на меня и Лейлу, потом на Мансура, отец сказал:

– Ты зря его сюда принёс.

Мы готовы были умереть от страха. Мансур, показывая на меня и Лейлу, ответил:

– Я не виноват. Это всё они.

Отец, снова взглянув на меня и Лейлу, ответил:

– Ну давай, посмотрю, что там.

Мансур протянул руку. Щенок бился лапками и хотел вылезти из ткани. И тут отец ласково сказал:

– Зачем вы так поступили с безмолвным животным?!

Рассматривая щенка, он продолжил:

– Не оставляйте его вот так во дворе, иначе везде наследит.

После этих слов мы облегчённо вздохнули, догадавшись, что Али уговорил отца, и он с самого начала был в курсе всего и хотел только поиздеваться над нами.

– Так что с ним делать? – радостно спросил Мансур.

– Положите его в коробку, чтобы не слонялся по двору.

Несколько дней мы держали щенка в семнадцатикилограммовом бидоне. Потом отец с Мохсеном соорудили для него на крыше конуру. Они обвязали его верёвкой, чтобы мог бежать круг по определённой территории. Иногда отец сам развязывал верёвку и давал животному побегать по крыше. Еду для собаки я поднимала наверх. Ребята из-за него уже не выходили на улицу и играли с ним на крыше. Щенок с золотисто-жёлтой шкуркой с каждым днём становился всё больше и красивее и стал больше прыгать. Он к нам сильно привязался и, увидев нас, начинал дурачиться. Он всё время хотел бежать вокруг наших ног и облизывать нас. Однако мы к нему так близко не подходили. Именно поэтому я хорошо знала характер собаки, которую Хасан и Мансур называли Джимми. Теперь, когда эти собаки бежали вслед за мной, я чувствовала, что они хотят найти у меня прибежище и просят моей помощи.

Когда я дошла до улицы Амире Кебира, взрывы стали слышаться сильнее. Они раздавались по улицам Часеби и Халидже Фарс. Собаки, видя, что от меня нет толку, отбегали в сторону от этих звуков, пытаясь найти убежище, но снова возвращались. Наконец, они все разбежались и были уже далеко.

Дойдя до Джаннатабада, я сразу же зашла в омывальный домик. Лейла была уже там. Привезли ещё несколько погибших. Все были заняты. Я не хотела появляться у кого-либо на глазах, чтобы не отвечать на их расспросы, да и работы было много. Я вошла расстроенной. Я умоляла Всевышнего,

чтобы только не расспрашивали о подмоге и не сказали: «Говорили мы тебе, туда ходить бесполезно».

Я поздоровалась, по моему лицу было понятно, что новостей нет, и я пришла с пустыми руками. Марьям-ханум спросила:

– Ну, что расскажешь?

– Ничего. Обещали мне так же, как и вчера.

– На всё воля Всевышнего. Нельзя на других надеяться. Нам придётся самим всё делать, а там всё в руках божьих, – сказала Зейнаб.

Видя, как я расстроилась и была не в состоянии работать, она мне сказала:

– Ты сейчас не должна лишний раз расстраиваться и винить себя в чём-либо. Тебе совсем не обязательно падать духом. Они сами должны об этом думать. Здесь от нас ничего не зависит. Мы будем рады каждому, кто придёт. Кто не придёт, бог с ним.

Сказанное Зейнаб-ханум поддержали Марьям и другая старушка. Но через несколько минут, увидев Парвизпура, они ему сказали:

– Иди за подмогой. Мы тут с ног валимся.

– Клянусь, я всё время прошу о помощи. Я очень стараюсь. Однако положение настолько безнадёжное, что никому нет дела друг до друга. Одни ушли вытаскивать из огня своих жён и детей, другие ушли на передовую. Остальные должны их обеспечивать. Так что некому сюда идти.

Мне так было плохо, что я даже не спросила у Лейлы, как дела дома. Или Да ничего не рассказывала? Она тоже видела, что я была не в состоянии, что-либо выслушивать, и потому работала молча. Зейнаб и Марьям разговаривали, а я была целиком поглощена своими мыслями, высказываясь:

– Почему здесь не могут всё организовать? Наверное, считают, что это всё обязана делать городская администрация. Если так, то и воевать обязаны только военные и гвардейцы. Почему всех надо заставлять. Помогать раненым тогда тоже должны только врачи, а остальные пусть сидят без дела.

Теперь, когда все с ними взаимодействуют, то и Джаннатабаду надо помогать.

Объём работы был такой, что нельзя было останавливаться. Из-за этого я понемногу уже выбивалась из сил. Но я всё терпела и продолжала мучиться. Теперь тех, кто приходил помогать, можно было сосчитать по пальцам, а необходимый материал был уже на исходе.

Последний труп, который, прежде чем закончить работу, омывали я, Лейла и Зейнаб, принадлежал полной женщине пятидесяти с лишним лет, выглядевшей чистой и опрятной. На голове у неё был пробор. Две заплетённые косы соединялись у неё в конце. Её красивое платье очень хорошо сидело на ней. Оно было соткано из кисеи с бирюзовыми цветами на светло-голубом фоне. Её штапельные брюки были тёмно-синего цвета с мелкими жёлтыми и молочными цветами. Мы троём-вчетвером положили старуху на камень. Её тело целиком осталось неизувеченным. Когда мы закончили её омывать, старушка, работавшая с нами, принесла саван и сказала:

– Это уже последний кусок.

Мы взяли саван. Хотя старуха была среднего роста, саван был для неё короток, и мы с трудом смогли подогнать его по размеру. Услышав азан, мы бросили работу и пошли на молитву.

Я стояла у бака с водой, которую привезли чтобы расходовать для омывальщиц, как увидела господина Саларванда, принесшего обед. Он принёс из мечети хлеб, сыр и арбуз. За ним пришёл господин Парвизпур, который рассказал, что звонили из больницы и хотят привезти ещё покойников, так как в морге больше нет мест, и они больше не могут их там держать.

Через час этих покойников привезли. В пикапе было пятнадцать-шестнадцать трупов. Это было ужасное зрелище. Все они лежали вперемешку друг с другом. Хотя женщин положили в одну сторону, тем не менее, из-за большого количества они перемешались друг с другом. По пыли

и грязи на раздавленных трупах было видно, что их извлекли из-под развалин. Их головы, лица и даже глаза и рты были заполнены грязью.

Водитель, увидев наши удивление, вздохи и стенания, сказал:

– Хуже этого были. Многих отправили в Абадан.

Я посмотрела на труп ученицы начальных классов, лежавший поверх остальных трупов. Он был вытянут во весь рост. На ней было длинное китайское платье, а вокруг шеи был чёрный платок. Я протянула руку и с помощью водителя, стоявшего на пикапе, взяла труп девочки и бросила себе на плечо. Её густые волосы свисали вниз. Чувствовалось, что у неё кости были переломаны в нескольких местах. Её дряблое и изогнутое тело приводило меня в дурное состояние. Моё тело тряслось под тяжестью трупа девочки. Я с трудом её донесла и положила в угол, вернувшись затем обратно к пикапу. Другой труп я принесла с помощью Зейнаб. Но потом я надорвалась и больше не могла продолжать. Придя в омывальную, я немного постояла. Когда зашла Зейнаб, она сказала Лейле:

– Детка, давай заберём этих нескольких, чтобы освободить здесь место.

Она имела ввиду те два-три трупа, что остались в углу омывальной. Мне показалось, что Зейнаб поняла моё состояние и поэтому попросила Лейлу пойти с ней. Я не хотела оставлять их одних. Мы принесли носилки и с посторонней помощью положили трупы в гроб и на носилки. Мы с Лейлой взяли одни носилки, а Зейнаб помогли мужчины. По пути к могилам мы несколько раз опускали носилки на землю и менялись местами. Моя поясница больше не выдерживала этой нагрузки. Что касается Лейлы, то, благодаря крепкому телосложению, она больше выдерживала. Перед тем, как похоронить покойников, мы ждали старика, читавшего заупокойную молитву; при этом у многих мужчин и женщин уже заканчивалось терпение. Они хотели видеть неопознанных покойников. Зейнаб раскрывала их лица, но никто не был их родственником. Мы заново завязали саван и уложили трупы в могилы.

Захоронив покойников, мы вернулись обратно. Не доходя до мечети, я заметила, как джип «Вагонер» зелёного цвета с двумя пассажирами заехал на территорию Джаннатабада и остановился перед нами. Парень мелкого роста, который, судя по всему, командовал, обратился к нам:

– Мы привезли погибшего, что с ним делать?

– Подождите, пока носилки принесём, чтобы забрать его в омывальную, ответила Зейнаб.

Пока Зейнаб ушла и вернулась, я подошла к ним. Сзади Джипа лежало тело женщины. Её лицо было покрыто чёрным покрывалом. Я спросила:

– Это покойница имеет к вам отношение?

Другой парень, который в отличие от первого был полным и крупным, а волос надо лбом было меньше чем на остальной голове, ответил:

– Нет, мы её не знаем.

– Откуда вы её привезли? – спросила я.

– Мы с Хосровом заехали на улицу Нагди, чтобы отбуксировать одну машину. Видим, эта женщина упала перед домом. У кого только мы ни спрашивали: «Чья она?», «Откуда она?», никто внятного ответа не дал. Поэтому мы её забрали и привезли сюда.

По их чёрным робам можно было понять, что они строители. Когда Зейнаб принесла носилки, я пошла наверх и помогла положить на носилки тело покойницы, по лицу которой через откиннутое покрывало я увидела, что это молодая женщина. Эти двое парней понесли носилки до женской омывальной. Во время разговора я расслышала их имена. Крупного парня, у которого часть бороды на щеках была аккуратно выбрита, звали Реза, а водителя с чёрными густыми волосами и бородой и большими глазами с пронизательным взглядом – Хосров. Из-за той аккуратности, с которой они поднимали и ставили носилки, было видно, что они ответственные и старательные ребята. Поэтому я подумала, что, может быть, они смогут нам помочь. Самое важно было то, что у них была машина.

Наконец, я решилась и сказала:

– Раз у вас под рукой есть транспорт, то вам воздастся, если вы покружите по городу и соберёте погибших и раненых.

Тот, кого звали Хосров, ответил:

– Откуда соберём?

– Заезжайте, везде, куда мог попасть снаряд.

Они переглянулись друг с другом. Я продолжила:

– Разве вы не бываете там по строительным делам и для буксировки машин? Ну вот, когда будете проезжать мимо таких мест, осматривайтесь вокруг.

– Хорошо. Посмотрим, как получится, – ответили они. – С бензином и запчастями проблема. Сделаем всё, что в наших силах.

Зейнаб на это сказала:

– Аллах велик. Если вы захотите, то сможете.

Я очень обрадовалась, когда эти ребята согласились помочь. Но этого было недостаточно. В ожидании подмоги до вечера я ещё пять-шесть раз заглядывала в мечеть. Меня охватывала ярость, которая каждую секунду ещё больше усиливалась из-за ноги, утонувшей в трупe погибшего. Но я себя сдерживала. Хотелось любым способом прояснить обязанности Джаннатабада.

– Мне теперь надо будет караул кричать, чтобы перестать злиться. Кто-нибудь обязательно ответит, – сказала я.

Мне казалось, что здесь всё запущено и в любом случае надо всех заставить обратить внимание на Джаннатабад и погибших. Я сама устала. Руки и ноги ужасно болели. Даже повязки на пальцах опухли из-за того, что поднимала трупы. Я ходила в мечеть снова возвращалась без результатов. Я снова злилась и снова шла туда. Мне уже было так стыдно. Я сама понимала, сколько ни повторяй, от тебя ничего не зависит. Было очевидно, что мечеть – это только командная база и центр. Казалось, что это центр принятия решений, распределения помощи и продовольствия и убежище для обездоленных людей. Там можно было найти армейских и гвардейских

командиров, представителей мечети, влиятельных людей города и, в общем, всех, кого можно было к ним причислить. Я плохо их знала. К кому бы я ни обращалась, мне отвечали: «Иди к такому человеку, спроси у того Хадж-Аги». Как я помню, я разговаривала с Хадж-Агой Мохаммади, Хадж-Агой Нури¹, господином Солеймани, Махмудом Фаррохи и др. Иногда я себя уже не чувствовала, начиная кричать. Когда я Хадж-Аге Нури, державшему в руке оружие, объяснила ситуацию в Джаннатабаде, рассказав, что там нет ни воды, ни савана, он ответил:

– Положение чрезвычайное. Хороните без омовения и савана. В настоящий момент Хорремшахр находится в условиях войны, а погибшие на войне считаются мучениками. Поэтому не обязательно их омыwać. Можно их хоронить в собственной одежде. А тем, кто прикоснулся к погибшим, не обязательно делать омовение по причине прикосновения к покойнику.

– Возможность привозить воду есть. До сих пор её привозили в водяных баках. В конечном счёте, нет подмоги. Придумайте что-нибудь, чтобы отправить людей помочь нам, – ответила я.

– Где я найду людей?

– Не можете прислать людей, дайте ваше оружие.

Он ответил отказом. Я не отставала и хотела любой ценой получить от него оружие. Он начал злиться. Я разозлилась в ответ и сказала:

– Видит бог, нет от вас ни подмоги, ни оружия. Мы не допустим, чтобы что-то произошло с нашими покойниками. До самого утра мы охраняем их камнями и палками. Если вдруг завтра кто-то из вас погибнет, вы не захотите, наверное, чтобы ваше тело разодрали собаки?!

В этот момент ко мне подошла та самая высокая и смуглая девушка, которую я видела вчера, и которая мне понравилась, и спросила:

– Что случилось? Почему ты так беспокоишься? Зачем ты устраиваешь скандал?

¹ Пятничным имам Хорремшахра.

В какой-то момент я не выдержала. Рыдая, я рассказала о том, что происходит в Джаннатабаде. Я вдруг сразу поняла, что могу рассказать ей всё, что наболело. Из глаз у меня лились слёзы, моё тело трясло. Она ласково спросила:

– В какой средней школе ты училась?

– Я в среднюю школу не ходила, – ответила я.

– А зачем ты пошла в Джаннатабад?

– Так было надо.

Потом я спросила:

– Как вас зовут?

– Марьям Амджади, – ответила она. – А как тебя зовут?

– Меня зовут Захра. Сейеде-Захра Хосейни. Но в паспорте меня по ошибке записали «Захре».

Немного поговорив с Марьям Амджади, я почувствовала некоторое облегчение. Пока мы разговаривали, вокруг нас собрались несколько девушек. По их словам я поняла, что они работают в мечети. Это были девочки из приличных семей. Чувствовалось, что они за эти несколько дней познакомились и привязались друг к другу, откликаясь по личным именам. Марьям Амджади познакомила меня с ними. Сабах Ватанхах была девушкой худой и смуглой, высокого роста, со сросшимися бровями и миндалевидными глазами, одетой в клетчатое манто персикового цвета с серыми и белыми линиями. Вокруг шеи у неё был привязан большой платок молочного цвета.

Захре Фархади, как и Сабах, была высокой и худой, но, в отличие от неё, очень тихой и спокойной. Во время разговора она мне казалась скромной и серьёзной девушкой. Но, будучи молчаливой, она абсолютно не была стеснительной и вела себя очень уверенно. Я поздоровалась также с Реной Наджар, Элахе Хеджаб, Ашраф Фархади и Афсане Гази-заде.

Услышав мой разговор, они тоже почувствовали мне:

– Не волнуйся. Всё наладится. Зачем ты нервничаешь? Ты делаешь всё, что от тебя зависит. А эти покойники будут твоими заступниками на том свете. Нам приходится здесь работать. Нам бы твоей смелости.

Я спросила:

– Чем вы здесь занимаетесь?

– Мы здесь ожидаем раненых, которых привозят, оказываем им помощь, – ответили они.

Краем глаз я увидела, как справа от мечети положили кушетку и *параван*¹, маленький стол, комод с лекарствами и *тралю*², создав, таким образом, маленькую поликлинику.

– Вы всё равно сейчас ничем не заняты. Может пойдёте со мной в Джаннатабад. Там работы вдоволь. Пойдёмте, поможете там.

Они все вместе замолчали и посмотрели на меня. Сабах ответила:

– Если честно, я боюсь. То есть, может, на самом деле не боюсь, но всё же немного побаиваюсь. Думаю, ребята тоже из этих соображений не смогут пойти в Джаннатабад.

– Почему вы говорите, что не сможете. Не пытались и говорите, что не сможете. Мне тоже вначале было тяжело. Но я пошла и осталась работать. Пойдёмте сейчас и посмотрите. Может, у вас получится.

Сабах спокойно и прямо ответила:

– Зачем нас принуждать? Мы боимся. Разве не понятно?

– Ты это меня сейчас боишься? – спросила я.

– Нет. Зачем я должна тебя бояться, – ответила она.

– Если я вот сейчас свалюсь, умру. Тогда будешь меня бояться?

– Да, буду.

– Ну почему? Я могу тебе причинить вред, пока живая. А мёртвой ничего не смогу сделать.

¹ Параван – занавесь с ножками, которую ставят вокруг кровати больного.

² Трало – столик с колёсиками, на котором перевозят лекарства и перевязочные материалы.

– В тот момент у тебя будет другой цвет лица, – ответила она со смехом. – Ты застынешь как лёд, и я близко не подойду к тебе.

Разозлившись, я ответила:

– Вы же утверждаете, что находитесь здесь, чтобы помочь. Так пойдём же. Работа есть работа. Какая разница? Зачем ищите предлог? Вы просто хотите увильнуть от работы.

– Нет, это не наша обязанность, – ответили остальные девушки.

Я не обращала внимания на то, что давила на них морально. Мне было не важно, обидятся девочки или нет. У меня перед глазами были только покойники, оказавшиеся там, поэтому говорила без всякого страха. Я вернулась в Джаннатабад, но не смогла успокоиться и снова отправилась в мечеть. Наконец, после всех этих хождений, мои увещевания подействовали только на девчат. Некоторых из них я уговорила и забрала с собой в Джаннатабад. Только Марьям Амаджи ни за что не согласилась прийти, отвечая, что не сможет здесь всё бросить.

Она стояла перед лестницей, ведущей на второй этаж мечети. Тут я поняла, что она охраняет там небольшой склад с оружием и боеприпасами, выдавая его по разрешению. Со мной пошли Сабах Ватанхах, Захре Фархади, Афсане Гази-заде и Ашраф Фархади – двоюродная сестра Захре. Среди них только Афсане после моих увещеваний добровольно согласилась помочь мне.

– Не боишься? – спросила я её.

– Нет, – ответила она, – мы пришли сюда работать. Значит, надо браться за всё, что придётся.

Меня очень обрадовали эти слова. Потому что хотя бы одна из девчат искренне согласилась выполнять эту работу. Когда мы дошли до Джаннатабада, Ашраф Фархади и Захре, желая помочь, но при этом, как бы не умея, уклонялись от этой работы. При этом Сабах сказала:

– Я боюсь. Я не как ты каменная.

Зайдя со всеми в Джаннатабад, она посмотрела, что можно сделать, чтобы помочь. Афсане Гази-заде зашла со мной в омывальный домик и оцепенела, увидев, что там творится. Видя её состояние, я сказала:

– Если боишься, не прикасайся. Тебя ведь никто не заставляет.

– Нет, – ответила она.

Она засучила рукава, и мы вместе стали совершать над покойником таяммум¹. Закончив с ним, она сказала:

– Я не могу здесь оставаться. Это место мне не подходит.

Я ничего не ответила, поскольку не могла силой её здесь удерживать. Мы вышли вместе, и я увидела, как Захре Фархади подметала омывальную комнату, а Сабах приводила в порядок некоторые вещи. Там же они совершили намаз. Захре со своим милым и добрым личиком сказала:

– Сестра Хосейни, ты правильно поступаешь, что пытаешься до всех достучаться. Ни до кого невозможно докричаться. Сколько тут не старайся суетиться, всё бесполезно.

¹ Таяммум – *рел.* совершение ритуального омовения землёй или песком (*при отсутствии воды или при заболеваниях*).

Глава седьмая

Наступил вечер. Вечер четвёртого мехра¹. Мы с девочками стояли на улице возле омывального домика. Лейла тоже, закончив работу, вышла к нам. Я её познакомила с Сабах, Захре, Ашраф и Афсане, сказав им, что Лейла – моя сестра. Они также друг с другом поздоровались. Пока мы разговаривали, я услышала голос отца. Когда он позвал меня, я готова была взлететь от радости. Два дня его не видела и успела соскучиться по нему. После моей реакции Лейла с девочками увидели отца. Я и Лейла подбежали к нему. Отец крепко обнял сперва меня, а потом Лейлу. Он в ответ поздоровался и с девочками, потом молча стоял некоторое время. Он выглядел сильно уставшим. Его лицо выглядело удивительно печальным. Через несколько секунд, после того как Лейла и девочки отошли, он без всякого вступления сказал:

– Захра, я хочу тебе поручить кое-что.

В моё сердце словно вонзили когти. Я с волнением спросила:

– Что за поручение?

Он опустил голову и замолчал. Я внимательно вгляделась в его лицо. Он был весь бледный из-за того, что не спал несколько ночей. Глаза его выглядели уставшими. Глаза, которые всегда были полны смиренности и невинности. Передо мной вдруг возникло то выражение лица, которое я видела на нём в тюрьме «Истихбарат». Именно тогда, когда он завещал Да смотреть за нами, а меня и Али просил быть хорошими детьми и не мучить Да. И сейчас у него было ровно такое же выражение лица, и в таком же состоянии он тогда находился.

Я чувствовала, что он ищет подходящие слова, чтобы сказать то, что нужно, и следила за его губами. Затаив дыхание, я терзала себя размышлениями, что же он хотел сказать. Наконец, он поднял голову и

¹ Мехр – седьмой месяц солнечной хиджры иранского календаря.

посмотрел мне в глаза. Я не могла выдержать этого взгляда и поэтому опустила голову. Нарушив тишину, он спокойным голосом сказал:

– Захра, Али здесь сейчас нет. Мохсен, ты сама знаешь, ещё маленький ребёнок. Твоих сестёр, братьев и мать я поручаю тебе. Пока Али вернётся из Тегерана, присматривай за ними. Может, я уеду и больше не вернусь. Наконец, могу погибнуть, могу в плен попасть, могу получить ранение. Мы выбрали этот путь и знаем, на что идём, чем всё это может закончиться. Именно поэтому я поручаю детей и мать тебе. И конечно, Всевышний всё видит. В конечном счёте, после меня ответственность за детей ляжет на твою шею.

Я не могла слушать то, что говорил отец, но при этом видела, насколько он спокоен и уверен. У него уже ни к чему душа не лежала. Он готов был оставить всех нас, меня и уйти. Я пыталась контролировать всю свою любовь, которую испытывала к отцу, и обуздать свои чувства. Я должна была ему ответить что-то вроде того, что он не ошибся, поручив всё это мне. Я не должна была его разочаровывать, но при этом хотелось сказать: «Ты ещё нужен мне. Ты рано бросаешь меня, семнадцатилетнюю девочку. Как ты можешь оставлять меня? Разве ты не говорил, что в этой безысходности у тебя кроме моей матери и Папы никого больше не осталось в этом мире, что все мы – твоя частичка. Так почему же ты от нас всех отказываешься?»

Мне тяжело было дышать. Словно что-то давило мне на грудь. Воздух для меня стал очень тяжёлым. Я хотела бежать от этого душевного гнёта. Хотелось спросить: «Сейчас, когда собираешься уйти, какой груз ты хочешь на меня взвалить? Я ещё не готова брать на себя такую обязанность. Как минимум этого от меня не требуй». Но в итоге я ответила так, словно я сама очень хотела, чтобы он быстрее закончил этот разговор:

– Что ты такое говоришь? Дай бог ты уйдёшь и благополучно вернёшься. Мы разгромим баасистов. Мы победим их.

Отец, сдерживая комок в горле, ответил:

– Мы всегда побеждаем дочка, лишь бы только предательства не было. С той изменой, которая творится повсюду, будь уверена, мы можем не вернуться. Эти несколько дней я находился в дорожной полиции среди наших солдат и бойцов. Они сами слоняются без дела. Банисадр не даёт выступить войскам. Наш предатель дошёл до этого.

Заговорив о предательстве, он сжал кулаки и ударил по дощечке, стоявшей рядом с ним. Мне нечего было сказать, мои глаза закрыла пелена из слёз. Меня изнутри раздирали противоречия. Я не хотела своими слезами ослаблять его дух. С другой стороны, вся моя сущность кричала о том, чтобы только эта встреча не оказалась последней. Неужели я сейчас последний раз вижу своего отца?

После нескольких минут молчания он сказал:

– Мне уже надо идти.

Мы направились к воротам Джаннатабада. В какой-то момент своей правой рукой он схватил мою руку, находившуюся плечом к плечу к нему. Наши ладони сцепились друг с другом. Я хотела остановить его, но не могла. Мы уже подошли к воротам Джаннатабада. Сильнее сжимая руки, я чувствовала, что он сейчас ближе ко мне как никогда. Своей правой рукой я схватила его правую руку, он вытащил свою ладонь из моих пальцев и обнял за поясницу. Воспользовавшись моментом, я положила голову ему на грудь. Я вдыхала запах его тела, стараясь запомнить его. Я старалась зафиксировать в своей памяти всё: тепло его объятий, доброту его голоса, любовь, которую он хотел передать мне, сжимая руки, и сохранить всё это в своём сердце на всю жизнь. Снова хотелось сказать: «Не оставляй меня одну. Почему ты хочешь уехать каждый раз, когда больше всего мне нужен? Почему, уезжая, ты перекладываешь на меня такую огромную ответственность?» Моё внутреннее «я» хотело много говорить, много кричать. Но ничего из этого не выходило из моих уст. Ничего больше не оставалось перед воротами Джаннатабада. Моё сердце сжималось, а внутри всё кричало. Как же не хочется выпускать его из своих объятий!

Тут Лейла, увидев, что отец уходит, бросилась к нему. Я отошла от отца, и он обнял её. Я про себя подумала: «Бедная Лейла, она даже не знает, какие драгоценные мгновения проводит сейчас».

Я слышала, как отец говорил Лейле:

– Слушайся свою сестру. Береги себя. Не отдаляйтесь друг от друга. Будьте всегда вместе. Лейла удивлённо смотрела на отца, а её лицо вытянулось. Она не выдержала и расплакалась. Отец снова её обнял и, как всегда, желая положить свою голову на голову немного пухленькой Лейлы, сказал:

– Что бы там со мной ни случилось, не волнуйся. Мы должны сами поддерживать друг друга.

Лейла немного успокоилась. Отец меня ещё раз обнял, потом помахал рукой и быстро ушёл. Он уже больше не вернулся и вышел из Джаннатабада. Я была убеждена, что от него отрёкся весь мир. Мы с Лейлой стояли и смотрели, как он уходит. Смотрели на отца, которого безумно любили. Вдруг Лейла спросила:

– Захра, почему отец так говорил странно? Что он имел ввиду?

Я с трудом заставила себя ответить:

– Он давал нам напутствие. Возможно мы в последний раз увидели его. Он уходит, чтобы стать шахидом¹.

Лейла разрыдалась, и из её глаз потекли слёзы. Отец ушёл, но во мне всё нутро бушевало. Я не могла успокоиться. Меня больше волновало то, что все девочки ушли. Я надеялась, что, как минимум, одна-две из них останутся здесь, но все ушли.

Когда солнце уже начало тускнеть, Джаннатабад потихоньку опустел. Осталось не более семи-восьми человек. Мы стояли у могилы. Надо было похоронить труп мальчика десяти-двенадцати лет. Могила была засыпана землёй, и один из мужчин выбрасывал оттуда землю наружу. Старик,

¹ Шахид – верующий мусульманин, принявший мученическую смерть на войне против врагов, сражаясь во имя Аллаха, защищая свою веру, родину, честь, семью.

читавший талкин¹, от усталости сел рядом с могилой и смотрел на всё это. Он не оставался по ночам в Джаннатабаде. Уходил и возвращался утром. Ему было около шестидесяти лет. Он был низкого роста, и у него было светлое лицо. Он всегда, снимая обувь и верхнюю одежду, вешал их на металлическую табличку над могилой в широченной пижаме и белой майке, босиком опускался в могилы. Он заворачивал края брюк, чтобы они не мешали ему работать. Мне очень было его жалко. Потник у него на голове напоминал мне о Папе. Я раньше имела привычку за день один-два раза навестить его, но теперь уже несколько дней о нём ничего не слышала.

Когда могила была уже готова, старик спустился в неё, потом ему передали тело. Чтобы он смог раскрыть лицо покойника и прочитать талкин, я, с трудом волоча, принесла два могильных камня. Старик, который уже достаточное время знал меня и называл доченькой, попросил передать ему камень аккуратно, чтобы не выронить его.

Не успел он договорить это, как рёв истребителей в небе привлёк наше внимание. Я ничего не видела, как вдруг кто-то закричал:

– Он отсюда летит, отсюда летит! За вашими головами!

Все вернулись назад. Два «Мига» летели в Джаннатабад со стороны Парс-Авана. Так как они летели со сверхзвуковой скоростью, то их звук донёсся до нас после того, как они пролетели над нами. С каждым моментом звук становился сильнее и ужаснее. Мои барабанные перепонки испытывали сильное давление. Я чувствовала, как они набухли и готовы были выскочить из ушных раковин. Этот звук заставлял моё сердце вибрировать. Не знаю, но почему-то я не могла ещё и дышать. Казалось, что сильный ветер дует в лицо человеку и не даёт сделать вдох. «Миги» так быстро пролетали над нами, что я не могла ничего разобрать. Я даже не могла понять, какого они размера. Только одно было ясно: эти «Миги» летали очень низко. Самолёты с самого первого дня сюда прилетали, но со вчерашнего дня, то есть на третий день,

¹ Талкин – обряд в отношении усопшего, проводимый у изголовья могилы мусульманина после его захоронения.

воздушные бомбардировки участились. Они уже поняли, что на этой стороне нет никаких сил для оказания сопротивления. Поэтому они осмеливались лететь так низко. Со слов военных, которые были тут разбросаны повсюду, я слышала, что самолёты «Авакс» прилетают сюда для разведки, а русские «Миги»-21 и -23 являются истребителями. «Миги» бросали свои бомбы на ту сторону укрепленного гарнизона в пустыне между самим гарнизоном и домами квартала Шах-Аббас. Земля дрожала у нас под ногами. Взрывы становились сильнее, поднимая в воздух клубы дыма и пыли. Слышно было даже, как бились стекла окон в районе Шах-Аббас. Звуки разрывов вернули меня к воспоминаниям о солнечном затмении в мои школьные годы. В тот день всё погрузилось в абсолютную темноту. Всё было охвачено сильным ураганом, ветром и ливнем. Гром, молнии и рёв облаков рассекали небо и издавали ужасный звук так, что пугали нас, а дети начинали плакать. Теперь этот рёв истребителей создавал тот самый страх и во мне. Мы все, закрыв уши руками, прижались к земле. Я хотела видеть, что происходит, поэтому привстала с земли, чтобы лучше всё видеть. Мне сзади крикнули:

– Девочка, ложись, зачем встала?

Присев, я стала с любопытством наблюдать за «Мигами». После бомбёжки они делали круг и снова пролетали над нашими головами. На этот раз они ударили по дорожной полиции. По густому чёрному дыму, поднимавшемуся к небу, было понятно, что гараж и мастерская для грузовых машин Дизель-абада подверглись удару и начали гореть. Взрыв донёсся и со стороны площади Фармандари. Наверняка они прилетели также, чтобы разрушить мост. Всё происходило очень быстро и стремительно, но мне показалось, что очень долго. «Миги» ещё несколько раз кружили в небе и полетели в сторону Шаламче. Я боялась, что если они сбросят бомбы в Джаннатабад, то будут разворошены все могилы и невозможно будет что-либо разобрать. Убедившись, что «Миги» улетели, мы встали и вернулись к своим делам. Один из мужчин начал говорить проклятия:

– Да проклянет вас Всевышний, безбожники-баасисты! Пусть род ваш будет стёрт с лица земли! Вы погубили всех наших близких! Вы даже не жалеете их тела. В чём мы провинились-то? Не дают даже наших покойников спокойно похоронить в могилах.

– Если бы поднялись наши «Фантомы», они бы не вели себя так нагло, – успокаивал его другой мужчина.

Мужчины продолжили хоронить трупы. Поскольку среди трупов уже не было женщин, я пошла за тачкой в омывальную. С трудом я закинула туда несколько могильных камней и направилась дальше. Катать тачку по неровной и ухабистой дороге Джаннатабада было тяжело. Каждый раз, попадая в ухаб, она опрокидывалась, вырывая из меня крик. Было тяжело её снова поднимать. Поясница от тяжести сгибалась и не могла выпрямиться. Камни были бетонные и имели размер 40X60 с толщиной в пять сантиметров.

– Девочка, не надо брать камни. Они тяжёлые. Не сможешь, – говорили мне.

– Нет, смогу, – невозмутимо отвечала я.

Кряхтя добравшись, я увидела молодого парня, по-быстрому фотографировавшего пустые могилы и лежавшие рядом трупы, готовые к захоронению. В этой пыли он выглядел весьма опрятным, модным и чистым. На нём были брюки «Ли», футболка с короткими рукавами, а волосы были зачёсаны наверх. Чтобы сфотографировать и выбрать правильный ракурс, он всё время наклонялся и выпрямлялся, или становился на колени и даже заходил в могилу. Один из мужчин спросил:

– Что ты там делаешь?

– Погибших фотографирую, – ответил он.

– Для чего?

– Ни для чего. Я фотограф¹ и пришёл снимать погибших и Джаннатабад.

¹ Как рассказывал Парвизпур, этого молодого фотографа звали Моджтахед.

Тогда я спросила:

– А для чего тебе нужны фотографии?

– Для выставки. Для будущего, чтобы сохранить в истории. Если будущие поколения их увидят, то поймут, что здесь происходило. Сегодня есть множество фотографий со Второй мировой войны, которые нам рассказывают о той эпохе.

Как мне казалось, эти слова абсолютно не соответствовали его типу и внешности. В один момент мне пришла в голову мысль, вот бы он фотографировал неизвестных шахидов. Я подошла к тачку к могилам и подошла к нему. Он был целиком занят своим делом.

– У нас очень много погибших, чьи родственники не объявились. Мы их хороним как неизвестных шахидов. Было бы хорошо их сфотографировать, чтобы потом показать их родне, и каждый мог по этим фотографиям опознать их, – предложила я.

– Но если мы покажем им фотографию, то всё равно не сможем показать, где захоронены их близкие, – ответил он.

– Мы об этом тоже подумали. Среди особых примет неопознанных погибших мы писали также место их захоронения. Хорошо было бы и фотографии к ним приложить. Мы можем поговорить об этом с господином Парвизпуром.

Он кивнул положительно, и мы направились к конторе. Увидев фотографа, Парвизпур спросил:

– Сфотографировали?

– Да, – ответил юноша.

Я спросила:

– Господин Парвизпур, было бы неплохо, если бы он фотографировал неопознанных погибших.

– Как раз сейчас мы говорили об этом с господином Саларвандом и другими, – ответил он.

– Мы ведь записываем данные неопознанных покойников, а их фотографии можем приклеить к страницам той самой тетради.

– Я могу посмотреть на эту тетрадь? – спросил юноша.

– Да, заходите, – ответил Парвизпур.

Мы зашли в комнату. Парвизпур вытащил из ящика своего стола маленькую двухсотстраничную тетрадь с зелёной пластиковой обложкой и показал ему. Тот пролистал тетрадь, заполненную почти на треть и сказал:

– Это всё хорошо, но было бы лучше, если бы тетрадь была побольше, тогда мы смогли бы и данные записать, и фотографии наклеить.

С этого момента фотограф приступил к работе. Парвизпур расчертил на страницах большой тетради таблицу, в заголовке которой написал пол, примерный возраст, особые приметы. Мы также решили определять национальность, исходя из одежды, лица покойника или квартала, откуда его привезли. Мы также пришивали иголкой к каждому неизвестному шахиду кусочек одежды и рядом прикладывали его фотографию. Тетрадь оставили в комнате. Каждого из привезённых покойников женского пола осматривали я или Лейла и заполняли их данные, а юноша перед входом в омывальною фотографировал их. Некоторые тела так сильно разложились, что нельзя было определить, мужчина это или женщина.

Мы договорились, что фотограф будет приносить снимки каждый день через два дня после фотографирования.

В этот же день, после того как фотограф ушёл, я вернулась в омывальною и продолжила работать. К вечеру у меня уже не было сил, и я пошла домой. Мне надо было узнать, заходил ли отец домой или нет после того, как попрощался с нами. На улице было очень тихо и безлюдно. Было видно, что многие ушли. Пока Да откроет дверь, иракская артиллерия снова начала усиленно бомбить город. Увидев мать и, несмотря на то, что я её не видела с обеда вчерашнего дня, толком не поздоровавшись, я спросила:

– Почему вы до сих пор здесь, Да?

Увидев меня, она удивлённо раскрыла глаза и спросила:

– Где вы пропадаете? Мы уже заждались вас и беспокоимся.

Потом, посмотрев на улицу, спросила:

– А где Лейла?

– Не волнуйся, – ответила я. – Лейла там же, в Джаннатабаде.

Я снова спросила:

– Почему же вы не уехали? Почему до сих пор остались дома?

– Куда я поеду? Здесь у меня дом, – раздражённо ответила Да.

– Да, оставаться здесь неблагоприятно, – сказала я. – идите в Центральную мечеть. Все находятся там вокруг. Туда хотя бы не бьют артиллерия и танки. Весь квартал опустел. «Пятая колонна», эти нечестивцы тоже без дела не сидят. Дети могут пострадать. Зачем вам здесь оставаться?!

Она так гневно посмотрела на меня, что я больше не осмелилась настаивать.

– Какие новости от Папы? – потом спросила я.

– Дядя Хосейни приходил до обеда. Хотел забрать нас. Сказал, что он Папе и Мими тоже говорил, чтобы были готовы и идёт за ними. Они собираются ехать в Хорремабад в дом к родственникам его жены. Дядя Надали тоже со своими детьми уехал в Сарбандар.

Я воспользовалась благоприятным моментом, чтобы продолжить свой разговор:

– Ну и что ты сказала дяде? Взяла бы ты детей, чтобы уехать с дядей Хосейни.

– Дядя Хосейни очень настаивал, – ответила Да. – Но как я поеду?! Я сказала твоему дяде: «Али нет. Когда он приедет из Тегерана, то увидит, что никого нет, и начнёт искать всех нас. Да и девочек нет дома. Отец их вообще на войну ушёл».

– Отец когда в последний раз приходил домой? – спросила я.

– Вечером заходил попрощаться. Забрал свой молитвенный коврик и ушёл.

Когда она произнесла слово «отец», её голос задрожал.

– Твой отец не говорил, чтобы мы уезжали, – продолжила она потом. – Он должен был нам сказать, что делать. Пока он здесь, куда я поеду?

Показывая на Мансура, Хасана, Саида и Зейнаб, собравшихся вокруг меня, я сказала:

– Да, умоляю, ради нас отправляйся к Центральной мечети. Позволь нам не переживать за тебя. Я не говорю, уезжай из Хорремшахра. Я просто прошу: иди в более безопасное место. Дети могут пострадать.

– Везде опасно, – ответила она. – Никогда не предугадаешь, что может произойти. Кто останется, кто уйдёт. Моё сердце подсказывает, что может произойти что-то ещё более худшее, Захра.

Посочувствовав ей, я детям сказала:

– Не мучайте Да. И не выходите из дома. Наш квартал совсем опустел.

Вяло и неохотно они согласились. Потом я взглянула на угол огорода и, увидев, что на том месте, где были овцы и коза, купленные для жертвоприношения в дни мухаррама, было пусто, спросила Да:

– Куда делись овцы?

– Отец отвёз их в Центральную мечеть, – ответила она. – Сказал, что придёт ещё забрать рис и масло, чтобы военным еду готовить.

Мы уже два года с первого по десятое мухаррама после обеда проводили песнопения о мученической кончине имамов и держали овец специально для дней Тасуа и Ашура¹. Отец считал, что бараны, которых он хотел принести в жертву ради Имама Хусейна (мир ему), надо какое-то время до этого кормить чистым кормом, чтобы их мясо было приятным и чистым. Он говорил, что всё, что связано с именами имамов, должно в конце очиститься. Именно поэтому он покупал баранов за несколько месяцев до мухаррама и откармливал их или заказывал, чтобы их привезли нам из Илама. Отец это жертвоприношение совершал с намерением благополучия

¹ Ашура и Тасуа (араб.) в исламе — особо почитаемые дни в лунном месяце мухаррам. Тасуа проходит в 9-й день месяца: в 61 году лунной хиджры этот день стал последним перед мученической гибелью третьего Имама Хусейна и 72 его сторонников. Ашура проходит в 10-й день месяца, для шиитов этот день известен как «день траура». Тасуа дословно переводится с арабского языка как «девятый», Ашура в семитских языках обозначает «десятый».

для дома. Каждый раз перед наступлением мухаррама на траурные мероприятия он облачал дом в чёрное одеяние. На наших собраниях всегда было много народу. Приходило столько людей, что во всех комнатах яблоку негде было упасть. Нашей чтицей была женщина из потомков Имама Али (мир ему), получившая религиозное образование в Куме. После мероприятия мы угощали участников траура чаем из корицы или молоком с кейком¹, лябляби или рангинаком².

Я долго уговаривала Да, пока она не согласилась. Убедившись, что та не останется дома и идёт в мечеть, я вышла из дома. Пока шла, у меня перед глазами проносился её образ и слова. За эти несколько дней она исхудала и побледнела. Да, которая была настолько терпеливой и спокойной, теперь в своих словах и движениях выглядела взволнованной и беспокойной.

Открыв глаза, я увидела перед собой Центральную мечеть. Эбрахими, увидев меня, сказал:

– Спаси нас Всевышний! Опять идёт этот ураган, чтобы снести нас своим смерчем.

– Если бы вы видели, какое там положение, то так не говорили бы, – ответила я. – Я буду ходить сюда до тех пор, пока не добьюсь результата.

– А почему ты с самим Джаханара не поговоришь? Он же главный военный командир. Если будет возможность, то он не оставит это без внимания.

– Где же я его найду?

– Вот этого я не знаю, – ответил он. – В военной комнате, в Фармандари, в мечети, на передовой линии, он вот таким образом везде бывает.

– Удивительные вещи ты говоришь. Я не могу везде кружиться вслед за ним, – сказала я.

¹ Кейк – разновидность сухого и сладкого кекса.

² Рангинак – разновидность сладостей, похожая на те, что готовят на дни мухаррама или рамазана.

Он посмотрел по сторонам, всем видом показывая, что уже устал от меня, и сказал:

– Следуй за теми ребятами.

Я посмотрела в ту сторону, куда он показал. Во дворе мечети я увидела несколько военных. Возникло ощущение, что они кого-то или чего-то ждали, так как всё время выходили на улицу и возвращались во двор, с кем-либо переговариваясь.

Эбрахими, сделав для себя большое открытие, что может таким способом избавиться от меня, подозвал их к себе и сказал:

– Я тебя прошу, послушай, что эта девушка говорит.

Военные подошли к нам и, поздоровавшись, спросили:

– Что случилось? Что-то нужно было?

– Не знаю, сможете вы мне помочь или нет, – ответила я. – Не знаю, видели ли вы, что происходило в Джаннатабаде в эти дни или нет?! Мёртвые буквально лежат друг на друге. Нет никакой помощи, чтобы их можно было обернуть в саван и похоронить. Старые и усталые омывальщики больше не справляются с этой работой. Сколько бы я сюда не приходила, просила и умоляла, чтобы хоть чуточку о них подумали, всё было бесполезно. В крайнем случае говорят: «Иди, расскажи всё брату Джаханара». Я ведь не имею к нему доступа. Я бы хотела, чтобы вы всё это ему рассказали. Попросите его найти какой-нибудь способ помочь Джаннатабаду. Правильно, там всего лишь кладбище, но его нельзя отделять от военных проблем. Из-за войны всё дошло до такого состояния. Те, кто сейчас там находятся, именно из-за этого и погибли. Мы не можем их так оставить.

Военные переглянулись друг на друга. Казалось, что эти слова на них действовали.

– Да, я видел, что там происходит, – ответил один из них. – Положение ужасное.

– Мы обязательно расскажем Джаханара, – добавил другой.

– Я могу быть уверена, что вы расскажете всё брату Джаханара? – спросила я.

Не знаю, насколько я растерянно и волнительно произнесла это, но один из них ответил:

– Не сомневайтесь. Может, прямо отсюда мы сможем найти Мамеда. Вы сами с ним поговорите и расскажете, что происходит.

Потом все подошли к столу Эбрахими. Один из них поднял трубку телефона и начал набирать номер. В какой-то момент меня охватил страх. Я растерялась. Я много слышала о Джаханара. После всего, что о нём рассказывали Али и другие, я испытывала к нему особое благоговение. Я вдруг подумала, что, поскольку он человек высокого военного ранга, то может встретить очень сухо и официально, или из-за тяжёлого положения в эти дни на передовой рассердиться и сказать: «Мне не до этого».

Пока меня охватывали противоречия, молодой военный звонил по всем местам и искал командующего армией Мохаммеда Джаханара. Наконец, поговорив со всеми, кем мог, он, немного погодя, сказал:

– Слава Аллаху, нашёл его.

Как только Джаханара прибыл из передовой линии, молодой солдат сперва сам немного рассказал ему о ситуации в Джаннатабаде, потом сказал:

– Здесь одна сестра хочет поговорить с вами. Поговорите сами с ней.

Стыдливо я подошла и взяла трубку. Я умоляла Всевышнего помочь мне спокойно ему всё рассказать, и чтобы он ко мне доброжелательно отнёсся. В таком состоянии дрожащим голосом я с ним поздоровалась и сказала:

– Меня зовут Хосейни. Я сестра Сейед-Али Хосейни.

Он поздоровался в ответ и довольным голосом сказал:

– Али Хосейни здесь очень не хватает. Он отважный вояка. Будь он здесь, то смог бы здорово нам помочь, как словом, так и делом. Он был способен многое сделать. Сильный и храбрый парень. Я молюсь, чтобы он быстрее выздоровел, чтобы я снова мог увидеть его в своих рядах.

Потом он спросил:

– Что происходит в Джаннатабаде? Что за проблемы там возникли?

Увидев, что Джаханара знает Али, я почувствовала себя лучше и, прогнав свой страх, ответила:

– Нас очень мало в Джаннатабаде. Мы не успеваем похоронить всех шахидов. А по ночам нападают собаки. Нам приходится камнями отгонять их от трупов. При том, что в Джаннатабаде небезопасно, нам приходится оставаться там, потому что мы не можем уйти и бросить погибших. У нас нет никакого оружия, чтобы защититься от собак или чего-либо ещё. Никакие спецотряды тоже не охраняют нас.

– Сколько вас там всего человек? – спросил он.

– Пять женщин и двое мужчин, – ответила я.

– То есть вас там только эти несколько человек? Без всякой охраны и без оружия?!

– Да.

Тон его голоса поменялся, и он волнительно ответил:

– Иншаалла¹, вам воздастся от всех этих шахидов. Я обязательно прослежу за этим и постараюсь что-нибудь для вас придумать. Отправлю подмогу. Надо подумать также о воде и саване.

Поблагодарив, я сказала:

– Я рассчитываю на вас.

– Я прослежу. Потом, когда всё сделают, сообщите мне о результатах, – ответил он.

Я попрощалась и положила трубку. Гвардейцы спросили:

– Ну как? Что-нибудь получилось?

– Да, – ответила я. – Обещали проследить за ситуацией и решить вопрос.

Эбрахими, наблюдавший за нашим разговором, шутливо воздел руки к небу и, смеясь, сказал:

¹ Иншаалла – «Дай Аллах»; «Даст бог» (араб.).

– Слава Аллаху. Благодарю тебя, о, Всевышний, за то, что улаживаешь дела Джаннатабада.

Меня разобрал смех. Бедняга, из-за меня он сейчас сильно святотатствовал. Я же сказала гвардейцам:

– Если не затруднит, дайте номер брата Джаханара. Он сам сказал: «Я прослежу».

Они написали номер на бумаге и дали мне. Я немного успокоилась, получив некоторое удовлетворение, и вышла из мечети. Ещё не успела я дойти до улицы, как увидела громко визжащую и кричащую девушку. Несколько мужчин из мечети, каждый из которых был преклонного возраста и по их суетливости было件件но件件, что они помогают по разным делам, уговаривали её вернуться в мечеть и в такое тёмное время никуда не уходить. Было видно, что эта девушка осталась одна и не имела пристанища, и они хотели держать её в мечети, но она, видимо будучи с задержкой в развитии, ни за что не соглашалась. Мужчины, уже доведённые до крайности, говорили с ней то на фарси, то на арабском языке. Очевидно они не знали арабский. Девушка, скорее всего, была не в себе и начинала ругаться.

Я с удивлением её разглядывала. Мне она казалась странным существом. Выглядела лет на тридцать. Вид у неё был очень потрёпанный. На её худом и вытянутом лице было много крупных прыщей, похожих на водянистые волдыри. Глаза были столь мелкие, что сначала показалась незрячей.

Пока я разглядывала девушку, был слышен голос Эбрахими:

– Сестра Хосейни, пока вы не ушли, заведёте её внутрь?

– Кто это? – спросила я.

– Да одна полоумная. С утра нас изводит. Человеческого языка не понимает. Всю дорогу вопит. Никого не слушает. Ходит туда-сюда. Потом возвращается в мечеть. Подозрительная какая-то. Не пойму, то ли действительно сумасшедшая, то ли притворяется. Фарси тоже не понимает.

Я кивнула и подошла к девушке. Мне казалось, что, поговорив с ней, смогу её успокоить. Как только я сказала ей по-арабски: «Давай пойдём в мечеть», она тут же набросилась на меня с ногтями.

Я отступила назад и сказала:

– Почему ты так ведёшь себя? Я ведь с тобой разговариваю.

Она грубо выругалась по-арабски. Я на неё закричала:

– Закрой свой рот.

Испугавшись моего крика, она сказала:

– Это я не тебе.

– Тогда кому? – спросила я.

– Им, – ответила она и показала рукой на мужчин.

– Их здесь нет, – ответила я. – Они на той стороне.

– Нет, это я не тебе, – повторила она.

Я слышала, как мужчины её называли, и этим же именем окликнула её:

– Генева, почему ты так ведёшь себя? Почему ты хочешь уйти отсюда?

– Они хотят мучить меня.

– Нет. Это хорошие люди. Они же сказали, что на улице опасно.

Пойдём в мечеть. Тебе надо прочитать *хамсэ*.

– Наш дом на границе. Я хочу пойти к себе домой.

– Сейчас там иракцы. Они перешли границу.

– Я не боюсь иракцев. Они меня не тронут.

– Ты что им двоюродная сестра, чтоб тебя не трогали? Если тебя увидят, то сразу будут стрелять.

Гнусавым голосом она ответила:

– Саддам с нами. Он арабов не тронет.

Я была поражена. Про себя я сказала: «Посмотри, как саддамовская пропаганда дошла и до этой сумасшедшей. Радио баасистского режима постоянно побуждает народ, особенно арабов, оставить город или перейти на сторону иракских сил. «Приходите, мы вас примем, – говорят они. – Мы вас

не тронем. Вы из наших. Вы наши братья. Мы боремся только против режима Хомейни».

Я молчала и, задумавшись над её словами, ушла с головой в свои мысли. Вдруг, словно что-то вспомнив, она спросила:

– Могу я узнать, чья ты дочь?

Меня разобрал смех, и я ответила ей:

– Откуда тебе знать моего отца, что бы спрашивать, чья я дочь?

Не обращая внимания на мои слова, она снова спросила:

– Ты не дочь Хаджи-Халафа?

Я начала над ней издеваться:

– Я дочь Хаджи-Сальбуха.

Это имя я слышала, когда обычно подшучивали. Сальбух означает камень или крупный щебень. Мы всё время в своих шутках обзывали друг друга этим именем.

– Я не знаю Хаджи-Сальбуха, сестра! – удивлённо ответила она.

Я рассмеялась и обняла её. Пока у меня по телу бежали мурашки от смеха, я сказала:

– Пойдём в мечеть.

Я содрогнулась, ощутив через рубашку и широкие брюки неровную поверхность и покрытую волдырями и прыщами кожу Геневы. Не понимаю, почему Генева, помимо её дикого вида, была ещё такой грязной и неприятно пахла. Не известно, когда она последний раз была в бане и вообще прикасалась ли до сих пор вода к её коже. Её босые ноги огрубели и были покрыты мозолями. Волосы, слипшиеся наподобие астрагала¹, выглядывали из красного платка. Но наибольшее содрогание вызывали её прыгавшие по лбу вши, от одного вида которых мне становилось хуже.

Несмотря на всё, что я описала, мне пришлось терпеть это, чтобы уговорить её зайти в мечеть. Генева понравилось такое проявление заботы, и

¹ Астрагал (лат. *Astragalus*) – крупный род растений семейства бобовых.

она крепко прижалась ко мне при том, что мне уже было невмоготу терпеть её запах, приговаривая:

– Ты свет моих очей. Я готова на всё ради тебя. Моя дорогая. Свет моих очей.

– Ну всё. Хватит. Дай слово, что останешься здесь. Почему ты хочешь уйти? – спросила я.

– Я проголодалась, – ответила она.

– Здесь есть и вода, и еда. Не выходи отсюда.

– А у кого мне попросить еды?

– Здесь любой, кого попросишь даст тебе еды. Печенье даст.

Тут она снова всё смешала и сказала:

– Я кейк хочу.

Меня это рассмешило, и я ответила:

– В этой суматохе где я тебе кейк достану? Ты хоть понимаешь, что просишь? Ты разве видишь здесь свадьбу, чтобы я могла тебе кейк принести. Мы сейчас находимся под огнём. Война кругом. Понимаешь? Какой там кейк?

Она словно ребёнок пожала плечами и ответила:

– А мне что делать? Мне что делать? Я кейк хочу.

Теперь она меня доводила до сумасшествия. Я уже собиралась предоставить её самой себе, как кто-то дал ей пачку печенья «Пети-Бор». Схватив печенье, Генева села на землю и стала его есть.

– Смотри, тут всё есть, – повторила я ей. – Не выходи отсюда. Тут и другие женщины есть. Они не ходят туда-сюда. Всё, что тебе нужно, им скажи.

Она абсолютно не проявила никакой реакции на мои слова и была сильно увлечена едой.

Я вышла из мечети и направилась в Джаннатабад. Мои мысли были загружены словами Джаханара и поступками ГENEВЫ. Не доходя до Чехель-Метри, я вдруг за спиной услышала:

– Сестра, сестра!

Я остановилась и повернулась назад. Двое худых и костлявых малолетних мальчика немного поодаль следовали за мной. На плече мальчика, что повыше и помоложе, была винтовка «М-1». Их двоих я видела утром во дворе мечети, пока беседовала с Эбрахими. Когда я повысила голос, они подошли и слушали наш с ним спор. Они подошли и поздоровались со мной.

– Вам нужна помощь для Джаннатабада? – спросил один из них.

– Да, – ответила я.

– Мы можем пойти с тобой туда.

Посмотрев на них, я подумала про себя: такие худые и слабенькие как они собираются передвигать тяжёлые трупы. В таком их юном возрасте разве можно ожидать, что они, увидев трупы, всё выдержат и не оставят их на месте? Многие взрослые и крупные люди приходили и, не выдержав, уходили обратно, больше назад не оглядываясь. Потом я стала себя ругать: «Надменная ты, самодовольная девочка. Разве в первый день ты не падала в обморок от усталости?! Да ты ведь полностью выбивалась из сил. Откуда тебе знать, что они выносливее и сильнее тебя не будут. В любом случае, они мужчины, и они смогут всё это вынести лучше, чем женщины». Выдержав эту небольшую паузу, я сказала:

– Работа там очень тяжёлая. Вам придётся омыwać и оборачивать шахидов в саван, передвигать трупы с места на место и хоронить их. Если у вас хватит решимости, то с богом.

Парень с «М-1» на плече ответил:

– Но вы ведь сказали, что вам надо несколько вооружённых человек для охраны.

– Да, и вооружённые люди тоже нужны, – ответила я.

– Ну так мы придём охранять. Если получится, и в другой работе будем помогать.

– Спасибо вам. Сейчас вы идёте?

– Да.

Чтобы немного успокоить Эбрахими, я сказала:

– Тогда пойдёмте в мечеть. Я скажу, что вы идёте в Джаннатабад.

Мы вернулись в мечеть, и я снова стала искать Эбрахими. Он снова был занят. Разговаривал то с одним, то с другим. Отвечал на телефонные звонки, отвечал на расспросы тех, кто как я свалились ему на голову и скандалили, а он только улыбался и отвечал. Иногда вспыхивал, но это длилось у него недолго, и он успокаивался. Я про себя подумала: «Что за неужённый человек. Сколько же у него выдержки».

Среди всего этого шума мой голос донёсся до Эбрахими:

– Эти двое хотят пойти со мной в Джаннатабад. Я сказала, что должна вам сообщить. Но это не значит, что вам больше не надо думать о том, как послать подмогу.

– Не беспокойся. Я делаю всё возможное, чтобы отправить туда помощь, – ответил он.

По дороге ребята снова стали спрашивать о положении в Джаннатабаде. Я им всё подробно рассказала. Когда я им сказала, что погибших стало много, и не хватает людей, чтобы омыть их и предать земле, они, будучи под впечатлением, сказали:

– Если бы мы знали, то раньше пришли бы. Эти несколько дней в мечети у нас было немного работы. В основном бездельничали. Лучше бы мы в Джаннатабаде тогда были.

– Вы сестра Хосейни? – потом спросили они.

– Да, а почему спрашиваете, – удивлённо спросила я.

– Мы много о вас слышали.

Я не стала расспрашивать, как и когда они обо мне слышали. Но про себя подумала: «Из-за того, что я приходила и скандалила, я стала коровой с белым пятном на лбу». Раз они знали моё имя, то и я спросила, как их зовут. Парень, что был пониже ростом, ответил:

– Меня зовут Абдолла Моави. А мой брат Хасан служит в Гвардии.

Другой ответил:

– Меня зовут Хосейн Эйди.

Лицо Хосейна Эйди было мне знакомо. Я подумала: «Где-то я его видела. Но где?» Наконец, я сказала:

– Мне твоё лицо очень знакомо. Но не могу вспомнить, где тебя видела.

Скромно и с особой стыдливостью он ответил:

– Наш дом находится на улице Мина. Напротив пекарни.

Я вспомнила, что это один из тех мальчиков из квартала Мина, что сейчас сильно растянулся.

– Ты тот самый Хосейни, которого мальчики называли «Чёрными кудряшками»?

– Да, тот самый, – ответил он, смеясь.

Чем ближе мы подходили к Джаннатабаду, тем больше я волновалась и думала о немощности этих двух мальчиков, и только бы не подумали то же самое, увидев их, женщины и мужчины в Джаннатабаде и не сказали: «Вот эту подмогу ты собиралась привести?» Но слава Аллаху, этого не случилось. Все доброжелательно приняли Хосейна Эйди и Абдоллу Моави. Я тоже, обрадовавшись такому приёму, сказала:

– Если хотите помочь, идите в мужскую омывальню.

Бедняги, которые сказали, что пришли для охраны, не проронив ни слова, попали в мужскую омывальню. Я и Зейнаб с двумя мужчинами схватили носилки, чтобы отнести хоронить покойника. Труп был очень тяжёлый и сильно давил мне на поясницу. Вернувшись к омывальне, я присела передохнуть у ручья. Вдруг я увидела, как ко мне идёт девушка. Я её видела в Центральной мечети. Однажды ближе к вечеру, когда я выходила со двора мечети, я видела её, сидящей на ящиках у стены. Она позвала меня:

– Сестра, подойди.

Удивлённая, я направилась к ней и спросила:

– Ты это мне?

– Да. Ты меня не знаешь, но я много слышала о тебе. Рассказывают, что ты очень много работы сделала в Джаннатабаде. Ты очень смелая, раз до сих пор находишься там. Я же, наоборот, боязливая. Говорят, что ты шахидов хоронишь.

– Да, – ответила я.

Она тогда сразу назвала своё имя. Её звали Нахид. Тут же она подошла и, поздоровавшись, спросила:

– Ты не хочешь пойти в мечеть?

– Нет. Ночью я остаюсь в Джаннатабаде, – ответила я.

– Здесь?!

– Да, это уже не первая ночь.

Её манера общения тут же поменялась. Меня это удивило. Сперва она так тепло со мной общалась, а теперь она властным и резким тоном стала говорить:

– Неправильно, когда молодая девушка остаётся здесь.

– Тут старых или молодых не бывает, – ответила я. – Я не одна. Другие тоже остаются.

– Нет, ты не должна оставаться. Я вынуждена буду сообщить об этом.

Услышав это, я рассердилась и ответила:

– Что? Что ты сделаешь? Тебе какое до этого дело? Чего ты тут раскомандовалась? Иди докладывай.

– Я тебе покажу, как мне отвечать.

Я не выдержала и ответила ей:

– Ты требуешь невозможного. Иди делай, что хочешь.

Зейнаб-ханум, которая наблюдала за этим спором, сказала:

– Ты откуда такая взялась? Иди займись своим делом.

Девушка в возрасте двадцать с небольшим лет, полного телосложения и небольшого роста, пылая от злости, ушла, но не прошло и получаса, как она вернулась.

Было уже темно. Я хотела пойти сделать омовение, как меня позвала Зейнаб-ханум:

– Захра, подойди сюда. Эта девушка привела с собой служащего.

Это был мелкий мужчина небольшого роста и худого телосложения с белой рубашкой поверх брюк. Выглядел он неадекватным и своевольным, из-за чего не представлялось возможным с ним заговорить. Когда они подошли ко мне, он спросил:

– Кто из вас сестра Хосейни?

– Я. А в чём дело? – спросила я.

Осуждающим тоном он спросил:

– Я бы хотел выяснить, почему вы собираетесь тут оставаться? Кто вам разрешил?

– Я не в первый раз тут остаюсь с разрешения своего отца. В чём вы видите проблему, чтобы оставаться тут?

– Проблема? Проблема связана именно с вами. Здесь небезопасно. И при том, вы молодая девушка. Этим делом должны заниматься мужчины.

– Я знаю об этом. Потому я и остаюсь, что тут небезопасно. Наши шахиды тут предоставлены самим себе. Некому заняться их охраной. Где вы найдёте мужчин, готовых прийти сюда? Приведите их. Вы тоже приходите, вот тогда может мы и уйдём.

– Я не могу. У меня есть своя работа. Что значит, вам нужна охрана для погибших?

– Пойдёмте, я вам покажу.

Мы направились к оmyвальному дому. Я ему показала покойников, уложенных нами в ряд, и сказала:

– Их надо охранять. Когда ночами на них нападают псы, как вы думаете, что происходит? Вчера мы сделали всё, что от нас зависело, но сегодня опять видим, что в Джаннатабаде скопилось много собак. Одна только организация «Моджахедин¹» есть, кто этим занимается. Люди

¹ Моджахедин (мн. от «моджахед») – боец за веру, моджахед (перс.).

забирали трупы в больницу «Талегани», но там их не принимали. Говорили, дайте их имена. Оказалось, что отряды «Моджахедин» отвозили трупы в другие города под именем мучеников своей организации и захоронили их там. Если на них нападут либо собаки, либо вероотступники, то какой толк для «Моджахедин» от этих нескольких стариков и старух?

– В любом случае вам здесь не следует оставаться, – ответил он.

– Я тоже согласна с вами. Давайте приведите тогда несколько вооружённых людей, чтобы вы потом могли успокоиться.

– Ну, давай попробую. Только что я могу сделать?

Как только до этого дошёл разговор, они опустили головы и ушли. Я была очень зла. Меня это задело. Зейнаб успокаивала, чтобы я не обращала на это внимание.

– Посмотри, посреди всего этого несчастья и суеты, они пришли, чтобы доставать меня!

Через три-четыре часа, когда уже полностью стемнело, мы все прекратили работу. На ужин в тот вечер были хлеб и рыбные консервы. Ни у кого не было аппетита. Как-нибудь перекусив, мы все встали, и я вместе с Лейлой и Зейнаб-ханум пошли присели у небольшого сада возле мечети. Хосейн и Абдолла тоже сели немного поодаль. Несколько раз они вставали, прогуливались до ворот, и возвращались.

Посреди ночной тишины и взрывов доносился лай собак. Со временем лай становился всё сильнее и ближе. Раньше их было слышно только со стороны пустыни за кладбищем для детей, но потихоньку они словно стали окружать нас. Все мы напрягли свой слух, чтобы узнать, что произойдёт.

– Они столько крови выпили, что теперь взбесились, – сказала Зейнаб.

Я вспомнила прошлую ночь, когда они нападали, и у них из пасти шла пена. Их голоса стали слышаться сильнее со стороны, где посыпалась стена. Я и Зейнаб, а вслед за нами и Лейла побежали в ту сторону. Хосейн и Абдолла также побежали за нами.

– Вы не ходите дальше, – сказал Хосейн. – Идите за нами. Я буду в них стрелять.

– Это грех. Зачем убивать безмолвные создания, – сказала я.

– Если мы их не убьём, то они нас растерзают, – ответил он.

– Стреляйте в воздух, после выстрелов они испугаются и убегут.

Не успела я сказать это, как туловища собак появились вслед за их лаем, который слышен был уже изнутри леса. Они начали бежать в нашу сторону. Мы присели и, собрав под собой камни, начали их бросать в ту сторону. Это их ещё больше разозлило. Большая их часть подбежала к нам и при этом держалась на расстоянии. Некоторые собаки побежало направо, а некоторые – налево. Две-три из них бежали напротив нас. В какой-то момент они окружили нас полукольцом и готовы были напасть. Их зубы тёрлись друг об друга, а глаза были злобные. Подойдя к нам на расстояние трёх-четырёх метров, они остановились и оттуда начали лаять. Их острые зубы сверкали в этом полумраке. Мне стало страшно. Их морды выглядели очень страшно. Судя по их взгляду, они готовы были съесть человека. Пена текла у них изо рта, и моё сердце было готово разорваться от страха. Я очень беспокоилась за Лейлу. Конечно, и остальные все боялись. Всё это время мы друг другу говорили:

– Не подходите к ним близко. У них бешенство. Будьте осторожны с той стороны.

Когда две-три собаки вышли вперёд, остальные тоже двинулись за ними. Зейнаб начала кричать. Её визг рассмешил меня и одновременно разозлил. Для меня было странным, что Зейнаб, до того крепко выстоявшая против всего и поддерживавшая нас, теперь показывает своё бессилие. Я не ожидала от неё такой слабости.

– Не визжи, – сказала я ей. – Они ещё злее становятся.

– Злее чем сейчас?! – всё также визжа, ответила она. – Если мы до сих пор не погибли, то это сейчас сделают они, разорвав нас на части.

Когда Хосейн дёрнул затвор, я ему сказала:

– Не стреляй, грех будет.

– Пусть стреляет. Стреляй, Хосейн, стреляй, – в страхе крикнули Зейнаб и Лейла.

– Нет, грех на себя возьмёшь. Не стреляй, – снова сказала я.

Абдолла, разозлившись на мои слова, сказал:

– Что значит «Не стреляй, не стреляй»? Тебе надо, чтобы они напали и растерзали тебя?! Только тогда ты поймёшь, что они бешеные?

– Собаки не грешны, это мы грешим, – сказал Хосейн. – И сейчас они нас съедят.

Вслед за этим он выстрелил в воздух. Звук выстрела «М-1» нарушил тишину кладбища и остановил собак. Одновременно я кинула камень, что был у меня в руке, в большую собаку, которая казалась бешенее всех. Так как ещё не совсем стемнело, и собак было хорошо видно, я смогла как следует прицелиться и попасть камнем собаке в морду. Завывая от боли, она отбежала назад. После нескольких выстрелов и отступления большой собаки стрельба прекратилась. Наверное, это был их вожак, так как остальные тоже отступили и убежали вместе с ним. Убегая, они бросали взгляд у себя за головами. Хосейн и Абдолла какое-то время преследовали их. Мы же от сильной усталости и пережитого страха разлеглись прямо там. Мы столько наклонялись и выпрямлялись и усиленно бросали камни, что уже ладони свои не чувствовали. Несколько минут мы тяжело дышали, пока не пришли в себя. Я прислонилась к дереву и вытянула ноги, подняв голову наверх. По небу плыли облака и, когда они заслоняли собой луну, становилось темно. В этот момент казалось, что и луна движется.

Отдышавшись, мы встали и вернулись к комнатам. Марьям-ханум вместе с остальными в страхе и с беспокойством ждали нашего возвращения. Один из стариков с лопатой в руке, увидев нас, сказал:

– Я хотел прийти к вам на помощь. Они не дали. Сказали: «Ты не сможешь убежать, только упадёшь на землю, и они тебя могут схватить за ногу».

– Мы очень за вас испугались, – сказала Марьям-ханум. – Уже думали про себя, что они вас разорвали на куски.

Тут же я подбежала к телефону и вытащила из узелка своего платка бумажку, на которой был написан номер Джаханара. Я позвонила и сказала:

– Я звоню из Джаннатабада. Мне нужен брат Джаханара. Он сказал, чтобы я позвонила, если это имеет отношение к Джаннатабаду.

Прошло немного времени, пока Джаханара появится на линии. Когда он поднял трубку, я ему рассказала, как на нас напали собаки:

– Я сейчас вернулась из битвы с псами. Они в любом случае могут вернуться. Мы не сможем им противостоять.

– Не волнуйтесь, – ответил он. – Сам Всевышний помогает. Ваша преданность направляет вас на правое дело.

В его словах звучали как признательность, так и переживание за то, что нам опять пришлось отбиваться. Я его поблагодарила, после чего вернулась и села со всеми.

Через два-три часа мы ели хлеб с арбузом, как зазвонил телефон. По телефону ответил старик-омывальщик. Потом он позвал меня и сказал:

– Сестра Хосейни, вас спрашивают.

Сперва я удивилась, но потом поняла, что из Центральной мечети звонят. Когда я подняла трубку, на линии оказался брат Джаханара. Поздоровавшись, он спросил:

– Кое-кто должен был от нас прийти туда. Никого ещё нет?

– Нет, – ответила я.

– Мы отправили рулон савана. Уже должны были привезти. Что касается шахидов, которые, как вы говорите, остались лежать на земле, мы сейчас не можем отправить помощь для их захоронения. Мы решили отправить их в ближайшие города: Абадан и Махшахр. О машине уже договорились, завтра утром приедут и заберут погибших.

После телефонного звонка Джаханара прошло немного времени, как подъехали двое на мотоцикле.

– Нас прислал брат Джаханара, – сказали они.

С собой они привезли несколько мотков бязевой ткани. Омывальщики позвонили Парвизпуру. Чтобы быстрее приступить к работе, он пришёл сам. Мы зажгли несколько фонарей и поставили их так, чтобы они не сильно светили. Так как погибшие были мужчинами, мы только разрезали саван перед комнатами, мужчины же заносили погибших в омывальный домик. Они снимали с них одежду, делали им таямум¹ и заворачивали в саван. Когда выносили трупы из омывальни, один из тех двух парней, что привезли ткань, писал на саване имена тех, кого удалось опознать. От вида этих трупов в темноте мне становилось дурно. Я себе дала слово, что ради них снова пойду в мечеть или куда-нибудь ещё и устрою скандал. Некоторых шахидов привезли из передовой. Они ведь отдали все свои силы, воевали и, наконец, приняли мученическую смерть. И теперь нельзя было допустить, чтобы их тела остались без внимания. Среди этих шахидов я знала только Эсмаила Саабари. Это был сын наших соседей. Когда мой взгляд упал на погибшего Эсмаила, которого очень любила его мать, я вспомнила, как она раздавала садака². Теперь ничего не было известно ни о его матери, ни о её доброте. Три дня лежало тело Эсмаила, и на него попадало солнце, из-за чего мы боялись, что по причине сильной жары его и несколько других трупов могут разбухнуть и разложиться. «Если бы мать Эсмаила увидела его таким, она бы тут всё рвала и метала».

Когда уже заканчивали оборачивать всех в саван, я зашла в кабинет Парвизпура и позвонила в Центральную мечеть. В это время ночи трубку вновь поднял Эбрахими.

– Брат Джаханара обещал утром прислать в Джаннатабад транспорт, чтобы перевезти покойников. Мы сейчас их готовим, вы только подтвердите, что за ними обязательно приедет машина.

¹ Таямум – омовение песком в случае отсутствия воды (*прим. пер.*).

² Садака (араб.), в исламе – добровольная милостыня, которую мусульманин выплачивает нуждающимся по собственному усмотрению и желанию с намерением заслужить довольство Аллаха.

Он пообещал, что машины придут на рассвете, и я с ним попрощалась. Когда я подошла к омывальне, всё уже было готово, а молодые ребята и Парвизпур уходили. После того, как они ушли, мы зашли в комнату.

Я так устала, что, в отличие от предыдущей ночи, легла рядом с Лейлой и быстро заснула. Посреди ночи я резко проснулась от дурного состояния и чувствовала себя странно. Было странное чувство усталости. Я очень сильно затосковала по нашему дому. Мне захотелось, чтобы за мной и Лейлой пришёл отец и забрал нас домой. Я бы тогда заснула на два-три дня. Я бы спала до тех пор, пока сцены из Джаннатабада не улетучились из моей памяти. Вдруг мне послышался голос отца: «Ты отвечаешь за детей и мать, пока не приедет Али». Потом у меня в ушах раздавались слова «измена, измена, измена...» Тут же я вспомнила лицо отца, когда он сжатым кулаком ударил со злостью по табличке. Образ отца у меня вертелся перед глазами: он то приходил, то уходил. Я протягивала руки, чтобы обнять его за шею. Когда руки соединялись друг с другом, я вдруг замечала, что отца нет. Это повторялось несколько раз, и мне становилось ещё тяжелее.

Я повернулась к Лейле и смотрела на неё. Мне её было очень жалко. Не знаю, что на меня нашло, но мне захотелось обнять Лейлу, поцеловать её и расплакаться. Но я испугалась, что она может проснуться. Состояние было ужасное. Мне хотелось закричать и позвать отца. Я бы кричала так громко, что отец услышал бы и пришёл ко мне, где бы он ни был. Было чувство, словно что-то сжимает меня в груди и мешает дышать. Мне казалось, что если я выйду и закричу, то эта тяжесть пройдёт, и моё дыхание освободится. Вдруг я почувствовала, что Зейнаб не спит. Так как она сама просила, чтобы мы называли её мамой, я очень спокойно спросила:

– Мама, ты не спишь?

– Да, мама не спит, – ответила. – Ты не спала?

– Да нет. Я только проснулась.

– Слава Аллаху, что ты поспала.

– Не хочешь выйти немного прогуляться?

– Зачем?

– Не знаю. Посмотреть, не пришёл ли кто. К ребятам заглянем.

– Ладно.

Мы медленно встали и вышли наружу. Мы немного постояли в балконе, чтобы Хосейн и Абдолла обратили на нас внимание и резко не вскочили с места. Увидев Абдоллу прогуливающимся перед оmyвальным домиком, мы подошли к нему и поздоровались.

– Сынок, ты не спал? – спросила Зейнаб.

– Мы решили спать по очереди, чтобы не устать, – ответил он. – Так как Хосейн устал, я ему сказал, чтобы первым шёл спать.

По его усталым глазам было видно, что у него уже нет сил ходить.

– Нет новостей? – спросила я.

– Нет ничего нового, – ответил Абдолла.

Вместе с ним я подошла к покойникам. Мы сделали круг по этой территории. Когда мы вернулись, Зейнаб спросила Абдоллу:

– Сынок, мне постоять рядом, чтобы ты не заснул?

Абдолла с обиженным видом, плохо выговаривая букву «р» и картавя, ответил:

– Нет, я не хочу спать. Да и в любом случае я смогу разбудить Хосейна, когда наступит его очередь.

Мы ещё немного погуляли и вернулись в комнату.

Глава восьмая

Утром пятого мехра с раннего рассвета я стала взглядом ждать прибытия транспорта. Всё это время я бродила перед воротами Джаннатабада и всматривалась в сторону улицы Чехель-Метри. Я хотела увидеть, когда приедут машины. Только взошло солнце, как два пикапа заехали в Джаннтабад и остановились перед омывальным домиком. Один из них был марки «Ниссан», а другой – «Пейкан». Ребята, которые привезли вчера саван, вместе с несколькими другими гвардейцами вышли из машин. Эти двое парней быстрее всех подошли к трупам и, поскольку вчера не хватило чернил «Мэджик», они привезли с собой новые и расписали ими остальные имена на саванах. Мы потом донесли на носилках погибших до пикапов. Некоторые из них были очень тяжёлые. Мы втроём поднимали носилки и один их конец ставили на пикап, потом гвардейцы их затаскивали внутрь и укладывали рядами. Я была довольна, что все мои хождения в мечеть, наконец, дали результат и потому работала с воодушевлением. Остальные тоже были рады, приговаривая:

– Слава тебе, Всевышний, что погибшие больше не будут лежать на земле.

– Доченька, ты верила в добро, и это нам также отозвалось добром, – добавила также Зейнаб.

В ходе всей этой суеты я слышала, как водители говорили, что «Ниссан» поедет в Махшахр, а «Пейкан», у которого проблемы с двигателем, – в Абадан. Во второй пикап уложили двенадцать шахидов. Зейнаб-ханум вместе с двумя-тремя гвардейцами хотела поехать именно на этом пикапе. Так как в Абадан ехать было ближе, я сказала Лейле:

– Езжай на этой машине. Мне так будет спокойнее, и вернёшься раньше.

Зейнаб-ханум я тоже поручила:

– Дорогая присмотри за ней.

– Не беспокойся. Я больше тебя за ней присматриваю. Слава Аллаху, она сама уже как взрослая женщина. Когда машина тронулась, мы начали грузить «Ниссан». В этой машине поместились восемнадцать шахидов. Я попрощалась с Марьям-ханум и остальными, подошла к краю пикапа и присела у ног погибших. Хосейн и Абдолла также сели в конце пикапа по обе стороны защитных перегородок. Гвардеец, ехавший с нами, сказал мне:

– Сестра, вы сядьте впереди.

– Нет, мне тут удобнее, – ответила я.

Тогда гвардеец сел рядом с водителем, и машина тронулась, сделал потом остановку возле Центральной мечети. Гвардеец вышел и сказал Эбрахими, стоявшему перед воротами мечети:

– С нами восемнадцать погибших, и мы едем в Махшахр. Другой пикап поехал в Абадан, в нём тоже двенадцать шахидов.

Услышав это, Эбрахими отделился от людей, окруживших его, и быстро направился к нам. Увидев меня, он встал как вкопанный. Потом поздоровался со мной, и я ответила ему. Он подошёл, раздражённо разглядел погибших и, с удивлением показывая на них и трясая рукой, спросил:

– Кто это такие? Где они были?

– Это те самые, из-за которых я приходила сюда каждый день и поднимала шум. Вы теперь тоже думаете, что не надо было из-за них поднимать своими ногами столько пыли и урагана? – ответила я.

– Теперь-то я понимаю, для чего ты лезла и в огонь, и в воду! Что вы сейчас собираетесь с ними делать?

– Ничего. Что вы хотите, чтобы мы делали под бомбёжками и в отсутствии воды и помощи? Отвозим в другое место, чтоб похоронить.

Он больше ничего не спросил и только, внимательно поглядывая, снова сказал:

– Завидую я.

Я спросила:

– Кому? И в чём?

– Не знаю. Вам, им. Не знаю, кому я должен завидовать.

В этот момент подошёл гвардеец, который ехал с нами из Джаннатабада, и привёл с собой другого ещё одного, который в руке держал «Джи-3». Абдолла залез и сел на крышу машины, а гвардеец с «Джи-3» в руке стал рядом с Абдоллой.

Когда машина тронулась, я сказала Эбрахими:

– До свидания.

– Храни вас Всевышний, – ответил он спокойным голосом.

Так как набережная реки Шатт-эль-Араб была в зоне обстрела, водитель развернулся перед Центральной мечетью и поехал в сторону улицы Чехель-Метри. Эбрахими стоял, пока мы не доедем до неё, посматривая на машину. Водитель быстро направился к мосту Хорремшахра и, как только мы проехали его, стал в пробку у бензозаправки. Машины, став в очередь за бензином, перекрыли дорогу так, что невозможно было проехать.

Странная была ситуация. Из-за того, что крики нервничающих водителей перемешивались с сигналами машин, ничего не было слышно. Абдолла кричал сверху машины:

– Дайте дорогу!

Водитель «Ниссана» тоже сигналил. Но было бесполезно. Тут Абдолла начал стрелять в воздух. Люди испуганно бежали и смотрели на нас. Во время нашего движения из Джаннатабада была воздушная тревога, и на лицах людей были видны ещё испуг и волнение.

– Брат Моави, люди итак испуганы, – сказала я Абдолле. – Больше не стреляй.

– В любом случае надо дорогу проложить, – ответил он.

Мы от моста отъехали недалеко и надо было ещё проехать целый ряд машин, как в этот момент гвардеец с «Джи-3» со злостью подбежал к нам и крикнул:

– Зачем вы стреляете? Зачем пугаете людей?

– Мы хотим дорогу проложить, – ответили Хосейн и Абдолла.

Гвардеец кричал на них:

– Все хотят проложить дорогу. Всем надо добраться до работы.

– У нас покойники, – ответили ребята.

– Ну и что, – ответил гвардеец. – Надо проявить терпение.

Я его немного знала. Его звали Маджед. У него была сияющая и привлекательная внешность. Я его видела в двухдверном бакалейном магазине его отца, расположенном на площади рынка Сафа. Он был из иламских курдов, бежавших из Ирака. Отец всегда здоровался с ним. Увидев его, я занервничала. Потом встала и возмущённо ответила:

– Чего ты раскричался? Нам надо быстрее доставить шахидов.

– Потерпи немного, – ответил он.

– Нельзя. Они уже три дня так лежат. А под солнцем они вообще начнут разлагаться. Посмотри, если не веришь.

Когда он подошёл и увидел окровавленные саваны покойников и кровь, которая текла под трупами, то застыл на месте. Он стал извиняться и сам приложил усилия, чтобы открыть дорогу. Быстро и проворно он бежал по сторонам и открыл нам путь. Когда машина двигалась, он становился на подножку и снова, когда образовывалась пробка, слезал и расчищал дорогу. Другие водители тоже помогали, но казалось, что бесполезно. Некоторые машины были без бензина и их приходилось толкать. Довольно-таки широкая улица оказалась запертой. На этот раз брат Маджед, который следил за безопасностью на бензозаправке, вдруг сам от отчаяния начал стрелять. Мы тоже стали кричать:

– Мужчина, отойди в сторону! Пропусти нас!

Люди, обратив внимание на наш крик, подходили и, увидев шахидов, начинали плакать. Несколько старых женщин читали марсийе¹ и плакали.

Некоторые, приходя в ужас от вида трупов, говорили:

– Нас тоже ждёт такой конец. В такой ситуации все мы можем погибнуть.

¹ Марсийе – стихотворение, в котором оплакивается смерть шиитских мучеников (*прим. пер.*).

– Несколько человек стали помогать брату Маджеду освобождать для нас дорогу.

Постепенно я стала уставать от всего этого шума и криков. Солнце уже светило прямо над нами, и с нас рекой струился пот. Эти несколько дней мы держали покойников в тени и теперь чувствовали, как эта жара разрушала их тела. Вся эта толкотня длилась около часа, пока мы, наконец, не добрались до заправки. Когда мы уже оказались рядом, над нами появились самолёты, и вся радость от приближения к бензозаправке после долгих мучений мгновенно улетучилась. В течение нескольких секунд начались непонятный шум и паника среди людей. Все, кто сидел в машине, спешно покидали свой транспорт, оставляя его с открытыми дверьми. Женщины и дети визжали от страха и бежали во все стороны. Все искали безопасное место, чтобы спрятаться от воздушной атаки. Со всех сторон доносились крики: «Боже! Боже!», «О, Аболь-Фазл!» и «Йа Хосейн!». Некоторых женщин я видела, как они прижимали к груди детей и крепко держали за руки других своих детей, в страхе и беспомощности пытаясь найти себе убежище.

Это была поразительная сцена. В этой давке и суете все, переплетаясь друг с другом, попадали на землю, а некоторые вообще оказывались под ногами. Самолёты, уверенные в отсутствии угрозы для них, летали на низкой высоте, пронося свою зловещую тень над головами людей. Испуганные жители, заметив тень самолётов, видели перед своими глазами смерть; они смотрели на небо и бежали во все стороны.

Я тоже от них не сильно отличалась и умирала от страха. Однако помимо этого меня больше одолевал страх за кое-что другое. Про себя я умоляла Всевышнего: «Господи, после всех этой суеты и криков, теперь, когда судьба этих шахидов проясняется, и они мечтают найти своё вечное пристанище, теперь не допусти, чтобы эти проклятые предали здесь всё огню и превратили шахидов и всех остальных в палёное мясо. Господи, не допусти, чтобы эти покойники и люди стали ещё более несчастны. Сокруши эти самолёты, прежде чем они смогут что-нибудь разбомбить».

Все эти события и мои переживания длились не более нескольких секунд. Самолёты полетели в сторону больницы Талегани и сбросили свои бомбы в районе между больницей и Махрези¹. Взрыв был такой, что земля содрогнулась, и воздух заполонила пыль. Одновременно был слышен раскатистый шум битого стекла. Взрывы были столь разрушительными, что я почувствовала, как в земле образовалась трещина, и мы туда погружаемся. Ещё несколько минут в воздухе держалась пыль, и мы не могли раскрыть глаза. «Больница теперь сравнялась с землёй», – подумала я про себя.

Я ещё не раскрыла глаза, как самолёты во втором заходе пустили свои ракеты в сторону моста. К счастью, мост остался цел. Ракеты попали в реку и там взорвались. Взрывная волна подняла воду из реки на двадцать метров вверх. Грохот от этого взрыва был более глухим по сравнению с предыдущим и меньше встряхнул землю. Мы, стоя в пикапе очень хорошо видели, что происходит. Было件нятно, что ракеты упали на берег реки со стороны Махрези, но не взорвались.

Когда самолёты улетели, моё тело снова начало дрожать. Я всё время боялась, что они не сжались над телами шахидов и повторно их сожгут. Люди от страха ещё несколько минут не двигались с места. Одни смогли укрыться поблизости в недостроенных домах, другие втиснулись в русла и оросительные каналы пальмовой рощи напротив. Третьи, у кого не было выхода, легли прямо на шоссе асфальт, вцепившись в него. Смешнее всего после этих минут страха и волнений было видеть двух-трёх мужчин, показавшихся из пустых бочек на обочине шоссе.

Все подумали, что самолёты вернутся, и именно поэтому Маджед и остальные говорили всем:

– Выводите свои машины на дорогу. Самолёты сбросили свои бомбы и больше не вернутся.

Но никто не верил. Когда стало немного спокойнее, я слышала, как некоторые говорили:

¹ Сельский район на юго-востоке Хорремшахра.

– Поехали в следующую заправку. Поехали в Абадан. Будет безумием оставаться здесь.

Я видала также, как несколько женщин плакали и не хотели ехать. В этом столпотворении моё внимание привлёк спор двух супругов. Они с трёх-четырёхлетней девочкой на руках стояли на обочине шоссе, чтобы поймать попутную машину. В одной руке у мужчины с лицом, обожжённым солнцем, и густыми вьющимися усами была сумка, а в другой – держал за руку малолетнюю дочь. Женщина, которая в отличие от мужа была низкого роста и полноватой, была одета в цветной платок и держала за руку другого ребёнка. Обоим было около тридцати лет. Мужчина шёл впереди женщины и тянул за руку дочь. Жена, следуя за ним, спрашивала:

– Куда ты идёшь? Наш дом здесь. Зачем мы должны всё оставить и уехать? Умоляю тебя, давай вернёмся!

Мужчина, говоривший на южном акценте, ответил:

– Женщина, что такого произойдёт, если здесь остаться? Что будем делать, если останемся? Погибать?

Женщина начала рыдать. Она схватила маленькую дочку за руку и потянула к себе.

– Смотри, женщина, смотри, все уходят! – говорил ей мужчина.

– Тут разве все жители Хорремшахра сейчас? – спрашивала она, рыдая.

– Если мы останемся, то погибнем, – громко отвечал ей муж.

– Мы как все. Останемся здесь. Будь, что будет. Умрём как все. Останемся как все.

Маленькая девочка оставалась между отцом и матерью, и каждый раз кто-то из них тянул её в свою сторону. Увидев, как её мать громко плачет, она тоже расплакалась. Мне стало жалко женщину. Она была права, что не унималась. Её муж больше уже ничего не хотел слышать. Он продолжал идти, а жена, будучи не в состоянии тягаться с ним, говорила навзрыд, следуя за ним.

Тем временем, водитель «Ниссана» заправил машину, но работник станции с него не взял плату, и мы быстро отправились в путь. После такой длительной задержки водитель всё время нажимал на газ, и, несмотря на то, что машина была груженная, в которой помимо покойников нас было пять-шесть человек, она ехала быстро. По дороге мы также видели вооружённые пикапы, стрелявшие в нашу сторону. Мины иногда падали посреди пустыни, а иногда – посреди шоссе, разбрасывая свои осколки по сторонам. Водитель не обращал на всё это внимание и ехал без остановки. Когда мы проехали мимо больницы «Талегани», то по скоплению народа поняли, что там происходит. Недалеко от Абадана – на станции номер 10 – было очень много народу. Много людей нашло прибежище у сейида Аббаса. Сейид Аббас – это сейид Джалиль-оль-Гадри, который обладает чудодейственными способностями. Жители Хузестана верят в его чудотворную силу, поэтому и сейчас там было много людей.

Когда водитель направил машину к мосту над рекой Бахманшир, я увидела много людей, стоявших по сторонам и проходивших по мосту. Люди бросались на каждую проезжавшую машину, чтобы сесть в неё. Особенно, увидев издалека, что нас на пикапе всего лишь три-четыре человека и полагая таким образом, что «Ниссан» пустой», они устремились к нашей машине.

– Не садитесь, мест нет, – говорили мы.

– Вам что? Жалко? – говорили они.

– Ну посмотрите тогда. Если найдёте место, садитесь.

Подойдя ближе и увидев покойников, они испытывали стыд. Некоторые произносили салават и читали «Фатиху».

Проехав мост и оказавшись на шоссе Абадан-Махшахр, мы снова увидели людей, шедших пешком по шоссе и улице в сторону Махшахра. Людей было слишком много, и они буквально тормозили движение машины. Водитель постоянно сигналил, торопя людей и прокладывая себе дорогу. Мне стало жалко этих обездоленных и измученных войной людей. Все они

выглядели уставшими и бледными. У многих на ногах не было обуви, и они с трудом волочили за собой свои мешки и свёртки. Некоторые от сильной усталости ложились на склон у шоссе. И снова нас умоляли посадить их в машину. Хосейн и Абдолла уже злились и нервничали от того, что им приходилось объяснять всё людям.

– Говорю же, нет мест. Или тогда сядьте мне на голову, – отвечал одним, заикаясь, Абдолла. – Может вы хотите, чтобы я слез и посадил вас на своё место?! – говорил он другим.

Больнее всего было видеть то, как некоторые, с надеждой зацепившись за пикап, вдруг обнаруживали там трупы, уложенные друг с другом, и тут же отскакивали. Расстроенные они оставляли машину и, потеряв надежду уходили обратно.

В этой суматохе в небе снова появились самолёты. Летя на низкой высоте и на большой скорости, они своим рёвом до смерти пугали людей. Усталые и измождённые они, услышав этот шум разбегались с дороги и бежали в пустыню. Самолёты летали так низко, что их тени было видно на пикапе. Некоторые кричали:

– Стреляйте в них. У вас же оружие! Стреляйте, стреляйте!

Хосейн прицелился винтовкой в самолёт и выстрелил. Кто-то, наоборот, крикнул:

– Не стреляй, не стреляй! А то они сейчас начнут здесь бомбить, и мы погибнем все вместе.

Что касается водителя, то он воспользовался ситуацией и смог разогнаться по пустому шоссе. Чем ближе к обеду, тем сильнее начинало палить солнце, светя прямо над нами. Борта пикапа, к которым мы прислонились, тоже нагрелись и обжигали мне поясницу. Я была мокрая от пота, и сколько бы не размахивала краями своей чадры, всё было бесполезно. Я была уже на пределе от мучившей меня сильной жары. У меня высохли губы и горело горло. Мне хотелось выпить стакан воды. Я испытывала жажду от самой бензозаправки, когда я много кричала, и теперь уже не могла

терпеть. Но каждую минуту ещё большее беспокойство вызывало у меня состояние трупов. По дну пикапа текла вода с кровью, из-за чего моя обувь тоже оказалась в крови.

Моя голова теперь успокоилась от шума и суеты, и я уже думала только о телах погибших. Особенно об Эсмаиле Саабари, которого дома называли Эйди¹. Его мать очень любила его. Отец семейства Саабари некоторое время назад болел и лежал в больнице. В детстве я дружила и играла с сёстрами Эсмаила, особенно с Рагийе, и от них узнавала, что у них происходит в доме. Эсмаил и Эбрахим сами зарабатывали себе на жизнь и помогали в расходах матери. Она очень старалась, чтобы её дети не испытывали нужду. Когда отец Эсмаила упокоился, вся тяжесть этой жизни легла на братьев. И наконец, после такой тяжёлой судьбы, Эсмаил мученически погиб. Среди погибших был также иракец, которого днём ранее привезли ребята из Корпуса стражей. Как они объяснили омывальщикам, отряд иракцев сдался нашим военным, после чего в него выстрелили сзади. Кроме него за день до этого было ещё несколько трупов иракцев, которых похоронили мужчины, и я записала в тетради только: «Могилы № ... такого-то иракца».

Я хорошо помню лицо этого убитого иракца. Пуля прошла ему затылок и выскочила спереди. Поэтому его лицо было разможено. Ему было двадцать семь-двадцать восемь лет. У него была очень тёмная кожа и крупное телосложение. На его саване было также написано: «Иракский солдат». Я спрашивала себя: «Что они теперь будут говорить семье этого иракского юноши?» Разумеется, хотя сами его и убили, они со всем цинизмом скажут, что их сын в плену или возможно пропал без вести. Теперь мы везли его тело с собой в Махшахр, в то время как его жена, ребёнок, мать и сестра смотрят на дорогу и думают, что он воюет и в один день вернётся. Возможно и такое, что придут к его семье и скажут, что их сын предатель, и будут подвергать преследованиям этих несчастных.

¹ В переводе с персидского – праздничный подарок (*прим. пер.*).

Дорога проходила в раздумьях об этих проблемах, как вновь посреди пути мы увидели людей, пешком добравшихся до Махшахра.

В первый раз я оказалась там и не имела представления, что это за город. Мне казалось, что он должен быть похожим на Абадан, так как Махшахр имел такую же нефтехимическую промышленность и, вне всякого сомнения, там тоже были силы захватчиков. Но когда мы заехали на территорию города, больше всего в глаза бросилась пустынная и иссушенная земля. Казалось, что солнце здесь сильнее печёт. Куда бы я ни посмотрела, везде был солончак. В городе также ткали старинные и национальные ковры. Засушливый климат везде там накладывал свой отпечаток. С самого начала нашей поездки по городу мы видели, как люди ходят со всех сторон. Все двигались из улицы в улицу, а затем и на главную улицу города.

Когда машина съехала с основной дороги и продолжила движение по просёлочному пути, в воздух поднялись столбы пыли. Я закрыла лицо чадрой. По пути люди также старались нагнать нас, как бы быстро мы ни двигались. Увидев покойников, они читали салават и произносили лозунги. Я была сильно удивлена. До этого момента я думала, что в Махшахре мы должны были передать шахидов какому-нибудь лицу. К представителям каких органов власти мы едем: гвардии, мэрии или штаба командования? Но оказалось, что целые группы людей были готовы принять шахидов, что меня очень обрадовало. Меня охватило чувство внутреннего спокойствия от мысли о том, что эти люди желают участвовать в предании шахидов земле, выражая им признательность за то, что те пролили свою кровь ради своей страны и веры. «Это несомненно заслуга брата Джаханара. Он заранее сообщил властям города, что мы везём шахидов», – подумала я, так как между их разговорами я несколько раз слышала: «Мы скоординируемся».

– Посмотрите, как здесь всё организовано! – сказала я Хосейну и Абдолле. – Вот это человек! Вы до сих пор видели, чтобы все эти люди стояли на одном месте?!

Они также были удивлены.

– Я за эти несколько дней уже забыл, что и в Хорремшахре когда-то было столько много людей! – сказал Хосейн.

Машина остановилась возле кладбища. Подошёл гвардеец, сидевший впереди, и сказал:

– Подождём, пока подойдут люди. Многие ещё не дошли.

Я смотрела на людей. На кладбище были мужчины и женщины, дети и взрослые. В руках у одной группы были кирки и лопаты, некоторые из которых блестели, и было видно, что они новые, и даже их черенки были чистые. Постепенно вокруг пикапа собралась толпа людей, заглядывавших внутрь. Видя окровавленные трупы, они били себя по лицу и причитали. Женщины плакали, десяти-двенадцатилетние дети удивлённо на всё смотрели. Такое воодушевление людей побудило меня сказать что-нибудь о жестокости, проявленной к шахидам, так как слезами и причитаниями горю не поможешь. Они уже ушли, и надо было думать о том, что сделать для живых. Сейчас был удачный момент, чтобы всё это сказать.

За день до этого я увидела перед Центральной мечетью майора, который ездил на пикапе, воодушевлённо рассказывая о положении на передовой и побуждая солдат и другие силы идти воевать. Я тут же спросила, как его зовут, на что он ответил: «Майор армии». Имя его было Саргорд¹, фамилия – Шериф.

Когда я увидела, что пришло всё руководство Махшахра, и все встали в ряд, меня охватила нерешительность. Несколько минут меня терзали сомнения выступить или не выступить. Я подумала, что если ничего не скажу, то окажу неуважение к людям, живущим в Хорремшахре. Я вспомнила, как выступил отец, когда об этой беде люди в других городах ещё не знали. Если Имам узнает, что происходит в Хорремшахре, то он спокойно сидеть не будет.

Я его тогда спросила:

– Кто же не даёт? Кто мешает правильно передавать сведения?

¹ В переводе с персидского – майор (*прим. пер.*).

– Это изменник Банисадр, – ответил отец.

Поэтому я сказала себе: «Пока я что-то знаю о происходящем в Хорремшахре и буду молчать об этом, то тоже совершу предательство. Но если мои слова не возымеют действия, что же тогда делать?»

Наконец, я всё же решилась и подумала: «Будь что будет». В крайнем случае скажут: «Девочка из ума выжила, пусть говорит».

Я поправила чадру и, встав у края пикапа, начала выступать:

– Люди! Это – несчастные юноши из Хорремшахра, отдавшие свои жизни. Они погибли ради защиты своей совести и чести, ради своей веры и страны. Три дня мы никак не могли предать их земле из-за отсутствия воды и савана и из-за воздушных бомбардировок. Три дня их тела лежали на земле под солнцем, как и тела мучеников Кербелы.

Пока я говорила, у меня текли слёзы. Несколько раз у меня собирался комок в горле. Помолчав, я снова продолжила:

– В Хорремшахре люди сидят без воды и света в ужасающих условиях. Они не чувствуют себя безопасно. Даже не могут рискнуть пойти к берегу реки за водой. В таких условиях люди ногтями и зубами защищают свою воду и землю. У наших войск нет оружия, хотя я сама от солдат и военных слышала, что с запасами оружия и боеприпасов в нашей стране нет проблем. Мы когда-то были региональным жандармом, но изменники не дают войскам и вооружению войти в Хорремшахр. Вы тоже расскажите о страданиях жителей Хорремшахра своему руководству. Пусть каждый поможет, чем сможет. Братья гвардейцы, военные, если у вас есть оружие, отправьте его в Хорремшахр. Штаб командования, мэрия, окажите любую помощь, какую сможете. Люди находятся в трудном положении и...

Пока я говорила, Хосейн и Абдолла помогали мне и подсказывали:

– Скажи, что нет савана, нет воды.

Самое интересное то, что если кто-то в толпе начинал разговаривать, то Абдолла кричал ему:

– Брат, послушай, что говорит. Она же к вам обращается.

Наконец, я сказала:

– Каждый ответственен за дело, которое выполняет. Здесь я ощущаю на себе ответственность за то, чтобы сказать вам эти слова. Теперь вы сами знаете, и Всевышний всё знает. Хорремшахр принадлежит не мне и не этим шахидам. Хорремшахр принадлежит всему Ирану. Саддам пришёл захватить весь Иран. Если мы не встанем перед ним, то сегодня он возьмёт Хорремшахр, а завтра захватит этот город. Поэтому надо когтями и зубами защищать нашу страну. Мы сказали, что являемся солдатами Имама, и теперь должны доказать, что действительно являемся его солдатами и готовы исполнить его приказ.

Люди произносили такбир и стали повторять лозунги: «Смерть Саддаму!», «Смерть Америке!» и «Смерть изменнику!».

Когда я сошла с пикапа, меня окружили женщины. Некоторые из них целовали меня в лицо и голову, выражали сочувствие и поддерживали меня со словами:

– Если бы мы были там, то смогли бы помочь. Как же мы тебе завидуем.

Одни расспрашивали о положении в Хорремшахре, другие произносили молитвы: «Да поможет вам Всевышний», «Храни вас бог», «Слава Аллаху, эта девочка держится как лев».

Меня смущали все эти слова. Я не любила, когда обо мне так говорили. Пока я говорила с людьми, подошёл гвардеец и сказал:

– Сестра, пойдёмте. Пятничный имам хочет поговорить с вами.

Я удивилась. Даже немного испугалась того, что имам хочет сказать мне. Что же он хочет спросить? Что я должна ответить? «О, Аллах, помоги!» – сказала я про себя. Я пошла к пятничному имаму. Рядом с ним вплотную к омывальному домику кладбища стояли командир Гвардии Махшахра, командующий, начальник жандармерии и мэр. Увидев меня, они подошли и поздоровались. Знакомясь со мной, каждый из них что-нибудь говорил, выражая благодарность.

– Мы гордимся такими львицами как вы. Вы исполняете послание Зейнаб, – сказал имам.

Потом он спросил:

– Чем мы сможем помочь? Что вам понадобится? Мы к вашим услугам.

– Сейчас ничего, – ответила я. – Я прошу только о том, чтобы уважительно отнеслись к телу иракского солдата, оказавшегося среди наших шахидов, так как этот несчастный был убит иракскими военными, когда сдавался нашим.

– Не волнуйтесь. Он тоже мусульманин, и мы похороним его по мусульманскому обряду.

Тем временем водитель и гвардейцы Хорремшахра беседовали с ответственными лицами Махшахра. Про себя я возносила похвалы за проницательность и благодарила брата Джаханара.

Потом мы все вслед за пятничным имамом Махшахра совершили заупокойную молитву по шахидам. Нам не дали прикоснуться к трупам, когда их переносили и клали в могилы, сказав, что всю работу сделают они сами. Хотя мы и проявили желание участвовать в их захоронении, они настояли на своём.

Потом принесли ведро лимонного шербета и предложили нам. Несмотря на то, что туда попала пыль, мы с удовольствием выпили прохладный напиток в такую жару. Выпивая стакан шербета, я вдруг обнаружила, что у меня разболелось и горело горло из-за толкотни на бензозаправке, а также выступления наверху пикапа. С другой стороны мне захотелось, чтобы ребята из Джаннатабада тоже попили этот шербет.

Потом нас забрали в Гвардию Махшахра и угостили богатым завтраком. Увидев хлеб, сыр, масло, варенье и пр., мы засмеялись, поняв, что нельзя сравнивать положение здесь с ситуацией в Хорремшахре. Так как нам надо было спешить возвращаться обратно, мы быстро перекусили и встали из-за стола. Когда мы вышли на улицу, нас увидел командир Гвардии, возвращавшийся из кладбища. Он предложил нам остаться и отдохнуть, но

мы поблагодарили и ответили, что нам надо быстрее вернуться. Мы уже садились в машину, как заметили, что пикап помыли и доверху заполнили его бак бензином.

С того момента, как я села в машину, удивительное волнение завладевало моей душой. Нам одновременно хотелось быстрее доехать и одновременно мы не желали, чтобы машина трогалась. Возможно эта неопределённость возникла из-за того, что в дороге могло многое случиться. Мы могли стать мишенью ракет из самолётов. Или же на шоссе Абадан-Хорремшахр в нас могли попасть из пушек и мин иракцев. Я думала о том, что не боюсь всего этого. Но то, что меня беспокоило больше всего, при этом пока было ещё и непонятным. Молча и переживая, я присела на пол пикапа. У меня не было больше сил отвечать на расспросы Хосейна и Абдоллы, двигавших челюстями.

– Сестра, представь, если бы столько же людей было бы в Хорремшахре, – сказал Абдолла. – И если бы было оружие, то иракцы ни на метр сюда не продвинулись бы.

– Я тоже так думаю, – сказал Хосейн.

Не обращая на них внимания, я вдруг подумала, только бы с Лейлой ничего не случилось: не перевернулась бы их машина, не прицелился бы иракский самолёт в них. И решились бы проблемы у Да с детьми, которые по словам Лейлы укрылись в мечети шейха Салмана. Мы уехали из Махшахра, и душа моя ездила по множеству дорог. Я начала медленно читать зикр¹. Подъезжая к Хорремшахру, я решила сначала заглянуть в Центральную мечеть, а потом пойти в Джаннатабад.

¹ Зикр (араб. – поминание) – исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Аллаха.

Глава девятая

В три-четыре часа после обеда мы доехали до Хорремшахра. Я вышла на улице Чехель-Метри на пересечении с улицей Энгелаб и пошла прямо в Центральную мечеть.

Там было меньше людей чем обычно. На операционном столике не было раненых. Девушки вопреки тому, что я себе представляла, повсюду были заняты делом. Я с ними поздоровалась, и они очень тепло отвечали мне. Как мне показалось, по сравнению со вчерашним сегодня их отношение ко мне принципиально отличалось. Никто уже не дразнил меня и не говорил: «Вон ворчунья пришла» или «Ты стала похожа на трупы». Напротив, все искренне и тепло принимали и особенно ласково беседовали со мной. Меня очень удивило их поведение. «Вот так вот узнаёшь людей. Ведь помимо такого их обращения со мной я несколько раз чувствовала, как они смотрят в мою сторону, но, как только я повернусь, они прячут от меня взгляд и болтают друг с другом. Я даже чувствовала, что работа, которой они заняты, на самом деле только преподносится ими как важная», – подумала я про себя. Захрэ Фархади дурачилась, держа винтовку «G-3». Сабах готовила спиртовые ватные круги и накрывала стол салфеткой. Смеясь, я спросила:

– Что случилось? Вы обычно заняты были, а теперь такая тишина. И раненых не видно.

– Мы тут порядок наводим, если вдруг привезут раненых, – ответили они.

В их голосе снова слышалась особая доброта. Я спросила:

– Вы можете сказать, что произошло? С чего вы все такие добрые?

– Ничего не случилось. Просто с утра тебя не видели и очень по тебе соскучились, – ответила Захрэ.

– Ну хорошо. Раз вы так говорите, то я сделаю вид, что поверю.

И тут я услышала, как моё имя произносят по громкоговорителю мечети. Я потом зашла во двор. Перед воротами у двери за столом сидел Эбрахими с микрофоном в руке. Я с ним поздоровалась и спросила:

– Я вам нужна была?

Он встал из-за стола и очень уважительно и спокойно сказал:

– Приходил один мужчина. Спрашивал тебя. Увидев, что тебя нет, уехал.

– Кто это был? – спросила я.

– Он не назвал своё имя.

– Не назвал? А что ему надо было?

– Точно не знаю. Сказал только, что один из ваших родственников ранен.

Я удивилась. Казалось, что он говорит неправду, потому что незнакомый человек не мог спрашивать обо мне. Поэтому этот незнакомец кажется довольно странным. Я ожидала, что могли сказать, что снаряд попал в мечеть «Салман» и ранил Да и детей, или даже, что отец ранен, но то, что ранен один из моих родственников и обо мне спрашивал незнакомый человек, казалась мне маловероятным.

– Кто из наших родственников? – спросила я Эбрахими. – Вся моя родня уехала из города. Никто не остался. Этот человек не сказал, кого ранило?

– Нет, ничего не сказал.

Я почувствовала, что Эбрахими старается отвечать коротко, чтобы контролировать себя. Видно было, что он что-то утаивает, и что-то его мучает. За это время он несколько раз садился и вставал со стула. Явно он был неспокоен. Я начала выходить из себя от того, что он говорил неправду и о чём-то умалчивал. У меня уже иссякало терпение, и я, пытаюсь сохранить хладнокровие, спросила:

– Этот человек не рассказывал, как выглядел этот раненый?

– Ну почему же. Вроде бы говорил, что немного полный и с ним никого рядом не было.

– Насколько мне известно, таких родственников у меня нет, – нервно ответила я. – Говорите мне правду. Что произошло?

– Поверь, ничего такого не случилось, – тихо ответил он.

Его дрожащий голос меня сильно напугал. Я сказала:

– Умоляю скажите, что же случилось. Я готова услышать любую новость. Я многое увидела и сделала за эти дни, чтобы теперь задумываться об этом.

Пока я говорила, Эбрахими не проронил ни слова. Голова его была опущена, о он всё время рукой теребил волосы. Его молчание ещё больше заставляло меня беспокоиться. Когда я поняла, что мои уговоры бесполезны, и Эбрахими уклоняется от ответа, я подумала: «Ему явно тяжело это сказать. Лучше пойду спрошу у Лейлы. Если кто-то искал меня, то, значит, он искал и её».

– Пойду в Джаннатабад узнать новости, – сказала я Эбрахими.

Только я собралась уходить, как Эбрахими встал со стула и сказал:

– Нет, подожди. Не ходи туда.

Но я не стала его слушать и направилась в Джаннатабад.

За эти несколько минут я достаточно много времени потратила впустую. По пути меня одолевало странное чувство. Меня не отпускали всякие мысли. Мне невольно вспомнился сон, который я видела пару месяцев назад. Этот сон лишил меня покоя.

Во сне я видела, как в нашем саду выросло гранатовое дерево. Оно только пустило листья, а между ветками, сверкая, свисало много граната. Двое из них сверкали ярче всех словно мерцающий свет. От их сияния двор тоже светился, создавая красивое и удивительное пространство вокруг себя. Окунувшись в красоту дерева, я заметила во дворе нашу соседку. Мне было известно, что её старый супруг болел и не мог работать. Соседка попросила дать ей те два самых ярких граната. Она говорила, что её муж, съев эти два

граната, излечится. Я, будучи уверена, что отец не будет возражать, и это поможет излечить человека, дала женщине гранаты.

Не знаю, почему я вдруг сразу вспомнила этот сон, но сердце предчувствовало дурные вести. Я была уверена, что кто-то из наших погиб, и предо мной предстанет душераздирающая сцена. В моей памяти остались воспоминания о сценах убийства и событиях Ашуры. Всегда было предчувствие, что я тоже столкнусь с такими сценами. Я ускорила свой шаг. Ближе к Джаннатабаду шум вокруг усиливался. Я думала о членах своей семьи и говорила про себя: «Только бы ничего не случилось с Да и детьми. Если бы до Джаннатабада я смогла зайти в мечеть «Салман». Я их не видела со вчерашнего дня. Раньше всех пред глазами предстал образ Зейнаб с её сросшимися бровями и миндалевидными глазами. Папина любимица совсем не выглядела как пятилетняя девочка. Со своим сладким языком она, к сожалению, всем была открыта. Она была столь любимым созданием отца, что мы не могли делать ей какое-либо замечание. Потом я вспомнила, как прощалась с отцом. Вспомнила Лейлу, которую я поручила Зейнаб-ханум. Потом я подумала: «Наверное, Али тоже вернулся, услышав о войне. О, Аллах, так кто же из них? Эбрахими точно ошибся, и почему я вообще должна думать о смерти?!» По словам Эбрахими тот человек рассказывал, что кто-то ранен. Поэтому не надо думать о плохом. Как бы я ни бежала, дорога всё не заканчивалась.

Тут я заметила, что очень громко разговариваю и изливаю душу Всевышнему. Я просила, чтобы, если кто-нибудь из моих родных стал шахидом, пусть он мне даст силы выдержать это. До сих пор я никого из близких не теряла. Я не знала, каково это столкнуться с таким горем. Перед моими глазами за эти несколько дней произошло столько душераздирающих сцен. Я не желала, чтобы моё поведение тоже угнетало других людей. У меня в ушах звучали слова Али: «Будьте подобно матери Аббаса». Каждый раз, когда мы проводили траурные пения, мы проводили время в беседах с представительницей потомков Али, которая, к тому же, была из сейидов. С

тех самых дней достопочтенная Зейнаб была для меня великой и неординарной личностью. Она перенесла тяжелое время в плену и противостояла тирании. «Я видела только прекрасное», – говорила она. Я восхищалась ею и всегда себя спрашивала: «Разве такое возможно, чтобы человек пришёл к той степени сознания, когда убийства и трудности кажутся ему прекрасными?»

С такими мыслями я дошла до Джаннатабада. Перед тем, как войти, я оценила царившую там обстановку. На кладбище было мало людей. Перед омывальным домиком стояло только несколько человек. Немного поодаль на земле сидела женщина, причитая и посыпая себя землёй.

Рядом её окружили несколько детей. Меня пробирала дрожь. Я подошла ближе. Женщиной, окружённой детьми, рыдавшей и царапавшей себе лицо, оказалась Да. Мне никогда не доводилось видеть, как она горюет. Что же теперь довело её до такого состояния? О, Аллах, что за беда свалилась на нашу голову? Что же доведётся мне услышать в ближайшие мгновения? Что я увижу?

Я чувствовала, как что-то сильно давит на меня, что уже не могла передвигаться. Было очень странное ощущение. Я хотела подойти, посмотреть, что произошло, но какая-то внутренняя сила говорила: «Вернись». На самом деле мне хотелось бежать и уйти подальше от той обстановки, чтобы потом представить, что это всего лишь сон подобный кошмарам, которые я видела несколько ночей.

Но тут все разом обратили свой взор на меня. У меня ёкнуло сердце. Да тоже обратила на меня внимание. Она зарыдала ещё громче. Вставая и падая, на ногах и ползком она подошла ко мне. Она так сильно забросала себя землёй, что её лицо и одежда потеряли цвет. Она будто согнулась. Пару раз с её головы спадала аба. Она собирала её, снова царапая себя ладонью по лицу и ударяя в грудь.

Какой-то страх не давал мне подойти к Да. Не дойдя до меня, она душераздирающе кричала:

– Ты видишь? Твой отец погиб, ты видишь?

Я не могла поверить в то, что говорила Да. Меня перехватил тяжёлый комок в горле. Моё тело всё дрожало, и я обняла Да. Мне очень хотелось, чтобы никого рядом не было. Я бы тогда могла спокойно облегчить страдания Да. Я бы спокойно и громко всей своей сущностью рыдала, и избавилась бы от того спазма, что сдавливал моё горло и душил меня. Но я не смогла этого сделать. Я видела на себе взгляды солдат, двоих гвардейцев и всех остальных, что были там. Мне надо было успокоить Да, чтобы, видя её состояние, не был сломлен их дух. Я обнимала и целовала Да, гладила её по голове, приговаривая:

– Да, держи себя в руках. Отец сам выбрал этот путь. Зачем ты себя терзаешь? Разве отец хотел иного пути для себя? Разве он сам не говорил, что это его путь – путь мученической смерти, пленения или ранения? Что он может даже потерять руку и ногу?

После этих моих слов она снова начала царапать себе лицо и рвать ворот своей одежды. Она хотела разорвать на груди одежду. Взяв её за руки, я сказала:

– Всевышний будет гневаться, видя, как страдает душа отца. Не делай этого.

Да будто не слышала меня. Она не собиралась слушать меня, только стенала и занималась самобичеванием. После всех тех несчастий и невзгод, которые она пережила за эти годы, только почувствовав вкус спокойной и благополучной жизни, всё вновь рушилось вокруг неё. Казалось, что из её уст будет течь река пресной воды. В её слезах всё кричало: «Откуда тебе знать, кого я убиваю. Этот – иракец, а тот – иранец».

Не знаю, почему я чувствовала, что сейчас должна была уделить внимание Да и забыть о себе.

– Я понимаю, но ты должна терпеть. Пойдём к детям.

Я обняла её за пояс, и мы пошли вместе. Она была не в состоянии ходить. Плач не помогал ей. Я знала, что перед остальными она старалась

сдерживать себя. В противном же случае со всей горячностью, прожигавшей её сердце, она рыдала ещё сильнее.

Когда мы подошли к детям, я стала разглядывать их лица. Саид, держа прутик в руках, рисовал им круги на земле. Хасан, держась за руку с Зейнаб, показался мне бледным и пожелтевшим. Мансур тоже оцепенел и не мог говорить, но гордость не позволяла ему пустить слёзы. Мохсен стоял в углу и плакал. Взглядом я искала Лейлу. Она плакала в объятиях Зейнаб-ханум, которая целовала её и гладила по голове. Видя, как скорбят дети, я подумала о том, как же рано дети осиротели. Когда мы подошли, Зейнаб, Саид и Хасан подбежали ко мне. До этого момента мне казалось, что они не понимают всю глубину печали, продолжая с удивлением смотреть на меня и Да. Но, обняв меня, они расплакались. У них из глаз тихо лились слёзы. Увидев детей в таком состоянии, Да громко по-курдски спросила:

– Абу-Али, ты на кого бросил этих детей и ушёл? Почему оставил нас одних?

После слов Да дети ещё сильнее заплакали. Я присела и по одному их всех обняла, целуя и глядя по голове. При этом старалась их успокоить, хотя мне самой было очень плохо.

– Не плачьте, – сказала я детям. – Отец ушёл дорогой Имама Хусейна к Всевышнему. Вспомните про детей Имама Хусейна, отец которых мученически погиб от рук врагов, предавших огню их кров.

Я не знала, понимают ли они, что я говорю, или нет, но я надеялась, что мысли об этом успокоят их так же, как они успокаивали меня.

Когда дети успокоились, моё внимание переключилось на Да. Я повела её в мечеть и усадила на край балкона, возвышавшегося над двориком. Потом подошли Зейнаб-ханум и остальные омывальщицы. Они целовали и соблезновали мне. Я была не в состоянии им что-либо ответить и села рядом с Да. Несколько солдат, находившихся там, тоже подошли к нам и выразили свои соблезнования. Некоторые из них плакали, а некоторые, прогуливаясь, курили. Один из них сказал:

– Да поможет вам Аллах. Пусть упокоит Всевышний его душу. Очень богобоязненный был человек. Совсем не знал страха. Наоборот, он вдохновлял нас во всём, приговаривая: «Не бойтесь, что врагов так много и у них столько оружия. С нами Всевышний».

У меня глаза наполнились слезами, но я не давала им литься. Это были тяжёлые мгновения. Я не знала, на чью боль и обиду обращать внимание: на свою, Да или детей. Али не нуждался в нашем успокоении, он, как минимум, сам мог успокаивать Да, которая никак не успокаивалась и била себя. Она руками больно хватала себя за ворот. Обхватив её руками, я говорила:

– Да, надо держать себя в присутствии солдат. Они находятся далеко от своих семей, будут переживать и не смогут крепко стоять против врага.

Но она не внимала моим словам и продолжала рыдать. Тогда мне пришлось её напугать. Я ей резко сказала:

– Да, если так будешь продолжать, я тебе не позволю здесь присутствовать при захоронении отца.

– Да чтоб тебе косу отрезали, голова ты бестолковая! Ты хоть понимаешь, что у нас произошло?! – гневно ответила Да.

– Почему я не должна понимать, что произошло?! Но разве отец нам дороже Имама Хосейна, или мы лучше достопочтенной Зейнаб?! – сказала я.

Потом я обняла её и в ухо прошептала ей историю о бедствиях Зейнаб. Заплавав, она ответила:

– Я умру ради Зейнаб.

Потом подошла Зейнаб-ханум и, обняв Да, пыталась успокоить её. Она целовала её, приговаривая:

– Держись ради детей.

– Ушёл мой заступник. Как мне теперь быть? – ответила она по-арабски.

Она посмотрела вокруг себя по сторонам, посмотрела на сотрудников отца, солдат, омывальщиков и всех, кто стоял рядом, и грустно посмотрела на нас. Один из стариков-омывальщиков сидел у стены и тоже плакал.

Хосейн Эйди тоже был погружён весь в себя. Оказалось, он тоже очень переживал за смерть отца. Мне не хотелось, чтобы он из-за нас так страдал. Чтобы сменить обстановку, я подошла к Хосейну и сказала:

– Ты что? Разве твои близкие ушли, чтобы ты так печалился?

Он поднял голову и посмотрел на меня. В его взгляде я прочла сочувствие. Я посмеялась, чтобы он не думал, что я не могу перенести гибель отца. Стоявший поблизости солдат, увидев мой смех, подошёл ко мне и начал ругать:

– Погиб мой друг, а ты смеёшься? Разве смерть – это смешно?

Я не знала, что ответить. Казалось. Что этот солдат только подошёл и не видел сцену моей встречи с Да и детьми. Желая ответить убедительным тоном и выразить сочувствие, я сказала ему:

– Нет, смерть – это не смешно. И притом я совсем не смеялась над смертью твоего друга. Я из-за другого смеялась.

Хосейн Эйди, до того момента не произносивший ни слова, резко подошёл и сказал:

– Эй! В чём дело? Ты хоть понимаешь, что твой погибший друг – это её отец?

Солдат беспомощно застыл от удивления. Он опустил голову и стал извиняться передо мной.

– Ничего страшного, – ответила я. – Откуда вы знаете моего отца? Когда вы с ним познакомились?

– Мы эти несколько дней со 106-миллиметровым оружием у поста дорожной полиции отбивались от иракцев, – начал рассказывать он. – Наконец, те окружили и обрушили на нас шквал огня. У нас даже не было возможности шевельнуться.

Он вдруг заплакал и дрожащим голосом продолжил:

– Первый снаряд взорвался позади нас, а второй попал прямо перед нашим расчётом и разорвался рядом с господином Сейедом. Эти баасисты очень подлые.

Он плакал, с трудом продолжая рассказывать:

– Хотя я его знал лишь несколько дней, но был буквально восхищён им. Ребята знают: Сейед был моим идеалом. Никогда не видел, чтобы этот человек терял надежду. Когда иракцы атаковали нас, и мы хотели бежать, Сейед успокаивал нас. Он нас так вдохновлял, что мы казались себе богатырями. При этом сам был неутомимым. Он всё время говорил: «Если мы хоть на мгновение проявим беспечность, то враг наберётся решимости двигаться вперёд». Он совершал намаз под огнём пушек и танков. Я меркнул на фоне того, что делал господин Сейед. Какое счастье для вас, что жили с таким человеком!

Потом он что-то передал мне. Это были бархатный молитвенный коврик, коробка с записями Корана и магнитофон отца. Когда я открыла крышку магнитофона, солдат сказал:

– Эти несколько дней он постоянно включал записи Корана.

Я больше не могла стоять. Да рыдала и говорила:

– Где бы ты ни очутился, ты всегда оставлял след в сердцах людей. Любой встретивший тебя, становился твоим мюридом¹. Лучше бы ты не был таким.

Потом она повторяла на арабском:

– Ты опалил моё сердце, Абу-Али, ты опалил его.

После слов и слёз Да я уже не выдержала. Мне хотелось заплакать, но я не смогла; эта гнетущая обстановка ещё больше вдохновляла меня. Мне снова пришлось ругать её, чтобы успокоить. После моих резких слов она слегка успокоилась, но не прошло и минуты, как она вновь начала рыдать и бить себя. Несколько раз Мохсен подходил к ней и говорил:

– Не плачь. У всех такое же горе, как и у нас. Да, не надо. Сдерживай себя.

¹ Мюри́д (араб. – последователь, ученик) – в суфизме, ученик, находящийся на первой (низшей) ступени посвящения и духовного самосовершенствования. В более широком употреблении этот термин может обозначать суфия вообще и даже просто рядового мусульманина.

Прошло какое-то время, и мне быстрее хотелось увидеть отца. Передав мне в руки молитвенный коврик и магнитофон отца, солдат сказал:

– Эти несколько дней Сейед постоянно включал записи с Кораном.

После этих слов я уже не могла ждать и стоять на месте, думая только о том, чтобы пойти увидеть отца. Обратившись к тем, кто стоял рядом, я спросила:

– Где мой отец?

– Он в мечети. Мы его омыли и обернули в саван.

Зная, что в эти дни не было воды, и мы не омывали покойников, совершая лишь таямум, я с беспокойством спросила женщин:

– Вы что вытворяете? Мы же больше не омываем покойников?!

– Верно, – ответили они. – Воды, действительно, было мало. Но господин Сейед работал с нами, и мы должны были омыть его.

– Я хочу пойти к своему отцу. Умоляю, пусть никто не заходит в мечеть.

Никто ничего не сказал, но, когда я пошла, Да встала вместе со мной. Я вернулась к ней и с трудом сказала:

– Да, позволь мне остаться с ним наедине на несколько минут.

Я направилась к мечети. Дойдя до деревянной двери, я не решалась открыть её. Я даже не могла заглянуть туда внутрь через решетчатое окно. Подождав несколько минут, я подняла голову и заглянула внутрь мечети. Завёрнутое в саван тело лежало на земле посреди мечети и смотрело в сторону киблы¹. Хотя внутри мечети было не так светло, как на улице, мне показалось, что на том месте, где лежало тело отца, светился нимб, и пространство вокруг казалось светлее. У меня уже иссякло терпение, и я, дрожа, открыла дверь и вошла внутрь. Ноги меня не держали, и не было сил двигаться. Я не могла стоять. Упав на колени и помогая себе сильно дрожащими руками, я с трудом поползла вперёд. В таком состоянии я

¹ Кибла (араб. – направление; то, что находится напротив) – в исламе – точно установленное из любой точки земного шара направление в сторону священной Каабы в г. Мекке в Аравии, соблюдаемое всеми мусульманами во время совершения пятикратных ежедневных молитв и отправления ряда ритуалов.

несколько раз звала отца. Я надеялась, что он, как всегда, откликнется в ответ и скажет:

– Да, доченька.

Моё лицо было покрыто слезами. Странный ужас охватил меня от того, что я видела отца таким. Всё время поминая отца, я периодически произносила имя Имама Хусейна. Единственной опорой и утешением, которые я знала, для меня был только Имам Хусейн.

Мне очень хотелось увидеть доброе лицо отца, но, подойдя к его телу, мои руки сильнее стали дрожать, а дыхание стало прерывистым. Вдруг я почувствовала, как всё погрузилось в полную темноту, и ничего не было видно. Моё сердце стало учащённо биться, словно я очутилась в каком-то водовороте. Я задыхалась и начала истошно стонать:

– О, Хусейн, явись на мой зов!

Обессиленными руками я подняла голову отца и прижала её к груди. Я начала целовать его через саван. Я звала его:

– Отец, отец, мой прекрасный отец, поговори со мной! Почему ты не отвечаешь мне? Поднимись, посмотри, что делает Да. Поднимись, посмотри на детей.

От всего этого я ещё больше обессилела. Я тихо положила его голову на землю и обессиленными и дрожащими руками развязала узел савана у него над головой. Слезы мешали мне нормально видеть. Тем не менее, я пыталась хорошенько его разглядеть. Как же сияло его лицо! У отца была приятная внешность. Волосы у него были тёмно-рыжие, брови сросшиеся и глаза медового цвета. У него было худое спортивное телосложение и высокий рост. С таким сиянием его лицо было ещё красивее. Я наклонила ниже голову и внимательно разглядывала его лицо. Взрыв повредил его левую щеку, откуда торчали кости и хрящ. У него не было глаза и части лба, словно эту часть с него скосили. Но благодарение Всевышнему, его голова не была раздавлена, и мозги не полезли наружу. В местах вскрытия и на саване не было никаких следов крови. Я снова взглянула на его лицо. Его правая

сторона осталась целой, и глаз, имевший красивый и приятный цвет, был открытым.

Я внимательно осмотрела его с головы до ног, искала другие его раны. На его теле были ещё мелкие раны, но убил его именно большой взрыв, попавший ему в голову. Я прикоснулась губами к его глазам и поцеловала их. Вспоминала, как он прощался со мной. В последний раз я его увидела прошлым вечером, когда он обнял и поцеловал меня. Я попыталась закрыть его глаз, остававшийся открытым, так как видела раньше, как покойникам закрывают глаза. Но глаз у отца не закрылся, что удивило меня.

– Что ты хочешь сказать этим раскрытым глазом? – сказала я ему.

Прижавшись лицом к его щеке, мне хотелось закричать и потом просунув руку, вытащить из груди своё сердце. Я придвинула к себе отца и, прижав его голову к груди, говорила:

– Отец, умоляю тебя, скажи что-нибудь. Умоляю, не молчи.

Я подняла его руку и положила себе на голову. Мне хотелось, чтобы он приласкал меня, но было бесполезно. Не могла поверить, что он ушёл от нас. Положив голову ему на грудь, я надеялась услышать стук его доброго сердца. «Они, наверное, ошиблись. Возможно он не умер», – подумала я про себя, но не услышала ответа. Я была в отчаянии и уже развязала саван снизу. Потом легла на землю и целовала ступни его ног, прижимая их к лицу. Эти ноги когда-то били тросом; израненными и окровавленными они много ходили по земле. Ноги, которыми носильщик бегал по всем сторонам базара. Потом я взяла его за руку и смотрела на его пальцы. Эти руки до последнего момента нашего прощания держали меня за руку. Протянув ладонь к ладони его руки, я стала думать о том, что ему довелось пережить, когда он в ужасающую жару летнего Хорремшахра, одновременно соблюдая пост, ходил на работу. Когда сыпали горячий битум на землю, асфальтируя улицу, эти руки также начинали гореть. Теперь эти руки находились в покое, но при этом горело моё сердце, горела вся моя сущность. Ничто уже не могло унять это пламя. Я хотела положить его руку себе под голову и заснуть в объятиях

отца ровно как в те времена, когда я была маленькой и ласкалась к нему, а он прижимал меня к себе, целовал и гладил.

Я вспоминала своё детство и начала разговаривать с ним о тех трудностях и лишениях в жизни, которые ему довелось испытать. О его работе, о пути, по которому он двигался.

– Мне только семнадцать лет, и ты мне ещё нужен. Ты мне всегда нужен, – говорила я ему. – Ты нужен пятилетней Зейнаб, семилетнему Саиду, девятилетнему Хасану, Мансуру, Лейле и Да. Отец, что теперь будет без тебя делать Да? Скажи, что теперь с детьми. Зейнаб, Зейнаб, которая болеет тобой и так зависит от тебя...

Отец был очень добр и ласков к сиротам. У нас были соседи, у которых не было отца. Наш отец не прикасался к еде, пока не отнесёт им всё, что приготовила Да, или всё, что у нас было дома: зелень, дуг или шербет; и только потом он садился за стол. Он принципиально делал это сам и не давал нам относить еду. Он столько уделял внимания детям-сиротам той семьи, что нас иногда одолевала ревность, почему отец уделяет им больше внимания, чем нам. В любом случае он старался это делать скрытно, оберегая честь этой семьи. Теперь отца не было, и мы тоже осиротели. Не знаю, почему на меня нахлынули эти воспоминания, ещё больше усилившие мою печаль. Я думала о делах и поступках отца и говорила про себя: «Отец как будто знал, что он тут ненадолго и должен успеть многое».

Я вспомнила последний наш с ним месяц рамазан. Тот самый рамазан 1980 года. Месяц поста тогда попал на лето и было невероятно жарко. Мы детьми, как и в прошлые летние вечера, ходили спать на крышу. Посреди ночи я вдруг проснулась и спустилась попить воды. Тут я заметила, как отец, сидя на молитвенном коврике, плачет и молит Всевышнего о прощении грехов. Увидев его в таком состоянии, я вернулась наверх, чтобы он не заметил меня. С той ночи я стала просыпаться почти в то же время, зная, что эта сцена происходит каждую ночь, и находила укромное место, наблюдая за ним. После того, как все уснут, он начинал совершать намаз, вплоть до

рассвета проводя время в молитвах и слезах. Ближе к рассвету он звал всех нас поесть *сахари*¹.

В любое время суток всё нам виделось в хорошем цвете, и проблемы казались мелкими. Позади нас остались трудные годы, когда отец или работал носильщиком на рынке или выполнял различные строительные работы у людей на дому и прокладывал трубы. Среди его знакомых не было богатых людей, и он с них не брал платы, хотя в то время мы сами испытывали нужду. Его слова и поступки для всех были доказательством его благого нрава, характера. Даже спустя некоторое время, когда мы переехали в дома мэрии, к нему приходили люди из нашего прежнего места жительства. Все говорили: «У Сейеда рука лёгкая, и работает он с воодушевлением».

Теперь Сейед ушёл, и я возле него сижу, плачу.

Когда он вчера сказал: «Я поручаю тебе Да и детей», то мне не совсем было понятно, что он говорит и что хочет от меня. Но именно в эти минуты я почувствовала вдруг всю ту тяжесть ответственности, которую он возложил на мои плечи. Я снова положила голову ему на грудь и вспомнила то время, когда он отправлял меня на улицу, чтобы выяснить, сидят там полицейские в засаде или нет. Именно в эти моменты волнений и тревоги это сердце билось сильнее обычного.

Не знаю, сколько время заняли мои воспоминания. Я потом подняла голову и взглянула на его лицо, чувствуя, как я не могла успокоиться от того, что он испытал столько страданий и мучений. Я знала, что его дух наблюдает за мной и оберегает меня. «Наверняка его душа испытывает муки», – подумала я. После этих мыслей мне стало себя жалко. Из-за его утраты я стала ощущать свою безысходность. Я уже стала злиться на него, произнося безжалостно:

– В чём мы виноваты? Почему только мы должны так мучиться? Почему ты оставил нас и ушёл, не думая о нас? Ну как он мог?! Как?!

¹ Сахар (перс., араб. «сухур» – «завтрак») – предрассветный приём пищи во время поста в исламе.

Но я сама же ответила на этот вопрос: «Он правильно поступил, когда ушёл. Он поступил так, как должен был поступить перед лицом Всевышнего. Если бы отец не захотел уйти, то и другие тоже захотели бы идти. Тогда кто бы пошёл защищать свою родину?»

Потом стыдливо я просила отца простить меня:

– Отец, если я как-то не оправдала твоих ожиданий, если обидела тебя чем-то, мучила, то прости меня. Я постараюсь выполнить и восполнить всю обязанность, которую ты на меня возложил.

Пока я говорила сама с собой, в дверь несколько раз постучались. Я не хотела отходить от отца. Я не могла оторваться от него, пока лежала, согнувшись у него на груди. Я целовала его грудь, горло, лицо и лоб, глядя его по волосам и чувствуя нежность его волос под руками. Меня удивила красота его единственного оставшегося глаза. Он удивительно сиял; словно от радости. Его цвет кожи и состояние абсолютно не были такими, как у других покойников, которых я навиделась за эти несколько дней. В его теле совсем не ощущался холод. Его тело имело какую-то свежесть и красоту. Как будто бы отец спал. Его мученическая смерть казалась самой прекрасной. Исчезли даже его морщины на лбу и вокруг глаз. Его лицо так светилось, что, когда я раскрыла саван, несколько минут не осмеливалась прикоснуться к его лицу.

В дверь снова постучали, и мне пришлось закрыть саван. В последний раз я поцеловала его глаз и, попросив прощения, попрощалась с ним. Мне не хотелось заворачивать его саван. Было тяжело это сделать. Открыть его было тяжело, но завернуть – ещё сложнее. Казалось, если завязать этот узел, то всё закончится. Последняя встреча, последние прикосновения, последние запахи. «О, Аллах, что же мне делать? Помоги мне, – просила я Всевышнего. – Как мне проявить нежность к отцу?» «Господи, – продолжила я, – прошу так же, как ты забрал душу отца, забери и его любовь. Изгони из меня его любовь ко мне, чтобы я могла выдержать то, что его уже нет, и я больше не увижу его».

Я быстро завернула саван, и, наклонившись, приложила свой лоб к его лбу и, обеими руками схватив его лицо, сказала:

– Отец, попроси у Всевышнего, чтобы он дал нам терпения.

Я вдруг вспомнила, как он говорил, когда кто-нибудь умирал или погибал мученически:

– Я не хочу умереть естественной смертью. Не хочу испустить свой дух, лёжа в постели.

Однажды я спросила:

– Разве бывает неестественная смерть? Все умирают естественным способом.

– Естественная смерть – это, когда ты умираешь в постели, или от болезни, или от аварии, – ответил он.

– Тогда, если человек так не умрёт, то как же он должен умереть?

– Умереть на пути довольствия Всевышнего, исполняя свой долг во имя Аллаха.

– То есть идти воевать?

– Не только воевать. Иногда подобного рода деяния совершаются не только на войне, но Всевышний всё равно бывает доволен ими. Если ты сможешь избавить кого-либо от притеснений, погибнув при этом, то это будет прекрасная смерть. Если, например, человек пожертвует собой ради своей семьи, то и это будет прекрасный конец. Однако и этого мало. Человек должен быть таким, чтобы целиком и полностью совершал свои деяния на пути к довольствию Аллаха.

Я подняла голову. Мне уже надо было отойти от него и выйти. Выйти из мечети для меня оказалось сложнее, чем находиться внутри неё. Я входила сюда с надеждой, что вдруг весть о его гибели окажется ложной, и отец просто находится в летаргическом сне. Но, когда я приложила ухо к его груди и не услышала биения сердца, то убедилась, что нет никакой надежды. Теперь я выходила с полной уверенностью, что отца нет, что оказалось для меня очень тяжелым испытанием. Я вдруг вспомнила святую Зейнаб.

Попрощавшись с отцом, я сидя отошла назад и дошла до двери. У меня в ногах уже больше не было сил. Я не могла встать: меня покинули все силы. Я словно превратилась в кусок камня или дерева и чувствовала себя ужасно. Дойдя до двери, я произнесла: «Йа, Хусейн!» Тут я почувствовала, что во мне ещё есть силы. Я встала и в последний раз взглянула на отца. Перед тем, как выйти, поправила также платок и чадру и провела рукой по своему лицу и глазам, понимая, что по их состоянию будут видно, как проходило моё прощание с отцом. Мне хотелось, выйдя из мечети, сразу убежать от всех и от всего. Я больше никого не хотела видеть, и чтобы никто меня ни о чём не спрашивал, потому что я была уже не в состоянии что-либо говорить. Казалось, что что-то большое и тяжёлое застряло у меня в горле. Под мочкой и горлом у меня начало болеть. Я схватилась за ручку деревянной двери мечети и вернулась обратно.

Открывая дверь, я почувствовала тяжесть многочисленных взглядов на себе. В этот момент ко мне подбежали Зейнаб, Саид и Хасан. Как будто желая выслушать меня и убедиться, что их отец стал шахидом, они уставились на меня. Хотя я и сказала им: «Не плачьте», по моему лицу было видно сколько я пролила слёз. Зейнаб вышла от них вперёд и детским голосом спросила:

– Папа ведь стал шахидом?

Я чувствовала, как все они напряглись и ждали моего ответа, который никак не выходил из моих уст. С большим трудом я кивнула и ответила:

– Да, отец погиб.

Некоторое время они продолжали молча стоять. Я заметила, как Хасан схватился за волосы, на самом деле царапая их и стараясь таким образом сдерживать свои слёзы. Саид и Зейнаб тоже были хмурыми. Я чувствовала, что кто-то их должен сейчас обнять. Они все сразу меня окружили, и им стало легче. Я наклонилась, протянула ко всем троим руки и сказала:

– Отец ушёл к Всевышнему и теперь избавился от всех мучений и горя. Вы должны радоваться, что ему сейчас хорошо. Он сверху видит нас и все наши деяния и поступки.

Немного поодаль рядом с мечетью сидела Да. Взглянув на моё лицо, она поняла, сколько я плакала, и из-за этого громко зарыдала сама. Это был тяжёлый момент. Не знаю, но почему-то они ждали какого-то чуда, словно не желая верить в то, что отец погиб, и я им принесу обнадеживающую весть. Так же и Да, не прекращая плакать, обратилась ко мне по-курдски:

– Интересно, если мать твоя умрёт, ты будешь по ней столько же плакать?

Я подошла и обняла её, снова рассказав о святой Зейнаб (мир ей). Она плакала и отвечала, потом снова начинала говорить по-арабски:

– Ушёл мой заступник. Как мне теперь быть?

Я не знала, мне теперь за Да следить или о детях думать. Свою душевную боль успокаивать или думать о душевном состоянии тех, кто рядом. Тех, кто в любой момент мог погибнуть в результате авианалёта или удара орудий.

Друзья моего отца, которых я плохо знала, стали подходить ко мне и выражать соболезнования:

– Да упокоится его душа. Что мы можем сделать для дочери Сейеда?

Я понимала, что дальше тянуть не было смысла, и мы только задерживали остальных.

– Надо подготовить его могилу, – ответила я им.

– Мы выкопали одну могилу, но оттуда пошла вода наверх. Теперь готовим другую могилу, – сказали они.

– Какая разница? В конечном счёте, какого-нибудь другого беднягу придётся похоронить туда.

– За это время вода в могиле спадёт и высохнет.

– Осталось несколько могил, которые он сам готовил.

– Там тоже вода вышла.

Потом принесли носилки, и на них положили тело отца. Господин Саларванд, господин Парвизпур, омывальщики, двое-трое работников городской администрации, несколько солдат и военных, а также несколько человек из вспомогательных сил – все пришли провожать отца. Пока его несли к могиле, было странное чувство.

Когда хоронили кого-нибудь из близких, всегда приезжали все родственники – те, что живут далеко, и те, что рядом, чтобы присутствовать на похоронах. Но сегодня никто из этой большой семьи не приехал хоронить отца. Никто, даже Папа. Мне стало очень тоскливо. Я вспомнила несчастного Господина Мучеников¹ и тела, оставшиеся на земле. Его не только не проводили на похороны, но и ещё осквернили их священные тела, а его семью угнали в плен. Правда, несчастная доля отца не шла ни в какое сравнение с судьбой тех мучеников.

Я вспомнила святую Зейнаб и попросила её помощи. Мне хотелось, чтобы она откликнулась на мой зов. Чтобы помогла мне сдержаться, и я смогла всё продолжить. Все эти мысли, тайны и обязательства ещё больше укрепили меня и не дали лишиться последних сил. Поплакав внутри мечети, я почувствовала себя легче. Конечно, я пошла, чтобы увидеть отца и поговорить с ним, но слёзы сами потекли у меня из глаз, и мне действительно стало легче.

Был слышен возглас «Ля Иляха илля-Ллах» провожавших, смешиваясь с плачем и криками Да, которая не могла следовать за телом отца, весь путь падая на землю и снова поднимаясь. Состояние Да было ужасным. Она вся согнулась. Она крепко схватила руками живот и поясницу, чтобы быть в состоянии ходить. Что касается меня, я то следовала за телом отца, то выходила вперёд, то отставала. Обстановка была тяжёлой и невыносимой. Но я чувствовала, как Всевышний наполняет большим терпением всё моё существо.

¹ Имам Хусейн.

Проходя мимо, я бросила взгляд на могилы неизвестных шахидов. Сколько же мы их похоронили за эти несколько дней! Мне было стыдно перед ними, и я себе говорила: «Нас было, как минимум, несколько человек, когда хоронили отца. А что с ними? Мы даже не знали, как их зовут, чтобы написать их имена на могилах».

Когда мы подошли к могиле, тело отца положили на землю. Да, для которой все её надежды сменились безысходностью, или, как она говорила, весь дом разрушен, стояла в стороне. Она, обсыпая себя землёй, причитала:

– Ты мне разбил сердце, о, Абу-Али. Что мне теперь делать с этими сиротами?

Потом она припала к ногам отца, и сквозь её рыдание я слышала, как она говорит:

– Да будет разрушен твой дом. Встань, посмотри на свою любимицу Зейнаб. Встань, ответь ей, приласкай её. Не давай ей плакать.

Потом она сама упала на тело отца. Лейла также обняла его. Мохсен, Мансур, Хасан и Саид сидели вокруг. Моментами Мохсен и Мансур обнимали Да, пытаясь её успокоить. Зейнаб-ханум, целовала и увещевала её, а Марьям-ханум говорила:

– Не терзай себя так. Подумай о детях.

Коллеги отца отвели детей в сторону, успокаивая их. Странная была сцена. Солдаты плакали при виде всего этого. Некоторые из них курили и ходили туда и обратно, садились, произнося «Аллаху Акбар», и снова вставали. Я вдруг поняла, что лучше сама положу тело отца в могилу. Хотя мой голос и дрожал, но я себя контролировала, чтобы не разрыдаться.

– Я сама спущусь в могилу, – сказала я.

Коллеги моего отца начали плакать, крича вместе с омывальщиками:

– Нет, это мы должны сделать.

– Нет, я сама хочу уложить отца в могилу, – ответила я.

– Дайте отца, – сказала я, спустившись в могилу.

Да, увидев меня в могиле, ещё сильнее начала плакать и истерить. Она стала звать Папу и своих братьев:

– Хагг-Али, Надали, где вы? Отзовитесь! Погасите огонь в моём сердце. Многих здесь нет. Хороним тебя как чужого.

Состояние Да становилось всё хуже. Она говорила по-курдски, по-арабски, резко вставала на ноги и снова ложилась на тело отца. Я чувствовала, что, когда она говорила и читала по-арабски, ей становилось легче. С той стороны я слышала плач детей. Пятилетняя Зейнаб плакала громче всех. Все, кто присутствовал, тоже плакали, слыша её стенания. Парвизпур и ещё несколько человек говорили:

– Дети и жена господина Сейеда так ещё больше будут страдать. Заканчивайте.

Я сказала Да:

– Ты же мне обещала держаться. Посмотри, сколько людей здесь вокруг нас. Они тоже для нас как родные, как братья. Разницы нет. Они вместе с нами сейчас переживают. Вспомни святую Зейнаб, которой некому было сочувствовать. Думай о детях Имама Хусейна, которых постигло такое же несчастье. А твоих детей сейчас все ласково встречают и успокаивают.

– Дайте отца, – сказала я потом.

Одна из омывальщиц подошла к могиле. Подошли также мужчины и подняли тело отца. Да зарыдала. Дети ещё более испуганно чем прежде прижались к ней и громче заплакали.

Я столько присматривала за Лейлой эти несколько дней, а теперь она громко плакала, и я не могла уделить ей внимание, так как целиком была занята Да. Я подумала про себя: «Если бы Али сейчас был здесь, то не было бы так тяжело». Меня трясло от стенаний Да. Мозг совсем отключился. Я уже не знала, что делать. Может надо было выйти из могилы и обнять её? Невозможно было наблюдать за её страданиями. Я была очень привязана к ней и каждый раз, когда она ходила к родственникам, не находила себе места, пока она не вернётся домой. Как и тогда, мучаясь от ожидания, я была

вся в смятении, видя её лежащей на земле. У меня в сердце пылал огонь. Я чувствовала, как у меня перекрывало дыхание, словно кто-то закрыл мне доступ к воздуху. Я подняла голову и увидела небо. Мне казалось, что кругом было темно и пыльно. Единственное, что я смогла произнести, было:

– Да, умоляю тебя, ради отца успокойся. Заклинаю тебя святой Зейнаб, успокойся. Посмотри, детей сейчас может хватить приступ.

После моей мольбы Да перестала громко рыдать и стала тихонько плакать. Парвизпур и ещё двое подняли тело и передали мне и старому омывальщику. Я взяла отца за голову, и, прижав к груди, поцеловала. Но больше уже не выдерживала. Меня покинули все силы, и с ног до головы меня охватила невероятная слабость. Я как будто таяла, начиная застывать и уменьшаться. Я уже не могла плакать. Собрав все силы, я с трудом проговорила:

– Я уже не могу. Пусть поможет кто-нибудь.

Один из мужчин соскользнул в могилу и, схватив тело за середину, сказал:

– Помогите.

Зейнаб-ханум с Лейлой тут же схватили меня подмышки. Я не могла сама выбраться, и меня вытянули наверх. Я никак не могла собраться. Я сжалась на земле рядом с могилой. Это были последние мгновения, когда я видела отца. Я, согнувшись у могилы, смотрела. Лицо отца раскрыли и прочитали талкин. Когда я слышала этот голос, то чувствовала, будто наступил Судный день.

Как-то я видела на стене мечети Имама Садыка (мир ему) или Республиканской партии надпись: «Красная линия мученической гибели является линией Али и Семьи Мухаммеда (да благословит Аллах Его и Его семейство)»¹. При упоминании этой фразы, которая всегда имела большой смысл и красиво звучала для меня, мне вдруг стало немного стыдно. Я собралась с силами, как в этот момент один из солдат, который был рядом с

¹ Эту фразу произнёс Имам Хомейни.

отцом до последних мгновений и теперь плакал, сел рядом с могилой и дрожащим голосом сказал:

– О, Сейед, клянусь, я отомщу за твою пролитую невинную кровь. Я хотел уехать. Но теперь, даже если дадут приказ отступить, я не уйду из Хорремшахра. Буду сопротивляться. Я не дам пограть кровь шахидов.

Пока солдат это говорил, я вспомнила стих, который с детства всегда слышала от отца:

Эй, пришло время войны. Пришло время войны. Поезд проезжает надо моей головой. В нём полно солдат, в нём полно солдат.

Я пишу на бумаге: «Эй девушки, ничего с нами не случится, враг не пройдёт!»¹

Я слышала, как кто-то из могилы говорил Да:

– Сейеде-ханум, подойдите, благословите.

Да, рыдая, ответила:

– Я разве заслуживаю того, чтобы благословлять его? Он должен меня благословить.

Она села над могилой и сказала:

– Сейед, нас постигло несчастье. Прошу простить меня. Я старалась сопровождать тебя всю твою жизнь и в горе, и в радости. Если же я избежала этого, прости. Если чем-то обидела, прости. Пусть всё, что было хорошего и плохого, обернётся тебе добром. Будь мною доволен. Иншаалла и Всевышний будет тобою доволен.

После этих слов мне вновь стало жалко, как Да, так и отца. Им обоим пришлось тяжело. У обоих жизнь сложилась одинаково. Оба в детстве осиротели, и от этого Да было ещё тяжелее. Потому что девочке бывает ещё обиднее остаться без матери.

Когда я начала ставить на могилу камни, у меня в душе началось смятение. Сев у края могилы, я стала грести землю, размельчая крупные

¹ Это старинная песня, которую исполняли курды и луры.

куски. Мои глаза были направлены на тело. Казалось, всё моё существо стало глазами.

Расставляя камни, я теперь уже начинала верить, что больше надежды нет. Да, попросив прощения у отца, больше не издавала ни звука, и просто удручённо смотрела. Я уже думала, что после всех этих рыданий её покинули все силы. Толькой слабый голосочек исходил из её уст.

Все мои мысли теперь были об отце. Как только положили последний камень, всё для меня закончилось. Когда начали бросать землю, я уже не выдержала и встала. Мне было очень тяжело. Ноги не отпускали меня. У меня не было сил, и с большим трудом я смогла отойти от могилы. Но, когда я вернулась назад и посмотрела на солдат и всех, кто был рядом, то поняла, что нельзя было так поступать, и вернулась к могиле. Присев, я стала руками толкать землю в могилу, бросая её и нащёптывая:

– Спи, отец. Покойся с миром. Теперь наступило время покоя.

Мне очень хотелось, чтобы в эти мгновения здесь оказались Али и его боевые товарищи. Они бы сейчас пели для отца гимн и лозунги, какие обычно произносят, провожая шахидов. Но увы. Всё это мероприятие прошло в молчании и одиночестве. Сама я тоже не могла что-нибудь громко спеть ради отца. Я начала всем своим существом петь про себя зауспокойную песню, которую слышала на траурных мероприятиях:

Эй, лагерь Абу-Абдоллаха, зачем вы стонете?

От нас ушли и бросили в темноте и скуке¹.

Могилу засыпали землёй. Потом принесли кусок колотого камня, на котором Парвизпур чёрной краской написал:

Шахид Сейед-Хосейн Хосейни

Мученически погиб от попадания снаряда

¹ Поэт имел ввиду, что после гибели святого мир для нас становится мрачным, и мы одни остаёмся в горе и скуке.

Дата: 27.09.1980 г.

Себя я представляла на траурном песнопении:

О, несчастный Хусейн,
О, мученики Кербелы,
Пал жертвой наш предводитель,

О, мученик Хусейн,
О, несчастный Хусейн,
О, несчастный Хусейн

Больше я никого не видела и никого не слышала. Кругом стояло облако пыли. Даже не помню, как нас оттащили от могилы. Не помню, как нас забрали из Джаннатабада. Я только слышала:

Но кто же заступится за нас
Заступится за нас в раю
Рай – на земле и на небе
Плачут земля и небо дуновением своим

О, несчастный Хусейн,
О, несчастный Хусейн,
О, несчастный Хусейн,
О, несчастный Хусейн,

Зейнаб-ханум взяла детей за руки, и мы пошли. Когда мы дошли до мечети Шейха Салмана, уже начинало темнеть. Только мы вошли, как нас окружили соседки и те, кто был в мечети. Жена дяди Голями, мама Эсмаила, жена дяди Дарвиша, тётя Салимэ, мама Резы подходили по одной и обнимали и целовали Да и детей, выражая свои соболезнования. Все плакали.

– Последний раз, когда видела Сейеда, я чувствовала, что этот его поход ярко озарён святостью, – сказала мама Резы. – Всё его поведение показывало, что он не вернётся живым.

Жена дяди Голями, у которой по всему лицу текли слёзы, с южным акцентом подтвердила её слова:

– Когда господин Сейед приходил к себе домой, я поняла, что этот человек находится в другом мире.

Потом, обратившись ко мне, она продолжила:

– Твой дядя верно говорит, что ушёл его брат. Он итак был одинок, а теперь стал ещё более одиноким.

Да с детьми села на ковролин, который соседки расстелили в углу двора. Они вместе с нами плакали и причитали, а Да, скорчившись у стены, уже не имела никаких сил, чтобы плакать. Иногда от неё слышался слабое постанывание. Было непонятно: она просто вздыхала стонала, или что-то ещё...

Мне было плохо. Я не могла усидеть на одном месте и не находила себе покоя. Казалось, что-то меня душит. Я не знала, что мне делать.

Мне вспомнились слова отца: «Ни при каких условиях не теряйте надежды. В самом деле, по сравнению с иракцами нас меньше, но у нас есть Имам. У нас есть вера и убеждение. Пусть даже весь мир встанет против нас. История снова повторяется. Воинов Язида было намного больше противостояло Господину Мучеников».

Эти слова немного обуздывали тот огонь, что пылал внутри меня. Но как быть с Да? Я очень за неё переживала и просила Всевышнего дать ей терпения. Я наблюдала за ней и произносила хвалу Всевышнему, повторяя аят из суры «Иййака на`буду ва иййака наста`ину»¹, и дула на Да, чтобы её успокоить.

Спустя немного времени было понятно, что здесь больше нет смысла оставаться. Я встала и сказала Да:

– Мне надо идти.

Да, не понимая, спросила:

– Куда?

– В Центральную мечеть.

– Куда ты хочешь идти, мать? – спросила Зейнаб-ханум. – Что ты собираешься делать?

Она так искренне произнесла слово «мать», что мне хотелось пойти расцеловать её.

– Вернёмся к нашей работе, – сказала я. – Сколько ещё здесь будем сидеть?

¹ Коран: «Тебе мы поклоняемся и Тебя мы взываем о помощи» (аят из суры «Аль-Фатиха»).

Да удручающе сказала:

– Захра, далеко от меня не уходите. До сих пор, пока был отец, я была спокойна. Но теперь...

Я не дала ей закончить:

– Не волнуйся, Да. Мы никуда не уходим. Будем здесь рядом. Не волнуйся.

Лейла и Зейнаб-ханум тоже встали. Последняя тихо сказала:

– Я готова умереть ради вас. Были бы здесь сейчас хоть несколько человек из ваших близких.

Потом, поручив соседям Да, я сказала:

– Умоляю, не оставляйте её одну. Я тоже буду всё время приходить и навещать её.

Мы втроем вышли из мечети. Уже на улице я отделилась от Лейлы и Зейнаб-ханум и направилась к Центральной мечети. Уже при входе все, кого я там знала, увидев меня, подходили и соболезновали мне. Я очень старалась спокойно отвечать им. Девчата с комком в горле стали плакать, сочувствуя мне. Больше всех рыдала Рена Наджар. Я сказала им всем:

– Вы все знали, что мой отец погиб, почему ничего не сказали мне?

– Да, мы знали, но нам тяжело было это сказать, – ответила Захрэ Фархади. – Мы не думали, что ты сможешь так хорошо держаться. Ты так спокойно всё это выдержала, что мы теперь за тебя спокойны.

С трудом сохраняя внешнее спокойствие, я ответила:

– Хвала Всевышнему, мой отец достиг своей конечной цели. Он всегда говорил, что смерть – это расплата, но смерть прекрасна, если она угодна Аллаху; умереть на пути к Всевышнему – высшее благо.

Одна из девчат сказала:

– Ты так это приняла, что казалось, что смерть отца не беспокоит тебя.

– Он сам выбрал свой путь, – ответила я. – Он многие годы мечтал о такой смерти. Мой отец такой же, как и все остальные. Они тоже стали шахидами и тоже были для меня такими же отцами и братьями.

Как только прозвучал азан, я отошла от них, совершила омовение и вошла в комнату для ночных молений. Я стала за колонной, желая остаться одна. Потом сперва совершила намаз, после чего присела, оставшись наедине с собой и Всевышним. Меня угнетал страх той ответственности, которую возложил на меня отец. Мне было очень тяжело. Я лила слёзы, спрашивая у себя: «И как же я должна присматривать за семьёй?» Я обратилась за помощью к Всевышнему: «Господи, ты должен мне помочь».

Меня изнутри раздирали противоречия. Я сама говорила, сама спорила, и сама же отвечала: «Разве не потому умер отец ради довольствия Аллаха, чтобы потом Всевышний помог нам? Как же он может, защищая единственную травинку в пустыне, в то же время забыть нас?! Тогда на кого же мне уповать?»

Совершив намаз, я почувствовала себя лучше и вышла во двор. Там собирались подать ужин. Я помогла вытащить сыр из семнадцатикилограммовых бочек и положить на нейлон. Потом мы распределили хлеб между теми, кто пришёл поесть. Затем раздали консервы, тунца, баклажаны и фасоль военным и людям, пришедшим с передовой в одежде цвета хаки с мелкими кусочками.

Пока работала, я вспоминала своё прошлое. Передо мной всплывали моменты, когда я бывала с отцом, когда он, ударив по дощечке, сказал: «Банисадр не даёт прибыть подмоге». «Банисадр – изменник», – вспоминала я, питая к нему всё большее отвращение.

Не знаю, что такого произошло, что девушки старались меня охаживать и всячески угождать мне. Ханум Пур-Хейдари – одна из женщин, усердно помогавших в мечети – всё время целовала меня, пока работала, и души не чаяла во мне. Меня немного смущало их поведение. Я чувствовала, что они жалеют меня. Себя я спрашивала: «Неужели мой отец умер и стал шахидом?» Именно поэтому я отделилась от остальных и держала всех на расстоянии. В то же время я очень переживала за Да и детей. Закончив раздавать ужин, я бросила всё и направилась в мечеть Салман.

На улице было очень темно. Все, кто днём куда-то уходил, уже вернулись в мечеть. Перед воротами стояли несколько охранников. Во дворе люди семьями кучками сидели у стены, которая в беспорядочной форме имела углубления в виде михраба, и каждая семья держала для себя своё укромное местечко. Да так же, обняв колени, прислонилась к стене. Одну руку она держала на подбородке, а другую – на голове. Дети грустные сидели вокруг неё, только Мансур гулял по двору. Мне было тяжело видеть их такими. Я подошла к ним. Очень не хотелось видеть всех в таком состоянии. Увидев меня, они встали. Я протянула руки и обняла Саида, Хасана и Зейнаб, глядя их по голове. Видя, что я делаю, Да начала плакать. Я отпустила детей и обняв, поцеловала её. В слезах она сказала:

– Что теперь будем делать без твоего отца? Что я буду делать с детьми без него?

Я вздрогнула от этих слов. Я контролировала своё угнетённое душевное состояние. Дети смотрели на меня и, всхлипывая, плакали вместе с Да. Я не хотела сорваться. В конечном счёте, они сильно устали в тот день.

– Зачем ты себя всё время так нагнетаешь?! – сказала я Да. – Тебе было бы легче, если бы он умер из-за аварии, или заболел и умер по воле Всевышнего?

На это она ответила:

– Хвала Аллаху! Хвала Аллаху! – отвечала она на это.

– Ну так почему ты не успокоишься?

– Огонь в моём сердце никак не желает утихать.

Я долго с ней говорила, пока она не успокоилась и сказала:

– Захра, даже не знаю, что именно в твоих словах укрепило меня.

Состояние Да меня беспокоило. Ведь она в ещё в детстве потеряла свою мать, и ей было тогда очень тяжело.

Когда она вышла замуж за отца, они пережили много проблем, но вместе им жилось радостно. Сейчас, когда голова Да была у меня на плече, я вспоминала все те моменты, когда отец выражал ей свою любовь. Имя

восемь детей, Отец и Да так любили друг друга, что казалось, они вместе живут только первый день. Когда отец, приходя домой, видел, что Да нет, он сильно переживал. Он не мог сидеть на месте, ожидая её. Когда же он сам приходил с работы, они вместе с Да сидели, проводя время в разговорах. Они разговаривали и смеялись. Когда я была совсем маленьким ребёнком, то удивлялась тому, что отец внешне был красивее и по возрасту был моложе. Поэтому я себя спрашивала: «Если отец моложе и красивее, то что же такого есть в Да, что отец её так сильно любит?» Становясь старше и задумываясь о доброте и терпении Да, я понимала, что отец был прав. Мудрость и понимание Да были прекраснее любой внешней красоты.

Порою Да с отцом жили в худших материальных условиях. Но даже если отец приходил домой с пустыми руками и стыдился, что не принёс денег, Да жалела его и говорила: «Разве это самый последний день? Завтра тоже Всевышний нам дарует день. Хвала Аллаху, что голодными не оставались». Потом она сразу вставала и с чем-то там копошилась, показывая, что в доме горит очаг. Она никогда не говорила о своих проблемах Папе и дяде Хосейни. Если кто-нибудь что-то скажет, то она перед всеми защищала отца и говорила: «Мой муж трудится. Он мог бы пойти воровать, но не делает этого».

Отец очень любил Да. В честь её имени Шахпасанд¹, он вырастил на огороде кусты вербены и очень бережно ухаживал за ними. В преддверии Дня матери, он за несколько дней вперёд до этого покупал для Да подарок. Он и нам давал деньги, чтобы мы купили какой-нибудь подарок для матери. Не понимаю, откуда он догадался, что ей понравится ожерелье за семь лир, потому что Да никогда не говорила об этом. Я видела, как отец в своей книжке банковских расчётов каждый месяц откладывал немного денег, пока однажды я не увидела, как он купил Да ожерелье за семь лир. Она была очень благодарна. Хотя она большую часть времени не надевала его на шею и была вынуждена его продать, чтобы купить газовый кондиционер и

¹ В переводе с персидского «Шахпасанд» означает «вербена».

спастись от изнуряющей летней жары, отец сильно переживал и не раз говорил, что против этого. Но Да настояла.

И теперь мать потеряла этого человека. Я там оставалась ещё полчаса и, когда собралась уйти, Да сказала:

– Останься. Не уходи.

– Работы много. Мне надо идти, – ответила я.

– Захра, только не лезь в самое пекло. Я тебя знаю: чуть появится опасность, и ты туда уже бежишь. Подумай и обо мне. Ещё одного такого испытания я не выдержу.

– Нет. Я хочу пойти в Центральную мечеть помочь раненым. А потом пойду в Джаннатабад, проведу Лейлу. Так что не беспокойся, – говорила я Да, хотя уже после полудня приняла решение в любом случае отправиться на передовую. Я хотела идти в дорожную полицию, в рядах которой отец воевал и принял потом смерть шахида. Я хотела видеть то место.

Только я отошла от Да, как увидела маму Резы, нашу соседку напротив, державшую в руках тарелку еды и направлявшуюся к нашим детям. Я её попросила присмотреть за Да и детьми. Та начала плакать и говорить:

– Да помилует Всевышний твоего отца! Когда я вижу вашу Зейнаб, вспоминая, как её любил ваш отец, то сердце кровью обливается. Мать ваша тоже очень переживает. С самого послеполуденного времени у неё не просыхают слёзы. Да поможет ей Всевышний. Она перенесла тяжёлый удар. Тебе было бы лучше остаться рядом с ней.

– Не могу надо идти. Пожалуйста, присматривайте за ней.

Я направилась в Центральную мечеть. Во дворе мечети я встретила с господином Солеймани. Хотя я знала, где находятся продукты и что у нас есть, но я хотела спросить его мнение и получить разрешение отвезти продукты в Джаннатабад.

– Я иду в Джаннатабад, – сказала я. – У вас есть что-нибудь, чтобы отнести им?

– Иди, возьми хлеб и арбуз, – ответил он.

Я направились в угол двора, извлекла из картонной коробки хлеб и взяла несколько любимых исфаханских арбузов. Я не смогла найти какого-либо пакета или нейлона, чтобы положить туда хлеб. Тогда я вытащила женское платье из кучи одежды, брошенной в углу мечети и завернула в него хлеб с арбузом. Завернув рукава платья в узелок, я бросила его за плечо как связку и отправилась в дорогу. Мне было тяжело нести груз, и уже не было сил идти дальше по абсолютно тёмным и безлюдным улицам и переулкам. Я шла вдоль стен, иногда слыша свист снарядов. По звукам я определяла близко они разорвались или нет. Несколько раз я садилась, хватаясь обеими руками за голову в ожидании, что снаряд может сейчас взорваться; потом вставала, продолжая путь. Вой собак, гулявших по пустым улицам, также пугал меня. Мимо пробегали также кошки, пугавшиеся взрывов и разбегавшиеся от страха по сторонам. Я хорошо знала дорогу в Джаннатабад, пролежавшую мимо моего дома, и шла туда с закрытыми глазами. Проходя по нашей улице, я начала плакать от мыслей о доме и о том, что отец туда больше никогда не вернётся. Если бы у меня не были заняты руки, я бы зашла домой и стала искать отца. Я продолжила свой путь и, приближаясь к Джаннатабаду, чувствовала, как сильнее забилося сердце. Отец теперь покоится здесь, и я чувствую большую привязанность к этому месту. Я молилась, чтобы только никого не увидеть там и направиться напрямик к могиле отца. Ещё днём мне хотелось вернуться сюда. При этом я рассчитывала увидеть, как все сидят в темноте перед входом в омывальный домик. Оттуда же я стала громко звать Лейлу. В слабом лунном свете я заметила, как она встала рядом с Зейнаб-ханум и тяжёлыми шагами направились ко мне. Мне показалось, что она стала другой, не такой как в прошлые дни, и ушла вся в себя. Когда она подошла, я почувствовала, что она прячет от меня лицо и не хочет, чтобы я её видела. Она поздоровалась, и я, поздоровавшись в ответ, спросила:

– Ты в порядке?

Она ничего не ответила. Было видно, что до этого она много плакала и теперь прятала от меня взгляд. За ней следом подошла Зейнаб-ханум. По её поведению было видно, что та хотела выразить нам своё сочувствие и сказать, что мы не одни и находимся под её защитой. Она поздоровалась со мной:

– Здравствуй, мать. Рады тебя видеть. Спасибо. Что это ты нам принесла?

Она взяла из моих рук связку и, чтобы рассмешить нас, сказала:

– Девочка, ты опять принесла арбуз. Сколь раз теперь нам придётся ходить в уборную. От них только холодно становится. Уже умереть хочется от вида этих арбузов.

Мы вместе подошли к остальным и поздоровались. Все уважительно встали с места. Марьям-ханум обняла меня и сказала:

– Девочка моя, когда тебя не бывает, я очень скучаю.

Поблагодарив, я ответила:

– Я хочу пойти к могиле отца.

Схватив за руку, она не пустила меня.

– Сейчас присядь. Ты устала. Потом пойдёшь, – сказала она.

Я села на расстеленный ковролин. Не снимая обувь, я так и сидела, не проронив ни слова. Зейнаб, Марьям-ханум и та старушка беседовали, стараясь отвлечь нас от собственных мыслей. Лейла молчала, сжав губы. Я знала, что она готова была разрыдаться, с трудом сдерживая себя передо мной. Если бы я пустила сейчас слёзы, то и Лейла тогда, не выдержав, расплакалась бы. Но этого нельзя было допустить. Причём тут бедные омывальщицы. После всей этой работы с оборачиванием покойников в саван и захоронением прошло не более часа, как они сели отдохнуть на улице, чтобы выбраться из этой обстановки. Нельзя было ставить их в неловкое положение своими слезами и причитаниями.

Я постаралась нарушить тишину и как ни в чём не бывало беседовать с Зейнаб, Марьям и Хадидже-ханум. Старики тоже иногда вмешивались в наш

разговор, обсуждая нынешнюю ситуацию. Эти минуты давались мне с трудом. Обстановка была очень тяжёлая. Я не хотела сидеть там и делать вид, что всё хорошо. Мне хотелось бежать. От этих размышлений мне становилось ещё хуже. Тут зазвонил телефон, чем я немедленно воспользовалась, чтобы бежать из этой обстановки. Один из стариков встал, чтобы пойти поднять трубку. Я тоже воспользовалась этим удобным случаем, чтобы встать и уйти. В этот момент старик позвал меня:

– Доченька, тебя спрашивают. Просили, чтобы ты побыстрее прибыла в Центральную мечеть.

Меня это удивило, так как я не полагала, что кто-то настолько меня хорошо знает, чтобы спрашивать меня. Я встала, одновременно попросив Зейнаб-ханум присмотреть за Лейлой, на что она кивнула, сказав, что всё будет в порядке. Я наклонилась и обняла Лейлу, целуя и успокаивая её:

– Не горюй. Мы должны гордиться, что наш отец стал шахидом. Смерть шахида приносит ему славу.

Потом я попрощалась. Я собиралась посетить могилу, но мне сказали, чтобы я побыстрее пришла в мечеть. Я пошла, чтобы хотя бы поздороваться с ним, и остановилась перед табличкой. Так как она находилась поодаль от комнат, меня никто не видел. Эта табличка стала для меня словно родной. Я поцеловала то место, куда отец ударил кулаком. Потом я остановилась перед его могилой. В этой темноте я издали посмотрела на неё. Мне очень стало жалко отца. Прежде я грустила, если не видела его два-три дня, но теперь не видела его только несколько часов, а на душе от одиночества уже было тяжело. Меня мучили воспоминания о моих шалостях и то время, когда я мучила и не слушалась его. Поэтому стала просить, чтобы он простил меня. Несмотря на такое состояние, я отбросила от себя эти мысли со словами:

– Здравствуй, мой неверный отец. Зачем ты меня одну оставил? Зачем ты бросил Зейнаб и ушёл? Разве ты не обещал Да, что не допустишь, чтобы мы жили тяжело? Теперь стало хуже. Почему ты не выполнил своё

обещание? Как минимум, ты должен был подождать, пока Али вернётся, только потом уйти.

У меня лились слёзы, и я в сердцах говорила отцу:

– Если ты собирался уйти, то зачем так избаловал Зейнаб? На чьи колени теперь она присядет? Кому теперь будет садиться на плечи? Когда все ругали Саида, ты обнимал и гладил его. Что ему теперь делать? Раз ты ушёл, оставив нас, попроси Всевышнего не оставлять нас одних.

Я рукой погладила табличку. Времени у меня уже не было. Напоследок я сказала:

– Отец, когда Али вернётся, попроси Всевышнего отправить меня к себе. Попроси, чтобы я могла встретиться с тобой.

Потом я быстро вышла из тёмного Джаннатабада, со всех сторон окружившего меня тяжестью горя, и направилась в мечеть. Я стала думать о том, что им понадобилось от меня, что случилось, зачем они сказали: «Пусть быстрее придёт». Я ещё не дошла до мечети, как один из мужчин перед воротами сказал:

– Сестра Хосейни, снова они тут сцепились друг с другом и скандалят. Я прошу, скажите им что-нибудь, может успокоятся.

Он говорил о трёх-четырёх женщинах и детях, у которых под действием взрывной волны нарушилась нервная система или даже, может быть, они сошли с ума. Но тогда никто не знал, что такое взрывная волна, и почему они себя так противоестественно ведут.

Поэтому там стали думать, что те выжили из ума. Потом мы потихоньку поняли, что они находятся под активным воздействием взрывных волн. Этих нескольких человек привезли из разных концов города. Кроме одной из них, которая с рождения была незрячей и отставала в развитии, и её бабушка всё время присматривала за ней, на других всё это не действовало.

Весь вечер, когда я там была, эта незрячая девушка, услышав звуки взрывов, начинала визжать и кричать, бегая по двору. Я подбежала к ней и, обняв, спросила:

– Что случилось? Почему ты визжишь? Не бойся.

– Я боюсь, – сказала она.

– Не бойся. Здесь ничего не случится. Все находятся здесь.

– Нет, сейчас придут иракцы.

– Не осмелятся. Наши ребята станут у них преградой. Я тоже здесь. Не бойся. Заходи в мечеть. Если я понадобится, позови меня.

После этих слов она успокоилась и доброжелательным тоном сказала:

– Останься рядом со мной. Не уходи никуда. Если останешься со мной, то мне не будет страшно.

– Я не могу сейчас находиться только здесь. У меня есть ещё много других дел. Но когда тебе будет нужно, я всегда буду рядом.

Когда в мечети увидели, как я обращалась с Геновой и этой девушкой, будучи сами не в состоянии их успокоить, в этот раз они решили сразу позвонить в Джаннатабад. На улице всё ещё были слышны крики и вопли. Я вошла в комнату для ночных молитв. Бедные люди, находившиеся в мечети, из-за этого шума выбежали оттуда. Девушки тщетно пытались их успокоить. Захрэ Фархади, Рена Наджар и Марьям Амджади уже были порядком измотаны.

– Первой от взрывной волны пострадала и начала кричать та молодая и белолицая девушка с ребёнком нескольких месяцев в утробе. Потом вслед за ней остальные набросились друг на друга, – рассказали они.

Я посмотрела на лицо женщины и никак не могла поверить, что у неё могло быть психическое расстройство. Но ей действительно было плохо. Она вопила и тряслась, выкрикивая:

– Всех убили. Всем отрезали головы. Вот сейчас, сейчас они придут и убьют всех.

Мы с девочками отвели их в сторону. Её ужасно трясло, и рот высох. Все её стоны, крики и действия ослабли от наступившего бессилия. Дети принесли сладкую воду, и я залила её ей в горло. Успокоив её, я принялась за остальных. Забежав во двор, я достала из коробки консервы, вскрыла их и, взяв немного хлеба, подошла к ним. Увидев меня с едой, они подошли ко мне и начали сетовать. Воспользовавшись тем, что среди девчат только я знала арабский, а эти несколько женщин были арабками, я так ласково с ними разговаривала, что смогла усыпить их тревожное состояние. Дети тоже помогли раздать им ломтики хлеба.

Нам стало легче от того, что люди теперь могли отдохнуть от них и в этой суете несколько часов полежать на земле.

Не прошло и часа, как всё началось заново. Они встали и начали ходить, пытаясь выйти на улицу; но мы им не позволили это сделать. Все в мечети были подняты на ноги. У меня при этом сильно свело ногу. После этого все перекусили; была та же самая еда и та же посуда. Хуже было то, что в таком состоянии они становились сильнее, и мы несколько человек не могли справиться с ними. Тут к нам на помощь подоспел фельдшер, заведовавший примечетской аптекой, а девушки под его присмотром оказывали помощь.

Его звали Халил Наджар. По его назначению каждой пострадавшей от взрывной волны мы сделали успокоительные уколы и уложили всех в одном углу. Спустя несколько часов установилось относительное спокойствие. Рена Наджар, растерянная от всего этого шума и всё это время заботливо пытавшаяся вдохновить меня на то, чтобы я выдержала это неестественное поведение, снова говорила:

– Дай Аллах тебе здоровья. Если бы не ты, что бы мы тогда делали?

Марьям Амджади уже вся кипела и была на нервах. В этой суматохе я заметила также Захрэ Фархади, вцепившуюся от беспокойства в свои щёки.

– Они позорят нас. Почему ими никто не занимается? – говорила она.

Устав, я прислонилась к углу одной из стен и закрыла глаза. Всё ещё доносились вздохи и стоны женщины, которую я заметила ещё при входе в мечеть. Женщина ждала ребёнка. Её дети несколько раз хотели отвезти её в больницу. Но несмотря на все эти боли и волнения, она отвечала, что ещё не наступило время рожать. Она всё время ходила взад и вперёд и, съёжившись, пряталась у стены. В течение ночи изредка привозили раненых, и я старалась помочь чем могла. Если предоставлялась возможность, я прислонялась к стене и без чувств закрывала глаза, засыпая на несколько минут. Но я слышала, всё что происходит вокруг. Только почувствовав, что есть работа, я тут же вскакивала. Всё это время мои мысли были об отце. Я всё время представляла его рядом с собой и говорила с ним. Одновременно я видела, что делали заведующий аптекой господин Наджар и девушки, занимаясь ранеными. Именно поэтому, наблюдая за всем, я подумала про себя: «Если бы рядом с отцом оказался кто-нибудь, имеющий отношение к медицине, он бы возможно не погиб. То есть, как же именно погиб отец? Когда говорят: «На передовой, на передовой», что это может означать? Как они воюют? Как в них попадает снаряд? Наверняка, там все стреляют друг друга с обеих сторон». Я тоже хотела отправиться на передовую. Теперь было решено отправлять шахидов в другие города, а значит, в Джаннатабаде работы поубавится. Гораздо важнее помочь раненым. Если оказать своевременную помощь, то будет меньше потерь.

Я до утра говорила и спорила сама с собой. К рассвету женщине стало совсем плохо, и она стала звать на помощь.

Мужчины пошли за машиной и, в конечном счёте, привели грузовик. Мы с трудом несколько человек усадили туда женщину и отвезли её в роддом. На обратном пути я зашла в мечеть Салман. Большинство людей спали. Да разжигала печку, а рядом с ней сидела Зейнаб. Хасан и Саид спали. Мансур стоял посреди двора. Увидев меня, он с радостью подбежал ко мне. Я обняла его и спросила:

– Ну, Мансур, чем занимаешься?

– Ничем. Бездельничаю, – ответил он. – Надоело мне всё это.

Я, как и остальные, думая, что не сегодня-завтра этот огонь прекратится, и все вернутся в свои дома и к обычной жизни, ответила:

– Аллах велик. Война закончится, и у тебя всё будет как прежде.

Потом я подошла к Да и поздоровалась с ней. Взглянув на меня своими заплаканными глазами, она сказала:

– Мать, ты пришла?

– Да. Как дела? Что нового? – спросила я в ответ.

– Какие могут быть дела, когда такая беда на нашу голову свалилась.

– Нет, Да, не пыль, а корона свалилась нам на голову.

– С головой у тебя не всё в порядке, дочка. Подожди, война закончится, я тебе скажу. Тогда ты поймёшь, что с твоей головой происходит. Мне надо пойти к могиле, – сердито добавила она потом.

– Разве ты не была вчера на могиле?

– Что ты имеешь ввиду?

– Ты разве забыла, что люди на третий день ходят к могилам своих родных? Пойдёшь на третий. – Я не хотела, чтобы она ходила к могиле отца заплаканной и измученной, так как переживала за неё.

– Мне какое дело до людей, – ответила она со слезами. – Разве я не имею право проводить его и теперь должна идти только на третий день? Что ты такое говоришь?..

Я рассердилась:

– Да, у всех такое же положение, как и у нас. У всех такая же беда. Поэтому не надо вот так убиваться.

Хасан и Саид, услышав наши голоса, проснулись и хмурые поздоровались со мной. Они готовы были расплакаться. У меня подступил комок к горлу. Я была не в состоянии видеть слёзы Да и детей. Ругая Да, я, на самом деле, пыталась контролировать себя. Через несколько минут успокоившись, я сказала:

– Да, потерпи. Я приду за тобой забрать тебя в Джаннатабад.

Да ходила, сгорбившись от горя. Конец платка она завязала на лбу, как это делают по обычаю курдские женщины, соблюдающие траур; на поясе у неё тоже был завязан чёрный платок. У неё больше не было сил идти. Я хотела найти транспорт, чтобы она пешком не шла в Джаннатабад.

– Я подожду тебя, – сказала она. – Если придёшь, то придёшь, а нет – так я сама пойду.

– Хорошо, – ответила я и, обняв, поцеловала прилипшую ко мне Зейнаб. Совсем не понимая, где и в каких условиях мы находимся, та спросила:

– Ты принесёшь мне платье, которое мне однажды купил папа?

Я посмотрела на неё. Совсем недавно отец купил ей то самое платье, о котором она говорила.

– И игрушки мои принеси, – продолжила она. – А ещё куклу и её кастрюлю хочу. Я хочу играть здесь с детьми в дочки-матери.

Я погладила её по взъерошенным красивым волосам и ответила:

– Не могу. Давай в другой раз.

– Тогда возьми меня с собой, – взволнованно сказала она. – Мне здесь скучно без тебя.

– Нет, родная. Я не могу взять тебя с собой. Там, куда я иду, опасно.

Сжав мои руки, она испуганно спросила:

– Если опасно, зачем ты идёшь, Захра? Не ходи туда.

Действительно я странные вещи говорила ребёнку, заставив её волноваться.

– Я смогу быть осторожной, – ответила я. – Не бойся, ничего не случится. Но если я возьму тебя с собой, то буду связана по рукам и ногам и ничего не смогу делать.

Обнимая Зейнаб, я смотрела на Саида. Этими чёрными глазами он словно разговаривал со мной. Саид был очень спокоен и подавлен. Я оставила Зейнаб и села рядом с Хасаном и Саидом. Зейнаб всё так же была занята разговором со мной и продолжала говорить, как будто никого перед

ней не было. Я же, переживая за людей спавших рядом, тихо ей отвечала. Я встала, собираясь уйти. Зейнаб же, потеряв надежду пойти со мной, настойчиво продолжала:

– Останься сейчас. Не иди.

Когда я ей сказала, что у меня дела и надо идти, она обиделась и ни за что не соглашалась. Наконец, расплакавшись, она сказала:

– Я устала. Пойдём к нам домой. Если мы пойдём домой, то придёт папа, и я увижу его.

Она, казалось, забыла, что случилось вчера. Она забыла, что отец стал шахидом. Я уже не могла задерживаться и вышла на улицу. По пути я взяла из Центральной мечети хлеб с сыром и направилась в Джаннатабад. Но там я не задержалась надолго. Я только хотела проведать Лейлу и узнать, как у неё дела. Мне показалось, что сейчас ей было лучше, чем вчера. Она начала говорить со мной:

– Со вчерашнего вечера шахидов больше не привозили.

– Да хочет прийти в Джаннатабад, – сказала я. – Если получится, я найду транспорт, чтобы ей не пришлось идти с детьми пешком.

Я передала хлеб с сыром Хосейну и Абдолле, сидевшим у ручейка и попрощалась со всеми. Абдолла, державший на плече «М-1», протянул руку и, побежав за мной, сказал:

– Сестра Хосейни, я пойду с вами. Здесь сейчас нет работы.

Мы направилась к мечети и, не доходя до улицы Чехель-Метри, услышали ужасный взрыв, после чего начали бежать. Били в районе площади Ордибехшт. Чем ближе, тем отчётливее слышались звуки разрушения домов и взрывов, попадавших на землю, стены и ставни магазинов. Земля дрожала у меня под ногами. Было слышно, как люди произносили: «Аллаху Акбар». Абдолле Моави я сказала:

– Беги. Звук слышен оттуда.

Улица, выходящая от площади Ордибехшт на улицу Фахра Рази, обстреливалась снарядами. Каждые два метра на землю падали 25-

миллиметровые снаряды. От грохота взрывов моё сердце содрогалось. На душе становилось пусто. Взрывы обостряли мои чувства. Мне казалось, что эти звуки – звуки смерти. Повсюду всё передо мной перемешивалось с цветом крови. Такая смерть мне казалась красивой, смертью с достоинством. Наверное, поэтому мне нравились звуки разрывающихся снарядов.

Звуки и волны от взрывов были иногда такими сильными, что мы на мгновения застывали, а воздух наполнялся столбом пыли. Мы не видели друг друга. В Хорремшахре было много домов, построенных из сырцового кирпича и глины, что влекло за собой ещё большие разрушения. Некоторые дома были буквально снесены взрывной волной.

Из некоторых домов на улицу выбегали испуганные люди. Другие, жившие напротив, бежали им на помощь. Мы зашли на улицу, больше всех обстрелянную снарядами.

Посреди улицы на стену опирались двое раненых. Один из них – пожилой мужчина – был ранен в ногу, другому осколки снаряда попали в руку, лицо и ноги, и ему было не более двадцати трёх-двадцати четырёх лет. Состояние обоих не были критическим. Правда, старик был немного испуган. Он был в состоянии сказать:

– Смотри сюда, смотри! Они хотят нас убить.

Из относительно большой раны на ноге размером с ладонь руки текло много крови. Нескольким людям, окружившим нас, я сказала:

– Принесите кусок ткани, чтобы остановить ему кровотечение.

Мужчина кричал от вида крови. Его обожжённое солнцем имело мертвенно бледный цвет. Другие мужчины, сочувствуя, говорили ему:

– Не беспокойся. Будешь в порядке. Ничего страшного не случилось. Ты ещё не видел, что в больнице творится.

Я перевязала верх бедра тканью, чтобы остановить сильное кровотечение, и стала рассматривать остальные его раны. Некоторые из них глубоко проникли в кожу. Кровь текла из ран от голени ноги до предплечья руки. Я разорвала ткань и обвязала узлом верхнюю часть раны вокруг

мышцы. Перевязывая раны молодому парню, я сказала рядом стоявшим мужчинам:

– Найдите транспорт, чтобы отправить их в больницу.

– У меня есть мотоцикл, – ответил один из них и отправился за ним.

Я Абдолле сказала:

– Он мне серьёзно помог, чтобы было легче перевязать ему бок и колено.

Когда подъехал хозяин мотоцикла, все помогали посадить сзади сперва пожилого мужчину, а потом молодого парня. Этим несчастным пришлось ехать, испытывая мучения по дороге. Чуть поодаль рыдали двое мужчин и несколько мелких и крупных детей. Снаряд также попал в кухню в углу двора, где лежали убитыми молодые женщины, готовившие еду. С помощью людей мы вытащили оттуда тела и уложили их в пикап. Муж одной из женщин, держа в руках её паспорт, остолбенело смотрел то на нас, то на труп своей жены, который собирались отвезти на кладбище. Он не мог поверить, что его жизнь буквально за несколько минут перевернулась, и он потерял свою супругу. Не имея возможности быстро осмотреть все дома на улице, мы с Абдоллой спросили:

– Есть ещё раненые?

– Нет, – услышали мы в ответ.

Хотя большая часть людей покинула эту улицу, мы сказали всем:

– Не оставайтесь здесь, так как тут летают снаряды. И забрать вас отсюда будет некому. Из-за одной маленькой раны можете умереть потом.

Мы вернулись в мечеть. Во дворе на огне стояли пять-шесть больших котлов. Если не ошибаюсь, в первом из них было горячее блюдо – подлива с мясным фаршем. Женщинам, готовившим еду, я сказала:

– Всю остальную работу оставьте мне, я сама помою посуду.

Помыв и сполоснув посуду, я села с ними делить хлеб по порциям, который потом надо было раздать вместе с едой. Тем временем подъехал грузовик, на котором были загружены коробки с сухим хлебом, мешки с

одеждой, старыми одеялами и консервами. Мы все собрались у грузовика и стали оттуда передавать друг другу упаковки, которые потом относили в комнату для ночных молитв. Занимаясь этим делом, я с коробкой зашла во двор и увидела того самого вчерашнего черноволосого парня, одетого в робу. Того самого, которого звали Хосров. Мы с ним поздоровались. В это же время из мечети вышла женщина, помогавшая нам разгрузить машину. Я видела её пару раз за эти несколько дней. Она была очень хорошая и приветливая женщина и всё время помогала по работе в мечети, возвращаясь по вечерам домой. По внешности она напоминала мне одну из родственниц. Увидев, как я поздоровалась с Хосровом, та, улыбаясь, сказала:

– Это мой сын. Его зовут Хосров. Кажется, вы знакомы друг с другом?

– Да, мама, знакомы, – ответил Хосров. – Это сестра Хосейни, наша современная Зейнаб. Ты знаешь, что она собственными руками похоронила отца? Ты можешь поверить в такое? Можешь поверить? Представь, если бы я также похоронил своими руками отца.

Его мать поменялась в лице и крикнула на него:

– Хосров, скажи, не дай бог, если придётся поминать твоего отца!

Хосров с особым акцентом ответил:

– Ты посмотри на мою мать. Я говорю ей, эта девушка похоронила своего погибшего отца, а она: «Не дай бог!»

Машину быстро разгрузили. Я увидела, что господин Наджар – заведующий аптекой – сейчас не был занят и решила воспользоваться удобным моментом. Я хотела заниматься медицинской работой и во что бы то ни стало отправиться на передовую. Не знаю, дал бы господин Наджар мне такую возможность или нет, ведь я его ещё хорошо не знала. Ему было около тридцати лет. У него был средний рост, смуглое лицо и вьющиеся волосы.

Его острый взгляд вместе с усами вначале придавал ему серьёзный вид.

Хотя его звали Халил Наджар, он просил девчат называть его просто Халилом. Наконец, я решилась и подошла к нему. Рядом стояли и

разговаривали с ним Захрэ и Ашраф Фархади. Я поздоровалась с ним, и он поздоровался в ответ. Девчата меня представили ему:

– Это сестра Хосейни, о которой мы вам говорили.

Как я поняла, они рассказывали ему о том, как я хоронила отца. Очень вежливо и с большим уважением он обратился ко мне:

– В такие времена вы обычно поздравляете друг друга, но я вам соболезную. Когда женщины рассказали о вас, мне показалось удивительным, что девушка сама хоронит своего отца. Я подумал, что ты старше них. Ты старше своего возраста.

Поблагодарив, я ответила ему:

– Мне бы хотелось вам помогать, но, к сожалению, ни в чём не разбираюсь. Но я смогу быстро научиться.

– Ты видела курсы помощи? – спросил он.

– Нет, а что за курсы?

– Я имею ввиду первую помощь. То есть ты должна знать, что надо делать с раненым или попавшим в аварию.

– Нет, я ничего не знаю.

– Ампулу вскрывать, укол делать умеешь?

– Я боюсь, – ответила я. – Я ничего из этого до сих пор не делала.

– Ничего страшного. Ты можешь остаться здесь и сейчас начать с лёгкой работы: скручивать вату, обвязывать лейкопластырь вокруг каталки.

– До какой степени вы тут работаете с ранеными? – спросила я. – Вы им операции делаете?

– У нас тут недостаточно приборов, – ответил Наджар. – Вынимаем только поверхностные осколки, делаем швы и останавливаем кровотечение. Здесь обстановка не стерильная, поэтому это максимум, что мы тут можем делать.

Потом для первого урока он взял шприц и подушку и стал быстро объяснять:

– Если представим, что это мышцы больного, то как надо делать инъекцию?

Девчата, которые намного раньше меня помогли Наджару, уже знали, как это делать. Я и Захрэ Фархади взяли этот же шприц и, громко смеясь, начали упражняться.

К моему везению, сразу привезли раненого. Неожиданно для нас, это оказался брат Марьям Амджади. Он был ранен в ногу, на которой началось заражение. Так как несколько дней он не мог снять ботинок, заражение раны усилилось, что усугубило положение.

– Сядь на землю, – сказал господин Наджар Али Амджади.

Потом он нагнулся и с трудом стянул с его ноги ботинок. Али Амджади всего скрутило от боли. Он кусал губы и не мог дышать.

Когда господин Наджар хотел снять с него носок, он взял физиологическую сыворотку и савлон и нанёс их ему на ногу. Так ему было легче снять носок с гниющей кожи.

Марьям Амджади не могла смотреть на брата в таком состоянии и, присев на землю, обняла его за шею. Она целовала его и успокаивала. Али Амджади из-за этого злился и, убирая руки Марьям от шеи, говорил:

– Не делай так. Некрасиво. Зачем так делаешь?

Но Марьям не убирала руки. Видя Али Амджади, я вспоминала нашего Али. Его также звали Али, и он, как и наш Али, был гвардейцем. Именно поэтому я вдруг начала скучать по нему. Мне захотелось в этот момент увидеть в нём брата и обнять его. Через несколько минут господин Наджар снял с Али Амджади носок и нажал на рану, чтобы выдавить оттуда гной. Это было так больно, что тот от этой боли сжал свои ладони. Али поднял голову и шёпотом возносил хвалы Всевышнему.

У меня сердце выворачивалось от вида этой процедуры. Мне хорошо была знакома эта боль. Когда мне ногу проткнул гвоздь из бревна, и появилось нагноение, я чувствовала себя точно так же. Чтобы сменить обстановку, я вышла во двор и стала делать круг. Женщины всё так же были

заняты и чистили рис и злаковые зёрна. Я подошла к ним и взяла поднос. Во дворе было шумно. Кто-то уходил, а кто-то приходил. Пока я работала, мой взгляд был направлен на ворота, чтобы, если привезут раненого, пойти в аптеку, или если кому-то что-то понадобится, дать ему это. Как только плов протомился, мы начали класть еду сперва для тех, кто воевал на передовой, в одноразовую посуду или нейлоновые пакеты, или же в большие кастрюли. Одноразовую посуду привезли из клубов Абаданской нефтяной компании. В это время Хаджи-Ага Мохаммади, Хаджи-Ага Нури и ещё один священнослужитель с загоревшим лицом и проседью на волосах, которому было лет пятьдесят, и он выглядел весёлым и живым, произносили салават, и так же все, кто сидел вокруг котла, громко возносили хвалы Всевышнему. Это духовное лицо, имя которого я не запомнила, узнав, что я из сейидов, и мой отец стал шахидом, стал оказывать мне особое уважение.

Когда посуду с едой положили в пару пикапов, чтобы отправить на передовую, в этот момент я решила тоже отправиться туда. Я несколько дней думала только о том, как попасть на линию боёв. Я не представляла себе ясно, что там происходило. Раньше я видела дорожную полицию в начале шоссе Хорремшахр-Ахваз и поэтому спрашивала себя: «Там же нигде невозможно укрыться, как же тогда ребята воюют в этой пустыне? У иракцев есть танки, а как быть ребятам? Можно укрыться в железнодорожной станции и порте за стенами зданий или портовым транспортом и оборудованием, но не дорожной полиции». По рассказам защитников линии обороны и по разным слухам раненые умирали от простого кровотечения. Сами раненые также рассказывали о необходимости хоть какой-нибудь помощи на передовой или медицинского оборудования. Когда я слышала, что там не хватает сил, то сильно удивлялась, видя столько солдат в мечети и на улицах. «Может, они не знают, что надо воевать?» – спрашивала я себя. Потом сама же отвечала: «Хоть с палкой, хоть с дубинкой, но всё равно надо противостоять врагу».

Больше я не стала медлить и подошла к тем, кто стоял рядом с пикапом, собираясь ехать.

– Братья, вы едете на передовую? – спросила я их.

– Да, – ответили они.

– Я могу с вами поехать?

– Нет, нельзя.

– Почему? Почему нельзя?

– Мы едем на передовую еду разносить, а не воевать.

– Ну и я хотела бы с вами разносить еду.

– Для этого есть мы. Вам не обязательно туда ехать.

– Я с утра помогаю готовить еду. Теперь хочу сама доставить её братьям.

– Там опасно. Кругом пушки и танки стреляют.

– Если для меня там опасно, то и для вас тоже. Какая разница?

Видя, что я не унималась и продолжала настаивать, они уже перестали возражать. Я почувствовала, что уговорила их. Машина уже трогалась, и я запрыгнула в неё. Пикапы вместе выехали от мечети, и чуть дальше каждый из них направился в свою сторону. Пикап, в котором сидела я, ехал в сторону железнодорожной площади. Водитель ехал быстро, и ветер трепал мою чадру, которую я удерживала с трудом. Вместе с одним-двумя братьями я держала ёмкости с подливой из фарша, в которых масло переливалось через крышки, когда машина попадала в ухабы. На дороге из-за взрывов бомб и снарядов было полно ям. Что увернуться от них, водитель постоянно поворачивал то вправо, то влево, но всё равно иногда попадал в них. Мы же вместе с ёмкостью для еды подпрыгивали вверх и вниз. Чем дальше мы ехали, тем пустынное становились улицы, и на стенах домов и даже деревьях всё отчётливее видны были следы войны. Очень много крон деревьев были разломаны или сожжены. Собаки и кошки бежали и скакали по безлюдным улицам. Площадь огня постепенно становилась всё шире. Чем сильнее были слышны взрывы, тем медленнее ехал водитель, пока, наконец, не остановил у

железнодорожной площади. Здесь отчётливее были слышны звуки выстрелов снарядов, летавших с обеих сторон. Парни, разносившие еду, разложили её в несколько пакетов, и отдали её бойцам, сидевшим в окопах, вырытых у стены стадиона. Я внимательно смотрела на защитников. В их лицах проглядывала усталость. Было видно, что это городские ребята. Ни на ком из них не было подходящей одежды. Иногда на некоторых были надеты военные брюки, и только у одного из них, у которого из-за сильной жары были расстёгнуты пуговицы на синей клетчатой рубашке, был на голове шлем, зелёный цвет которой показывал, что это иракский трофей. Этот человек, уставившись на меня, спросил:

– Сестра, зачем вы приехали? Здесь небезопасно.

Я возмутилась. Его тон мне показался требовательным.

– Если небезопасно, то зачем вы тут остались? Я как и вы, – сказала я, и мы, быстро сев в пикап, уехали.

Водитель ехал медленно. Через двести-триста метров я увидела другой окоп на той стороне бульвара. Ребята постучали по крыше пикапа. Водитель остановил, чтобы можно было отнести еду бойцам того окопа. Пока они вернутся я внимательно рассматривала улицу. Посреди улицы повсюду, на земле и на газоне, текли ручейки. На деревьях уже не было ни ветки, ни листочка. Перед следующей остановкой я взяла несколько пакетов с едой и прыгнула с машины. Я проходила улицу за улицей, находившиеся за железнодорожной площадью. Здесь все в основном находились поодиночке. В основном, все занимали позицию на крышах домов. Иногда их было слышно, когда они бегали по крышам. Они по радию или криком сообщали находившимся впереди парням, что делать. Сами же они оттуда стреляли по иракцам. Это место считалось продолжением линии соприкосновения. Мы были так близко, что очень хорошо слышали: «Давай, стреляй в ту сторону. Остерегайся того танка. Целься в гранатомёт. Не забывай оглядываться назад». Звуки взрывов, выстрелов и криков были столь сильны, что у меня спина содрогалась. Оказавшись в таком положении, я немного испугалась.

Ничего невозможно было предвидеть. Огневая перестрелка, которая непонятно откуда велась, была очень интенсивной. Хотя я и находилась в окружении домов, но если бы двинулась в сторону, то мне в голову и шею могли спокойно попасть пули «Калашникова» и пулемётов, стрелявших в нашу сторону из домов напротив. Я двигалась, прислонившись к стене. Слышен был также шум танковых гусениц. Такой же звук издавал только танк «Чифтен», который я видела на улице Чехель-Метри.

В этой ситуации я спрашивала себя: «Как же эти бедняги смогут поесть в такой обстановке?!»

Я подбежала и каждому раздавала еду. Бойцы удивлялись, увидев горячую еду. «Сейчас нет времени на это», – говорили они. Другие брали, приговаривая: «Ну ка, посмотрим, что нам принесли!» А некоторые говорили: «Вообще даже не думали, что нам еду принесут. Видно, что там в тылу думают о нас».

Я им отвечала: «Разумеется, там думают о вас. Пока мы есть, беспокоиться не о чем».

Благодарные, некоторые из них, кто не был занят, тут же отходили к углу стены и начинали есть свободной рукой. Я чувствовала себя удовлетворённой от того, что мы смогли привезти сюда еду. Мне казалось, что мы принесли еду именно тем, кто действительно заслуживал её. Они наберутся сил и будут лучше защищать нас. Им станет спокойнее от того, что в тылу кто-то думает о них.

Когда я захотела выбраться из улицы, то спросила:

– Кто-нибудь остался без еды?

– Есть несколько человек чуть впереди, – ответили мне.

Я оставила еду и им и вернулась, чтобы забрать ещё еды из пикапа.

Таща кастрюли вперёд, я услышала, как кто-то говорит:

– Сестра, зачем вы пришли на передовую?

– Ты то зачем пришёл? – спросила я.

– Я пришёл воевать.

– Ну и я пришла вам еду доставить.

– Тут есть, кто должен этим заниматься.

– А какая разница? Они, как и я.

– Я имею ввиду, пусть братья приходят. Пока есть они, сёстры не должны сюда приходить.

– Почему? Разве наша кровь более лучшего цвета или дороже?

– Да нет. Тут другое. Здесь повсюду иракцы. Они могут неожиданно появиться в любой момент.

– Пусть появятся, – невозмутимо ответила я.

Разозлившись, он ответил:

– Вот что я ни скажу, она всё время отвечает. Девочка, если тебя возьмут в плен, то что будешь делать?

– Вы тогда что тут делаете?

Махнув рукой, он сказал:

– Ладно. Мне без разницы. Делай всё, что тебе заблагорассудится.

– Не думайте, что только мужчины могут работать. Мы тоже можем. Мой отец говорил, что в такое время нет разницы между мужчиной и женщиной, – сказала я.

– Ладно, иди. С тобой бесполезно говорить.

– Мы все в мечети ей говорили не ехать, но не смогли отговорить. Ты теперь хочешь здесь её отправить назад?! – ответили ему те двое-трое, с кем я приехала.

Я забрала пакеты с едой и снова прошлась по улицам на том участке. По некоторым улицам я ходила, согнувшись. Как только стрельба усиливалась, я присаживалась, потом быстро бежала. И опять многие, увидев меня, возмущённо говорили: «Откуда тебя занесло сюда? Что ты здесь потеряла? Кто тебя сюда привёз?»

Я не обращала на них внимания, так как не было времени спорить, и обходила их стороной. В некоторых местах никого не было видно. Тогда я начинала звать: «Есть кто-нибудь? Мы еду принесли». Не услышав ответа, я

возвращалась в начало. Хотя мне было страшно, но, желая видеть борьбу и противостояние, мне хотелось подняться наверх, на крышу и оказаться перед войной лицом к лицу. Освободив руки, я вернулась к пикапу, на там еда закончилась. Мне хотелось остаться. Обратившись к своим попутчикам, я спросила:

– Может останемся?

– Зачем? Для чего тут оставаться? – удивлённо ответили они.

Считая своё прибытие на передовую чудом, я сказала:

– Работа в любом случае найдётся. Мы могли бы им оружие передавать.

– Где ты видела оружие? Всё, что у них есть, они держат в руках. А у многих вообще нет оружия, – ответили они.

Я почувствовала себя беспокойно. Мне надо было найти повод остаться здесь. Да и каждый, завидев меня, говорил: «Зачем ты сюда пришла?» Про себя я подумала: «Если бы у меня было оружие или санитарная сумка, я бы обязательно осталась».

Ребята, видя, что я замешкалась, сказали:

– Если ты это сделаешь, то в следующий раз тебя не привезём сюда.

Мне показалась, что этими словами они хотели меня обмануть и увезти. Таким доводом они не смогут меня забрать обратно. Я очень быстро оценила обстановку. Мне хотелось остаться, но, потом я подумала: «Ты же не хочешь, оставаясь здесь, создать проблемы для других и заставить их волноваться? Вот сейчас какую именно работу ты выполняешь? Работа, благодаря которой твоё пребывание здесь не будет бессмысленным». Без лишних слов я села в машину, и мы быстро вернулись. Я была уверена, что можно найти хороший способ попасть на передовую. Собрав кухонную утварь, мы помыли кастрюли.

Солеймани отложил маленькую кастрюлю с едой для омывальщиков. При этом большинство из тех, кто стоял за котлом и готовил еду, до сих пор

к ней не прикоснулись. Взяв кастрюлю, я направилась в Джаннатабад и стала умолять Всевышнего, чтобы только Да не пришла туда.

Утром я попросила всех знакомых в мечети, если будет ехать машина в сторону Джаннатабада, сообщить мне. Но до обеда не было никаких новостей. Перед Джаннатабадом я передала кастрюлю одному из стариков и направилась в омывальный домик.

В это же время оттуда выходила Лейла. У неё было бледное лицо, она выглядела нездоровой и вялой. Увидев меня, она поздоровалась и, указав на белый свёрток в руке, сказала:

– Захра, ты возьмёшься это хоронить?

– Что это у тебя в руке? – спросила я.

– Шахид, – взволнованно ответила она.

– Что это за шахид? – удивлённо спросила я. – Как-то странно он выглядит.

– Те, кто привезли его, сказали, что это была здоровая женщина, но от неё осталось только вот это.

– А зачем вы завернули её в свёрток?

– А что нам оставалось делать? Зейнаб в перчатках собрала её с одеяла. Захра, я теперь до конца жизни не смогу прикоснуться к мясу.

Мне стало жалко Лейлу. Я взяла из её рук свёрток. Мне стало дурно, и я почувствовала сильную слабость. Больше было невозможно держать в руках этот свёрток. Там вообще не чувствовалось костей. «Наверняка снаряд попал прямо в женщину», – подумала я.

Вернув свёрток Лейле, я пошла вместе с ней, чтобы захоронить его. Действительно невозможно было прикоснуться к тому, что осталось от этого трупа. Видимо Лейла была крепче духом. Она шла впереди, а я только следовала за ней. Мы дошли до ямы, куда Лейла положила свёрток и руками засыпали его землёй. Я больше не хотела, чтобы Лейла оставалась здесь и видела всё это.

– Лейла, пойдём в мечеть, – сказала я. – Там тоже полно работы.

– Нет, я здесь останусь, – ответила она.

– Если ты здесь останешься, то тебе постоянно придётся сталкиваться с этими разорванными в клочья трупами.

– Пусть. Мне здесь удобнее.

– Но я так за тебя переживаю.

– Не волнуйся. В другом месте будет точно так же. Разве этих погибших не из домов и улиц привозят?

Она была права.

– Что нового? – потом спросила я.

– С утра похоронили двоих шахидов. Да тоже с Мансуром приходила к могиле отца.

– Я же ей сказала подождать, пока приду за ней. Я не хотела, чтобы она всю эту дорогу пешком ходила. Правда, к кому бы я ни обращалась, ничего не получилось. Ну да ладно. Как она себя чувствовала? Не сильно себя истязала?

– Ну почему. Она много плакала. На курдском и арабском читала всё, что знала и причитала. Я никак не могла её успокоить. Даже показывала на могилы шахидов и говорила ей: «Посмотри, все, кто здесь лежат – у всех были жёны и дети, семьи были. Ты должна быть сильной. Ты теперь для нас – и отец, и мать». Но она даже не слушала. Я с трудом оттащила её от могилы и отправила к детям.

Оставив Лейлу, я пошла к месту, где был похоронен отец. Я не находила себе места. Став на колени и поцеловав его могилу, я приложила голову к ней и говорила:

– Отец, ты слышишь мой голос? Я бы хотела, чтобы ты обнял и приласкал меня.

Я поцеловала камень, на котором было написано его имя, поцеловала само место, где находилось его имя, и корила себя за то, что не достаточно много пользовалась общением с ним, пока он был жив.

Я плакала и сидела в ожидании. В убийственном ожидании, которое съедало мою сущность. Ожидании, которое всё ещё со мной. Я надеялась, что отец всё-таки придёт и обнимет меня.

Я плакала, выплёскивая свои печали наружу. Если бы в этот момент не услышала голоса людей, пришедших оплакивать могилу своего близкого, я бы не встала. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь видел меня в таком состоянии, и я вернулась в омывальню. Двое-трое молодых парней привезли труп и стояли перед кабинетом Парвизпура. Я знала, что его нет на месте. Мужчины ждали, чтобы потом записать данные их покойника. Дверь кабинета Парвизпура была открыта.

– Заходите, я запишу, – сказала я им.

Я села за стол и достала из ящика стола тетрадь регистрации и учёта погибших. Вошли двое мужчин. Когда я спрашивала у них данные погибшего, они, отвечая, плакали. Шахид был из квартала Талегани и звали его Абдосаттар. Пока я заполняла лист данных, вошла Лейла и села на стул возле папки. После того как мужчины ушли, чтобы передать тело в омывальню, я закрыла кабинет и сказала Лейле:

– Я так соскучилась по дому.

– Я тоже, – сказала Лейла. – Пойдём заглянем домой. Хотя бы одежду поменяю.

Мы вышли и сказали Зейнаб, сидевшей у двери:

– Мы пойдём к себе домой.

– Вы хотите, чтобы я пошла с вами? – сказала она, чуть пошевелившись.

– Нет, мы быстро вернёмся, – ответила я.

По дороге домой мы с Лейлой говорили обо всех воспоминаниях, связанных с отцом. Мы дошли до ворот дома. Но у нас не было ключей. Я посмотрела по обеим сторонам улицы: никого не было. Я поставила ногу на ограду палисадника и, схватившись за край забора, поднялась наверх. С той

стороны я также воспользовалась высоким забором, который отец протянул вдоль сада, чтобы огородить кур и петухов, и прыгнула во двор.

Первый раз после гибели отца моя нога ступила в наш дом. Я сказала Лейле, что очень соскучилась по дому, но в действительности я пришла сюда посмотреть на фотографии отца, висевшие на стене в спальне и гостиной. Мне казалось, что, увидев эти фотографии, я смогу обрести некоторое душевное спокойствие. Потом открыла ворота во двор ипустила Лейлу. Обе с любопытством мы осматривали наш двор, как будто нас не было здесь несколько лет. Потом я посмотрела на огород; все кусты с помидором и бамией высохли. Сколько же отец за ними ухаживал, и теперь они находятся в таком состоянии. Когда отец работал в огороде, он нашёптывал курдскую оплакивающую песню. В этом плаче он пел о смерти своих родителей и трудностях, которые выпали на его долю. Когда наш сосед Горухи слышал голос отца, он стучал в дверь и заходил к нам, по-дружески уговаривая спеть для него по-курдски. Отец сперва отказывался, но потом как любой местный исполнитель, знающий своё дело, начинал петь.

Мой взгляд остановился на водяном кране. Я подошла и открыла его. Воды не было. Слышен был только доносившийся изнутри шум воздуха. Отец, каждый раз приходя с работы и умывшись, если видел, что мы сидим во дворе, сам начинал работать. Он хотел, чтобы двор был чистый к тому моменту, когда расстелют ковёр на балконе, чтобы поужинать. Осматривая наш двор, я заметила, как Лейла направилась к инструментам, которыми отец проводил трубопроводные и сварочные работы для людей. Они находились в углу балкона. Я пошла за Лейлой и, добравшись до инструментов отца, наклонилась, чтобы вытащить и расцеловать их там, где прикасалась рука отца. Мне казалось, что они ещё хранят в себе тепло его рук. Вспоминая лицо отца, когда он работал с этими инструментами, я обратила внимание на пластиковую ванну, в которой мы держали наших праздничных рыбок. Она находилась под тармэ.

– Лейла, рыбы, – сказала я ей.

Мы вдвоём подбежали к ванне. На поверхности воды в ней плавала чёрная плёнка из копоти и жира. Эта копоть появилась из-за пожара на нефтеперерабатывающем заводе, который ещё не был потушен. Среди копоти, пыли и мусора на поверхности воды плавали мёртвые красные рыбки. Я просунула руку в воду и, взболтав её, посмотрела на Лейлу. Она смотрела на рыб и тихонько плакала. Я знала, о чём она думала: о столе хафт-син¹ на праздник Новруз 1980 года, который был полгода назад.

Мы тогда во второй раз расстелили праздничную скатерть. До этого отец не очень любил этот праздник, но в этот раз согласился, и мы с радостью и воодушевлением купили и приготовили предметы для стола. На праздник мы расстелили скатерть в гостиной и всё на ней разложили. Да, готовя тесто для сладкого печенья из имбиря, кунжута и корицы, относила его в пекарню на улице, чтобы там его испекли, потом оставляла их в посуде с крышкой на стол. Затем она шла замачивать хну и раскрашивала нам руки и ноги на праздник. Отец, читая Коран, клал деньги нам на праздник между его страницами. Ну а мы с Лейлой тем временем следили, чтобы дети ничего не стащили со скатерти и клали туда фрукты, орешки в керамические и хрустальные круглые тарелки. Зейнаб, Саиду, Хасану и Мансуру я говорила, чтобы подходили, и каждый раскрашивал своё куриное яйцо. Пока дети были заняты этим делом, я чистила зеркало с деревянной рамкой, оставшееся у нас в память о жизни в Басре, и одновременно поставила серебряные подсвечники, которые недавно купил отец. Зеркало я поставила напротив графина, чтобы было видно рыбок, постоянно кружившихся в графине. Я принесла также алоэ и кропильницу для розовой воды. За несколько минут до смены года я зажгла свечи и лучину. Все сели за стол. Хотя я и пристально следила, чтобы дети не запачкали праздничную одежду, но они всё равно

¹ Хафт-син (перс., изначально: Хафт Чин[1]) – иранская традиция праздничного стола к празднику Новруза (нового года). Хафт син включает себя 7 элементов, названия которых начинаются с буквы «Син», пятнадцатой буквы персидского алфавита: сир – чеснок, символ медицины; сиб – яблоки, символ красоты и здоровья; сабзе – проростки (пшеницы или чечевицы), символ возрождения природы; сенджед – лох, символ любви; серке – уксус, символ мудрости и терпения; саману – хлебный пудинг, символ достатка; сомаг – сумах, символ рассвета.

сделали своё дело. Уже второй год всем детям на праздник покупали новую одежду. В детстве, когда во время праздника я видела, как детям моего возраста на уличном базаре на праздник покупали одежду, у меня текли слёзы. Да не покупала нам одежду. Я подходила к ней и спрашивала:

– Да, почему ты не покупаешь нам одежду?

– На что я вам её куплю, у вашего отца денег нет, – отвечала она.

Потом гладила меня по голове и говорила:

– Только не говори это при отце, он будет переживать. Когда у него будут деньги, он сразу вам купит одежду.

Я тоже сидела в ожидании того дня, когда он получит деньги. Мечтая, я думала про себя: «Когда вырасту, я во что бы то ни стало буду покупать праздничную одежду своим детям».

В моих играх папы всегда давали мамам много денег и отводили детей в парк. Девочки в кружевных кофтах и юбках со складками садились в игрушечные машины, и все радостно проводили время.

Именно из-за этих своих мечтаний я брала разрезанные ножницами куски ткани у Нурийе и Кейфийе – портних, приходившихся нам родственницами и живших в нашем районе – и постоянно шила одежду для своих пластмассовых кукол.

Отойдя от ванны, мы вошли в дом. Дверь в зал не была заперта. Открыв дверь, я бросила взгляд на фотографии, висевшие на стене в гостиной. При виде портрета отца у меня потекли слёзы. Прежде я старалась не показывать Лейле, что я чувствую, но теперь уже не могла сдержаться. Эту фотографию сделал один из родственников как раз в этот последний праздник, и отец увеличил её. Я подошла к фотографии и поцеловала её. Потом стала внимательно рассматривать портрет. Я увидела те самые уставшие и невыспавшиеся глаза, излучавшие то самое постоянное спокойствие. На фотографии отец был одет в рубашку-мантиголь¹ с длинными рукавами и зелёные брюки. На руках он держал четырёхлетнюю

¹ Мужская рубашка, застёгивающаяся спереди, с воротником и тремя пуговицами.

Зейнаб. На фотографии были также дяди и ещё несколько родственников; ни на чьём изображении я не видела того, что увидела на изображении отца. Я зашла в маленькую комнату, где отец держал свои рабочие вещи и документы. Потом стала брать по одному и рассматривать кассеты с записями Корана и речей покойного Кафи. Не хватало нескольких записей. Я вспомнила, как на похоронах отца один солдат дал матери несколько кассет, сказав: «Это господина Сейеда».

Очень часто он приходил, садился в этой комнате и слушал записи аятоллы Моттахари и Бехешти, или плакал, слушая траурные пения Кафи. Поэтому, когда он выходил из комнаты, его лицо было красным. Я хорошо запомнила его слова: «Хомейни – сын Имама Хусейна (мир ему). Когда мы говорим Имаму Хусейну: «Если бы мы жили в то время, то пришли бы к тебе на помощь», то теперь мы должны поддержать Имама Хомейни, словом и делом подтверждая, что мы последователи Имама Хусейна».

Я поцеловала кассеты отца и, взяв в охапку, сказала:

– Отец, ты правильно внимал словам и делал праведные поступки.

Потом я увидела его гантели. Придя домой, вместо того чтобы получить успокоение при виде фотографий отца, я стала чувствовать себя ещё хуже. Мне стало его ещё больше не хватать. Ничто не могло мне заменить те моменты, в которые я могла его видеть и обнимать. Я готова была отдать всё, что есть. Даже свою жизнь. Но увы! Это было невозможно. Была только тоска, которая мучила мою душу и тело. Я впиалась пальцами в свою грудную клетку, чтобы вытащить оттуда сердце. Сердце, которое я не могла никак успокоить и которого уж лучше бы не было.

Придя в себя, я вдруг поняла, что мы уже целый час находимся дома и надо скорее возвращаться. Я вышла из комнаты и позвала Лейлу. Не услышав ответа, я открыла дверь нашей комнаты. Лейла сидела на тахте и было видно, что она много плакала. Я села рядом с ней и молча рассматривала дверь и стены, каждая из которых могла о многом рассказать. В тот день, когда на участках городка сотрудников мэрии проводилась

жеребьёвка, все мы взволнованно ждали, чтобы вытащили наше имя. Когда выяснилось, что нам участок не достался, мы очень переживали. На следующей жеребьёвке мы снова воздели руки в мольбе. Благодарение Всевышнему, мы тоже стали хозяевами земли. Все очень радовались, что, наконец, мы обрели свой дом. С того дня, когда расчертили территорию домов и план улиц, мы всё время ходили смотреть на наш недостроенный дом, пока, наконец, не заселились туда. В один день поставили фундамент, в другой день – сварили каркас. Потом подняли стены и поставили крышу. После завершения каждого этапа строительства мы испытывали всё большее волнение и радость, и с большим воодушевлением мы ждали завершения строительства дома. В конечном счёте, устав от невыносимой и тяжёлой жизни квартирсыёмщика, отец забрал нас в недостроенный дом и с помощью ребят завершил его строительство.

Где же теперь находится хозяин этого дома? Я встала и вернулась за ключом от комода отца. Мне захотелось забрать его одежду. Но ключ я не нашла. Решив воспользоваться моментом, когда Лейла ушла, закрывшись в комнате отца, я подошла к комоду Али, взяла его гвардейскую форму и, обняв, поцеловала. Хотя его одежда была помыта и отглажена, я все равно продолжала её нюхать. Меня успокаивал этот зелёный цвет, к которому я так свято относилась. Я спрашивала себя: «Где же сейчас Али? Знает ли он, что отец погиб? Чувствует ли он себя настолько хорошо, чтобы приехать?» Я просила Всевышнего, чтобы он прислал Али. Во мне была уверенность, что когда ожидание закончится, и я увижу Али, то смогу всё ему рассказать. Это меня успокоит, и мне удастся снять с себя тяжёлый груз ответственности. Я закрыла дверь комода Али и пошла открывать окно гостиной комнаты, выходящее во двор. Я стала там, где стоял отец, уставившись глазами в огород. Когда он так долго стоял, было понятно, что его мысли что-то беспокоит. Мне очень хотелось знать, что творится в его голове. Посмотрев на огород с этого ракурса, я хотела узнать, каким отец видел этот двор, и попробовать понять, о каких вещах он думал. В последнее время он стал

более молчаливым. Даже в тот день, когда я пришла из Джаннатабада, увидев его здесь, и он спросил, где я была, он был сильно погружен в свои мысли. В тот день было чувство, что у него есть многое, что бы он хотел рассказать, но как будто не может этого сделать. Теперь я стала понимать, что наверняка он тогда замыслил уйти и теперь думал, как он может оставить нас одних и какая судьба нам уготована после него.

Я вспомнила то время, когда мы пришли в дом, и погода была холодной. Чтобы согреть дом, мы сперва разожгли мангал во дворе и после того, как испарился газ и ушёл дым, занесли его в дом. Все собрались вокруг, чтобы согреться, а отец, тем временем, давая мне наставления, говорил:

– Смотри, доченька, у меня с детства не было родителей. Я сам очень сильно старался, и Всевышний помогал не совершать ошибок и выбрать правильный путь в этой жизни. Было очень тяжело, пока я не пришёл сюда. Вы тоже должны стараться и уповать на Всевышнего. Вы не должны ни от кого ждать помощи, но должны суметь помочь и поддержать тех, кто нуждается в этом.

Теперь я понимала, что он говорил это для сегодняшних дней. Дней, когда мы должны быть в состоянии перенести трудности в его отсутствие и ни на кого не надеяться, кроме как на Всевышнего.

Мне стало тяжело от этих воспоминаний. Я отчётливо всё помнила. Даже то, как собрались вокруг огня. Пока Да и дети были заняты работой, отец, поглядывая на них, тихо, чтобы они не слышали, говорил: «Я не смог стать для вас хорошим отцом. Не смог создать для вас хорошие условия. Мне стыдно от этого. Если бы вы выросли в другой семье, то вам не было бы так тяжело...»

При свете, который пламя огня издавало из-под мангала, я видела его слёзы, растекавшиеся по всему лицу. Я взволнованно спросила:

– Почему вы так говорите? Да, нам сейчас тяжело, но той чистоты и красоты, которая у нас в доме, нигде не найдёшь. Если бы мы оказались в

другом доме и не испытывали трудностей, то не познали бы той жизни, которою живём, и не стали бы такими сильными.

Взяв меня за руку, он сказал:

– Нет, вы должны простить меня.

Я очень удивилась. Он, кто столько старался, кто столько труда вложил, чтобы честно заработать кусок хлеба. Он даже отказывался работать в порту, так как говорил, что из-за проблем, которые там есть, его деньги могут иметь сомнительное происхождение.

Я посмотрела на него и сказала:

– Вы не должны извиняться. Нам хорошо, потому что мы все вместе.

Потом я обняла его за голову и поцеловала. Он тоже меня поцеловал.

Когда я пришла в себя, то увидела, как Лейла, переодевшись, стала за мной.

– Пойдём? – сказала я.

Она кивнула головой, и мы пошли. Мне очень не хотелось, но надо было идти. Я Зейнаб сказала, что мы быстро вернёмся. Закрыв дверь, мы вышли на улицу. Теперь, когда в Джаннатабаде уже не бывает столько трупов, как раньше, я подумала, что могу больше помочь в мечети или даже на передовой.

Оставив Лейлу, я сказала ей быть осторожней, и пошла в Центральную мечеть. Перед воротами стоял пикап. В нём лежал раненый. Осколки были по всему его телу, и он с ног до головы был в крови. Господин Наджар перекрывал ему вены. Я залезла на пикап, Наджар дал мне в руки вакцину и сказал:

– Отвезите его прямо в больницу.

Потом спрыгнул и пикап отъехал. Раненому было плохо. Одним глазом я смотрела на вакцину, другим – на раненого. Не доезжая до моста, у нас над головами появились иракские самолёты. На мосту было полно людей и машин. Люди побежали оттуда. Огонь артиллерии больше бил по берегам реки. В этой обстановке страха и суматохи самолёты сбрасывали бомбы.

«Вот сейчас они ударят по мосту, и люди вместе с опорами моста свалятся в воду», – подумала я про себя. Меня всегда преследовал страх утонуть в воде этой реки. Однажды в Басре я чуть не захлебнулась в воде реки Рибат. Я пошла мыть пелёнки новорождённого Мансура, как вдруг вода чуть не унесла их. Я нагнулась, чтобы схватить их, но моя нога соскользнула, и я упала в воду. Мне было не более пяти лет, и я не могла сама выбраться. Несколько раз я уходила под воду, одновременно барахтаясь руками и ногами. Меня спасли люди, очутившиеся рядом. Этот случай меня сильно напугал. Даже потом, когда выросла, я боялась воды. Два-три раза я ездила с отцом в Кут-Шейх. В то время люди добирались в кварталы Кут-Шейх и Махрези, которые находились на той стороне реки, на больших и маленьких лодках. Когда я садилась в лодку, я дрожала при каждом её раскачивании и чувствовала, как начинаю задыхаться. Мне и сейчас было страшно. Проезжая мост, я увидела, как ракеты из самолётов попадают в Кут-Шейх, заставляя бурлить воду. Мы проехали мост. Чем ближе к Абадану, тем больше валил дым от горевшего нефтеперерабатывающего завода, который именно в те дни был главной целью. Этот дым закрывал собою небо, и людям из-за него было тяжело дышать. Я меня пересохло в носу от запаха газа и горелой нефти. Водитель старался обгонять машины, но ему это не всегда удавалось. Раненый был уже в обморочном состоянии, и иногда от него я слышала только слабый голос.

– С какого он квартала? – спросила я парня, который привёз его и сопровождал нас.

– Его привезли с района больницы «Мехр», площади Ахмад-заде, – ответил он.

Мы передали раненого в реанимационное отделение больницы. Медсёстры выглядели уставшими и разбитыми и ныли от такого количества раненых.

– Зачем вы его сюда привезли? – сказала одна из них. – Отвезите в другое место.

– Ему очень плохо, – ответила я. – Мы и в другие места отвозим.

Этот же пикап привёз меня обратно в мечеть. Я зашла во двор. Там царили шум и гам. Все, кто нашли убежище в мечети, стояли во дворе. Несколько человек говорили об отъезде людей из города, остальные смотрели удивлённо в ожидании, к какому решению они придут. Какое место будет безопасным, чтобы поехать туда. Я подошла поближе, чтобы услышать, что говорят.

– Сверху приказали вывезти людей из города. Каждый может ехать, чтобы долго не тянуть, – говорили они.

– Куда мы поедем? – спросил кто-то из толпы. – Нам некуда ехать.

– Это ваше дело. Неизвестно, сколько война затянется. Только напрасно будете ждать. От вас сейчас никакого толку нет. Только погибнете зря.

Громко и возмущённо я спросила тех, кто требовал от людей, чтобы они покинули город, я спросила:

– Почему? Почему люди должны уйти? В чём причина? Вы хотите, чтобы город опустел и легко сдался иракцам? Зачем вы хотите заставить людей скитаться?

– Что ты такое говоришь? – ответил один из них. – Ты хочешь оставить людей под огнём?

– Можно привести всех в мечеть.

– Сколько времени можно держать людей в таких условиях? Они и по мечети могут ударить.

Тут я вспыхнула и ответила:

– Разве до прошлого года у нас не было войны? А ту смуту между арабами и персами разве не помните? Она ведь быстро закончилась.

– Это был внутренний конфликт, и тогда быстро навели порядок. А это война. Они привезли всё своё вооружение из-за границы и напали на нас.

– Это не имеет значения. Разве Банисадр не обещал отправить самолёты?

Услышав как-то эти слова, я их теперь повторяла. Но многие, слушая меня, смеялись над моей наивностью. Мужчины, с которыми я спорила, сказали:

– Нельзя сидеть, сложа руки, в надежде на вышестоящих. Если бы было принято какое-либо решение, уже давно всё сделали бы. Целую неделю никаких новостей.

– Я из этого города не уеду, – ответила я. – Нет оснований для этого. Люди не должны покидать город. Иначе город легко попадёт в руки врагов.

Я прервала разговор и ушла в комнату для ночных молитв. В мечети творился полный беспорядок из-за привезённых коробок и вещей. Мы с девушками начали переставлять и сортировать коробки, как из-за последовавших многочисленных взрывов мы прервали работу. Люди кричали и в испуге начали выбегать из мечети. Но под огнём находилась как раз территория вокруг мечети. Сама мечеть тоже содрогалась. Все в растерянности разбежались по сторонам. Интересней всех выглядели пять-шесть больных человек. Случайно или нет, но, пока всё и везде вокруг рушилось, они спокойно и невозмутимо продолжали заниматься своим делом. «Дай Аллах им благополучия», – подумала я и пошла за всеми. Мы с ребятами пытались успокоить людей. Женщины и дети испытывали ужасный страх. Мы их убеждали, что наши силы добиваются успехов на передовой, поэтому те так неистово бьют по городу, но все их усилия напрасны.

Всё, что сейчас говорила людям, я слышала от ребят, с которыми была знакома: Мохсен Баглани, Таги Мохсенифар, Хосейн Таинежад, и ещё двое ребят из Гвардии. Это были друзья Али. Я так переживала за положение на передовой и судьбу войны, что отбросила в сторону всякий стыд. Увидев любого знакомого, я подходила к нему и спрашивала:

– Что нового?

– Дела плохи. Иракцы вооружены с ног до головы. У нас ничего нет, – отвечали те.

Один из них сказал:

– Сегодня мы им устроим. Лишь бы самолёты ударили по их позициям. Мы бы тогда захватили их пешие ряды.

Спустя время шум утих. Меня позвали. Я вышла во двор. За мной пришёл Абдолла Моави. Увидев меня, он подошёл и сказал:

– Сестра, я хочу, чтобы ты со мной поехала в Аббасийе. Там людей много. Посмотрим, какое у них положение.

Я сказала ребятам:

– Я еду в Аббасийе, загляну к ним ненадолго и вернусь быстро.

Мы поехали с Абдоллой. Он вырос на рынке «Сафа» и хорошо знал Аббасийе. Что касается меня, то я там до сих ни разу не была. Проехав базар, мне стало не по себе. Ещё неделю назад там было не протолкнуться, а теперь там работали только пару молочных магазинов и пекарен. На паре повозок продавали также картофель и лук. От той суеты и суматохи, прежде царивших на рынке «Сафа», не осталось и следа. Всё говорило об одном неприятном моменте. Некогда замечательный продуктовый магазин «Машалла¹» теперь выглядел грустно и покрылся пылью. Совсем не было видно арабоязычных горожан, привозивших раньше из Кувейта одежду и парфюмерию и выставлявших ковры на продажу; сельских женщин, продававших местные сливки, масло и курицу, или плоды держи-дерева; продавцов свежих фиников и торговцев рыбой, расхваливавших свой свежий товар, чтобы заманить покупателя. Они ушли, унеся с собой весь местный колорит.

Мы с грустными мыслями проехали базар и прибыли в Аббасийе. Перед воротами сидел молодой парень с винтовкой «М-1» в руке. Поздоровавшись с ним, я спросила:

– Нам сказали, здесь нужна помощь. Это так? Нужно что-нибудь?

¹ Машалла (араб., «что так захотел Бог», «на то была воля Аллаха») – арабское ритуальное молитвенное восклицание, междометное выражение, часто используемое в арабских и других мусульманских странах, как знак изумления, радости, хвалы и благодарности Богу и смиренного признания того, что всё происходит по воле Аллаха.

– Здесь несколько больных, – ответил тот. – Ситуация тоже тяжёлая. Все боятся и упали духом. Говорят: «Мы проиграем». Да и иракская артиллерия находится прямо напротив нас на той стороне реки. Во время обстрела здесь творится невообразимое.

– Хорошо. Только скажи всем, что в Бушере не так. Ты-то тут чем занимаешься? Скажи, что все военные воюют.

– Я говорю, но никто не верит. Когда я хочу что-то рассказать, как кто-нибудь приходит с дороги и говорит, иракцы наступают. Один рассказывает, что взлетели самолёты, всё будут бомбить. После этого все чувствуют себя ещё хуже.

Видно было, что этот парень сам доведён до отчаяния, и он никак не смог бы вдохновить людей. Утром от ребят, вернувшихся с передовой, я слышала, что иракцев отбросили назад; но я знала, что ночью из-за нехватки сил, усталости и отсутствия боеприпасов занятые позиции потом опять были отданы иракцам. Тем не менее, эта хорошая новость могла обрадовать отчаявшихся людей и надо было рассказать о ней.

Поднявшись на ступеньки у входа в Аббасийе, я зашла в хосейние¹. По сравнению с тем, что я видела в других мечетях, этот был больше по размеру. Из зелёных деревянных окон внутрь попадал свет. Люди сидели на полу хосейние в той части, где был постелен ковролин. Потолок тоже здесь был высокий. Я стала всматриваться в людей, желая увидеть, в каком состоянии они находятся. Надо было во что бы то ни стало вселить в них надежду.

Как юноша и говорил, люди устали и подавлены. Некоторые лежали на полу от вынужденного бездействия. Многие удручённо сидели вдоль всего Аббасийе, вытянув ноги и прислонившись к стене. Кто-то в углу хосейние разливал чай в стаканы. Перед тем, как начать говорить, я вся дрожала. Мне приходилось говорить не о том, что видела, а о том, что слышала. Поэтому было немного стыдно, но единственное, что могло зашевелить людей и дать

¹ Хосейние, или хусейния (араб.), также известный как ашур-хана, имамбарган и текья – место, в которых собираются шииты для проведения траурных мероприятий в день ашура (тазия).

им свет надежды, – это рассказать им об успехах наших солдат. Меня продолжало трясти от волнения, но я всё же встала и поприветствовала всех присутствовавших в хосейние:

– Салам¹.

Все вдруг встали и посмотрели на меня. Некоторые ответили:

– Ваалейкум салам.

– Послушайте, – начала я. – У меня есть для вас хорошие новости.

– И что ты хочешь нам сообщить? – спросили меня. – Что война закончилась? Или когда мы домой сможем вернуться?

Каждый что-нибудь спрашивал. Один из них громче всех сказал:

– Ну раз хорошая новость, то рассказывай. Может, расскажешь нам, что война закончилась?

– Нет, – ответила я. – Война не закончилась, но обязательно закончится. Наши ребята на передовой отбросили иракцев назад. Война, иншаалла, закончится.

После этих слов те, кто лежали, присели. Другие подошли ближе ко мне. Я продолжила:

– Теперь не беспокойтесь. Вы вернётесь в свои дома. Хорремшахр вновь станет тем прежним Хорремшахром. Вы помните, как быстро закончился конфликт между арабами и персами?

– Тогда не было 25-миллиметровых снарядов, самолётов не было и прочего вооружения.

Уповайте на Аллаха. Чего бы только ни было у этих баасистов, наши ребята всё равно станут им преградой. Они не позволят городу перейти в их руки. Из Тегерана тоже отправят самолёты бомбить их танки.

Вокруг меня собралось больше людей, чтобы послушать меня. Женщины начали причитать:

¹ Салам – сокращённая форма от «Салам алейкум», араб. «Ас-саляму 'алейкум» (араб. – мир вам) – арабское приветствие, укоренившееся в исламе и используемое мусульманами разных национальностей. Эквивалент слова «здравствуйте». В ответ на это приветствие традиционно отвечают ва-алейкум ас-салям (араб. – и вам мир).

– Ради всего святого, мы устали. Дети уже надоели, они с ума здесь сходят.

– Иншаала, всё наладится, – с сочувствием ответила я.

После того, как все успокоились, я спросила:

– Кто-нибудь есть здесь больной?

Мне показали двух стариков, сидевших в углу хосейние. Сняв обувь, я подошла к ним и спросила, как у них дела. Было понятно, что они ослабли в силу своего возраста и отсутствия еды в течение этих нескольких дней. Мне показалось, что они ослабли не столько из-за голода, сколько из-за страха перед войной. Они умоляюще смотрели на меня. Я им стала говорить, что трудности закончатся, и они обязательно вернуться домой. Они стали возносить мольбы за меня.

Мне также показали тринадцатилетнюю девочку, у которой было перевязано предплечье руки. Я подошла к ней и спросила:

– Что случилось?

– В наш дом попал снаряд. Я была во дворе, когда мне в руку попал осколок, – ответила она.

Я посмотрела на её грязную повязку и попросила никуда не уходить, пока пойду за перевязочным материалом.

При выходе мне несколько человек сказали:

– Ханум, здесь нет воды.

– Мы пить хотим, – вторили им дети. – Воды нет попить.

Мне их стало жалко. Они наверняка думали, что я всё знаю и решу все их проблемы.

– Хорошо, я скажу братьям в мечети, они что-нибудь для вас придумают, – сказала я. – В конце концов, и вы сами должны вместе собраться и делать что-нибудь. Не ждите, что кто-нибудь придёт за вами. Каждый должен помочь чем сможет. В хосейние надо чистоту навести. Делайте сами что-нибудь. Сейчас вы пользуетесь этим местом. Если кто-то

болен, вы должны ухаживать за ним, чтобы остальные не заболели. Я тоже сделаю всё от меня зависящее.

Я вышла на улицу. Юноша, охранявший ворота, завидев меня, спросил:

– Что теперь от того, что ты сказала это людям? Зачем неправду говоришь?

– Это было недалеко от правды. Ребята ведь воюют. Ты хотел, чтобы я сказала, что мы терпим поражение? По-твоему, я должна была сказать, что вокруг измена, и поэтому гибнут люди?

Я уже не стала задерживаться и побежала к мечети. У господина Наджара я взяла перевязочные средства для девочки из Аббасийе, а девочкам из аптеки рассказала, что видела и что там говорила. Один из мужчин в мечети, перед моим приходом беседовавший с Марьям Амджади, услышав мои слова, сказал:

– Сестра Хосейни, вы правильно сделали, что сказали так. Но и люди не должны настаивать на том, чтобы оставаться здесь.

– Я сказала всё, что думаю, – ответила я. – Правильно ли я поступила или неправильно – не важно.

– Нет, вы правильно поступили, только не надо давать им стопроцентную надежду.

Я ему рассказала о ситуации в Аббасийе, на что он ответил:

– Я скажу, чтобы им отвезли воду. Еду тоже сколько сможем отправим в течение нескольких дней. Но людей с каждым днём становится всё больше и больше.

– Дай бог вам здоровья, что людей без воды не оставляете.

– Машина привезла сюда воду. Один бак отправим туда.

Поблагодарив его, я взяла перевязочные средства и направилась в Аббасийе. Там я сменила повязку на руке девочки. Осколок задел ей предплечье, её рана была полностью зашита. Грязная кисея говорила о том, что из раны текла кровь. Ей посоветовала быть осторожней. Собрав вещи, я встала, а когда вышла на улицу, начинало темнеть. Подойдя к мечети, я

увидела, что сумасшедшие снова начали шуметь. Хотя мне надо было идти в Джаннатабад, но из-за них мне пришлось остаться ночью там. Шесть дней уже прошло с начала войны, но как будто прошла целая жизнь. Как бы то ни было, эту ночь я дотянула до утра.

Глава десятая

Рано утром я увидела, как Наджар моет руки в растворе белого цвета. Он делал это каждый раз, когда зашивал раны и делал перевязки. Сперва он смывал кровь с земли, а потом заливал эти участки жидкостью. Мне стало интересно, что это за жидкость и зачем он это делает.

Воспользовавшись удобным моментом, я спросила его об этом, на что тот ответил:

– Эта жидкость называется «Деттол» – очень сильное антисептическое средство.

Потом он начал мне и девочкам объяснять свойства лекарств, применение медицинских средств и разновидности ранений. Потом он стал рассказывать о том времени, когда работал в больнице. Я понимала, что мне надо было знать все эти моменты. Мне хотелось уйти на передовую и помогать раненым. Я смогла сконцентрировать шестую часть своих мыслей, чтобы запомнить всё, что он говорил.

Когда он закончил говорить, я тоже сказала:

– Мы не можем быть заняты только здесь. Хорошо, если бы здесь был отдельный лазарет. Здесь вокруг тоже можно было бы сделать ограждение, чтобы людям не становилось плохо от вида крови и ран.

Конечно, говоря это, я имела ввиду и другое. В мечети было много суеты, и я чувствовала себя неловко от того, что была на виду. Кроме того, было очевидно, что люди действительно от вида раненых становились беспокойными и падали духом.

– Я тоже об этом думал, – ответил Наджар. – Я хотел принести несколько ширм, но мне это показалось бесполезным. При таком интенсивном хождении люди обязательно сбивали бы её. Надо поставить что-нибудь попрочнее.

– Может, среди привезённой одежды мы найдём несколько покрывал и сошьём их друг с другом, чтобы натянуть занавески?!

– Хорошая идея, но ткань разных цветов будет смотреться некрасиво. Я посмотрю, что можно будет сделать.

Когда раненых уже не осталось, я вышла во двор, будучи не в состоянии стоять без дела. Я везде ходила и узнавала, чем можно помочь, как вдруг обратила внимание на того самого молодого человека, который спрашивал, зачем я оставалась на ночь в Джаннатабаде.

Я спросила стоявшую рядом со мной Марьям Амджади:

– Как зовут этого мужчину?

– Его зовут Махмуд Фаррохи, – ответила она. – А что случилось?

– Да ничего. Приходил он однажды в Джаннатабад и говорил, что мне нельзя оставаться там на ночь. Что он из себя представляет?

– Хороший человек. Очень добросовестный.

Я оставила Марьям и направилась к нему, подумав про себя: «Пойду спрошу о подкреплении, которое обещали». Махмуд Фаррохи стоял перед дверью у ступенек, ведущих на второй этаж, и переставлял боеприпасы. Я с ним поздоровалась.

Он отошёл назад и, увидев меня, поздоровался в ответ.

– Извините, вы смогли договориться насчёт вооружённых людей, о которых говорили? – спросила я.

Он стыдливо качнул головой и ответил:

– Нет, мне этого не удалось сделать. Кому бы я ни говорил, никто не согласился. Ребята говорят, лучше воевать с иракскими баасистами, чем выполнять какую-либо другую работу. Мы в любом случае должны были отправить туда свою подмогу, но многие боятся работать в омывальном домике и в Джаннатабаде вообще.

– Теперь вы видите, что я была права, – сказала я ему. – Теперь понимаете, почему я там оставалась?!

– Да, я сам слышал о ситуации в Джаннатабаде. Рассказывали, что там нет воды, нет савана. Но сам, конечно, не видел.

Увидев, что он переставляет оружие и боеприпасы, и стыдится за свои слова, я решила воспользоваться удобным моментом и сказала:

– Сейчас туда подмога уже не идёт. Отправьте в Джаннатабад хотя бы оружие.

– Зачем вам оружие?

– Вы же сами говорили, там небезопасно. Мы уже устали всё время бросать в собак камни. Если будет оружие, то одним выстрелом можно разогнать всех собак.

После некоторой паузы он подошёл к лежавшей там небольшой куче оружия, достал «М-1» и дал мне в руки. Увидев среди всего этого вооружения гранату, я попросила у него их несколько штук.

– А с ними что ты собралась делать? – спросил он.

– Бросать в шайку собак. Не знаю, может, иракцы, вероотступники или те же халькисты¹ на нас нападут, чтобы смогли от них защититься. Да и сама хочу пойти на передовую.

Он взял гранату и передал мне. Я же попросила дать ещё пару штук. Довольная, я подумала про себя: «Слава Аллаху, оружие есть. Теперь мне надо как-нибудь попасть на передовую».

Марьям, увидев меня с оружием, спросила:

– Ты связями пользуешься? Мы здесь никому не даём оружие.

Я посмеялась и подошла к сумкам с одеждой, брошенным во дворе. Положила гранаты в карманы одежды и начала возиться с оружием. Я понимала, это оружие не подходит мне. Оно так долго лежало на складе, что могло выйти из строя. Тем не менее, у многих и этого не было. В это время из ворот, выходящих на улицу Рази, в мечеть зашёл молодой священнослужитель. Мне он показался странным человеком. Его аба была обёрнута вокруг пояса, а её край переброшен через руку. Его очки при солнечном свете так потемнели, что в начале он мне показался незрячим. Вместе с ним пришли несколько человек и, подойдя ближе, те начали

¹ Странники «Хальке-Араб» (прим. пер.)

говорить. Теперь, когда он стоял в тени, я смогла хорошо разглядеть его и его глаза, прятавшиеся за очками. Его острый и пронизательный взгляд напоминал взгляд орла. Его потемневшее загорелое лицо навело меня на мысль, что он, наверное, из крестьян. На его лице я чувствовала страдания. Страдания трудового человека. Люди, сопровождавшие его, были явно не из Хорремшахра. На некоторых из них были вязаные свитеры, словно они прибыли из холодных мест. В их сбивчивых разъяснениях не чувствовалось никакой надежды. Они говорили о боях на передовой и анализировали ситуацию. У каждого в руках были винтовки «Брно»¹ или «М-1». Только у того духовника, которого звали Шейх Шериф, была винтовка «Джи-3».

Я посмотрела, чтобы понять, что это за человек. Что он собирается делать. Если я с ним заговорю, то окажется человеком дела или нет?

Когда он отделился от группы и направился к Марьям Амджади и Захрэ Фархади, я пошла за ним. Шейх Шериф, подойдя к Марьям и Захрэ, поздоровался с ними и спросил:

– Кто-нибудь из вас может присмотреть за моей абой?

– Господин, мы не знаем, сколько здесь будем, – ответила Марьям.

Потом, показав на лестницу, сказала:

– Я поставлю вашу абу там под лестницей, рядом с боеприпасами. И поручу брату Фаррохи присмотреть за ней. В любое время, как придёте, скажете ему, он вам даст.

Не теряя времени, я влезла в их разговор:

– Хаджи-ага², вы собираетесь идти на передовую? – спросила я.

Он осмотрел меня вопрошающим взглядом и ответил:

– Если позволит Всевышний.

– Хаджи-ага, я тоже хотела бы попасть на передовую. Возьмёте меня с собой? – спросила я.

¹ Винтовка Vz. 24 (чеш. Puška vz. 24) – чехословацкая магазинная винтовка с продольно-скользящим поворотным затвором. Ёмкость магазина – 5 патронов. Экспортный вариант для Ирана – “Vno”.

² Хаджи-ага – паломник; обращение к человеку, совершившему хадж, паломничество в Мекку.

– Вам сейчас незачем туда идти. Мы есть для этого. Каждый раз, как понадобится, будем вас брать. Здесь вы сейчас больше нужны. Я вижу, что работа, которую выполняют сёстры, ничуть не меньше той, которую мы выполняем на передовой. Может, даже больше. Ценность спасения человеческой жизни ничуть не ниже участия в бою. Даже весьма вероятно, выше! Мы идём спасать людей. И вы помогаете спасать людей. Поэтому никакой разницы нет. Вы – сёстры Зейнаб, вы – её спутницы.

– Но хаджи-ага, меня не устраивает эта работа. Я хочу воевать лицом к лицу с врагом.

Марьям, несмотря на то, что я запретила рассказывать всем о гибели моего отца, сказала:

– Хаджи-ага, своего отца, когда тот стал шахидом, она сама похоронила.

Мне стало неловко, и я замолчала. Шейх Шериф ещё более ласково и доброжелательно сказал:

– Я убеждён, что сёстрам надо оставаться здесь. Машалла, тысячи из вас являются отважными женщинами. Именно вы прославляете нас, мужчин. Ваше присутствие, ваша помощь ещё больше придают нам отваги на передовой.

После этих слов он передал несколько коробок с сухим хлебом, консервы и компот сопровождавшим его людям и быстро вышел из мечети. Было видно, как он разительно отличался от других. Как он был убеждён, что женщины должны остаться. Я размышляла над словами Шейха Шерифа, когда услышала, как Солеймани – один из уважаемых людей города, работавших в эти дни в мечети – болтал с Маш-Мамедом, управляющим мечети. Солеймани держал в руке чёрную хлопковую ткань, прежде использовавшуюся для перегородки между мужчинами и женщинами во время намаза. Когда люди стали искать убежище в мечети, собрали эту ткань и несколько ковров. Теперь Солеймани хотел отдать эту занавесь Наджару.

Они хотели огородить ею лазарет, поделённый уже на две части. Маш-Мамед был недоволен этим и возмущённо сказал:

– Эта ткань там испачкается, забрызгается кровью. Это занавесь для мечети. Мы хотим снова сделать из неё перегородку для намаза.

Солеймани мягко ответил:

– Хаджи, не переживайте. Оно уже пачкалось? Пачкалось. Сейчас как вы собираетесь проводить совместную молитву? Неизвестно, когда этот огонь прекратится. Сейчас молись о том, чтобы война быстрее закончилась. Я сам куплю и принесу сюда занавесь.

Пока устанавливали перегородку из ткани, Маш-Мамед смотрел на нас.

Мне стало его жалко. Он столько старался. Ему было пятьдесят с лишним лет. За эти несколько дней интенсивной работы, он стал ходить согнувшись. Хотя тяжёлый груз работ по мечети был взвален на доверенных лиц от мечети и уважаемых людей города, таких как Месбахи, Солеймани, отца Махмуда Фаррохи и др., на Маш-Мамеда ложилась очень большая нагрузка. Из-за большой проходимости военных и гражданских людей и, что ещё более важно, из-за людей, нашедших здесь убежище, в мечети постоянно надо было убирать и мыть. Много людей привозили воду из реки и наполняли ею водяной резервуар над крышей. Я с девушками, как только освобождались руки в промежутках между нашими делами, подметали и мыли двор и прилегающие к мечети улицы. Небольшое число медицинского оборудования не соответствовало всему этому количеству людей. Нам приходилось постоянно его мыть, чтобы можно было пользоваться. К сожалению, это было время, когда воду в уборных перекрыли, и полы там заливали грязной водой. Я не знала о таком положении дел в мечети. Поэтому, каждый раз я ходила по грязи, чтобы, несмотря ни на что, открыть воду.

Месбах и Нури больше меня хотели контролировать тех пять-шесть человек, которые как мы все поняли, лишились рассудка. Это было тяжело сделать. Но меня это не устраивало. Постоянно надо было смотреть за ними,

чтобы не вышли на улицу. Я сама сходила с ума, присматривая за Геновой, чтобы она не выходила из мечети. Из-за неё у меня иссякали силы и перехватывало дыхание. Когда у них начиналось нервное обострение, то никто не мог их удержать. Иногда они набрасывались на окружающих, царапались и кусались. Однажды та слепая девочка так укусила мою ладонь, что я лишилась сил и не могла вытащить руку. После долгих увещаний и уговоров она отпустила меня. Когда я уставала от них, то говорила: «Я больше не буду с ними возиться». Но из страха, что они могут потеряться, а иногда вести себя безрассудно, я сама себе убедительно отвечала: «На кого их ни брось, всё равно мне придётся их успокаивать». Я говорила мужчинам:

– Умоляю вас, они уже меня сводят с ума. Заберите их отсюда.

– Может, кто-то и сможет заняться ими, но тогда, если перевезти их в другой город, тяжело будет их найти, – отвечали они.

Не знаю, почему, но когда кто-то из них становился беспокойным, остальные тоже вторили вслед за ним. Вначале только двое-трое шумели, потом постепенно их становилось больше.

Среди них мне нравился только Аббас – мальчик семи-восьми лет. Его состояние было как раз хуже, чем у остальных. Когда этот мелкий мальчонка чувствовал себя плохо, он падал на землю. У него из глаз исходила чернота, и он, слабо стоная, звал свою мать: «Йума! Йума!»

Мне было его жалко, и я испытывала к нему материнские чувства.

Увидев его, я начинала больше скучать по Хасану и Саиду. Он тоже любил меня и, едва завидев, бежал ко мне. Иногда посреди работы я чувствовала, как кто-то дёргает меня за руку. Это был Аббас. Я гладила его по голове, спрашивая: «Что хотел, Аббас?»

С особой смиренностью он отвечал: «Я голодный» или «Хочу пить».

Я шла к коробкам, находила печенье или кекс и давала ему в руки. Когда он спрашивал: «Где моя мать?», у меня внутри всё горело, не зная, что ответить ему. Я жалела его и говорила: «Твоя мать обязательно придёт».

В тот день мы с девочками убрали двор и относили в комнату для ночных молений мешки с одеждой и коробки с продуктами. Сначала мы сортировали продукты, а потом раскрывали мешки с одеждой. «Надо отделить одежду для военных», – говорили нам. Одежда у тех, кто был на передовой, постоянно рвалась и пачкалась кровью. Поэтому им надо было менять её. При этом, среди них было мало мужских моделей. Вороша одежду, я иногда погружалась в эту горку с половину моего роста, вытаскивая наружу нужное из них. Если я видела, что это женская одежда, то бросала в сторону Рены Наджар или Ашраф Фархади, от чего мы чуть не умирали со смеху.

Ближе к обеду меня позвали, сказав:

– Сестра Хосейни, вас с улицы кто-то спрашивал.

Я спустилась с этой горы одежды, при этом моё платье было всё в пуху, и всё стряхнула с себя. Поправив чадру, я вышла во двор. Меня там ждал Хосейн Эйди. Увидев, он подошёл ко мне. Я поздоровалась и спросила его:

– Что, Хосейн? Какие новости?

– Сестра, нам сообщили, что морги переполнены шахидами. Мы хотим отвезти их в Джаннатабад. Ты едешь с нами?

– Среди них есть женщины? – спросила я.

– Наверняка, есть. Разве могут не быть?!

– Подожди тогда, я еду. Только скажу остальным.

Я сказала девочкам:

– Я еду за шахидами. Никто со мной не хочет?

– Нет, – ответили они.

Я не стала их уговаривать. Потом подошла к воротам мечети. Там готов был отъехать пикап молочного цвета. Двое сидели рядом с водителем и ещё трое – сзади на кузове пикапа. Я залезла туда, и машина тронулась. Водитель с большой скоростью проехал мост. Я благодарила Всевышнего за то, что баасисты, несмотря на все старания разбомбить его с земли и с

воздуха, так и не добились успеха. Проехав только четверть спуска с моста, когда я заметила дыру диаметром с полметра, образовавшуюся посередине, водитель с осторожностью проехал её. Я через неё видела волнующуюся воду реки. Защитные ограждения моста во многих местах были сильно повреждены. Мне снова стало страшно от мысли, что мост может рухнуть. К счастью, мы быстро проехали мост.

Машина поехала в сторону больницы «Талегани» и остановилась перед отделением неотложной помощи. Сойдя с машины, я зашла внутрь. В этот момент из палаты появилась медсестра. Её манто и брюки были сандалового цвета, а платок, завязанный сзади головы, был белого цвета. Мне нравился такой тип. Поздоровавшись с ней, я сказала:

– Мы приехали забрать покойников. Сказали, что морг переполнен.

– Подойдите к тому господину, – ответила она.

Она показала на мужчину, ковылявшего в конце тёмного коридора больницы. Стоявшему у меня за спиной Хосейну я сказала:

– Она сказала, надо с тем мужчиной поговорить.

Хосейн побежал в конец коридора и стал звать:

– Брат, хаджи, господин.

Мужчина, у которого волосы были только вокруг головы, повернулся назад.

– Мы приехали забрать покойников из морга, – сказал Хосейн.

Мужчина подправил свои очки с толстыми линзами и на бендер-аббасийском диалекте спросил:

– Транспорт есть?

– Да, – ответил Хосейн. – Мы на пикапе.

– Тогда подъезжайте к задним воротам морга.

Я поняла, о каком месте он говорил. Раньше видела эту дверь. Мы вышли из коридора и подошли к задней стороне здания. Хосейн показал водителю, чтобы ехал за нами. Там заведующий морга, хромавший на обе ноги, открыл деревянные ворота. Увидев нас, он позвал нас внутрь.

Водитель по указаниям ребят, сопровождавших нас, подавая назад, остановился на цементном спуске над воротами морга.

Я же вошла через короткую широкую дверь. Это было помещение около пятнадцати метров с каменным полом и стенами. Там не было лампочек, и через освещение, попадавшее снаружи я пыталась разглядеть всё там и двигаться вперёд. Хотя я и привыкла, но меня заставил вздрогнуть резкий запах крови, ударивший в нос.

Покойники беспорядочно лежали слева и справа. С левой стороны стены стоял трёхсекторный холодильник, в каждом из которых было по три выдвижных ящика. За исключением девяти трупов в них остальные лежали на земле. Я обходила трупы, лежавшие на полу, и рассматривала их. Там были только три женщины, двое детей, остальные были молодые ребята, поражённые огнём Садама.

Хотя в больнице имелось экстренное электрическое питание, но поскольку оно было остро необходимо для операционных комнат, то в морге отключили все электроприборы. Поэтому, чтобы трупы не гнили и не издавали запах в закрытом пространстве, было решено их все захоронить. Этих покойников собрали из территории Хорремшахра или прилегающих шоссе.

– В основном, это арабы из кварталов Кут-Шейх и Махрези, – сказал заведующий моргом.

– Разве не было принято решение в Джаннатабаде больше не хоронить покойников? – спросила я.

– Да, но лучше, если похоронить их в собственном городе.

Я начала думать: «В прошлый раз мы договорились отвезти покойников в Абадан и Махшахр. Но если сейчас отвезти их хоронить в Абадан, то кому бы мы передали их там? Как бы мы их сами хоронили?» Так как в пикапе не было места для такого количества трупов, мы сказали:

– Мы заберём тех, кто лежит на земле.

– Погода жаркая, – ответил заведующий моргом. – Нельзя ничего оставлять. Заберите и тех, что в выдвижных ящиках.

– Если заберём их, тогда надо оставить тех, кто на земле, – сказала я. – И вообще не было разговора о том, чтобы хоронить покойников в Джаннатабаде. Там нет ни воды для омывания, ни саванов. И столько людей у нас нет, чтобы копать могилы и хоронить трупы.

Юноши принесли носилки. Я сказала им:

– Лучше сперва женщин заберём и положим в угол пикапа.

Одна из этих женщин лет пятидесяти была очень крупной и тяжёлой. Хотя мне и не хотелось, чтобы ребята, передвигая тела женщин, дотрагивались до них, но, когда поняла, что одна я не смогу положить её на носилки, то попросила их помочь. Парни, чувствуя себя неловко, спросили:

– Сестра, нельзя, если только мужчин заберём?

– Нет. Грех на себя возьмём, если мы их тут оставим. Здесь только три трупа. Мы заберём их.

Мы положили три-четыре трупа на носилки и с трудом донесли до пикапа. Два других трупа не были тяжёлыми, и мы их легко донесли. Из двадцати трупов, которые там были, в пикап поместились только восемь или девять тел, лежавших перед холодильниками. Пока ребята работали, я смотрела на лица женщин, уложенных друг на друга. Две из них были худые и похожи друг на друга. Возможно они были родственницами. По их загорелым лицам и рукам было понятно, что эти женщины много работали.

Машина заполнилась: все тела были уложены друг на друга.

– Сестра, садитесь впереди, – сказали мне.

– Нет, – ответила я. – Я лучше сяду с краю пикапа.

– Нет, так опасно. Мест нет. Упадёте. Мы сами с трудом держимся за борта.

Хосейн, стоя на бампере, сказал:

– Иди, сестра, садись впереди. Зачем создаёшь проблемы?

Мне пришлось выйти и сесть туда. Машина тронулась. Её скорость из-за тяжести трупов была значительно меньше, чем до этого, а мотор ревел. Шоссе Абадан-Хорремшахр обстреливалось, и я переживала за Хосейна и молодых ребят в кузове пикапа. Из переднего окна можно было видеть снаряды, попадавшие на шоссе и пустыню вокруг. Я боялась, что их осколки могли попасть в ребят. Подъехав к мосту, водитель надавил на газ, но машина никак не могла подняться наверх по наклону моста. Когда парни вышли из машины, водитель снова нажал на газ, и повалил горелый запах.

Проехав мост без происшествий, мы добрались до Джаннатабада. Посреди дороги мне захотелось слезть с машины, так как в мечети было много работы. Но я не смогла бросить этих покойников. Снаружи ворот Джаннатабада я увидела Зейнаб. Она стояла на улице и была в своих мыслях.

– Останови, – сказала я водителю и слезла.

Машина заехала в Джаннатабад, и я подошла к Зейнаб. Поздоровавшись, я удивлённо спросила:

– Мать, ты что здесь делаешь?

– С утра мне что-то грустно, – вяло ответила она. – Я переживаю за свою дочь Марьям.

– Не волнуйся. Где бы она ни была, в любом случае, она не под огнём.

Я потом продолжила:

– Мать, мы привезли ещё шахидов.

– Разве не говорили, что здесь больше хоронить не будут? – спросила она.

– Они оставались в морге, поэтому, чтобы тела не разложились, решили их вывезти.

Тут меня позвал Хосейн:

– Сестра, что будем делать? Вытаскивать покойников?

Я подумала: какая необходимость вытаскивать трупы из машины? Мы ведь не собираемся их омыwać и заворачивать в саван. Главное, их всех надо похоронить, поэтому лучше их выгрузить рядом с могилами. Я поделилась

своей мыслью с Хосейном, на что тот ответил, что сам думал об этом и хотел предложить мне то же самое.

Хосейн направил водителя по пыльной дороге, ведущей к могилам. Мы с Зейнаб взяли несколько носилок и направились в ту сторону. Вспомнив про Лейлу, я спросила о ней у Зейнаб-ханум.

– Здесь работы не было, и они с Марьям пошли к твоей матери. Ребёнок очень соскучился. Потом она сказала, что пойдёт к тебе в Центральную мечеть.

Мы дошли до участка, где лежали покойники. Только две-три могилы были свободные. Нам самим пришлось поработать. Мы с ребятами взяли за кирки и лопаты. У многих из них были сломаны черенки.

Я начала стучать киркой, что было нелёгким делом. У меня болели плечи и поясница, а руки горели. Я уже не выдержала и пошла в угол омывальни за кусочком нейлона, в котором до этого привозили саван, и обернула им черенок кирки. Потом продолжила работать. Но это не помогло. Кожа моих рук, особенно между пальцев, натёрлась и высохла, покрывшись трещинами. Пока я стучала киркой, раны открылись, и пошла кровь. Я отбросила кирку с лопатой и рукой отодвинула землю, которую до этого накидала рядом. Хотя от земли моим ранам было хуже, но, по крайней мере, руки уже не горели. Я содрала кожу настолько, что на уровне предплечья она, словно обгорев в печи, покраснела и опухла. По просьбе старых омывальщиков несколько человек, находившихся в это время в Джаннатабаде, пришли помочь нам.

Мы с Зейнаб перестали копать могилу и пошли за трупами женщин. Тех двух худых молодых женщин было легко хоронить, но с третьей мы замучились. Мы опять с помощью мужчин донесли носилки до края могилы и взяли тело в руки. Я почувствовала всю её тяжесть на своей грудной клетке; рёбра впились в лёгкие. В висках у меня потемнело, а глаза хотели выскочить из орбит. Слышен был даже хруст моих позвонков. Такой

нагрузки я до сих пор на себе не испытывала. Я изо всех старалась не выронить труп. Сзади было слышно, как Зейнаб громко возмущалась:

– Да чтоб твой дом обвалился, она как будто со слепыми ела!

Эту арабскую поговорку произносили для полных людей. Смысл её был в том, что они пользовались тем, что слепые не видели, и ели так много, что становились полными. Меня рассмешили слова Зейнаб. Но я не могла выпустить воздух, чтобы смеяться. Мы уложили труп в могилу и выбрались наверх. Перед тем как набросать землю, я взглянула на её полузакрытые глаза. Благодарение Всевышнему, она умерла в приличном состоянии. Осколок попал ей в голову и шею, при том что многие трупы попадались в ужасном состоянии, что, даже высушив их, невозможно было хоронить в чистом и аккуратном виде.

Поскольку пришла подмога, я сказала Зейнаб, что возвращаюсь в мечеть.

– Изменница. Бросаешь нас и уходишь, – шутливо ответила Зейнаб.

– Прости. Там много работы, – сказала я.

– Знаю, родная. Я просто дразнюсь. Иди. Пусть Всевышний вознаградит тебя за то, что бежишь работать.

Мы с Зейнаб потихоньку дошли до входа в омывальный домик. На мой взгляд, она выглядела очень заторможенной и раздражённой. Это обстановка валила её с ног.

Увидев машину Парвизпура перед административным кабинетом омывальных, я поняла, что он приехал. Вдруг Зейнаб-ханум сказала:

– Пойдём, посмотрим, наконец, что они придумали насчёт ткани для савана. Так уже нельзя. Хотя бы в мечети надо рассказать, чтобы что-нибудь придумали.

– Я столько в мечети о ситуации в Джаннатабаде рассказывала, что мне уже стыдно. Я там стала как белая ворона. Эти несчастные уже не знают, за что взяты. Естественно, они сперва должны думать о живых, и только потом, если останутся силы и время, подумать о Джаннатабаде.

– Пойдём сейчас посмотрим, что получилось.

Я знала, что идти туда бесполезно, но ничего не сказала. Я остановилась перед дверью. Зейнаб же пошла к Парвизпуру, и потом они вместе вышли из кабинета. Я поздоровалась и вместе с Зейнаб села в машину. По дороге в мечеть все молчали. Только мы туда въехали, как увидели господина Солеймани, доктора Шейбани, господина Фаррохи и ещё двоих, занимавшихся делами в мечети. Они стояли и беседовали во дворе под маленьким глиняным куполом мечети. Чтобы обратить их внимание на нас, я поздоровалась с ними. Парвизпур рассказал им причину нашего приезда в мечеть.

Один из мужчин, которого я не очень хорошо знала, ответил:

– Нас тоже беспокоит ситуация в Джаннатабаде. Мы обсуждали эту проблему между собой. Среди нас были представители духовенства. Мы пришли к решению, насколько это возможно и если ещё на рынке остались владельцы магазинов, купить бязь для савана. Но если там не найдём, то алимы разрешили брать материю для савана в магазинах ткани. В таких условиях всё равно эти товары могут пропасть из-за бомбёжек. В любом случае, необходимо уважительное отношение к телу мусульманина и захоронить его в саване, как предписано в исламе.

– Извините, но на мой взгляд, саван взятый без разрешения и в отсутствие хозяина магазина, не совсем прилично использовать для тела мусульманина, сказала я с беспокойством.

– Мы не говорим украсть. Это чрезвычайные условия. Вам и не надо этим заниматься. Пойдут представители мечети и составят акт на то количество ткани, которое они взяли. Запишут адрес и имя владельца магазина, чтобы потом после этого пекла вернуть деньги, и хозяин остался доволен.

Он подозвал двоих мужчин и сказал:

– Они пойдут за нами.

Мы сели в машину: я и Зейнаб – сзади, мужчины – рядом с водителем. Один из мужчин сказал Парвизпуру:

– Поедем на рынок «Сафа». Там хозяин магазина – мой знакомый.

Мы очень быстро доехали до рынка. Парвизпур остановил машину перед известной «Чайханой дяди Насера». Мы с Зейнаб остались в машине. Парвизпур и те двое направились к крытому рынку, внутри которого находилось несколько магазинов текстиля.

– Ты помнишь, что творилось на этом базаре? – спросила Зейнаб, осматривая всё вокруг. – Куча народу и товары, расставленные по обе стороны улицы. Здесь яблоку было негде упасть.

Я кивнула в знак согласия, слушая её, но меня занимали совсем другие мысли. Беспокоило то сильное желание достать саван для покойников. На мой взгляд, это выглядело конфискацией. Этим не будут довольны ни хозяева, ни покойники, для которых используют конфискованную ткань. В конце концов, я себя успокоила словами: «Сейчас чрезвычайные условия, и когда на это дал разрешение алим, то не имеет значения, что я об этом думаю». После этого я постаралась занять голову другими мыслями.

Я смотрела на рынок. Густой дым застилал собой небо над городом, делая его крытое пространство ещё темнее. Ставни магазинов были спущены, некоторые из них были заперты. «Где сейчас хозяева этих магазинов? – спросила я себя. – Чем они заняты? Где они достают пропитание для своей семьи?» Увидев магазин аудиокассет рядом с «Чайханой дяди Насера», я вспомнила те дни, когда приходила на рынок «Сафа» вместе с Да. Здесь всегда звучали записи Садуна Джабера – иракского певца. Продавец так громко включал музыку, что её было слышно до середины базара.

Глядя на закрытую дверь магазина, я вспоминала песню в исполнении Садуна Джабера:

О, чистая отчизна моя, как же я желаю видеть тебя,

Моё племя и мой род, семья и родина моя находятся близко, и тот, кто пожелает, найдёт дорогу туда.

Они недалеко, месяц знает дорогу туда.

Почему же сердце чувствует их так близко?

Они недалеко, если кому-то захочется съездить туда.

Вспоминались также стихи Абдулхалима аль-Хафиза – египетского поэта и певца, который пел известную песню «Йа Валади»¹. У него было много поклонников. Я тоже любила его песни:

Сын мой, не грусти.

Любовь предназначена тебе судьбой,

Мой сын очевидно умирает шахидом.

Он выбрал тот путь, на котором отдал свою жизнь.

Твоя судьба плывёт по морю без паруса.

И ты оказался между водой и огнём.

Невзирая на все пожарища,

Невзирая на все несчастья,

Невзирая на то, что печаль не проходит ни ночью, ни днём,

Невзирая на ветер, дождь и водоворот,

Мой сын, мой сын, любовь к возлюбленной останется всегда.

Любовь – это самое прекрасное приключение.

Эти воспоминания навевали мне грусть о невосполнимой утрате отца и разлуке с Али. Отца не было с нами уже два дня. Два дня, как он ушёл, и мы переживаем разлуку с ним. Я безмолвно плакала, сдерживая себя так, чтобы Зейнаб ничего не заметила. В любом случае, она сама думала о чём-то своём.

Через полчаса мужчины вернулись, принеся с собой четыре-пять рулонов белой бязи. Один из них держал в руке тетрадь. Открыв одну из страниц, он попросил меня и Зейнаб поставить под списком свои подписи. Я посмотрела на страницу. Там были записаны имя владельца, адрес и номер

¹ «О, сын мой» (в пер. с араб.).

магазина, нынешняя дата и количество изъятой материи. Там уже были подписи Парвизпура и тех двоих мужчин. Зейнаб измазала ручкой палец и приложила его вместо подписи. Свою подпись поставила и я.

Мы забрали рулоны и вернулись в Джаннатабад. Лейла уже вернулась от Да. Мы позвали её и остальных, и все вместе стали резать саван. Быстро выполнив эту работу, мы сложили саваны. Так как постепенно количество женских трупов уменьшалось, то большинство саванов мы передали в мужскую омывальню. Снова стали привозить расчленённые трупы. Несколько дней назад мы решили омыwać только тех, чьи тела остались целыми. Таким образом, и воды меньше расходовалось, и кровотечение, возникавшее при вскрытии, теперь не пачкало саван. Когда первое время у нас был нейлон, такие трупы мы заворачивали именно туда. Но когда нейлон закончился, то логичным выглядело отделять более целые трупы, но для меня это сделать было очень трудно. Проходя мимо разложившихся трупов, я испытывала стыд. Этим беднякам было отказано даже в омовении и саване, но выхода не было. Закончив работу, я вышла на улицу и посмотрела на угол омывального домика. Одежда убитых не выносилась несколько дней. Ради нашей гигиены и здоровья надо было её закопать в яму и полить её сверху известковой водой. Но я так устала, что не было уже никаких сил сделать это. Сперва хотела других попросить это сделать, но, увидев, что их самочувствие не лучше моего, и они теперь даже не могут выпрямиться после такой работы, я пошла за тачкой и закинула в неё лопатой одежду. Но она вся не поместилась в тачке. Мне пришлось дважды сходить туда-обратно и сбросить её в незанятом углу кладбища. Потом я вылила на образовавшуюся кучу одежды весь бачок бензина, зажгла спичку и бросила её туда. Всё быстро загорелось. Я отошла назад и скользила взглядом по языкам пламени, пожиравшим одежду. Я сказала про себя: «С каким же вожделием люди покупали себе эту одежду? Что они чувствовали, надевая её? Теперь всё их достояние посреди огня превращалось в золу.

Я была в своих мыслях, как услышала, что Зейнаб зовёт меня. Я встала и направилась в её сторону. Когда я подошла ближе, она сказала:

– Подойди, мать. Посмотри, говорят, твой брат пришёл, стоит у ворот и не заходит внутрь. Посмотри, что он хочет тебе сказать.

Я тут же испугалась с мыслями: «Что же произошло? Что случилось?»

Я быстро подошла туда. У главных ворот стоял Мансур. Он ходил взад-вперёд, просунув руки в карманы, и оглядывался по сторонам. Увидев меня, он подошёл и поздоровался со мной.

– Здравствуй, – ответила я. – Ну что там случилось? Я же сказала, не отходить от Да и детей?!

– Я тебе еды принёс, – ответил он виновато.

– Еду? Откуда ты принёс еду? – удивлённо спросила я.

– Соседи приготовили ужин и поделились с нами. Когда мы ели, Да сказала: «Были бы сейчас с нами Захра и Лейла». Вот я и оставил вам незаметно. Да догадалась и спросила: «Что ты там спрятал?» Я ответил, что хочу вам отнести.

Я растрогалась и ласково сказала:

– Ты ради нас встал и прошёл этот путь?

Он положительно кивнул и достал кусок хлеба из кармана своих брюк. Я взяла у него хлеб. Туда он положил несколько котлет.

– Зачем стоял у ворот? Почему не передал тем, кого отправил за мной? – спросила я.

– Там просто мало было. Мне было стыдно через кого-то передать тебе. Может, и им захотелось бы. Я принёс, чтобы вы поели.

Я наклонилась и, поцеловав его в голову, сказала:

– Братик, зачем ты проделал такой длинный путь, лучше бы сам поел.

В ответ он отрицательно качнул головой.

– Заходи, – сказала я ему.

– Нет, Да сказала быстро вернуться.

Последние два раза, посещая мечеть Шейха Солеймана, я Мансура не видела. Я думала, что он бродит где-то рядом. Но не дождавшись его, я спрашивала у Да, где тот находится. «Не знаю, – отвечала она, – или где-то в конце улицы или в Центральную мечеть пошёл». Именно из этих соображений, одновременно посматривая на хлеб, я ему давала наставления:

– Не уходи без ведома гулять по сторонам. Не выходи из мечети. И больше не надо сюда приносить что-нибудь. Здесь всё есть. Я тоже здесь не всегда бываю.

– Понял, – ответил он.

– Ну теперь иди. Возвращайся по той же дороге, какой пришёл. Иди быстрее, а то я буду переживать.

– Хорошо.

Мансур ушёл, а я стояла и смотрела вслед за ним. Мои глаза наполнились слезами. За эти несколько минут я поняла, что Мансур, который дома не сидел на месте и всё время баловался, теперь стал очень спокойным. Для него это выглядело очень странным в его тринадцать лет. Мне от этой мысли стало очень плохо. Вспоминая, что он теперь сирота, у меня в душе всё переворачивалось. Как я ему и сказала, он удалялся от меня быстрыми шагами. После того, как он исчез из поля моего зрения, я вернулась, а котлеты дала Зейнаб-ханум.

Зейнаб удивлённо взглянула на них, после чего я сказала:

– Мансур принёс.

Она протянула мне кусочек, но я оттолкнула её руку. У меня комок давил в горле. У Лейлы тоже был неудачный день. Я догадывалась, что, увидев Да и детей, она стала ещё грустнее. Хотя она ничем себя не выдавала и всё время молчала, я понимала, что у неё внутри происходит. Два-три раза, пока я с ней заговорю, она пускала слёзы. В ту ночь я решила остаться с ней. Мне казалось, что, оставшись с ней, я смогу вывести её из этого душевного состояния. Мы совершили намаз в комнате и вышли на улицу. Я заметила, что на балконе расстелили ковровин и разложили свёрток с хлебом. Там

сидели старики, Хосейн и Абдолла, с одной стороны, и женщины, с другой. Мы с Лейлой присоединились к ним. Те разрезали арбуз и каждому из нас дали по кусочку. Я чувствовала себя слабой. Беря в руки ломтик, я одновременно думала о Лейле. Что бы я у неё ни спросила, на всё она отвечала коротко. Поев ужин, я встала, надела туфли и взяла своё оружие, с которым обычно не расставалась.

– Куда? – спросила Лейла.

– Хочу прогуляться. Ты идёшь? – спросила я её.

– Да, – ответила она и поднялась вслед за мной.

Так как из гарнизона крепости слышались выстрелы и взрывы, мы пошли в сторону ворот Джаннатабада, которые находились приблизительно вдоль крепости. Из-за ворот я смотрела на улицу. Пустые и тёмные улицы выглядели пугающе и ещё больше усиливали страх перед баасистами. Но взглянув на гарнизон, я подумала про себя: «Пока в крепости есть солдаты, будет безопасно». Взяв за руку Лейлу, мы вернулись обратно внутрь и пошли на другой конец Джаннатабада. Постепенно я её разговорилась, рассказывая о своих прошлых воспоминаниях и спрашивая Лейлу, помнит ли она. Она отвечала, и сама рассказывала. Прогуливаясь таким образом, я вдруг увидела себя на доске объявлений. У меня чуть не выскочило сердце, и я стояла как вкопанная. Мне не хотелось, чтобы Лейла была в этот момент рядом. Я вышла вперёд и поцеловала вдавленное от руки отца место на доске.

Я с трудом сдерживала себя, не издавая ни звука. Мы продолжили свою прогулку. Эта лунная ночь напомнила мне вечера, когда наш дом был в Басре или квартале Гизли, и не было света. Эти воспоминания меня начинали больше волновать. В этот момент я сказала Лейле:

– Был бы Али сейчас с нами. Уже три-четыре месяца, как он уехал. Хоть бы приехал. Если бы Али был здесь, то сейчас не было бы так тяжело. И Да так бы себя не мучила.

Так мы дошли до могилы отца, пока разговаривали. Когда я присела рядом, то больше не могла себя сдерживать и разразилась слезами словно

весеннее облако. От воспоминаний о прошлом мне становилось ещё хуже. Лейла чувствовала себя не лучше. Её жгучие слёзы обжигали меня. Я не могла смотреть на её беспомощность. Я с трудом взяла себя в руки, чтобы суметь успокоить Лейлу. Быстро подняв её, я сказала:

– Поздно уже, и опасно. Вставай, уходим. Зейнаб-ханум тоже начнёт волноваться.

Мы вернулись к комнатам. Старики сидели и курили на балконе. Один из них по привычке включил радио «Би-Би-Си» и слушал новости Ирана на их языке. Слушая их аналитику о ситуации в Иране, он злился и сильно ругался. Чуть поодаль, прислонившись к стене, дремали Зейнаб и Марьям-ханум с той самой старушкой. Хосейн Эйди и Абдолла Моави прогуливались неподалёку. Я хотела сама вместо них посторожить, чтобы дать им немного отдохнуть, и сказала Лейле:

– Иди спать. Я тут немного постерегу и приду потом.

Но Лейла не согласилась, так как считала, что провела со мной слишком мало времени, и сказала, что останется сторожить территорию со мной.

Так как в первую смену нам было удобнее дежурить, Хосейну и Абдолле я сказала:

– Сперва мы постоим, а вы поспите. Потом приходите принимать смену.

Они ни за что не соглашались, но я всё же настояла и уговорила их. После того, как они ушли, мы с Лейлой отошли подальше и сели у ручейка, чтобы своими разговорами не разбудить остальных. Мы говорили о всей подноготной Джаннатабада, как мы её видели, а также о войне, и как она отразится на нас.

– Вообще из-за чего началась война? – спросила Лейла.

– Разве ты не слышала воззвания Саддама? – ответила я. – Он говорил, что хочет объединить всех арабов. Но на самом деле, у него другая цель. Разве в здравом уме можно додуматься до того, чтобы начать войну под

предлогом защиты арабов и при этом убивать самих же арабов?! Ты же сама видела все эти трупы, которые привозили в Джаннатабад; среди них были и персы, и арабы. Его слова – это пустые требования. Они хотят уничтожить революцию в Иране и захватить нашу нефть. Они хотят сделать с Ираном то же, что и с Палестиной.

– И сколько будет продолжаться война?

– Всевышний убережёт нас. Наши парни смогут защитить нас с той самоотверженностью, которую они проявили сейчас. Если Банисадр тоже даст взлететь «Фантомам» и ударить по иракским позициям, то всё закончится. Мы тоже должны защищаться, чтобы это сопротивление дало свои плоды.

– Захра, кто, по-твоему, из нашей семьи станет следующим шахидом после отца? – спросила неожиданно Лейла.

– Иншаалла, я стану шахидом, – ответила я.

– Нет. Не дай бог, – сказала она волнительным голосом. – Если ты погибнешь, что мы будем делать?

– Продолжай делать всё, что делала после гибели отца. После меня на тебя ляжет ответственность.

– Нет, я не смогу как ты. Я не выдержу. Я совсем не смогу принять такую ответственность. Это тяжёлая ноша.

– Знаю, тяжёлая. В начале ведь и я не хотела этого. Вопреки моей воле всё взвалилось на мои плечи. И всё должна была сделать в наилучшем виде. Хорошо ли, плохо ли, но должна была стараться. Лейла, молись, чтобы я тоже ушла шахидкой. И не бойся никакой ответственности. Приедет Али и возьмёт ответственность за детей на себя. Всё это будет продолжаться ровно до момента его приезда.

После того как я упомянула имя Али, Лейла испуганно сказала:

– Нет, я не хочу, чтобы Али приехал, иначе он тоже станет шахидом.

– Да, можешь не сомневаться в том, что Али станет шахидом. Только ступив сюда, он сбежит. Этот парень весь парит от страсти. Разве не

помнишь, как он говорил: «Я не хочу вот так умирать. Я буду столько стараться на пути Аллаха и вести джихад, пока не умру шахидом».

От этих слов Лейла стала громко плакать. Чтобы закончить эту тему, я взяла её за руку и сказала:

– Встань. Пойдём, прогуляемся. Тем более, что мы, кажется, должны здесь держать охрану.

Мы стали прогуливаться по Джаннатабаду и посматривать по сторонам. Обе теперь мы уже молчали. Но я уже всё время думала о приезде Али и снова себя спрашивала: «Слышал ли Али о смерти отца? И когда же он придет? По радио, интересно, передают новости о боях вокруг Хорремшахра или нет? Если Али захочет приехать, то как он сможет добраться со своими ранеными руками? Что он станет делать, добравшись сюда? Только бы не погиб». Но потом я вспомнила его слова: «Для меня смерть на пути Аллаха равноценна самой жизни. Настоящая жизнь наступает после мученической смерти. Наши святые имамы тоже стали шахидами и посмотри, как они почитаемы. Нам тоже надо совершать деяния подобно им, чтобы быть увековеченными». Я подумала про себя: «Если рассматривать смерть с этой точки зрения, то Али прав. Но как и где он станет шахидом? Пуля попадёт в него? Или он погибнет от осколков снаряда?..»

Я представила перед собой осколок, попавший в отца. Снова стала вспоминать его, состояние матери и детей, и ночи, в которые мы всей семьёй бывали вместе. Отец тогда всё время говорил: «Куда бы вы ни пошли, возвращайтесь домой до захода солнца».

Теперь мы, двое девчат, прохаживались по кладбищу в эту тёмную ночь, в условиях, когда по улицам приличные люди не ходят, а баасисты уже находятся у ворот города.

Поскольку мы были вместе, то нам не было страшно в этой тяжёлой обстановке, царившей на кладбище. Только иногда я начинала трястись, когда ветер двигал разбросанные сухие листья деревьев или бумагу, издавая непонятный звук. Взяв Лейлу за руку, я очень быстро прошла среди деревьев

в конец кладбища. Поскольку Зейнаб наказывала не ходить в сторону старого кладбища, мы, не доходя до него, свернули обратно. «В конце кладбища небезопасно, – говорила Зейнаб. – Там стены обвалились. Оттуда может кто угодно проникнуть».

Так прошёл один час. Чтобы сильно не утомить Лейлу, я ей сказала:

– Возвращаемся.

Как только мы дошли до комнат, я позвала Хосейна. Хосейн и Абдолла ответили вместе. Я поняла, что они в это время не спали. Когда они вышли, я сказала:

– Я могу ещё немного пободрствовать, если хотите поспать.

– Нет, мы тоже никак не могли уснуть, и всё это время разговаривали, – ответил Абдолла.

Мы все сели у края балкона и стали разговаривать. Не прошло и время, как Зейнаб, проснувшаяся от наших разговоров, из глубины комнаты обратилась ко мне:

– Мать, ты с утра до вечера бегала и устала, а теперь как ни в чём ни бывало. Иди спать.

– Хорошо, – ответила я.

Мы с Лейлой встали и пошли в комнаты, легли на ковровин. Лейла заснула очень быстро. У меня глаза тоже потеплели, как я вспомнила сервиз, который отец только купил нам. Как я радовалась тому, что у меня появилась кровать. Конечно же, сперва отец не внимал нашим просьбам купить её. Но, увидев, как мы радовались, он, наконец, согласился.

С этими мыслями я и заснула. Но во сне снова виделись кошмары с перемешивавшимися сценами. Я видела, как спал отец. Отец надел на голову зелёный тюрбан и направлялся к зелёному саду. Как я не старалась подойти к нему, всё было бесполезно. Я кричала и звала его. Он повернулся ко мне, посмотрел и улыбался, одновременно уходя от меня всё дальше и дальше. Я прилагала ещё больше усилий, но мои ноги были как будто прикованы. Я кричала и плакала, прося его забрать меня с собой. Он, только улыбаясь,

отвечал мне. Когда я поняла, что не догону его, то начала рыдать и стонать, проснувшись от собственного плача. До утра ещё оставалось много времени. Я смотрела на Лейлу, проснувшуюся от моего голоса.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Да, – ответила я. – Спи. Ничего не случилось.

Я снова уснула, и снова меня мучали страшные кошмары. До утреннего азана я просыпалась несколько раз.

В последний раз я услышала голос старика, перед намазом читавшего азан. Я разбудила Лейлу и позвала Зейнаб-ханум и остальных. Потом совершила омовение и прочитала намаз. Я подождала, пока станет светло, чтобы пойти в Центральную мечеть и, узнав последние новости, принести завтрак.

Прислонившись к стене, я слышала голоса омывальщиц, которые после намаза уже не ложились спать. Одна из них говорила:

– Слава Всевышнему, мы всю свою жизнь омывали покойников, и если они оставались лежать лишние пару часов, то издавали тлетворный запах, который невозможно было выдержать. Но эти покойники уже несколько дней тут лежат и словно пахнут цветами.

– Ты помнишь, если в один день привозили несколько покойников, в каком состоянии мы потом были? – сказала другая. – Какой страх нами овладевал, как будто смерть находится в двух-трёх шагах от нас. А теперь посмотри: за эти несколько дней мы столько всего навидались. Так много было погибших.

– По-видимому, чем старше становится человек, тем больше он привязан к жизни. А эти юноши! Посмотри, как они теряют жизни под пулями, – сказал тот самый старик.

Когда солнце поднялось, я сказала Зейнаб и Лейле, что ухожу. Не дошла я ворот Джаннатабада, как ко мне подбежали Хосейн и Абдолла, сказав, что идут со мной.

– Вы же вчера не спали. Оставайтесь. Отдохните, – сказала я им.

– Мы по очереди спали, – отвечали они. – Да и работы здесь сейчас нет.

Уже целый час до нас доносились звуки взрывов от иракских артиллерийских снарядов.

– Оставайся ты здесь, – сказала я Хосейну. – Вдруг появится какая-нибудь работа, и понадобится твоя помощь.

Хосейн вернулся. Я пошла с Абдоллой. По дороге мы обратили внимание, как огонь иракской артиллерии постепенно продвинулся вперёд. Чем дальше мы двигались, тем интенсивнее был огонь. Это было понятно из разрушений, поднявших за собой столбы пыли, и палящего дыма. Сперва били по улице Амире-Кебира, потом ударили по Чехель-Метри. Два-три снаряда почти в двухстах метрах от нас ударили по мельнице, которую называли «мельничной машиной». Мы с Абдоллой побежали в ту сторону и увидели, как два-три человека выбросило из мельницы. Пока мы до них добежим, двое из них поволокли третьего к стене. Все трое работали на мельнице. В одного из них попал большой осколок, из-за чего он сильно истекал кровью. Другой был поражён мелкими осколками в руку, лицо и шею; третий же был так ошеломлён, что совсем не соображал, что происходит вокруг. Из-за сильно кровоточащей раны, ему было совсем плохо.

– Быстрее дайте что-нибудь, чтобы остановить ему кровотечение, – сказала я.

Тот, что был ранен в голову и лицо, сказал:

– Что именно тебе нужно? У нас здесь ничего нет.

– Кусок простыни или ткани какой-нибудь, – ответила я.

Я видела, как они переглядывались. Бедняги, они спали во время взрыва, теперь они были сильно потрясены и растерянно бегали по сторонам, стараясь, хоть что-нибудь найти.

– Теперь уже ничего не нужно, – сказала я. – Давайте помогите снять его рубашку.

Сняв её, один из рабочих с сильно трясущимися руками безуспешно старался порвать рубашку. Я её забрала у него. Он как будто боялся, что снова ударят в то же самое место. Звуки взрывов доносились со всех сторон.

Я порвала один из его рукавов по шву. Когда я перевязала ему бедро одним из рукавов, другой мужчина поднял его голову и, взглядевшись в кровоточащую рану, спросил:

– Отрезало?

– Не бойся. Не отрезало. Оставшуюся часть рубашки я обвязала ему вокруг живота, – ответила я.

Тот при каждом движении стонал и взывал к Святому Аббасу. Чтобы закрыть рану, мне понадобилась ещё ткань.

Только я хотела сказать: «Дайте кто-нибудь из вас свою рубашку», как подъехала машина, остановившаяся после того, как помахал Абдолла. Раненого уложили туда и увезли. Пока отъезжали, Абдолла спросил того рабочего:

– Кто-нибудь ещё был здесь кроме вас?

– Сторож мельницы ночью спал на крыше.

Когда машина отъехала, из-за той растерянности, страха и ужаса, которые можно было увидеть в них, я решила сама пойти за сторожем. Я спросила у двух рабочих, которых целыми и невредимыми отнесло к двери, и они в том же положении разговаривали с несколькими другими рабочими:

– Как можно пройти на крышу?

– У нас есть лестница, – ответили они.

Пока принесут лестницу, я оглянулась вокруг. В некоторые местах двора попали снаряды, образовав воронки. На кирпичных стенах и деревянных дверях здания были видны следы осколков. Когда лестницу притащили, я полезла наверх.

Остановившись на последних двух ступеньках, я осмотрела поверхность крыши. Там была большая площадка с высокими и низкими участками. На низком участке прямо напротив меня лежал, распластавшись,

старик. Осколок разнёс ему мозги; куски кожи с головы и волос вместе с крупными и мелкими осколками, пропитанными мозгами и кровью, были разбросаны по сторонам. Ему снесло полголовы и всё лицо. Смятая красная пластиковая фляга для воды отлетела в другую сторону.

Из-за вчерашних ночных кошмаров у меня итак было плохое самочувствие, а теперь, с самого утра, увидев эту ужасную сцену, я почувствовала себя ещё хуже. Я пожалела, что поднялась наверх, и хотела вернуться, поручив перенести тело кому-нибудь другому. Потом посмотрела вниз. Абдолла стоял на лестнице на несколько ступенек ниже меня. Так как вернуться было уже нельзя, мне пришлось зайти на крышу. За мной поднялись Абдолла и ещё один мужчина. Пройдя немного вперёд, я увидела ещё более ужасную и трагичную сцену. Меня затошнило, и я с трудом сдерживала себя, чтобы не показать свою слабость перед мужчинами. Я отошла немного назад. Абдолла, увидев труп, быстро отвернулся и сказал:

– Ух! Что за зрелище с самого утра!

Мужчина, стоявший за Абдоллой, увидев всё это оттуда, даже не поднявшись, сразу ушёл обратно.

– Я приведу в порядок старика, – сказала я Абдолле, повернувшему лицо в другую сторону, – а ты займись головой этого несчастного и собери его мозги.

– Я? Я не могу, – ответил с отвращением Абдолла. – Даже не проси об этом.

– Так, Абдолла. Нам надо собрать этого несчастного или нет? Нельзя его так оставлять.

– Лучше ты сама. Я соберу тело старика, а ты – его мозги.

– Абдолла, во что ты хочешь собрать старика? – сказала я с раздражением. – Это имеет какое-то значение, если ты соберёшь?

– Да. Сделаю то же, что ты собиралась с ним делать.

Я начинала злиться на Абдоллу. Эти дни он с трудом выполнял то, о чём я просила. Но сейчас, когда я действительно хотела от него выполнения

работы, он ни за что не соглашался. Через несколько минут я его пожалела. Ему было не легче, чем мне. Поэтому я не должна была на него надеяться. За эти несколько дней его лицо неприятно пожелтело. Недосыпание, недоедание, много работы и душераздирающие сцены не каждый из нас мог выдержать. Он был прав, что не может выполнять такую работу. Когда я в первый раз увидела Абдоллу, он мне вообще показался мелким. Он выглядел таким слабым, словно его спину согнули к коленям, уменьшив несколько раз. Пришлось мне самой взяться за дело.

Я осмотрела крышу по сторонам в попытках найти и собрать куски мозга, что было бесполезно. Мой взгляд потом упал на картонку, на которой старик лежал. Он бы уже непригоден, так как из-за сильного кровотечения картон полностью промок. Я посмотрела ещё внимательнее. Мне удалось использовать несколько кусков картона, лежавших под стариком и не промокших от крови. Я бросила эти куски, собрала чадру в подмышки и приступила к работе, держа в обеих руках два куска картона в виде веника и совка. Несмотря на постоянную душевную боль и тошноту, я собрала куски мозга, смешавшиеся с волосами и кровью и слипшиеся с землёй. Собирая их, я старалась, чтобы только они соприкоснулись с моими руками. Но когда снова куски мозга и кровь попали мне на руку, моё тело трянуло от невероятного шока. Я сильно встряхнула руку. Нервное состояние и тошнота заставили меня всю дёрнуться и перенести сильное давление. Я заклинала их матерью святой Зейнаб, чтобы она помогла мне сопротивляться. От этих заклинаний мне стало лучше. Но меня изнутри пробирал запах крови. Я собирала куски и клала их в чашу головы старика, отделённую ото лба. Его глаза были так наполнены кровью, что нельзя было понять, они слетели или остались на месте. Каждый раз возвращаясь к раскроенному черепу, чтобы ссыпать в него куски мозга, я старалась на него не смотреть. На той стороне Абдолла тоже что-то искал, чтобы пожить туда тело старика и спустить его вниз.

– У вас нет одеяла? – спросил он у тех, кто был внизу.

– Нет, – ответили они.

– Поищите, дайте что-нибудь.

– Мы ничего не находим.

Тогда я сказала Абдолле:

– Ну-ка, вытащи одеяло из-под старика.

Одеяло намокло от крови. Когда я раскрыла его, то увидела, что на нём из-за порезов, вызванных осколками, не осталось целого места. Один угол полностью был оторван. Абдолла сложил одеяло вдвое. Когда я закончила работать, я сказала ему:

– Скажи им, пусть поднимется кто-нибудь забрать его и завернуть в одеяло.

Абдолла подошёл к краю крыши и сказал эти же слова тем, кто был во дворе. Через несколько минут вернулся тот самый спустившийся вниз мужчина. Но только он посмотрел на труп, ему снова стало плохо. Он отошёл в сторону и стал за нами. И в конечном счёте, спустился вниз.

– Оставь его, – сказала я Абдолле. – Давай сами всё сделаем.

Мне пришлось схватить старика за ноги. Несмотря на маленький рост, его тяжело было поднять. Абдолла поднял старика вместе с картоном, и мы положили его на одеяло. Потом обвязали одеяло за все четыре угла верёвкой, которую нам дали снизу рабочие. Мы с каждой стороны скрутили верёвки, чтобы соединить их в одну и лучше контролировать тело старика во время спуска. Мы также накрыли его сверху, чтобы его искорёженное лицо не напугало людей внизу. Сперва мы попытались поднять старика, но он оказался слишком тяжёлым. Потом думали поволочить его по крыше, но звук разрывающегося одеяла разубедил нас делать это. Нам пришлось, едва подняв и положив на землю, дотащить его до края крыши. Края крыши оказались непрочными и слабыми из-за осколков, попавших на кирпичи и штукатурку в той части. Я крепче обвязала вокруг своей руки верёвку у ног старика, Абдолла схватился за край одеяла. Если бы мы стоя спустили труп, то он своей тяжестью мог потянуть нас за собой вниз. Я согнула

колени, уперев его в свою руку, а другой рукой схватила верёвку. Абдолла тоже согнулся и одновременно потянул труп с края крыши. Со стороны Абдоллы он был тяжелее и больше тянул вниз. Чтобы сохранить равновесие, он лёг. Мы старались одновременно высвободить верёвку, как нас обоих напугал звук разрывающегося одеяла. Меня охватила тревога. Рука готова была выскочить из плеча, заставляя терпеть сильное напряжение. Тут Абдолла со своей стороны больше освободил верёвку, из-за чего труп скопился.

– Абдолла, ты что делаешь? – закричала я. – Сейчас упадёт.

Абдолла со злостью отвечал:

– Быстрее, сестра, быстрее! Или сейчас у меня грудная клетка треснет.

Когда одеяло снова треснуло и спустилось с моей стороны, тот мужчина, что поднимался на крышу и вернулся обратно, снова поднялся по лестнице и, стоя на ней же, схватил верёвку с моей стороны. Наконец, в сопровождении слов с обращением к Всевышнему со стороны стоявших внизу мужчин, кричавших, зачем мы ослабили верёвку, труп был благополучно спущен.

Мои ладони сильно потрескались. Грубая верёвка содрала мне кожу. Спускаясь по лестнице, я увидела, как пикап, забравший труп, уже вернулся. Очень быстро на него погрузили тело и повезли на кладбище. Едва ступив ногой на землю, я почувствовала, как меня покинули силы. Звуки взрывов и выстрелов не прекращались ни на минуту.

– Есть вода, чтобы помыть руки? – спросила я рабочих мельницы, пребывавших в шоковом состоянии.

– Нет, – ответили они.

Оглядевшись по сторонам, я заметила кучу песка во дворе. Потом подошла туда и растёрла руки песком, потом провела ладонями по земле. Абдолла с ещё большим рвением протёр свои руки землёй и песком. Он очистил руки от крови, но мне был не по душе такой способ очистки. Я снова

встала и протёрла руки о кирпичную стену мельницы. Мои руки потяжелели, и я перестала их чувствовать. Потом мы вышли из мельницы.

Между нами воцарилось странное молчание. Я снова посмотрела на свои руки и несколько раз по дороге тёрла их о землю улиц, и Абдолла покорно повторял то же самое за мной.

Чем дальше, тем сильнее была заметна интенсивность атак, из-за чего мы всё меньше вспоминали о том, что дотрагивались до трупа. Желая помочь Абдолле тоже отвлечься от этого, я сказала:

– Абдолла, ты видишь, куда бьют?

– Дальше я с тобой не иду, – раздражённо ответил он. – Я пойду в мечеть.

Потом он добавил:

– Мы вроде собирались принести завтрак.

– Хорошо, иди. Я тебе разве мешаю! – ответила я.

– Так ведь ты ходишь за покойниками. Этот труп вообще меня вывел из себя. Я больше к ним не подойду.

– Ну не иди. Когда тебе говорили ийти?! Это моя работа. Я вообще именно из-за этого осталась в городе.

Он больше ничего не ответил.

Мы продолжили идти и какое-то время молчали. Первым заговорил Абдолла, словно понимая, что обидел меня:

– Когда дойдём до мечети, ты останешься или пойдёшь дальше?

– Не знаю. Посмотрим по ситуации, – ответила я.

Понятно, он старался быть со мной обходительным.

– Сестра, какой он был весь разорванный, – сказал он.

– Да, Абдолла, разорван был. Но он больше не хочет, чтобы ты о нём говорил.

Мы вышли из улицы Ордибехешт и попали на Чехель-Метри. Иракская артиллерия была уже по центру города. На улице Чехель-Метри я заметила окопы, вырытые на расстоянии двадцати метров друг от друга. Напротив

коранической школы, что перед мечетью Имама Садыка (мир ему), и на пересечении улиц Чехель-Метри и Энгелаб, где заканчивалась мечеть, и во многих других местах были вырыты окопы.

Окопы вдоль уличных рвов были выкопаны только в виде ям и вкруговую шли наверх. Однако окопы посреди бульваров были вырыты в виде глубокой канавы, а вокруг выкопаны ямы. На той стороне часть домов, которые ещё вчера были целыми, теперь превратились в развалины. Кроны деревьев бульвара от взрывной волны сгорели, и потому улицы казались более пустыми. Не доходя до коранической школы, мы прошли мимо нескольких солдат, лежавших в своих окопах. Было видно, что они были на посту со вчерашней ночи. У них был усталый вид.

В нескольких шагах от окопов возле коранической школы, я поздоровалась с девушками, находившимися там. Она стала одним из пунктов обороны. Несколько раз, проходя в этих местах, я видела их за работой.

Первой на моё приветствие ответила Шахназ Хаджишах. Подойдя немного вперёд, мы поздоровались с Фахри Тагати и ханум Абеди – руководителем школы. Они сидели в окопе, прислонившись к мешкам.

– Как у вас дела? Что нового? – спросила я.

– Ты кружишь по городу и нас спрашиваешь о новостях, в то время как мы ждём, что нам расскажут что-нибудь новое? – сказали они.

Я рассмеялась и ответила:

– Так ведь вы сохранили себе окоп и не выходите отсюда.

– Да, теперь ты рассказывай новости, – ответили они, смеясь.

– Да ничего. Как всегда, собрали один труп и отправили его в Джаннатабад.

Потом я им вкратце рассказала о том, в каком состоянии был труп старика из мельницы. Все были под впечатлением. Ханум Абеди прочитала за меня молитву. Шахназ Хаджишах со смехом сказала:

– Когда ты занята делом, нам тоже хочется что-нибудь делать.

– Разве у вас мало работы? Оставаясь здесь, вы делаете благое дело, выполняя всякую работу.

Пока я с ними разговаривала, артиллерия обстреливала более отдалённые районы, но, когда я с ними попрощалась и пошла в Центральную мечеть, снова начались сильные обстрелы улицы Чехель-Метри.

Перед мечетью на ступеньках у входной двери сидели Захрэ Фархади и Марьям Амджади, наблюдая за взрывами. Я поздоровалась и прошла мимо них, заглянув в лазарет. Все в мечети и лазарете уповали на то, чтобы это место не подверглось бомбардировке. Зайдя в лазарет и поздоровавшись с ребятами, я сказала:

– Что они сейчас собираются делать? Когда мы возвращались из Джаннатабада, взрыв прогремел буквально в нескольких метрах от нас.

Из-за шума взрывов я не могла расслышать, что они отвечают. С каждой минутой всё больше снарядов падало на землю, приближая этот шум к мечети. Всё пространство было наполнено свистом снарядов и взрывов, издавая запах дыма и пороха, пыли и крови. Я выбежала на улицу. Не успела я дойти со ступенек мечети до асфальтированной улицы, как земля у меня под ногами задрожала. Ужасающий взрыв опустошил меня, и взрывной волной меня отбросило на несколько метров.

Вместе с этим взрывом на расстоянии нескольких метров друг от друга, на пересечении улиц Фахра Рази и Энгелаб на землю упали несколько человек. Одного из них я видела за мгновение до взрыва. Это был мужчина средних лет в коричневых брюках и тёмно-серой рубашке, который в этот момент бежал. Я хотела подбежать к раненым, но сперва посчитала нужным сообщить остальным. Забежав внутрь, я сказала:

– Идите бегом. Несколько человек ранены.

И немедленно вернулась на улицу. Хотя взрыв оглушил меня, но я слышала шум от тех, кто собрался вокруг раненых.

– Сейчас приедет скорая, – сказал один из них.

Я подошла к раненым. Помимо полученных осколков их прибило взрывной волной к земле. Что бы мы им не говорили, они ничего не понимали и в бессознательном состоянии лежали на вспаханной осколками снарядов земле. Мужчину, которого я видела перед взрывом, был весь в крови. Его глаза были раскрыты и, не моргая, глядели в одну сторону. Я подошла к нему и спросила:

– Слышишь меня? Жив?

Он не отвечал. Я быстро проверила его пульс. Он был очень слабый. Господин Наджар, осмотрев его, сказал:

– Жив. Просто испытал сильный шок.

Среди трёх-четырёх раненых состояние этого вызвало самые серьёзные опасения. Осколок попал ему в ноги и живот, вызвав сильное кровотечение. С помощью людей мы перенесли раненых внутрь мечети и оказывали первую помощь, пока приедет машина. Потом их доставили на пикапе в больницу «Мосаддег».

У дверей неотложки больницы я встретила двух девушек, которые бежали туда-сюда, оказывая помощь, но их имена я не помню. Они рассказывали:

– Ты слышала, что погибли две девушки из школы?

– Нет, – ответила я.

– Пару часов назад перед школой.

– В тот момент я там была, – удивлённо ответила я. – До этого ничего такого не было.

– Если не веришь, сама посмотри. Они в морге.

Не медля ни секунды, через заднюю дверь морга, выходящую во двор, я зашла туда внутрь. Перед дверьми, открытыми настежь, стоял пикап «Симорг». Там я увидела Сабах Ватанхах, больше работавшую в лазарете мечети. Стоя в углу, она уставилась в одну точку. Пройдя мимо неё, я зашла внутрь. Резкий запах крови ударил мне в нос.

Свет, проникавший внутрь из открытых дверей, немного освещая тёмное пространство морга, позволял легче распознавать разные предметы и трупы. Там опять не было свободного места. На каменном полу было полно трупов без савана, в изорванной одежде и израненными телами. Из-за крови и растаявшей воды образовался кровавый ручеёк. Некоторые трупы также в носилках были уложены на землю, что говорило о том, что из-за сильного разложения их предпочли оставить там же. Одни со слезами и стенаниями проходили между трупов, чтобы найти своих пропавших близких. Другие переставляли их с места на место. Они пытались навести там порядок, чтобы уместить большую часть трупов в морге. Найти лица девочек со школы среди всех этих трупов было нелегко. Я ходила между ними, осматриваясь по сторонам. Меня кружило и мутило голову от этих взрывов перед мечетью, а также мучилась от ужасного жужжания в ушах.

Я вспомнила момент взрыва, сваливший людей на землю словно скошенный лист, снаряд, оставивший на уличном асфальте яму, и его осколки, словно лучами пропахавшие землю. Пока я снова вспоминала эту сцену, как услышала сзади себя:

– Подойди, обе Шахназ здесь.

Я повернулась на голос и ясно различила в этой темноте лицо женщины.

– Ты же ищешь девочек со школы? – снова спросила она и показала рукой на лежавшие возле меня трупы.

Я не могла поверить в то, что это было возможно: Шахназ Хаджишах! Я невольно отошла от неё. Невозможно было видеть её в таком состоянии. Её туника молочного цвета пропиталась кровью, а чадра обвязалась вокруг неё. Я беспорядочно ходила вокруг и всё время говорила про себя: «Этого не может быть. Этого не может быть».

Я снова вернулась в надежде понять, что ошиблась, наклонившись и всматриваясь в её лицо. Это была она. На её лице всё также сияла доброта. Я всмотрелась ещё сильнее, как будто её лицо источало свет. И вместе с этим, в

нём было видно чувство удовлетворённости и радости. Ничто не говорило о её мучениях и горе. Я рукой поправила её чёрное макнаэ и накрыла утонувшие в крови волосы. Мне не хотелось, чтобы её праведный образ в хиджабе теперь был нарушен. Я посмотрела на труп рядом с Шахназ. Он не был мне так знаком. Я только знала, что её звали Шахназ Мохаммади, и она тоже училась в школе. Потом снова повернулась к Шахназ Хаджишах. Мы подружились именно в эти дни войны. После смерти отца мы стали ближе друг к другу. В эти последние дни, где бы она меня ни видела, даже если наша встреча была очень короткой и мимолётной, мне становилось радостно на душе. Своим смехом и словами она пыталась облегчить мои горе и страдания, которые я старалась не показывать. Я плакала молча, чувствуя, как от душевной боли царапает горло. «Ты, желая попасть к отцу, могла бы погибнуть, останься ещё немного там. Ты достигла своей цели. Так зачем же ушла? Почему ты не осталась рядом с Шахназ Хаджишах и другими детьми в школе?» – говорила я себе.

Сквозь пелену слёз я вновь взглянула на неё в надежде, что это окажется не она. Что та самая Шахназ не эта Шахназ, которая лежит у моих ног на холодном полу. Лучше бы я её совсем не знала. К своему несчастью, я успела полюбить её за эти несколько дней. Я села рядом, подняла её голову и обняла. Хотя за эти дни ничего удивительного не происходило, и могло произойти всё, что угодно, но мне было тяжело в это поверить. Я не могла смириться с тем, что Шахназ так быстро уйдёт. Чем больше я на неё смотрела, тем меньше в это верила. Положив её голову на землю, я встала в сильном возбуждении, охватившем меня. Я кружилась вокруг себя, так как меня схватила жгучая боль в печени. Постоянные поездки и сидения в окопах всё больше мучили меня. Не знаю, сколько времени прошло, когда я увидела входившего Махмуда Фаррохи вместе с несколькими девочками из школы. Последние подошли к обеим Шахназ и при виде их стали рыдать. Мы слышали также, как Махмуд Фаррохи сказал:

– Мы хотим забрать их тела.

После этих слов один из мужчин принёс носилки и сказал:

– Пусть женщины помогут.

Думая у кого попросить помощи, я повернула голову и заметила возле двери мать Сабах Ватанхах. Не знаю, что она тут делала. Обычно она в мечети занималась готовкой еды. Позвав её, я ей сказала:

– Подойдите сюда, возьмите её за голову.

Ханум Ватанхах со смешанными чувствами страха и нерешительности подошла ко мне. На ней лица не было видно, словно показывая, что не сможет справиться с этой работой. В её глазах читалось сомнение. Наконец, она решилась и обвязала чадру вокруг пояса.

Наклонившись, она взяла Шахназ за ноги. Я посмотрела на её лицо, желая дать ей знак, чтобы поднимала тело одним движением вместе со мной. Заметив, что её руки дрожат, я спросила:

– Боишься?

– Нет. Просто душа болит, – ответила она.

– Поднимем её одновременно.

Она кивнула, и я, сказав: «Йа Али», подняла тело. Держа его в метре от земли, я заметила, что Ватанхах, едва приподняв ноги Шахназ, отпустила их. Из-за этого вся тяжесть тела навалилась на меня, и оно невольно соскользнуло у меня из рук и упало на землю, и я ничего не могла с этим поделать. Придя в себя, я заметила, что правая рука Шахназ, которая из-за попадания осколка итак была отделена от тела, осталась у меня в руке. Меня охватила дрожь. Я стала чувствовать себя ужасно. У меня перед глазами потемнело, и я не могла дышать. Отпустив руку, я невольно побежала и стала биться головой о стену. Мысль о том, что я таким образом нанесла вред Шахназ, была для меня невыносимой. От сильной пульсации сердце хотело выскочить из груди. К моему горю и печали теперь добавились угрызения совести. Я вернулась и издалека посмотрела на Шахназ. Мои ноги дрожали. Присев, я прислонилась к стене. Слезы не помогали. Сколько ни старалась, я не могла себя контролировать. Наблюдая такое у других, мне не хотелось,

чтобы кто-то видел меня слабой и разбитой, и я больше ни на что и ни на кого не обращала внимание. Всё уже стало для меня неважным. Я тёрла друг о друга свои руки. я била себя по лицу и хрустела зубами. «Почему? Почему так должно было случиться? – спрашивала я себя. – Если бы мать и сёстры Шахназ были здесь и увидели эту сцену, как бы они себя чувствовали? Почему я оказалась неспособной справиться с этой простой работой? Какой же я была подругой Шахназ, что не проявила о ней заботу».

Потом я стала извиняться перед Шахназ. В слезах и стенаниях я ей говорила:

– Прости меня. Я не хотела этого.

Этот случай сломил мой дух. В первый раз меня охватило такое нервное состояние. Мне хотелось рыдать изо всех сил, но здесь я этого не могла себе позволить. Поэтому я крепко закрыла себе ладонями рот, чтобы крик не вырвался наружу. Мне в тот момент очень хотелось, чтобы кто-нибудь подошёл, обнял и пожалел меня, приговаривая: «Ты не виновата». Но в этот момент казалось, что в морге никого нет, и все вышли на улицу. Даже мать Сабах не было видно.

Пока я терзала себя от этих мыслей, снаружи морга я услышала голос, говоривший:

– Помогите забрать их отсюда.

Услышав слова о помощи, я вернулась к реальности и сказала про себя: «Если у тебя душа не лежит к этому, то лучше уехать из города. И тогда тебе нет смысла здесь оставаться. Если уж решила остаться и работать, то ты не должна сдаваться перед такими обстоятельствами. А теперь сколько ты тут собираешься сидеть и причитать. Вставай, тогда и Всевышний тебе поможет».

После этих слов, я более-менее взяла себя в руки и подошла к выходу, чтобы посмотреть, что там происходит. Несколько человек стояли вокруг пикапа, слушая водителя, который показывал на маленького ребёнка, которого он не видел, но хорошо слышал из-за плача, и говорил:

– Из всей семьи только этот ребёнок остался.

Потом, показав на трупы в кузове пикапа, добавил:

– Четырнадцать человек.

– Я привёз их из улицы Талегани. Те, кто стояли вокруг пикапа, смотрели на трупы и выражали сочувствие.

Мне нужна была помощь, чтобы перенести обеих Шахназ. Махмуда Фаррохи, который говорил, что пришёл помочь, не было видно. Мне их надо было только убрать с прохода. Поэтому я громко крикнула:

– Мне нужна помощь. Пусть несколько человек подойдут помочь.

После этих слов ко мне повернулись несколько человек. Потом я обратилась к женщинам:

– Если не трудно, подойдите.

Из толпы вышли медсестра с женщиной и спросили:

– Что надо сделать?

Я указала на труп Шахназ Хаджишах и сказала:

– Давайте положим её на носилки.

– Зачем? Пусть лежат спокойно на земле, – ответила медсестра.

Я готова была расплакаться, но сдержалась и сказала:

– Её хотят забрать.

Когда они подошли, я, испытывая стыд перед Шахназ, сказала медсестре:

– Вы возьмите её за голову.

Другой женщине я сказала:

– А вы поднимите её за пояс.

Сама же я подняла её свисавшую руку и положила ей на грудь. Потом, схватив за ноги, сказала:

– Поднимем её осторожно и медленно. Хорошо?

– Она ничего не поймёт. В смысле, ничего не почувствует: аккуратно или жёстко... Почему ты так трепетно к ней относишься? – сказала медсестра.

– Она была любимой дочерью своей матери, поэтому не говори так. Сейчас мы должны обращаться с ней так, как с ней обращалась бы мать.

Поднимая и укладывая Шахназ, я снова говорила:

– Осторожно, умоляю тебя. Поаккуратней.

Я очень переживала, но, благодарение Всевышнему, мы одним движением подняли её и уложили на носилки. Потом оттащили их чуть дальше. Я свободно задышала. Поправив ей чадру, я взяла руку с её груди и положила рядом. Когда я чистила её макнаэ, медсестра спросила:

– Почему ты такая чувствительная? В чём причина такого твоего поведения?

У меня застрял комок в горле, и я не могла ничего говорить. Видя моё молчание, сопровождавшееся дрожью, она снова спросила:

– Она твоя родственница?

– Нет, моя подруга, – с трудом ответила я. – А какая вообще разница? Считай, это моя сестра.

Оставшись одна, я снова обняла её голову и поцеловала через макнаэ и погладила рукой лицо. Я ждала, когда её глаза откроются, и она с тем же жизнерадостным тоном спросит: «Захра, ты когда пришла сюда?»

Но ожидание оказалось безнадёжным, и Шахназ ушла. Я взяла её за руку и вдвойне попросила у неё прощения за то, что произошло с ней. Потом поднесла к ней ближе голову и сказала:

– Поздоровайся за меня с моим отцом. И не забывай нас, уйдя в иной мир.

Теперь говорили только мои слёзы. Я вспомнила лицо Шахназ; прошла Ночь Предопределения¹ месяца рамазан, в коранической школе мы отмечали Ночь Воскрешения². Когда мероприятия закончились, я увидела Шахназ, в суете накрывавшую гостям *saxari*. Она работала с особым воодушевлением,

¹ Ночь аль-Кадр (араб.), Ночь Предопределения, Ночь Могущества, в исламе – почитаемая ночь месяца поста Рамадан, связанная с ниспосланием пророку Мухаммаду Корана в виде откровения в пещере Хиры горы Джабаль ан-Нур.

² Одна из ночей с 18 по 23 рамазана – траур по случаю ранения и смерти первого шиитского имама Али, которую проводят до утра в молитвах.

накрывая скатерть. В тот момент я почувствовала, эта девушка не похожа на других.

Снова голос улицы с просьбой помочь вынудил меня распрощаться с Шахназ.

– Мне уже надо уходить, – сказала я. – Не забудь, о чём я просила тебя. Особенно не забудь передать мои приветствия отцу.

Потом я в последний раз взглянула на её лицо и вышла.

У пикапа стояло несколько человек, которые принимали у человека, стоявшего наверху, погибших, затем укладывали их на носилки и заносили в морг.

– Давайте я вам помогу, – сказала я этому человеку. Потом полезла вверх и тянула вперёд тела. – Вы тоже помогайте, – сказала я женщинам во дворе.

Трупы были сильно изуродованы. Многих осколок убил, попав в голову или грудь. Только у некоторых из них лицо осталось целым. Там были все: мужчины, женщины, дети, старики. У некоторых женщин с арабской шалью кровь, перемешанная с грязью, засохли на лице. У другой женщины окровавленные длинные волосы обвилились вокруг головы. Почти все были с открытыми глазами. Казалось, они были сильно удивлены, так как не ждали смерти. Больше всего я испытывала муки при виде трупа десятилетней девочки, одетой в изношенное платье. Мне становилось плохо при виде её невинного лица, как бы я ни старалась сохранить самообладание. Я хорошо помню, как раскрылся её платок, а волосы распустились в сторону. На ней была старая мальчишья одежда, сотканная из шерстяных ниток. По коротким рукавам было видно, что одежда для девочки мала. Она также была одета в пижаму и юбку. Было хорошо заметно, что её семья соблюдала хиджаб. Раньше я видела такие узорные платки как у этой девочки. Это был платок из искусственного шёлка с нарисованными на нём разноцветными бабочками на белом фоне. Но теперь эти бабочки были измазаны кровью девочки. Я чувствовала себя подавленной. «Что этот ребёнок знал о войне? –

думала я про себя. – За какие грехи её душа ушла ко сну? Почему, вообще, началась вой на? Почему те, кто развязал войну, не думают о женщинах и детях? И за какие грехи, за какие деяния мы должны гореть?»

Меня снова так давило в груди и охватывала тревога, что хотелось выбежать в пустыню и закричать: «О, Аллах! О, Аллах!..», звать Всевышнего до изнеможения.

От доносившегося голоса плачущего ребёнка, оставшегося последним в живых из своей семьи, мне становилось ещё хуже. Сверху пикапа я несколько раз кричала женщинам:

– Ради бога, как-нибудь успокойте его!

Женщины стали брать ребёнка на руки и качать его, но было бесполезно. Я понимала, что он плакал не только из-за голода. Этот плач говорил, что ему нужна мать, и ему страшно. Сверху пикапа я видела, как мужчина и женщина переключивали ребёнка с рук на руки в надежде успокоить его, но это не помогало: он визжал ещё больше и плакал до изнеможения. На мгновение он положил голову, на плечо державшего его на руках человека. Его глаза слипались, но он, словно вспомнив что-то или будто на него напали, подобно руте на огне начал прыгать и громко визжать, обливаясь слезами. От этого его маленькие глазки и смуглое личико покраснели. Я вспомнила, как новорождённый Саид дёргался в люльке, увидев отца. Я не выдержала и, прыгнув с пикапа, подошла к медсестре, у которой теперь был на руках этот ребёнок, и сказала:

– Дайте его мне.

Женщина, устав от детского плача, быстро отдала его мне. Взяв на руки, я несколько раз прижала его к себе и, поцеловав, разглядывала его лицо. Это был десятимесячный мальчик с редкими светлыми волосами и тёмно-кариими глазами. У него выросло только два зуба. Его заплаканное лицо было возбуждённым, по обеим щекам остались следы от потоков слёз. По высохшему вокруг рта молоку было видно, что его мать кормила с груди.

Я положила руку возле его губ, которыми он пытался сосать мой двигающийся палец. Всем, кто стоял рядом, я сказала:

– Надо найти ему что-нибудь поесть. Он очень голодный.

– А что дать? У нас ничего нет, – ответили они. – Ему молоко нужно.

Я подошла к синему шлангу, валявшемуся в углу огорода, и открыла кран. К счастью, вода пошла. Сперва я помыла руки, которые протирала песком после того, как собирала мозги старика с мельницы, потом наполнила их водой и поднесла ко рту ребёнка. Он понемногу успокоился и потянулся к воде, но потом резко повернул голову и снова заплакал. Я помыла ему лицо и положила в рот соску, висевшую у него на шее. Он продолжал кричать и откидывал голову назад. Видя, что я никак не могу его успокоить, меня вновь охватил режущий спазм в горле. Моё сердце разрывалось от его растерянности, одиночества и беспомощности. Я уже не могла сдерживать своих слёз и села в пикап, из которого продолжали разгружать трупы. У меня перед глазами проносились трупы погибших женщин. Которая же из них была матерью невинного ребёнка? Может, та женщина с обвитыми вокруг головы и шеи окровавленными волосами, или та, что продолжала лицеизреть мир полураскрытыми глазами. В какой-то момент я сказала себе: может, ребёнок успокоился бы, увидев лицо своей матери. Но тут же отогнала от себя мысль показывать ему трупы. Я прижала голову ребёнка к груди и не могла говорить.

– Посмотри, мы с тобой оба осиротели, – сказала я. – Мы с тобой похожи. – Но мой плач потонул в визге и криках ребёнка.

Как только дыхание восстановилось, и мне стало легче, я начала убаюкивать ребёнка. Я гладила его по голове и шее и массировала поясницу и ноги. Из пауз, возникавших между его рыданиями я поняла, что это его немного успокаивает. К сожалению, он к тому же ещё хотел спать. Его глаза постоянно слипались. В попытках найти молоко он головой тыкал мне в грудь и шевелил губами. От этого мне становилось ещё хуже. Голод не щадил его. Мне пришла в голову мысль пойти и достать ему что-нибудь за

пределами больницы. Но насколько мне было известно, на той стороне не было магазинов, в которых можно было бы найти что-нибудь похожее на детское питание даже ценой взлома дверей или окон. Пока я массировала ему поясницу и плечи, он на несколько минут заснул. Положив ему голову на грудь, я говорила:

– О, боже, услышь же нас.

Ребёнок снова заплакал. Я подняла голову и через окно машины увидела, как к нам направляется медсестра. Молодая женщина с окрашенными в коричневый цвет волосами, завязанными в хвостик, стояла на том же месте и показывала на меня печеньем, который держала в руке. Я взяла себя в руки, чтобы не поняли, что я плакала. Подойдя ко мне, она сказала:

– С трудом нашла этот печенье, хотя знаю, что это не сильно поможет. В нашем детском отделении ничего нет. Если что-то вдруг найдётся, мы принесём для него бутылку с сухим молоком.

Потом она вскрыла упаковку с печеньем и передала мне. Я взяла его у неё и положила ребёнку в рот. Печенье было сухим, и он не мог его есть. Он оттолкнул его руками и снова заплакал. Я с трудом держала печенье у него перед ртом. Он его немного пососал и постепенно успокоился. Но он был этим как будто недоволен и в паузах между посасываниями снова начинал плакать, всё время отодвигая мою руку. Я мелкие его кусочки втискивала ему в уголок рта, чтобы они, смачиваясь со слюной, легче уходили внутрь. Потом я попробовала печенье размельчить и засыпать в рот, что тоже оказалось бесполезным. Он тёр себе рукой рот и нос, и, пока его слёзы смешивались с соплями, выплёвывал печенье. Я перестала кормить им. Ребёнок, уже будучи не в силах плакать, теперь просто стонал. Между взрывами, сиреной скорой и гудением машин, заезжавших и отъезжавших из больницы, мне в голову пришла идея. «У этого ребёнка нет никого, – подумала я. – И непонятно, куда его занесёт. Может, навсегда его оставить рядом с собой. Конечно, неизвестно ещё, что с нами будет. Но куда бы мы

ни пошли, этот ребёнок теперь всегда будет с нами. Он, как Зейнаб и Саид, будет находиться в руках Всевышнего. Чем больше я думала об этом, тем больше мне хотелось остаться в городе. Неизвестно, сколько ещё будет идти война. В таком случае, кому же я тогда поручу ребёнка? И где я ему найду еду? Пока я буду бегать по делам, ребёнок должен будет находиться в чьих-то руках. Сейчас он пока жив по воле Всевышнего, но если я оставлю его в городе, то неизвестно, выживет ли он под этими бомбёжками.

Раздумывая обо всём этом, я смотрела на уставшее и измученное лицо ребёнка, как услышала, что кто-то говорит:

– Сестра, отдайте ребёнка, нам надо ехать.

Подняв голову, я увидела того самого мужчину, который привёз тела погибших.

– Куда вы хотите его отвезти? – спросила я его. – Только умоляю, чтоб не стал беспризорным. Он итак сирота. Отвезите его в надёжное место. Туда, где его смогут найти родные.

– Не беспокойся, – ответил мужчина. – Я передам его в органы опеки в Абадане.

Я несколько раз поцеловала уже находившегося без чувств ребёнка и передала мужчине. Потом вышла из машины и, пока она отъезжала от больницы, мой взгляд был направлен на ребёнка.

Я чувствовала себя очень разбитой. Я больше не могла заставить себя стоять. С утра я наблюдала только ужасные и трагичные сцены. Я вышла из больницы усталая и растерянная, не зная, куда идти и чем заняться. Мне хотелось бежать куда-нибудь, где никого нет. Сесть в укромном месте и погрузиться в себя. Единственное, что, как мне казалось, могло меня успокоить, – это увидеть Али. Отца я больше не могла увидеть. После него единственный, кого я хотела видеть, единственный, кто мог утешить меня в этом горе, был Али. Только Али. Мне только ему было что рассказать. У меня в душе было столько всего, что я могла поделиться только с ним. Я шла растерянно посреди улицы, думая о том, что если исчезну, то и всё остальное

сотрётся с моей памятью. «То есть все эти ужасные кошмары могут стать одним долговечным сном», – подумала я. Но нет же, я не спала, и все эти проблемы были со мной в моей плоти, коже и крови. Мне было очень плохо. Я в душе взывала к Всевышнему, что раз уж это не сон, и это всё правда, то пусть все эти снаряды и осколки попадут на меня, чтобы я, наконец, обрела покой.

Я дошла до площади Фармандари. Непонятно было, с какой стороны идти. От безысходности я села посреди площади и прошла в администрацию. Я вспомнила, как буквально несколько дней назад сюда приезжал Банисадр. Ещё до того, как я, будучи уверенной в словах отца, что Банисадр – изменник, спорила со всеми об этом совершенно откровенно. Но Шахназ Хаджишах в ответ мне говорила: «Пока ещё ничего не известно. Если будем говорить, что Банисадр – изменник, то это нарушит наше единство».

В тот день, когда приехал президент Банисадр, я, похоронив погибших и отправив раненых в больницу «Талегани», как всегда выслушивала ворчания и стенания медсестёр о том, почему раненых опять к ним привезли, ведь у них нет места, нет сил. Данное обстоятельство меня очень возмущало. И в таком состоянии я дошла до мечети. Я искала кого-нибудь, чтобы высказаться, чтобы они задумались. Кто-то должен был взять на себя ответственность принимать или отправлять раненых, координируя с больницами, кому и сколько отправлять раненых, чтобы не спорить об этом. В конце концов, мы отправим трупы в Джаннатабад, оставим их в морге больницы или же похороним на кладбище в Абадане?! Найти машину и уговорить водителя – само по себе всегда было затруднительно. Мы будем вынуждены обращаться к каждому, требуя от него столько работы, что тот тут же сбежит.

С такими расстроенными мыслями я пришла в тот день в мечеть. По чистой случайности у входа стояло несколько мужчин. Я возмущённо спросила их:

– Почему никто не отвечает за погибших и раненых?

– Иди у Банисадра спроси, – ответили они ещё более возмущённо.

– И где я найду его, – удивлённо спросила я.

– Сейчас он находится в здании администрации.

И тут перед моими глазами пронеслись все душераздирающие сцены Джаннатабада, все несчастья города и его жителей. Во мне кипела кровь. «Что этот изменник тут делает? Вот сейчас пойду и плону ему в лицо. Скажу ему, если он мужчина, то пусть сам берёт в руки оружие и идёт на врага. Я хочу видеть, сколько ты сам выдержишь», – подумала я.

Я хотела пойти, как эти мужчины сказали:

– Если ты собираешься идти в администрацию, то тут машина уже стоит, ребята хотят на ней поехать.

– Хорошо. Я поеду, – ответила я.

Я вышла на улицу. Там стоял пикап, загруженный девушками и мужчинами, работающими в мечети. Я схватилась за борт и полезла наверх, став рядом с девчатами. Машина была перегружена. Про себя я подумала: «Вряд ли он тронется. Лишь бы он смог нас туда довезти». Мало того, ещё двое-трое сели на крышу. С богом и с молитвами машина тронулась. Мужчины, укрепляя дух сил на передовой, произносили лозунги:

– Защитник-герой, борись, борись! Боец-герой, борись, борись!

Одни доказывали, что Банисадр – изменник, другие говорили:

– Мы не должны скандалить. Мы просто едем высказаться. Он должен адекватно нас встретить.

Когда мы доехали до дверей администрации, там уже было много людей, мужчин и женщин, начиная от обычных людей, и заканчивая военными. Иногда толпа штурмовала двустворчатые большие ворота администрации, пытаясь открыть их. Вооружённые люди стояли на той стороне ограждения и готовы были стрелять. Кроме них во дворе было много охранников в особой одежде. Мы зашли в самую гущу. Слышались возмущения:

– Почему нас не пускают? Мы хотим высказаться.

– Что вам надо? Что вы хотите сказать? – отвечали с той стороны.

Пробившись сквозь толпу, я крикнула:

– Мужчина, откройте ворота. Почему вы его там внутри прячете? Вы его принимаете или что?

– Успокойтесь, – сказал один из вооружённых людей. – Президент проводит совещание с военачальниками.

Сквозь крики людей я спросила:

– Что за совещание? Нет в нём необходимости. Отвезите его, пусть увидит передовую, пусть увидит Джаннатабад. Тогда он сможет оценить, насколько всё запущено. Он должен увидеть, каково нам.

Кто-то из толпы сказал:

– Люди, имейте уважение. Это всё-таки президент страны.

– За что мы должны его уважать, – со злостью ответила я. – Сколько ещё людей должно погибнуть, и наших молодых ребят попасть под танки врага?! Он словно не переживает за нашу воду и землю. Он изменник. Мы сами сделали его президентом. Мы за него голосовали. А теперь мы не хотим, чтобы он был президентом.

Тут один из военных грубо ответил:

– Следи за тем, что говоришь. Разговаривай нормально. Сейчас выйду, как дам тебе в зубы.

– Ты сам нормально разговаривай, – ответила я. – Я знаю, что говорю, подхалим. Если ты такой мужчина, выйди сюда, я тебе покажу, кому ты хочешь дать по зубам за какого-то предателя.

С этой стороны ребята, которые находились рядом со мной, стали говорить ему:

– Эй угомонись. Сейчас мы сами порвём тебе пасть.

После чего они полезли на ограду и поднялись вверх. Охранники отвели этого военного в сторону и сказали нам:

– Отойдите назад.

Потом стали дёргать ворота, чтобы стряхнуть этих парней. Несколько человек вступились и спустили ребят вниз.

– Пока потерпите, – сказали они, – посмотрим, чем закончится это совещание, о котором они говорят.

Мне было очень тяжело после того, как я простояла там целый час. Я мучилась и не могла ничего делать, то прохаживаясь, то присаживаясь. Прижавшись к прутьям, я спрашивала:

– Ну что там? Это совещание не закончилось?

– Нет, – отвечали мне.

Наконец, после всей этой суеты и криков мы ничего не добились. Нам сказали:

– Идите в Центральную мечеть. Сказали, что Банисадр все места посетит. Когда придёт туда, там ему всё и скажешь.

– Послушай, мы только хотим сказать ему, пусть отправит пару «Фантомов», чтобы они разбомбили позиции врагов. Больше мы ничего не хотим.

– Военачальники сами ему об этом говорят.

Мы, расстроенные и растерянные, вернулись в мечеть. Те, кто там остались, с надеждой и радостью подбежали к нам расспрашивая:

– Ну что там? Видели президента? Что говорил?

– Ничем не могу обрадовать, – ответила я. – Нас вообще не пустили внутрь. Этот человек приехал только, чтобы показать, что он якобы что-то делает. Он не вышел с нами побеседовать.

– Как это? Чем же всё закончилось?

У меня не хватало терпения им всем отвечать. Всё остальное им рассказывали ребята:

– Ничего, зря только поехали. Дали только пустые обещания. Сказали, что господин Банисадр сам придёт в мечеть.

Мне было плохо. Я пошла в молельную комнату и, скорчившись в углу михраба, погрузилась в мысли. «Если он не изменник, если переживает, то

почему не вышел к людям? – спрашивала я себя. – Почему вместо мечети он пошёл в администрацию? Почему никому не дали его увидеть? Наверняка отец что-то знал, раз говорил, что Банисадр – изменник. Отец просто так не бросал слова на ветер. Так почему же те люди, которые находятся в мечети, и с которыми я солидарна, почему они на его стороне?! Они верующие люди, у них высшее образование, и они лучше разбираются в политических вопросах. Неужели я ошибаюсь? Так почему же не дают приказ поднять самолёты и атаковать позиции противника? Почему же его охранники так плохо ведут себя? Почему они со мной так разговаривали?»

После всех этих размышлений я пришла к выводу, что отец был прав, и предательство этого негодяя очевидно. Я сама вижу следы его пренебрежения, и потому больше незачем плакать. Я бы потом потребовала, чтобы Банисадр сам там перезимовал, и он бы пристыженный вышел с чёрным лицом. «Господин Банисадр, мы будем сопротивляться, мы изгоним противника. Мы отправимся в Тегеран, пойдём в Джамаран и скажем Иمامу, что ты изменник».

После этого мне стало легче. С ещё большими силами и воодушевлением я встала и сказала:

– Нам надо держаться собственными силами, удержим ли мы оборону или нет, прибудет ли подкрепление или нет.

На следующий день я окончательно убедилась в правоте своих мыслей. По двухчасовым новостям из радио я слышала интервью Банисадра. Он как обычно обрисовал ситуацию на фронте, заявив: «Проблемы на этом участке не такие острые, как многие себе представляют. Совершаются атаки, и наши силы их отражают». Ребята рассказывали, что несколько человек всё же смогли попасть к Банисадру. Вместо того, чтобы их вдохновить и обнадёжить, он сказал: «Разве «Фантомы» – это сладости, чтобы я вам мог их из кармана достать?» «Ты ведь главнокомандующий всеми силами, разве не можешь отдать приказ?» – спрашивали они его. На что тот ответил: «Вы не разбираетесь в тонкостях военного дела».

После этого я, снова увидев Шахназ, сказала: «Видишь, детка, это всё из-за господина Банисадра!» «Ну в следующий раз нам уже не придётся думать, что это за человек. Лучше бы мы за него не голосовали!»

От этих воспоминаний мне стало ещё больнее. Я стала посреди площади, снова взглянула на администрацию и, выбившаяся из сил, направилась к Центральной мечети. Я абсолютно была не в состоянии ходить. Как-нибудь я дошла до мечети. Только я дошла до лазарета, как меня окружили девчата.

– Что случилось, – спросила я.

– Привет. Где ты до сих пор была? Брата видела?

Опешив, я спросила:

– Брата? Какого именно?

– Вашего Али.

У меня сердце застучало.

– Али?! Ты уверена, что это был Али? – удивлённо спросила я.

– Да, – ответили они. – Один юноша высокого роста приходил сюда. И руки у него были перевязаны.

– И что вы сказали?

– Мы не знали, где ты находишься и сказали ему, что ты или ушла в Джаннатабад, или где-то в городе. А может, ушла на передовую.

– Больше ничего не говорил? Не сказал, куда идёт?

– Он сказал, что пойдёт в Джаннатабад, может, тебя увидит. Дал ещё обойму и рубашку из формы гвардейца и просил, чтоб тебе передали.

– Когда именно он был здесь, – спросила я.

– Пару часов назад.

– Тогда я пошла, может, найду его.

– Его обойму и рубашку не заберёшь, – спросили они.

– Подержите их у себя. Я вернусь, – бросила я им на ходу.

Ребята тоже что-то говорили, но я уже ничего не слышала. Больше нельзя было медлить. Я быстро выбежала из мечети. Сперва я хотела пойти к

Да. Потом про себя подумала: «Ты же сама сказала, что пойдёшь в Джаннатабад». Подправив чадру, я ринулась бежать.

Али, Али приехал. Мне так было радостно, что не чувствовала ног под собой. Всё моё тело охватила дрожь. Даже когда я разговаривала с собой, у меня голос дрожал, и комок к горлу подступил. Я думала о том, что вот сейчас Али приехал, и всё станет как прежде. С моих плеч будет снята вся ответственность, которая взвалилась на меня за эти несколько дней, и я задышу свободней.

Я сказала про себя: «Как увижу Али, тут же обниму его. И мне будет не важно, кто меня увидит. Я обниму Али и расцелую его всего». Пока я бежала, то думала, с чего начну, что скажу. Лучше не буду сразу говорить о смерти отца, чтобы не волновать его. В первый день я оставлю его отдохнуть, только потом расскажу о наболевшем.

Я вспомнила свой последний разговор с Али. Это было три-четыре недели назад. Я с трудом смогла дозвониться до его больницы в Тегеране из телефонной будки. Потом связь прервалась. Неизвестно, что за проблемы были на телефонной линии.

С Лейлой мы отправились в магазин жены нашего сводного дяди, которую звали Голь-Салимэ. Сколько мы ни пытались дозвониться, ответа не дождались. Наконец, мы написали письмо, но, к сожалению, ответ не пришёл. В первое время, когда он уехал в Тегеран, вместе с сушёными финиками и рыбой мы отправляли письмо. Он отвечал мне и просил писать о ситуации в Хорремшахре. Но ответа на моё последнее письмо не было. Не знаю, может оно пропало, так как была уверена, что Али меня ждать не заставит.

По пути из мечети в Джаннатабад я как всегда проходила мимо нашей улицы. Я взглянула на наш дом. Несколько месяцев назад загорелся дом одного из наших соседей. Языки пламени дошли до кухни, и в любой момент мог взорваться газовый баллон, нанеся непоправимый ущерб. Собрались жители со всего квартала. Ситуация была очень опасная. Никто не решался

зайти внутрь и вынести баллон. Все переживали. Тут я увидела Али, подъезжавшего на мотоцикле. Я отошла от остальных и подошла к нему. Увидев меня, Али спросил:

– Захра, что случилось? Из-за чего все собрались?

– Дом загорелся, и в любой момент может взорваться баллон.

Услышав это, Али слез с мотоцикла, и зашёл во двор соседа. Он облил себя из водяного шланга, намочил какую-то материю и вошёл в дом. Он принёс баллон и бросил на пустой участок земли за домом. Из-за высокой температуры баллон нагрелся и обжёг руки Али. Все были восхищены этим поступком и хвалили его. Иначе в случае взрыва соседние дома тоже могли пострадать. Сосед, вернувшись с работы и узнав, что произошло, пришёл к нам домой. Он обнял Али и, несколько раз поцеловав, стал благодарить его.

Сколько ни бежала, я никак не могла дойти. Мне казалось, что дорога стала длиннее. Я представляла, что за суета сейчас творится в Джаннатабаде. Все собрались вокруг Али и никого не слышно. Мне казалось, что все, как и я, радуются Али. То, что нас сейчас радует, обязательно должно радовать и других. Но, когда я добралась туда, ничего подобного видно не было. В Джаннатабаде было тихо. Увидев Лейлу, я её радостно обняла. Крепко её расцеловав, я спросила:

– А где Али?

– В смысле? – спросила она. – Что с тобой случилось?

Она не знала, что у меня творилось внутри. Я испугалась. Хотелось всё бросить. Я ничего не видела и не могла отличить рук от ног. Потом подбежала к Зейнаб и бросилась её обнимать, волнительно крича:

– Али приехал, Али приехал!

– Твои глаза светятся, – сказала она доброжелательно. – Слава Аллаху.

Ты всё время говорила: Али, Али. Наконец, Али приехал.

– Где сейчас Али? – спросила я.

– Захра, что с тобой? – спросила Лейла. – Почему ты себя так ведёшь?

Почему ты такая взбудораженная?

– Ну правильно. На месте Захры я бы тоже себя так вела, – сказала Зейнаб.

– Так где Али? – спросила я.

– Ушёл.

– Куда?

– В мечеть Шейх Салман, к Да.

Взяв за руку Лейлу, я сказала:

– Пойдём вместе.

Мне показалось, что Лейла уже пришла в себя от волнения и неутомности, которые должна была испытать, увидев Али. Теперь она спокойна и уравновешенная.

– Успокойся. Не спеши, – сказала она.

– Нет, – ответила я. – Мы должны бежать, чтобы успеть к нему.

Взявшись за руки, мы отправились в дорогу. Я бежала, волоча её за собой, приговаривая:

– Бежим, Лейла, бежим.

Я была не в себе и бежала словно сумасшедшая. Я от радости разводила руки и обращалась к небу, быстро кружась вокруг себя. Глубоко вздыхая, я говорила:

– Наконец-то. Спасибо тебе, Всевышний. Наконец-то Али приехал. Теперь закончатся все наши печали.

– Захра, не веди себя так, – говорила Лейла. – Если кто увидит, скажет: эта девушка сумасшедшая.

– Да, я сошла с ума, – отвечала я. – От радости, что Али приехал, я сошла с ума. Ты не представляешь, как я рада. На тебе не было того груза ответственности, чтобы ты могла понять, что я испытывала, но теперь я свободна, свободна от ответственности.

До площади Ордибехешт было безлюдно. Но потом было уже не так. С площади Ордибехешт мы завернули на улицы Рудаки и Фахра Рази и потом радостно и быстро бежали до мечети Салман. Больше я Лейлу не видела и

ничего не слышала. Я видела только Али. Везде был Али. Я отодвинула чадру с обеих сторон, из-за чего ветер попадал внутрь и трепал её края. Я бежала и кружилась, чувствуя, что весь мир в моих руках. Кончились все печали, и Али теперь своим появлением возместил их все. От радости я не поняла, когда пришла туда.

Только войдя в ворота мечети Шейх Салман, увидев каждого знакомого, я быстренько с ним здоровалась и говорила, что Али приехал.

Дети дяди Голями, жена Али Салари, дети няни Резы и все остальные радостно отвечали:

– Глаза твои светятся. Слава Аллаху...

Я прошла мимо них и посреди двора закричала:

– Да, Да, Али вернулся.

В первый раз я видела Да счастливой после смерти отца. Брови теперь не были нахмурены, и печаль сошла с её лица. Напротив, два-три дня назад, когда я её видела вместе с женой дяди Голями и остальными женщинами, она не проронила ни слова. Я подбежала к ней и с волнением спросила:

– Да, ты видела Али?

– Да, мамина, видела его, – ответила она.

По её голосу было видно, что она очень рада. Мы обнялись и поцеловались.

– Слава Аллаху, ты больше не горюешь, – сказала я.

Её глаза наполнились слезами. Я всмотрелась в них. Я хорошо знала Да. Было заметно, что, несмотря на её настроение, в её глазах пряталась другая печаль. Понятно, она переживала за Али. Али, который не стоит на одном месте.

От радости я обнимала и целовала соседей. Мне хотелось всех расцеловать и рассказать, что Али приехал. Я хотела бежать вверх и вниз по лестнице мечети, бежать с этого конца двора на тот и махать в небе своей чадрой. Я вернулась к Да, взяла её за руки. Мы сидели напротив и смотрели друг другу в глаза. Потом я спросила:

– Куда ушёл Али?

– Али сказал, что уходит в Гвардию.

Я вспомнила, что Али говорил Лейле: «Я больше не могу терпеть. Ухожу на передовую». Но теперь сказал Да, что идёт в Гвардию. Я ничем себя не выдала. Да продолжала:

– Али сказал, что идёт в Гвардию. Молись, чтобы он не ушёл воевать.

– Да, не говори так, – сказала я. – Разве Али дороже тебе других молодых ребят? Разве они не дороги своим матерям?

Она не знала, что ответить. Но в качестве оправдания сказала:

– Нет, почему же. Но его руки изранены.

– Ну ничего страшного, сказала я. – Аллах велик. Твой сын – лев. Ты должна гордиться им, он хочет с этими же ранеными руками пойти воевать с врагами. Молись, чтобы Всевышний хранил его, чтобы он мог воевать.

– Спаси его Аллах. Всё в руках божьих.

Соседи, собравшись вокруг нас, радостно говорили:

Всевышний убережёт его. Али-Акбар¹ Имама Хусейна (мир ему) будет ему заступником.

– Да, что мне делать? – спросила я. – Я ведь не видела Али.

– Он ещё придёт, – ответила она. – Он так и сказал: «Я ещё раз приду».

В надежде увидеть его, вдохнуть его рубашку, которую я поручила Сабах, я быстро побежала в Центральную мечеть. Было уже темно. Когда зашла туда, то ничего удивительного не увидела. Один из солдат гарнизона крепости разлёгся на земле на весь свой высокий рост перед комнатой для ночных молитв мечети. Под ним и на нём ничего не было. Меня это удивило. Я подошла ближе и стала рассматривать его в этих сумерках. На нём были армейские ботинки и брюки с курткой на теле. Я увидела его лицо при том сильном свете, который горел у людей рядом. Это был молодой парень со светлым лицом, которое от бледности выглядело ещё светлее.

¹ Али ибн Хусейн ибн Али ибн Абу Талиб, известный как Али Акбар (мир ему), – сын имама Хусейна (мир ему), третьего предводителя шиитов.

– Кто это? – спросила я. – Почему он здесь спит?

– Это один военнотружущий, – ответили мне. – Его как привезли, он здесь и заснул. Сколькo мы с ним ни говорили, он ничего не отвечал.

Из-за того, что он так спал на голой земле, мне стало его жалко. Я подумала, что сейчас о нём, наверное, думает его семья, особенно мать. Она наверняка очень беспокоится из-за того, что он на войне. Я зашла в молельную, забрала одеяло. Потом заглянула в лазарет: там было тихо. Затем вышла на улицу, накрыла одеялом солдата и села у его изголовья. Не знаю, ударило ли его взрывной волной, и какие это имело для него последствия. Я начала читать зикр¹, аяты «Аль-Курсий» и «Амман Йуджибу», прося у Всевышнего вернуть ему здоровье. Солдат уставился глазами на небо. Он был в контуженном состоянии. Иногда он поворачивал голову, осматриваясь по сторонам. Пару раз наши взгляды пересеклись. Мне стало очень страшно. Его взгляд был сильно пугающим. Я снова читала зикр. Несколько раз девочки, проходя мимо, подходили ко мне и говорили:

– Ты что здесь сидишь зря? Оставь его. С ним ничего такого не случилось. Он сам с ума сошёл и просто притворяется больным. Хочет уклониться от службы.

– Тут никто друг другу не мешает. Если бы он хотел убежать, никто бы его не держал. Он болен. По его глазам видно.

Я очень переживала и думала о том, что Али тоже несколько месяцев был чужим в Тегеране. Неизвестно, что он чувствовал, не видя рядом никого из своих.

Махмуду Фаррохи, прогуливавшемуся по мечети, я сказала:

– Господин Фаррохи, давайте занесём его внутрь. Земля очень холодная.

– Нет, ему может стать хуже, будет мешать остальным спать.

¹ Зикр (араб. – поминание) – исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога. Зикр совершается после завершения намаза во время мавлидов, собраний.

Целый час солдат находился в таком состоянии. Потом он протянул руку к небу и остался в таком же положении. Я несколько раз говорила ему:

– Опусть руку.

Он никак не отреагировал. Я посмотрела, куда он показывал рукой. Он видел в небе светящийся объект. Различить его было очень нелегко.

– Самолёт с вражескими опознавательными знаками, – сказала я ему.

Не показывая никакой реакции, он держал руку в том же положении. Я надеялась, что от моих зикров и сур ему станет легче. Но тут он начал трястись. Он начал бредить, создавая шум. Пока к нему на помощь подоспел Наджар, он несколько раз поднимался и бился о землю. Двое-трое мужчин прибежали, схватили его за руки и ноги, но парень был очень силён, и никто не мог его удержать.

Прошло некоторое время, пока ампула господина Наджара с успокоительным подействовала на него. Молодой военнослужащий успокоился и потихоньку заснул. Убедившись, что он спит, я встала и зашла в мечеть, присев рядом с девушками, которые в это время ещё не спали и разговаривали. Каждая рассказывала о своём: о том, что их семьи уехали, что вспоминают и переживают за них.

Ночь была лунной, и всё было чётко видно. Ребята, расстелившие в лазарете широкий ковролин, сняли с себя обувь. Занавесь вокруг нас создавала у меня ощущение безопасности. Я прислонилась к стене и чувствовала себя очень уставшей, но никак не могла заснуть. Пока я слушала разговоры девчат, мои глаза слипались.

В полночь, где-то около двух-трёх часов, я резко встала от криков: «Держите его. Смотрите, чтобы он не попал в себя» и резко выбежала во двор. Господин Наджар прибежал раньше меня, держа в руке шприц. Я поняла, что он опять вводил успокоительное. Я подошла и увидела, как несколько человек собрались вокруг того военнослужащего. Двое прижимали его руки, стараясь его уложить спать. При свете луны я видела кровь, стекавшую с его головы и рук.

– Эй, что это такое с ним случилось?! – удивлённо спросила я.

– Бил себя об стену, – ответили они.

Подошёл господин Наджар с перевязочным и шовным материалом. Я хотела ему помочь, но он сказал:

– Заходи внутрь. Это опасное состояние. Может неожиданно напасть.

Поэтому иди.

В этот момент в мечеть вошли двое-трое человек и стали прямо у изголовья солдата. Сколько они с ним ни говорили, он ничего не отвечал.

Люди в мечети спросили их:

– Вы знаете его?

– Да, он с нашего города и наш друг. Мы вместе приехали из севера, – ответили они.

– Вы знаете, что с ним случилось? – спросила я.

– Мы со вчерашнего утра были вместе на передовой. Его ударило взрывной волной, которая была вокруг нас. А так, он очень мужественный парень. Он самый дисциплинированный и отважный парень в нашем отряде.

По его голове и лицу было видно, что в этом безводье и тяжёлых условиях он был чистым и опрятным человеком. Волосы его были причёсаны, а одежда очень чистая. Друзья сидели у его изголовья. Солдат после успокоительных инъекций заснул.

Я вернулась в лазарет и больше не могла уснуть от волнения.

– Что случилось? – спросили меня ребята.

– Ничего, – ответила я. – Снова этот солдат буянил.

Спустя время я услышала, как подъехала машина и забрала солдата. Успокоившись от мыслей, что его забрали, я снова попыталась заснуть. За ночь я два-три раза просыпалась от холода и снова заснула, прислонившись к картонкам и мешкам у стены, съёжившись от холода и вспоминая Али в надежде увидеть его.

Глава одиннадцатая

На девятый день перед рассветом я проснулась с голосом мужчины, читавшего во дворе мечети азан. Звуки взрывов и канонады, которые были слышны всю ночь, становились всё сильнее, и всё ближе падали бомбы и снаряды. Казалось, что иракская армия мобилизовала все свои боеприпасы, чтобы стереть город с лица земли. Я разбудила на намаз ребят, лежавших рядом и пошла совершить омовение во дворе. Я всё ещё чувствовала усталость и мучилась от холода. Перед восходом солнца нас позвала женщина, нашедшая убежище в мечети. Она просила отвезти её в больницу. Всю ночь мы слышали её тихие стоны. Женщина переносила последние дни беременности. Каждый раз, когда мы подходили к ней, она отвечала: «Ещё не наступило время рожать ребёнка».

Не знаю, почему она была одна, и где находилась её семья. Девчата обратились к мужчинам в мечети, чтобы те организовали машину, для того чтобы отвезти женщину в больницу. Они попросили подождать немного. Но женщине стало хуже, и она больше не могла терпеть. Ребята несколько раз уходили и возвращались, пока, наконец, не сказали, что уже не могут ждать. В это утреннее время мужчины тоже не сидели на месте.

– Почему не можете подождать? – спросили они. – Разве вашему больному настолько плохо?

– Наш больной, на самом деле, не больной, – резко ответили ребята. – она ждёт ребёнка. Если будете тянуть, то обоим будет угрожать опасность.

Находясь в суете, они чуть позже ответили:

– Машина прибыла, приводите вашего больного.

Но когда машина уже подъехала, женщина уже была не в состоянии сама идти до ворот. Носилок тоже не было. Несколько человек были вынуждены взять её под руки. В этой критической ситуации женщина обхватила руками за шею двоих человек. Ещё двое взяли её за ноги. С трудом мы донесли её до машины. Выйдя за мечеть, я увидела грузовик,

перевозящий напитки. С грузом яблок и лука на нём для мечети мужчины ждали нас. Нам пришлось уложить женщину на одной стороне. Я сама села рядом с ней и прислонилась к железному борту посередине, по обе стороны которого были разложены ящики с напитками. Грузовик тронулся. Во время движения в него запрыгнула Захра Шаррэ. С ней я познакомилась в мечети после смерти отца. Непонятно, почему она там оставалась. Абсолютно ничем не занимаясь и отказываясь от всего, что ей не нравилось, она вела себя шумно и всегда скандалила. Во время бомбёжки, она проявляла страх, начиная трястись и притворяться немой. Она всех уже достала. Каждый раз когда создавалась проблема, ребята её называли Захра Шаррэ¹. Поэтому я была очень недовольна её появлением.

Но я ничего не могла ей сказать. Женщине было плохо, и она испытывала боль. Я положила её голову себе на ноги и успокаивала её. Стыдясь, она старалась не показывать свою боль и шёпотом читала молитвы и зикр.

Меня раздражала машина, которая, по-видимому, была неисправна и медленно ехала. Доехав до моста, она с трудом смогла подняться вверх по склону. Водитель давил сильно на газ и измучил нас, пока не проехал на ту сторону. Спустившись с моста, машина набрала скорость и только тогда смогла поднять обороты. Чуть поодаль, не доезжая до бензозаправки, появились самолёты, оглушая всё вокруг.

Я испугалась мысли о том, что будет с этой женщиной, если в нас попадут. Что случится с ней?

Одним глазом я следила за небом и боевыми самолётами иракцев, другим – за мотоциклистами, быстро следовавшими на расстоянии двухсот метров от грузовика. Молодой парень водил мотоцикл, наклонив голову, сидевший у него на заднем сиденье человек нагнулся в другую сторону. Они, как и мы, пытались, увернуться от опасности. С той лишь разницей, что нам не хватало скорости. Я знала, что главной целью агрессоров был мост. Я про

¹ Шарр (перс.) – зло, вред.

себя молилась, чтобы они как можно быстрее отделились от моста. Догадываясь, что может случиться, я закрыла женщине глаза. Я не хотела, чтобы в этой ситуации с ней произошло непоправимое. Но она мотала головой по сторонам и пыталась убрать мою руку. Через несколько секунд после того, как мотоциклисты проехали мост, самолёты сбросили ракеты на мост. Взрывной волной от ракеты, попавшей в район Кут-Шейх между рекой и домами, мотоциклистов выбросило на полметра, подбросив их вверх и на землю. Оба юноши отлетели по сторонам. Их мотоцикл протащило по шоссе, и он загорелся. У меня резко перехватило дыхание в груди. Если бы бак мотоцикла взорвался, то, парни, находившиеся на небольшом расстоянии от него, загорелись бы. Женщина, на какое-то мгновение от рёва самолётов забыв о боли, после взрыва испуганно взглянула на небо и стала произносить салават.

С той стороны Захра Шаррэ, вместо того, чтобы сохранять спокойствие, начала поднимать панику. Я, беспокоясь за женщину и зная, что в эти секунды её может напугать всё, что угодно, навредив ей и её ребёнку, накричала на Захру, чтобы она села и не испытывала наши нервы. Но мои слова не возымели на неё действие.

Когда грузовик доехал до роддома, вышли медсёстры, и мы с их помощью занесли женщину внутрь. Прощаясь с нами, женщина с благодарностью сказала:

– Я переживаю, как вы теперь будете возвращаться?

– Аллах велик, как-нибудь вернёмся, – ответила я ей.

Пока я думала о тех двух парнях на мотоцикле, мы выехали из роддома. Я сказала Захре:

– Я хочу пойти к тем двум парням. Наверняка они ранены. Если можешь, читай бисмилла, хочешь, кривляйся, но только оставайся здесь. Я не хочу, чтобы ты шла за мной.

– Я не кривляюсь, мне действительно плохо, – ответила она.

– Ты сама не понимаешь, что это ненормальное поведение. Сейчас нельзя так себя вести.

Ничего не сказав, она ушла. Чтобы быстрее добраться до раненых, я начала бежать. От больницы до площади не было дороги. Я издалека увидела останки мотоцикла, от которого после взрыва остался только бак. Колеса от него разлетелись по сторонам, а от каркаса шёл вверх дым. Я следила за полётом мотоциклистов, когда они слетели с мотоцикла. Один из них упал возле бульвара, а другой – на обочину улицы. Но их сейчас не было видно. Я стала идти вперёд по следу крови, капавшей на землю. Кровавая дорожка вела к недостроенному зданию, не имевшему ни дверей, ни каркаса. Я зашла внутрь. В пыльном коридоре парень, раненый в голову, лежал, прислонившись к стене и вытянув ноги. Вокруг него было много крови. Я подбежала к нему и в первую очередь прощупала ему пульс, который был очень слабым. Осколок попал ему в бок и в живот. Нижняя часть тела тоже была у него ранена и разбита. Он так истекал кровью, что у него больше не было сил. Он с трудом шевелил губами, как будто хотел что-то сказать. Я поднесла ближе голову, но ничего не слышала, потом звала его, но он ничего не отвечал. В таком состоянии его пару раз затошнило, что усилило кровотечение. Я ничем не могла ему помочь. Я сказала Захре:

– Побежали за машиной. Ему очень плохо.

Мы выбежали к шоссе, но ничего не смогли поймать.

– Стой здесь и лови любую попавшуюся машину! – сказала я Захре.

После этих слов я побежала обратно внутрь здания. Я хотела узнать, парень ещё жив или нет, боясь, что он мог умереть. Его лицо ещё больше пожелтело. Я отодвинула ему ноги, валявшиеся в крови, чтобы он обратил на меня внимание. От него не последовало никакой реакции.

– Смотри, тебе станет лучше, – сказала я. – Не беспокойся, там ничего страшного. Мы тебе поможем.

Пока я говорила, он с трудом открыл глаза, как вдруг зрачки его глаз полезли наверх. Я испугалась, так как до сих пор не наблюдала, как человек испускает дух. Потом растерянно снова стала дёргать его, приговаривая:

Смотри, смотри. Тебе станет лучше. Не беспокойся. Ты потерял не много крови. Сейчас мы остановим тебе кровь и сделаем укол. Тебе станет хорошо.

По его слабым стонам я поняла, что он слышит меня. Я выбежала на улицу, позвала Захру помочь вынести раненого. Так как его ноги были сильно изранены, мы не могли его поднять. С трудом мы взяли его подмышки и поволокли до трассы.

В небе снова закружили самолёты. Мимо со скоростью проехали пара машин. Захра кричала у шоссе:

– Помогите, помогите! Помогите нам кто-нибудь! У нас раненый.

Так как от криков не было результата, и машины пролетали мимо из-за круживших в небе самолётов, Захра выругалась:

– Нечестивцы, нелюди, подлецы, остановитесь!

– Брось это. Зачем ты ругаешься? – сказала ей я. – Он уехал. С кем ты сейчас бранишься?

После нескольких наших попыток в виде прыжков и скаканий перед нами остановился разбитый красный пикап. Водитель, старый араб со взъерошенными волосами, согласился взять раненого. Пока водитель и мужчина, сидевший рядом с ним, по-видимому портовые рабочие, укладывали раненого на пикап, я побежала за другим парнем. Его тоже я нашла по кровавому следу, тянувшемуся до финиковой рощи на той стороне шоссе. Он упал возле одного сельского дома. Он, по-видимому, встал и немного прошёлся по дороге, потом там упал.

Когда я подошла к нему, он читал шахаду. Меня всю передёрнуло, когда я увидела, как он прошептал две шахады, и у него из горла в это время текла кровь. Я взволнованно прощупала ему пульс. В горле был виден осколок, но я не могла себя заставить вытащить его. Крови было много, и из

горла парня, который выглядел моложе того другого, пробирался голос. Посмотрев на отверстие в горле, я сказала:

– Брат, брат, тебе станет лучше. Не читай шахаду. Взывай к Иمامу Хусейну. Взывай к почтенному Али-Акбару.

Я выбежала из роши и, громко позвав водителя, вернулась к юноше. Подбежав, я увидела, что его голова упала вбок. Я тут же к нему подбежала и снова прощупала пульс. Потом приложила ухо к его сердцу, которое, как мне показалось, тоже остановилось. В этот момент подошли водитель со своим спутником, испачкавшиеся кровью, загружая первого раненого. Мы подняли юношу. Тут я увидела, что стена за его головой тоже была в крови. До этого момента я думала, что осколок попал ему только в горло, не зная, что другой осколок попал ему в голову.

– Они в очень тяжёлом состоянии, – сказала я водителю. – Они не доедут до больницы Талегани. Отвезите их прямо сюда. В роддоме раненых тоже принимают. Может, они быстрее смогут их спасти.

– Я их сразу отвезу, – ответил водитель.

Но машина была такая разваленная, что едва смогла тронуться с места. Я же думала о том, что если оба парня скончаются, то очень буду переживать. Захра тоже молчала. Обе мы пешком направились в сторону моста. Мы надеялись, что если нас подберёт машина, то она нас, как минимум довезёт до той стороны моста. От усталости и от того, что нам пришлось пешком подниматься по склону моста, нам было ещё тяжелее.

– Поторопись, нам надо быстрее пройти это место.

Не успела я сказать это, как я услышала взрыв снаряда со стороны Махрези. Был ужасный шум, и его волна на мгновение сотрясла всё вокруг. По дыму и поднявшейся пыли мы поняли, куда попала бомба, и побежали туда. Кажется, снаряд попал в рошу напротив реки. Мы бежали к месту взрыва между финиковыми пальмами и бедными деревенскими домами. Мы побежали на звук женского плача и рыданий. Чем ближе мы подходили, тем

отчётливее были слышны вопли и стенания. Мы пробежали мимо переулков и глиняных домов. До нас также доносился плач.

– Вы где? Ответьте! – громко спросили мы.

Но слышны были только плач и рыдание. Я снова закричала, и на этот раз мне ответили.

Когда мы дошли до эпицентра взрыва, то увидели странную сцену. Артиллерийский снаряд попал в окоп возле одного из домов, разнеся весь окоп и стену дома. Казалось, что земля перед домом была пропахана артиллерийскими осколками. Железная дверь дома из-за взрыва, сместившись, наклонилась внутрь двора. Чудь поодаль от двери я увидела изуродованный труп молодого парня. На него было невозможно смотреть, не говоря уже о том, чтобы до него дотронуться и передвинуть. Нижняя часть его тела от пояса и таза из-за взрыва превратилась в месиво настолько, что его нога оказалась наверху. Одна рука в области плеча была полностью смята. Остальные части тела тоже выглядели не лучше. Почти всё тело юноши было перемолото. Я чувствовала, что, если прикоснусь к нему, его раздробленные кости отделятся друг от друга, а тело посередине согнётся пополам. Тяжелее всего было видеть состояние престарелых родителей юноши, которые, выйдя из своего несчастного дома, с плачем и болью звали его: «Абдоррасул, Абдоррасул».

Когда я увидела, как старуха упала на землю и наощупь ползла по земле, пытаясь добраться до трупа, то поняла, что она слепая. Её супруг тоже был незрячим. Добравшись до сына, старушка гладила его тело и приговаривала:

– Йума! Йума!¹

Старик стоял у входа в дом и с плачем произносил:

– Абдоррасул, Абдоррасул, ответь мне.

Старуха по молчанию сына видимо поняла, что произошло и сказала мужу:

¹ Мама! Мама! (курд.)

– Посмотри, что с ним случилось. Потрогай его, посмотри, почему ничего не отвечает.

Мне показалось, что она поняла, что её сын весь разбит, но не хотела поверить в это. Обессилевший старик подошёл к нему. Слёзы ему не помогали, и он шёпотом говорил:

– Сынок, эй сынок!

Он распластался на земле возле тела и руками трогал бездыханное тело сына. Оба надеялись, что он просто лежит без сознания. Я уже не выдержала, так как сердце готово было выскочить. В слезах я сказала:

– Мать, иди сюда, оставь его.

Услышав меня, она умоляюще спросила:

– Он же не погиб? Он же не умер?

Хотя я была уверена, что юноша погиб, я не смогла сказать им правду.

– Мы заберём его в больницу, – сказала я. – Вы тоже за него молитесь.

Услышав это, женщина ещё сильнее обняла труп, прижавшись к нему. Сколько я ни говорила: «Мать, отойди в сторону», было только хуже. Она была не готова расставаться с сыном. Я подошла к ней и потихоньку старалась уговорить её отойти от него. В слезах та умоляла:

– Только не разлучай меня с сыном.

Я взглянула на лицо юноши. Ему было около двадцати восьми-тридцати лет. На нём была светло-синяя кофта и брюки «Ли». Его ружьё со сломанным прикладом и стволом лежало чуть дальше окопа. Как я догадывалась, он сам вырыл окоп на полметра в глубину, насыпав вокруг землю высотой около восьмидесяти сантиметров.

Я взглянула на лица слепых стариков. Им было около шестидесяти-семидесяти лет. Глаза из были съёжившимися и маленькими. Не знаю, но возможно они ослепли из-за старости и катаракты. Старик был худым и высоким. На нём была мужская куфия¹ грязно-молочного цвета и старая

¹ Күфия – мужской головной платок, популярный в арабских странах. Куфия является неотъемлемой частью мужского гардероба в арабских странах. Служит для защиты головы и лица от солнца, песка и холода.

помятая тёмно-серая дишдаша. Его руки были больше обычных размеров. По его грубой коже и съёжившимся пальцам, по обожжённому солнцем лицу я легко могла догадаться, сколько он, будучи крестьянином, работал лопатой в финиковой роще. Сколько эти руки работали и потели! Несмотря на то, что только один глаз выступал, а другой выглядел здоровее, он не видел. Со своим вытянутым лицом сын был больше похож на отца. Состояние женщины было не лучше, чем у мужа. Одея она была в тёмную изношенную одежду и шаль, а пластиковые тапочки слетели с её ног. Увидев, что женщина уже не гладит труп, я сказала Захре, стоявшей рядом и застывшей от удивления:

– Пойдём, поймаем машину, чтобы забрать труп.

Мы вышли из рощи и стали на обочине трассы. Птицы не летали. Я переживала за стариков и не могла стоять на одном месте.

– Лови машину, я подойду, – сказала я Захре.

Когда я вернулась, старик уже немного успокоился, как будто он примирился с тем, что их сын погиб, и ничего не говорил. Старуха всё также била себя. Старуха, рыдая, говорила:

– Ушла вся моя надежда, вся моя жизнь.

Произнося эти слова, она всё ещё с надеждой просила меня взглянуть на её сына и посмотреть, жив он или нет. Эта сцена больше меня мучила. Хотя был уже полдень, и солнце грело всё вокруг, кругом всё казалось пыльным. Возможно также из-за дыма, поднимавшегося из нефтяного завода, всё казалось мутным. Несколько раз я подходила к шоссе и возвращалась обратно. Старуха, обратив внимание на мою беготню, спросила:

– Что ты хочешь сделать?

– Мы хотим поймать машину, чтобы отвезти вашего сына в больницу,
– ответила я.

– Куда бы ты не отвезла его, я тоже поеду. Не забирайте моего сына без меня. Я и его отец вместе с ним поедem.

– Нельзя, – сказала я.

– Почему же нельзя? Ведь мой сын жив, и я хочу поехать вместе с ним.

У меня всё внутри переменялось. Надо было с этим заканчивать, так они не видели и не понимали, что произошло, им, наконец надо было рассказать правду. Я отмела все сомнения и сказала:

– Мать, я не врач, но, по-видимому, ваш сын мёртв.

После этих слов оба ещё больше стали бить себя и рыдать. Я не могла стоять там и снова побежала к шоссе. Мы с невероятными мольбами уговорили водителя «Лендровера» помочь перевезти тело. Водитель дал задний ход, чтобы подогнать машину как можно ближе к дому.

Потом он вышел из машины, и мы пошли за телом. Я не знала, как в такой ситуации забрать его. При любом движении оно расходилось по сторонам.

– У нас нет одеяла подложить под него? – спросила я. – Мы так не сможем его поднять.

– Я не могу встать, сходи – сказала старуха старику.

– В комнате, – ответил старик. – Сами идите, возьмите.

Захра пошла и принесла одеяло. Мы его развернули и с помощью водителя медленно просунули под труп, после чего вместе с самим одеялом положили на машину. Родители парня, следуя наощупь за нами, трогали машину. Дойдя до дверей машины, они сели в неё.

– Зачем вы берёте их на ту сторону реки? – спросил меня водитель. – Наоборот, всех оттуда привозят сюда. Если их отвезти туда, что потом с ними будет? Здесь им хотя бы кто-то сможет помочь. Там намного опаснее.

Водитель был прав. Если отвезти стариков туда, то, в конечном счёте, придётся их доставить в Центральную мечеть, где не было соответствующих условий. Если же они останутся у себя дома, то больше вероятности, что они останутся живы, и кто-нибудь окажет им помощь. Несмотря на то, что всё говорило о том, что им надо было остаться здесь, я не хотела бросать их.

– Вы оставайтесь здесь. Зачем вы хотите ехать? – говорил им водитель на фарси.

– Мать, оставайтесь здесь, – говорила я по-арабски. – Мы отвезём вашего сына в больницу. А вы, когда сможете, потом навестите его.

Я хотела им сказать, что кто-нибудь привезёт их в больницу и сможет вернуть обратно, чтобы они были в курсе, что случилось с их сыном.

Они начали плакать и стенать из-за того, что мы хотели уехать.

– Куда вы хотите забрать нашего сына? Мы тоже хотим быть с ним рядом. Пусть и мы умрём. Для нас нет никого дороже нашего сына. Нам нет смысла оставаться здесь. Наша надежда погибла. Для чего нам тут оставаться? – говорили они.

Я Захре указала, что мы обе садимся. Когда машина тронулась, старики, прильнувшие к ней, упали на землю. Водитель продолжил движение. Старуха двигалась на четвереньках, потом встала. Она хотела догнать нас, но снова упала. Видимо на этот раз у неё уже не было сил встать, и она волочилась по земле. От этого зрелища на душе становилось тяжело. Мне самой было плохо. Я уже не знала кого проклинать: разжигателей этой войны или изменников.

Доезжая до моста, я ни разу не отвела от них взгляда. Я видела, как они рыдали. Старуха била себя в грудь. Что-то произносила по-арабски и быстро ходила. Но, когда старик, воздевший руки к небу и ходивший за ней, упал, она остановилась и подняла его. Больше я уже ничего не видела. Через несколько минут мы подъехали к больнице «Мосаддег». Водитель слез и позвал несколько человек. Потом все вместе стянули вниз одеяло. Я тоже взяла его со стороны ноги и слезла с машины. Медсестра, проверявшая трупы у неотложки, сказала:

– Он погиб прямо во время удара.

– Его зовут Абдоррасул, – сказала я медсестре. – Мы его привезли с той стороны моста. Их дом находится в Махрези. Родители были незрячие.

Медсестра записала информацию «Мэджиком» на одежде погибшего, потом мы отвезли в морг и уложили на пол, который стал чем-то воде склада.

Я очень переживала и передвигалась с трудом, словно у меня на плечах были сотни килограмм груза. У меня перед глазами всплывали то лицо Абдоррасула, который был похож на своего отца, то те двое молодых ребят на мотоцикле. Редкие волосы раненого, в горло которого попал осколок, рассыпались у него по лицу. У него были крупные глаза и длинные ресницы, а также тонкие усы. Этот раненый, в отличие от первого, у которого было смуглое лицо, имел белый цвет кожи, но из-за кровотечения его лицо пожелтело. Я не знала, живы они ещё были тогда или нет. Усталые и разбитые мы вернулись с Захрой в мечеть. Мне совсем не хотелось с кем-либо видеться. Хотелось остаться одной, но, наоборот, ближе к обеду раненых стало ещё больше. Иногда, выходя из молельни на улицу, чтобы быть в курсе всего, что происходит, я видела, как клубы дыма и пыли заполнили всё пространство над городом. Шум и гомон среди людей, звуки сирены скорой и всё прочее перемешивалось. Звуки непрекращающихся взрывов сотрясали город словно ужасные гром и молния.

За предыдущие несколько дней так долго и жестоко город ещё не бомбили. Многие говорили: «Сопrotивление ребят на передовой удивило иракцев, этим и объясняется этот непрерывный огонь. Они хотят сломить наших парней». Многим раненым, которых привозили в лазарет, мы не могли ничем помочь. Мы только останавливали кровотечение, делали инъекции и ещё что-то в этом роде. Редко попадались поверхностные ранения, когда не приходилось отводить в операционную комнату. Их мы укладывали на землю или усаживали и вынимали осколки. Среди них была девочка пяти-шести лет, раненая в руки. Несколько девчат держали её руки, а господин Наджар вынимал осколки. Девочка с визгом и плачем звала свою мать. Её ужас усилился, когда после изъятия осколка из раны у неё потекла кровь. Отцу, обнимавшему её, Наджар сказал, чтобы повернул голову девочки в другую сторону. Одна из девчат принесла ей поесть, пытаясь успокоить. Но всё было напрасно. Сквозь плач девочки я слышала, как со двора некоторые кричали: «Почему нами никто не занимается?! Всех массово уничтожают.

Только так иракцы продвигаются. С утра они ведут непрерывный огонь, чтобы прижать нас всех к земле».

Дальше перевязку я поручила ребятам и побежала во двор мечети. Там кричали трое-четверо молодых парней в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет. У них лица и руки были в грязи, а волосы взъерошены. Один из них, высокого роста и крупного телосложения, одетый в мужские широкие брюки «Ли» и рубашку, рыдал и больше всех возмущался. Он высказывался всем, кто сидел вокруг, и комментировал ситуацию на линии боёв. Когда я подошла к нему, он поднял своё оружие и сказал:

– Видишь, он не заряжен. Чем я буду воевать? Это всё дело рук изменника. Если бы у нас были боеприпасы, то отбросили бы их назад. Если у вас есть оружие и боеприпасы, дайте нам, мы возьмём их. Куда бы мы ни пошли, говорят, нет. Вы не знаете, что творится на передовой. Ребята, испытывая голод и жажду, противостоят иракцам. Все уже валятся с ног. Можно как-нибудь перенести голод, но никак невозможно выдержать жажду...

Я из толпы спросила:

– Докуда продвинулись иракцы?

– Когда мы там были, они уже дошли до города. Они так будут двигаться, пока город не сдастся им. Мы не в состоянии удержать город. У нас нет сил, – ответил он.

Я как будто ждала, что он скажет это, и крикнула на него так, словно меня ударило молнией:

– Я готова идти. Мне пойти?

Юноша словно вскочил из-под огня, крепко став ногами на землю, и потом, подняв вверх и размахивая оружием над головой, яростно взглянул на меня и закричал:

– Куда ты пойдёшь? Хочешь стать обузой на нашей шее? Чтобы за тобой несколько человек присматривали? Нам нужна мужская сила.

Из-за такой прилюдной отповеди я вспылала. До этого момента я переживала, почему наши подразделения должны отдавать свои жизни и в отчаянии и растерянности искать любые возможности помочь; теперь же мне стало совсем не по себе. Хаджи-Ага сказал парню:

– Сынок, мы постоянно оказываем вам поддержку. Отправляем воду и еду. Уповаем за вас на Аллаха. Сохраняйте своё единство. И народные силы, и военные, и гвардейцы – все должны исполнять приказы ваших командиров и...

В тот момент, когда Хаджи-Ага воодушевлённо говорил о силовых подразделениях, Махмуд Фаррохи вместе с несколькими человек положил в их пикап два ящика с патронами от «Кольта» и «Джи-3», полные обоймы с патронами и несколько снарядов от ручного гранатомёта. Ещё двое дали им фляги с водой, и двое-трое – связки с хлебом и несколько консервов.

Я хотела послушать новости о ситуации на передовой, которые рассказал тот юноша Хадж-Аге, но тут меня окликнула Рена Наджар:

– Подойди. Работа есть.

Я подошла к раненым, уложенным на полу лазарета, при этом на душе у меня было тревожно.

Когда эти ребята ушли, подошли другие. Они говорили и вели себя как и предыдущие. Во дворе стояли несколько человек, громко возмущаясь:

– Почему вы задержали людей? Быстрее отправьте всех отсюда, пусть уходят. Не держите их здесь в плену.

Люди из мечети пытались успокоить их. Им не хотелось пугать и тревожить народ. Но было бесполезно. Они были на взводе.

– Мы несколько дней воюем на передовой, – говорили они. – Днём мы их отбрасываем назад, но ночью так устаём, что уже не в состоянии воевать. Иракцы этим пользуются и наступают, занимая все наши позиции. У нас нет оружия, не хватает боеприпасов. Танкам противостоят тела наших ребят.

– Не надо сеять в сердцах людей страх и панику, – отвечал им господин Месбах. – Зачем вы это делаете? Мы уповаем за вас на Аллаха. Оружия нет, но у нас есть вера. У нас есть Имам.

Хотя я хотела остаться в мечети, дождавшись Али, на случай если он придёт, но по просьбе Наджара мы вышли оттуда. Сообщили, что бомбили окрестности Хейдарийе, и надо было привезти раненых оттуда.

Туда ехать было недалеко. Некоторые нашли себе убежище там. От улицы Центральной мечети, направляясь в сторону реки, мы свернули на переулок.

Наджар, бегло осмотрев раненых, сказал, чтобы они самостоятельно добирались до больницы. Потом, вытащив из ноги семнадцатидевятинадцатилетнего юноши осколок, сделал шов, и я закрыла ему рану. Я посмотрела на лоб юноши, куда попал осколок, едва поцарапавший кожу и отлетевший. Там я тоже сделала перевязку. Очередь дошла до девочки десяти-двенадцати лет, крупный осколок разорвал заднюю часть бедра. Девочка плакала и не давала зашить ей рану. Она была права. Игла с трудом проникала в её кожу. Её мать, в отличие от матери того мальчика, была очень спокойна и, сопереживая своей девочке, очень сильно помогла нам. Когда мы хотели выехать из Хейдарийе, туда заехал юноша и начал громко кричать. Он говорил как те, кого я видела в мечети:

– Иракцы наступают. Мы теряем город...

Положение казалось очень плохим. Все говорили: «Город сейчас падёт». Меня охватили страх и удивительное волнение. Люди, буквально за секунду навалившись друг на друга, начали шуметь. Некоторые спрашивали:

– Что нам сейчас делать? Что он говорит? Докуда дошли иракцы?

Я не знала, что должна была им ответить. Наджар, оттащив юношу в сторону, сказал ему:

– Зачем ты так говоришь? Не создавай панику вокруг.

– Нет, я должен говорить об этом, – ответил юноша. – Все погибают. Все попадают в плен. Я должен это прямо людям говорить.

Наджар повторил слова Месбаха:

– Сейчас, если мы прямо будем говорить правду и вызывать в людях страх и тревогу, то к чему это тогда приведёт? Будет только хуже. Ничего больше не будет получаться. Дай людям спокойно уйти из города. Мы их спокойно выведем до конца.

Юноша, прекратив шуметь, остался стоять в стороне. Я же обратилась к людям:

– Не беспокойтесь. Сохраняйте между собой спокойствие. Ситуация не настолько безнадежная. Парни воюют на передовой. Даст бог, через несколько дней война закончится, и вы вернетесь в свои дома.

Покидая Хейдарийе, Наджар попросил юношу поехать вместе с нами, чтобы отвести его к ответственным людям в мечети. Может быть, они лучше поймут ситуацию и примут верное решение.

Там шёл горячий спор о том, оставаться людям или уходить. Вчера, то есть восьмого мехра¹, иракцы продвинулись до железнодорожной площади. Именно этот вопрос волновал военных, духовенство и ответственных людей в мечети, из которых я знала господина Месбахи, шейха Шерифа и майора Шерифнасба. Я действительно с ними познакомилась за эти несколько дней.

Мы с девушками стояли во дворе и слушали, что они говорили. В этом столпотворении каждый что-то говорил:

– Чтобы не случилось беды, надо освобождать район.
– Не уйдут, уважаемый. Они ни за что не готовы покинуть свои дома.
– Их надо вывести отсюда под угрозой применения оружия. Напугайте их. Не знаю, сделайте всё, что потребуется.

Наконец, после долгих споров они решили сформировать несколько групп женщин и мужчин и разослать по районам, наиболее близким к линии боёв. Эти люди должны были убедить народ уехать из города. В этот момент необходимо будет подготовить грузовики к погрузке людей и, как минимум, перевезти их на ту сторону моста.

¹ Тридцатое сентября по григорианскому стилю.

До того, как эти обсуждения закончатся, грузовики уже подъехали. Объявили, что они собираются выселять людей. Я категорически была не согласна с таким решением, но выхода не было. Мне пришлось самой признать, что в данных условиях это был лучший выход. Я пошла и села в грузовик, за мной поднялись ещё несколько девчат, с которыми я общалась только в ходе каждодневной суеты. Сели ещё трое-четверо мужчин, и грузовик направился в район Талегани. Все эти дни нам говорили, что мы не поедem туда.

На улицах было совершенно безлюдно, посреди дорог валялись камни и кирпичи, свалившиеся с разрушенных домов. Грузовик остановился на переулке в начале Талегани. Мы все слезли и разошлись по переулкам этого района, которые были относительно шире и длиннее, чем в других районах. Каждый отходил в сторону и начинал свой путь оттуда. Мне показалось, что здесь было больше разрушений. Во многие дома попали снаряды, их двери покосились, или же они были изрешечены. Тем не менее, мы стучали в двери, и, если никто не отвечал, заходили внутрь. Убедившись, что там никого нет, мы шли в следующий дом. В ходе этих действий я видела странные сцены: шероховатые куски осколков, которые вгрызлись в стены и дворы домов, останки птиц и кошек, которым осколки попали в головы, грудь или кишки, рамки разбитых фотографий и женские абы, забытые в спешке, старые вещи, свидетельствовавшие о нищете жителей района и т.п.

В одном из домов на балконе была разложена скатерть с завтраком. Можно было подумать, что люди только покинули этот дом. Кубик сливочного масла на скатерти растаял, сыр запылчился, а хлеб высох. Прямо посередине муравьи, к своему счастью, устроили себе праздник. На скатерти творился беспорядок: по разбросанным стаканам и высохшим следам пятен чая было видно, что семья в ужасе и беспорядке бросила свой завтрак. Возможно кто-то из них даже погиб.

Я зашла в пару полностью разрушенных домов, чтобы забрать трупы, если они там окажутся. Там была разложена постель, а во дворе разбросана

посуда, словно всё было разворошено молнией. В углу одного из этих домов я увидела пустую люльку и вспомнила новорожденного детей в омывальне. Вспомнила люльку Саида. Когда Саид был маленьким, он ни за что не засыпал без люльки. Где же теперь находится ребёнок из этой люльки?!

Увидев рамку фотографии, на которой был изображён святой Аббас на берегу реки Алькама, я уже не могла сдерживать слёз. Потом вспомнила слова матери: «Этот Саддам – Шимр сын Шимра». Я подумала: «Эти преступления являются продолжением тех преступлений». Чем больше мы блуждали по второстепенным улицам, тем более безлюдной и пугающей была обстановка вокруг. Я боялась не только баасистов. Не меньшую опасность представляла их «пятая колонна». Я взвела курок своего «Джи-3» и, входя осторожно в дом, произносила «Бисмилла». Мысли все были о том, что у меня за головой. Я вспомнила, как в детстве играла в прятки и всё время пряталась за дверьми. Этот страх остался у меня в голове. Поэтому я сперва заглядывала за двери дома и комнат. За каждой из них мог прятаться баасист или предатель из «пятой колонны». В такие моменты, не желая попасть им в плен, я просила у Всевышнего, чтобы меня сразу застрелили. Сопровождавшие нас мужчины очень беспокоились за нас и просили, чтобы мы не заходили сразу в дом. Было настолько страшно, что мы вздрагивали при малейшем звуке. Смешнее всего было то, что все разом пугались, если иногда в небе пролетит горлица, или пробежит кошка, или чья-то нога на что-нибудь наступит, после чего бежали на звук и стреляли в ту сторону. Бедные животные бежали в страхе от этих наших действий.

После каждого выстрела меня охватывали противоречия, правильно я поступила или нет. Если одна из этих пуль действительно попадёт в иракцев, и я кого-то убью, не стану ли я подобной им?! Я убью человека? Но разве они не напали на нас и не являются агрессорами?

Вспомнила слова отца. Как несколько месяцев назад в приграничных боях он говорил, что их цель – убивать шиитов. Они хотят шиитов сравнить друг с другом, чтобы самим воспользоваться этой смутой.

Приводя эти аргументы, я думала о том, что многих иракских военных принуждают воевать, и, если один из них окажется лицом к лицу со мной, то как я должна поступить? Я просила Всевышнего избавить меня от такой ситуации, и если мне придётся убить человека, то пусть это окажется агрессор-баасист.

В такие трудные и страшные моменты мы сталкивались с теми, кто еще оставался в доме. В основном, это были хозяева семей, чьи жёны и дети уже уехали. Были и женщины, оставшиеся из-за своих детей.

Когда мы одним говорили: «Уходите. Иракская артиллерия уже рядом. Зачем погибать напрасно? Машина готова вас забрать», они соглашались с нами и уезжали. Другие ни за что не соглашались. Больше всех сопротивлялись старики.

– Отец, какой вам смысл оставаться здесь, когда нет ни воды, ни еды, и отовсюду палит огонь? – говорила я им.

– Здесь наш дом. Куда мы пойдём? – отвечали они.

– Те, кто воюет, увидев нас, становятся отважнее, – говорил один из них.

– Тут опасность вам на ухо шепчет. Грешно так умирать.

На это они отвечали:

– Сама почему осталась? Ты ещё молода, очень много надежд имеешь. Мы-то уже старые, и наша жизнь уже на закате.

– Я осталась помогать раненым и хоронить погибших.

Их невозможно было уговорить. Я не собиралась прикладывать к их спинам оружие и силой выводить оттуда. Поэтому брала старушек за руки и уговаривала:

– Умоляю, уходите. Моя семья тоже сейчас в мечети.

– Если мой сын остался, куда я пойду? – говорила с южным акцентом старушка. – У меня что? Цвет крови ярче чем у него? Всю жизнь я его нянчила, пока не вырастит. Куда я его теперь оставлю. Мой сын ушёл

воевать с врагами. Когда он вернётся усталым и запыханным, кто-то же должен поднести ему чашку воды!

Другая старая арабка сидела у себя во дворе. Когда я постучала, она привстала и вернулась на своё место. Я снова постучалась и зашла внутрь. Старая худая женщина с потемневшим от загара лицом сидела, обняв колени и забившись в углу дворовой стены.

– Мать, вы одна тут? – спросила я её.

– Да, доченька, у меня никого нет, – ответила она.

– А почему ты одна?

– А что поделывать? У меня никого нет.

– Вставай. Пойдём в мечеть. Там все собрались.

– Куда я пойду? Только потеряюсь. Здесь мой дом. Здесь я живу. Я не хочу уходить.

– Мать, здесь опасно. Пули летят. Не дай бог...

– Ну, значит, здесь и умру. Лучше умереть здесь, чем слоняться где-нибудь.

Я её продолжала умолять, пока, наконец, не сказала:

– Пойдём в мечеть. Мы тебя привезём обратно домой в любой момент, когда захочешь.

Она уставилась на меня, как и я глядела на её морщины и лицо, которые говорили о прожитой ею нелёгкой жизни. Она встала и остановилась у двери комнаты, чтобы посмотреть, что с собой взять. Потом вернулась ко мне и спросила:

– Я могу взять с собой курицу и петуха?

Мне хотелось сказать: «Куда ты денешь их в этой суматохе?» Но, побоявшись, огорчить её, я сказала:

– Хорошо. Возьми всё, что надо.

Чтобы дойти до конца переулка и вернуться, женщина оставила свёрток у двери. Потом взяла соломенную корзину, положив в неё несколько кур. Углом платка она вытерла слёзы и закрыла дверь на ключ. «Бедной

женщине даже не приходит в голову, что иракцы при желании могут выбить дверь и проникнуть сюда», – подумала я.

Я проводила старушку до грузовика и помогла сесть в него. Мы проверили также улицы пониже, и, убедившись, что больше никого нет, вернулись к грузовику. У меня подступил комок к горлу. Я смотрела на ветки бумажных цветов, свисавших со стен домов в сторону улиц. Теперь в квартале Талегани остались только эти бумажные цветы красно-румяного цвета. Даже пальмовые ветви обгорели.

Довольнее всех были дети, севшие в грузовик, чтобы повеселиться. Они никого не слушались и, озорничая, вставали, чтобы ветер обдувал им лицо. Пара детей прильнули к своим матерям, боясь упасть с грузовика, не имевшего защитных бортов. Больше всего в грузовике было стариков и старух, напоминавших мне Папу и Мими. Старики проклинали Саддама, а один из них постоянно говорил:

– Да постигнет его возмездие Аллаха.

Старушки крепко прижимали к себе свои связки и кур, чтобы, не дай бог, они не выпали. При каждом звуке, издаваемом курами, дети начинали смеяться.

Среди всего этого выделялся человек, державший в руках самое ценное – телевизор. Подъехав к мечети, мы, держась за руки, помогали всем слезть.

– Быстрее идите внутрь. На улице опасно, – говорила я им.

Эбрахими я сказала:

– Вот мы привезли их. Что теперь собираетесь с ними делать?

– Иди скажи старшим, – ответил он.

– Я иду в Джаннатабад. Со вчерашнего дня о них ничего не слышала. –

В этот момент я увидела Хаджи-Ага Фаррохи, которого знала ещё раньше. У него на рынке «Сафа» были книжная лавка и баня. Хаджи-Ага нам сказал, чтобы мы вывели жителей из квартала Талегани, и мы это сделали. – Теперь вам лучше знать, держать их здесь или вывести из города, – сказала я и побежала в Джаннатабад.

С самого утра, мотаясь повсюду, я искала глазами Али, надеясь, что Лейла что-нибудь о нём знает. У входа в Джаннатабад несколько человек собрались вокруг гроба, которые незадолго до этого видимо плакали и стонали и теперь уже выглядели измученными и обессиленными. Я подошла и прочитала надпись на гробу: «Хосейн Моджтахед-заде». Я догадалась, что это должно быть брат Хасана Моджтахед-заде, который за несколько месяцев до победы Исламской революции погиб под пытками от рук САВАКовцев. У женщин, собравшихся вокруг гроба, я тихонько спросила:

– Этот шахид – родственник Хасана Моджтахед-заде?!

– Да, его брат, – ответила одна из них.

Женщина рядом, говорившая по-арабски, сказала:

– Я готова была бы ослепнуть ради него¹.

Погрузившись в мысли, я подумала: как же это тяжело потерять одной семье двоих молодых ребят. Сможет ли это пережить их мать?! Постояв немного, я прочитала «Фатиха», пособолезновала женщинам и ушла. Потом я увидела Лейлу в омывальне. Она рассказала, что снова в тот же вечер видела Али с его другом Хосейном Таинежадом. Я вышла, так как захотела посетить могилу отца, чтобы сказать ему, что Али приходил.

По пути туда мы с Зейнаб взяли носилки. Труп был лёгким. Или же мужчины, державшие носилки спереди, были очень сильные. Шахидом был новорождённый мальчик. Его похоронили в пустой могильной яме ниже могилы отца. Когда Зейнаб взглянула на мальчика, ей стало не по себе. Мне показалось, что Зейнаб с каждым днём становилось всё хуже. Всё это время, что она скучала по своей дочери Марьям, ей было невыносимо видеть весь этот ужас. Я подняла её и спросила:

– Ты идёшь к могиле отца?

Не дожидаясь моего ответа, она тут же взяла меня за руку и сказала:

– Пойдём, пойдём.

¹ Это выражение распространено среди арабоязычных жителей и используют, когда хотят выразить сочувствие горю других.

Не доходя до места погребения, Зейнаб поприветствовала и сказала:

– Здравствуйте, господин Сейед. Тебе сейчас должно быть хорошо. Ты ведь ушёл и оставил нас со всеми этими трудностями.

Проливая слёзы, она продолжила:

– Хорошо, что ты нашёл упокоение.

После слов Зейнаб у меня подступил сильный комок к горлу. Мы подошли к могиле. Я нагнулась и поцеловала землю над отцом, после чего у меня полились слёзы. Я была не в состоянии говорить с отцом перед Зейнаб и поэтому поздоровалась с ним про себя. Зейнаб всё также продолжала говорить:

– Дорогой Сейед, замолви за нас там слово и поведи нас потом туда за руку.

У могилы отца также сели мужчины, которые принесли с нами тело ребёнка. Они прочитали «Фатиху» и ушли. Зейнаб тоже произнесла «Фатиху», потом взяла меня за руку и подняла с земли. Мы направились к омывальне. Когда мы уже заходили туда, в Джаннатабад ворвался военный «Джип» с открытым верхом. Проехав мимо нас, он остановился чуть поодаль. С него вышли несколько военнослужащих. Одного из них я знала. Он был в Джаннатабаде, когда хоронили отца, и выражал соболезнования мне и Да. Несколько раз я его видела также, когда он ходил по улице и в мечети, раздавая боеприпасы. Где бы меня не увидел, он очень уважительно и вежливо здоровался со мной. Я же всегда проходила смущённо в надежде, что никто не узнает меня. После смерти отца нам оказывали такое уважение и столько рассказывали о нас, что мне становилось неудобно. Он поздоровался и на этот раз. Я тоже приветствовала их всех в ответ.

Они спускали с «Джипа» какие-то предметы: ножку, трубу, ящик с инструментами и т.п. Трубу они установили на ножку. Один человек остался сидеть в «Джипе» с рацией и держал в руке трубку, набирая номер, который ему называли. Другой военный настраивал на трубе винт. Я с любопытством

наблюдала за их работой. Потом спросила у того самого военнослужащего, которого более-менее знала:

– Что это? То самое, что называют снарядом?

Лейтенант, мужчина лет тридцати шести-семи, наблюдавший за работой остальных, ответил:

– Нет. Это миномётное орудие. Минный снаряд – вот это. – Потом достал из ящика с боеприпасами снаряд и показал мне.

Отец как-то рассказывал нам о наплечных знаках отличия военнослужащих и разных видах вооружения, когда Али в первый раз принёс оружие домой. Я дотронулась до ствола и спросила:

– Что вы с этим собираетесь делать?

– Сообщают, что иракцы проникли к гарнизонной крепости со стороны дорожной полиции. Мы хотим по координатам, которые нам дал наводчик, ударить по району, чтобы предотвратить их наступление.

Потом он добавил:

– Я хочу предоставить честь первого выстрела вам.

– Мне? Почему мне? – удивлённо спросила я.

– Потому что ты похоронила самого дорогого тебе человека, ушедшего по воле Аллаха.

Я смутилась и в какой-то момент сильно заскучала по отцу. Посмотрев на его могилу, я почувствовала, как он тоже смотрит на меня, и, куда бы я ни пошла, он следует повсюду за мной.

Двадцать минут они возились с орудием, пока, наконец, не установили его, как хотели. Зейнаб, чувствуя себя плохо, больше не могла стоять на ногах и ушла. Потом пришли посмотреть двое-трое мужчин.

Лейтенант, командуя орудийным расчётом, взявшим снаряд, сказал:

– Дайте этот снаряд сестре.

Солдат из расчёта дал мне в руки снаряд и сказал:

– Возьми снаряд наискосок и закинь в орудие, только не кидай, пока мы не скажем.

Снаряд мне показался тяжёлым. Эти несколько дней я только и слышала, что снаряды летают, но до нас лишь доходили их звуки, или же мы видели куски осколков от них. «Какой же урон наносят эти небольшие кусочки, – думала я про себя. – Скольких же молодых ребят среди нас они не жалеют».

Пока думала об этом, я вспомнила, что забыла сказать военным, что готова бросать снаряды в орудие. Я подошла к нему и, заглядывая внутрь трубы, поднесла туда снаряд. Тут военный, сидевший у ящика с инструментами, поднял голову и, увидев, что я делаю, закричал:

– Ты что делаешь, дура?

Я опешила. Что же я сделала, что он так накричал. Мне стало не по себе. Он снова отругал:

– Что это такое было?

– Что я такого сделала? – со злостью ответила я.

– Ничего! Ты снаряд собиралась отправить к иракцам или на свою голову? Таким способом, как ты подошла к орудию, при выстреле твою голову сразу снесёт.

Мне стало очень стыдно. Лейтенант вместе с двумя бойцами, будучи заняты рацией, испуганно следили за нами. Я передала снаряд миномётчику со словами:

– Возьмите, пожалуйста.

– Нет, сестра. Это естественно, – ответил лейтенант. – У тебя ведь не было опыта. Это наша вина. Мы должны быть более внимательны. Теперь делайте выстрел. Иншаалла отомстим баасистам за твоего отца и других шахидов.

Миномётчик тоже, видя, как вёл себя со мной лейтенант, сказал:

– Вы извините меня. Просто, когда я поднял голову, то уже думал, что сейчас вашу голову оторвёт от туловища.

После этих слов я немного успокоилась. Я очень была зла на саму себя. Миномётчик снова объяснил мне, что снаряд надо бросать внутрь орудия, не

приближая туда голову и протягивая к стволу только руки. Потом он громко сказал:

– Дай Аллах здоровья Иمامу и радости душам шахидов!

Солдаты и несколько мужчин, стоя, громко произнесли салават. Следуя всем разъяснениям, я произвела выстрел. Все снова прокричали: «Аллаху Акбар!». Звук выстрела был столь сильным, что у меня заложило уши. Тем не менее, я испытала удивительные ощущения после выстрела снаряда. Это был для меня новый опыт. Мне захотелось узнать, куда попал снаряд, и я стала следить за его траекторией в небе. Потом услышала, как лейтенант сказал:

– Вы хотите ещё раз выстрелить?

Конечно же я хотела, но, понимая, что уже больше не стоит, я отказалась и с благодарностью ответила:

– Нет.

Попрощавшись, я направилась к Зейнаб. Издалека было видно, как после нескольких выстрелов, произведённых с той точки, они передвинули орудие чуть в сторону. Я ещё не успела совершить послеобеденный намаз. Поэтому войдя в комнату, я совершила намаз, в конце которого услышала, как на улице шумели несколько человек. Завершив молитву, я пошла посмотреть, что происходит. Трое мужчин и две женщины стояли перед администрацией и разговаривали с Зейнаб и остальными. Увидев меня, она показала на меня и сказала:

– Она сама пришла. Идите спросите у неё самой.

Они подошли ко мне. Лица у них были сильно заплаканные и оттого покрасневшие.

– Что случилось, – спросила я.

Окружив меня, каждый из них что-то говорил. Наконец, самый старший из всех мужчин стал рассказывать:

– Говорят, наш брат погиб, и его тело увезли в больницу. Мы пошли туда, но тело нам не дают. Сказали, что забрать должен тот, кто привёз тело.

Мы ко всем инстанциям обращались. Потом пошли в Центральную мечеть, там нам ответили: «Всех погибших и раненых перевозят ребята из Джаннатабада. Они вам могут всё рассказать. Идите оттуда заберите».

– Да. Но только странно, почему в больнице не отдали тело?!

Когда из больницы забирали тело, то там записывали его личные данные в тетради регистраций, и передавали каждому, кто, записав данные, следил за своим покойником. Теперь мне было удивительно, почему они так сказали. Видя, как я сделала паузу, одна из женщин, показавшаяся мне старше всех, грубым голосом и с арабским акцентом сказала:

– Пойдём. Тебе воздастся. Мой сын пропал. Сказали, что он погиб. Пойдём, посмотрим, что там. Там ли мой сын?

Потом она начала рыдать, закрыв лицо абой.

– Но почему всё-таки не отдали? Неужели вы не видели его данные? – спросила я.

– Почему же? Мы видели его данные, – ответил мужчина. – Они сказали, что есть такой, но я не знаю, почему нам не передали его. Пойдём с нами. Тебе добром Всевышний оплатит.

– И какие у него данные?

– Парень шестнадцати лет, высокого роста и худой...

Поскольку я всё время не сидела на месте, я точно не помнила и потому спросила поточнее. По указанным приметам я вспомнила, что такого же я отвозила в больницу «Мосаддег».

– Поеду с ними, – сказала я Зейнаб.

– Ты вернёшься сюда? – спросила она.

– Как получится.

– Если получится, загляни в магазин этого фотографа. Посмотри, почему он не приходит.

– Хорошо. Вы тоже позаботьтесь о Лейле.

– Иди. Не волнуйся за неё.

Женщина, увидев, что я готова с ними идти, умоляла меня по-арабски:

– Я буду тебе вовек обязана.

Их машина припарковалась возле Джаннатабада. Это была «Арья» белого цвета. Я села вместе с женщинами сзади, а мужчины – спереди. По пути женщина тихо стонала и что-то по-арабски шептала. Другая женщина, которая была более худая и мелкая, чем она, видимо жена одного из тех мужчин, вместе с ней тоже потихоньку рыдала. Из того, что мать пропавшего сына говорила, мне показалось, она надеется, что сообщение об этом было ложным, и мы такого человека в морге не найдём.

В больнице «Мосаддег» я сперва отправилась за медсёстрами. Одной из них я сказала:

– Эти люди хотят забрать своего покойника. Почему вы не дали его и говорите, что пусть заберёт тот, кто его к вам привёз?

– Не знаю. Поговорите с заведующим морга.

Я пошла туда, но заведующего не было. Я обошла всю неотложку и все отделения и уже потеряла всякую надежду. Узнав его имя у медсестёр, я стала везде спрашивать о нём. Наконец, мне сказали, что он вышел на улицу.

Мы вышли во двор и стали его ждать. Это был мужчина в очках, старше сорока лет, высокого роста и смуглый, одетый в белый халат и сапоги. Я столь часто туда ходила, что мы оба хорошо друг друга знали. Увидев его, я подошла к нему и сказала:

– Где вы ходите? Мы целый час вас ищем.

– Приветствую. Что привело вас? Ещё одного покойника привезли?

– Нет, я пришла за покойником этой семьи. Вы, кажется им сказали, что пусть заберёт тот, кто его к вам привёз.

– Да, – ответил он.

– Это новый закон?

– Нет, не закон. Нам ведь передают покойника, чтобы мы никому его не передавали, пока не удостоверимся, чьей семье он принадлежит. Потому что некоторые приходили и забирали тело, называли имя и род занятий покойника, а на самом деле, просто выкрадывали его. Потом выяснялось, что

это члены организации «Моджахедин» провожали их на похороны как членов своей группировки, чтобы сделать себе пропаганду.

Потом он спросил:

– Ты уверена в них?

– Разве им больше нечем заняться, кроме как ходить в больницу и Джаннатабад?! Адрес и личные данные трупа верные.

Мы пошли с заведующим морга. Женщины и мужчины, стоявшие перед дверью, зашли в морг вместе с нами. На земле лежало много трупов погибших: на носилках, на мокрой земле, в простынях, без простыни, или же внутри одеяла. Мужчины, женщины и дети были уложены в ряды. Я начала осмотр оттуда. Заведующий моргом взял данные и начал осмотр с другой стороны. Те двое мужчин стояли в стороне и с удивлением разглядывали трупы, выражая сочувствие. Морг освещался лунными просветами, при этом сама больница продолжала работать на электрическом двигателе. Я наклонялась при этом свете и отодвигала простыни с лиц погибших. Меня сильно мучил вид разных ранений, покрывавших тела покойников. Раскрытые глаза, вывалившиеся глаза. Спокойный их взгляд говорил обо всём. Я подумала про себя: «Я их всех сюда привозила: сегодня, завтра – не знаю, в каком состоянии меня могут привезти. Цел ли будет мой труп? Можно ли будет распознать моё лицо? Или же мне оторвёт голову». Я как-то слышала, что одному оторвало голову осколком на бегу, в то время как его тело пробежало ещё несколько метров.

Проходя мимо каждого погибшего и снова накрывая ему простыней лицо, было заметно, как мужчины спокойно вздыхали. Молясь, они произносили:

– Только бы здесь его не было. Только бы мы его не нашли здесь.

Слышать их было тяжело. Когда не нашли его среди трупов, лежавших на земле, мы подошли к выдвигаемым ящикам. В первом ящике лежал полный мужчина крупного телосложения. Я вытянула второй ящик. Там был он. Худой смуглый парень с цветом волос, отдававшим красным. На лоб спадали

его густые вьющиеся волосы. Одет он был в белую рубаху и брюки «Ли», которые не были испачканы кровью, а тело выглядело целым.

– Подойдите сюда. Посмотрите. Это он? – сказала я.

Не доходя до холодильника, один из мужчин сильно ударил себе по руке и сказал:

– О, боже!

Я поняла, что была права. Это был их покойник. Вперёд вышел мужчина постарше, положил руки на ноги трупа и громко зарыдал. Тот другой выбежал за женщинами. Не прошло и нескольких минут, как я увидела мать юноши у порога двери. Она быстро и недоумённо взглянула на труп, и, издав резкий визг на весь морг, она подбежала к ящику. Потом подошла, побивая себя по лицу и громко рыдая.

– О, боже, сын мой! Сын! – кричала она.

Подойдя к ящику, она оттолкнула мужчину, уже прижавшегося лицом к трупу и целовавшего его, и закричала:

– Мой сын просто заснул. Зачем вы положили его в холодильник?

Потом сама упала на него. Пуская слёзы, она говорила:

– Ты стал статным и дородным мальчиком и был нашей силой и опорой. Лучше бы я умерла и не видела тебя тут. Где я ещё найду такого мальчика. Что теперь твоя мать будет делать без тебя? Как теперь жить-то?!

Она дёрнула ящик, как будто желая вытащить его оттуда. Она была в очень плохом состоянии. Бегая по моргу среди трупов, она бросала на них взгляды. Потом снова возвращалась к изголовью сына и била себя. Одновременно она проклинала Саддама:

– Будь ты проклят, Саддам! Так вот ты любишь арабов?!

Когда я увидела, что она бьёт себя и бросается головой, я подбежала и стала перед ней. Хотя мне трудно было справиться с ней. Она рыдала и говорила одновременно. Мужчины тоже плакали вслед за ней. Перед дверью стояла и плакала молодая женщина, которая то ли не могла видеть своего

покойного родственника, то ли боялась вида всех этих трупов. Взяв под руки мать погибшего, я её гладила по голове и говорила:

– Не бей себя. Это грешно. Дух погибшего от этого мучиться будет. Всевышний один день даёт спасение, другой день забирает. Благодаря Всевышнего, что он умер шахидом, что не погиб в аварии или от несчастного случая. Всевышний даст тебе терпения. Успокойся.

В таком же беспокойном состоянии она сказала:

– Ты же не знаешь, какой огонь горит у меня в сердце. Не знаешь, что в душе у меня творится...

– Я знаю, что происходит у тебя в душе. У меня тоже душа горит.

Её плач понемногу успокоился. Потом она взглянула на меня и спросила:

– Кто из твоих погиб?

– Мой отец, – с трудом ответила я.

– Дай Аллах и тебе терпения. Пусть он покарает Саддама, который убивает всех наших молодых ребят.

Потом она более спокойным голосом начала плакать и приговаривать:

– У отца теперь душа горит. У меня тоже сердце горит, сынок.

У меня самой душа горела от её слов. Я словно получила возможность выслушать плач по моему горю и позволила себе пустить слёзы.

Эти тихие стенания длились недолго. Женщина опять встала. Она бежала по всем сторонам и ревела. Прибегала и гладила по лицу своего покойного, словно у неё внутри горело пламя. Мужчины уже начали на неё угрожающе кричать, но было бесполезно. Я была вся в смятении и больше не могла видеть эти сцены.

– Если я вам не нужна, то уже пойду, – сказала я мужчинам.

Они поблагодарили. Я прошла через дверь мимо молодой женщины, которая с плачем и в подавленном состоянии сказала:

– Прости, что мы доставили тебе хлопоты.

Я кивнула головой и вышла. Перед тем как пойти в мечеть, я решила заглянуть к фотографу. Мне сказали, что его магазин находится на улице Имама, или той самой улице Сахели, на территории рыбного рынка.

Я прошла от улицы Чехель-Метри до улицы Сахели и остановилась перед рыбным рынком. Просматривая магазины, я не замечала табличку с надписью фотографа. Вместо этого моё внимание привлёк рыбный базарчик. Я соскучилась по этому месту. Мы иногда приходили сюда с Да делать покупки. Рынок «Сафа» находился рядом с этим местом. Обычно после покупок там Да заглядывала сюда. Полная этих воспоминаний, я зашла на этот базарчик, который был построен над рекой, а его опоры находились в воде. На самом деле базарчик представлял из себя целый зал с двумя цементированными возвышениями по сторонам, заполненным металлическими столами и короткими и высокими табуретами. Продавцы клали такие разные виды рыб как: окунь, морской язык, красная рыба и др., на подносы и плетённые корзины и выставляли на продажу на этих табуретах и столах. На этот базар приходили представители всех иранских народностей, живших в Хорремшахре и работавших на таможне и в порту, которые перебирали и покупали эту рыбу.

Некоторые продавцы по желанию покупателя чистили и разделявали на столе рыбу по кусочкам. По углам и вокруг базара стояли женщины-арабки с рыбой на подносе, предлагая её нам на фарси и по-арабски, когда мы проходили мимо. Обстановка была очень красивая, поэтому я любила это место. В базаре царил неприятный запах. Чешуйки некоторых рыб сверкали на свету. Рыла у многих из них, в том числе у морского языка, были весёлые и добрые. Острые и торчащие зубы некоторых рыб порой пугали покупателей. Рыбы были столь свежими, что многим они казалась живыми, когда двигались их красивые хвосты. Рыбу в основном привозили из Арвандруда и Бахманшира. По вечерам рыбаки прямо на этой же реке закидывали сети и утром передавали свой свежий улов людям. Морским птицам, всегда кружившим и шумевшим над базарчиком, тоже всегда

доставалась рыба. Им доставались рыбные отходы, оставшиеся после чистки рыб, стекавшие через люки под ногами продавцов в реку.

Все эти красивые воспоминания были обидными для меня. Теперь ничего не осталось от той красоты. В базарчике царила абсолютная тишина. Теперь не было видно ни рыб, ни продавцов, лотки которых были разбросаны. Только на площадках осталось немного мелкой рыбы, покрытой червями. Сюда тоже попал артиллерийский снаряд обрушивший крышу и проделавший в стене дыру. Я вышла и села на железные ступени у воды. Успокоившись, я потом встала и ушла.

Глава двенадцатая

С самого утра десятого дня дошли сведения, что иракские танки дошли до Железнодорожной площади и до площади Коштаргах¹. Они продвинулись вперёд, и там сейчас происходят ожесточённые бои. К нам постоянно привозили раненых, из-за чего мы были очень заняты. Пока мы работали, я была вся в смятении. Мои руки были заняты бинтами, пластырями и перевязкой, но глаза смотрели на двери. Со вчерашнего дня я ждала появления Али. Каждый раз, как по городу ударят, мы садились в машину и ездили по улицам города, забирая раненых и убитых. Возвращаясь в мечеть, я спрашивала, приходил ли Али. К десяти часам к нам снова привезли раненых. Там было трое-четверо, которых осколки задели в голову и тело, и раны были глубокие. Господин Наджар запросил машину, на которых их быстро перевезли.

Я хотела поехать с ранеными до больницы, но Наджар не разрешил:

– Сегодня у нас очень много раненых. Пусть никто из вас никуда не уходит. Даже сопровождать раненых по мере возможностей не езжайте.

Не успел он договорить эти слова, как иракская артиллерия ударила по улице Фахра Рази и направилась к площади Дарвазе, словно выбрав её своей основной целью. Каждые двести метров поднимались пыль и дым и слышались звуки ужасных взрывов и попаданий осколков. Несколько минут назад я наблюдала за движением военного пикапа от мечети в сторону передовой. Когда кто-то из толпы сказал: «Только бы не задели пикап с нашими ребятами», я не стала медлить и побежала в сторону площади. За мной побежали несколько девчат. Добежав до площади, я поняла, что мои догадки оказались верными. Снаряд, попав в пикап, взрывной волной выбил заднее колесо. Пикап протатился на небольшое расстояние по асфальту, оставив после себя широкие борозды. Все солдаты с пикапа разлетелись по

¹ Площадь Коштаргах после войны была переименована в площадь Могавемат (перс. Сопротивление).

сторонам и издавали стоны. Некоторые из них избежали попадания осколков, но находились в шоковом состоянии, получив переломы или ушибы в голову. Слава богу, бак не взорвался, иначе бы все сгорели и взлетели на воздух. На земле также лежали двое-трое прохожих, находившихся в тяжёлом состоянии. Мы оперативно уложили раненых в другой пикап. Те, кто чувствовал себя получше, сидели. Никто не собирался отпускать из рук оружие. Они держали его так крепко, словно это было их родное дитя. Когда пикап тронулся, я снова побежала в мечеть.

Наджар быстро отделил тяжело раненых, и сам занялся ими. Остальным мы кололи вакцины и делали перевязки под его присмотром. Двое-трое парней, уже несколько дней помогавших нам, перевозили раненых в Абадан. Если не ошибаюсь, у нас было восемь раненых, которых отправили по согласованию с Эбрахими и попутными водителями. Конечно иногда из Абадана приезжали машины скорой помощи от «Красного Полумесяца» и занимались перевозкой, но в тот момент их не было. Все переживали за то, что происходит на передовой. Крики и большое количество раненых свидетельствовали о тяжёлых боях. Раненых, привезённых с Железнодорожной площади и площади Коштаргах, мы спрашивали: «Что там происходит? Какая там ситуация?» Они отвечали: «Танки пришли, мы стоим против них». Большинство из них молчали, но мы настойчиво продолжали: «Мы никому ничего не расскажем. Не беспокойтесь». Но они отвечали: «Всё нормально. Ничего особенного». Либо они знали и рассказывали, либо не были уверены, боясь, что дадут неверную информацию. Последние дни они советовали не говорить об этом, чтобы не вызвать панику среди людей. «Никто не должен говорить о ситуации на линии боёв».

Однако все испытывали душевное и психологическое давление. Многие солдаты не выдерживали и от страха били себя по голове. Вернувшись с передовой, они становились посреди двора мечети и начинали панически кричать. Иногда приходилось таким делать успокоительные уколы или выводить из территории.

Мне очень хотелось среди раненых, привезённых в лазарет, поспрашивать об Али. Но они были в плохом состоянии, да и условия не позволяли. У троих, кто внешне выглядели лучше, я спросила:

– Среди вас не было Али Хосейни?

Только один из солдат Гвардии Агаджари ответил:

– Я видел его на Железнодорожной площади.

– И что он там делал? – спросила я.

– Я увидел его только на мгновение.

Мне показалось, что он знает больше об Али, но не говорит.

Больше я уже не могла ждать и стоять на месте. После обеда снова побежала в Джаннатабад, и снова там не было о нём никаких вестей. Потом бегом вернулась в мечеть. Перед воротами остановился пикап. Несколько человек загрузили в него ящики с боеприпасами и фляги с водой. Махмуд Фаррохи также объяснял им, как достать боеприпасы из-под лестниц и второго этажа мечети. Я более-менее знала этих людей. Подойдя поближе, я спросила Фаррохи:

– Куда они отвезят боеприпасы?

– На линию передовой к ребятам. – ответил он.

– На какой участок?

– В сторону дорожной полиции.

– Я могу с ними поехать?

– Для чего?

– Ну, может, я смогу им чем-то помочь.

Потом, выдержав паузу, продолжила:

– Может, я своего брата там увижу.

Он повернулся ко мне и удивлённо спросил:

– Ты до сих пор не нашла своего брата?

– Нет. Я его до сих пор не видела, – ответила я.

Я столько всех расспрашивала, пытаясь найти Али, и так ждала встречи с ним, что все в мечети уже были в курсе, что Али вернулся, и я его ищу.

Фаррохи при всей своей строгости на этот раз сказал:

– Даже не знаю, возьмут они тебя или нет.

– Ну вы дайте сейчас поручение. Может, согласятся, – попросила я.

– Хорошо. Я скажу им.

– Тогда я пойду, возьму немного медикаментов.

Я вбежала в мечеть и спросила Наджара:

– Вы можете дать мне немного медикаментов и перевязочных средств?

– Зачем тебе? – спросил он.

– Я хочу поехать на передовую.

– Какая тебе необходимость ехать туда? Как раз-таки сейчас у нас не так много лекарств, чтобы ты могла их взять на передовую.

– Если честно, я хочу поехать на передовую и найти нашего Али. Я до сих пор не смогла его увидеть. Может быть, я его там найду.

– Ну потерпи. Сам придет. Ребята говорят, что он обещал приехать.

– Да. Но он ведь до сих пор не приехал. Если поеду, то увижу его пораньше.

– Ладно.

Потом он объяснил мне, что взять. Я положила в коробку ножницы, лейкопластырь, бинт, бетадин, ампулы, обезболивающее средство, стерильную марлю и антисептические средства. Я уже хотела выйти из мечети, как он сказал:

– Только сама не делай им операции. Увидишь раненого, только перевяжи ему рану. Перевяжи поверх раны, чтобы кровотечения не было, и отправь сюда. Хорошо?

– Хорошо, – ответила я и побежала.

Одна из девчат, сейчас уже точно не помню, кто из них, побежала за мной и спросила:

– Мне пойти с тобой?

– Нет. Я даже не знаю, заберут ли меня. Ты куда пойдёшь.

Я подошла к машине. Ребята были ещё заняты. Поняв, что они ни за что меня не возьмут, я настаивала:

– Умоляю, я несколько месяцев брата не видела. Его не было в Хорремшахре. А теперь, когда приехал, он не может найти меня. Умоляю, возьмите. Я должна его увидеть.

Ребята, которым было лет по девятнадцать-двадцать, не соглашались, но я их так допекла, что они ответили:

– Давай. Но только ты не должна ничего делать без нашего разрешения и должна слушаться. И чтобы ты не шла, куда тебе заблагорассудится.

– Нет. Будьте уверены, я буду везде следовать за вами.

Из ящика с боеприпасами они достали винтовку «Джи-3» и дали мне в руки, спросив;

– Знаешь, как пользоваться?

– Да, – ответила я.

– Тогда пусть будет у тебя в руках, и используй в случае необходимости.

Я радостно села в машину на выступ сбоку пикапа и схватилась за борт. Двое вооружённых молодых парней сели вперёд и двое – сзади. Тронувшись, машина сразу набрала скорость, и я несколько раз падала на ящики и другие предметы. Потом мне пришлось сесть на пол пикапа.

Водитель ехал вниз по улице Чехель-Метри и проезжал мимо Джаннатабада. Заглянув, я никого там не увидела. Поздоровавшись с отцом, я возбуждённо говорила:

– Отец, я до сих пор не видела Али. Я еду искать его.

Мы проехали Джаннатабад. Тем временем, на кольцевом шоссе возле улицы Талегани была сильная стрельба. Пули и снаряды от миномётов и гранатомётов летели со всех сторон и падали в пустыню справа от шоссе, на шоссеиный асфальт или дома людей. Я спрятала голову и сжалась. Мне было очень любопытно знать, откуда летели снаряды. Совсем невозможно было понять, где они спрятались. Прямо напротив домов Талегани, в месте где

шоссе немного расширилось и напоминало площадь, снаряд попал в электрический фонарный столб возле трассы и свалил его на землю. Если бы в проводах шёл электрический ток, то они вызвали бы взрыв и спалили бы нас. В дни, когда в Хорремшахре дули ветер и ураган, то большинство проводов разрывались и из-за электрического тока в них извивались словно змеи.

Чем ближе мы были к шоссе Хорремшахр-Ахваз, тем интенсивнее становилась стрельба, а вместе с ней и скорость машины. Пули даже попадали в корпус машины, одна из которых разбила боковое зеркало. Я отчётливо слышала свист пуль, пролетавших у меня над головой. Я спрятала голову между колен и закрыла её руками.

Съехав с кольцевого шоссе на начало трассы Хорремшахр-Ахваз, водитель на минуту притормозил, словно задумавшись, повернуть налево в сторону Коштаргаха, или направо – в сторону дорожной полиции. Именно в этот момент остановки огонь сосредоточился на нас. Водитель, испугавшись, надавил на газ. Машина летела с такой дикой скоростью, что, устремившись вперёд, слетела с шоссе прямо на грунтовую обочину. Водитель не смог справиться с управлением. Видимо вместо тормоза он нажал ногой на педаль газа. Мы быстро направлялись к бетонированной стене. В те мгновения, когда я подумала, что нам уже конец, и смерть неизбежна, водитель затормозил. Я поскользнулась и головой ударилась в стенку кабины. Меня тут же зажало между кабинкой и ящиками с боеприпасами, за которыми я сидела. В состоянии головокружения я слышала, как меня спросили:

– Ты в порядке?

Я самостоятельно выбралась из-под ящиков и ответила:

– Да, только меня немного потрясло.

У меня болело всё тело, и я не могла выпрямиться. Из открывшейся крышки фляги текла вода. Наклонившись, я подняла её. Оттуда утекла половина воды, и я не могла найти её крышку. Один из ящиков, чья крышка с самого начала была откинута, опрокинулся, и достаточно было одной пули,

чтобы всё взлетело на воздух. В этом замешательстве взгляд ребят, собравшихся вокруг пикапа, был направлен на меня.

– Зачем вы эту девчонку взяли с собой? – возмущались они.

– Мы её не брали. Она сама села, – ответили ребята в пикапе.

– Не беспокойтесь, она тот ещё лев, как и мы, – сказал один из них.

Такая манера разговора не сулила ничего хорошего. Я собралась с духом и ответила:

– Вам какая разница? Я сама приехала.

Тут подоспели ещё ребята:

– Эй, что она тут делает?

– Я сама хотела приехать, – ответила я. – Только вы, что ли, приехали воевать? Я тоже могу держать оружие в руках.

– Извини, сестра, мы не это имели ввиду, – сказали они.

Когда их пыл немного спал, я спросила:

– Вы знаете ребят из Гвардии? Там служит Сейед-Али Хосейни. Вы не знаете его?

– Представляя, в основном, жандармерию, армию и народное ополчение, они ответили:

– Нет.

После того, как разгрузили ящики и забрали фляги с водой из пикапа, они сказали:

– Дай вам бог здоровья. Благое дело вы сделали, что привезли воду.

– Нет раненых здесь? – спросила я. – У меня с собой медицинские средства.

– Нет. Были двое-трое, мы их уже отправили, – ответили они.

– Возможно там дальше будут раненые, но сейчас идёт тяжёлый бой.

Мы не можем их вывести.

Ребята, сопровождавшие нас, сказали мне:

– Стой здесь, пока мы вернёмся.

– Давайте я тоже пойду с вами, – сказала я.

– Нет, оставайся. Делай, что говорят.

После этих слов я побоялась, что в следующий раз они меня не возьмут. Двое из них всё время отвозили обед на передовую. Потом они по двое взяли ящики и ушли вместе с солдатами. Они очень быстро и в полусогнутом состоянии зигзагами перебежали на ту сторону шоссе. Потом они побежали в противоположную сторону вдоль автомобильных весов и магазинов. Те, кто в руках ничего не держал и был обязан патронташем, промежутками и по одному перебегали через шоссе. Я наблюдала за ними, пока они не исчезли из виду. Потом осмотрелась по сторонам. У меня за головой стояли каркасы домов, слева находилась дорожная полиция, а справа бензозаправка «Дизель-абад».

Подумав, что одна из пуль, пролетавших у меня над головой, попала в бак машины, я встала и отошла от пикапа на расстояние, сев немного поодаль. Потом мне пришла в голову мысль укрыться в каркасах зданий, но и там было небезопасно.

Я отчётливо слышала шум танков, издававших рёв при нажатии на газ, и гусениц, двигавшихся по земле. Слышала также голоса оборонявшихся ребят. Из их слов я поняла, что они хотят ударить по танкам.

– Хорошенько прицелься, – кричали они. – У нас больше нет снарядов для гранатомёта. Не промахнись...

Все усилия были направлены на то, чтобы не отдать шоссе Хорремшахр-Ахваз в руки иракцев.

Я слышала также голоса и со стороны дорожной полиции, но не могла разобрать, что говорили. Иногда видела ребят, перебежавших шоссе в полусогнутом состоянии и зигзагами, скатывавшихся и перебрасывавшихся на ту сторону. Я умоляла Всевышнего, чтобы с ними ничего не случилось. Каждое мгновение я думала, что сейчас им разнесёт мозги, потому что иракцы, замечая любое движение на шоссе, усиливали огонь по той точке и накрывали её сплошной пулемётной очередью. Всё, что я видела вокруг себя, было изрешечено либо полностью уничтожено интенсивным огнём. По-

видимому, иракцы укрепились на крышах двухэтажных зданий дорожной полиции, откуда был виден хороший обзор местности. По очередям выстрелов можно было сказать, что град снарядов из гранатомётов, пистолетов и «Калашниковых», с которыми я познакомилась позже, был очень интенсивным. Я даже по отражению света на патронах, рассыпанных или застрявших на поверхности шоссе, могла пересчитать их. Я задавалась вопросом, сколько же у иракцев боеприпасов, что они их так расходовали. Потом снова встала и пошла присесть у бетонированной стены. Моё тело горело как печка. Я чувствовала, как у меня поднималась температура тела. Я обдувала себя платком и чадрой. Чувствуя себя измотанной, я решила встать и пойти немного вперёд. Мне хотелось что-нибудь сделать, раз уж я пришла сюда. Вообще я пришла ради Али, а вместо этого пригвождена к одному месту.

Через полчаса подошли ребята. Они собрали обоймы, валявшиеся в пикапе, и отдали одному из солдат.

– Что вы собираетесь делать? – спросила я.

– Ничего. Просто нам здесь больше нечего делать. Мы должны вернуться, – ответили они.

– Но я ведь принесла медикаменты и всякие средства.

– Так у них нет раненых.

– Здесь не были. Но впереди-то есть.

– Нельзя вперёд.

– А для чего я сюда пришла? – нервно спросила я.

– Ваше присутствие здесь тоже не было бесполезным. Солдаты, увидев вас в таких условиях, тоже воодушевились. Возможно вы не понимаете, но когда мужчина видит женщину на передовой, то с каким он рвением и фанатизмом идёт в атаку, чтобы устоять против врага. Сейчас ваше присутствие их сильно вдохновило.

Несмотря на эти слова, я всё равно нервничала. При всех моих усилиях я не смогла ничего узнать об Али. Было чувство, что я зря приехала и ничего не сделала.

Я не знала, что делать с медикаментами. Оставить их здесь или взять с собой. Потом, отделив перевязочные и антисептические средства, сказала:

– Отдайте это солдатам. Пусть возьмут с собой.

Один из парней, до этого относивший ящики с боеприпасами, сказал:

– Давай я отнесу.

Он всё взял, покатился по шоссе и перескочил на ту сторону. Как только он вернулся, парни снова заговорили о том, как выбраться из этого огня. Наконец, водитель сказал:

– Алийолла, на всё воля Аллаха. Садитесь. Вернёмся так же, как и приехали.

– Ты садись, прислонившись к кабинке, чтобы меньше подвергаться опасности, – сказали они мне.

Каждый из них также прижался по разным углам. Водитель дал задний ход и двинулся параллельно каркасным домам. На этом коротком промежутке было столько ухабов и ям, что у нас переворачивало сердце и кишки. Когда поднимались вверх, мы прижимались ко дну пикапа. У меня от боли ломило в пояснице и ногах. Одни ребята кричали:

– У нас всё там переломалось.

– Езжай, езжай. Жми на газ, – кричал другой.

Прямо напротив кольцевого шоссе водитель надавил на газ. Он выскочил вверх из-за обочины и поехал прямо по нему. Нас снова стали сильно обстреливать. Один из ребят лежал на дне пикапа, я и остальные тоже прижались. Проехав зону досягаемости выстрелов, мы свободно задышали. Водитель поехал по тому же маршруту. Я вышла у Центральной мечети и там же у ворот спросила об Али. Все ответили отрицательно. Через два-три часа вместе с Захрэ и другими девочками я пошла проведать Да. Зайдя во

двор мечети, я увидела, как жена дяди Голями рыдает словно весеннее облако.

– Что случилось? – спросила я.

– Твой дядя сказал, что надо уезжать из Хорремшахра, – ответила она своим южным акцентом. – Я не хочу уезжать.

– На всё воля Всевышнего. Кто знает, может, когда вы захотите собраться и уехать, они все уберутся вон, или что-то изменится по воле Всевышнего, и война закончится.

Плача крупными слезами, она говорила:

– Дай бог, чтоб было, как ты говоришь. Видит бог, я не хочу уезжать из Хорремшахра. Очень тяжело покидать дом, где живёшь.

Остальные соседи собрались вокруг неё и, сочувствуя, говорили:

– Не волнуйся. Если так продолжится, то мы все скоро отсюда должны будем уехать.

Мне очень хотелось и Да с ними отправить. Уже несколько раз возле мечети «Шейх Салман» рвались снаряды, один из которых попал даже во двор. Один раз, увидев на стене след от осколка, я спросила Да:

– Что тут произошло?

– Дети пошли на улицу, и я за ними, – ответила она. – Вернувшись, я увидела, как стреляли 25-миллиметровыми снарядами. Несколько человек было ранено. Одного из них в очень тяжёлом состоянии отвезли в больницу.

В другой раз, когда все спали, снаряд попал в угол дома и, напугав, всех разбудил. Да всё это видела, но даже не думала уезжать. Каждый раз я ей говорила:

– Давайте и вы уедете.

– Куда я поеду? – говорила она. – Куда поеду, оставив вас? Вы же отсюда не уезжаете?

– У нас работа. А вы поезжайте. Дети же не виноваты.

– Разве жизни моих детей дороже жизнью остальных?

– Мы не уедем. Пока все здесь, мы тоже останемся здесь.

Но не все оставались. Людей в мечети «Шейх Салман» каждый день становилось то больше, то меньше. Одни уходили, а другие приходили на их место. Многие наши соседи уехали, в том числе жена дяди Дарвиша, жена Али Салари, их дочь и зять, тётя Салимэ и др. Одна только Да упрямылась. Я прошла мимо жены дяди Голями и направилась к Да и детям. Захрэ Фархади держала в руках Зейнаб и ласкала её. Остальные беседовали с Да и мальчиками. Хасан и Саид, смущённо опустив головы вниз, всё время краснели. Увидев меня, Да сказала:

– Какие у тебя хорошие подруги. Очень толковые. Пока тебя не было, они всё время к нам навевывались и спрашивали, как дела.

Я увидела и Мохсена. Он очень был без настроения.

– Эй, что случилось? – спросила я.

– А что ещё может случиться! Безделье, несчастье, – ответил он.

– Вся работа теперь в мечети. Иди, можешь заняться чем-нибудь.

– Подметать и приносить воду из реки – это работа? Я хочу пойти на передовую. Я хочу взять в руки оружие.

Я знала, что Мохсен, будучи спокойным, находясь в мечети, ни с кем не был знаком. Военное обучение он тоже не проходил, поэтому вряд ли кто-то даст ему оружие. Поэтому я сказала ему:

– Ты же не умеешь обращаться с оружием. Как ты можешь ждать, что при такой нехватке боеприпасов тебе дадут ружьё?! Иди поработай в мечети. Те, кто сейчас на передовой, нуждаются в поддержке.

Разговаривая с Да, я также между делом спросила об Али. Она ответила, что ничего нового о нём не слышно.

Ближе к азану из-за столпотворения и ударов по городу я стала переживать за Лейлу, после чего бегом направилась в Джаннатабад. Лейла очень обрадовалась, увидев меня, и сказала:

– Захра, снова Али приходил сюда.

– Не врешь? – спросила я.

– Да, клянусь. Али приходил сюда.

– Когда? Я столько его искала. Ездил везде. Где он был со вчерашнего дня?

– На передовой. На Железнодорожной площади. Когда он пришёл, я передала ему твоё послание. Теперь он ушёл к Да. Я так сильно обрадовалась.

– Слава Аллаху, Али невредим.

Потом я спросила:

– Лейла, когда Али отсюда ушёл?

– Прямо перед твоим приходом.

– Тогда я пойду.

– Подожди, я с тобой.

– Нет, не могу ждать.

Я бросилась бежать со всех ног, что есть силы. Во дворе мечети, Да, увидев меня, тут же вскочила, обняв и поцеловав меня.

– Да, где Али? – спросила я.

– Али только что ушёл.

– И что он сказал?

– Ничего. Сказал только, чтобы я завтра уехала вместе с детьми.

– Али тебе сказал, и ты согласилась?

– Да, – ответила она.

– И что ты теперь собираешься делать?

– Ничего. Завтра утром уже уеду. Али сказал: «За Лейлу и Захру не переживай. Я для этого есть. Будь спокойна. Я за ними присмотрю. Ты забирай детей и уезжай. Остаться здесь опасно. Дети ведь не виноваты. Могут погибнуть».

Я благодарила Всевышнего за то, что Али уговорил мать. Но, желая видеть его, я снова спросила у Да:

– Ну и хорошо. Больше Али ничего не сказал? Не сообщил, куда поехал?

– Ничего не сказал. Только то, что идёт в Гвардию. С ним был его друг Хосейн Таиннежад. Сказал, что снова ходил к тебе в Центральную мечеть, но не застал.

Расстроенная я посмотрела на Да. Мне хотелось ей сказать, что ей надо отречься от Али. Но увидев её такой счастливой и вдохновлённой, мне не хотелось портить её настроение. Не выдержав, я подумала про себя: «Лучше я ей всё расскажу, что на душе» и, взглянув на неё, позвала:

– Да.

– Что, родная? – спросила она.

– Да, отпусти Али с миром.

Она уставилась на меня, вытаращив глаза.

– Благослови своего льва, Да, – продолжила я.

– Что означают эти твои слова? – спросила она. – Что значит: «Благослови своего льва». Что за бессмыслицу ты несёшь? – продолжила она, разозлившись. – Словно ты хочешь, чтобы с Али всё так и случилось.

– Нет, Да. Клянусь, это не так. Сколько я сегодня не бежала за Али, я не нашла его. Два дня уже не могу поймать его, но его и следа нет. Его голова забита совершенно другим. Да, Али пришёл, чтобы уйти.

Мои слова сильно испортили ей настроение. Но, как мне показалось, она была обижена не только на мои слова, но и на меня саму. Стоя напротив меня, она пристально смотрела в мои глаза и, скрежеща зубами, со злостью сказала:

– Бессовестная. Больше не произноси такие слова.

– Да, можешь говорить мне всё, что хочешь, но ты должна отпустить с миром своего льва.

Больше я не могла терпеть. У меня образовался комок в горле, а глаза наполнились слезами. Прежде чем политься слезами, я сказала:

– Прощай. – И выбежала на улицу.

Я представила, в каком сейчас состоянии Да, что до утра может с ней твориться. В жизни мне не хотелось стоять так напротив матери говорить то,

что может её огорчить. И я не знаю, какая сила заставила меня сказать, что Али должен будет уйти. Для меня его уход казался неизбежным.

Со своими израненными руками он прибыл в Хорремшахр, в то время как от него никто не ожидал, что, не успеет он приехать, как поедет на передовую. Я стала вспоминать его обойму и рубашку, и ещё многое, что мне говорило о том, что Али выбрал путь шахида. Добежав до Центральной мечети, я сразу пошла за обоймой и рубашкой Али, лежавших в верхней части комода в лазарете. Я взяла их оттуда и спрятала в углу, а потом, целуя и вдыхая их, прижала к груди. Поднеся их к глазам, я сказала:

– Где ты, Али? Почему всё время убегаешь от меня? Почему, куда бы я ни пошла, ты всегда бываешь там раньше меня?

Эти два дня, пока я безнадежно искала его, запах его рубашки немного успокаивал меня. Мне это напомнило историю, которую Папа рассказывал нам о пророке Юсуфе и его братьях.

Когда рассказ доходил до той его части, где братья Юсуфа передают окровавленную рубашку пророку Якубу и лгут, что волк растерзал Юсуфа, Папа начинал плакать и говорить: «Якуб знал, что это были козни его сыновей. Волк Юсуфа не разодрал, и он жив».

Наконец, подошёл к концу десятый день, который был очень насыщенным, и на улице потемнело. Иракцы, бомбившие город с обеда, теперь уже били вокруг мечети, по улицам Чехель-Метри, Фахра Рази и улице Энгелаб. Это продолжалось так долго, что я ребятам сказала:

– Я не ошибусь, если скажу, что они хотят ударить по мечети. Что теперь будем делать с ранеными?

Я и ответственным лицам в мечети сказала:

– Придумайте что-нибудь.

– А что мы можем сделать? – ответили они.

– Как минимум найти машину, чтобы отправить раненых, – сказали мы.

Постепенно мы отправили всех раненых в больницы Абадана и помыли пол в лазарете. Несколько дней я, кроме как для намаза, не вынимала ног из

обуви. Потом я совершила вечерний и ночной намаз. Я сильно устала на самом деле, чувствуя себя разбитой. Та ночь была тёмной и беспросветной, так как мы отключили все фонари. Я в первый раз сняла обувь в лазарете и легла рядом с Сабах. Взрывы раздавались на некотором расстоянии от мечети, дав нам немного успокоиться. Однако артиллерийский огонь иракцев не прекращался ни на минуту.

В тот день из мечети уехало много людей, после чего она опустела. Не было даже Геневи и остальных умалишённых. Я скучала по Аббасу. Из них только он меня не мучил. Господину Месбаху и остальным я сказала вчера, что устала от них и уже не выдерживаю их сумасшествия. Не знаю, куда их отвезли и кому перепоручили. После этих мыслей мои глаза сомкнулись.

Марьям, Захрэ, Ашраф и Сабах разговаривали, а я была погружена в мысли об Али. Как ни пыталась, я не могла заснуть, спрашивая себя: «Где сейчас Али? Чем он занимается? О, Аллах, увижу ли я когда-нибудь Али или нет?»

Не знаю, сколько времени прошло. Потихоньку мои глаза начали нагреваться, а веки смыкались. Каждый раз, когда мои глаза смыкались, я видела перед собой Али и резко дёргалась. Я открывала глаза, чтобы побежать за ним, но потом видела, что его и в помине нет. Находясь в полусне, я услышала два взрыва. Их звук был столь ужасающим, что подо мной задрожала земля и послышались звуки разбитого стекла. Через несколько минут во дворе мечети раздался громкий вопль:

– Помогите нам! Ребят убило! Стражи погибли! Ударили по Гвардии...

Услышав слова «гвардия» и «страж», я вскочила словно пружина. У меня всё тело задрожало. Завернувшись в чадру я вслепую, задевая ноги ребят, босиком выбежала во двор. В этой крошечной темноте я заметила юношу, который сгибался и выпрямлялся, царапая себе ноги. Он бил друг о друга руки и, громко крича, повторял:

– Убили ребят! Уничтожили их!

– Брат, куда ударили? – испуганно спросила я. – Кого убили?

– Ударили по нашему штабу. Всех убили, – в слезах кричал он.

– Где находится ваш штаб?

– В школе «Дарьябод Ресаи»¹, за Республиканской партией.

Я больше не могла ждать и, уже все мысли были только о том, как добраться до штаба Гвардии, не задумываясь об иракских солдатах и о представителях «пятой колонны» на небезопасных улицах. Я просто бежала. На улицах царил тишина. В темноте я не замечала рытвины, образовавшиеся на каждом шагу после попадания снарядов. Мои босые ноги, выгибаясь, проваливались туда. Несколько раз я падала на землю. Но я так спешила, что ничего этого не замечала. У меня в душе бушевал ураган. Я спрашивала себя: «Значит, и Али там был?» Потом успокаиваясь, говорила: «Нет. Али там нет. Он на передовой». Снова ругая себя, говорила: «Захра, разве те, кто там остался, у них нет сестры? Они тоже для своих сестёр, как и Али для меня. Тогда какая разница?» На какое-то мгновение я пришла в себя и увидела перед собой чёрную яму. Я вспомнила, что здесь рыли землю для окопов. Перепрыгнув через неё, за две-три минуты я очутилась на улице Хезбе-Джомхури² и, остановившись, сделала паузу. Ничего не было видно. Только густой дым и пыль обжигали мне горло. Потом побежала вперёд. Битые стёкла впивались мне в ноги, на что я не обращала внимания. Мне только хотелось быстрее понять, что же произошло? Где Али? Школа «Дарьябод Ресаи» находилась в конце улицы Хезб, на углу перекрёстка. При свете фонарей, горевших у гвардейцев, я смогла немного разобрать ситуацию. Ребята из Гвардии выносили шахидов из школы. Они, сами находясь в подавленном состоянии, рыдали и громко вопили. Среди этого столпотворения я увидела также Джаханара. Он молчал и был спокоен. Из его лица исходило горе. Среди этого шума и плача я слышала, как военные звали его:

– Мамед, что будем делать? Мамед, ребята погибли!

¹ Воспитательная школа для мальчиков в Хорремшахре, нынешняя «Шахид Фахмиде».

² Республиканская партия (перс. – Хезбе Джомхури).

Бедный Джаханара. В этом кошмаре все обращались к нему. Я, как и они, находилась в неадекватном состоянии. Потом прошла мимо Джаханара. Если бы я оказалась там в другое время, то остановилась бы и уважительно с ним поздоровалась. Но сейчас я ничего не соображала. У меня кружилась голова, и я отходила медленно назад, но столкнулась с препятствием. Я повернулась. На углу перекрёстка, у меня за головой припарковался красный «Шевроле Блэйзер». Я заметила, что туда хотят загрузить труп. Так как задние сиденья у него были откинuty, он использовался как машина скорой помощи. Я подошла и через окно заглянула внутрь «Блэйзера». Сперва было темно, и я ничего не видела. Через некоторое время чья-то рука подняла фонарь. Это был Джаханара. Одной рукой он держал дверь машины, а другой держал высоко фонарь.

Теперь через этот слабый свет я смогла разглядеть «Блэйзер» изнутри. Там лежали пять-шесть трупов. Я пригляделась внимательно. Никто из них не шевелился. И стоны оттуда не доносились. Стало понятно, что они все погибли. Среди них моё внимание привлёк шахид, лежавший у борта машины. Голова у него была обвязана тканью, глаза и рот – полуоткрыты. Немного был виден также верхний ряд зубов. Его борода, ресницы и волосы были так покрыты пылью, что невозможно было разобрать его лицо. Только по его повязке на лбу и форме зубов мне показалось, как он похож на Али. Последнее время он имел привычку во время сварочных и строительных работ обвязывать голову куском ткани. Из-за этих примет я засомневалась. На какое-то мгновение у меня вздрогнуло сердце. «Только бы это был не Али!» – думала я. Потом сказала про себя: «Нет! Все ведь говорили, что Али ушёл на передовую».

Эта схожесть внешности меня порядком взбудоражила. Именно поэтому, не обратив на остальных внимания, я вбежала во двор школы. Освещение было очень слабое. Тем не менее, можно было видеть разрушения в школе. Под ногами я чувствовала пыль, обломки кирпичей и рывины. Видимо с момента нападения, пока до нас дойдёт новость, прошло около

получаса. Ребята из Гвардии в силу своих возможностей вынимали убитых и раненых из-под обломков и укладывали их во дворе. Я искала Али среди стонавших и истекавших кровью раненных. «Лучше бы я разглядела тот труп получше, – говорила я себе. – Надо убедиться: это Али или нет».

Смятение, царившее там, и упадок духа не позволяли мне снова заглянуть в «Блэйзер». Был ужасный шум. Плач не прекращался ни на секунду. Головокружение не позволяло мне ни заплакать, ни успокоиться. Я искала одного пропавшего. Если бы я его нашла, то тогда бы и успокоилась по-настоящему.

Когда подъехали пикапы, я помогала загружать на них раненных. В один момент, выйдя на улицу, я заметила, как отъезжает «Блэйзер». Тронуся также один из пикапов. Я тут же запрыгнула на бампер, схватившись за борт. В нём было полно раненных. Вплоть до самой мечети я так и стояла на бампере. Как только пикап подъехал, все с мечети поспешили на помощь. Все уже проснулись, и горело освещение. Мы вынесли раненных. Их было очень много. Пол лазарета был заполнен ими. Самых тяжёлых уложили, остальные сидели, вытянув ноги. Надеюсь, что Али окажется среди этих раненных, я звала его: «Али, Али, где ты?»

Не услышав ответа, я не выдержала и выскочила наружу. Я запрыгнула в пикап, на котором мы привезли раненных и который возвращался в штаб Гвардии. Там стало ещё больше людей. Никому не давали войти в здание. Всем говорили: «Возможно там неразорвавшаяся ракета или снаряд».

– Я пришла забрать раненого, – сказала я им.

Мне показали троих раненных и сказали:

– Пока только эти есть. Мы ещё зайдём. Если окажутся раненные, мы их вынесем.

Мы усадили раненных и приехали в мечеть.

Мне было плохо, и кружилась голова. Я не знала, что делать. Наджар был очень занят. Когда он говорил: «Принеси такое-то средство», я давала

ему что-то другое. Он в ответ: «Хосейни, ты что делаешь? Что с тобой происходит?»

Я не знала, что ответить. Как я не пыталась взять себя в руки, у меня не получалось. Я не чувствовала рук и опять не знала, что делать, когда Наджар перед всеми на меня закричал:

– Почему ты так делаешь? Что у тебя с головой происходит? Нормально выполняй работу!

Он сильно со мной ругался. Но уже больше не обращал на меня внимание. Среди раненых я уже искала друзей Али, из которых я знала только Таги Мохсенифара, Мохсена Баглани и Ияда Хельми-заде. Но их там не было. Тут я заметила Хосейна Таинежада. Он лежал на земле с вытянутыми ногами. При виде его у меня застучало сердце. Ведь он был близким другом Али и вместе с ним ездил в Джаннатабад и мечеть «Салман».

– Таинежад, вы нашего Али не видели? – спросила я.

Он поднял голову и ответил:

– Али? Ваш Али на передовой. Его вообще с нами не было.

Сперва у меня возникла мысль, что он не хочет говорить правду, но потом подумала, какой ему смысл лгать мне. Не надеясь ни на что, я вернулась к своей работе.

Пол лазарета был залит кровью, и запах крови и пыли перемешивались друг с другом. Раненых уложили так, что невозможно было пройти между ними. Чтобы пройти в нужную сторону, нам приходилось подпрыгивать над ними. Постепенно в мечети и лазарете стало ещё теснее. Очень много гвардейцев в беспокойстве и смятении приходили проведать своих друзей. Сперва они спрашивали о Джаханара, беспокоясь за него. Они полагали, что в этих условиях, если и он станет шахидом, то все оборонительные соединения города потеряют управление. Они на самом деле были правы. Среди привезённых раненых, самое серьёзное положение было у Мохаммад-Джавада Гольшана. Его щиколотка спереди была ранена осколком, а кожа свисала с голени. Пятка с обратной стороны лежала на земле и была отделена

от голени. Хотя над щиколоткой рана была закрыта, тем не менее, она сильно кровоточила. Гольшан весь был бледный и не мог произнести ни слова. К нему подошёл Наджар и сказал:

– Здесь мы ничем не сможем ему помочь. Нога оторвана, надо быстрее отвезти в больницу. Кто его отвезёт?

Я тут же ответила:

– Я, я отвезу.

Наджар резко взглядом одёрнул меня, дав понять, что мне нет необходимости туда ехать. В ответ на его выражение лица я сказала:

– Я ищу Али. Может найду его там.

Он опустил голову и больше ничего не сказал. Трое парней из Гвардии взяли Гольшана под ноги, которые были в крови, и уложили в кузов пикапа. Я села с ними, и пикап тронулся.

– Мы отвезём Гольшана в больницу Нефтяной компании, – сказал Наджар. – Там у них оборудование получше.

По дороге несколько гвардейцев, сопровождавших нас, рассказывали друг другу о том, что произошло в школе «Дарьябод Ресаи»:

– Местоположение штаба Гвардии дала «пятая колонна», иначе его не вычислили бы, так как это место не было постоянным штабом. Мохаммад-Реза Рустай и ещё двое других как раз уволились, в тот момент их перевели в Абадан.

Я слушала, что говорили гвардейцы, и одновременно наблюдала за Гольшаном, которому становилось всё хуже. Я не знала, чем ему помочь. Из-за любви к Али я во всех гвардейцах видела его. И теперь брат Гольшан был для меня как Али. Я хотела положить его голову себе на ноги, но боялась побеспокоить его. С другой стороны, я испугалась, что он впадёт в кому. Чтобы ему легче было дышать, я взяла в руки и подняла его голову, но, обратив внимание на его истекающую кровью ногу, я медленно положила его голову на дно кузова пикапа и подтянула его оторванную ногу, чтобы уменьшить кровотечение. После того, как мы проехали пост, нас остановил

постовой. Из-за проблем с предателями на всех въездах и выездах из города по ночам расставляли контрольные посты. Когда машина остановилась, постовые не подошли. Гвардейцы прямо из пикапа крикнули:

– Свои. У нас раненый.

Но постовые ответили:

– Выходите.

Я, переживая за брата Гольшана и чувствуя, как он находится на последнем издыхании, сказала:

– Идите. Посмотрите, что говорят. Он уже умирает. Сейчас станет шахидом.

Солдаты спешили и пошли. Они долго не возвращались. Приближались спорящие голоса, и я крикнула:

– Что случилось? Почему не идёте?

Один из гвардейцев подошёл и сказал:

– Тут в одном из зданий видели несколько подозрительных людей. Ребята с поста никак не могут их оттуда выманить. Просят нас помочь. Если можете, вы тоже подойдите, потому что с ними ещё две женщины.

Я прыгнула и пошла вперёд. Возле недостроенного дома стояло несколько малолетних юношей, направивших свои винтовки на несколько хорошо одетых мужчин. Увидев меня, они сказали:

– Сестра, в этом здании две женщины. Мы не можем уговорить их выйти. Мужчин мы заставили выйти под угрозой применения оружия. Это не наши. Попробуйте сделать что-нибудь.

– У нас раненый. Сейчас он умрёт, – сказала я.

– Они возможно из «пятой колонны» и сами многих убили.

Я вошла во двор. Две крупные женщины, каждая из которых была вдвое шире меня, спорили с молодыми ребятами:

– Что вы от нас хотите? Что мы такого сделали? Вы выгнали нас из собственного дома и здесь тоже не оставляете в покое. Мы здесь нашли убежище.

Один из парней отвечал им:

– Сейчас вы думаете, что здесь очень безопасно. Если бы вы действительно искали убежище, то пошли бы в другое место.

– Ханум, почему вы упорствуете? – сказала я. – У нас раненый уже при смерти. Если у вас всё в порядке, то поезжайте. Зачем вы спорите?

Женщины никак не отреагировали. Тогда я взяла «Джи-3» из рук одного из ребят, дёрнула затвор, сняла предохранитель и прижала ствол винтовки к шее молодой девушки. «Джи-3» был тяжёлым, а девушка была высокого роста. Но с другой стороны меня терзали мысли о раненых из штаба Гвардии, об Али и Гольшане, находившемся при смерти. Всё это заставило меня отбросить всякий страх. Не имея больше сил держать оружие, я сказала:

– Бог – свидетель, если сейчас не выйдете отсюда, я выстрелю и отправлю вас к могилам ваших отцов. Я устала ждать. Давайте выходите отсюда, пока я вас не пристрелила.

Женщина столь грязно выругалась по-арабски, что я от стыда обомлела. Несколько ребят тоже видимо поняли, что она сказала, после чего опустили головы и вышли. Я от злости рукой схватила женщину крепко за косу через абу и сильно скрутила.

– Рот свой закрой, мерзкая женщина. Что ты здесь потеряла в полночь? Давай выходи. Иначе прям здесь пристрелю.

Потом я пнула её ногой и сказала:

– Выходи наружу.

Другой женщине, которой было лет сорок-пятьдесят, из уст которой ни на секунду не прекращалась ругань, я угрожающе сказала:

– Вон.

Я приставила ствол к её боку и заставила выйти. Гвардейцы вошли в дом и вернулись с несколькими автоматами Калашникова, «Кольтами» и ракетой. Теперь мы были уверены, что это шпионы. Увидев эту сцену, они сами стали умолять. Одевшись по арабскому обычаю, сперва они пытались

представить себя несчастными людьми, причитая, что укрылись здесь из страха перед иракскими атаками. Но, увидев, что их жалобы не имеют действия, стали ругаться и скандалить. Теперь, когда всё раскрылось, они стали умоляюще говорить:

– Клянусь. Мы ни при чём. Дайте нам уйти. У нас дети. Мы у себя дома живём.

– Надо было думать о них, когда вы ещё сидели в этой дыре и были непонятны ваши цели, – сказала я им.

Солдаты с поста посадили одного из мужчин впереди. Один из гвардейцев с оружием тоже сел рядом. Ещё троих посадили сзади пикапа. Когда машина тронулась, Гольшан уже находился в обморочном состоянии, и дно кузова пикапа было в крови.

– Видите, какую беду вы приносите нашим ребятам?! – сказала я женщинам, посмотревшим на него. – Чем они виноваты?

До больницы Нефтяной компании было недалеко, но, улица, ведущая к больнице, находилась под обстрелом. Водителю пришлось кружить по городу, чтобы добраться дотуда.

Перед воротами больницы медсёстры уложили Гольшана, уже лежавшем без сознания, на носилки и отнесли в операционную. Мы дошли с ними до дверей операционной комнаты. Они сообщили, что сейчас ничего не могут сказать о его состоянии.

Когда мы вышли, братья гвардейцы сказали:

– Садитесь. Надо этих людей передать Революционному суду.

Не успели мы сесть, как подъехал тот самый красный «Блэйзер». Увидев его, я больше не могла шевельнуться, хотя мне кричали: «Давай садись».

– Нет, я хочу остаться, – сказала я им. – Я хочу взглянуть на этих погибших ребят.

– Да потом узнаете. Сейчас, если вы останетесь в такое время ночи, кто вас потом отвезёт обратно в Хорремшахр?

– Нет, я ищу брата. Мне надо его найти.

– Неужели ваш брат среди них? – спросил один из братьев.

– Не знаю. Мой брат служил с гвардейцами. Возможно он сейчас среди них.

– Хорошо. Что теперь нам делать?

– Ничего. Вы езжайте и передайте их в суд. Потом приезжайте сюда за мной.

– Ладно, – ответили они и уехали.

Не понимаю, «Блэйзер» ведь так рано выехал из Хорремшахра, почему он целый час добирался до больницы. Я осталась. Теперь что мне делать? Подождать, пока они сами вынесут шахидов, или самой открыть дверь машины.

На небе едва проглядывала луна. Доносился запах газа. Двери и окна больницы Нефтяной компании были закрыты мешками с песком, не пропуская оттуда наружу свет. Не было слышно никакого шума и никакого движения. Через несколько минут подошли несколько медсестёр и работников больницы. Дверь открылась, и оттуда появился свет. Я подошла к двери. Мне показалось, что они хотят отнести шахидов туда. Я зашла туда в большой зал, пол и стены которого были уложены камнем, посреди находилось возвышение, а на одной его стороне были приспособлены многочисленные мойки для мытья посуды. Я догадалась, что это анатомическая комната. Я отошла в сторону и, пока трупы погибших заносили по одному, подошла к их изголовью. Первые трое были родом из Агаджари. Они были исполосованы осколками по всему телу, но лица остались целыми. Оливковый цвет их гвардейской формы почернел из-за большого количества крови. Работники и охранники приносили носилки, и я удивительно сильно испугалась. Моё сердце стучало. Внутренний голос спрашивал меня: «Кто был этот шахид? Почему твои мысли больше заняты тобой?» Принесли на носилках четвёртого шахида, носилки с которым положили на землю. Он остался без половины тела и головы. Осколки

разнесли ему плечи, а нижняя часть тела совсем отсутствовала. В общем, на носилках лежал смятый кусок мяса и висящие кишки. По остаткам взъерошенных волос и тела я поняла, что это был труп Таги Мохсенифара. Я помню, у него были пышные волосы и полное телосложение. Увидев его таким, я почувствовала себя плохо и очень стала нервничать. Я помню, с каким стеснением и смущением Таги заходил к нам домой. Он стучал в дверь и спрашивал: «Сейед-Али дома?» Я сказала про себя: «Да поможет Всевышний твоей матери, Таги...»

Пока разговаривала с Таги, я заметила, как привезли следующего покойника. Носилки поставили на землю, а его подняли. Я обратила внимание на труп и подбежала к нему. Взглянув, я ошеломлённым голосом крикнула:

– Это ведь Али?!

Одна из медсестёр повернулась ко мне и спросила:

– Ханум, почему ты кричишь? Кто такой Али?

– Али! Наш Али! Разве ты его не знаешь?! – кричала я.

Женщина обескураженно смотрела на меня. Я была в шоке. Бросившись к трупу, я сняла с его головы повязку и хорошенько взглянула на него. Это был он, Али. Я теперь не понимала, что делать и упала на труп. Я начала его целовать, нюхать, гладить.

Я рыдала и сетовала: «Али, почему ты так со мной поступил? Почему ты довёл меня до этого? Почему сейчас не встаешь поговорить со мной?»

Я обняла его голову. Его глаза были открыты, а на губах застыла красивая улыбка. Я вытерла пыль с его лица. Одна из его перевязанных рук застыла лицом кверху. Взяв эту руку, я сняла с неё повязку. Его пальцы были уже раскрыты. Какая же у него стала нежная кожа на руках. Я показывала её всем и говорила:

– Посмотрите, какая у него стала красивая рука, какая она нежная стала, пока была в гипсе.

Я внимательно посмотрела на его тело. Осколок разнёс ему левый бок, который был весь в крови. Ему также разорвало грудь, где в месте разрыва торчал большой осколок. Кости перебитых рук торчали наружу, а от ног тоже почти ничего не осталось.

Я не заметила, как прошло время, что я говорила, что делала. Только в один момент почувствовала, как у меня сильно горят щёки. Двое парней, взяв под руки оторвали меня от трупа. Я не понимала, что произошло. Меня снова ударили по лицу и было слышно, как умоляюще говорили:

– Заклинаю тебя, прекрати. Остановись. Хватит горевать.

Меня волоком отвели в сторону, а потом усадили сзади пикапа. Было видно, как они сами сильно плакали. Слышала, как медсёстры говорили:

– Мы не можем их здесь долго держать. Вам надо их быстрее забрать отсюда.

– Только не отдавайте Али никому, – умоляюще попросила я. – Я сама приду рано утром и заберу его.

– Хорошо, – ответили мне. – Только приходи до конца нашей смены, так как наши коллеги могут не знать об этом и отдать тело кому-нибудь другому.

Пикап тронулся. Ветер дул мне в лицо и обжигал кожу. Я молчала. Гвардейцы в это время разговаривали друг с другом:

– Рация, которую изъяли у тех женщин и мужчин, принадлежала матери. Они стопроцентно из «пятой колонны».

– Сестра, – обратились они ко мне, – мы давно приехали. Когда мы вас там увидели, то остолбенели и не решались подойти. Мы тоже сильно горевали.

Я ничего не ответила. Единственное, о чём думала – это то, что Хосейн Таинежад солгал мне. Мне хотелось пойти в мечеть и сказать ему всё, что думаю. Я отбросила все стеснения в сторону и не заметила, как прошла дорога.

Как только машина остановилась перед мечетью, я спрыгнула с неё и забежала в мечеть. Уже из самой двери я крикнула:

– Хосейн, Хосейн, Хосейн! Лжец и трус! Али погиб! Ты же мне говорил, что он ушёл на передовую?!

Тут я заметила, что кругом царила абсолютная тишина. Не было ни раненых, ни шума вокруг. Господин Наджар резко вскочил и возмущённо сказал:

– Эй, потише. Что случилось? Почему ты себя так ведёшь? Что за шум? Все устали и уже заснули.

– Этот Хосейн – лжец – сказал, что Али на передовой. Но Али погиб, – сказала я.

После этих слов Наджар успокоился и уже спокойно сказал:

– Хорошо. Успокойся, успокойся. Ребята заснули. Все устали. Все с самого утра и до сих пор не спали.

Бедные ребята от этого шума всё же встали и поняли, что произошло. Они стали обнимать и сочувствовать мне и рыдали. У меня душа так горела, что не могла сразу успокоиться. Наджар сказал ребятам ввести мне успокоительное средство. Но я не хотела принимать успокоительное и потому старалась увернуться от них. Все вместе они схватили меня, не дав шевельнуться. Им несколько раз пришлось вынимать шприц из моей вены, боясь при этом изранить мою руку.

Мне нельзя спать, – умоляла я их. – Я должна пойти забрать Али. Умоляю, я же одна. У меня никого нет. Я не могу одна идти. Идёмте со мной.

– Хорошо, – сказали они. – Мы пойдём с тобой. Только тебе надо немного поспать.

Несмотря на успокоительное, я не могла уснуть. Из-за кошмаров я дёргалась во сне. Я стонала и неожиданно вскакивала. Ребята держали меня и постоянно что-то говорили, чтобы успокоить меня. Встав в один момент, я сказала:

– Больше не могу ждать. Я должна ехать за Али.

– Подожди, пока азан прозвучит, – ответили они.

Я легла, но со звуком азана резко очнулась от введённой мне дозы успокоительного. Звук азана шёл из микрофона, удивительно успокаивая меня. Я встала и попросила девчат щипчиками собрать и вынести лежавшие на полу и царапавшие мне ноги стеклянные осколки. Потом я пошла, помыла ноги, сделала омовение и, став у колонны, совершила намаз в молельне. Потом я совершила утренний двухкратный намаз с намерением, чтобы Всевышний дал мне такое же терпение как у святой Зейнаб, которое мне помогло бы всё это выдержать. Изливаясь слезами, я просила у неё:

– Не дай этой беде сломить мои убеждения. Я веряю тебе Да, иначе она умрёт от такого горя.

Если бы я могла себе позволить рыдать и всем показывать своё горе, если бы не боялась лишить надежды остальных и сломить дух их сопротивления, то возможно я продолжала бы терзать себя. Мне было тяжело. Но ещё тяжелее было от того, что я пыталась сдерживать себя. Мне хотелось вырвать своё сердце из груди и потом разорвать его, чтобы оно ничего не чувствовало. Я чувствовала то же самое, что после гибели отца. Но на этот раз было хуже. Намного хуже. Я была глубоко опечалена гибелью отца. Теперь к этому горю добавилось ещё одно. После трёх месяцев отсутствия Али, после всей этой беготни вслед за ним, я теперь столкнулась с его трупом. Это меня ещё больше убивало. У меня внутри горел огонь, который невозможно было потушить. «Для чего теперь жить, – говорила я себе. – Чего теперь стоит этот мир. Жизнь потеряла смысл без Али. Лучше будет, если и я умру. Только бы Да не уехала из Хорремшахра и осталась здесь. Если ещё какая беда свалится на её плечи, то куда она пойдёт?»

Я чувствовала, как исчезаю в пучине океана и тщетно барахтаюсь в нём, не в силах до кого-либо докричаться. Как же я была одинока. Вокруг меня было много людей, но при этом чувствовалось одиночество. Поплавав в тайне от всех и оставшись наедине со Всевышним, я почувствовала облегчение. С горла сошёл спазм. Словно у меня с груди сняли какую-то

тяжесть. Но вместе с тем всё как будто умерло, и повсюду рассыпались пылинки горя. Всё вокруг для меня были в пыли. Но постепенно солнце поднималось выше, и небо становилось ясным. Для меня это утро было ужасным и болезненным. Всё ещё доносились звуки снарядов. Я надела туфли и, перед тем как выйти из Центральной мечети, позвонила в Джаннатабад. Я хотела у Зейнаб-ханум спросить, Лейла знает о смерти Али или нет.

Но трубку подняла сама Лейла. Удивившись столь раннему звонку, она спросила:

– Что случилось? Что произошло? От Али что-нибудь слышно?

– Нет, ничего, – ответила я. – Но Али разве не говорил Да уехать из города. Ты, если можешь, собери вещи и вывези её из города.

– Хорошо.

Потом она сказала:

– Захра, умоляю, если что-то случилось, скажи мне.

Я не хотела в тот момент что-либо говорить. Мне надо было быть рядом, когда она поймёт в чём дело. Не вызывало никаких сомнений, что ей будет очень тяжело узнать о гибели Али, поэтому я ей ничего не ответила и положила трубку. Я отчаянно размышляла о том, с кем поеду в Абадан и привезу тело Али. Тут я вспомнила, что дядя Селим сейчас рядом с Да находится. Он вернулся пару дней назад. Солдаты призыва 1977 года завершили свою службу, и вместе с ними вернулся и дядя. Эти несколько дней он вместе с Мохсеном загружал большие медные котлы в пикап или фургон и ездил к берегу реки за водой для мечети. Я спрашивала себя: если пойду за дядей, и Да, увидев меня, спросит насчёт Али, то что я должна буду сделать? Сказать: «Али стал шахидом. Видишь, я говорила: благослови своего льва». Её сразу хватит паралич, и всё закончится. Тогда вслед за отцом и Али Да тоже умрёт. Я была почти уверена, что Да при виде трупа Али не выживет. Несколько месяцев назад, перед гибелью Аббаса Фархан-Асади и Мусы Бахтвара, случившейся на границе в результате

боестолкновений с иракцами, Али, владея арабским языком, пытался разъяснить иракским солдатам сущность баасистского режима и доказать, что война между Ираном и Ираком – это происки с целью создания противоречий между мусульманами. Но иракцы в ответ начинали стрелять и накрывать нашу оборонительную линию снарядами. В следующий раз это приводило к тому, что баасисты начинали стрелять в сторону Али или того, кто вёл агитацию против них. Однажды ночью бои усилились, и наши позиции оказались разрушены. На следующий день Али с друзьями занялись восстановлением окопов и исправлением ям, разрушенных накануне. В это время из земли от окопов и окопных ям вылезла змея и укусила Али. Друзья быстро отвезли его в больницу «Мосаддег». Почти на рассвете постучали к нам в дом. Я открыла дверь. Это был один из наших соседских мальчиков. Он рассказал, что случайно оказался в больнице и видел там Али. Я с удивлением и беспокойством спросила: «Что же с ним произошло?» «Не бойтесь. Просто змеинный укус, – ответил он. – Но Али сказал мне, чтобы с вами обдумал, как это рассказать вашим родителям».

Я не знала, что делать. Отец ушёл ещё на рассвете и, пока вернётся, я мучилась в спорах с собой над тем, как это сообщить родителям. Наконец, когда отец пришёл, я рассказала, что Али, выпрыгивая из рва с водой, упал на землю и сломал при этом руку. Не успела я договорить, как отец сказал: «Нет. Наверняка этот парень погиб. Я слышал, что вчера на границе было жёсткое столкновение». После этих слов ему стало плохо, и он упал. На той стороне Да тоже начала стенать, из-за чего все начали скорбеть. Они так кричали, что сбежались соседи. Все что-то говорили, чтобы успокоить. Наконец, я сказала: «Почему вы не верите? Пойдёмте в больницу, сами посмотрите». Все пошли. Перед входом в больницу я попросила отца, Да и остальных подождать там, чтобы сперва найти Али, а потом позвать их. После всех расспросов я нашла Али в одной из палат реанимационного отделения. С него была снята одежда, и он был укрыт одеялом. Его лицо

сильно пожелтело, а сам он лежал без чувств. Вокруг него собрались ребята из Гвардии. Я подошла, поздоровалась со всеми и поцеловала его в лицо.

– Али, что случилось? – спросила я. – Ты всех заставил волноваться.

– Ничего серьёзного не случилось. Не говори ничего Да.

– Не говорить Да? Как ты себе это представляешь? Все, кто воюют, попадают сюда.

– Меня что, на границу отправили, чтобы только тебя в известность поставить? – сердито ответил он.

– Теперь не волнуйся и соберись немного, чтобы не напугать родителей. Сейчас они зайдут.

Потом я вышла и сказала родителям:

– Вот видите. Вы зря шум подняли. Али здоровый как бык лежит на кровати и отдыхает. С ним ничего такого не случилось.

После этого, увидев Али, они стали его обнимать и целовать, одновременно пуская слёзы. Он уже два дня лежал в больнице. После выписки он пошёл навестить Папу и Мими, так как мы их до этого не забрали с собой в больницу, чтобы они не волновались. Потом он сразу вернулся на границу.

Понятно было, что теперь случится с Да, которая до этого не могла перенести новость о ранении Али, если услышит новость о его гибели. Отбросив все сомнения, я направилась к мечети «Салман». Медсёстры сказали, что если я поздно приду, то неизвестно, кому передадут труп, поэтому боялась, что тело Али могут захоронить в Абадане, и хотела, чтобы он был рядом с отцом. Не знаю, как я пришла к этим мыслям и такому решению. Я совершенно не соображала, как я ещё жива и хожу по дороге. Если бы это было в моих силах, то лежала бы до тех пор, пока меня не заберёт Азраил¹. У меня уже не было сил, но это как будто не я ходила, словно меня кто-то подгонял или вёз на машине. Единственное, что я сейчас

¹ Азраил, Азраиль (араб.) или Мálж-аль-мáут (араб. – ангел смерти), в некоторых переводах: Асраил – ангел смерти в исламе и иудаизме, который помогает людям перейти в иной мир.

понимала, это то, что произношу зикр и обращаюсь к имамам за помощью. Мне не хотелось, чтобы Да по обстановке и выражению моего лица что-то поняла. Когда я зашла во двор мечети «Шейх Салман», Да уже не спала и при помощи дяди собирала вещи в плетёную корзину. Дети и большинство людей всё ещё спали. Я зашла на переулок, раздумывая, что делать: зайти или нет, прося Всевышнего, чтобы он сам подсказал выход.

Мне было очень тяжело. Я подошла с искусственной улыбкой. Но в тот момент мне это давалось тяжело и болезненно. Когда я поздоровалась, Да, уставившись на меня, испуганно спросила:

– Здравствуй. Что, мамина? С какими новостями ты пришла в такое раннее утро?

– В смысле? Разве что-то должно было случиться? – ответила я.

– Есть новости от Али? – спросила она.

От имени Али во меня всё существо перевернулось. Лучше бы меня забрал Азраил, чтобы я не могла ответить.

– Нет, Али у тебя был. Где я его могла видеть?!

– Тогда для чего ты пришла? Что хотела рассказать?

– Да, разве видно, что я должна что-то рассказать? Спрашивали солдат 1977 года призыва. Я пришла дяде сказать, чтобы он пошёл в Центральную мечеть. Им что-то надо.

Мне сразу именно эти слова пришли в голову. Дядя удивлённо взглянул на меня.

– Дядя, пойдём в мечеть, – сказала я. – Они ждут. У меня тоже были дела, надо было поехать отвезти завтрак в Джаннатабад.

Под таким предлогом я вывела дядю из мечети. Я вышла и стала сбоку мечети возле тупика.

– Что случилось? – спросил дядя. – Зачем ты туда пошла?

– Дядя, я солгала, – ответила я. – В мечети ты не нужен был. У меня самой к тебе дело.

– Что за дело? – удивился он.

Дрожащим голосом я ответила:

– Я пришла сказать, что Али больше нет. Али стал шахидом.

Дядя, сильно ударив себя рукой по лбу, сел и стал рыдать.

Я не ожидала от него такой реакции. Он не должен был плакать и должен был вест себя взрослее. Наоборот, мне хотелось, чтобы он меня понял, пожалел меня, обнял за голову и приласкал, приговаривая: «Не переживай. Али ушёл к Всевышнему. Ты не одна». Но этого в помине не было. Он ронял голову и стучал по ней руками.

– Почему? Почему Али должен был уйти? – говорил он. – Али был молод. Ему было всего лишь девятнадцать лет. Почему я, его дядя, будучи старше него, должен был жив остаться? Али ведь только ступил ногой в Хорремшахр!

– Дядя, умоляю, не веди себя так. Да догадается. Вместо того, чтобы рыдать, лучше придумай что-нибудь.

– Не могу! Не могу!

Тут я увидела, как из глубины улицы вышла Зейнаб-ханум. Увидев наше состояние, она поняла, что Али погиб. Как и дядя она начала рыдать и стенать. В объятиях Зейнаб и у меня потекли слёзы.

– Мать, больше так не делай, – со стоном отвечала я. – Я вам сообщила, что Али стал шахидом, для того, чтобы что-нибудь предприняли. Заберите Да отсюда. Я не хочу, чтобы она догадалась. Мне надо ехать забирать Али.

– Захра, я не верю глазам своим. Ты ли это?! Сколько же в тебе терпения, девочка?!

– Дядя, у нас мало времени, – сказала я. – Надо забрать Али. Придумай что-нибудь. Если опоздаем, то Али уйдёт из наших рук.

– Не знаю. Скажи, что надо сделать. У меня теперь голова не соображает.

– Не знаю. Сперва надо Да увезти отсюда, а потом забрать Али.

– Вы езжайте за Али, – сказала Зейнаб, – а я займусь отъездом твоей матери. Не переживай, я в любом случае вывезу её из города.

– Мать, я могу быть уверена? – спросила я, едва сдерживая себя.

Она обняла меня и в слезах ответила:

– Не сомневайся.

– Я не хочу, чтобы Да была здесь, когда мы привезём Али, – сказала я.

– Будь спокойна, – ответила она, вытерев мне слёзы.

Теперь никак не получалось привести в чувство дядю. Я нервничала, поскольку боялась, что выйдет Да и увидит нас такими.

– Дядя, хватит, – говорила я постоянно ему. – Умоляю тебя, вытри слёзы, сейчас Да придёт и увидит, что стряслась беда.

– Не могу, – отвечал он.

– Вставай, вставай. Иди к Да и скажи, чтобы ехала с детьми, а ты потом приедешь за ними.

Он встал, сделал несколько шагов, чтобы прогуляться до конца переулка и прийти в себя. Он всё время вытирал слёзы, чтобы спокойным предстать перед Да. Потом мы зашли все втроём.

Зейнаб-ханум, как ни в чём не бывало, радостно поздоровалась с Да и, спросив, как у неё дела, сказала:

– Я пришла за вами.

– Серьёзно?! Куда? – удивилась Да.

– Разве Али не сказал тебе уезжать из Хорремшахра? Я пришла забрать тебя и посадить в транспорт.

– У тебя разве есть машина?

– Слава Всевышнему, мы найдём машину. Сейчас собирайся. Едем.

Да, вся в шоке, спросила дядю Селима:

– Селим, что произошло?

– Ничего. Мне надо ехать в мечеть, – ответил дядя.

– Если ты сейчас уезжаешь, то когда вернёшься?

– Сейчас надо ехать, посмотреть, что им надо от меня. Вы езжайте. Я потом сам догоню вас.

– Давай, едем, – сказала я дяде.

Я не мола себя заставить взглянуть на детей, встававших по одному. Была высокая вероятность, что эта встреча могла стать последней, и я их не увижу. Я очень надеялась, что после Али я сама не буду долго жить. Если бы я не считала самоубийство грехом, то возможно наложила бы на себя руки или утопилась бы в реке. Единственным способом присоединиться к отцу и Али было попасть на линию боёв. Я должна отправиться на передовую, так как только при оказании помощи при летающих пулях и осколках смогу найти свою судьбу.

Как только мы вышли из мечети, дядя сразу разразился слезами. Находясь в таком состоянии, он спросил:

- Что ты думаешь делать?
- Надо найти транспорт и поехать в Абадан забрать Али.
- Сейчас нет, но попробую организовать.
- Мне сейчас нужен транспорт, иначе опоздаем.
- Ладно.

Когда я зашла в мечеть, девочки уже все проснулись. Сабах и остальные девочки сказали, что поедут со мной.

– Нет, – сказала я. – Во-первых, у нас нет транспорта. А потом, если раненых привезут, что тогда? Вам надо здесь быть.

– Я поеду с тобой, – сказала Сабах.

Хосейн Эйди тоже, пуская слёзы, сказал:

– Сестра, я только узнал о случившемся. Я тоже поеду.

Было решено, что в Абадан поедет я, дядя, Сабах, Хосейн Эйди и Абед, брат Юнуса Мохаммади¹, с которым я познакомилась в мечети.

Мы вышли из мечети и увидели припаркованную на улице машину скорой помощи.

- Попросим водителя скорой отвезти нас, – сказал Хосейн.
- Нет, они не согласятся, – сказала я. – Они стоят здесь из-за раненых.

¹ В то время Юнус Мохаммади представлял жителей Хорремшахра в Исламском Консультативном Совете.

В попытках найти транспорт все разбежались по сторонам. Я тоже дошла до начала улицы Чехель-Метри. Наши поиски были тщетными, и мы снова собрались перед мечетью. Ребята предложили:

– Давай скажем водителю скорой. Так рано мы машину не найдём.

Мы подошли к машине. Стекло со стороны водителя было опущено. Водителю, молодому худому человеку, я сказала:

– Извините, брат. У нас один шахид лежит в больнице Нефтяной компании. Мы бы хотели его забрать. Вы сможете нас отвезти?

– Простите, мне стыдно. Но я здесь стою на случай, если привезут раненного, чтобы отвезти его в Абадан, – ответил он.

– Но сейчас, слава Аллаху, нет раненых. Мы быстро поедem и вернёмся.

Как я его ни уговаривала, он ни за что не соглашался. Наконец, когда мой голос от волнения задрожал, и я попыталась не расплакаться, я сказала:

– Смотри, я сама всегда старалась побыстрее отвезти раненых в больницу. Я прекрасно понимаю, что это ваша работа, но заклинаю тебя, сейчас я хочу забрать тело своего брата. Нет никакого транспорта. Если я не успею, то его могут похоронить в другом месте. Я не хочу так. Я хочу похоронить его рядом с отцом.

После этого, поникнув головой, он произнёс: «Ля Иляха илля-Ллах». Потом положил голову на руки, державшие руль, и сказал:

– Ладно. Садитесь.

Я подозвала ребят. Кроме Абеда, все мы сели в заднюю кабину скорой. В отличие от предыдущих машин, эта была новее и чище. Я уселась на полу скорой, согнувшись в углу, и, поставив голову на колени, стала мысленно беседовать с Али. Я совсем не заметила, как мы доехали, и не помню, сколько мы искали Али. Помню только, что уже не плакала. Слёзы мои высохли, я чувствовала слабость и не могла выпрямиться. Потом присаживалась, но, не выдерживая, снова вставала.

Я помню, как одна медсестра обняла меня и в слезах рассказывала дяде и остальным, что вчера произошло.

– Мы вчера все за тебя переживали, – сказала она мне. – Ты бросилась к покойнику и говорила: «Я три месяца не видела Али. Истосковалась по нему. Очень хотела его видеть». Ты говорила о ваших детях. Говорила о лучших качествах Али. Показывала нам его руки. Я очень часто видела, как погибал или умирал чей-либо отец или брат, как горевали матери, потеряв близких. Но такого, как вчера, никогда не видела. Вчера вечером ты своими действиями и словами всей душой горела. Плакали и мужчины, и женщины. В конце концов, мы втроём силком тебя оторвали от покойного.

Уложив Али в скорую, я села рядом с ним и обняла за голову. Когда машина тронулась, меня снова охватили боль и переживания. Я что есть силы начала стонать и рыдать. «Отец говорил, что пока ты приедешь, ответственность за Да и детей будет возложена на меня, – говорила я. – Ну почему ты это всё так оставил? Что я теперь буду делать с этими детьми? Что я отвечу Да после всех этих ожиданий? Я говорила себе, что ты приедешь и станешь для Саида и Зейнаб вместо отца».

Я его ласкала и гладила по волосам, стирала с него пыль и говорила с ним. Я ухаживала за ним словно мать за ребёнком. Я уже так усадила Али, что обняла его по грудь. Хотя у него кровь на ранах почти высохла, но они снова начинали кровоточить после моих прикосновений. Его изорванная гвардейская форма была в крови. Это была та самая одежда, которой мы восторгались, когда он надел её в первый раз. Уже с того момента я думала о том, что Али погибнет. Я была уверена в этом, особенно после того, как он сам сказал, чтобы мы поставили его фотографию в комнате. В тот момент я сказала себе: мы обязательно проявим терпение после гибели Али и не будем плакать, поскольку он сам нас просил быть подобно матери Аббаса, но потом я сама себе сказала в ответ на слова Али: «Разве я смогу такое спокойно перенести. Когда умрёт Али, и я должна умереть». Именно поэтому я столько дней плакала. Каждый раз, когда Али приходил домой, я свободно вздыхала

и говорила: «Слава Аллаху, что он до сих пор не погиб, и своим возвращением вновь вселил в меня радость». Даже отец, будучи крепким человеком, переживал, когда он уходил из дома, и начинал плакать. Мы не решались говорить Али, что волнуемся за него. Его это раздражало. Однажды я ему сказала:

– Али, уходи из Гвардии. Все, кто уходят в Гвардию, потом погибают. Уходи оттуда. Иди, веди джихад в любом другом месте, каком захочешь. Только в Гвардии не оставайся. Я всё время за тебя переживаю.

Али, тут же вспыхив, сказал:

– Разве мать Аббаса не переживала за него?! Разве мать Мусы не тревожилась? Разве у них не было родных? Я до тех пор буду в Гвардии, пока не погибну.

И потом он вышел из дома. Да сидела и плакала. Вспоминая все эти моменты, я плакала до боли. Все, кто были в скорой, тоже сопереживали. Дядя, постоянно обращаясь с мольбами, брал меня за руки и целовал их.

– Захра, родная, прекрати уже, – говорил он. – Я сейчас сам умру, видя, как ты страдаешь. Умоляю, иначе я не вынесу этого.

Когда мы доехали до Хорремшахра, я сказала:

– Поедем в Центральную мечеть.

Надо было из мечети позвонить в Джаннатабад, чтобы убедиться, что мать уехала.

– Мы позвоним, – сказали ребята.

– Нет, – ответила я, так как боялась, что по их неопытности все узнают о гибели Али.

Скорая остановилась перед мечетью. Дядя помог вытащить из-под моих ног тело Али. Я не могла встать. Чувствуя, как моя поясница согнулась вдвое, я с трудом выбралась из машины. Господин Эбрахими позвонил в Джаннатабад и передал мне трубку. Не линии была Лейла.

– Я, Зейнаб-ханум и господин Саларванд забрали Да и детей. Саларванд приехал на своём «Пейкане» и отвёз их до остановки «Дарвазейе

Абадан». Зейнаб-ханум посадила Да в микроавтобус, который ехал до Сарбандара. А ты где? – спросила она потом. – Ты сюда едешь? – Было видно, что она переживала из-за отъезда Да.

– Я сейчас еду туда, – ответила я.

– Ты какая-то сегодня странная, не как обычно. И голос не такой у тебя.

– Ничего такого. Просто устала.

– Ты никогда не говорила об усталости, – удивилась она.

– Вот сейчас говорю. Уже и вправду устала. Переживаю за Да и детей, за то, что они уехали.

После этих слов я положила трубку и вышла. Девочки в мечети, господин Фаррохи, Эбрахими и ещё многие стояли, собравшись вокруг скорой, и плакали, увидев Али. Я очень старалась сдержать себя. Потом зашла в машину и, обратившись ко всем, сказала:

– Почему вы плачете? Вы должны меня поддерживать, а не стоять и плакать. Сегодня день свадьбы Али. Он сам сказал, что день, когда он станет шахидом, будет для него днём женитьбы. Поэтому радуйтесь все. Али дошёл до своей цели.

От этих слов все взволновались и дали волю слезам и стонам. Когда скорая тронулась, многие провожали её некоторое расстояние. Я снова обняла Али за голову и вспоминала мать. Теперь, когда Али в городе, где она? Что делает? Знает ли она, что мы везём её любимое дитя в таком состоянии в Джаннатабад? И ей придётся узнать, что она больше не увидит своего сына?

Через некоторое время мы доехали до Джаннатабада. Хосейн Эйди открыл дверь скорой. Зейнаб, ждавшая нас, подбежала к машине и стала бить себя по груди, громко причитая:

– Мать, да будет благословенной его смерть. Поздравляю тебя с женитьбой Али.

Тут я испуганно спросила:

– Лейла? Где Лейла?

– Не бойся за неё, её сейчас здесь нет. Я ей ничего не рассказала.

И она снова стала бить себя по лицу и груди. Наклоняясь, царапала себе ноги. Била себя по лицу и громко вопила.

– Мать, умоляю, не надо так, – говорила я ей. – Почему ты себя так ведёшь? Ты, которая в худших ситуациях успокаивала меня! Видя тебя такой, мне становится ещё хуже.

Потом принесли носилки и уложили на них Али. Зейнаб помогла мне спустить их. Мои ноги, находившиеся под Али, были в крови. Моё сердце было изранено. Я поняла, что осколок попал ему и в затылок. Несколько ребят из Гвардии, из народного ополчения, которых я видела ещё в мечети, раньше нас доехали до Джаннатабада. С ними были ещё несколько работников городской администрации. Али забрали в омывальною.

– Куда вы его забираете? – спросила я.

– Мы хотим его омыть и обернуть в саван, – ответили мне.

– У нас нет ни воды, ни савана. Вы не сможете его ни омыть, ни обернуть в саван.

– Мы приготовили для него саван и воду привезли.

– Зачем вы злоупотребляете положением?

– Что значит злоупотребляем? Есть вода, и есть саван. Мы хотим его омыть.

После этого они занесли Али в омывальный домик. Больше я никого не видела и ничего не слышала. Я не могла там стоять и ушла. Куда, не знаю. Расстроенная и растерянная я шагала и шагала. Не знаю, сколько времени прошло, как меня позвали. Я подошла к омывальному домику. То ли Парвизпур, то ли Саларванд спросили меня:

– Что делать с одеждой твоего брата?

– Не знаю, куда её убраться, – ответила я.

Я ничего не соображала, но испугалась забрать её домой. Вдруг кто-нибудь её выкинет. Или иракцы ворвутся в дом, а я не успею достать её.

Я стала думать, что делать. Потом сказала:

– Принесите её.

Я взяла одежду Али и поцеловала её. В какой-то момент я решила захоронить её как одежду шахида. Только мы её закапывали, чтобы её не забрали. Мне надо было её так закопать, чтобы я знала, где она лежит, когда захочу забрать её. Я взяла пластиковый пакет, взяла одежду и ботинки, даже резинки, которые обхватывали и закрывали край брюк. Ребята-гвардейцы сказали:

– Сестра Хосейни, что ты хочешь со всем этим делать? Скажи нам, мы сами всё сделаем.

– Я сама хочу захоронить эту одежду. Пусть никто за мной не идёт, – ответила я.

Даже не знаю, что я чувствовала, и что со мной было, но все, кто там был, смотрели мне вслед и плакали. Я подошла к дереву в маленьком лесу, где кроны беззастенчиво переплетались друг с другом. Я села под деревом, прижала рукой одежду и сперва засунула в пакет ботинки. Мне не хотелось ставить туда одежду. Я целовала её, подносила к пакету, но снова забирала и прижимала к груди. Я вспомнила Папу и звала его. Он очень сильно любил Али. Я говорила ему: «Папа, ты где? Это окровавленная одежда принадлежит Али. Твоему Юсефу. Папа, на этот раз волки действительно загрызли Юсефа».

Наконец, я оттолкнула от себя одежду и засунула её в пакет. Пометив дерево, я под ним вырыла яму и закопала в ней одежду. В той обстановке, когда все твердили: «С каждым днём наступление иракцев усиливается. Оружия нет. Подкрепления нет», я была почти уверена, что за короткое время враги возьмут город. Поэтому Джаннатабад, в котором я наизусть знала каждую пядь, была лучшим местом, чтобы спрятать её. Под этими деревьями погибших не хоронили, и никто сюда не приходил.

Потом я вернулась и села. Прислонившись к стене омывального домика. Я всё переживала за Лейлу, когда она подойдёт, и не знала, что ей

сказать, чтобы не ввергнуть в шоковое состояние. Снова подошёл Парвизпур и на этот раз дал мне в руки два патрона и часы Али.

– Патроны были в кармане его рубашки, – сказал он.

И часы, и патроны были в крови. Осколок разбил металлический браслет часов, а стрелки циферблата остановились на десяти минутах одиннадцатого. Я их положила в карман и встала. Дяде и всем, кто был рядом, я сказала:

– Пойдёмте, подготовим ему могилу.

– Сестра, мы уже вырыли там могилу, – сказал Хосейн.

Я посмотрела в ту сторону, куда он показал: очень далеко было от могилы отца.

– Нет, там очень далеко, – сказала я. – Я хочу, чтобы он был рядом с отцом.

Мы направились к могиле отца. По велению Всевышнего за пять дней, которые прошли после его смерти, несмотря на то, что постоянно хоронили погибших, возле захоронения отца оказалась пустая яма. Та самая, которую вырыли для отца, но заполнилась водой. Тогда сказали, что, когда будут хоронить следующего шахида, она высохнет.

Хосейн и ещё двое выбрасывали оттуда землю, засыпанную прежде, чтобы высушить яму. Я же села у могилы отца и глядела в то место, которое через несколько мгновений будет принадлежать Али.

Через некоторое время тело Али положили в гроб и вынесли. Я была не в состоянии встать. Мне хотелось, чтобы там никого не было и гореть, выплеснув весь свой огонь наружу. В мечети я видела некоторых солдат, которые горевали из-за своих раненых и погибших товарищей. Их слова и поступки оказывали негативное воздействие на остальных. При всём своём горе я не хотела уподобляться им. Когда сопровождавшие дошли до грунтовой дороги, я встала и пошла навстречу Али. Те, кто держал гроб, расступились передо мной, и я от начала и до конца придерживала его снизу.

Когда мы подошли к могиле, у меня в ушах слышался голос Али, когда Да спрашивала его: «Али, когда я увижу твою свадьбу?» На что он ответил: «Моя свадьба состоится в день моей гибели, когда меня отнесут к моей могиле, и я войду в покои. Я хочу быть окрашенным кровью». Эти его слова ранили Да. Но он уверенно произносил эти слова. Я совсем не смотрела по сторонам и ничего не видела. Ноги меня уже не держали, несколько раз сгибаясь и с трудом сохраняя равновесие.

Гроб положили рядом с могилой на землю. Мне уже хотелось раскрыть саван и увидеть его лицо, но этого мне не дали сделать. Сказали: «Имей уважение к нему». И я там же присела, прильнув к гробу. Дядя Селим тоже был не в себе. Он всё время то садился возле трупа, то вставал, снова шёл и, громко рыдая, говорил:

– Али, ты же был моложе меня. Ты должен был меня хоронить, не я! Почему я должен находиться у твоего изголовья?! Что я теперь скажу Папе? Что скажу Мими? О, Аллах! Что я отвечу его матери? Шахпасанд, где ты? Твой сын ушёл без тебя!

В один момент я подняла голову, собираясь что-то сказать дяде, как увидела издалека Лейлу. Я собрала весь свой страх. Если Лейла увидит меня в таком состоянии, то обязательно поймёт, что этот шахид – кто-то близкий, раз я так близко с ним нахожусь. Я не хотела, чтобы она сразу наткнулась на такую сцену. Я встала и отошла в сторону от Али. Когда Лейла подошла и увидела меня, она спокойно поздоровалась со мной и сказала:

– Да уехала.

– Здравствуй, – ответила я.

Внимательно взглянув на моё лицо, она спросила:

– Что случилось?

Я промолчала.

– Шахида привезли? – спросила она.

– Да, – ответила я.

– Кого?

Выдержав паузу, я сказала:

– Одного из гвардейцев.

Лейла подошла туда и взглянула на всех, кто там собрался. Как оказалось, она всех знала. И снова спросила:

– Я его знаю?

– Да, думаю, знаешь.

– Как его зовут?

Я не могла раздвинуть губы. Она посмотрела на меня. Я не знала, что ей сказать, думая о том, как произнести имя Али, как она сама сказала:

– Неужели наш Али?

Я кивнула и сразу сказала:

– Лейла, умоляю, только держи себя в руках. Али мечтал об этом дне.

Мы обе сели друг напротив друга. Лейла подняла голову к небу и с горечью и болью вскрикнула: «О, Хусейн!» и, закрыв голову руками, стала лить слёзы.

Она с таким дрожащим голосом, стоная, произнесла эти слова, что я чувствовала, как горело всё её существо. Вокруг неё все громко заплакали. Зейнаб подошла и, обнимая и целуя Лейлу, соболезновала ей. Лейла не могла говорить. Её трясло, и она рыдала. Она опустила голову и так наклонила вперёд платок, что я не видела её лица. Только капли слёз, стекавшие по лицу, были видны. Сама, находясь в состоянии дрожи, я бросилась к ней и стала обнимать. Дядя подошёл к нам. Он выглядел хуже Лейлы и всё время бил себя по лицу и по рукам, стонал и больше меня горевал.

– Дядя, дядя, – несколько раз говорила я ему.

Он был столь подавлен, что ничего не соображал. Тогда я встала и сказала ему:

– Дядя, ты же мужчина. Ты должен нас успокаивать. Это разве правильно, что я тебя успокаиваю?!

– Не знаю. Не могу, – ответил он.

Увидев, как Али вытаскивают из гроба и кладут рядом с могилой, я оставила их обоих и пошла к нему. Видимо из-за высокой насыпи вокруг внутри ямы осталось много земли, и его тело снова подняли и поставили немного поодаль. Они хотели выгрести всю землю из могилы. Я воспользовалась этим моментом и, подошла к Али, обняв его за голову и развязав узел поперек савана. Мне сказали:

– Не делай этого.

Но я не слушала. Я отодвинула голову Али. Его лицо было очень чистым и светилось. С него смыли грязь и черноту. Кожа его лица смотрелась столь естественно и красиво, словно ничего не произошло, и Али уснул. Только немного похудел, а под глазами появились ямы. Это был результат вскрытия. Я прижала его голову к груди, целовала и гладила его по бороде до тех пор, пока меня от него не оттащили. Ровно как в те дни, когда он после нескольких дней отсутствия возвращался домой, а я бежала к нему навстречу. Я обнимала его за голову и целовала. Или когда расчёсывала ему бороду.

Да возмущалась, видя это. Она увещевала меня, чтобы я отошла, и говорила: «Хватит уже. Угомонись, прошу тебя». Но я не могла отказываться от таких моментов, и мне уже было всё равно. Иногда я себя контролировала, а иногда была столь слаба, что говорила себе: будь, что будет. Но теперь мне уже всё равно. Наконец, Зейнаб оттащила меня, и сама обнимала и целовала Али. Она так с ним красиво и ласково говорила, словно это был её сын. Видя, как себя вела Зейнаб, мне стало жалко Да, которой здесь нет и уже никогда не увидит Али.

Я смотрела на полуоткрытые глаза и улыбку на губах Али, как Хосейн в это время сказал:

– Дайте тело.

Я отошла назад, в могиле были Хосейн и старик, читавший талкин, с одним из омывальщиков.

– Я хочу сама уложить Али, – сказала я.

Хосейн вышел оттуда, пустив туда меня вместо себя. Зейнб последовала за мной, и омывальщик тоже выбрался оттуда. Тело подняли, я взяла его за голову, Лейла – за корпус. Я чувствовала уже, как у меня ломит поясницу, но не от тяжести тела Али, а от тяжести горя от его утраты, которое испытывала. Я думала, что уже не выпрямлюсь, и уже больше ничего не хотела. Но меня вновь преследовало то самое чувство горечи. И снова я про себя говорила, что это сердце надо вырвать из груди и разорвать на куски, чтобы больше не чувствовать ни горя, ни радости, ни тепла, ни холода и ничего ещё другого.

Дядя, рыдая, говорил:

– Вытащите его оттуда, он же страдает. Умоляю, выходи! Я как будто ничего не слышала, продолжала своё дело. Мы уложили Али. Я с трудом уселась в яме и надеялась, что что-нибудь произойдёт, и я больше не выйду оттуда: умру и буду похоронена вместе с Али. И, хотя везде светило солнце, я находилась в темноте и черноте. Мне казалось, что всё застыло, и только существование Али согревает всё вокруг. Если я отделись от Али, то перестану существовать. Каждый раз, наклонившись, я целовала ему лицо, ласкала его. Мне хотелось остаться и вот так говорить с ним.

Зейнаб уже выбралась из ямы и вместе с дядей Селимом и другими начали приставать ко мне.

– Выходи оттуда, – говорили они мне, не переставая.

Наконец, они взяли меня за руки и вытащили из ямы. Старик, читавший талкин, начал произносить шахаду и отпевать покойного. Когда он перечислял имена имамов, мне казалось, что Али радостно произносил хвалу Всевышнему.

Теперь я бросала к ногам Али землю. Закончив произносить талкин, старик взял могильные камни и начал их прикладывать со стороны ног. Я не отводила глаз от лица Али. Насколько же для меня ценным было смотреть, как прикладывают их. С каждым прикладываемым камнем он словно становился ближе к тому миру. Когда ставили последний камень, мне

казалось, что дует сильный ураган и всё сметает с земли. Как и при погребении отца мне казалось, что всё погрузилось в горький и невероятный сон. Я и теперь ждала, что Али встанет и скажет мне, что всё это обычный кошмар. Но с последним камнем мои глаза перестали что-либо видеть. Мне хотелось бежать, но уже не было сил подняться с земли. Как будто всё моё существо застыло. В какой-то момент я почувствовала, как всё же встала с земли и иду наверх. Я оказалась в какой-то пустоте и снова погрузилась в чёрную бездну. Меня окружали высокие и чёрные стены, тянувшиеся до небес. Так как одна рука Али застыла протянутой наверх, то я была уверена, что её сломали в омывальне. И я бродила в этой темноте, слыша повторяющийся звук трескающейся руки. Я закрыла уши руками. Горькое и ужасное состояние, которое я испытывала, становилось всё сильнее.

Я вспомнила, как завидовала матери Аббаса Фархан-Асади, когда он погиб, и говорила, как же Всевышний любит эту женщину, что её сын выбрал свой путь. Её жертва была принята. Потом я просила Аллаха, чтобы он и нас включил в плеяду семей шахидов. Теперь это случилось, и тот миг настал. Но расстаться с родным человеком было очень тяжело, очень.

Не знаю, что я делала и в каком состоянии была, когда старик, прочитав талкин, вышел оттуда и уже собирались зарывать могилу, при этом чего-то выжидая. Тут я пришла в себя и заметила, что взгляды всех направлены на меня.

– Что случилось? – спросила я. – Чего вы ждёте?

Они снова смотрели на меня. Я сама руками стала заталкивать землю внутрь могилы.

– Сестра, землю уже кидать? – спросил спокойно Хосейн.

– Да, – ответила я.

После этих слов мне вновь захотелось лечь на камни и быть погребённой под землёй.

Я вспомнила траурные песнопения Да, когда она оказывалась в кругу женщин в дни Ашура. Она пела об Али-Акбаре, а женщины били себя в

грудь. В той части, где она произносила тяжёлые фразы о погибели, она уже не могла себя сдерживать, рвала на себе воротник и била себя по голове и груди. Где теперь Да, чтобы стенать над изголовьем своего Али-Акбара и читать траурные песни.

Поверхность могилы выровняли, и Зейнаб полила её сверху водой. На куске цементной плиты также написали:

«Шахид – сердце истории».

«Сейед-Али Хосейни. Погиб 02.10.1980»

Потом его поставили над могилой. Лейла, теперь сидевшая рядом с могилой, обнимала могилу и рыдала. Я также, сидя у нижнего края, согнулась и положила голову на насыпь. Мне хотелось, чтобы, как в тот день, когда погибли Аббас, Муса или Сейед Джафар Мусави, здесь собрались все ребята из Гвардии. Тогда они собрались вокруг могил шахидов, пели песни и, произнося свой девиз, давали новую клятву. Жаль, что их не было, ибо это принесло бы мне утешение.

Дядя безутешно плакал, и всё время меня целовал. Целуя мои руки, он говорил:

– Вставай, пойдём. Я уже валюсь с ног. Умоляю, идём.

Когда я собралась уйти, подъехал пикап с пятью-шестью трупами иракцев. Два из них сильно обгорели и были обезображены. Один из парней, приехавших на пикапе, не знаю, откуда он меня знал, сказал:

– Сестра Хосейни, здоровья тебе. Ваш Али погиб не просто так, он потащил за собой и нескольких баасистов. Это, как видишь, были танкисты; их Али уничтожил из гранатомёта.

Хотя он сказал: «Здоровья тебе», мне не понравилось. Особенно, когда увидела, что вместе с пикапом прибежало несколько собак, постоянно кружившие вокруг машины и издававшие лай.

– Я никогда не получала удовольствие от вида этих трупов, – сказала я.

– Мы не знаем, кто они, зачем пришли воевать с нами. Может, их силой привели.

– В любом случае они вторглись и напали на нас, – ответили они.

Трупы были в жалком состоянии. Ребят охватывала брезгливая дрожь из-за необходимости их хоронить.

– Давайте выроем одну яму и всех сбросим туда, – сказали они.

– Это неправильно, – вмешалась я. – Пусть если сейчас они баасисты, но от рождения были мусульманами. Сделайте каждому отдельную могилу. Я сама буду их копать.

– Нет, вам не надо. Мы сами это сделаем, раз вы попросите.

Мы с Лейлой, дядей, Хосейном и Зейнаб вернулись в омывальною. Старики-омывальщики и Марьям-ханум сидели в углу стены и курили. Они все столько плакали, что их глаза и лица опухли. Увидев нас, они встали. Марьям подойдя ко мне, обняла и поцеловала меня. Потом она обняла Лейлу и стала нам соболезновать.

По настоянию дяди мы с Лейлой поехали в мечеть. Во дворе мы прислонились к стеклянным дверям молельни и молча сидели друг напротив друга. Я не хотела ни с кем и ни с чем иметь дело, дойдя до такого состояния, что, если бы мне не пришлось говорить, могла бы молчать несколько дней. В таком волнении и изнеможении я вдруг заметила невысокого солдата с бурыми волосами, который прислонился к стене прямо напротив и уставился на нас своими зелёными глазами. Мне это очень не понравилось. Я старалась не обращать внимание. Наконец, дядя нарушил возникшее между нами молчание и спросил:

– Что вы собираетесь делать? Со мной не едете к вашей матери?

– Нет, я не хочу ехать, – ответила я. – Хочу остаться здесь.

Когда дядя взглянул на Лейлу, она тоже ответила:

– Пока Захра здесь, я тоже остаюсь.

– Я сейчас поеду к вашей матери, что я скажу ей, если она спросит про вас, спросит про Али? Для чего вы собираетесь тут оставаться?

– Дядя, как думаешь, для чего мы до сих пор здесь оставались? Для помощи. Для этого мы и потом останемся.

– Хватит уже. Бросайте всё это, успокойте свою мать. У неё нет столько сил всё это выдержать. И ни у кого из нас нет столько сил, чтобы всё выдержать. Зачем вы собираетесь нас мучить?!

– Дядя, всё будет так, как распорядится Всевышний.

Дядя так пытался уговорить нас уехать, и я, хотя не имела желания спорить, вынуждена была отвечать ему. Одновременно я нервничала из-за того, что на меня смотрел тот солдат. Он смотрел так, словно хотел что-то найти или прочитать мысли человека. Я дяде об этом пару раз говорила:

– Ты ничего этому человеку не скажешь?

– Оставь его, родная, – ответил он. – Тебе он зачем нужен. Самому надоест, уйдёт.

Будучи не в состоянии это молча терпеть, я подошла к тому солдату и спросила:

– Вы почему всё время прямо на меня смотрите? Вам не стыдно? Для чего вы тут сидите, невоспитанный вы человек?!

Не отводя глаз, он ответил с сильно выраженным азербайджанским акцентом:

– Тебе будет воздаяние вместе со святой Захрой!

Я оцепенела от его слов и спросила:

– Что ты сказал?

– Когда ты хоронила своего брата, я был там, – ответил он. – Какие же вы достойные люди! Два-три дня назад в этой суматохе я хотел всё бросить и уехать. Увидев эту сцену, я решил остаться в Хорремшахре и воевать до последнего.

– Простите. Я думала, вы смотрите с дурными намерениями.

– Вы простите. Я был не в себе. Я убедился в том, что вы действительно великие люди. Откуда в вас столько терпения?!

Не зная, что ответить, я вернулась и села на своё место. Дядя, следивший за мной, слышал слова солдата. Он снова уговаривал уехать. Я ничего не ответила.

– В любой момент, когда поедет Захра, и я с ней поеду, повторяла Лейла.

Дядя, когда понял, что настаивать бесполезно, и он не сможет переубедить нас, к обеду сказал, что собирается ехать. Мы вместе вышли из мечети, постояли несколько минут у окопа, построенного у стены мечети из мешков с песком. Дядя снова обратился к Лейле:

– Хоть ты поезжай.

Лейла, взглянув на меня, ответила:

– Нет, я не хочу уезжать из Хорремшахра.

Видя это, дядя обратился ко мне:

– Захра, не упорствуй так. Почему ты твердишь только одно. Почему ты такая упёртая. Поедем. Пожалей свою мать. Ты же понимаешь, какое это горе будет для моей сестры.

– Не поеду.

– Ты если не едешь, дай хотя бы сестре уехать.

– Я тут причём? Если Лейла хочет, пусть едет. Я ей не мешаю.

Бросив взгляд на брошенный в углу окопа «коктейль Молотова», я продолжила:

– В любом случае, если Лейла уедет с вами, мне будет спокойнее.

– Нет, я сама хочу здесь остаться, – ответила Лейла. – Никто меня здесь не удержит.

Дядя, сдерживавший себя до того момента, теперь вдруг расплакался. Кивнув головой, он сказал:

– Вам лучше знать. Я уже не знаю, что сделать, чтобы уговорить вас. Сколько бы я вас ни просил подумать о матери, сестре, братьях, вы не слушаете.

– Дядя, а вы куда едете сейчас? – спросила я.

– Я еду за своей сестрой, посмотреть, где она сейчас.

Как только дядя уехал, мы вошли в мечеть и окунулись головой в её повседневные дела. Мать Хосрова постоянно к нам подходила, выражая сочувствие. Спустя время Лейла сказала, что хочет вернуться в Джаннатабад.

– Ты иди. Я потом подойду, – сказала я ей.

Я хотела помочь в приготовлении ужина. Но в мечети уже не было условий для приготовления еды. С восьмого-девятого дня стал идти разговор о том, чтобы перенести место для приготовления еды и лазарет, так как мечеть уже часто подвергалась обстрелам. Иногда бились стёкла, а осколки попадали в двери и стены, попадая при этом вместе с землёй в кастрюли с едой. С другой стороны, в лазарет ходило много людей. Люди, видя раненых, начинали поддаваться панике, создавая нездоровую психологическую обстановку. Да и с точки зрения стерильности было лучше перенести лазарет.

– Нам здесь тесно, – говорил Наджар. – Да и посреди людей очень неудобно.

Он был прав. При такой интенсивности работы не было даже места отдохнуть. Мы как-нибудь проводили время до утра за ширмой лазарета, но сам Наджар по ночам оставался во дворе и спал посреди всего этого хождения и шума.

Я и несколько девчат сказали, что уходим. Мы взяли веники и фляги с водой и пошли в клинику зубного врача доктора Шейбани. Она находилась напротив мечети на южном углу пересечения улиц Фахра Рази и Энгелаб. В действительности она находилась в двух-трёх шагах от мечети, что имело важное преимущество для нас, так и раненые бойцы, которых привозили, не бродили бы здесь, и мы были бы в курсе всего, что происходило в Центральной мечети. Когда мы пришли, дверь клиники была открыта. Вместе с Сабах, Захрэ и Ашраф Фархади, Марьям Амджади и Хосейном Эйди мы прошли несколько ступенек и вошли в относительно узкий коридор, слева и справа от которого были расположены кабинеты. После коридора следовал холл, в который открывались двери ещё двух комнат. В конце

находился относительно большой пустой двор без крыши и потому имевший относительно хорошее освещение.

В первых кабинетах находились стоматологические приборы и библиотека доктора. Мы решили подмести и помыть пол в клинике, книги из библиотеки сложить в картонную коробку, а все стоматологические приборы сложить в одном кабинете, освободив таким образом на книжных полках место для раскладывания полученных лекарств. Уборка заняла пару часов. Мы везде убрали пыль, подмели веником арабески на полу клиники и помыли ещё пару мест. В основном кабинете врача мы положили кушетку, чтобы сперва там осматривать раненых. Итак, библиотеку мы превратили в аптеку, а одну из комнат в холле сделали местом отдыха для девчат. Я ни на секунду не хотела отрываться от работы, думая только как быстрее всё закончить и найти себе какой-нибудь угол, чтобы потом забыться там. Работу мы закончили только к ночи. Девочки, довольные, что нашли себе удобное и безопасное место, захотели там же переночевать. Я же попрощалась и ушла в Джаннатабад. Мне захотелось быть поближе к Али.

Как бы я не стремилась посетить могилу Али, тем не менее, я не смогла за всю ночь попасть туда. Только я собиралась вставать, Зейнаб останавливала меня:

– У тебя что? Днём нет времени идти туда? Сейчас там опасно.

Видя моё состояние, она потом жалела меня и говорила:

– Знаю, ты хочешь остаться одна с братом, но сейчас нельзя туда идти.

Пока не заснули, она от меня не отошла, стараясь разговорить меня и Лейлу, чтобы мы не слишком погружались в мысли. Тяжело было в эти моменты находиться со всеми вместе. Я не хотела, чтобы кто-то видел моё состояние и видел, что у меня в душе творится. К ночи, когда все уже спали, я забилась в угол стены и, воспользовавшись удобным моментом, расплакалась. Я знала, что и Лейла не спит, находясь, как и я, где-то в воспоминаниях о прошлом. Все мои мысли были о светлом и ясном лице Али. Я ведь его уже три месяца не видела. Мне хотелось вспомнить и

разглядеть его лицо поближе, но нахлынувшие воспоминания не давали мне сосредоточиться, стирая передо мной образ Али. Передо мной предстал только облик его трупa, полуоткрытые глаза и улыбка. Посреди всего этого я себя спрашивала: «Где теперь Да и дети? Что стряслось с ними? В том смысле, нашёл ли их дядя Селим или нет? Если Папа и Мими узнают, что Али погиб, как они себя поведут? Наконец, когда миновала половина ночи, находясь в окружении собственных вопросов, я с мокрыми глазами заснула.

После утреннего намаза я направилась к Али. Зейнаб как только ни пыталась сунуть мне в рот кусочек хлеба, но я не поддавалась уговорам. Увидев, что она с Лейлой следуют за мной, я спросила:

– Куда вы идёте?

– Мы тоже хотим пойти туда, – ответили они.

– Нет, оставайтесь тут. Потом можете подойти. Я хочу остаться одна. Хочу поговорить с ним наедине.

Лейла обиженно и странно посмотрела на меня, как бы желая сказать: «Разве я для него не близкий человек?» Я пошла, но долго там не оставалась. Поплакав и пожаловавшись на жизнь, я встала и ушла оттуда. Я помнила, что сегодня уже должны были переехать в клинику. При всей спешке, когда я дошла до Центральной мечети, лазарета там уже не было. Занавесь и прочие вещи перенесли в клинику. На мой взгляд, мечеть опустела. Место для приготовления пищи тоже перенесли в другое место. Большинство людей съехало. Это значит, что всё было согласовано. Я пошла в клинику, где уже вовсю кипела работа. Туда принесли пустые коробки. Мы с ребятами вынимали книги из металлических полок и клали в коробки. В ходе работы я пролистывала некоторые книги. Это были толстые и большие книги на английском языке. Хотя я рано бросила учёбу, но, из-за того, что сильно любила читать, не пропускала мимо себя ни одну газету, журнал или книгу. Газеты и журналы, в основном, покупала тётя Салимэ, а я была принципиальным её читателем. Поэтому у меня были очень прочные базовые знания. Номера журналов я просматривала за очень короткое время и ждала

следующую неделю, когда выйдет в печать очередной выпуск, который купит тётя. Увидев книги доктора Шейбани, написанные на латыни, мне снова захотелось их почитать. Но, к сожалению, я не знала латинского языка.

Почти вся работа была закончена, как к нам привезли первого раненого. Это был здоровый молодой человек с осколком, застрявшим в левом плече. Его друзья очень переживали, так как осколок задел и сердце. Его отнесли в кабинет и сняли с него одежду. Господин Наджар позвал меня, и я зашла в кабинет. Рассматривая рану, он сказал:

– Здесь мы не сможем извлечь из него осколок, иначе при извлечении пойдёт сильное кровотечение. Если мы его расшевелим, то разорвём ему вены. Мы здесь сможем только зафиксировать это место у него на руке и груди.

Потом он мне сказал:

– Принеси перевязочные шины.

Несмотря на беспокойство друзей, этот парень смеялся и говорил:

– Ничего страшного нет. Не бойтесь.

Но, когда мы приступили к делу, он стал слабеть и из-за кровотечения терял сознание. Наджар поставил вокруг деревянных досок вату и, обернув их марлей, положив рядом с осколком. Одну из досок он положил под бок раненого, чтобы зафиксировать руку в угловом положении от тела. Потом он бинтами обтянул и закрепил шины. Руку он повесил на шею раненому, сказав:

– Будь осторожен и при движении машины никуда не ударяйся, садись и ходи ровно. – Водителю скорой он также сказал сразу отвезти того в Махшахр.

После него сразу привезли другого раненого. Он тоже получил много осколков. Наджар быстренько промыл ему раны и, едва дотронувшись пинцетом раны, спрашивал нас, слышим ли мы звук осколка. Коснувшись осколка, пинцет издавал звук, и Наджар, схватив, быстро вынимал его и зашивал рану. Осколок, попавший в бок, он не тронул, сказав, что надо

отвезти его в больницу, так как возможно задеты кишки. Чтобы и меня подключить к работе, он попросил помочь ему. Я же, чтобы не подвести, быстро выполняла все его указания. У раненого кровотечение не остановилось, пока Наджар зашивал ему рану. Я счищала оттуда кровь, пока не обнажился шов. При этом по взмокшему лицу Наджара стекал пот, капая на рану. Вопреки своим желаниям мне пришлось стирать у него со лба пот. Раненый юноша испытывал боль и приходил в себя. Он прилагал огромные усилия, чтобы не закричать. По его сузившимся глазам и сжавшемуся лицу я поняла, как ему было больно, испытывая от этого ещё большее внутреннее волнение. Наджар очень сильно устал и постоянно спрашивал раненого:

– Ты в порядке?

– Слава Аллаху, да, – ответил тот.

В какой-то момент работы господин Наджар очень сухо и властно сказал:

– Хосейни, введи ему обезболивающее.

Пока я про себя спрашивала: «Почему ты не ввёл его в вакцину», он спросил:

– Может мне ввести?!

Не давая мне опомниться, он переспросил:

– Нет, так всё-таки мне ввести?!

Он это таким резким тоном сказал, что я не посмела возразить, испугавшись, что он выгонит меня из клиники. С другой стороны, я боялась всё испортить, и Наджар, разозлившись, скажет: «У тебя нет способностей к этой работе. Уходи отсюда».

Я подошла, смочила вату в спирте, обработала ею кожу и издалека воткнула шприц. Потом ввела иглу до середины в мышцу раненого. Наджар, следивший за мной, подошёл ко мне. В страхе и волнении я до конца надавила иглу и ввела инъекцию. Вытащив иглу, я сказала:

– Я сделала ему укол.

Когда очередь дошла до осколка в ноге, я почувствовала, что мне совсем плохо. Шовная игла с трудом входила в мышцу ноги. Каждый раз, когда Наджар вводил её, у меня перехватывало дыхание. Я чувствовала, как игла проникает мне в сердце. Когда игла выходила наружу, то я снова легче начинала дышать, и сердце вновь начинало биться.

Я видела в Джаннатабаде всех этих убитых в раздавленном состоянии и с отрезанными ногами и руками, поэтому не знаю, почему мне опять было тяжело видеть всё это. Я старалась контролировать себя, не желая сколь-нибудь выдавать свою слабость и волнение. Потому что все эти дни меня друг другу представляли так: «Эта девочка – та самая Захра Хосейни, чьи отец и брат стали шахидами». А потом, в беседах со мной говорили: «Мы удивлены, откуда в тебе столько силы воли? Словно ты и не теряла отца и брата. Тебя невозможно увидеть горюющей. Ты всё время в работе, и на губах у тебя улыбка».

В конце концов, я создала себе такой образ, что никому и в голову не приходило, что меня терзает боль от гибели отца и Али. Напротив, по моему поведению казалось, что я воодушевлена и полна сил, в то время как порою у меня внутри царил смятение, и я горела изнутри, будучи не в силах спокойно вздохнуть. Этот груз в дополнение к этим сценам ещё больше угнетал меня. Мои руки начали трястись. Не знаю, что от меня хотел Наджар, когда я совсем ничего не соображала, как он крикнул:

– Соберись! Что ты сейчас делаешь? Если ты собираешься здесь оставаться, то так дело не пойдёт. Здесь надо работать, а не вести себя как избалованная и слабенькая девчонка. Каждый, кто хочет здесь остаться, должен иметь крепкое сердце. – В страхе перед Наджаром я старалась сохранять самообладание. Когда я закончила зашивать рану, он сказал:

– Давай перевяжи его.

У меня в глазах потемнело. Я почувствовала сильную слабость сперва в груди, а потом и во всём теле. Я совсем была не в состоянии поднять руку и

сказать: «Не могу». Меня словно крутило в чёрной воронке. Я кружилась, кружилась и ничего не соображала.

Придя в себя, я почувствовала, как у меня горит лицо. Вокруг меня собрались девчата, и я слышала, как они говорят:

– Мы испугались за тебя. Что с тобой вдруг случилось?

Я чётко разобрала добрый голос Захрэ Фархади и ответила:

– Всё верно, кто сможет выдержать такое давление?!

Рена тоже вторила ей:

– Бедняжка.

Я раскрыла глаза и не могла понять, где нахожусь. Потом спросила:

– Где я?

– В клинике Шейбани. Тебя затошнило, – ответили они.

Потихоньку я пришла в сознание. Когда я захотела встать, мне сказали:

– Лежи. Тебе пока нельзя вставать.

– А тот раненый, про которого господин Наджар сказал, что надо перевязать его? – спросила я.

– Мы перевязали. Он уже ушёл, так что не беспокойся.

– Где господин Наджар. Он ничего не сказал? – испуганно спросила я.

– Не бойся. Он сам сильно испугался. Сказал: «Это моя вина. Я не должен был на неё кричать».

Я легла. Все смотрели на меня. Мне сделали укол. Вокруг кушетки была протянута ширма. Нервная нагрузка из-за работы в омывальном домике, голод, недосыпание, гибель отца и Али и, наконец, эта сцена разрезания довели меня до такого состояния. Конечно, уже со второго дня, как я оказалась в омывальне, я чувствовала себя плохо. Мне казалось, что все вены в моём теле высохли, и в них больше не течёт кровь. Кости в пояснице, коленях, локтях и запястьях рук хрустели во время работы. Глаза стали хуже видеть, а голова всё время кружила. Но после введения вакцины я почувствовала себя намного лучше. Когда её действие прекратилось, я встала:

– Что-нибудь принести поесть? – спросили меня.

– Нет, ничего не хочу, – ответила я.

Слова господина Наджара на меня сильно подействовали. Я вышла на улицу и сказала про себя:

– Я ему докажу, что не избалованная и не больная.

В тот же день в клинику въехала бригада из пяти врачей из Тегерана и Исфахана. Бедняги, им раньше не приходилось слышать взрывы бомб и снарядов. При свисте снаряда их охватывал страх, и они разбежались по углам. В первые часы своего пребывания они рассуждали о группировках «Комала»¹ и демократах, поддерживая их идеи. Оправдывая действия этих группировок, они позиционировали себя как интеллигентов. Несмотря на это, они недостойно вели себя с Наджаром. Они не могли поверить, что какой-то фельдшер сможет справиться с работой не хуже любого врача. Их не устраивала работа Наджара. Но он не обращал на них внимания и делал своё дело.

На следующий день утром я с полным удивлением обнаружила, что никто из приехавших не остался. Из-за мощных взрывов посреди ночи они предпочли убежать отсюда. Тут же приехала другая бригада специалистов из Тегерана. Им было от тридцати до сорока пяти лет. Их звали доктор Садеги, доктор Хабиболла-заде, доктор Тараби, и помню ещё одного врача по имени то ли Хабиби, то ли Хабибнежад. Они тоже исчезли в первый же день. Мы говорили между собой: «Они тоже, как и та бригада, предпочли сбежать». Но через несколько дней, увидев их с усталыми и заплётёнными головами, мы поняли, что они были на линии боёв. Понятное дело. Что они эти несколько ночей не спали. У них были измученные побледневшие лица, и они были не в состоянии говорить. Тем не менее, через несколько часов отдыха они вновь забрали с собой медикаменты и приборы и ушли на передовую. Лучше всех я запомнила доктора Садеги. Потому что каждый раз, видя нас за работой, он выражал благодарность. Он сам был доброжелательным и работающим

¹ Иранская прокурдская партия «Комала», часто называемая и «марксистской».

человеком. Как бы он ни уставал, вернувшись с передовой, он начинал работать и в клинике.

Глава тринадцатая

Наступило утро тринадцатого мехра¹. Мы с Хосейном Эйди и Абдоллой Моави пришли в Центральную мечеть. Взяв хлеб и сыр, мы вернулись в Джаннатабад. По дороге, проходя через улицу Хезбе-Джомхури, мне вдруг пришла в голову мысль посетить школу «Дарьябод Ресаи». Хосейну и Абдолле я предложила пойти вместе со мной и узнать, что там происходит. Они согласились, и мы повернули на улицу. Дверь в школу была открыта, и мы зашли туда. Здесь всё осталось в разрушенном состоянии, как в ту несчастную ночь, когда всё это произошло. Снаряды, попавшие во двор, словно пропахали землю. Стёкла с обеих этажей были выбиты, и повсюду разбросаны куски кирпича, камни и осколки. Перед входом в фойе на земле лежал артиллерийский снаряд, образовавший яму с большой глубиной и диаметром. Через дверь мы вошли внутрь здания. Фойе было относительно большое. В самом начале по обе его стороны, справа и слева от нас, были расположены два класса, далее следовал коридор, в который открывались двери классов. Прямо напротив нас находилась лестница, которая через шесть-семь ступенек и лестничной площадки вела на второй этаж. Стена этой площадки, предназначенная для лучшего освещения, доходила до второго этажа. Именно через эту стеклянную стену артиллерийский снаряд попал в угол стены класса справа. Упав на землю, он проделал большую дыру в стене. Дверь этого класса была полностью снесена, но всё же застряла между землёй и кусками кирпича. Мы прошли мимо и вошли в коридор. Пол был весь усеян пылью, разбитым стеклом, неразорвавшимися снарядами и пр. Здание было разрушено настолько, что можно было подумать, что здесь выгрузили целый грузовик с землёй. Из земли торчали неровные кучи. Следы копоты и пожара на стенах показывали, что случилось что-то ужасное.

Пройдя чуть дальше в фойе, в ещё большем количестве, чем в начале коридора, мы увидели кровь, растёкшуюся по земле. В некоторых местах

¹ 5 октября 1980 года по григорианскому календарю.

кровь высохла, а где-то она ещё выглядела свежей или загустевшей. Когда при ходьбе наши ноги случайно скользили, мне постепенно становилось плохо. Моё обоняние было забито запахами земли, крови и пороха. От слабости у меня началось головокружение. Тем не менее, мне хотелось увидеть то место. Место, откуда у меня забрали Али. Шагая посреди всякого барахла, я продолжала смотреть туда. К стене прилипли куски мяса и кожи ребят и даже кусочки их мозгов, которые спустя две ночи, потеряв липкость, высохли и потемнели на стене. Самым ужасным оказалось то место, где разорвалось наибольшее количество боеприпасов. В той части от стены до потолка не осталось свободного места, куда не попали бы кровь, кусочки костей, мозгов, волос и осколки. Показав туда, я спросила Абдоллу:

– Как, по-твоему, тут всё разрушилось?

– Ну понятно, как. Снаряд через двор попал в класс и изнутри разнёс стену, – ответил Абдолла.

– Пойдём посмотрим, что там в первом классе.

Мы втроём вернулись в коридор. Дверь в том классе была открыта где-то на двадцать сантиметров. Выскочив из петли, она всё же не открывалась. Как будто кто-то сзади её держал. Как мы с Хосейном ни пытались её открыть, у нас не получилось.

– Подождите, я её подправлю, – сказал Абдолла.

Он с трудом проник в класс через дыру, проделанную орудием, и потом сказал:

– За дверью полностью обвалились штукатурка, цемент, и куски кирпича, из-за этого дверь не открывается.

Абдолла с той стороны отодвинул грязь, а мы с этой стороны надавили на неё. Вдруг Абдолла дико закричал:

– Один здесь! Один здесь!

Мы с Хосейном толкнули дверь и с трудом вошли внутрь. Из кучи земли торчали пальцы ноги. Я сказала Абдолле:

– Не бойся. Ничего не случилось.

Я присела и отгребла землю в сторону. Это не был целый труп. Просто из-под земли торчал оторванный кусок ноги до бедра. Оторванный кусок был в крови и уже начал разлагаться. Мы втроём с трудом оттащили его за лодыжку. Он был очень тяжёлый. Видимо эта нога принадлежала относительно полному человеку. Нас троих начинало тошнить. У меня, две ночи ничего не евшей, сердце и кишки хотели выйти наружу.

– Помогите поднять его, – сказала я.

Абдолла, весь побледневший и чуть не сошедший с ума, ответил:

– Я ни за что не притронусь к нему.

– Абдолла, ну помоги же. Он очень тяжёлый.

Он нехотя подошёл, и мы втроём понесли ногу по коридору.

– Давай вернёмся, – сказала я. – Может, ещё что-нибудь найдём.

– Сестра, оставь это. Уйдём отсюда, – взмолился Хосейн.

Полагая, что это нога Таги Мохсенифара, я ответила:

– Нет, Хосейн. Какая разница?! Отрезанная нога и рука как части тела шахида тоже должны быть захоронены.

Мы снова начали там шагать среди всякого барахла в фойе, одеял, осколков от гранатомётных снарядов, военной одежды, ботинок и угольков и на этот раз нашли руку. Рука так была отделена от тела, что можно было подумать, что её отрезало косой. После этого мы отказались идти на верхний этаж.

– Наверх не пойдём, – сказала я ребятам. – Там может оказаться неразорвавшийся снаряд.

Хосейн взял оторванную руку, а Абдолла бросил ногу себе на плечо. Мы вышли во двор, покружили там и нашли нейлоновый пакет. Я Хосейну сказала:

– Я положу ногу в этот пакет. Найди что-нибудь, чтобы упаковать туда руку.

Хосейн зашёл в здание школы и вернулся оттуда с ногой, оторванной от колена, и рубахой гвардейца. Положив оторванную ногу на землю, он сказал:

– Смотри, я это тоже нашёл.

Я положила оторванную руку и эту ногу в рубаху гвардейца, связав её рукава в узел.

– Сестра, ты что делаешь?! – спросил Абдолла. – Там сейчас наружу выйдут сердце и кишки человека.

– Абдолла, если оставить это здесь, то собаки и кошки почувствуют запах и придут за ними, – сказала я.

– Но зачем ты их сейчас завязываешь?

– Плохо, если до Джаннатабада люди их увидят. Скажите «Бисмилла», заберите их и пойдём.

Показав на нейлоновый пакет, в котором была нога, Хосейн сказал:

– Абдолла, ты возьми это, а я заберу свёрток.

Когда я увидела, что они передают их друг другу, я сказала:

– Дайте мне, я помогу.

Они с рвением отвечали:

– Нет, мы разве умерли, чтобы тебе отдавать?! Сами донесём.

– Хорошо. Тогда пусть каждый из вас берёт их по одному. На полпути поменяем местами нейлон и свёрток.

Я потом пошла, протёрла свои руки и, забрав наш пакет с завтраком с угла двора, мы направились в Джаннатабад. По дороге Абдолла острил и голосом продавца начинал зазывать:

– Оторванная нога, отрезанная рука. Все набрасываемся.

Хосейн громко смеялся, и меня тоже, вопреки моему недовольству, из-за них разбирал смех. Потом, увидев, как они мучаются, меняясь друг с другом грузом, я силой забрала у Хосейна свёрток и сказала:

– Вы вдвоём несите нейлоновый пакет.

Они опять вертелись, сменяя друг друга, Абдолла говорил:

– Давай возьми отсюда. Эта сторона тяжелее.

Хосейн всё время смеялся и с акцентом отвечал:

– Отсюда удобнее. Эта сторона легче.

– Не бери на себя грех, – сказала я. – Имей уважение. Зачем вы ведёте себя так? Несите нормально.

– Да простит нас Аллах, – отвечали они со смехом.

Но через несколько шагов они опять принимались за своё. Самое смешное было то, что за нами следом шли несколько собак и кошек. Как мы их только не отгоняли, они не уходили. От этого мне становилось плохо. Когда одна из собак залаяла, я вдруг повернулась к ней и закричала:

– Будешь лаять, поймаю и задущу тебя.

Собака же, почувствовав, что я ей угрожаю, опустила голову и заскулила, но всё же снова последовала за нами. Как только донеслись звуки разрыва бомб и снарядов, собаки разбежались. Но как только становилось тихо, они снова прибегали. Постоянно оглядываясь назад, я, наконец, глянула в конец улицы, надеясь поймать попутную машину. Но не было видно ни одной. Так мы дошли до Джаннатабада. Собаки, тем временем, побежали к могилам и, подбежав к территории, засаженной деревьями, обнюхивали землю, словно что-то искали. Сперва я на это не обратила внимание. Потом я вдруг вспомнила об одежде Али. Я сказала испуганно:

Только бы они шастали там, почуяв окровавленную одежду Али. К счастью, через несколько минут собаки ушли. Успокоившись из-за одежды, я вернулась в комнаты.

Омывальщики, только проснувшись и находясь в сонном состоянии, сидели и ждали завтрак. Зейнаб тоже, явно беспокоясь за меня, спросила:

– Ты в порядке, мать? Машалла, сегодня цвет лица у тебя намного лучше. Иди умойся и приходи поесть что-нибудь.

Потеряв аппетит из-за того куска трупа, я ничего ей не ответила.

В тот же момент она обратила внимание на пакеты и, рассмеявшись, сказала:

– Посмотрим, что вы на этот раз с собой принесли.

– Ничего. Только руку и ногу, – ответил Абдолла.

– Что? Руку и ногу?! Откуда? – спросила Зейнаб.

– Из школы «Дарьябод Ресаи», – ответила я ей. – Там, где был штаб Гвардии.

Зейнаб с удивлением и обидой переспросила:

– Вы ходили в школу? Почему без меня пошли? Ты же, когда хотела туда идти и меня просила пойти с тобой?!

Я ответила, что вначале не собиралась идти, но, когда проходили мимо по улице Хезб, неожиданно для себя надумала зайти туда и посмотреть, что там.

С добротой взглянув на меня, Зейнаб потом пошла за чаем. Я не знала, где Лейла, и чем она занимается. Ребятам я сказала:

– Идите помойте руки и садитесь завтракать. Я же пойду навещу могилы отца и Али.

Они ушли, потом последовали за мной.

– Вы не идите, – сказала. – Мне хочется побыть одной.

Не доходя до могил, я издалека произнесла приветствие и начала говорить с ними:

– Вам хорошо, вы оказались рядом и совсем не думаете о нас.

Подойдя к могилам, я не знала, на какую из них сперва сесть. Но по принципу старшинства я выбрала могилу отца. Наклонившись, я поцеловала его и сказала:

– Тебе вчера хорошо было или нет? С тобой рядом уже Али был.

– Потом я села у могилы Али. Поцеловав уже его, я сказала:

Али, лучше бы ты совсем не приезжал. Ты приехал, чтобы обжечь мою душу и уйти. Я всё время ждала твоего приезда, чтобы поделиться с тобой своими проблемами. Теперь ты стал моей самой большой болью.

Я стала выражать своё недовольство перед Всевышним:

– Почему ты меня не забираешь? Сколько я должна страдать? Сколько должна всё это выдерживать? Я от тебя просила терпения и выдержки святой Зейнаб, но я вижу, что не могу достойно перенести все эти трудности. Сколько ты ещё намерен испытывать меня? То была святая Зейнаб. А я что? Я даже её капли не стою.

Я замолчала, поскольку всё, что говорила, ещё сильнее обжигало меня изнутри. Никакие слова и доводы меня не успокаивали. Я и на Лейлу больше не обращала внимания. Я даже чувствовала у себя в душе по отношению к ней некоторую обиду и зависть. Более того, даже в некотором роде злилась на неё и говорила про себя: «Почему она должна была увидеть Али, а я нет? Разве Лейла лучше меня? Я ведь так сильно желала видеть Али. Если бы я его увидела хотя бы раз, то мне было бы легче. Возможно, и его гибель приняла бы легче.

Я отложила в сторону эти мысли и легла между обеими могилами, разговаривая с отцом и Али:

– Покажите мне хотя бы свои лица. Это единственное, что может меня успокоить.

Но напрасны были мои ожидания. В тот момент самым важным и прекрасным для меня была смерть, надеясь, что она придёт и за мной. Закрыв глаза, я говорила: «Я устала уже. Мне хочется умереть».

Не знаю, сколько я находилась в таком состоянии. Пока лежала, я почувствовала, что кто-то поцеловал меня в лоб, а потом обнял за голову. Открыв глаза, я зарыдала. Это была Зейнаб. Продолжая плакать, я спросила:

– Откуда ты появилась, мать?

– Я с самого начала беспокоилась за тебя. Когда ты направилась сюда, я с самого начала следовала за тобой, но не подходила, чтобы не мешать тебе. Но увидев, как ты легла на землю, не могла больше терпеть.

– Я хочу умереть.

Она прижала мою голову к своей груди. Я же будто ждала этого, чувствуя острую необходимость в её ласке. Снова расплакавшись, я громко повторила:

– Я хочу умереть.

Зейнаб гладила меня и отвечала:

– Не говори так. Ты сейчас должна занять место Али и отца для своих матери, сестёр, братьев. Отец и Али возложили надежду на тебя и ушли.

– Но почему я? Почему они ушли, возложив весь этот груз на меня? Откуда мне столько сил? – спрашивала я её.

– Девочка, ты недооцениваешь себя, – отвечала Зейнаб с теплотой. – Разве не ты нас всегда вдохновляла? Разве не говорила, что надо брать пример у святой Зейнаб? Забыла свои слова?

– Нет, не забыла. Но где я, и где она?

– Ты должна быть сильной и достойно справляться с той обязанностью, которая на тебя возложена. Если хочешь, чтобы отец был доволен тобой, и явиться на тот свет безгрешной, то тебе надо быть сильной.

– Не хочу и не могу. Как я могу быть сильной, когда у меня нет никакой опоры и когда некому защитить меня.

– Захра, разве не ты всегда обращалась за поддержкой к имамам? Они всегда приносят благополучие и милость. Чего ты боишься? Самая высшая ценность, которая есть у каждого человека – это Всевышний. Для того, чтобы верить в него, никто не нужен. Всевышний сам возложит обязанности на твою семью.

Выдержав паузу, она продолжила:

– Если я буду достойна, и ты примешь меня как мать, как сестру, или как тебе ещё угодно, я бы защитила тебя. А теперь вставай. И не бойся ничего. Аллах велик. Он никогда тебя одну не оставит. Ты думала раньше о том, что будешь в состоянии до сих пор всё это выдержать? Это всё по воле Всевышнего. Ты не должна забывать о нём.

– Знаю. Если бы не милость Аллаха, то я бы за это время тысячу раз умерла. Но всё же тяжело.

– Да, знаю, что тяжело. Но если будешь полагаться на него, то все трудности исчезнут.

Никогда я до этого дня не чувствовала такую близость с Зейнаб. Прежде я видела, с какой она материнской заботой относится к Лейле, но впервые мне с ней было так просто и легко. Когда она произнесла: «Если ты сама меня примешь...», я поддержала её. Хотя Зейнаб внешне казалась необразованной женщиной, но она была столь доброй и искренней, что я могла легко расслабиться в её объятиях и не видеть никакого расстояния между нами. Мне не хотелось выходить из её объятий. Я, которая прежде столько сдерживала себя, а гордость не позволяла мне в присутствии кого-либо поддаться слабости; я, которая пресытилась этим миром и желала себе смерти, теперь, расплакавшись от души, почувствовала спокойствие и лёгкость, а огонь внутри меня постепенно стал ослабевать. Я уверена, если бы Зейнаб этого не сделала, то я бы сошла с ума. Спокойствие Зейнаб выглядело естественным. Даже Да не могла вселить в меня такое спокойствие и уверенность. Да сама нуждалась в опоре. Я была уверена, что она меня не понимает.

Вне всякого сомнения, смерть Али так бы её потрясла, что она больше не понимала бы, что вокруг неё происходит.

Мне всё так же не хотелось выбираться из объятий Зейнаб и смотреть на её лицо, так же положив голову ей на грудь. По-моему, она была то ли из Джирофта, то ли из Хормозгана. У неё была очень смуглая кожа и тёмно-карие глаза, что я не могла в них углубиться. Её глаза были особенно привлекательны. Хотя она была не такая красивая женщина, но внешность у неё была приятная. Даже когда она сильно уставала из-за работы, сердилась и кричала, любовь и доброта никогда не сходили с её лица.

С самого первого дня, когда я с ней работала, мне предчувствие подсказывало, что она мне не чужая.

Зейнаб же, продолжая меня успокаивать, держала руками моё лицо и гладила его. По её огрубевшим рукам, явно доказывавшим, что она много работала, мне передавались особое тепло и доброта. Её руки были руками настоящей матери. Я всем своим существом ощущала в себе её материнское чувство по отношению ко мне.

Перед тем как встать, Зейнаб прочитала «Фатиху» и несколько раз произнесла:

– Покойтесь с миром. Поведите и нас за собой.

Я чувствовала, как она произносит это с особой скорбью. Мы вернулись в комнаты. По настоянию Зейнаб я умылась, и потом она налила мне чаю.

– Я не могу пить этот чай, – произнесла я тихонько.

– Девочка моя, тебе надо привыкать. Если хочешь, сама возьми чайник, закипяти воду и завари чай, – сказала она.

– Брось. Мне неохота.

Потом я посмотрела на Лейлу, которая, напротив, имела хороший аппетит и могла есть в любых условиях. Она с удовольствием ела чай с хлебом. Я тоже, перекусив несколько кусочков хлеба с сыром, сказала:

– Я пойду в мечеть.

– Иди, мать, иди, но не забывай напоминать о себе, – ответила Зейнаб.

Только я встала, как в Джаннатабад заехал мотоциклист. Когда он подъехал ближе, я узнала в нём молодого фотографа. Как всегда, он был с фотоаппаратом на шее и сумкой с фотоплёнками. Он заглушил мотоцикл возле домика и слез с него. В очень взволнованном состоянии он сказал, что ударили по его лаборатории. Я издала громкий вздох и спросила:

– В каком смысле?

– В том самом смысле, что всё разрушено и разнесено в прах.

В день гибели Али он фотографировал его труп и момент захоронения. В глубине души я радовалась, что теперь, когда Да не было рядом с Али в момент его похорон, она увидит хотя бы фотографии. Так она действительно

поверила бы, что Али стал шахидом. Но что теперь? Я очень переживала. Теперь вдобавок ко всем моим несчастьям могла добавиться ещё одна беда. Я вышла из Джаннатабада и направилась к Центральной мечети. Я всё рассказала Захрэ Фархади. Она тоже заволновалась. Тогда я решила снова навестить школу «Дарьябод Ресаи». Захрэ пожелала пойти со мной. По дороге я вновь встретила Абдоллу и Хосейна, и они присоединились к нам. Мы немного прошлись по коридору и классам школы и, не веря глазам своим, в одном из классов на первом этаже наткнулись на портфель.

– Чтобы понять, чей это портфель, надо открыть его, – сказал Хосейн и, не дожидаясь нашего ответа, сел в углу и открыл портфель, немного поиграв с кодовым замком.

Содержимое сумки меня ошарашило. В это невозможно было поверить – это была сумка Али!

Первое, что я заметила, это кусок воска. Как я догадывалась, наверняка Али с ним разрабатывал свои пальцы. Я испытала удивительное чувство. Потом взяла сумку и начала по одному извлекать из него предметы: налобная повязка, простыня, на которой была видна эмблема больницы «Мейсагийе»¹, завещание и, самое главное, пакет с фотографиями. От радости мне хотелось прыгать. Фотографии с похорон Али пропали, но зато мне досталось множество его других фотографий. С волнением и безудержными слезами и по одному я просматривала фотографии. Некоторые из них были сделаны в больнице в разных ситуациях: во время азана, после операции, когда его в бессознательном состоянии вывозили из операционной, в инвалидной коляске и т.д. На фотографиях были видны люди, навещавшие Али и других раненых: аятолла Хаменеи, аятолла Бехешти, господин Фальсафи и другие. У Али были также фотографии, где он посещал Бехеште-Захра² и пятничную молитву в Тегеране.

¹ Сегодня больница «Мостафа Хомейни».

² Бехеште-Захра – крупнейшее кладбище в Иране. Кладбище находится в 6 км к югу от Тегерана, недалеко от города Дарсанабад.

Эти несколько дней я переживала, что не видела его. Я и сама хотела что-нибудь ему сказать, спросить его, что с ним происходило, как сделали операцию и т.д. Эти фотографии сейчас мне на многое пролили свет: чем Али занимался в Тегеране, куда ходил, кого видел. Фотографий было очень много. В некоторых из них Али обменивался шутками с другими ранеными, и они толкали друг в друга инвалидными колясками и тыкали костылями. Изображения были столь ясные и чёткие, что Али в них словно со мной разговаривал. Я плакала и смеялась одновременно. Когда я видела его в больном состоянии, я теряла самообладание, как бы мне ни было неудобно перед Хосейном и Абдоллой. Про себя я говорила: «Была бы я в те дни рядом и присматривала за тобой. Какие тяжёлые дни ты пережил». Я взяла налобник, всё ещё хранивший запах его тела. Он видимо носил его, находясь в дороге. Мне было радостно от того что теперь могла вдыхать его запах. Потом я открыла его завещание. Он писал его очень быстро, возможно находясь в пути. Книги он завещал передать Ходжату, своему близкому товарищу по джихаду. Свой фотоаппарат он дарил мне. У него было немного долгов, которые он хотел, чтобы мы оплатили из тех денег, что были в портфеле. Так как из-за операций несколько дней он был не в состоянии соблюдать пост, ему хотелось кому-нибудь оплатить их, чтобы возместить свои обязанности мусульманина.

Читая завещание Али и вдыхая запахи его одежды, я больше не могла сдерживать себя. Из-за моих слёз и переживаний Хосейну и Абдолле тоже стало не по себе, и они вышли из комнаты. Через несколько минут Хосейн с той самой присущей ему выдержкой и мужеством вернулся в класс и сказал:

– Сестра, я твой брат. Считаю меня своим младшим братом. Умоляю, не терзай себя так.

Захрэ Фархади, тоже рыдая вместе со мной, старалась выражать мне своё сочувствие. Я закрыла крышку сумки. Хосейн потом взял её у меня из рук, и мы направились к клинике.

Там я поставила её на комод в одной из комнат, чтобы при удобном случае достать.

С появлением врачей нам стало намного легче с лекарствами и приборами. Каждый, кто там появлялся, что-нибудь привозил с собой. До этого Наджар сам ходил в больницы и аптеки за лекарствами. Когда мы ему говорили: «Вы оставайтесь в лазарете, а за ними отправляйте нас», он отвечал: «Это не ваша работа. Я всё же мужчина и могу как-нибудь с миром или скандалом вытянуть с них лекарства. Вы этого не сможете сделать».

В аптеке «Бустани», что напротив мечети, все лекарства были в её распоряжении. В остальных аптеках тоже выражали готовность предоставить любые необходимые медикаменты. Мы тоже работали вместе с прибывшей подмогой, но своим руководителем считали только Наджара. Когда прибыла первая бригада врачей, мы спросили его, что теперь будем делать. На что он ответил: «Будем делать любую работу, какая потребуется, вместе с ними. Они приехали сюда из своих городов ради нас, и очень стараются».

Но так как за это время мы достаточно хорошо узнали господина Наджара, то мы могли легко работать с ним, однако это знакомство никак не влияло на его спокойствие по отношению к нам. Иногда во время работы он кричал: «Ну-ка быстро соберись!», мы пугались, думая, что он хочет сказать. «Каждый сам знает, о ком я говорю. Ты очень часто сидишь без дела, если и дальше так будешь, то уходи, не слоняйся здесь попусту. Это тебе не дом тётки. Надо чувствовать ответственность. Ну-ка примите у меня работу».

Я тоже, уже хорошо разбираясь в лекарствах, переживая за Наджара, старалась быстрее научиться работе, чтобы, не дай бог, он не сказал, что я не приспособлена к этой работе. Внимательно наблюдая за мной, он говорил: «Слава Аллаху ты ловко и быстро учишься всему». Но он не понимал, что это из-за страха. Но я была довольна собой. Я запомнила много медицинских терминов и применение препаратов. Самым интересным для меня было колоть одно- или двухпроцентный ксилокаин, обезболивавший место

ранения. Чем глубже была рана, тем больше мы его вводили. Наджар объяснял, как надо держать шприц и вводить ли его вокруг или внутрь раны.

В клинике Шейбани мы больше не видели тревоги людей, у нас теперь была более рабочая и удобная обстановка. Мы могли спокойно передвигаться и поспевать к раненым. Постепенно мы собрали все средства и приборы доктора Шейбани в один угол и вместо них поставили койку, когда раненых стало больше, и нам не пришлось их укладывать на полу. Здесь, как и в мечети, мы занимались только поверхностными ранами. Если раненым требовалось долгое лечение, то мы их отпускали, с тем чтобы делать им инъекции и менять повязки. Ни одного раненого мы не оставляли на ночь. Машины скорой помощи или пикапы постоянно отвозили их в Абадан или Махшахр. Таким образом, работа в клинике шла организованно, но душа всё равно меня звала на передовую. Каждый раз, когда у нас не было работы, или шёл артобстрел, я выходила из клиники и искала раненых или убитых в черте города или в районе бомбардировки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава четырнадцатая

После смерти Али почти все мои воспоминания были стёрты. Я настолько погрузилась в мысли и воспоминания о нём, что уже не обращала внимание на происходившее вокруг. Я потеряла чувство времени и места и выполняла работу, исходя из прежних привычек и целей. Поэтому я очень многое плохо помню. Из памяти стёрлись очень многие события. Я как человек продолжала хорошо видеть и прыгать от испуга, и из этого сна вспоминаются только некоторые моменты.

В мечети снова стало много людей. Чем больше людей мы выводили из разных кварталов города, тем больше их становилось в мечети. Каждый день уходило несколько человек, и на их место приходили другие. У каждой семьи были собственные проблемы, да и с продуктами была проблема. Взрослые может быть и выдерживали, но дети, и особенно младенцы, пившие сухое молоко с тёплым сахаром и бисквитом, которыми мамы кормили их, смачивая в воде, не наедались. Почти каждую ночь в мечети слышался их плач, что выводило из терпения остальных. С другой стороны, все боялись, что в конце концов какая-нибудь бомба обязательно попадёт в мечеть, что приведёт к многочисленным жертвам. Один раз, когда меня там мне было, это всё же случилось.

Когда мы говорили людям, что здесь нет смысла оставаться, и кто может, пусть уходит, они отвечали: «Куда мы поедём? У нас нет машины. Как мы сможем без транспорта уехать в другой город? Абадан тоже находится под обстрелом. Придумайте вы что-нибудь».

Так и получилось. В те самые дни меня позвали:

– Сестра Хосейни, сейчас подъедет машина. Помогите забрать людей.

– Как? На каком транспорте? – спросила я. – А если на мосту по машине ударят, тогда что?

– Они не поедут через мост. Мы их перевезём на лодках через реку повыше моста.

– В каком месте?

– Со стороны Хомбэ, в конце улицы Чехель-Метри. Там менее опасно.

Хомбэ они называли часть реки, протекающую мимо больницы «Мосаддег». В том месте река Карун, впадавшая туда с северо-востока, меняла своё направление в сторону центра города. Здесь считался почти конец восточной части города. Мы с девочками приступили к делу и сразу пошли к людям в молельню, сообщив, что надо быть готовыми к отъезду из города.

После этих слов многие забеспокоились. Хотя мы с первого дня твердили, что здесь нельзя оставаться и надо уезжать, тем не менее, люди были не готовы бросать свои дома и покидать родной город. «Куда мы поедем? Война всё равно закончится. Мы здесь останемся до тех пор, пока не вернёмся в свои дома. Куда вы собираетесь нас отправить?»

Даже дети возмущённо говорили: «Мы хотим к себе домой. Мы хотим в школу».

Были и те, кто сами хотели уехать из города. Они были правы, так как устали от войны, огня и неопределённости. У этих бедняг всегда были с собой свёртки, поклажи и пакеты, чтобы в любой момент быть наготове. Ночью они расстилали свои ковры, а утром снова всё собирали и садились, находясь в ожидании.

Когда сообщили, что к воротам подъехал грузовик, мы попросили людей подняться и вынести свои вещи. Мы помогали им вместе с несколькими вооружёнными парнями из народного ополчения и охраны мечети. Каждый взял с собой всё, что было под рукой, и принёс в мечеть: большие свёртки, старинные металлические шкатулки, коробки, телевизоры.

Мы помогали друг другу загрузить их вещи, и, поскольку все не помещались в один грузовик, посадили туда сперва женщин и детей. Молодых парней среди них не было. Старики и мужчины, непригодные к войне, стояли в стороне. В грузовик поместили только женщин с детьми и старух. В общем, с ними, из них кто устроился сидя, а кто стоя, машина тронулась в путь. Мы поехали по Чехель-Метри через площадь Фармандари и проехали мимо больницы «Мосаддег». Водитель остановился в конце улицы, завершавшейся у реки. Мне нравилось на этом берегу. По обе стороны этой улицы выросло так много высокого тростника, что теперь это место превратилось в красивые зелёные насаждения. Мы подъехали туда поближе. Уровень потемневшей и помутневшей воды стал выше. Лодки, маленькие баркасы и даже вёсельные лодки были готовы перевозить людей, но, чтобы не сесть на мель, они держались на определённом расстоянии от берега. Для того, чтобы люди могли сесть на лодки, с берега на них перебросили бревенчатые доски. Боясь воды, я всё же старалась помогать женщинам с маленькими детьми.

Ноги мои, погрузившись в густой ил у берега реки, с трудом выходили обратно. Некоторые стояли в лодке, чтобы было больше места. Кроме людей, которых мы привезли, понемногу перевозили и других людей, стоявших на берегу. В любом случае, до того берега было недалеко, и лодки перевозили людей только через ширину реки.

В это время проплывало небольшое морское судно. Несколько человек на нём и те, кто работал и помогал на берегу, взаимно приветствовали друг друга. Проходя мимо, суда даже с небольшой скоростью поднимали большие волны на воде. После них лодки опасно закачались, напугав людей, а те, кто переходили на них по бревну, с трудом удержали равновесие, боясь упасть в воду. Помимо создавшегося по этой причине шума людей ещё больше напугал рёв самолётов и бомбы, сбрасываемые ими. Скопление такого количества людей в одной точке и появление кораблей стали для них удобной мишенью для бомбардировки. В один момент всё было разрушено.

Люди, ещё оставшиеся на берегу, разбежались по сторонам и легли на землю. Люди в лодке, с волнением оглядываясь на небо и застыв от страха, не знали, как вернуться на берег. В этот момент я обратила внимание на мальчика, который из-за раскачивания лодки потерял равновесие и упал в воду. Никто не обратил на него внимания. Я подбежала к воде и крикнула:

– Схватите его, схватите. Он упал. Ребёнок упал в воду.

В этой суматохе никто не слышал моего голоса. Из страха, что невинный ребёнок мог утонуть, но при этом, не умея плавать, я бросилась в воду. Повезло, что в том месте, где стояла лодка, было неглубоко, но этого было достаточно, чтобы утонул пятилетний ребёнок. Когда я оказалась в воде, в реку также прыгнул один из мужчин, стоявший на берегу. Я пять-шесть метров проплыла вперёд в воде, которая оказалась мне по грудь, и находилась в полном страхе. Теперь уже все обратили внимание, поднимая крики и призывая на помощь сына имама Сейед-Аббаса и святого Аболь-Фазла. Я добралась до ребёнка, барахтавшегося в воде. Когда я дотянулась до его руки, он уже ушёл под воду, но потом немного выплыл, когда я потянула его за руку. Тут же подоспел мужчина, плывший вслед за мной, и вытащил ребёнка из воды, передав его людям в лодке. Его били по спине, чтобы вытолкнуть воду, которой он нахлебался. Я потом каким-то образом вернулась на берег. Моя чадра плыла по воде, и я вся в иле и грязи выбралась из воды. Не успела я ступить на сушу, как у нас над головами появились истребители. Укрыться было негде, и я нырнула в песок, спрятав голову. Все мы испугались и одновременно стали кричать и плакать. Некоторые, наоборот, старались успокоить остальных. Они знали, что эти самолёты не сбрасывают бомбы. Но большинство не внимало их словам. Потом истребители полетели вслед за кораблями, скрывшимися от наших глаз за тростниковыми зарослями. Из двух сброшенных бомб одна не разорвалась, только взволновав воду, вторая же разорвалась прямо в воде, пустив мощный фонтан. Несколько минут мы стояли без движений. Захра Шаррэ, сопровождавшая нас из самой мечети, вся побледнела, а её глаза готовы

были чуть ли не вывалиться. Она очень испугалась. Она всё время хотела прижаться ко мне. Я тоже вся побледнела, желая сама где-нибудь забиться в угол, но испугалась за неё и осталась с нею рядом.

– Не бойся. Ничего не случилось, – сказала я. – Держи себя в руках.

Когда всё успокоилось и вернулось в привычное состояние, я встала. Захра Шаррэ всё так же лежала на земле. Тут она впала в обморочное и слабое состояние и начала истерить. Я же, зная её поведение и притворство, сказала ей:

– Теперь не устраивай тут истерику.

Злая, я отошла от Захры и стала на некоторое расстояние от берега. Люди от страха разбежались во все стороны, добежав даже до больницы «Мосаддег». Я пошла возвращать их всех. Только я дошла до больницы, как всех ударило шумом от разрыва звукового барьера. Мои нервы были на пределе. У меня не было возможности лечь. Согнувшись, чтобы начать ползти, я обратила внимания на охранника автопарка городской администрации, с конца двора которого он выбежал на улицу. Я продолжала смотреть на него. Ему было около тридцати пяти-сорока лет. На нём была одета синяя рубашка, видимо служебная форма, с засученными наверх рукавами. Он старался быстрее выбежать оттуда.

Шум становился всё ближе и ближе. Я вся утопала в пыли и угольках. Истребители били по автопарку городской администрации. На этот раз взрыв был столь ужасающий, что район сильно сотрясло, подняв в воздух густые клубы дыма. Взрыв и последовавшие за ним разрушение зданий внутри двора, бой стёкол и попадание осколков вокруг были столь сильные, что заткнули мне барабанные перепонки. Когда я пошла спасать ребёнка в реке, в уши мне попала вода и заткнула их, из-за чего теперь у меня в них все звуки вибрировали. Взрывные волны, начинаясь сверху, расходились слоями и потом ложились к земле. Мощь этих волн сильно давила мне на грудную клетку, словно желая меня разнести в клочья.

Пока я лежала на земле и на меня летели пыль, угольки и куски кирпича, моё внимание привлёк работник из городской администрации. За те несколько секунд, что я ползла, осколок снёс ему голову, а его окровавленное тело продолжало нестись и, добежав до створки дверей, тут же рухнуло на землю. Съёжившись, я испугалась от вида этой сцены и растерянно оглядывалась вокруг себя. Ближе всех ко мне находился солдат из гарнизона крепости. Я его немного знала.

– Пойдём поможем ему, – сказала я.

– Что значит, пойдём поможем. На нём уже нет головы, – ответил он.

– Может, получится, что-то для него сделать.

Посреди рёва истребителей он громко крикнул:

– Прячься. Над нами истребители. Сейчас они не будут сюда бить.

Потом он забежал в больницу и укрылся за самшитом у металлической ограды. Меня разозлил этот солдат, которого звали Абдорреза. Он и его друг Немат были рядом во время похорон отца. Они часто приходили в Джаннатабад. Хотя Немат и Абдорреза были земляками и хорошими друзьями, но они были разными по темпераменту. Несмотря на своё крупное и грузное телосложение, Немат был очень жёстким, ловким и проворным и отличался мужеством. От его друзей я слышала, что он больной на голову и в своих мыслях бьёт иракцев. Даже рассказывали, как он от иракцев брал трофей. Однажды, когда с ним не было рядом Абдоррезы, я спросила:

– Вы одни? А где ваш друг?

– У этого мальчишки голова ослиная, – ответил он смеясь. – Никого не предупредив, он взял один сломанный танк и повёз его починить в Ахваз. У него был сломан ствол. Он говорил, что надо его завести. Я не знаю, что с ним делать. Ведёт себя как ребёнок. В таких делах он становится бесшабашным. Что я потом отвечу его матери?

Я подождала несколько минут. Когда шум истребителей утих, я встала и направилась к работнику городской администрации. Я подошла к его голове. Она была в ужасном состоянии. Голову в районе шеи ему разнёс

осколок. Ту часть ему так сдавило, что она потеряла свой естественный вид и выглядела ужасно. Хотя у него был размозжён затылок, а волосы были смешаны с мозгами, его лицо можно было распознать. В последний момент я заметила, что, хотя он и упал лицом вниз, но теперь лежал на боку. Видимо он хотел повернуться лицом. Я прощупала его пульс. Он не прощупывался. Видимо скончался сразу. Остальное тело тоже было в осколках. С его плеча текло много крови, ноги были словно связаны между собой. Всё у него было окрашено в красный цвет. Мне стало плохо от этой сцены, и я почувствовала сильную слабость. Меня начало тошнить. Именно в такие моменты человеку хочется умереть, согнуться и больше не видеть этого. Я не вытерпела и позвала Абдоррезу. Мне не хотелось поднимать шум, подзывая стоявших рядом людей, чтобы они не видели этой сцены. Абдорреза не подошёл. Он как будто издали видел, в каком состоянии тело, и сказал:

– Я не подойду. Ты иди сюда. Сейчас эти люди подойдут и соберут его.

– То есть?! Что значит «подойдут другие»? – со злостью ответила я.

Возможно он испугался. Или из-за того, что я была зла на него, он тоже разозлился из-за моей дерзости.

– Самолёты сейчас вернутся, – сказал он. – Ты понимаешь? Ты сама сейчас погибнешь и других подвергнешь риску. И вообще, девочка, что ты из себя строишь?! Тебе сколько лет? Не забывай, что тут есть кто постарше тебя.

Я больше ничего не ответила и думала только о том, как поднять с земли труп охранника из городской администрации. Может, я смогла бы забрать носилки из больницы напротив, чтобы перенести его. В этот момент из числа людей, стоявших на берегу реки, подошли двое мужчин. Они тоже были ошеломлены, увидев труп охранника и то, как он погиб. При том, что им эта сцена не показалась пугающей и удивительной, они всё же не были готовы нести на себе труп. Они были правы. Пока мы искали транспорт, другой работник городской администрации направлялся в нашу сторону с тачкой со стороны площади Фармандари. Подбежав к нему, я спросила:

– Дашь тачку? Я хочу с ними отвезти труп этого погибшего в морг больницы.

Он удивлённо посмотрел, куда я показала, и, не раздумывая, дал мне тачку. Вместе с теми двумя мужчинами он погрузил труп на тачку. В ней поместилось тело, ноги свисали с одной стороны, а раздавленная головная масса с кровоточащей артерией – с другой. Когда мужчины унесли труп, со стороны берега подошла Захра. Самолётов уже не было видно, а перевозка людей вошла в привычную колею. Мы же направились к мечети. Не доходя до площади, Захра спросила:

– Ты пойдёшь к нам домой?

– Я плохо себя чувствую. Лучше ты сама, – ответила я.

– Нет, одна я не пойду, давай и ты со мной.

– С чего это ты вдруг захотела домой?

– Когда тот мальчик упал в воду, со мной что-то произошло. Пойдём вместе.

– Нет.

После долгих её уговоров мне пришлось согласиться. После площади Фармандари мы завернули к мосту. Посреди моста нас забрала машина. Мы сошли в Кут-Шейх. Из-за интенсивных атак противника и постоянного обстрела дома в этом квартале были разрушены и казалось, что людей тут не так много. Захра молча проходила вперёд улицу за улицей. Дорога мне показалась длинной. Зная её, я стала немного бояться. Из-за противоречивости её слов и дел девочки ей не очень доверяли. Моё тело стало дрожать из страха попасть в ловушку. Я начала читать зикр и, стараясь успокоить себя, спросила:

– Что случилось? Мы ещё не дошли до твоего дома?

Но она ничего не ответила, и я снова спросила:

– Ты вообще знаешь, где находится твой дом? Или собираешься волочить меня вслед за собой?

– Что с тобой? Боишься? – спросила она.

– Нет. Почему я должна бояться? Просто мне кажется, я опростоволосилась, и ты собираешься меня волочить по сторонам. Я лучше пойду обратно.

– Да нет, мы уже совсем рядом, почти дошли.

Мы дошли до кирпичных домов, облицованных белыми и тонкими камнями. Сколькo Захра не стучала в большие железные и голубые ворота, никто так и не открыл дверь. Этот шум посреди тихой улицы привлёк внимание тех, кто ещё оставался в своих домах. Один из соседей, увидев нас, крикнул:

– После бомбёжки многие отсюда уехали.

Обратившись к Захре, сосед сказал:

– Твои родители в финиковой роще прямо напротив.

– Тогда я пошла обратно, – ответила я.

– Нет, пойдём в рощу, – сказала Захра.

Набравшись уверенности после слов соседа, что Захра не лжёт, я согласилась пойти с ней. Только мы тронулись, мужчина сказал Захре:

– Твой ребёнок был очень неспокоен. Где ты была?

Удивившись, я спросила:

– Чей ребёнок?

Не обращая внимания на его слова, Захра сказала мне:

– Пойдём.

– Почему ты не отвечаешь? – спросила я. – Он о твоей сестре говорит? О брате?

– Пойдём. Потом всё расскажу.

Мы вышли из Кут-Шейха, перешли шоссе и вошли в рощу на той стороне дороги.

Это была финиковая роща, куда поместились все люди. Если бы мы только не пришли из-под бомбёжки на берегу реки, то наверняка я подумала бы, что сейчас сиздахбедар, и люди вышли на пикник. Земля была устлана газоном и дикорастущими цветами, клевером и ромашкой. Везде

переплетался запах газона и люцерны, ласкавший моё обоняние. На некоторых деревьях ещё оставался «харак». Под деревьями лежали поспевшие финики. Люди, скрывавшиеся там от бомбёжек, в высушенных бороздах между деревьями расстелили ковровины и одеяла. Они привязали к деревьям верёвки, и дети на них игрались. Привязав к разным концам верёвки, они развешивали на них стирное бельё и одежду. На ковре каждой семьи можно было увидеть закуски для пикника, термосы с чаем, кальян, чашки, тарелки и т.п. Прохаживаясь среди людей, мы прошли четверть рощи, чтобы найти семью Захры. Там собралось двадцать-тридцать семей. Вопреки первому впечатлению, которое может возникнуть у человека, что они здесь радостно отдыхают, их лица выглядели унылыми и потерянными. Наконец, после многих расспросов Захра поняла, где расположилась её семья, после чего мы пошли к ним.

Захра стала в один угол, чтобы оказаться на виду, как бы сомневаясь, стоит ли дальше идти. Я взглянула на её семью, усевшуюся в борозде. Было видно, что это многодетная семья. Несколько мужчин сидели вокруг, беседовали и курили. Молодые женщины играли со своими детьми. Женщина, выглядевшая старше всех остальных, сидела немного в стороне и была погружена в собственные раздумья. В углу коврилина также лежал худой и хилый ребёнок с бледным лицом. Внешность и состояние ребёнка кричали о том, что он болен. У ребёнка был вздутый живот, а ноги и руки у него подкашивались. Если бы не его стоны, то можно было бы подумать, что он умер. Наконец, Захра, переминаясь несколько минут, вышла к ним. В состоянии, больше походившем на стыд и страх, она подошла и поздоровалась с ними. Я тоже поздоровалась. Все вдруг повернулись в нашу сторону, и казалось, что никто не был рад появлению Захры. Вначале выдержав паузу, они нехотя нам ответили на наше приветствие и отвернулись. Несколько минут прошло в молчании. Наконец, Захра, промямлив, спросила:

– Что нового?

Женщина, которая была старше всех, раздражённо ответила:

– Что значит: какие новости? Вон твой ребёнок умирает. Посмотри, в каком он состоянии. Он извёл нас.

Захра подошла к ребёнку и подняла его с земли. У ребёнка из-за сильного недуга, не подававшего никаких признаков жизни, голова скосилась вбок. Я удивилась, узнав, что Захра была матерью и так легко бросила своего ребёнка. Это совсем не было похоже на поведение матери, словно её сердце совсем не переживало за него. Она даже его не обняла и не поцеловала.

Я взглянула на наклонённую голову ребёнка, и мне показалось, что он сейчас умрёт. Хотя ему было около года, но из-за слабости и сильного заболевания он выглядел как шестимесячный младенец. Из-за осуждающего взгляда родственников Захры мне стало её жалко. Я стояла рядом с женщиной, которая, как я поняла, была её свекровью.

– Она была с вами? – спросила женщина.

– Да, – ответила я.

– Что вы делали на той стороне реки?

– Клянусь, я помогаю в Центральной мечети.

– А она? Она тоже с вами?

– Да, она тоже в мечети.

– Посмотри. Умоляю тебя, её ребёнок умирает. Он уже измучил нас, эта девчонка совсем не думает о нём. Она не приходит узнать о своём ребёнке, не приходит узнать, живы мы под этим огнём или нет.

– И что же теперь? – удивлённо спросила я.

– Не знаю. У неё спрости.

Я уже не спрашивала, где её муж, и чем он занимается. Мне как казалось, либо Захра не переживает за свою жизнь, либо она относится ко всему с безразличием. Свекровь Захры словно нашла человека, кому можно высказаться, и на лурском диалекте сказала:

– Милочка, что же теперь будет? До каких пор всё это затянется? За эти несколько дней заболели наши дети. Когда закончится эта война? Докуда продвинулись наши войска? Когда они ввергнут в могилы этих саддамовцев?

Я не знала, что ответить. Только сказала:

– Молитесь, мать. Всевышний должен нам помочь.

Потом я добавила:

– Мне уже надо уходить.

– Подожди. Вместе пойдём, – сказала Захра.

– Тебе не обязательно идти со мной, – ответила я. – Оставайся со своим ребёнком.

Я попрощалась со всеми и вышла из финиковой рощи. До моста я дошла пешком. Потом подъехал пикап, и я села в него. Он меня довёз до площади Фармандари. Потом я снова продолжила свой путь пешком до мечети. Проходя мимо Публичной библиотеки и школы «Эттехад», я услышала, как шумели школьники. В своих воспоминаниях я видела, как они во дворе играют в футбол или ходят друг у друга по головам и плечам, бегают друг за другом и брызгают остальных водой. Многие из этих ребят теперь были на передовой.

Глава пятнадцатая

На восьмой-девятый день, когда иракские танки уже дошли до Железнодорожной площади, все стали думать о том, чтобы вместе с семьями эвакуировать из города и девочек. Мы с тех самых дней слышали разговоры об этом, но не придавали тому значения. Однако это всё же произошло, когда сказали, что сёстры должны уехать.

Услышав это, я ответила:

– Пусть сами едут. Зачем мы должны уезжать.

Шейх Шериф Гонути – тот самый, что поручил Марьям Амджади свою бабу – был единственным, кто считал, что присутствие сестёр необходимо, и они вносят существенный вклад в общую работу. На следующий день, когда мы переехали из мечети в клинику, снова сообщили, что нам надо ехать. Никто не придавал этому значения. Мы наводили чистоту в клинике, как в клинику пришли Махмуд Фаррохи вместе с несколькими ответственными лицами из мечети, с которыми мы уже были хорошо знакомы.

– Сёстры сейчас же должны собрать свои вещи и уехать из города, – сказали они.

Мы сильно возмутились таким решением. Махмуд Фаррохи сказал:

– Езжайте. Так будет лучше. Раз уж сказали ехать, то езжайте. Это самое правильное решение.

– Зачем мы должны уезжать? Иракцы ведь ещё не пришли. Как только они подойдут близко, мы тут же уйдём, – твердили мы все в один голос.

Показав на ребят и подойдя чуть ближе, я сказала девочкам:

– Смотрите, я отсюда ни за что не уеду. Те, кто из вас захочет остаться, держитесь крепче. Если вы проявите слабость, то они нас отсюда выгонят. Но если будете крепко держаться, то они не посмеют силой за нас руки вывести отсюда. В конечном счёте, мы будем сидеть в клинике и скажем, что никто не имеет права говорить нам, что мы должны уйти отсюда.

Ребята согласились. Мы высказали старшим своё мнение, на что они ответили:

– Вообще-то доктор Шейбани хочет вернуться в клинику, и он против того, чтобы вы здесь оставались.

– Где находится доктор Шейбани, чтобы он мог сказать это?! Если вы говорите правду, пусть сам придёт и скажет, – ответили мы.

Потом мужчины ушли, и мы продолжили работать. Не прошло и полчаса, как в тот момент, когда я поливала и подметала коридор, снова пришли мужчины. На этот раз они привезли с собой доктора Шейбани.

– Это доктор Шейбани. Теперь что скажете? – заявили они.

Я была поражена. Где до сих доктор был, что сейчас вдруг появился. Доктор Шейбани, человек спокойный и степенный, сказал:

– Мне нужна моя клиника. Я намерен забрать отсюда всё оборудование, закрыть дверь на замок и уехать из города.

– Ну хорошо, забирайте всё, – сказали мы. – Нам ваше оборудование не нужно. Вам какая разница, если клиника будет пустая, закрыта она на замок или нет? Мы хотим здесь работать.

Он беспомощно несколько секунд держал паузу, думая, что ответить. Мы ведь были правы. Пока он смотрел на нас, человек, стоявший рядом, поняв его замешательство и взглянув на доктора, вынудил его сказать:

– Нет, я хочу передать это место другим.

Видя такое положение, мне в голову пришла другая мысль. Я сказала:

– Хорошо. Вам нужна клиника. Это ваша клиника. Мы тогда выйдем за её пределы и сядем посреди улицы. То место уже никому не принадлежит. Либо вы оставляете нас здесь, и мы продолжим свою работу, либо мы располагаемся на улице, пока нас не убьют снаряды.

Девчата тоже поддержали меня:

– Да, мы сядем на улице, пока не прояснится наше положение.

Мы вышли из клиники и сели в углу улицы Фахра Рази прямо напротив Центральной мечети.

– Вставайте, – говорили они нам. – Что вы себе позволяете? Вы не видите, что с неба на нас валится огонь?!

– Пока наше положение не прояснится, мы с места не сдвинемся, – ответили мы.

Они ушли, потом вернулись и снова стали уговаривать. Каждый из них говорил что-то вроде: «Не садитесь на улице посреди дороги. Тут машины проезжают: опасно. Идите в мечеть или хотя бы до отъезда зайдите в клинику» и т.п.

Когда они ушли, мы с девушками всё обсудили и пришли к решению: «Быстро не уходите; если начнёте мямлить, то нас отсюда заберут. Если же начнут что-то нам обещать или угрожать: идите в другом месте работайте и пр., не соглашайтесь. У нас одно слово: мы из Хорремшахра не уедем и всё».

Два-три часа мы сидели на жаре после предвечернего азана. Я очень измучилась с утра, занимаясь ранеными. Солнце било нам прямо в темень, и мы очень устали от жары. Ребятам тоже было тяжело. Я сказала им:

– Нам надо ещё немного потерпеть, иначе они каждый день будут приходить и уговаривать нас. Они пытаются давить на нас. Посмотрим, как это у них получится.

Видя наше упорство, мужчины нам больше ничего не говорили. Однако им всё время приходилось заниматься нами, так как мы сидели посреди улицы. Когда подъезжала какая-нибудь машина, они направляли её в другую сторону.

Наконец, когда стало понятно, что с нами бесполезно говорить, они привели шейха Шерифа. В это время он пользовался авторитетом у городской молодёжи. Все его знали и прислушивались к его словам и делам. Я тоже особо относилась к шейху Шерифу. Он был всё время в делах и ни минуты не стоял на месте.

Про него говорили: «Хотя он приехал из Боруджерда и не является родом из Хорремшахра, он хорошо знает город и взаимодействует вместе с

войсками на передовой». Именно поэтому я относилась к нему с особенным уважением.

Однажды я, увидев шейха в мечети, когда он ходил и бил себя по ноге прутом, который держал в руке, спросила его:

– Хаджи-Ага, зачем вы себя бьёте?

– Девочка моя, я бью себя, чтобы всё время быть в крепком сознании и не поддаваться искушению Шайтана. Это не наказание, это предостережение.

Теперь мы стояли с шейхом лицом к лицу. В отличие от прежнего, когда он был за присутствие женщин в городе, на этот раз он заговорил по-другому:

– Сёстры мои, вы до сих пор выполняли все свои обязанности и следовали своему долгу. Спасибо вам большое. Но с этого момента вы уже должны перепоручить свою работу братьям и уйти.

Я встала и спросила:

– Хаджи-Ага, какого цвета у вас кровь?

– Ну красного, – ответил он.

– И у нас кровь такого же цвета. Так почему же вы должны остаться, а мы уйти?!

– Потому что мы пришли к такому решению.

– Что это за решение?! Ситуация ещё не настолько критическая, мы ведь ещё в окружение не попали. Мы понимаем, вы переживаете, что враг нас окружит и возьмёт в плен. Но мы даём слово, что не окажемся в плену. Мы не собираемся умолять, но скажите тогда, если нас не будет, смогут ли мужчины выполнять работу, которую до них всегда делали женщины. Разве мужчины не должны направить свои силы и энергию на фронт? Хаджи-Ага, мы должны здесь остаться. Разве на заре ислама женщины не участвовали в войнах Посланника Аллаха?

– Ну почему? Но тогда были другие времена. Сейчас враг действует подло. Вы не в курсе всего, что происходит и не знаете, насколько эти нечестивые баасисты переступили через все границы.

– Хаджи-Ага, когда враг действовал благородно, что он уже второй раз такое вытворяет? Враг всегда коварен. Поэтому этот довод ваш неубедителен. Мы не хотим уезжать отсюда и будем сидеть вот здесь. Мы не прикоснёмся к воде и еде, пока нам не определят место, сколько бы это ни заняло время.

Эту часть слов я произнесла, опираясь на сцены блокады и забастовок, которые я видела в военных фильмах или читала в исторических книгах о женщинах-героях. В ответ шейх Шериф сказал:

– Ну почему вы так ведёте себя, сестра? Почему не прислушиваетесь к словам?

– Если помните, то в первые дни вы говорили, что присутствие сестёр необходимо. Если их не будет, то дело не сдвинется с мёртвой точки. Что такого произошло, что теперь их присутствие вам стало мешать?

Я была очень возмущена и кипела вся изнутри. Между слов я словно руга на огне то вспыхивала, то угасала. При этом ни за что не была готова уезжать из города. Я была убеждена в том значительном вкладе, который вносили в общее дело женщины. Было видно также, что необходима подмога, и женщины действительно смогли бы помочь. На мой взгляд, на войне обороной должны заниматься как мужчины, так и женщины. Здесь не должно быть разницы. С другой стороны, мне не нравилось, когда мужчины думали, что у женщин нет рук и ног, и они непременно сдадутся. При том, что женщины сами не меньше осознают свою ответственность. Именно поэтому я так настаивала и спорила. Ребята в это время болтали между собой. Иногда мы говорили вместе и становилось шумно.

Наконец, шейх прекратил спор и спросил:

– Что вы предлагаете?

– Мы останемся здесь до тех пор, пока сможем работать, – ответила я. – Когда мы поймём, что в нашей помощи больше нет необходимости, и наше пребывание здесь не приносит пользы и, наоборот, вредит, вот тогда мы сами и уйдём. Не беспокойтесь, мы не позволим иракцам взять нас в плен.

– Тогда вы остаётесь под свою ответственность, – сказал шейх Шериф.

– Разве кто-нибудь до сих пор отвечал за нас? – спросили мы все.

– Очень хорошо. Раз так, то теперь вы не должны каждый день подходить к нам и проситься на линию боёв. Вы должны всё согласовывать. Когда вам говорят, что не надо ехать на передовую, то не спорьте. Все действия должны координироваться. В таком случае, раз уж я вмешался, можете оставаться тут. Сейчас я попрошу господина доктора разрешить вам работать в клинике. Вставайте и идите по своим делам. Клиника в вашем распоряжении. Я тоже остаюсь с вами, пока, даст бог, мы не изгоним врага из нашего дома.

Мы добились своего и не чуяли ног под собой от радости. Мы встали и пошли в клинику, радостно высказываясь:

– Это результат единства. Мы должны всегда так держаться вместе.

С того дня шейх определил нам новый фронт работы. В клинику привозили мешки, заполненные оружием, и выгружали их во дворе. В основном, это были старые винтовки «М-1» и «Джи-3», которые, по-видимому, привозили из гарнизона крепости, поскольку не было никаких новостей о том, что в город ввозили какое-либо оружие и боеприпасы. Возможно это разбросанные части собирали для себя винтовки. Очень много ребят на передовой были без оружия и боеприпасов и подбирали его у павшего бойца.

С момента блокады, пока нам привозили раненых, мы оказывали им помощь. Если в клинике не было работы, то мы шли за убитыми и ранеными, оставшимися в черте города. Между делом мы садились за оружие и устраняли в них мелкие неисправности. В первый раз нам чётко объяснили, что мы должны делать. Мы разбирали целое оружие по запчастям. Потом просовывали цепи с щёткой на конце, чистя ствол, и вынимая его с обратной стороны. В затворную часть мы заливали масло и потом тряпкой очищали ствол. Потом снова собирали оружие. Если в нём обнаруживали незначительный дефект, то исправляли его. Затворы, погнувшиеся при

использовании, мы выравнивали щипцами. По наружным краям погнутых обойм, в которые невозможно было загрузить патроны, мы осторожно стучали, чтобы их выровнять, и пуля могла свободно пролетать.

Иногда вместо того, чтобы починить оружие, мы его ещё больше ломали так, что мы уже ничего не могли сделать. Закончив починку оружия, мы заполняли обоймы патронами. Таким образом, защитники на линии боёв могли быстрее действовать. Через некоторое время после такой работы наши пальцы покрывались ранами и кровоточили, так как для заталкивания патронов использовался большой палец, которым мы давили пружину вниз.

С того дня это стало частью нашей работы. Ребята забирали мешки с винтовками и полными обоймами, принося взамен вышедшие из строя винтовки, погнувшиеся патроны от «Кольта», «Джи-3» и «М-1» или заряды от гранатомёта. Во время этой работы мы все монотонно болтали с остальными девчатами во дворе. Ребята тоже рассказывали весёлые истории. Мы спрашивали друг у друга: «Сколько вас человек?», «Как зовут ваших братьев и сестёр?» Потом мы договаривались, после того как закончится война, заходить друг к другу домой, гулять вместе и спрашивать друг о друге.

Устав, мы уходили спать на стоматологических креслах. Ребята спали на крутящихся креслах доктора, вертелись на них и изображали из себя врачей. «Оказывается, быть врачом – очень здорово», – говорили они.

К нам в клинику присоединились ещё две девочки: Мехрангиз Дарьянруд и Белкис Малекиян. По-моему, они обе приехали из Абадана. Мехрангиз, несмотря на то что прихрамывала при ходьбе, была очень ловкой и активной. Белкис же, напротив, была спокойной и кроткой девушкой. У неё было смуглое лицо, и она ходила в больших очках. Большую часть времени она молчала и выполняла свою работу, не проронив ни слова.

В этот день мы снова занимались винтовками, как кто-то начал говорить по громкоговорителю. Мне захотелось посмотреть, что случилось. Я почистила руки тряпкой и, встав, вышла из клиники. Перед мечетью я

увидела майора Шерифнасба. Он стоял на крыше пикапа и обращался к ополченцам и солдатам, собравшимся вокруг мечети. Он просил их пойти вместе с ним к гарнизону крепости и вывести оттуда оружие и боеприпасы.

– Мы не должны допустить, чтобы наше вооружение попало в руки врага. До того, как крепость сдастся, мы должны вывезти оттуда как можно больше оружия. Солдаты и ополченцы, покинувшие гарнизон, должны перейти под единое командование, которое находится рангом выше, и должны выполнять его приказы.

Одни в ответ молчали, другие говорили:

– Мы не пойдём. Наше командование нам не позволит.

– Если вы ждёте приказа, то я в ранге старшего по званию приказываю вам пойти.

Это была почти повседневная работа майора, которого я хорошо знала. Мужчина тридцати с лишним лет с усталым загорелым лицом. Он пользовался особым уважением среди людей. Почти каждое утро он делился своей энергией, выступая перед людьми, желавшими следовать приказам Имама Хомейни и бороться с врагом.

Майор в ответ на возражения солдат вновь уважительно сказал:

– Я прошу вас. Мы не можем себе позволить потерять боеприпасы, которые нам так сейчас нужны.

Тут на моё удивление из толпы вышла женщина и, выхватив из рук майора громкоговоритель, обратилась ко всем:

– Вы – солдаты. Вы видели, что происходило эти дни. Необученные бойцы теперь воюют на передовой. Теперь из-за потери управления у вас нет командира, и вы не хотите ничего делать. Время службы в армии – это время защиты своей земли и совести. Теперь наша страна в опасности...

Но её слова не возымели действия. Бедные солдаты, которые прежде просто выполняли приказы и в случае ошибки при исполнении команды подвергались наказанию, теперь оказались в таких условиях, когда от них уже просили действовать вопреки уставу и их командованию. Всё это начало

вызывать беспокойство. Больше всего усталость и боль наблюдались на лицах этих солдат.

Я очень переживала за полковника, хотя сама однажды критиковала его. Однажды незадолго до гибели отца и Али майор Шерифнасб появлялся в Центральной мечети вместе с группой высокопоставленных военных командиров. Одного из них звали Агаребпараст, видимо полковник, выглядевший на тридцать с небольшим лет. Возмущённая ситуацией на передовой и бездействием военных я заговорила с ними:

– Простите. Вы командующий армией?

– Мы простые солдаты, – с улыбкой ответил Шерифнасб.

– Почему вы не думаете о солдатах? Они же нужны на передовой. Все видят, что необученные ребята отправляются в бой. Они даже не умеют обращаться с оружием, в то время как опытные солдаты, которые есть среди простых людей, бездействуют. Отправьте их в бой.

Не зная, что ответить, они сказали:

– Мы делаем всё, что в наших силах. К сожалению, у нас нет единого командования. У каждого рода войск свои командиры.

– Сейчас другая ситуация, – сказала я. – Вы, конечно, правы. Но это если в обычных условиях. Сейчас все должны идти в бой. Если эти солдаты не переживают за страну, то зачем они тогда нужны?

– Все бы так думали, – ответил полковник Агаребпараст. – Если, как ты говоришь, создать народное ополчение, и руководить ими, то сейчас положение было бы другим. Сестра моя, согласитесь, ведь невозможно заставить их силой идти туда.

Теперь я стояла перед клиникой и с сожалением наблюдала за беспомощностью майора Шерифнасба. Мне хотелось пойти что-то сделать, но это было бы бесполезно. Я стояла там же и слушала крики ополченцев. Посреди этого шума были слышны голоса девушек, оставшихся помогать в городе:

– Майор, если они не пойдут, то мы готовы вынести всё из гарнизона.

Я посмотрела на майора. Его настроение переменялось, а из глаз потекли слёзы.

– Спасибо вам, мои пылкие сёстры, мои революционерки. Надеюсь, и остальные последуют вашему примеру.

Десять-двенадцать девчат сели на пикап. Майор спрыгнул с крыши пикапа и сел с ещё одним человеком на переднее сиденье рядом с водителем. Ополченцы, находившиеся вокруг мечети, удивлённо смотрели на них. Мне очень захотелось поехать с ними. Но, помня о винтовках, я остановилась. Нам сказали, быстрее разобраться с ними.

Пикап тронулся. Не успел он отъехать нескольких метров от толпы, как вдруг Афсане Гази-заде, севшая с краю пикапа позади остальных, вывалилась наполовину назад и осталась так висеть. Девчата быстро схватили её за ноги. Афсане, продолжая свисать, постаралась подняться. Девчата со смехом постучали по крыше пикапа. Водитель остановился, и Афсане вытянули наверх. Солдат и ополченцев после этой сцены охватил стыд. Побежав за пикапом, они стали кричать, чтобы остановили машины и девчата слезли.

– Нет, мы не сойдём, – сказали они. – Вы уже не нужны.

– Пожалуйста, сойдите, – стали настойчиво просить солдаты. – Мы уже достаточно наказаны, – ответил один из них с смехом.

Майор, выйдя из машины, попросил девчат слезть, что те и сделали. Когда солдаты сели, все девочки засмеялись. Они были хорошими парнями. Уверенна, если бы не эта беда, я бы смогла спокойно остаться с ними, но теперь, когда губы мои смеялись, на душе у меня всё равно была печаль. Конечно, у ребят тоже были собственные проблемы.

Большинство семей было против того, чтобы их дочери оставались в городе. Даже те, кто уехали, просили их выехать к ним или сами приезжали за ними.

Сперва забрали Рену Наджар. Пару дней она сопротивлялась, отказываясь ехать. Но больше она не могла противиться решению семьи.

Когда стало понятно, что за ней приехали, все стали переживать. Она в слезах говорила:

– Я хочу остаться.

– Рена, раз тебе семья сказала, то придётся ехать, – отвечали мы.

– Знаю, здесь моё пребывание не столь важно, но мне хочется быть с вами и делать, всё, что придётся, – говорила она, продолжая рыдать.

Когда Рену забрали, меня в мечети не было. Ребята рассказали, как она плакала, прощаясь с ними, и просила попрощаться от неё и со мной.

Несколько раз приходили и родные Элахе Хеджаб, которые, невзирая на её просьбы, забрали дочь с собой. За это время мы сильно сблизились. Те, кто знал, что возможно и за ними приедут, прощались заранее.

– Не переживайте. Скоро Хорремшахр станет тем прежним Хорремшахром, и вы вернётесь обратно, – сочувствовали мы им.

Семья Сабах Ватанхах тоже настояла, чтобы их дети уехали с ними. Однажды я увидела, как Фавзийе Ватанхах плакала, прислонившись к стене. Фавзийе, Шахназ и Салехе были сёстрами Сабах и выполняли разную работу. Я познакомилась с ними именно за эти несколько дней. Из-за того, что их дом в квартале Моуляви находился под прямым огнём врага, они переехали в Центральную мечеть. За несколько дней до этого был ранен их отец. Сперва я подумала, что что-то случилось с самой Фавзийе, так сильно она плакала. С трудом ответив на мой вопрос, она сказала, что за ней приехал дядя и хочет забрать её.

– Так зачем плакать. Езжай, – сказала я.

– Ты-то здесь остаёшься, и никто ничего тебе не говорит. На моём месте ты бы хуже себя чувствовала.

– Но из твоей семьи остаётся Сабах.

– Сабах на своём месте, она не за меня.

Я обняла её и попросила больше не плакать, после чего позвала её с собою в мечеть.

– Я не пойду. Там мой дядя. Я не хочу его видеть, – сказал она.

– Он-то при чём? Чем он виноват?

– Он виноват, потому что приехал за нами на машине.

Сабах рассказывала, что у её дяди есть машина, и он живёт в Боруджерде. Но никто из них не готов был уезжать. Их брат Али служил в Гвардии. Так как девочки очень любили его, то и они не хотели уезжать из Хорремшахра.

Я потянула за собой Фавзийе и увидела, что её дядя плачет ещё больше. Поздоровавшись с ним, я спросила, неужели нельзя её оставить.

– Если я всех тут оставлю, то зачем я тогда сюда приехал? Их мать очень сильно переживает за дочерей.

Так как я спешила, то быстро поцеловала Фавзийе и пообещала ей, что она быстро вернётся в Хорремшахр.

Когда семья Ватанхах уехала, остались только Сабах и Салехе, служившая в тыловом подразделении Гвардии. Я очень скучала по девочкам, вспоминая, как мы вместе работали при слабом свете фонаря.

В тот вечер из Бехбехана приехала бригада из пяти врачей. На следующий день они с оружием пошли на передовую. Ещё до нашего переезда в клинику из Бехбехана приехал помогать фармацевт по имени Саадат. Он обычно оставался там. Он был худым и высоким, у него были почти зелёные глаза и взъерошенные волосы. Он очень спокойно разговаривал и был предельно организованным и исполнительным человеком. Он даже привёз с собой ночную одежду, в которую он одевался перед сном, сняв рабочую одежду. Помогая раненым, он столь спокойно и уверенно делал свою работу, что мы по сравнению с ним чувствовали себя грубыми и неотёсанными людьми. Ребята говорили: «Он явно из благополучной семьи и не знает здешних трудностей. Посмотрим, как он себя при первом же взрыве поведёт. Вон та первая бригада, которая поддерживала разные группировки, как приехала, так и уехала обратно. Хотя они и не были такими рафинированными, как Саадат. Увидим, сколько он протянет. Наверняка тоже уедет».

Однако, чем дольше, тем больше нас Саадат удивлял. Закончив работу, он уходил в одну из свободных комнат и закрывал дверь, незаметно для всех совершая намаз и читая молитвы. Он так красиво их читал, что у меня текли слёзы. Его душевное состояние влияло и на нас. Я пришла к выводу, что спокойствие доктора Саадата в работе и его поведении объясняется именно молитвами, хотя объясняли это также его интеллигентностью. В отличие от господина Наджара, с которым мы считались и боялись его, с Саадатом нам было легче. Он проявлял к нам уважительное терпение. Мы всегда относились к нему с большим доверием. В тот день после обеда, когда я похоронила Али, увидев меня, он спросил:

– Ты где была, сестра Хосейни? С утра тебя не было видно.

Я с трудом сдерживала себя, чтобы не расплакаться. С дрожащим голосом я ответила:

– Вы не знаете? Вчера погиб мой брат Али, и я ездила в Джаннатабад похоронить его.

Его глаза наполнились слезами, а лицо покраснело. Он опустил взгляд. Когда я сказала, что Али и отец оставили меня одну, он ушёл и громко разрыдался, руками закрыл лицо и направился в комнату.

– Доктор, почему вы так делаете? – спросила я. – Я пришла сюда, чтобы вы мне посочувствовали.

– Нет, сестра Хосейни, я не могу как вы выдержать такое, – ответил он в слезах и ушёл в комнату. Из закрытой двери было слышно, как он плачет. Я больше не могла оставаться в клинике и вышла на улицу.

Глава шестнадцатая

Думаю, было то ли четырнадцатое, то ли пятнадцатое мехра¹. Мы были заняты работой в клинике, когда я увидела перед собой Хосейна и Лейлу. Я удивилась и даже испугалась.

– Что вы тут делаете? – спросила я.

– Мы видели брата Абдоллы Моави, Халила. Он нам рассказал, что Абдолла ранен, – ответили они.

– Как это? Где? – взволновалась я.

– Не знаем. Но он был на передовой.

– А сейчас он где?

– Не знаем. Его брат Халил тоже не в курсе.

Немедля ни минуты, я сказала:

– Пошли за ним.

Сперва мы зашли в больницу «Мосаддег», которая сильно опустела. Из-за желания иракцев разрушить мост и здание губернской администрации она находилась под сильным огнём. Два-три раза сюда попадали снаряды. Войдя туда, я чувствовала, как она опустела. Когда я спросила об Абдолле, мне сказали, что больше они раненых не принимали, так как здесь небезопасно, а оставшихся, наоборот, переводят в другие места.

Потом мы пошли в роддом, но и там его не нашли. После этого пошли в больницу «Талегани», которая, в отличие от больницы «Мосаддег» была переполнена. Там ответили, что раненый с таким именем здесь был, но его перевели в Махшахр, в больницу «Сахраи». До сих пор я такого названия не слышала. Сказали, что она находится в Дарховеине, в районе Шадегана.

Так как было послеобеденное время мы решили вернуться и поехать к нему с утра.

На следующий день утром я, Лейла, Хосейн Эйди, Захра Фархади и Зейнаб-ханум выехали из Хорремшахра. Пешком и на разных машинах мы

¹ 6-7 октября.

добрались до квартала Дарвазейе-Абадан, а затем сели в военную машину. Я переживала за Абдоллу, так как они вместе с Хосейном были для меня почти как Али.

Ехать было далеко. Никто из нас до сих пор не был в Дарховеине.

– О больнице «Сахраи» я слышал, что по ней наносили удар.

Наконец, водитель высадил нас у грунтового шоссе, ведущем к больнице. Чуть вперёд находились контейнер и несколько палаток. Издалека было видно большое помещение с металлическими стенами и брезентовым покрытием. За пятьдесят метров до больницы было перекрыто шоссе и контролировалось хождение. Из палатки вышел охранник и сказал, чтобы мы отдали всё, что есть из оружия, и потом его вернут нам.

Хосейн снял с плеча и отдал свою «М-1» охраннику. Гранату и «Джи-3» я передала Фаррохи, оставив только пару патронов.

Мы искали Абдоллу в том самом большом помещении на трёхместной кровати. В два ряда там расставили пятьдесят-шестьдесят стульев, на которых тоже лежали раненые. По их загорелым лицам можно было понять, что они, в основном, южане. Но мы так и не смогли найти Абдоллу и спросили у медсестёр, могли ли его перевезти в другое место. На что медсестра ответила, чтобы мы ещё раз посмотрели. Далее она проводила к койке номер три и показала надпись: «Абдолла Моави».

Мы не могли глазам своим поверить. Неужели это был Абдолла Моави?! Какой он был тощий и хилый. Его побледневшее лицо сильно изменилось. Повязка на голове была такая большая, что она была похожа на чалму. Из неё выступали трубки, выводя оттуда скопившуюся кровь в стеклянные сосуды рядом с кроватью. Лицо у него было очень бледное, глаза раскрыты. У него над головой был установлен аппарат, и он дышал кислородом. Руки были присоединены к капельнице.

Зейнаб с трудом сдерживала себя, чтобы не расплакаться и, наклонившись, по-матерински поцеловала его. Все были также расстроены из-за состояния Абдоллы. Он стал для нас как родной ещё с того дня, когда

мы вместе ходили в школу «Дарьябод-Расай». Когда в Джаннатабаде уже нечем было заняться, он не выдержал и сказал, что собирается на передовую, так как его братья Хасан и Халил уже там. Несмотря на наши уговоры, он всё же ушёл в тот же день.

– Как он себя чувствует? – спросила я медсестру.

– Осколок попал ему в голову, вызвав кровотечение. С того момента он находится в коме.

– И что теперь?

– Он безнадежен. Сейчас прилетали вертолёты и забрали тех, кто имеет шансы выжить, в Махшахр. Тех же, кто находится в таком же состоянии, мы отправим следующим рейсом.

– Когда он будет?

– Неизвестно. Как только прилетает вертолёт, мы сразу их отправляем. Вы его родственники? – спросила она потом.

– Нет. Абдолла был вместе с нами в Хорремшахре, – ответили мы и кратко рассказали историю нашего знакомства.

– Теперь идите. Здесь нельзя толпиться. Если хотите ещё видеть своего раненого, следующий раз приезжайте в Махшахр. Скорее всего его туда отправят.

Выйдя из больницы, мы передали охраннику пропуск, но он нам не вернул оружие, несмотря на наше возмущение. Возможно из-за нашего юного возраста или по какой-то другой причине – не знаем. В конце концов, нам ответили, что пока мы не принесём письмо из компетентных органов, они нам его не вернут.

В Хорремшахр мы вернулись в дурном настроении. Но, к счастью, представитель мечети Юнус Мохаммади дал нам соответствующее письмо, и на следующее утро мы с Хосейном поехали в Дарховеин. На этот раз мы без всяких расспросов навестили Абдоллу, но его койка оказалась пустой. Я спросила у работавшей в этот момент медсестры, куда дели вчерашнего больного.

– Он умер, – ответила она.

В один миг мир для меня перевернулся. Эта новость нас шокировала. Потом мы попросили выдать нам тело, чтобы похоронить его в Хорремшахре.

В этот момент мимо проходил врач, одетый в чистую военную форму и, видя наше состояние, спросил, что случилось.

– Ничего, – с трудом ответила я. – У нас тут был раненый с ранением в голову. Теперь нам сказали, что он умер.

– Как его звали, – спросил врач.

– Абдолла Моави.

– Моави? Но мы ведь его вчера отправили.

После этих слов для меня мир будто вновь ожил, и я с воодушевлением спросила:

– Доктор, умоляю вас, вы правду говорите?

– Да. Он ваш брат?

– Почти как брат. Никакой разницы.

Просмотрев список, он сказал, что его отправили в Махшахр.

В поднятом настроении мы поблагодарили врача и ушли оттуда. Потом, когда мы предъявили охраннику письмо, нам принесли винтовку «М-1» Хосейна.

– А как насчёт моих патронов? – спросила я.

– Их я вам не отдам, – ответил охранник.

Высказавшись ему, что он злоупотребил нашим доверием, когда мы отдали ему всё, хотя могли припрятать патроны, я не дождалась от него никакой реакции.

– Послушайте. На этих пулях кровь моего брата, и я хочу держать их у себя на память. После этих слов, выдержав паузу, солдат вернул мне патроны. Наконец, мы ушли оттуда.

Глава семнадцатая

С того времени, как мы переехали в клинику Шейбани, каждый раз, когда не было работы, я ходила к месту готовки еды. Из Центральной мечети её перевели во двор одного из банков. Чтобы добраться туда, надо было пойти от Центральной мечети в сторону реки. Не доходя до улицы Фердоуси, мы свернули налево в узкую улочку. Там стояло стеклянное здание банка. За зданием мы вошли во двор, часть которого была накрыта тентом. Все женщины из мечети собрались там и так же готовили еду. Ханум Пур-Хейдари, ханум Фулади, мать Юсеф-Али, мать Юнуса Мохаммади, мать Хосрова Новдусти и другие женщины каждый раз, когда я туда приходила, были заняты работой.

Каждый раз здесь забивали крупный рогатый скот, который люди привозили в мечеть в качестве помощи. В основном, это также был скот, отпущенный на волю, а их хозяева уехали из города. Многие из них попадали под снаряды. Поэтому было принято решение использовать и их для кухни, а хозяевам после войны возместить их ущерб, либо принять в качестве безвозмездной помощи.

Обстановка там была приятная и искренняя. Все работали с особой любовью, читали зикр, готовили еду и произносили над кастрюлями салават. Мне нравилось бывать с ними, так как я именно в эти моменты отвлекалась от мыслей о гибели отца и Али. Среди всех мать Хосрова, худая проворная женщина, больше всех любила и опекала меня. «Была бы ты моей дочерью, – говорила она всегда, – и если бы Всевышний подарил мне тебя, я б тебя точно так же любила. – Она очень многое знала. В мечети она всегда наблюдала, что у меня из-за работы высыхали руки, и потому посоветовала смазать их бараньим курдюком.

Работу за пределами кухни обычно выполняли мужчины. Они клали большие кастрюли на тачки и ехали к реке и набирали там воду. Несколько раз мужчины приходили оттуда с пустыми руками, когда в это время в небе

пролетали самолёты, обстреливавшие берег. Пару раз, когда воды не было, мы с женщинами кляли кастрюли в тачку и шли к реке. При виде того, во что превратился берег, мне становилось жутко. Вражеские самолёты всё время били по баржам и бензовозам. Утонувшие мачты кораблей также торчали из воды. Я вспомнила своё прошлое. Я точно помню одну гравировку, где по обе стороны реки был изображён красивый пейзаж. На прибрежном тротуаре, были усажены деревья в два ряда. Они создавали такую зелень, что казалось, что я хожу по травяному тоннелю. Слышалось также гудение проплывавших мимо кораблей. Там были также изображены птицы, налетающие на рыбу. Мне доставляло удовольствие рассматривать эту картину.

По ступенькам я спустилась к берегу. В этой части не было тростника и кустарников, и я спокойно смогла набрать воды. Из-за взрывов в воде между тростниками скопились трупы рыб, издавая зловонный запах. Мальчики рассказывали, что в этой части также плавали трупы иракских солдат. В тот день уровень воды был ниже, и она казалась чище. Но еда всё равно была невкусная. Помимо рыбного запаха в воде также чувствовался вкус земли и разлитой нефти. В прежние дни, когда вода была выше, она была уже абсолютно непригодна к пище, и поэтому кастрюли оставляли в стороне, пока там вся грязь не осядет. При этом с реки собирали листья и обломки веток деревьев, чтобы ими чистить кастрюли.

Пока я была погружена в свои мысли о прошлом, в этот момент прилетели самолёты и начали бомбить берег реки. Несколько бомб упали в реку, взбаламутив воду. Волны потянули меня в глубину реки. Мне пришлось нырять в грязную воду. Когда самолёты улетели, я с трудом выбралась из ила и чёрных нефтяных пятен, с ног до головы оказавшись измазанной в грязи и нефти.

Глава восемнадцатая

Не помню, что был за день. К обеду, около одиннадцати часов мы начали уборку только что привезёнными длинными мётлами. Всегда говорили, что мечеть – дом Аллаха, и грязь в ней – это неуважение к нему. Мы собрали ковры из молельни, передвинули ящики и везде подмели. Господин Месбах, не дав закончить работу, позвал меня во двор.

Бросив веник, я пошла за ним. Он показал на мужчину, стоявшего там, и сказал:

– Собери сестёр и иди с этим братом. В Кут-Шейхе для вас есть работа.

– Вы как считаете, там важная работа? – спросила я.

– Да.

Полностью доверяя мнению господина Месбаха, я пошла за ребятами и позвала их за собой.

– Куда? – спросили они.

– Нам дали поручение, – ответила я, рассмеявшись.

Быстро расстелив ковёр, мы вышли из мечети. Марьям Амджади как всегда стояла у лестницы и не пошла с нами. Я, Ашраф и Захрэ Фархади, Сабах Ватанхах вместе с одной девушкой из Абадана сели в пикап, ждавший у ворот, и поехали, проехав потом мост.

На окраине Кут-Шейха машина остановилась перед заводом, и мы, спешившись, вошли внутрь. Только там мы поняли, что это птицефабрика. К нам подошли две работницы, одетые в рабочую одежду.

– Помочь пришли? – спросила одна из них.

– Точно не знаю, – ответила я. – Но сказали: здесь есть работа. Не знаете, какая?

– Многие наши работницы ушли, и за эти несколько дней собралось много яиц. Если их не упаковать и не отправить, то пропадут.

Мы с ребятами прошлись по заводу. В одном из цехов были клетки с белыми курами, перед которыми стояли вода и пища. В другом цеху в

обручах собралось много яиц. Мы должны были укладывать их в соты, а потом переставлять в ящики и, закрыв крышки лентой, переставлять их в сторону. Из-за нехватки людей яйца для вылупления были перемешаны со съедобными яйцами. Надо было их поднимать наверх и ставить на свет. Если внутри не видно было птенца, и скорлупа была грубой и несмягчённой, мы ставили яйца в соты. Мы расстроились из-за того, что оказались здесь, и пикап использовался для этой работы. Ребята чувствовали себя так же. Не знаю, но кто-то из них как-то спросил работников:

– А почему вы продолжаете работать в таких условиях?

– Мы хотим отправить эти яйца тем, кто остался в городе или укрылся в окрестностях.

К трём часам после обеда все прекратили работать и сказали также нам идти мыть руки, чтобы пообедать. Меня затошнило от вида уже варёных яиц, и я отказалась есть, как меня ни уговаривали.

Потом я вышла и увидела во дворе цветник.

Я вспомнила, как отец в месяце эсфанде всегда сажал во дворе цветы, особенно вербену. К празднику всё благоухало у нас. Когда же наступала жара, отец вырывал с корнями все цветы кроме вербены. В ответ на мой вопрос, зачем он это делал, он ответил, что собирается вместо них посадить алычу, бамию и турецкие бобы.

– А зачем ты оставил вербену? Из-за того, что у них такое же имя Шахпасанд¹, как и у матери?

Он рассмеялся и сказал:

– Вербена чуть подрастёт и станет кустиком, а остальные цветы сгорят под жарой и исчезнут.

Прогулявшись ещё немного по саду, после того как ребята меня позвали, я вновь взялась за работу. К пяти завод прекратил работать. Потом за нами приехала машина и довезла до мечети, сообщив, что и завтра нас

¹ Шахпасанд (перс.) – вербена.

отвезут туда. Про себя я решила, что больше не поеду туда, так как нет необходимости присутствовать мне там.

Доехав до мечети, я пошла в кабинет Эбрахими и позвонила оттуда в Джаннатабад. Узнав, что им ещё не привезли еды, я взяла несколько консервов и хлеба и пошла туда. К сожалению, в моё отсутствие туда иногда забывали приносить еду. И чаще всего это были хлеб с сыром. Лейла, устав от них, уже просила принести что-нибудь другое. Поэтому я приносила им арбузы. Лейла за это время серьёзно исхудала, что заставляло меня переживать за неё, так как я чувствовала себя по отношению к ней больше матерью, чем сестрой.

Хотя она не жаловалась на трудности, но я знала, что она устала от вида всех этих трупов. Я пыталась уговорить её перейти работать в клинике, но та отказалась, сказав, что плохо знает и не общается с теми девчатами. В какой-то момент она устала и стала жаловаться мне. На что я ей ответила, что она сама пришла сюда, и никто её не звал. Но раз уж взялась за работу, то кто-то должен её выполнять. Несколько раз она говорила: «Почему ты всё время спешишь? Отдохни немного». «Работы много», – отвечала я. А иногда ради шутки говорила: «Лейла, я медленно не хожу, чтобы этот шахид взял меня с собой. Я очень спешу в рай».

Глава девятнадцатая

Начиная где-то с четырнадцатого-пятнадцатого дня в послеобеденное время, где бы ни была, я старалась попадать к месту распределения еды.

Это был самый верный способ попасть на передовую. Несколько раз я просила у Наджара лекарства и медицинские средства. Но он в ответ, рассмеявшись, говорил:

– Ты, я вижу, уже стала врачом?

– Я совсем на это не претендую, – смеялась я также в ответ.

Он сам откладывал медицинские средства в сторону и говорил: «Каждый, кто едет на передовую, пусть берёт их с собой».

Чем дальше, тем больше я убеждалась в необходимости доставки помощи на передовую. Я слышала раньше, что многие ребята выбывали из строя из-за малейшей царапины. Но когда мне один из солдат на передовой рассказал о происходящем, я не могла успокоиться и не находила себе места. Он рассказал, как один из бойцов получил ранение в живот, и его кишки вываливались наружу. Тот руками их собрал и засунул обратно в брюшную полость. Потом стал отходить назад, по пути несколько раз теряя сознание, и через несколько часов умер.

В один день я забрала сумку для оказания первой помощи и вышла из клиники. К улице, где варили еду, всегда подъезжали пикапы. В один из них, как всегда положили фляги с едой. Я собиралась уже сесть в него, как меня спросили:

– Куда?

– Я хочу поехать раздавать еду, – сказала я.

– А мы что тогда будем делать? Женщинам нельзя туда.

Каждый раз, когда туда ехала новая подмога, мне приходилось их уговаривать, пока они, наконец, не согласятся взять меня с собой.

Я им показала пакет с лекарствами и средствами для оказания первой помощи и запрыгнула в машину. Пока мы ехали, крышка одной фляги, в

которой была фасолевая приправа, откинулась, и мне пришлось придерживать её рукой. Водитель через Чехель-Метри двигался в сторону бойни. Проехав мимо повседневного базара «Часеби», я привстала и остановила своё внимание на доме, который два-три месяца назад снимал дядя Надали. Мне так хотелось, чтобы он стоял сейчас перед этим домом. Уже больше двух недель я о нём ничего не слышала. Я села на место и возле бойни на обочине улицы заметила прихрамывавшего парня. Ребята постучали по крыше, и водитель остановился. Они хотели дать тому парню еды. Я заметила, что он ранен в ногу, и сказала:

– Поехали с нами. Как только раздадим еду, мы тебя отвезём в мечеть и перевяжем ногу.

Он согласился, и машина поехала дальше по безлюдным и подвергшимся бомбардировке улицам. Несколько человек с оружием стояли перед навесом и сигналили водителю, чтобы он подъехал к ним. Он дал назад и, выехав из шоссе, направился к навесу. Солдаты в грязной и измазанной одежде, как всегда, увидев женщину, возмутились, сказав, что здесь небезопасно, и в любом из углов могут прятаться иракцы.

Я проигнорировала их замечания. Один из них, возможно командир, держа рацию в руке, сказал водителю:

– Дальше вы не сможете проехать. Там уже вас обстреляют с воздуха.

– И что нам делать? – спросил один из парней. – Нам надо доставить эту еду вперёд.

– Оставьте здесь. Мы передадим еду, когда они вернутся сюда после ротации сил. Положение очень плохое, нам не хватает людей. Сообщите там, нужно заменить людей.

– На каком расстоянии отсюда наши силы? – спросила я. – Мы можем сами доставить до них еду.

– Нет. Это невозможно.

– Но как же они продвинулись вперёд?

– С трудом. Иракцы пытаются продвинуться по всем направлениям, но мы не даём им пройти. Однако не знаем, сколько мы ещё продержимся.

Пока ребята разгружали кастроли с едой, воду и боеприпасы, я достала из пикапа бинты и перевязала раненым кровоточившие руки и голени.

– Мы едем на Железнодорожную площадь, – сказал водитель.

– Только не езжайте через бойню, – сказал тот мужчина, – а то попадёте в плен, или ещё хуже, вас обстреляют из танков, которые повсюду, и разнесут в прах. Езжайте по другой дороге.

Только машина собралась ехать, как раненый парень сказал, что хочет сойти и остаться здесь. Я ему сказала, что у него снова пойдёт кровь, если он даст нагрузку.

– После перевязки мне намного лучше. В любом случае, если будет необходимость, я могу попасть в больницу – ответил он.

По дороге мы пару раз остановились на Чехель-Метри и на улице Нагди, чтобы изучить обстановку. Поговорив с ребятами в пикапе, он решил проявить осторожность и сказал мне:

– Сестра, лучше вам сойти. Дальше ехать уже опасно.

– Я до конца с вами поеду, – ответила я. – Если будет опасно, то всем, не только для меня.

Машина направилась из улицы Нагди в сторону улицы Шахрама, расположенной за стадионом. Потом водитель передумал и от площади Могаббель подъехал к Железнодорожной площади. Звук стрельбы становился всё ближе и ближе. На улице Нафарбара я увидела проезжавшие мимо джипы и пожарные машины. У солдат, проезжавших на военных джипах со стороны домов городской администрации, я спросила:

– Есть будете?

– Да, – ответили они.

– У вас есть посуда?

Я им положила еду в металлическую посуду с ручкой размером где-то с один галлон¹ и положила необходимое количество хлеба. Мы также проехали мимо квартала, где находился дом инженера Бехрузи. Несколько раз мы приезжали сюда за ранеными. Некоторые дома были разрушены, деревья сожжены. Я вспомнила те трудные, но радостные времена.

Не доезжая до Железнодорожной площади, нам снова пришлось остановиться из-за усилившихся взрывов. Водитель заглушил машину перед школой Ибн Сины. Мы вышли, чтобы обойти бойцов. Подозрительная тишина нагнетала обстановку. Как ни старались, но наших ребят мы не смогли найти, и не слышно было ничего кроме взрывов. Мне это показалось ненормальным, хотя может быть наши сидели в засаде. Нам сказали не отделяться друг от друга, и идти медленно, чтобы не поднимать шум.

Ни у кого из нас не было оружия. Даже не знаю, почему я не взяла из клиники свой «Джи-3». Через чадру я руками держала гранаты в карманах. Вокруг витала мучительная тишина. Я не боялась смерти, желая присоединиться к отцу, но при этом очень не хотела попасть в плен – единственное, что могло бы меня мучить. Я вытащила одну гранату из кармана и крепко сжала в руке. Я помнила слова шейха Шерифа, которые он произнёс для ребят: «Ни в коем случае не убивайте себя. Снимайте чеку, только если хотите убить врага».

Я вспомнила мать и детей. Что с ними будет, если я попаду в руки врага? Да сойдёт с ума. Надо сделать всё, чтобы этого не случилось, и я погибла на месте. Я снова в голове прокрутила ситуацию, если окажусь в плену. Я бы не колеблясь вынула чеку.

Это было бы трудным решением. Я стала жалеть себя из-за того, что представила такую ситуацию. Нет никаких причин, что мучить себя такими мыслями.

¹ Галлон (англ. gallon) – мера объёма в английской системе мер, соответствующая от 3,79 до 4,55 литра (в зависимости от страны употребления).

Мы медленно проходили улицу за улицей, внимательно оглядываясь вокруг себя. Высокие стены домов с обеих сторон затеняли пространство. Тут из двери одного из домов вышел юноша, и в это же время в стену слева от нас попал снаряд. Взрывной волной меня отбросило назад, и я сильно ударилась головой об стену. От страха мне захотелось быстро встать, и я с трудом положила руки на землю. Мои глаза плохо видели, в ушах шумел ветер, голова стала тяжёлой. Руки тряслись так сильно, что казалось, они не мои. Несколько минут я лежала в таком положении, как услышала, как мужчины спрашивают меня:

– Вы целы? Осколок не попал?

– Я только чувствую тяжесть и не могу встать, – ответила я.

– Ничего не случилось. Тебя волной ударило.

Почувствовав себя лучше, я встала. Осмотревшись вокруг, увидела раненого. Это был тот самый юноша, что выходил из дома. Я хотела подбежать к нему, но у меня сплетались ноги. Одному из ребят было хуже, чем мне. Он всё ещё не мог встать. У него изо рта вышла пена, а глаза торчали из орбит. Мне стало страшно. Водитель вместе с другим мужчиной взял его под руки и оттянув, прислонил его к углу стены. Он не отвечал на вопросы и даже не шевелился.

Я подошла к другому раненому. Обломки стены лежали на земле вокруг. У него из вены на шее фонтаном лила кровь. Я сдавила ему рану на шее, стараясь уменьшить кровотечение. Но это не помогало. Раны были в нескольких местах на шее. Я крикнула, чтобы принесли сумку первой помощи. Водитель вытащил оттуда иодин¹. Я вычистила рану и приложила туда марлю.

Придерживая одной рукой место ранения, другой я затягивала бинт. У меня кружило голову, и я была не в состоянии быстро работать. При этом я боялась, что юноша, потеряв сознание, может умереть. С большим трудом я смогла крепко перевязать ему рану. Глаза раненого были полуоткрыты и

¹ В то время мы бетадин называли иодином.

куда-то смотрели. Его куртка, пропитавшись кровью, потемнела. Мы её сняли, чтобы ему легче дышалось.

Я встала. Вокруг нас собрались пятеро-шестеро военных с оружием в руках. На некоторых из них были головные уборы.

Звуки стрельбы становились всё ближе. Несколько человек подошли и уложили раненых в пикап. Спустив кастрюли, они сказали военным, чтобы те сами развезли еду.

В это время снова раздались взрывы, причём такой силы, что сотрясло землю под нами, а уши забило. Осколки, разлетаясь, попали в машину, и мы молились, чтобы только не попали в колёса, иначе мы пропали. В это время я смотрела на молодого парня, которого ударило взрывной волной. Его щёки опустились. Было видно, что он не ел несколько дней, а смуглое лицо пожелтело. Тем временем, водитель возвращался по той же самой дороге.

Выбравшись из огня, мы остановились на улице Чехель-Метри. Водитель высунул голову из окна и спросил, куда ехать.

– В «Талегани», – сказала я. – ему очень плохо. В клинике Шейбани мы не сможем ему помочь.

– Он дотянет дотуда?

– Очень надеюсь.

Мы быстро доехали до больницы. Тяжело раненого быстро увезли медсёстры, уложив на носилки. Потом забрали пострадавшего от взрывной волны. Бедняга, в таких условиях он делал, всё, что ему скажут. Его тоже увезли в неотложку.

Водитель довёз меня до Хорремшахра, и я вышла у Центральной мечети. Обстановка вокруг была неестественной. Всё было в беспорядке словно после осеннего ветра. Было ощущение, что сюда попал снаряд, и были убитые. У человека, выходявшего из мечети, я спросила:

– Что здесь случилось? Почему тут так странно?

– Разве ты не в курсе?! Тут одного человека казнили, – ответил он.

После этих слов меня передёрнуло. Я вспомнила, как однажды до революции отец прочитал в газете о том, как казнили несколько диверсантов. Комментируя, отец сказал: «Шахский режим сам является диверсантом». Теперь же я подумала, что речь идёт о «пятой колонне».

– Кого казнили и за что? – спросила я.

– Разве ты не слышала, как один человек воровал вещи из карманов раненых и убитых?

– Ну почему. Слышала.

– Так вот этого человека нашли. Господин Халхали судил его и обвинил его в мародёрстве. Потом его привязали к дереву и расстреляли, после чего забрали тело.

Он показал на дерево, стоявшее на углу улицы Фахра Рази. Потом мужчина продолжил:

– Говорят, когда судья его спросил, зачем он это делал, тот ничего в свою защиту не сказал и согласился с обвинением.

Я зашла в мечеть, испытывая странное чувство с мыслями о том, как человек в условиях всеобщей трагедии мог этим заниматься. Я была немного взволнована после той ударной волны, а после новости о казни мне стало ещё хуже. Увидев Эбрахими, я рассказала ему о положении на передовой.

– Ты опять мне это говоришь? – спросил он.

– А что мне делать? Кому я должна сказать?

– Сестра моя, ты должна это рассказывать командирам, другим ответственным лицам. Они наверняка знакомы с этим и принимают соответствующие решения. Я только отвечаю на звонки и координирую работу мечети.

– А где я могу их найти? Подскажите, я пойду к ним.

Потом я ему объяснила, что хочу пойти в военный штаб и там поговорить с командующим. На что он дал отрицательный ответ. Я его снова, как и в первые дни, довела до крайности. В какой-то момент, когда я находилась во дворе мечети, Эбрахими позвал меня и сказал:

– Если ты так хочешь увидеть командиров, иди в военный штаб, там они соберутся после обеда.

– А кто приедет? – испуганно спросила я.

Он показал на группу людей, стоявших у машины, и обратился к ним:

– Сестра Хосейни – та самая женщина, о которой я рассказывал.

Я подошла к одному из них, который казался старше. Он был одет в военную куртку. Остальная одежда на нём была обычная. Он спросил:

– Сестра, зачем тебе надо в военный штаб?

– Я хотела рассказать о ситуации на передовой.

– Ты думаешь, мы до сих пор ему ничего не рассказали и там ничего не знают?!

Я посмотрела на китайские кроссовки на его ноге и сказала:

– Ладно. Я тоже хочу кое-что сказать. Может, по воле Всевышнего дело переменится к лучшему.

Парень свернул в трубочку газету, которая была у него в руке, и после недолгого молчания ответил:

– Хорошо. Идея неплохая. Может, увидят, что сёстры, познавшие трудности и пламя войны, тоже думают о ней и сами готовы будут внести свой вклад.

Я обрадовалась и спросила:

– Тогда как и где я вас увижу, чтобы поехать?

– Так вот, прямо сейчас? Я же только что сказал: пока наши командиры не соберутся в военном штабе, ничего не получится. Ты думаешь, ты им скажешь, и обстановка на войне сразу изменится? Нет, сестра. Об этом никто не хочет слушать в штабе. В этом вся проблема.

– Ладно, вы правы. Но я чувствую, что должна пойти туда и высказать свои мысли. Может, они задумаются. Может, обратят внимание. Все ждут распоряжения сверху, а может, совсем его не будет. Нам надо чётко понять наши обязанности.

– Я же говорю тебе: не получится, а ты никак не угомонишься.

Через полчаса пререканий он, разозлившись, наконец, сдался:

– Хорошо, сестра. Иди и сама посмотри на ситуацию. Только отстань от нас.

– Пожалуйста, дайте адрес.

– Как я тебе дам адрес? Домой к тётушке?! Приходи в Центральную мечеть, и мы после обеда или завтра утром приедем за тобой.

– Я всё время здесь. Если меня вдруг не будет, скажите господину Эбрахими, он даст мне знать.

Прощавшись с ними, я зашла в мечеть. Мой взгляд всё время был направлен к воротам. Устав ждать, я подумала: «Наверное, завтра приедут или даже в другой день». Из страха, что в момент их приезда меня может не быть на месте, я не покидала территорию мечети. Я всё время думала о том, что буду рассказывать в штабе, какие аргументы приведу. Расскажу всё, что увидела в тот день, когда приезжал Банисадр. Уже не знаю, сколько дней с начала войны прошло, сколько людей я похоронила и скольких отвезла в больницу «Талегани». Сколько было мучений, связанных с тем, где держать покойников, как их отвезти на кладбище, как найти машину и что-то в этом роде. К кому мы ни обратимся, все уходят от ответственности.

Уже близился вечер. Я слышала, что штаб находится где-то за городом. Боясь, что я там никого не знаю и могу остаться одна, я предложила Захрэ Фархади поехать со мной. В этот момент за мной подъехала машина. Когда мы с Захрой уже собирались сесть, парень рядом с водителем сказал, что ей со мной нельзя, так как её туда могут не пропустить.

– Только потом не жалуйтесь.

Я, недолго думая и желая побыстрее поехать, сразу сказала:

– Хорошо, хорошо.

– Мы ещё пропуск не взяли. Надо сперва его подготовить, – сказал парень.

Мы сели в «Тойоту» и поехали. Чтобы забрать пропуск, мы остановились перед губернской администрацией и ещё в двух-трёх местах.

Наконец, мы получили пять пропусков, на каждом из которых было написано наше имя. Кроме меня и Захрэ сзади пикапа сели ещё трое молодых бойцов. Из их слов о прыжках-рывках я подумала, что эти ребята не обычные бойцы, а из сил разведки.

Слушая их разговоры о ситуации на передовой, Захрэ, тем временем, спросила меня:

– Ты сможешь им что-нибудь сказать?

– Да, конечно. Почему не смогу?

– И что ты им скажешь?

Задумавшись, я подумала: «В самом деле, а что я им скажу? С чего я должна начать, что быть убедительней?»

Проехав мост, машина в местечке то ли Куй-Бехруз, то ли Куй-Арья, въехала на военную территорию и остановилась перед каким-то зданием. Было похоже на административное здание военно-морских сил. Выйдя из машины, мы потом попали в коридор, в котором на металлической табличке было написано: «Логистика», «Командование» и т.п. Дежурный на проходной сказал нам оставаться там, а сам вошёл в комнату. Просмотрев все пропуска, он обратился ко мне:

– Вы Сейеде-Захра Хосейни?

Удивившись, откуда он знает моё имя, я ответила:

– По документам я Захрэ, но моё настоящее имя Захра.

– Здесь не требуют фотокопии вашего удостоверения. Зайдите на минутку.

Я зашла за ним. За столом сидели солдат и человек в штатском.

– Вы Захра Хосейни? – спросили они.

– Да.

– Подождите снаружи.

Мы с Захрэ сидели на скамейке, и нам сказали ждать там, пока не дадут разрешение. Во дворе было видно много военных и спецназовцев. Я слышала раньше о военном штабе, что там бывают представители разных сил. Мне

вообще было интересно, как там всё устроено. Как в каждом кабинете сидят генералы и другие офицеры. Рядом с ними уложены разные приборы и карты. Я стала представлять, как буду говорить с ними, что хочу воевать, а они начнут смеяться. От страха я забыла почти всё, что хотела сказать.

Потом я во всём положились на Всевышнего, чтобы он помог мне всё высказать. О том, что положение на передовой ужасное, что у ребят не хватает оружия. О том, как можно им помочь. Наконец, мои мысли, открыв дверь, прервал солдат, позвавший меня внутрь.

Я встала. Сердце у меня задрожало. Захрэ стала приободрять меня.

– Молись за меня, – сказала я ей и зашла в кабинет.

Там была ещё одна дверь, после которой я очутилась в кабинете штаба. Сперва никто не обратил на меня внимания. У меня вертелись глаза. Я застыла на месте. Штабная комната внешне была совсем не такой, как я себе представляла. Это был большой кабинет только с одной дверью для входа и выхода. Только один тусклый светильник освещал помещение. Стены и дверь были увешаны картами. В конце кабинета сидели двое с рацией, из которой исходил хриплый голос, и что-то записывали на бумаге. Потом они показывали их военным, сидевшим и стоявшим вокруг стола. Чуть поодаль на ковровине сидели и беседовали несколько человек в военном и штатском. Двое-трое из них выглядели очень молодыми. Остальным было не больше пятидесяти. Я удивилась, как молоды были некоторые командиры. Я заметила, что один из них, постарше возрастом, плохо себя чувствует. У него было бледное лицо, и в теле ощущалась дрожь. Я подумала, что это должно быть полковник Разави. Я слышала, что за это время он прихватил тиф, и очень сильно болеет. Бедный, в больном состоянии и с высокой температурой он вынужден был остаться в районе и управлять войсками. Они говорили: «Ближайшая помощь – только от Гвардии». При виде всех этих людей мне стало стыдно. Но я с трудом сюда добралась и не должна была упустить свой шанс. Я чувствовала, что должна была сама заявить о своём появлении, иначе они так и будут заняты своими делами.

– Здравствуйте, – громко сказала я.

Услышав женский голос, все обернулись на дверь и обратили на меня внимание. Они ответили на моё приветствие. Полковник, выглядевший старше всех, опираясь на стол, ответил:

– Здравствуй, детка. Заходи.

Как и они я сняла с ног обувь и подошла ближе к ковролину.

– Зачем пожаловала, – снова спросил полковник.

От его ласкового отеческого обращения я вся заволновалась. Было понятно, что ему уже обо мне доложили. Подойдя ближе, я начала:

– Я пришла сюда...

Я не смогла продолжить. Потом сделала короткую паузу, чтобы преодолеть своё волнение. Этот дрожавший голос и последовавшее за ним молчание привлёк их внимание. Я снова начала:

– Да, на самом деле я пришла сюда, чтобы рассказать о ситуации в Хорремшахре. Я не знаю, насколько вы в курсе того, что происходит. Знаете ли вы, в каком положении находятся люди? Знаете ли, что происходит на передовой? Я хочу ещё раз поговорить об этом. Люди рассказывают, что их дома и имущество, которые они заработали за всю свою жизнь, теперь в один миг исчезли. На передовой не хватает бойцов. Они уже устали и не могут нормально воевать. Боеприпасы и техника вся в разном состоянии. Дошло до того, что наших ребят бросают с гранатами прямиком на танк. Вы сами скажите, разве можно противостоять танку с винтовкой «Джи-3»?

– Откуда тебе знать ситуацию на передовой?! – сказал полковник.

– Я сама туда ходила и видела всё.

– Ты ходила, воевала?!

– Нет, не воевала. Отвозила воду и еду, боеприпасы. Шла помогать раненым. Я оказываю первую помощь. Отец тоже рассказывал о ситуации на фронте.

Тут я не выдержала. Как только у меня с языка сошло имя отца, я расплакалась и со слезами продолжила:

– Мой отец не был военным. Но он пять дней мужественно бился с врагом и ни на шаг не отступил, пока не стал шахидом. Мой брат тоже сбежал из Тегерана с больницы и воевал здесь два дня, тоже став шахидом.

Я поправила свою чадру, протянула руки вперёд и сказала:

– Вот этими руками я сама их похоронила. Теперь остались только я и сестра. Как и все, мы хороним погибших, помогаем в лечении раненых или во всём, что от нас зависит. Но при этом я вижу, как наши солдаты и ополченцы бродят по улицам и ничего не делают. Почему вы их не задействуете, не вооружите их? Они ждут команды. Ну прикажите им, пусть идут воевать. Я говорила с некоторыми из них. «Некоторые командиры сбежали. Как и за что мы будем воевать?» – говорят они. Уважаемые, уже большинство из нас называют президента республики изменником. Банисадр и всё его окружение – изменники. Остались только вы. Сделайте же что-нибудь. Вы – командиры. Наши руки ничем не заняты. Мы уже не знаем, чем мы можем помочь в этой ситуации.

Несколько раз я поднимала голову, чтобы увидеть, вслушиваются в мои слова или нет. Было видно, что многие в знак сожаления качали головой. Одни, оцепенев, с удивлением смотрели на меня, и у них на глазах появились слёзы. Другие шептались. Такое шевеление придало мне ещё больше решительности. Я продолжила:

– Уже сколько дней мы ждём дивизию из Кучана. Когда же она прибудет? Силам на передовой постоянно обещают, что помощь вот-вот поспеет. Так где же она? Если войска не задействованы, дайте же нам, женщинам, оружие. Мы пойдём защищать свои дома и землю.

Один из двоих военных, которые склонились над картой и что-то там писали, подняв голову, спросил:

– Разве женщины остались в городе?

– Да, остались, – ответила я. – И их там не одна-две. Они выполняют любую работу, какая им попадётся. Я уверена, они не откажутся пойти на передовую, если дать им в руки оружие.

– Молодец! Молодец! – раздавались отдельные голоса.

Последние слова заставили меня нервничать. Ощущение было, словно тискают грудного младенца. Потом продолжила:

– Я пришла рассказать вам всё это, чтобы вы расшевелили свои высшие ряды. Наши слова ничего не стоят. Никто нас не признает. Но зато вас считают командирами.

Хотя у меня было ещё что сказать, но здесь я акцентировала всё внимание и замолчала. Тот самый старый полковник после этого молчания сказал мне:

– Ваше присутствие, сёстры, воодушевляет нас. Многое из того, что вы делаете, без вас так и осталось бы на месте.

– Да смилуется Всевышний над вашим отцом. Он воистину герой, – сказал один из военных.

Полковник продолжил:

– Девочка моя, несмотря на свой юный возраст, ты очень отважна и очень правильные вещи говоришь. Ты дала хорошую оценку. Но ты должна знать, что нельзя везде всё рассказывать. Мы сами знаем все эти проблемы, но обстановка... Обстановка сегодня очень нехорошая. Никак невозможно это со всеми обсуждать. Вы должны быть более осторожны в своих словах. Сейчас здесь среди нас нет посторонних. Но в других местах эти слова могут оказаться для тебя болезненными.

– Но я рассказала правду, – ответила я. – Я говорю всё, что вижу и не выдумываю всякую ложь.

– Я знаю, ты не лжёшь. Но и неправильным будет всё это рассказывать. Мы должны крепить своё единство. Такие слова могут вызвать рознь и неверие.

– То есть, если мы видим измену, то должны закрывать на это глаза? Разве сама измена не создаёт рознь? Это ведь хуже.

Он снова настаивал, чтобы убедить меня не говорить повсюду об измене Банисадра. Но я, настаивая на своей точке зрения, сказала:

– Даже если меня расстреляют, я не откажусь от своих слов, что Банисадр – изменник. Он не даёт войскам оборонять Хорремшахр. Мы не слепые и видим, как военные служат этой стране. Но и изменников всё равно видим. Оба момента замечаем и говорим о них. Пойдите на передовую и посмотрите, как бок о бок воюют солдаты, гвардейцы и народные ополченцы. Каждый, кто имеет волю и чувствует, что надо остаться, остаётся. Некоторые не знают, где передняя и где задняя часть у винтовки и как выстреливает пуля, но идут, становясь щитом от пуль врага. Пойдите теперь посмотрите, как военные разгуливают по городу. Майор Шерифнаб приходит в мечеть и разрывает свою глотку, но так как некоторые солдаты считают, что должны подчиняться только своему командованию, то не внимают его словам. Такое ощущение, что майор разговаривает с камнем.

– Иншаалла, ситуация выправится, – ответил полковник. – И вы молитесь. Мы делаем всё, что от нас зависит и служим вам. Где сейчас ваша семья?

– Несколько дней назад я их отправила за пределы города.

Потом я, наконец, добавила:

– Пока такие люди есть, вы ещё можете что-то делать. Если даже наверху изменники, то у вас есть поддержка народа. Воспользуйтесь этим, и ситуация выправится.

– Хорошо, – ответили полковник и ещё двое.

После этих слов мне уже нечего было сказать. Попрощавшись, я вышла оттуда. Меня всё ещё трясло. Я совсем не ожидала, что смогу так говорить. Хотя в некоторых моментах я молчала, чтобы сделать глоток, но мне показалось, что голос мой был крепким и решительным.

В тот момент, когда я выходила, Захрэ побежала за мной и спросила:

– Ну что там? Почему ты так покраснела? Ты сказала, что хотела? Что они ответили?

– Да, но давай я тебе потом всё расскажу.

Захрэ взяла меня за руку, посадила на скамейку и принесла мне воды. Мы ждали, пока не подошёл молодой гвардеец. Немного успокоившись, я всё рассказала Захрэ. На что та ответила:

– Слава богу. Всевышний подскажет им что делать.

Сама же я думала о том, что даже если мои слова не дали результата, всё равно лучше было всё это рассказать, чем молчать.

На обратном пути до мечети гвардейцы остановились в нескольких местах. Они сказали, что надо следить за тем, что они делают. Я молчала. Мне совсем не хотелось отвечать на чьи-либо расспросы о том, что было в штабе командования и о чём там говорили.

Так как по моему лицу было видно, что я много плакала, мне не хотелось никого видеть. Я умоляла Всевышнего, только бы я не встретила с Эбрахими.

Уже стемнело, когда мы доехали до мечети. Я взяла ужин и пошла в Джаннатабад.

На следующий день Эбрахими, увидев меня, рассмеялся и сказал:

– Слышал, как ты пошла в штаб командования и разнесла там всё?

– Вы откуда знаете? – спросила я. – Это кто вам такое сказал, что я там всё разнесла?

– Откуда я всё узнаю, не важно. Важно то, что и до нас эта новость дошла.

Глава двадцатая

Если не ошибаюсь, было то ли шестнадцатое, то ли семнадцатое число, около часа после обеда. Я чистила и заряжала винтовки, как нас позвали принимать раненого. Быстро взяв носилки, мы выбежали на улицу. Раненый лежал на кузове пикапа. Его раненое колено сильно болело. Мы позвали господина Наджара. Он осмотрел рану прямо в пикапе и сказал, что у того возможно перелом, и поэтому его нельзя ставить на ноги.

Я принесла рабочие инструменты Наджара. Как всегда, мы перевязали сверху рану и сделали укол. Раненый, по-видимому пожарник, был одет в чёрную рабочую одежду, и сильно кричал от боли. Ослабев из-за кровотечения, он обливался потом и дрожал. Наджар сделал успокоительный укол ему в вену, потом мы перевязали ему рану. После того как тому наложили шину, мы сказали сопровождавшему его человеку сесть рядом с ним и держать его ноги, чтобы в машине его не сильно трясло. Укол тоже был у меня в руках.

В это время я поздоровалась с Хатемом, водителем пожарной машины красного цвета, он также пособолезновал мне в связи с гибелью отца. Я знала Хатема и его арабоязычную семью очень давно. Они были соседями Папы и тётки Салимэ. Жена Хатема Санийе была в очень хороших отношениях с тёткой Салимэ. Они всегда ходили друг к другу в гости, угощали друг друга, вместе отмечали праздники Фитр¹ и Курбан², которым арабы придавали особое значение. На эти праздники они приходили к нам домой, и родители также навещали их в эти дни.

Хатем ехал быстро, а вместо криков на дорожных ухабах слышался стон его раненого коллеги. Я очень хорошо знала это шоссе. Оно была всё в ямах и ухабах после попадания снарядов. По приезде в неотложку больницы

¹ Ураза-байрам, известен также как Праздник разговения, Ид-аль-Фитр (араб. – «Праздник прекращения поста») – исламский праздник, отмечаемый в честь окончания поста в месяц Рамадан.

² Курбан-байрам или Ид аль-адха (араб. – праздник жертвоприношения) – исламский праздник окончания хаджа, отмечаемый через 70 дней после праздника Ураза-байрам.

вынесли носилки, куда медсёстры осторожно уложили раненого. Укол я передала в руки одной из медсестёр, и с Хатемом мы зашли в больницу. Там мы встретили ребят из мечети. Поздоровавшись с нами, они спросили:

– Раненого привезли?

– Да, того самого, что был сейчас на носилках, – ответила я.

– У вас есть на чём вернуться?

– Да, тот самый красный пикап перед дверью.

– Тогда мы с вами поедем. Машина, на которой мы приехали, не дождавшись нас, уехала.

Когда подошёл Хатем, один из них, которого, кажется, звали Голямреза, поздоровался с ним и попросил довести их до Хорремшахра. С ними вместе в кузов пикапа сел один из двоих коллег Хатема, я села в кабинку сзади водителя, после чего пикап тронулся.

При проезде нашей машины интенсивность обстрела района усилилась. На землю падали снаряды и 25-миллиметровые пули. Хатем в состоянии шока не знал, что делать. Он то давил на газ и быстро ездил, то в какой-то момент тормозил, из-за чего мы переваливались в кузове пикапа и стучались о его борта. Обстрел вёлся столь опасно, что Хатем закричал:

– Прыгайте вниз, прыгайте вниз! Сейчас машина взлетит на воздух!

– Останови, останови! – кричали мужчины.

– Не могу, иначе попадут. Вы прыгайте. Укройтесь где-нибудь.

Со всех сторон летели снаряды. Сперва был слышен их свист, но наш ужас усиливался от мыслей, что сейчас попадут по машине. Хатем немного снизил скорость. Сперва спрыгнули ребята из мечети и покатались по обочине шоссе. Потом мужчины сразу спрыгнули за борт пикапа. Я осталась, думая, что делать. Сперва хотела спрыгнуть сбоку пикапа, но отказалась от этой мысли, подумав, что слишком высоко. Потом потянулась к двери, собрала чадру и взглянула на асфальт и грунтовую обочину вдоль него. Я думала о том, как спрыгнуть, чтобы сильно не ушибиться. Слышен был голос Хатема, который постоянно твердил: «Прыгай девочка. Быстрей!». Я сказала

себе: «Ты должна прыгнуть сбоку и покатиться по обочине. Если ступня уйдёт вниз, то можно разбить ногу». Через несколько секунд я решилась и со словами: «Йа Али» прыгнула вниз.

Почувствовав сильную боль в руках, я очутилась на обочине шоссе. Один из сотрудников Хатема посреди этого шума кричал:

– Неужели никого нет, кто бы нас сейчас спас от этих нечестивцев.

Ребята, смеясь, ответили ему:

– Не бойся, дядя. Ничего не случилось. Сейчас всё закончится.

Потом они взглянули на меня и, видя, как я неудачно прыгнула на землю, спросили:

С тобой ничего не случилось?

– Нет, – ответила я.

Я приподняла голову. Хатем бросил машину посреди шоссе, бежав сам в пустыню. Все были в ожидании, что машину разнесёт от прямого попадания снаряда в бак. Через двадцать минут огонь стал вестись дальше от нас и направился в сторону улицы Талегани. Мы подошли к машине. Корпус пикапа был весь изрешечён, одно колесо спустилось.

– Не суждено нам сесть в целую машину. На ней мы забирали Али. За всё время это была единственная чистая и исправная машина, на которую я садилась.

Мы сели в пикап, который вилял и ехал очень медленно из-за пробитого колеса. Ребята нашли общий язык с коллегами Хатема и много с ними разговаривали. Теперь они смеялись над тем, что произошло, и шутили, что при такой скорости у них всё тело разбито.

Приехав в клинику, я тут забежала в одну из комнат и, подняв рукав, взглянула на свою опухшую и исцарапанную руку. Боль усилилась. Потом Наджар сделал мне обезболивающий укол, и мне сделали перевязку. Моя одежда сильно запачкалась. Не имея сменной одежды, я пошла к реке и там её отстирала. Прежде в Джаннатабаде у деревьев я, сняв её, начинала

встряивать. В клинике же я её совсем не снимала. Но теперь мне пришлось её помыть.

Однажды, находясь в Джаннатабаде, приехал пикап, водитель которого в первый раз привёз труп. Мы от него уже не отставали. Каждый раз, когда мы просили его помочь, он говорил, что не против, только бензин нужно залить.

Он и на этот раз привёз труп. Потом он рассказал, что возле дорожной полиции лежит один труп и его невозможно забрать.

– Что мы можем здесь придумать? – спросил он меня.

– А вы знаете, где именно он лежит? – спросила я в ответ.

– Да, мне показали.

– Тогда поехали, может, мы сможем его вытащить оттуда.

Когда я уже садилась в пикап, к нам попросилась старуха, которая уже несколько дней не могла найти в Джаннатабаде труп своего сына. Я не смогла ей отказать, хотя в районе дорожной полиции было опасно. Мы поехали. Водитель, чтобы избежать опасности, поехал по обочине кольцевого шоссе.

Мы вышли у дорожной полиции и под огнём направились к тому месту, которое указал водитель. Мы спустились по обочине кольцевого шоссе. Под ним была проложены бетонные трубы, чтобы после дождей вода свободно стекала вниз и не смывала шоссе. Чтобы пробраться до нужной точки, пришлось бы попасть под огонь. Собрав чадру, я через трубы прошла на ту сторону и сразу обнаружила труп. Теперь огонь иракцев стрелял у нас над головами, и мы могли в любой момент попасть под их пули. «Я сейчас сама здесь, как этот труп», – подумала я про себя.

Каким-то образом я добралась до трупа. Он был весь в крови и пыли. Под солнцем он присох к земле. Я не смогла повернуть его лицом кверху. Сзади я увидела, как ребята ползком следовали за мной.

– Пройдите вперёд и помогите забрать, – сказала я им.

– Нет, мы к нему не притронемся, – ответили они.

Я их понимала. Труп находился под солнцем, в пыли и под огнём уже три дня можно было представить, в каком он находился состоянии. С большим трудом я его отделила от земли. Его состояние было ужасное: кишки вылезли наружу, он был изрешечён осколками. По рассыпавшимся остаткам еды было понятно, что в момент гибели он ел хлеб с сыром.

Ребята, видя всё это, категорически отказывались забирать труп. Я, разозлившись, сказала:

– Мы для чего проделали такой опасный путь, чтобы просто прокатиться?

– Ну хорошо. Только закрой его лицо, – сказали они.

– Чем? Вы о чём говорите?

– Не знаем. Но таким мы его не можем трогать.

Я находилась в недоумении, думая, что делать. Нельзя было этого беднягу так оставлять и возвращаться обратно. В этой пустыне ничего невозможно было найти. Тут мне пришла в голову мысль обвязать лицо трупа своей чадрой. Но это было нелегко сделать. Эти дни даже в самых худших условиях я берегла свою чадру. Без неё мне было очень неудобно. Хотя девчата постоянно предлагали мне снять её, я категорически не соглашалась на это.

Теперь выхода не было. Надо было любой ценой вывезти этого погибшего. На мне было платье с длинными рукавами бирюзового цвета, с серебристыми полосками. То самое, которое мне в тот год подарил отец на праздник. Также на мне были чёрный платок и синие брюки. Поэтому я могла снять чадру и накрыть ею труп.

– Теперь давайте заберите его, – обратилась я к ребятам.

Уложив тело на носилки, мы волоком понесли его до пикапа и уложили в кузов. Сделав передышку, я села в машину. Когда машина тронулась, я попросила у старушки, рыдавшей над трупом, дать мне её чадру.

Подняв голову, она сказала:

– У тебя ведь полный хиджаб¹. Зачем тебе чадра?

– Я всё время хожу с чадрой и теперь не могу так ходить среди людей.

– Брось, мать. Кто в такой ситуации обратит внимание на твою чадру?!

Я её долго уговаривала, пока она, наконец, не согласилась. Снять чадру для неё оказалось проблемой. Мы довезли старушку с трупом до Джаннатабада. Я же в этой самой белой чадре с цветочками пошла в клинику. Из-за этой чадры ребята начали издеваться надо мной. Я ни у кого не смогла найти чёрной чадры.

Наконец, я довольствовалась просторным манто. Моя одежда так сильно запахла, что, высохнув, была словно накрахмаленной. К счастью, к нам заглянула Элахе Хеджаб, семья которой уехала ещё неделю назад и вернулась в Хорремшахр к себе домой за вещами. Она пообещала мне принести своё манто. Пока её семья была у себя дома, она быстро сбежала и принесла мне манто из крепа². Надев его, я обратилась к ребятам:

– Умоляю, придумайте что-нибудь. Давайте поедem в Абадан, примем баню. Я уже не могу так.

Почти все мы были грязными. Пока работали, мы на это не обращали внимания. Но, улучив момент, мы решили не упускать своей возможности. Наша одежда была вся засалена, а волосы уже так слиплись, что мы начинали чесаться. Ещё в мечети нам говорили коротко состричь волосы, чтобы, не дай бог, из-за контакта с трупами, мы не разнесли заразу. Я слышала о подобных историях в фильмах про вторую мировую войну, но никогда не думала, что наша война так сильно затянется, и подобное можно будет наблюдать и у нас.

Очень часто, когда я шла к берегу реки при перевозке людей или для того, чтобы набрать воды, я замачивала там свои ноги. Река была вся мутная и покрыта соляжкой и нефтью. Бывало также, что я там мыла свои руки и

¹ Хиджабом называют одежду, которая призвана скрыть от посторонних глаз женское лицо и тело. По различным причинам, таким как вероисповедание, семейные традиции, личный выбор мусульманские женщины облачаются в одежду, которая полностью скрывает то, что по законам Шариата нельзя выставлять напоказ

² Вид шёлковой ткани.

ноги, а также чистила одежду. Конечно она не была полезной, но вреда тоже не наносила.

Однажды, ещё до смерти Али, мы вместе с девушками реши посетить баню, но Наджар удивился, когда узнал, что мы все сразу хотим туда пойти. С трудом мы добрались до Абадана. Но, так как мы не знали город, и у нас оказалось недостаточно денег, то мы вернулись ни с чем. Нам также не хватило совести, чтобы попроситься к людям в дома и помыться у них. Когда я об этом рассказала Зейнаб, она стала переживать. Зейнаб была чистоплотной женщиной. Она постоянно ходила домой. Но и в омывальне она всегда меняла одежду и принимала баню. Я так и не смогла привыкнуть к тому, чтобы мыться в омывальном домике. Наконец, Зейнаб рассказала об этой проблеме Абдолле. В один день, он и его брат Халил отвезли меня, Сабах, Лейлу и Захрэ в Абадан. У Халила был ключ от дома их тётки. Открыв нам дверь, он сказал, что будет на базаре, а мы можем заняться собой. Чем мы незамедлительно и воспользовались.

Но теперь с того времени прошло несколько дней. Неизвестно, куда увезли Абдоллу, и что дальше с ним происходит. Никто из ребят тоже не имел знакомых там. Мы опять решили сами поехать, но снова ничего не нашли и решили ехать обратно. При этом мы были ещё и голодные. Мы собрали всё, что у нас было в карманах и пошли на рынок Кофейше. Купили там немного хлеба, соленья в укусе и пр.

Пока мы стояли и разговаривали, к нам подошёл юноша лет восемнадцати и, обратив наше внимание, что мы стоим перед зданием Организации строительного джихада Абадана, спросил:

– Извините, сёстры, я ничего против вас не имею, но вы здесь кого-то ждёте?

Мы переглянулись друг на друга и ответили:

– Нет.

– Так что вы тогда тут делаете? Уже два-три часа я за вами тут из охраны наблюдаю, вы тут стоите.

Мы не знали, что ответить. Наконец, один из ребят сказал:

– Мы приехали сюда из Хорремшахра чтобы пойти в баню. Но не знаем города, и нам стыдно проситься к кому-нибудь из местных насчёт этого.

Он дал нам ключ и сказал:

– Это ключ от дома моей тётки. Сейчас там никто не живёт. Я поеду за ключами. Можете искупаться там. Когда закончите, принесите обратно сюда. Если меня там не будет, передайте кому-нибудь из братьев из Джихада.

Мы снова удивлённо переглянулись и, поблагодарив, пообещали сохранить всё в целости. Парень, забрав велосипед из здания, уехал по своим делам. Пока он вернётся, прошло некоторое время. Потом подъехал пикап, на котором оказались знакомые ребята из спецназа. Один из них был Яди – жених Марьям-ханум. Увидев нас, он строгим тоном спросил:

– Что вы тут делаете?

Ребята от волнения сразу признались, что мы приехали в поисках бани.

– Так почему вы тут стоите? – снова спросил он.

– Нам некуда было идти.

– Садитесь сюда.

Мы не знали, радоваться этому случаю или нет.

– И куда мы поедем? – спросили ребята.

– К одному из моих родственников, – ответил Яди.

Когда мы садились в пикап, в этот момент с конца улицы появился парень, поехавший за ключами. Видя, что мы садимся в пикап, он, подняв вверх и размахивая ключами, кричал:

– Подождите, подождите.

Мы были очень ему признательны и, покивав головой, попрощались с ним. По пути пикап остановился, и Яди отвёл нас к старикам, обрадовавшимся при виде нас.

– Пока я приготовлю поесть, идите искупайтесь, – сказала старушка.

Мы все по очереди искупались. После десяти-двенадцати дней без бани мы испытывали настоящее удовольствие. Я расчесалась, потом моей

расчёской воспользовались остальные. Нас угостили вкусной едой, после чего к столу вместе с Яди присоединились ещё пять-шесть бойцов. Закончив, все встали, собираясь ехать.

На обратном пути подул холодный ветер, и мы в не до конца ещё высушенной одежде начали мёрзнуть. После чего начали петь, чтобы не думать о холоде, воодушевившись песней: «В тот вечер нам Имам сказал...» Потом наступило молчание, и я вспомнила об Абдолле, о том, как в прошлый раз он отвёз нас в дом своей тётки, не дав слоняться по городу и веселил нас своими шутками. Не помню, что был за день, когда на закате в мечети, незадолго до азана, с Эбрахими говорил худой смуглолицый мальчишка с арабским акцентом:

– Вообще никакого шума не слышно, и дома у них никого нет. Мы не осмеливаемся зайти туда. Раз вы здесь, сходите и привезите его.

Речь шла о покойнике, которого обнаружили в доме в квартале Аббарэ. Несмотря на возражения Эбрахими, я позвала с собой Абдоллу и Хосейна, и мы на машине поехали туда. Возможно я убедила всех в такой спешке тем, что тело от жары может разбухнуть и пустить запах. Тем более, что тот район ещё не был под контролем иракцев. В доме мы обнаружили труп старика. Никого больше там не было, и мы отвезли его в больницу «Талегани».

Потом мы вернулись в мечеть, не доезжая до которой, полил сильный дождь. Все, в первую очередь Махмуд Фаррохи, начали нас ругать, почему мы без разрешения, не предупредив никого, поехали туда.

Потом нас стали отчитывать господин Месбах и Хаджи-Ага Нури. В ответ я сказала, что мы действительно поехали за покойником и привезли его.

– А если бы туда иракцы явились, или кто-то из «пятой колонны»? Тогда что? – сказали они.

В общем, они сильно нас всех отругали и сказали:

– Вам больше не разрешается в такое вечернее время выезжать отсюда. Сами подумайте: может произойти всё что угодно. Соблюдайте порядок.

– Хорошо, – ответили мы. – Впредь будем вас предупреждать и без вашего разрешения ничего не предпринимать.

Глава двадцать первая

Работа с ранеными и погибшими в клинике уже не устраивала меня. Неисправное оружие тоже выводило из себя. Мне хотелось попасть на передовую, как и многим здесь. Захрэ Фархади, как и я, не любила сидеть на месте и всегда искала чем заняться. Однажды она предложила поехать с бригадой Абузара на линию боёв, на что я ответила:

– Я не хочу быть в чьей-то команде и подчиняться чужим приказам и предпочитаю действовать, как считаю нужным.

Захрэ ничего не ответила, но потом за ней приехала машина бригады Абузара, и я решила, сильно желая попасть на передовую, поехать с ними. Как оказалась, с нами также поехала Марьям Амджади.

Машина целый час кружила по городу и собирала людей. Наконец, я не выдержала и попросила остановить машину.

– Подожди, – сказала Захрэ. – Скоро доедем.

– Не хочу, – ответила я. – Остановите.

Я слезла с машины и скоро вернулась в клинику. Через несколько часов вернулась и Захрэ.

– Что случилось? – спросила я.

– Когда мы доехали до перекрёстка, там шла ожесточённая схватка, и нас не пустили дальше. Несколько мужчин спешили и пошли дальше, нас же вернули обратно.

С тех пор как шейх Шериф гарантировал нам пребывание в клинике, мы стали более сплочёнными. Люди из мечети тоже приходили и оказывали посильную помощь. Махмуд Фаррохи и господин Месбах уделяли нам особенное внимание и присматривали за нами. Если кто-то не был на месте, они спрашивали о нём. Мы отвечали, что ушли по делам и скоро вернутся.

Мы тоже, с пониманием относясь к их подозрительности и беспокойству, всегда держали их в курсе событий. Например, один тип пришёл в клинику с медицинской экипировкой в первый раз. Утром его уже

не было, и он вернулся только через несколько дней. Это был курд, крупный мужчина с усами, родом из Сенендеджа.

На этот раз он никакой особой работой не занимался. Слонялся по клинике и, проявляя особую лень, говорил, что распределяет лекарства. Он любил говорить о курдских группировках «Комала» и «Демократы», защищая их взгляды. Я-то хорошо знала о них и были их противником. Али часто мне рассказывал о том, что в Курдистане их называют защитниками курдского народа, но они на самом деле ничем ему не помогают. Этот курд показывал постеры с фотографиями бомбёжки тюрьмы «Доуле-Ту»¹ и убийства курдских бойцов и простых людей, приговаривая: «Посмотри, как эти кровопийцы притесняют и душат народ».

Мне он сразу не понравился. Кроме того, он старался внести раздор среди нас, и передавал наши разговоры другим, а также плохо отзывался о Наджаре. Когда я открыто начала его критиковать, он, узнав, что я курдянка, сильно удивился и стал возмущаться, почему я не поддерживаю курдов и критикую «Комала» и «Демократов». В ответ я сказала, что в первую очередь мусульманка, а потом курдянка и не собираюсь поддерживать изменников.

На следующий день пришёл Махмуд Фаррохи и спросил, нет ли у нас проблем. Когда я ему всё рассказала, на моё удивление, он был в курсе всего и сказал, чтобы мы не беспокоились, так тот находится у них под контролем и им известно, что он пришёл сюда с дурными намерениями.

Потом появился другой тип. К нам стал часто навещаться молодой парень двадцати с лишним лет по имени Джуншан. Он стал часто говорить о религии, о шариате. Наджару он сразу не понравился, и он запретил нам подпускать того к себе близко.

Тот парень сильно старался и продолжал навязываться к нам. Мы уже никак не реагировали на его проповеди. Потом он настаивал посетить одно

¹ Тюрьма «Доуле-Ту»: эта тюрьма расположена в горной местности в естественном укрытом месте под патронажем «Комала» и «Демократов» и построена руками самих заключённых. Пытки, проводившиеся над заключёнными представителями этих группировок, стали общеизвестными. Девятого мая 1981 года баасисты подвергли эту тюрьму бомбардировке, что привело к гибели семидесяти заключённых.

судебное разбирательство, которое вёл. Мы же, сославшись на нашу занятость, не поддались его уговорам.

Наконец, Захрэ согласилась, и мы пошли вместе. Там судили мужчину за неисполнение религиозных обязанностей. Нам потом это наскучило, и мы ушли, ответив ему, чтобы сам вёл свой суд.

Как и в прошлый раз пришли Махмуд Фаррохи¹ и Месбах и сказали, что знают об этом случае, предупредив, чтобы мы были очень осторожны. Вернувшись в клинику, я сказала девочкам, чтобы все были настороже и не поддавались провокациям таких людей. Джуншан тоже, поняв, что все уже относятся к нему с неприязнью, с первыми лучами солнца исчез из клиники².

¹ Махмуд Фаррохи погиб в те самые дни сопротивления.

² Несколько месяцев спустя я слышала, что этот человек был задержан и позже приговорён к расстрелу. Как рассказывали, он был членом группировки «Форган», и все документы у него были фальшивые.

Глава двадцать вторая

Мы находились на территории Куй-Арья. В пикапе у нас было трое раненых. Мы собирались их отвезти в больницу «Талегани», как на шоссе нам проголосовал человек. Мы его немного знали: он иногда помогал в мечети. Тот рассказал, что они поблизости ковшом бульдозера наткнулись на труп. Мы ответили, что доведём раненых до больницы и на обратном пути заберём.

Когда мы вернулись, то увидели, как тот мужчина вместе с двумя другими работниками собирали щебень с песком и заполняли ими мешки, по их словам, для маскировки больницы «Талегани».

В ковше бульдозера лежал труп военного в мумифицированном состоянии: на нём почти не было мяса, осталась одна кожа. Удивительно, почему он не разложился. Видимо это был военный из передовых дозоров иракцев, прибывших сюда по реке со стороны острова Мину и возможно попавших под огонь своей же артиллерии. Спрятавшись у этого холма, он, судя по всему, всё же умер от голода и истощения.

– Вы проверяли его карманы? – спросила я.

– Мы не рискнули дотронуться до него, – ответили они.

С отвращением я просунула руки в карманы трупа и вытащила из рубашки удостоверение личности, семейную фотографию и несколько смятых сигарет. В удостоверение попала вода, и чернила были размыты так, что ничего было невозможно разобрать, только звание «накиб», что видимо у нас соответствует капитану. На фотографии были изображены несколько женщин, ребёнок и мужчина. По их лицам и одежде было понятно, что они иракские арабы.

Пока водитель машины подъедет, чтобы уложить туда труп, мы решили осмотреть местность в поисках рации и ещё каких-либо военных снаряжений. Через сто пятьдесят метров выше я заметила бочку и подумала, что там может быть что-то спрятано.

Каково же было наше удивление, когда мы обнаружили там свежий труп, весь истекший кровью. Мы с трудом вытащили его в полусогнутом состоянии оттуда. При этом из него вышло много крови, издавая тошнотворный запах.

Не понятно, имели ли какое-либо отношение друг к другу эти два трупа или нет. Возможно это была спасательная разведоперация, или что-то другое. Бедный водитель, не успев загрузить в машину один труп, подойдя к нам, увидел другой. Его тоже загрузили на пикап и передали в больницу «Талегани».

Перед больницей я увидела скорую с эмблемой нефтяной компании, из которой забирали раненого. Водитель объяснял медсёстрам, что в их больнице из-за пожара после попадания снарядов больше нет места, и поэтому раненых привезли сюда.

Я слышала, что после бомбёжки нефтеперерабатывающего завода погибли сорок и ранены от ста двадцати до ста сорока человек. Целью этого было установление контроля над нефтяными объектами. Каждый день там что-то бомбили, и каждый раз там были жертвы, что даже невозможно было вывозить раненых и трупы.

Я заглянула в скорую нефтяной компании, там оказались двое раненых с сильными ожогами, что было проблемой для их перевозки на носилках. В это время обстрел резервуаров завода всё ещё продолжался. Шоссе, ведущее туда, было перекрыто.

Когда мы перенесли все трупы в морг, на улице уже стемнело. Я уже не замечала людей, скорбящих по своим близким, и была не в силах соболезновать им. Потом увидела ещё один труп, который был в столь ужасном состоянии, что я выбежала на улицу. Как сказали ребята, это был труп танкиста, но так как у нас танков не было, то видимо это иракский танкист.

Однажды я видела иракского пленного солдата в первые дни переезда в клинику Шейбани. В мечети людей уже почти не было, а молельня закрыта.

В основном там ходили военные. Утром следующего дня ребята рассказали, что из передовой привезли пленного. В Джаннатабаде подтвердили эту новость, добавив, что среди пленных были англичане, немцы, иракцы, в общем, все национальности.

При возвращении в мечеть также рассказывали, что приехало много иностранных журналистов. Среди иракцев было много пленных. У них в окопах было много женщин, из-а чего мне стало особенно любопытно. Заодно хотела посмотреть, много среди них иностранцев или нет. Во дворе мечети было много народу. Я взглянула на пленных. Лица многих из них не были похожи на иракские. У них были светлые глаза, рыжие волосы и белая кожа, что явно свидетельствовало об их иностранной принадлежности. У них на плечах не было погонов со знаками отличия. Один из пленных иракцев сидел, прижавшись к стене, и весь дрожа, говорил:

– Я сдаюсь. Я сдаюсь.

Люди, собравшись вокруг, кричали и ругались в сторону пленных, пытались их ударить, вспоминая все те несчастья, которые испытали. Тот пленный иракец попросил воды, продолжая говорить, что он здесь не по своей воле, и что он шиит.

Ребята в ответ говорили, пусть не боится, ибо они не уподобляются его командирам. Я сказала ему то же самое по-арабски. Спросив меня, иранка ли я, он сказал, что не иракец, а из Иордании. В ответ на мой естественный вопрос, что он тогда тут делает, если не иракец, тот ответил, что его силой сюда отправили. Не веря в искренность его слов, я сказала ему, все они так ведут себя, когда находятся под угрозой смерти.

Потом я попросила ребят дать ему воды и сигарет.

– Смотри, – сказала я ему. – Я сама лично похоронила своих отца и брата. Вы их убили, вы воюете против нас, в то время как мы не знали, как надо вести войну. Пусть у нас не хватает оружия, боеприпасов, но с нами Всевышний, и с его помощью мы одержим победу.

После слов о том, что я потеряла отца, он с немым выражением уставился на меня, продолжая держать в руках сигарету, и несколько раз извинялся предо мной. Я же отошла в сторону в ожидании, что приведут остальных пленных. Но сказали, что их отвезли в Абадан.

Глава двадцать третья

Несколько дней прошло с тех пор, как Да уехала с детьми, и я ничего о них не слышала. Я не знала, где они и чем занимаются и очень переживала за то, как Да приняла смерть Али. Это могло свести её с ума. Не дай бог, если такое произойдёт, то что будет с детьми, кто присмотрит за ними?

У меня были мысли поехать и проведать их. Удостоверившись, что у них всё в порядке, я бы вернулась обратно. Поскольку военный штаб перевели в Махшахр, туда ездило много военных. Сарбандар находился недалеко оттуда, и я просила каждого, кто ездил туда, найти и моих родных. К сожалению, им это не удавалось. Все беженцы разбросаны по разным местам, и мы никак не смогли их найти.

Однажды в мечети я увидела семью Рены Наджар. С ними я познакомилась в первые же дни пребывания там. Поздоровавшись с ними, я спросила о Рене.

– Она в Сарбандаре, – ответили они. – Мы там сняли дом до тех пор, пока здесь всё не утихнет. Сейчас мы приехали проверить наш дом и потом обратно уедем.

Узнав, что у них есть место в машине, я напросилась ехать в Сарбандар с ними, чтобы навести мать, которую уже дней пять не видела. Предупредив девчат из клиники, я села в машину, на которой приехала семья Наджар, не помню, то ли это была «Тойота», то ли «Галант». По дороге было очень жарко, кругом были следы разрушений от попаданий иракских снарядов. Наконец мы приехали в Сарбандар. На моё удивление, это оказался маленький городок, больше походивший на деревню и совсем отличавшийся от Хорремшахра. Сюда тоже добрался огонь Саддама: со стороны рынка были видны разрушенные дома.

Наконец, я вышла на одной из улиц. Невзирая на уговоры сестёр Рены, я не согласилась остановиться и перекусить у них, так как очень спешила, чтобы успеть после обеда вернуться обратно. Спрашивая у прохожих, где

могут находиться беженцы, я поняла, что они разбросаны по всему городку, и большинство из них находится в Махшахре.

Не надеясь найти семью здесь, я поймала попутный микроавтобус и поехала в Махшахр. Там жил господин Бахрам-заде, бывший в очень хороших отношениях с дядей Хосейни. Он работал на нефтехимическом заводе. Будучи уверена, что он поможет, я стала искать его по всему городу, спрашивая людей и называя все приметы и адрес. Но всё было тщетно.

При этом горожане радушно принимали меня, и, узнавая, что я ищу мать и сестёр, они предлагали остановиться у них, но я отказывалась, ссылаясь, что мне надо поскорее возвращаться в Хорремшахр. Они также спрашивали, как мы там живём в условиях обстрелов, каково положение на фронте и т.п.

В общем, все мои поиски в Махшахре тоже не дали результатов. Я впервые себя почувствовала беспомощной и голодной в этом городе. Надеюсь на Всевышнего, я остановила микроавтобус и, не зная, что сказать водителю, потом обрадовалась, когда он сказал, что довезёт бесплатно. Доехав до Сарбандара, там я пересела в пикап нефтяной компании, который ехал в Абадан. Там пересела на другой пикап, ехавший в Хорремшахр.

Вернувшись обратно, я в первую очередь захотела видеть Зейнаб-ханум, которая стала мне вместо матери. Та сама любила, когда мы с Лейлой называли её мамой. Когда я приехала в Джаннатабад, как всегда омывальщики стали спрашивать меня, какие новости, докуда дошли иракцы и стоит ли им оставаться в городе, или лучше уехать. Они устали от всего этого и хотели чётко знать свои обязательства, чтобы принять дальнейшие решения, так как им не говорили, что они должны оставаться до тех пор, пока есть погибшие. Я подумала о том, что солдаты находятся на передовой, и омывальщики – единственные, кто остаются в городе в таких опасных условиях.

Марьям-ханум постоянно уходила домой и возвращалась. Старики же, напротив, всё время находились в Джаннатабаде, видимо чувствуя здесь себя

более спокойно и безопасно. Когда я спросила, где Марьям, мне ответили, что она поехала в город за ранеными и погибшими.

Зейнаб не могла оставаться уже несколько дней, так как ей уже тяжело было видеть тела погибших каждый день. Однажды мы, помчавшись по обыкновению к месту очередного взрыва, встретили её на улице Нагди. Мы тогда в первый раз увидели её в городе. Она была на пикапе. Увидев нас, она тут же подошла обнимать и целовать меня.

– Мать, ты как тут оказалась? – спросила удивлённо я.

– Пришла посмотреть, чем смогу помочь.

Потом продолжила:

– Несколько часов я тебя не видела, а уже соскучилась. Когда война закончится, и, если нам придётся расстаться, я не знаю, как буду жить вдалеке от вас. Я ведь так к вам душой прикипела.

– На всё воля Всевышнего, – смеясь, ответила я и застеснялась ей что-либо ещё сказать. Я ведь тоже очень полюбила её и всегда ходила в Джаннатабад в надежде снова увидеться с ней.

Глава двадцать четвёртая

В один день после обеда мы семь-восемь человек вышли из клиники и направились к линии боёв. С нами также был доктор Саадат. Пешком мы дошли до конца квартала Моуляви. По переулкам были разбросаны позиции наших бойцов. Чуть дальше находилась точка более интенсивных боевых действий. Солдаты, перебегая с места на место и отстреливаясь, сказали, что раненые находятся там за стеной. Они уже давно там лежали и надо было посмотреть, живы они ещё или нет.

Мы пошли в то место, куда нам показали. Там оказался молодой парень не более двадцати лет. Он оказался серьёзно ранен. У него было перебито бедро. Из-за сильного кровотечения он очень ослаб. Было видно, что эту ногу ему потом скорее всего ампутируют.

Доктор Саадат тут же принялся за дело. Он сделал ему укол и перевязал рану из одежды, которую порвали для него друзья. Когда его посадили в подъехавшую машину, я успела спросить:

– Как тебя зовут? Ты из ополчения или из Гвардии?

Он ничего не ответил. Моргая глазами, он издал какой-то звук, который я совсем не разобрала. Доктор Саадат стал всех торопить, чтобы раненого побыстрее отвезли в больницу.

Из-за летавших в нашу сторону пуль от «Джи-3» и 60-миллиметровых снарядов от гранатомётов нам пришлось идти, прижавшись к земле. Мы спрятались у стены. Я знала, что этот парень не доживёт до больницы. Именно поэтому мы так стремились попасть на передовую, чтобы суметь вовремя оказать первую помощь раненым.

Помню, как однажды я встретила жену дяди Шамбэ в больнице Нефтяной компании. Оказалось, что её зять лежал там раненый. Я зашла к нему в палату. Дочь дяди Шамбэ сидела рядом со своим супругом и размахивала над ним веером. Как мне показалось, он был в не очень плохом состоянии. Ничего не сказав, я попрощалась с ними и ушла. На следующий

день я, вновь посетив больницу, к своему удивлению узнала, что их зять умер. Как мне сказали медсёстры, у него было сильное заражение, и потому тот не выдержал.

Тут нас позвали, прервав мои мысли о зяте дяди Шамбэ. Оказав помощь еще нескольким раненым, из-за продолжавшегося сильного обстрела мы были вынуждены вернуться обратно. По дороге, проезжая мимо разрушенных домов, я стала думать о том раненом парне, прижавшемся к стене, и его дальнейшей участи.

В одном из домов мы видели горюющих женщин и мужчин и остановили машину. На наше удивление, там оказалась корова, которая была ранена в бок, и она на днях должна была родить телёнка. Женщины рыдали вокруг своей скотины и просили вспороть ей живот, чтобы спасти плод. Никто не осмелился этого сделать. Хотя это было безмолвное животное, но оно было живым существом. Наконец, один из парней на пикапе сказал:

– Покончите с ней, она мучается. Кто-нибудь пристрелите её.

Другой спросил:

– Кто-нибудь может её зарезать?

От этих слов женщины ещё сильнее зарыдали. Я больше не могла смотреть на всё это. Выйдя из дома, я начала ходить по переулку, рассматривая разрушенные дома. К счастью, большинство из них к моменту попадания взрыва были пустыми. Я уходила всё дальше, продолжая слышать голоса женщин, особенно старухи, видимо матери семейства. Чуть позже ребята вышли и сели в пикап. Водитель тронулся и, подъехав ближе, забрал меня. У ребят я ничего не спросила.

Глава двадцать пятая

Большая часть кварталов города опустела, и люди изредка всё ещё оставались в своих домах. Ребята, побывав в городе, рассказывали, что, напротив, в арабском квартале Моуляви всё ещё много людей.

Как многие говорили, они считали, что иракцы их не тронут из-за того, что они арабы. Иракская пропаганда по радио вселяла в них эту надежду, советуя им не покидать город. «Мы придём освободить вас. Мы за вас и ничего против вас не будем делать. Нас интересуют только огнепоклонники. Мы хотим вас избавить от режима Хомейни. Где бы вы ни находились, вы в безопасности».

Конечно, эта лживая пропаганда не очень воздействовала на наших арабоязычных жителей города. Они больше других понимали провокационность этих слов, так как раньше в Хузестане пытались использовать их тлетворное воздействие с целью отделения арабов от персов. Но люди на это не поддались. Среди ребят из революционной Гвардии было много арабов. Однако те, кто оставался в этих районах, совсем не признавали правительство страны и её политику. «Мы хотим сами жить и никому при этом не мешать», – говорили они.

Когда ребята захотели организовать жителей квартала Моуляви к переезду, Нури и Месбах сказали мне: «Ты тоже иди. Так как знаешь арабский, сможешь помочь им объяснить всё и попробовать убедить их женщин. В крайнем случае, их надо будет силой вывезти оттуда».

Один мужчина, раздавая ребятам оружие, сказал:

– На этот раз вам надо их в любом случае, хотя бы силой, вывезти оттуда. Напугайте людей: стреляйте в воздух.

– Те, кто останутся, не испугаются даже пушек и танков, как же мы их напугаем выстрелами в воздух?! – возмутилась я.

– Если они не испугаются воздушных обстрелов, то обязательно испугаются, если выстрелить им под ноги, – ответил другой.

– Нет, это не правильно, – сказали вдруг все хором.

Утром к 10 утра мы поехали на пикапе. Квартал Моуляви относился к числу старинных и бедных районов города. Там была основная улица, от которой ответвлялись множество мелких улиц и переулков, заканчиваясь у пальмовой рощи, таможни и порта. В общем, здесь всегда было много людей, живших в своём мире. Этот квартал казался вдвойне перенаселённым особенно из-за существовавшего там старого и беспорядочного овощного рынка. Его ещё называли «Шайтан-базаром».

В конце улицы, выходявшей к железнодорожным рельсам, находилась пальмовая роща. Которая, как говорили, в старину была очень большой, но из-за расширения территории таможни значительно уменьшилась. Во дворе глинобитных домов, находившихся внутри этой рощи, люди выращивали зелень, алычу и бамию, которые потом продавали на базаре.

Водитель остановил и, как и в прошлый раз, сказал, чтобы друг от друга сильно не расходились и ходили группами.

Мы обходили все дома. Большинство из них оказались пустыми. Если никто не открывал, ребята взбирались по забору наверх и, убедившись, что никого нет, продолжали поиски. Те же, кто открывал дверь, рассказывали, что на этой улице все жильцы только что или несколько дней назад съехали. Сами же они ни в какую не соглашались уезжать и, когда мы их пытались забрать с нами, начинали кричать и ругать по-арабски Садама. Мы же им объясняли, что сами являемся арабами и им опасно здесь оставаться, так как они могут попасть в плен, и никто их потом не защитит.

Некоторые, соглашаясь, просили разрешить им забрать свой домашний скот, что для нас казалось невозможным. Мы им предложили сдать их в мечеть на заклятие в помощь сражающимся бойцам.

Так мы прошлись по ещё нескольким улицам, уговорив ещё несколько семей покинуть территорию. При этом, продолжая осматривать пустой квартал, мы боялись наткнуться на иракцев. Тихо было настолько, что слышно было как ветер гуляет по улицам.

Вдруг кто-то меня громко окликнул, пытаясь, чтобы все на него обратили внимание. Это был мелкого роста молодой парень. По его словам, солдаты на передовой мучаются от голода и пьют воду из луж.

Мне его лицо показалось знакомым, и я стала вспоминать: «Где же я его видела?» И тут меня осенило: «Это же Бехнам Мохаммади – родственник дяди Шамбэ!» Мы с ним часто играли и шутили во дворе дома дяди Шамбэ, когда я приходила к ним в гости. Я удивилась, видя, как он сильно исхудал и загорел от солнца.

– Бехнам, что ты тут делаешь? – спросила я его.

Посмотрев на меня, он ничего не ответил, словно совсем не узнал.

– Ты что? Не помнишь, как приходил к дяде Шамбэ и доставал всех своими проделками?

Тут он засмеялся и, вспомнив меня, спросил:

– Как там твоя собака?

– Никак. Наверное, как и мы бродит где-то, – ответила я. – Что там случилось? О чём ты сейчас говорил? Ты был на передовой?

– Да, я с бойцами был на передовой, – взволнованно ответил он. – Мы уже несколько дней в окружении. Ребята, сказав, что я мелкий и могу пройти через окружение, попросили найти воды. Я как-нибудь пролез через иракские ряды, но, к сожалению, нашёл только грязную воду. Тем не менее, они её с удовольствием выпили, но потом им стало плохо, и они начали вырывать.

После этого он продолжил:

– Потом мы как-нибудь выбрались из окружения. Но мы умирали от жажды и пытались найти воды в пустующих домах. Наконец, мы нашли бассейн в мечети. Но вода там покрылась водорослями, и её невозможно было пить.

После этих слов юноши мы собрали все фляги и набрали туда воды из реки. Пусть она была смешана илом и керосином, но это всё же было лучше, чем вода из лужи.

Глава двадцать шестая

После смерти отца работа в Джаннатабаде потеряла для меня первостепенную важность и по причине того, что самой работы там стало меньше, да и помогать людям сохранять жизнь стало для меня более важным. Тем не менее, я всё же посещала Джаннатабад, если надо было отвезти труп или выполнить какую-нибудь ещё работу. Следы пребывания отца и Али на кладбище угнетали меня, и я больше не могла долго оставаться в омывальне. Не было сил уже лицезреть изувеченные и разложившиеся трупы.

Вспоминая все эти сцены с убитыми детьми со вспоротыми от попадания осколков снарядов животами, я проклинала Садама, прося Всевышнего лишить его жизни. Посреди ночи я, толкнув дверь, выбежала из омывальни. Зейнаб выбежала за мной и, догнав, обняла меня и начала успокаивать:

– Понимаю, ты уже устала. Тебе, наверное, лучше несколько дней не приходить сюда.

– Как я могу не приходить сюда, – ответила, хныкая, я.

– Но как же с тобой тогда быть?

Мне стало стыдно перед Зейнаб за своё поведение, понимая, что надо контролировать себя. Но это было не в моих силах. Я выбросила кусок савана, находившийся у меня в руках, и снова побежала. На этот раз Зейнаб не смогла догнать меня. Я так быстро бежала, что у меня перехватило дыхание, и остановилась, чтобы отдышаться. Успокоившись, я продолжала идти, спрашивая себя: «От кого ты убегаешь, несчастная? От себя или от покойников?» Я снова расплакалась и, ничего не помня, продолжала идти, как вдруг очутилась перед своим домом. Повернув ключ в замке, я вошла в дом. Тут всё моё существо задрожало, и я вспомнила все наши прожитые годы с отцом, с Али, всё моё детство.

Потом я пошла в сад. Из-за безводья всё там высохло, в том числе и вербена. Минут пятнадцать-двадцать я там постояла в тишине и молчании.

Больше я не могла всё это выдержать и вышла из дома. На улицах не было ни души. Даже птицы не летали. Уже стемнело, и я, прогуливаясь, прошла мимо дома Папы и Мими, по которым очень соскучилась.

Так я продолжала идти по родным для меня улицам и чуть поодаль увидела под пальмами военную одежду. Как мне показалось, это была иракская военная форма. Ребята говорили, что это израильская одежда. Как я слышала, иракцы проникали в город, бросали свою форму и, переодевшись в гражданскую одежду, прогуливались среди людей, выведывая информацию и оценивая обстановку. От этих мыслей мне становилось страшно, и я, вытащив гранату из кармана, готова была бросить её при первой же опасности. Я бегом пролетела по улице Ордибехешт и на одном дыхании добежала до мечети. Ни с кем не разговаривая, зашла внутрь. Наверняка во дворе про меня говорили: «Опять она в себя ушла».

Глава двадцать седьмая

В последние дни я испытывала какое-то особенное состояние и находилась в забытьи. Что бы ни делала, куда бы ни шла, я видела везде отца и Али. Но больше всего предо мной появлялось лицо Али. Возможно из-за того, что я его давно перед этим не видела и была особенно близка к нему. Но в любом случае, всё вокруг было для меня уже неважным. Я никого не слышала и думала, как от всего и от всех отдохнуть.

От вида разрушенного города, облик которого совсем изменился, я находилась в ещё более удручённом состоянии. Теперь это был город, полностью находившийся в военном состоянии. С разрушенными домами, дорогами, мостами, многочисленными жертвами. Самолёты свободно летали на низкой высоте, продолжая сбрасывать бомбы и разрушая звуковой барьер. Рёв истребителей разрушал оставшиеся после бомбёжки стёкла. Всё это вызывало удручающее состояние.

В клинике стало очень мало девчат. Остались только я, Захрэ Фархади, Сабах Ватанхах и Марьям Амджади с Белкис Малекян и Мехрангиз Дарьянавард. Мы уже не рисковали заглядывать в большую часть улиц. Даже на улицу Талегани, которую хорошо знали, мы боялись зайти. Теперь я уже ходила в Джаннтабад, дрожа от страха. Мне всегда мерещились иракские солдаты в засаде. Говорили, что они рассыпались по всей улице Талегани. Я очень переживала за Лейлу и Зейнаб. Очень много людей попало в плен, а в квартале Хизан¹ иракцы надругались над женщинами на глазах у их отцов и братьев. Мужчин потом убили, а женщин оставили в таком же состоянии. Рассказывали, что когда заходили их солдаты, то женщины со слезами их умоляли расстрелять их из автоматов.

Услышав эти ужасные истории я два-три дня не могла разговаривать. Мне страшно было даже представить себя на их месте. У меня сердце кровью

¹ Этот случай рассказывал подполковник иракской армии Халед Салман Махмуд Каземи на 67-ой странице книги «Огонь и кровь», выпущенной издательством «Суреяе Мехр».

обливалось от этих мыслей. В какой-то момент мне стало страшно за Лейлу. Потом я себе самой говорила: «Неужели ты не знала обо всём этом, когда приняла решение остаться здесь?» Теперь я заметила, что мужчины уже не относились к нам с такой враждебностью как раньше, видя нас в таких опасных местах. Но всё больше они от нас требовали уехать из города, а мы каждый раз говорили, что должны спасать раненых. С раздражением они говорили, что пока ещё мужчины есть, нам нечего делать на передовой.

Все мужчины в мечети тоже ушли на передовую. Эбрахими уже не было. Он собрал все организации, выполнявшие у входа работу по общим связям. Господина Месбаха и остальных я тоже не увидела. Шейх Шериф больше находился на линии боёв и с ещё большим рвением выполнял свою работу. Ребята рассказали, что его сын ранен и находится в больнице. Несмотря на это, шейх не смог навестить его в больнице.

Впреки обыкновению шейх теперь выглядел раздражённым и обеспокоенным. Пытаясь как обычно казаться спокойным, тем не менее, по нему было видно, что он обеспокоен ситуацией на передовой, и его одежда, обычно чистая и опрятная, теперь была помятой и грязной, а чалма была вся в пыли. Иногда он даже появлялся в военной одежде.

Теперь всем стало ясно, что положение на войне серьёзное, и иракцы не намерены останавливаться на захвате Хорремшахра.

В мечети ситуация стала ещё более чувствительной. В основном теперь там появлялись военные. Но некоторые люди, которых ни силой, ни уговорами не смоли заставить уехать из города, всё ещё продолжали оставаться там. В Хейдарийе и Аббасийе больше никого не осталось. По слухам, и туда попадали артиллерийские снаряды. Еду больше не готовили, и женщины, готовившие еду, тоже все разъехались. Даже если бы они и остались, продуктов всё равно не было. Остались только арбузы и всё те же консервы, за которыми солдаты приезжали сами и забирали с собой на передовую. Иногда оставался только сухой хлеб, который мы смачивали в воде.

Наконец, уехали и омывальщики из Джаннатабада. Марьям-ханум забрал её жених из спецназа. И из всех работников осталась только Зейнаб-ханум. Из-за жестоких атак иракцев Джаннатабад был уже небезопасным местом. Снаряды попадали по старым могилам, разрушая их до основания. Я боялась, что такая участь может ожидать и могилы отца и Али. Уже издалека были видны небольшие изменения в форме их могил. Земля над ними высохла, и над ними стал выступать белый цвет. Насыпь тоже постоянно смещалась, хотя я каждый раз приводила её в порядок.

Положение с каждым днём становилось всё хуже. Кольцо осады вокруг города сжималось. Было очевидно, что и вражеская артиллерия тоже находится где-то рядом, которая была по городу всё интенсивнее. Иракцы продолжали наступать, а наши солдаты, оказывая сопротивление, продолжали гибнуть. В условиях, когда боеприпасы не поступали, а оружие всё больше выходило из строя, становилось очевидным, что дело близится к концу. Шоссе Хорремшахр-Ахваз уже было полностью перекрыто и контролировалось иракцами. При таком интенсивном огне никто не осмеливался по нему ездить.

По другим направлениям тоже рассказывали, что иракцы со стороны гарнизона Хамид продвинулись к Ахвазу, положение которого не лучше, чем у Хорремшахра. Были взяты Дехлавийе и Сусангард. В такой обстановке у гвардейцев, воюющих в Ахвазе и других городах Хузестана, не было никакой надежды.

При этом в находящийся в критическом положении Хорремшахр добровольно прибывали неорганизованные и разбросанные по местам силы. Среди них были Садег Фаллахпур и его друзья. Они пришли на помощь из Рудсара по просьбе Ахмада Шуша¹. Бедняги не привыкли к южной жаре. Проезжая по позициям, я различала местных и неместных ребят по тому, как они выдерживали такие условия. Многие из них даже не могли держать оружие в руках. От голода и лишений у многих из них не было сил

¹ Погиб.

держаться. Везде их ожидала опасность: иракцев становилось всё больше на улицах. В больницах я видела ребят, которые лежали просто от истощения. Всё это конечно же сказывалось на боевом духе защитников города.

В начале все думали, что война продлится всего несколько дней. Теперь всё больше говорили о присутствии иракских сил и вооружения. Некоторые уже совсем потеряли надежду. Как и остальные я не могла себе представить, что город падёт. Мне самой уже стало интересно, сколько осталось у наших войск боеприпасов, сколько личного состава, сколько солдат у иракцев и т.п. Почти все одинаково отвечали: в город вошли три боевые дивизии и одна танковая дивизия.

– И сколько солдат в одной дивизии? – спрашивала я.

Как мне объясняли, в каждой стране по-разному: от восьми тысяч до тринадцати тысяч. Иракская дивизия составляет десять-одиннадцать тысяч человек. Им помогают также другие страны.

Мы знали, что им помогают арабские страны региона и Америка, но мы не имели представления ни о масштабах этой помощи, ни о количестве стран, участвующих в ней. При этом, по словам солдат, у нас было всего три танка, и поэтому нечем было идти против иракцев. В районе дорожной полиции я видела трофейный иракский танк, цвет которого в отличие от наших зелёных «Чифтенов», был грязно-серым. Однако такой трофей при виде наших разорённых таможи и порта не давал мне повода для радости.

Весь тот товар, который находился в порту необходимо была как-то вывезти из-под огня иракцев. Однако никак не получалось решить эту проблему. Потом, когда я находилась в клинике, привезли несколько человек с ожогами и рассказали, что порт горит.

Наджар обмазал их вазелином и наложил бинты, а я с несколькими ребятами поехала в порт за ранеными. Территория порта была огромной. Посреди этих товаров и предметов было легко заблудиться. Там также хранилось масло, произведённое на заводе. Именно оно больше всех и горело. Потушить его водой было невозможно и поэтому его засыпали

песком. К счастью, там был только один человек с ожогами. При этом он продолжал вместе со всеми тушить огонь. Мы никак не смогли уговорить его ехать с нами на перевязку.

Объезжая территорию, мы также увидели припаркованные машины, среди которых были «Мазда», «Мерседес», «БМВ». На другой стороне лежали товары иранского производства: ковры ручной работы, финики и т.д.

Теперь всё это было охвачено огнём. Несколько кораблей, не успев разгрузиться, стояли на причале. Пристань вся горела и была разрушена снарядами. Множество товаров было уничтожено: рубашки, джинсы, электроприборы, велосипеды, коробки с овощами и фруктами и многое другое.

Мне было больно от того, что мы не могли спасти эти товары, так нужные сейчас нашей стране, и вывезти их куда-нибудь. От этого ещё больше в голову лезла мысль об измене. В последние дни ребята, вернувшиеся с передовой, рассказывали, что таможня теперь перешла в руки иракцев. Вот теперь мы увидим, сколько они оттуда товаров себе вывезут через морскую границу или через Шаламче¹.

¹ Город в провинции Хузестан на границе с Ираком, расположенный к северо-западу от Абадана.

Глава двадцать восьмая

Ситуация стала настолько критичной, а иракцы продвинулись так далеко, что я уже умоляла отправить меня на передовую. Бои стали ближе к центру города, и движение машин из-за этого стало ограниченным. Теперь к спасателям обратились с просьбой самим вывозить раненых с места боёв. По мнению доктора Садеги это могло бы спасти больше жизней раненых.

В ночь на двадцатое мехра пришла новость: в порту идут ожесточённые бои и просьба ко всем, кто может, оправиться в «Сентаб»¹.

Утром двадцатого мехра мы загрузили в пустые ящики боеприпасы, медикаменты, инъекции и пр., и, дождавшись пикапа, закинули всё это на пикап. Водитель, пытаясь увернуться от обстрелов, ехал окольными путями, чтобы спокойно добраться до порта. При этом мы с трудом проехали Центральную мечеть, улицы Чехель-Метри, Нагди, площадь Дарвазе, улицу Моуляви. И наконец, мы доехали до рощи за Моуляви, где и остановились около 9.00-9.30. Я взяла с собой несколько узелков. И одной рукой держала ящик с боеприпасами, в том числе и от гранатомёта. Другой рукой ящик схватил доктор Саадат. Остальные тоже несли другие ящики.

Дальше железной дороги нас не пустили, сказав, что там ведётся интенсивный обстрел. Чтобы дойти до «Сентаба», нам пришлось идти вдоль железной дороги, под огненным прикрытием наших ребят. При этом мы извлекли все боеприпасы из ящиков и обвязали ими себя, чтобы легче было добраться. Добираясь бегом и в полусогнутом состоянии, мы дошли до одного окопа. Там сидел молодой боец, говоривший по рации. Вокруг него сидели семь-восемь бойцов и несколько человек в штатском. На земле лежало ещё несколько раций, по каждому из которых говорил военный. Он был ранен, его правая нога и пальцы были перевязаны.

– Это полковник Агаребпараст, – сказали мне ребята.

Увидев меня и Сабах, он, вспыхив, спросил:

¹ Название немецкой фирмы на территории порта в Хорремшахре (прим. пер.).

– Что вы тут делаете? Поиграться захотелось?! Здесь кругом иракцы!

Потом, обратившись к ребятам, он сказал:

– Вы зачем привели с собой девчат? Куда собрались идти?

– В «Сентаб», – ответили они.

– Дело в том, что нам сказали прийти сюда, так как нужна помощь, – сказал Саадат. – Вот мы и пришли помочь.

– Очень хорошо, – сказал полковник. – Вы можете идти, но девчата должны вернуться.

– Мы не вернёмся, – ответила я. – Вы нам не командир, чтобы решать это. Мы сами пришли, и сами решим, что делать.

Во время этих споров неожиданно откуда взявшийся фотограф сфотографировал нас. На что я фыркнула, что в руках надо держать не фотоаппарат, а оружие.

Уже не зная, чем возразить, полковник, сказал:

– Если вы туда пойдёте, то попадёте в плен или погибнете.

– Пусть, – ответила я. – Мы свой вклад должны внести, даже если погибнем.

– Уважаемый, – сказал Саадат. – Эти девушки видели всё, и им уже ничего не страшно.

– Хорошо. Вам лучше знать, – сдался, наконец, полковник. – Только не идите отсюда. Иракцы везде сейчас. Немного подождите. Сейчас одна группа направится в «Сентаб», и вы пойдёте с ними.

Мы стали ждать, пока сформируется группа и в это время в разговоре с ребятами узнали, что Агаребпараст – командующий военными силами. Несмотря на свои ранения и большое состояние, он ни за что не согласился вернуться обратно. Я вспомнила, как видела этого парня лет двадцати восьми в Центральной мечети рядом с майором Шерифнабсом.

Долго ждать не пришлось. Мы, двенадцать человек, присоединились к вооружённой группе. Продвигаясь, мы каждую минуту ожидали, что из

засады выйдут иракцы. Поэтому двигались очень осторожно. Пройдя рощу с обстрелянными в некоторых местах деревьями, мы направились в «Сентаб».

Отовсюду были слышны звуки стрельбы из «Калашникова», пулемётов и гранатомётов. Пули летели со всех сторон. Одновременно я думала о словах Агаребпараста о том, что можем попасть в плен. «Нет, – сказала я про себя. – Выбор сделан. Теперь я также воюю, как и все».

По пути мы вошли в многоэтажное здание. Передвигаясь, мы чётко слышали разговоры иракцев. Они уже были в порту. Один из них видимо был командир и управлял огнём.

Только мы присели, желая осмотреться вокруг, как услышали, как один из парней сверху крикнул:

– Долой Саддама! Долой иракцев! Смерть Саддаму! – И начал стрелять.

Парень в злобе, стиснув зубы, уже не мог говорить и стрелял безостановочно. Находившиеся рядом с ним бойцы безуспешно пытались его успокоить. Возможно, увидев разорённый порт, он не смог себя сдержать.

Вместе с его стрельбой мы тоже оказались под усиленным обстрелом, будучи не в состоянии высунуть голову. Из-за гранатомётных обстрелов дрожали стены. Один из снарядов, пробив стену на нашем этаже, взорвался немного поодаль на той стороне. Тут Сааадат спросил:

– Сестра Хосейни, что будем делать? Побежим вниз?

– Да, – ответила я. – Вы бегите вперёд, а я за вами.

Волоча за собой боеприпасы, мы двинулись дальше, так как опасались, что после такого интенсивного обстрела стена над нами может обвалиться.

– Оставьте боеприпасы и бегите, – сказали нам.

Мы прошли мимо глинобитной стены – возможно стены конюшни – и, собравшись, укрылись все там.

– Кто этот проклятый, устроивший стрельбу? – переспрашивали мы друг у друга.

– Да этот тот самый парень, который вспыхнул, увидев, что в порту горят джинсы, сказали двое ребят, находившиеся рядом с нами. – Вот он и не выдержал.

– Наверное его уже убили, – сказали другие.

Мы продолжили двигаться вдоль этой невысокой стены. Над нами продолжал вестись огонь. В зоне нашей видимости появились здания управлений порта и таможни. На этой площадке друг на друга были уложены контейнеры. Между нами завязался спор. Некоторые настаивали на том, чтобы не идти дальше. Наконец, мы решили идти дальше, как только утихнет огонь. Потом всё немного стихло, и мы слышали странные звуки. Один из наших ребят заглянул за угол стены и воскликнул:

– Эй! Он жив!

– Что ты говоришь? Кто жив? – спросили все.

– Тот, что бросился с высоты. Вон идёт.

Мы прислушались. Парень, кажется, не мог идти ровно. Он волочил ногу. С ног до головы он был в соломе и направлялся вдоль стены к нам. Под огнём, на четвереньках, иногда присаживаясь, он продолжал идти. Похоже у него была сломана нога. Иракцы, увидев его, больше стреляли в нашу сторону. Когда он пробрался через стену, его спросили:

– Зачем ты это сделал? Как ты выжил?

– Я не мог спускаться по лестнице, – отвечал он. – Потом увидел внизу кучу соломы и прыгнул туда. Я чуть не задохнулся там.

Дав ему немного успокоиться, его стали ругать:

– Ты зря это сделал, подвергнув опасности жизни многих. Посмотри, мы до сих пор ходим ползком!

– Увидев, как они сожгли порт, я не выдержал.

– Мы видели сцены и похуже. Иначе нам вообще не следовало появляться на линии боёв.

После этого командир принял решение вернуться обратно и, совершив намаз, пройти по другому пути. Агаребпараста мы в окопах не увидели.

Возможно они пошли дальше. Мы прошли через железную дорогу мимо переулков квартала Моуляви и зашли в маленькую мечеть. Там оказалось много людей. Возможно оттуда и шла поддержка боевых частей. Чтобы иметь возможность совершить намаз, мы стали кружить по двору. В углу я увидела площадку, накрытую брезентом, но, вопреки обыкновению, не стала проявлять любопытство, чтобы узнать, что там внутри.

Уборные комнаты были в ужасном состоянии и издавали неприятный запах: возможно из-за большого количества людей. Там стоял бак для воды. Неизвестно была там вода или нет. Найдя затхлую воду в бассейне в углу двора, мы совершили омовение. Потом втроем в укромном месте мы с девушками совершили намаз. Вслед за нами помолились и остальные, после чего, достав хлеб и консервы, они приступили к еде и предложили несколько консервов нам, но мы отказались.

Однако командир настоял:

– Вы сейчас идёте с нами на передовую. Так что ешьте.

Они вскрыли для нас консервы, и мы вынуждены были их есть с грязными и измазанными в масле руками. Хлеб обычно был сухим, так как люди специально иссушали его и, размельчив помещали в баночки, чтобы он быстро не портился, и мы в мечети потом за час-два до отправки на передовую смачивали его.

Мы немного поели хлеба и консервов. Потом ложкой поели из половинной дольки арбуза. В это время Сабах сказала:

– Я с вами больше не пойду и собираюсь вернуться. Как мы вообще могли согласиться на это безумие. Если мы отсюда вернёмся целыми, то я точно не вернусь.

Поняв, что она не шутит, я спросила:

– Как это? Столько времени мы так стремились сюда. И вот, наконец, мы этого добились, а ты говоришь, что хочешь вернуться?

Отметая все её аргументы, что здесь непонятная обстановка, неясно, где враг, я всё же не стала настаивать на том, чтобы она осталась. В это время

сидевшие рядом с нами спецназовцы и громко разговаривавшие, непонятно зачем показали нам пулемёт «Джи-3» и сказали, что дадут его тому, кто может им пользоваться. Сабах, которая любила пользоваться оружием ещё в то время, когда не хватало боеприпасов, ответила, что может.

Я раньше узнавала о разнице между винтовкой и пулемётом «Джи-3»: калибр, дальность выстрела, скорострельность и пр. Знаю также, что и Марьям Амджади какое-то время интересовалась оружием.

Я, засомневавшись, что Сабах действительно умеет им пользоваться, просила хорошенько подумать. Она же не стала слушать меня и, положившись на Всевышнего, принялась изучать пулемёт. Но при первом же выстреле она свалилась на землю. Я, быстро подняв её, со злостью начала ругать Сабах. Она же в ответ разразилась смехом.

Тут командир дал команду выдвигаться и приказал соблюдать при этом полную тишину. Я начала подшучивать с Сабах и сказала, что если не вернусь, то пусть она сделает всё, чтобы вывести Лейлу из Хорремшахра, и позаботится о моей матери и семье.

Если бы я не шутила, то обязательно после всех этих трудностей расплакалась. Сабах же ушла вместе с группой, возвращавшейся в центр города. Мы продолжили путь с основной группой. На мой взгляд, сейчас, когда ситуация была критическая и на передовой нуждались в военной и медицинской помощи, помощь женщин была как никогда необходима. Я и девочки вместе со своим оружием теперь во всём полагались на самих себя. У нас при себе были гранаты и «Кольт» на случай, если попадём к иракцам в плен.

Потом, пройдя по одному железную дорогу, мы стали осторожно проходить по улицам в районе порта и дошли, наконец, до ворот «Сентаба». Иракцы беспорядочно стреляли, боясь, что наши силы могут проникнуть в порт. Они сами не решались выйти за пределы территории порта. И двигались только под прикрытием своих танков, БТР и вертолётов. Как

рассказывали солдаты, сначала прилетят вертолёты и будут бомбить все позиции, потом пойдут танки и, наконец, за танками пойдут пехотинцы.

Ворота «Сентаба» были открыты. Через одну створку проходила железная дорога, по которой ходили поезда, по другой – асфальтированное шоссе, по которому ездили грузовые машины, трейлеры, легковые автомобили и т.п.

По обе створки ворот за бетонным столбом между ними прятались солдаты, вооружённые как стрелковым оружием, так и гранатомётами. Увидев нас, они очень обрадовались. По их лицам было видно, что они очень устали и не спали несколько ночей.

Командир нашей группы распределил и направил солдат к воротам и бетонному столбу. Старая группа отступила назад, так как от голода и усталости была уже не в состоянии вести бой. Как оказалось, мелкие группы проникли вглубь таможни, эти же ребята оставались, чтобы не дать иракцам выбраться за пределы порта.

Нас командир усадил у стены и поручил передавать снаряды от гранатомёта ребятам, находившимся наверху и вдоль стены. Густые деревья с той стороны стены укрывали бойцов от обзора иракцев. Они спали там, иногда перебегали, сменяя свою позицию, чтобы противник не мог определить их местонахождение.

Мы в это время, как нам и поручили, стали передавать снаряды гранатомётчикам, осторожно пробегая вдоль стен. Как только выстрелит один снаряд, мы тут же передавали другой. Мы находились под плотным огнём. Когда бойцы получали ранения, мы с Саадатом перевязывали им поверхностные раны, оказывая первоочередную помощь.

Так как бойцов не хватало, нас тоже попросили стрелять из оружия. Но, не видя оружия, я спросила, где достать патроны и снаряды, нам показали в сторону окопа. Достав боеприпасы и зарядив винтовку, я побежала к колонне между створками ворот и, схватившись за мешки с песком, прыгнула в окоп.

Тут же надо мной встал солдат с гранатомётом и, возмущившись моим поступком, побежал дальше.

Но, только он ступил на рельс, как вдруг раздался взрыв. Всё взлетело вверх. Разорвался и гранатомёт со снарядом, который он держал в руках. Я вздрогнула от увиденной сцены. Всё вокруг стало красным. Запах пороха, дыма и крови перемешались в воздухе. Мне стало плохо от вида останков этого бойца.

У меня теперь мозг совсем отключился, и я совсем ничего не соображала. Осматривая разбросанные везде трупы, я вдруг заметила один, внешне похожий на моего отца. Много в этом погибшем напоминало его: вытянутое лицо, соединившиеся брови и особенно волосы.

Нервы у всех были на пределе. Огонь после взрыва усилился. В такой обстановке я себя почувствовала слабой женщиной и не знала, куда себя деть. Я не могла встать с места и почувствовала сильную слабость. Но чувствовала, что никак не могу вернуться. Ведь я сюда пришла помочь.

Тем временем, Саадат и другая девушка бежали везде, помогая раненым. Я удивлялась, почему я не помогаю им. И тут поняла, что контужена. Уши у меня заложило, и я не могла встать. Саадат подошёл ко мне с раненой рукой, и я никак не смогла перевязать ему её. Тут он воскликнул:

– Сестра Хосейни, вы тоже ранены! Ваша поясница вся в крови.

Руками я почувствовала кровь и начала паниковать, испугавшись, что мне придётся вернуться.

– Что мне делать? Я не хочу возвращаться, – сказала я Саадату.

– Видимо нам всем придётся уйти отсюда, так как все ранены, – ответил он и отошёл от меня. Я слышала, как один был тяжело ранен, и доктор кричал:

– Быстрее! Надо его поскорее отвезти в больницу.

Не в состоянии встать, я, тем не менее, попросила доктора оставить меня здесь, перевязав на месте, объяснив, что не чувствую боли. Но мне сказали, что рана серьёзная.

По радиации радист передавал, что ранено пятнадцать-шестнадцать человек, и все находятся в тяжёлом состоянии. Не слушая мои возражения, меня поволокли по земле, и тут раздался очередной взрыв. У меня из рук слетела винтовка. Я пыталась схватить её, но безрезультатно. Тем временем, взрыв был такой силы, что все долгое время лежали ничком на земле.

Я вспомнила своё детство, когда мы вернулись из Ирака. Потом мы в порту встречали отца, которого год не видели. В голове витали всякие мысли, что я вижу отца, потом разговариваю со всеми родственниками.

Как только утих огонь, меня уложили на носилки и понесли вместе со всеми дальше. Всё это время я думала, только бы не пришлось ампутировать мне какую-либо часть тела.

Подъехала скорая в искорёженном состоянии, с разбитыми стёклами и нас уложили в неё. Нас сперва привезли в клинику Шейбани. Наджар подошёл ко мне и сказал, что рана у меня серьёзная и потом нас решили отвезти в больницу. Нас довезли до роддома. Несколько раненых по дороге умерли и их сразу отвезли в морг.

С этого момента я уже ничего не понимала. Раскрыв глаза, я увидела над собой Захрэ Фархади. Привязав к моей руке капельницу, она смотрела наверх. На лице её была видна обеспокоенность.

– Болит? – спросила она.

– Нет, – ответила я.

Врач-рентгенолог сказал, что внешне у меня всё целое, но необходимо сделать снимок. Потом привезли аппарат и сделали несколько снимков с разных ракурсов. Мне вкололи беталин и сделали перевязку. Я была уверена, что пролежу не более двух-трёх дней. Но при этом у меня сильнее начинала кровоточить рана. И ответ на вопрос, не болит ли она, я всем говорила, что нет, но не чувствую при этом ничего, кроме тяжести в ногах.

Когда стемнело и все ушли, я мысленно, без омовения, прочитала намерение и совершила намаз. Так я пролежала несколько дней в больнице, вспоминая своё прошлое и общаясь с девушками, навещавшими меня.

Однажды пришёл Хосейн и сказал, что врач принял решение вывезти меня из Хорремшахра в безопасное место в другой город. Сколько я ни умоляла потом доктора оставить меня здесь, было бесполезно.

Вскоре подъехал пикап и меня, подняв, переложили туда. Прощаясь с ребятами, я разразилась слезами и попросила позаботиться о сумке Али. Девчата тоже расплакались, сочувствуя мне и высказывая наилучшие пожелания. Зейнаб и Лейла сели со мной в пикап. Нас также сопровождали Хосейн с двумя ребятами, одного из которых звали Халил Моави, возможно брат Абдоллы. Последний сел на крышу пикапа, остальные двое стояли по углам. Зейнаб уложила мою голову себе на ноги и укрыла меня простынёй.

Машина тронулась, и я с сожалением наблюдала, как проезжала мимо Центральной мечети, площади Фармандари и остальных разрушенных домов и улиц. Я думала о том, что те, кто захотел отправить меня из города, сами из других краёв и не понимали, что я сейчас испытываю. Словно весь город превратился в глаза и смотрел вслед за мной.

Проехав мост, я почувствовала, будто все двери за мной закрылись и уже начинала верить, что действительно нахожусь в пути. Слыша взрывы, артиллерийские снаряды и бомбы, падавшие с самолёта, я надеялась, что и в меня попадут, и всё это, наконец, закончится. Мы проехали больницу «Талегани», потом подъехали ко въезду в Абадан. Зейнаб, чувствуя, что мне больно, попросила медсестру, сопровождавшую нас, сделать мне обезболивающий укол. Но та сказала, что мне уже делали инъекцию недавно и сейчас нельзя.

Въехав в город, я окончательно убедилась, что больше не вернусь обратно. Напротив, я видела людей, как они выезжали из Абадана. Все шли с котомками, с безнадёжностью в лице покидая родные места. Дети плакали. Так как машина ехала медленно, чтобы не причинить мне вред при сильной

тряске, они просили нас забрать их в машину. Но, увидев раненых, тут же отступали.

Вдруг над нами появились истребители и полетели так низко, что их тени оказались у нас над головами. Люди стали кричать и бежать во все стороны. Я слышала, как Хосейну говорили: «У тебя оружие, стреляй в них». Но в ответ на их стрельбу самолёт обстрелял нас из пулемёта. Один кричал: «Стреляй, стреляй! Ты попадёшь в него!» Другой сказал: «Оставь, бесполезно».

Водитель, пытаясь увернуться от пуль, поднял скорость и доехав до одного из углов задний, остановился. Люди в панике кричали и стонали от взрывов бомб и рёва летающих над ними истребителей, заполонивших собой всё небо. От этой сцены мне стало хуже, и я расплакалась, думая о том, что наверняка Лейла хочет вернуться в Хорремшахр, но я ведь не должна оставлять её там одну. Наконец, я ушла в небытие и заснула.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Глава двадцать девятая

Неизвестно, сколько времени прошло, когда я проснулась с криками, поняв, что доехала до больницы Махшахра. Пикап остановился перед старым кирпичным зданием. Меня уложили на носилки, которые двое здоровых мужчин быстро понесли в операционную. Зейнаб и Лейлу оставили за дверью. Я слышала, как Зейнаб говорила:

– Ступай, мать. Теперь ты в руках Всевышнего. Когда вынут этот осколок, тебе станет лучше.

В комнате, где все были одеты в зелёное, и горели большие яркие лампы, медсестра накинула на меня операционную одежду и сказала:

– Сейчас тебя осмотрят и примут решение об операции.

Потом она представила врачей, находившихся в комнате: нейрохирурга, ортопеда и общего хирурга. Прежде чем омыть мне рану, врачи просмотрели снимки моей поясницы, сделанные в роддоме Хорремшахра и больнице Нефтяной компании, и стали между собой переговариваться.

Потом они осмотрели мои ноги, после чего в колено, ступню и голень ввели мне иглы. Мне не было больно, но было ощущение, что-то там есть. Многие были совсем непонятно. Я слабо чувствовала пальцы правой ноги в то время, как другая нога была в порядке. Потом мне обвязали рану.

– Рана у тебя очень маленькая, но чувствительная, – сказал председатель консилиума. – Лучше тебя отвезти в какой-нибудь большой город: Тегеран или Шираз.

Потом он спросил меня о моменте ранения и о том, что было до этого за несколько дней. Я полностью рассказала ему обо всём. Консилиум начал вести обсуждение. Я мало что поняла из их разговора, насыщенного

медицинскими терминами. Единственное, что было понятно, – это то, что моя рана очень серьёзная. Когда они закончили обсуждение, я спросила:

– Доктор, я скоро выздоровею?

Подумав, что я испугалась, он сказал:

Скоро пойдёшь на поправку. Надо только поехать к другим врачам, чтобы они могли осмотреть тебя и принять решение. Мы не можем здесь оперировать такое сложное ранение. Там они решат, надо вообще делать операцию или нет.

В два-три часа после обеда меня вывели из операционной. Ребята, ждавшие в это время меня у двери, пошли вслед за моими носилками. Мы вошли в отделение, которое от угла до угла было заполнено койками, на которых лежали раненые. Места не оказалось и меня пришлось положить вместе с носилками на землю после чего ребята меня окружили. Зейнаб я среди них не увидела. Я подумала, что она уехала обратно в Хорремшахр минут пятнадцать-двадцать назад. Пока разговаривала с ребятами, я слышала, как жена дяди Надали говорила:

– Нади, иди сюда.

Они подошли ко мне. Я невольно разрыдалась и обняла их. Дядина жена с беспокойством спросила:

– Девочка моя, что это с тобой произошло? Почему ты не приехала с матерью? Разве хорошо теперь, когда такая беда стряслась с тобой?! В чём мать виновата? Ей итак нелегко. Что с ней будет, когда увидит тебя в таком состоянии?

Дядя был не в себе и не проронил ни слова. Казалось, будто и он рыдал. Дядина жена интересовалась новостями из Хорремшахра.

– По радио не говорят, куда дошли иракцы, – говорила она.

Мы разговорились, как вошла Да, сразу заметившая меня, лежавшую прямо перед дверью. У меня тут же застучало сердце от волнения и от мысли, что она сейчас спросит: «Где Али?»

Я бы не смогла ничего ответить в тот момент и молила Всевышнего о том, чтобы она не спросила о нём. Непонятно, как она узнала, что я здесь. Только бы она не догадалась, что я ранена.

Я переживала, что она могла меня не пустить обратно в Хорремшахр. С другой стороны, я очень соскучилась по ней и в этот момент мне хотелось, чтобы мы остались с ней в комнате наедине, и я, разрыдавшись, прижалась к ней, рассказав ей о всех перенесённых мною тяготах. С того самого момента, как увидела Али, как его забрала из больницы и похоронила его. Рассказав это, я, быть может, сняла бы какую-то часть груза с души. Всё моё нутро хотело высказаться, но надо было молчать. Даже дяде Надали, всё время спрашивавшему об Али, я ничего не рассказала.

Да целовала и гладила меня, как это было в детстве. Я очень быстро выросла, а так как у неё всегда были маленькие дети, то она уже не могла мне уделять столько внимания как прежде. У неё на это просто не было времени. Когда же я болела, она вновь начинала заботиться обо мне со всей своей добротой и лаской, что доставляло мне удовольствие. Именно поэтому в такие моменты мне совсем не хотелось выздоравливать. Но только не сейчас. От мысли, что она не даст мне вернуться, я резким тоном спросила:

– Кто вам сообщил? Зачем вы рассказали, что я здесь?

Все молчали. Я обратилась к Да:

– Откуда ты узнала, что я здесь? Кто тебе сказал приходить сюда?

Тут я услышала голос Зейнаб:

– Ты что?! Это твоя мать! Она должна знать, что произошло с её ребёнком.

– Что произошло со мной? Со мной ничего не случилось. Я здоровее вас всех.

Зейнаб рассмеялась и ответила:

– Да ты права. Ещё и нас возьмёшь в подмышки и отправишься в путь.

Да, вспыхив, сказала:

– Да чтоб тебе пусто было. Ты что безродная, чтобы быть предоставленной самой себе? Ты думаешь, если я далеко от тебя, то ничего о тебе не узнаю? Каждого, кто приезжал из Хорремшахра, я спрашивала о тебе. Видел ли кто моего ребёнка. Вы совсем обо мне не думаете. Совсем истерзали мне душу. Что отец, что Али, что ты. Почему я должна так страдать?

Когда она произнесла имя Али, я ту же постаралась сменить тему и начала смеяться. Её это ещё больше разозлило:

– Смотри на неё. Она ещё смеётся в такой обстановке. Как будто у неё свадьба.

После этих слов она начала плакать. Мне стало её жалко, и я сказала:

– Да, почему плачешь? Со мной же ничего не случилось? Всего лишь мелкая царапина. Через пару дней я пойду на поправку и вернусь в Хорремшахр.

От слов о возвращении она ещё больше разозлилась и в слезах сказала:

– Умоляю тебя, если ты хоть шаг отсюда сделаешь, я не знаю, что сделаю.

Дядя попытался успокоить её. Зейнаб тоже добавила:

– За них не беспокойся. Они стоят на ногах крепче любого мужчины. Они в состоянии справиться с любой работой. Поэтому ты не должна за них переживать.

После слов Зейнаб Да как будто успокоилась. Она словно поверила, что я всего лишь ранена и не надо об этом слишком много думать. Сев рядом со мной, она обняла меня за голову и поцеловала.

– Вы же говорили, что она в руку ранена, почему же она лежит? – спросила она.

– Она и в поясницу ранена, – ответили все.

– Что ты с собой творишь? – начала она рыдать. – Хочешь совсем довести свою мать? А если тебя хватит паралич, что я тогда буду делать?

– Не бойся. Ты меня ещё не знаешь. Со мной ничего не случится, – сказала я.

– Да, знаю. Ты джинн. Тебя никакая беда не возьмёт, – шутя, ответила она.

Потом мать встала, подошла к Лейле, которая всё это время плакала, и обняла её, отдавая ей всю материнскую любовь.

Целуя исхудавшую за всё это время Лейлу, Да причитала:

– Ты посмотри, до чего ты довела себя. Не ела, что ли, совсем? Совсем истощилась.

Она и сама сильно исхудала. Это была уже не та весёлая и жизнерадостная Да. Теперь она была очень тихой и спокойной, и лицо её было измучено большим горем. Теперь у неё уже не было тех сил, чтобы вести себя с нами как прежде. Видя Лейлу, я боялась, что та проболтается о смерти Али. В таком состоянии матери нельзя было говорить, что Али больше с нами нет.

Обстановка несколько разрядилась, когда вошли господин Бахрам-заде со своей женой. В этот момент Да перестала плакать. Бахрам-заде был удивительным человеком. Он с таким уважением и почтением благодарил нас, что нам становилось неудобно. Поздоровавшись с дядей, они пошли искать врачей. Те сказали: «Вашего раненого надо отправить, но сейчас нет вертолёта. Поэтому она пока останется. Может, мы её к ночи отправим».

Уже целый час вокруг меня были люди, и мне уже захотелось спать. Всё-таки обезболивающие и успокоительные средства подействовали. Но пока Да и остальные были рядом, я не могла заснуть. Поинтересовавшись насчёт детей, я спросила у Да:

– Как у них теперь с учёбой вопрос решился?

– Никак. У них сейчас каникулы. Здесь тоже ведётся бомбёжка, – ответила она, потом спросила:

– Захра, почему Али нет с вами. Он в курсе, что ты ранена?

Я стала думать, что ответить. Тут на помощь подоспела Зейнаб и сказала:

– Не волнуйся за Али. Он находится в очень хорошем и удобном месте.

Я взглядом поблагодарила её. Но Да почувствовала что-то неладное, и я боялась спросить её о чём-либо. Заговорив с женой дяди, я хотела отвлечь мать от мыслей об Али. Потом подошла медсестра и попросила всех освободить палату. Бахрам-заде, дядя, Хосейн Эйди и остальные попрощались со мной и ушли. Но Да не унималась, ей хотелось остаться со мной. Лейла очень старалась уговорить её уйти.

– Для чего ты собираешься здесь оставаться? – спросила она. – От тебя сейчас ничего не зависит. В крайнем случае я буду рядом и присмотрю за ней. Ты же сама видишь, что никому не разрешают здесь оставаться.

Когда мать ушла, Зейнаб, оставшись со мной и приложив голову к моей голове, сказала:

– Бедная, сколько ты бегала, стараясь уложить раненых. Сколько они просили тебя отпустить их прямо с клиники, но ты настаивала. Теперь ты сама попала в больницу.

– Я была неправа. Теперь не буду так делать. Ведь мы сами говорили, что им надо в больницу.

– Ты прекрати эти разговоры. Ты хочешь выздороветь или умереть? Тебе надо оставаться в больнице.

Потом, сделав паузу, Зейнаб спросила:

– Захра, до каких пор ты собираешься скрывать от Да смерть Али?

– Пока не буду говорить. Потом решу. Сперва мне самой надо встать на ноги, – ответила я.

– Видит бог, как я готова умереть ради твоей матери. Когда я её провожала, она всю дорогу просила меня сообщить, как только что-нибудь случится с её детьми, и забрать её с собою в Хорремшахр, чтобы увидеться с вами.

– И что ты ей рассказала?

– Я сказала, что, слава Аллаху, ничего страшного не случилось, и всё хорошо. Но, Захра, согласись: ей очень тяжело. Для меня самой эти два часа тяжело прошли. Столько вопросов у неё было ко мне. Да поможет тебе Всевышний. Что ты дальше планируешь с ней делать?

– Не знаю, – ответила я, помотав головой.

– На всё воля Всевышнего. Если тебе без разницы, я могу пойти. Если будем опаздывать, на машине доберёмся. Если тебе нечего будет сказать друзьям, я скажу.

Я еле сдерживала себя, чтобы не расплакаться. Зейнаб начала меня целовать. Но слёзы у меня всё-таки потекли, и я разрыдалась.

– Захра, я уезжаю и неизвестно, увидимся ли мы вновь, – сказала она.

Потом, смеясь, добавила:

– Может, я поеду, чтобы стать шахидкой. Но где шахиды, где я?! А может, те из них, кого мы похоронили, заступятся за нас перед Всевышним, чтобы он снял с нас грехи и принял нас у своих врат как шахидов. И ты меня не забывай, если вдруг станешь шахидкой. Меня сразу вспомни.

– Будь уверена, я не погибну, пока ты будешь в Хорремшахре, – ответила я ей.

– Будь уверена, погибнуть можно не только в Хорремшахре, но и в любом другом месте в Иране, – продолжала шутить Зейнаб. – Ладно, я пойду и узнаю насчёт хлеба, сыра и арбуза.

Я её всё не хотела отпускать, чувствуя боль от ощущения, что можем больше не увидеться. Потом в слезах и с вымученной улыбкой продолжила:

– Ты мне всё это время заменяла мать. И за Лейлой присматривала. Мы очень много хлопот тебе доставили.

– Да ничего я такого не сделала. Вы сами были в состоянии присмотреть за собой. Вы и мне скрасили одиночество, которое я испытывала, находясь вдали от своей дочери. И помни, твои отец и брат наблюдают оттуда за тобой.

– Если так, то почему они не помогают?

– Не говори так. На всё воля Всевышнего.

Наконец, она поцеловала меня всю в расстроенных чувствах, и я закрыла лицо руками, чтобы не видеть её, пока не уйдёт. С её уходом я почувствовала ужасное одиночество, при этом задаваясь вопросом: «Почему Зейнаб с такой радостью уходит, словно порхая?!» Задавая этот вопрос, я никак не могла заснуть.

В полночь пришла медсестра и сделала мне укол, потом нанесла на рану суфальгин и сменила повязку. К утру пришли другие медсёстры и сказали подготовиться тем, кто должен лететь на вертолёт. Все откликнулись кроме меня. Удивившись, одна из них меня спросила:

– Разве ты тоже не летишь? Почему молчишь?

Не зная, что ответить, я сказала:

– Со мной никого нет.

– Так ничего страшного. Их сопровождение не требуется.

– Моя семья должна знать, куда меня отправили.

– Потом сообщишь им как-нибудь.

Я, отпираясь, ни за что не соглашалась, сказав, что полечу следующим рейсом. Наконец, медсёстры сдались, и я с облегчением стала слушать, как вертолёт улетает. Потом вдруг пришли дядя и Бахрам-заде. Оказывается, медсёстры сообщили им, что я отказываюсь лететь. Дядя начал объяснять, что может быть заражение, и я должна была обязательно лететь. Тем временем Бахрам-заде пошёл искать врачей, чтобы узнать, когда будет следующий вертолёт. Медсёстры ему отвечали, что неизвестно когда. Врачи тоже никак не приходили.

Я, тем временем, умирала от голода, и кроме укола ничего больше не получила. У меня тело всё опухло, внизу ощущалась тяжесть, но ног своих я не чувствовала. Желая помочь, медсёстры предложили поставить мне катетер, но я отказалась.

Чтобы снять отёки, они безуспешно пытались сделать мне укол в вену. Наконец, и от этого я отказалась, что их уже серьёзно раздражало. Ночь я уже мучилась, доставая беспокойство и медсёстрам, и другим больным.

Каково же было удивление врача, когда он утром пришёл и увидел, что я всё ещё в больнице.

– Почему она до сих пор здесь? – спросил он медсестёр.

– Сама не захотела, – ответили они.

– Тогда почему катетер не ввели?

– Не дала ввести.

Тут он обратился ко мне:

– Зачем ты мне мешаешь лечить тебя?

Я ничего не ответила.

– Если позволите, мы заберём её домой, – сказал дядя.

– В таком случае ей надо вовремя давать лекарство, вовремя делать уколы. Только из-за того, что тут грязно, я согласен на это. У вас есть кому присмотреть за ней и делать всё это? – спросил врач.

– Да, – ответил Бахрам-заде. – Одна из наших родственниц работает медсестрой и сможет приходить, делать ей уколы.

Пока он забирал лекарства, пришли Да и Лейла. Видя моё состояние, мать начала плакать. Потом стала говорить, что скучает по Али. Пытаясь её успокоить, я сама хотела, чтобы она обняла меня и не отпускала. Я знала, как её успокоить. Ещё с детства я научилась в разговоре с ней менять тему.

Доехав до дома Бахрам-заде, я сказала, что не хочу заходить туда на носилках и попросила придерживать меня руками. Я чувствовала неимоверную боль в теле.

В дом Бахрам-заде приходило много его родственников из Абадана и Хорремшахра. Среди них был парень по имени Саид¹, служивший в Гвардии и заезжавший к ним часто, чтобы поздороваться. Он сказал, что знает Али.

¹ Потом стал шахидом.

У меня сердце вздрогнуло. Я испугалась, что он может проболтаться Да, которая из любви к Али и Гвардии стала его обо всём расспрашивать. К счастью, он ничего не рассказал о его гибели.

Мы вошли в дом. Там в углу сидела убитая горем женщина, которая стала проклинать Саддама, погубившего много молодых жизней. Бахрам-заде рассказал, что её сын пропал без вести, и ничего о нём не известно. По этой причине она испытывает душевное расстройство.

Я стала нервничать из-за состояния женщины и большого количества людей, находившихся в доме. Марьям-ханум, жена Бахрам-заде, отвела нас в комнату. Там меня уложили животом на матрац. Потом зашли женщины и стали расспрашивать обо всём. Бахрам-заде потом попросил их оставить нас и дать отдохнуть.

Я попросила остаться со мной Да, собирающуюся вернуться к детям. Я её спросила, где они находятся. Она, готовая вот-вот расплакаться, ответила:

– В лагере для беженцев.

– Я искала вас в Сарбандаре и Махшахре, но не смогла найти, несмотря на все усилия, – сказала я ей.

– Я вас очень ждала. Даже дяде Голями сообщила, что мы находимся в лагере.

– Дядя, будучи работником городской администрации, возвращался потом за своей семьёй в Хорремшахр. Но я его так и не увидела.

– Ладно. Мне надо вернуться к детям, а то они находятся без присмотра сейчас.

– Что значит «остались без присмотра»? Да, сейчас они в руках Всевышнего.

Когда я начала расспрашивать её о детях, она стала жаловаться на них:

– Зейнаб стала капризничать без отца. Она стала очень упрямой и мучает меня.

После того как она ушла, мы с Лейлой остались одни в комнате. Я уже давно не была в одном доме с семьёй. И теперь мне было хорошо. Чтобы

снять усталость, я легла набок. Лейла стала уговаривать, чтобы лежала на животе.

– Я устала, – ответила я ей. – Оставь меня в покое. Мне сейчас хорошо.

Потом мы стали говорить о Хорремшахре. Оттуда не было никаких новостей. Ситуация с войной была непонятной. Больше всего нас беспокоило то, до какого района города продвинулись иракцы. Какова дальнейшая судьба Абдоллы Моави: выжил он или нет? В его состоянии более вероятным было второе, только мы не осмеливались это произнести. У меня душа кипела из-за Хорремшахры. Мне казалось, что я уже много лет не видела отца и Али, и мечтала увидеть их сон и успокаивать их.

Потом пришла медсестра – родственница Бахрам-заде – и сделала мне укол. Она была очень доброй и обходительной женщиной. После чего жена Бахрам-заде принесла мне воды, и я, умывшись, сделала омовение и совершила намаз. Потом поела фруктов, вспоминая о Мансуре, Хасане и Саиде, которые до сих пор находятся в клинике и, наверное, не всегда нормально питаются.

Мы оставались в доме Бахрам-заде около пяти-шести дней. Он дал больнице свой номер телефона, чтобы те сообщили, когда прилетит следующий вертолёт. Он и сам периодически им названивал. Его жена целиком занималась мной и не давала Лейле работать по дому, чтобы та находилась только рядом со мной. Она также следила, чтобы я вовремя принимала лекарства. Приносила и забирала еду, которую очень вкусно готовила. Я с удовольствием ела, но начинала плакать, вспоминая ребят. Потом она приносила таз с водой и вместе с Лейлой протирала меня смоченной в воде тряпкой. Мне конечно было стыдно, но у меня не было выхода, и я всё молча принимала.

Семья Бахрам-заде, как и он сам, была очень дисциплинированная и аккуратная. Они, можно сказать, воздвигли над нами памятник. С одной стороны, их вера в сейидов и, с другой стороны, гибель отца и наша деятельность в Хорремшахре были причиной того уважительного

отношения, которое они оказывали. Нам с Лейлой из-за этого становилось очень неудобно.

Медсестра приходила постоянно, но из-за того, что у неё были смены, она научила Лейлу делать инъекции, а также под её руководством делать мне на ноги массаж. Хотя она и боялась задеть мне спинной мозг, но постепенно я всё же чувствовала себя лучше. Постепенно отёки проходили и становилось понятно, насколько я похудела и истощилась, что, когда Да приходила с пятилетней Зейнаб, ребёнок не узнавал меня и, спрятавшись за матерью, боялся подходить. Завидев её, я говорила:

– Подойди, Зейнаб, я Захра.

Она взглянула на меня и снова спряталась. Лейла обняла её, чтобы снять с неё испуг и успокоить, и только потом та улыбнулась и прильнула ко мне. Я стала её гладить и целовать, а она, тем временем, говорила: «Я очень соскучилась по тебе. Где ты была? Почему нас отправила, а сама осталась в Хорремшахре? Мы бы с тобой остались там. Когда мы вернёмся домой? Я уже устала? Когда отец приедет?»

Что бы я ей ни отвечала, она задавала другой вопрос. Зейнаб и сама похудела. Видно было, что она очень переживала, и настроение было подавленное. Волосы были взъерошены, а руки покрыты мозолями. Помню, отец всегда покупал ей новую одежду, и она ходила как невеста. Теперь же она потеряла форму и выцвела. Хуже всего выглядели волосы, которые выглядели как грубый холщовый мешок. Пока Зейнаб плакала, я целовала ей руки и говорила Да:

– Почему она в таком состоянии? Почему такая грязная? Посмотри на её огрубевшие мозолистые руки.

– А я что могла сделать? – ответила она. – Воды нет. Только один раз мне удалось её отвести в баню. Тебе легко говорить. Мне самой это невыносимо терпеть.

Я пожалела о своих словах. Она действительно делала, что могла в таких условиях. Даже если она живёт в надежде, что Али ещё жив, то всё

равно надломлена смертью отца. Она очень любила его, хотя виду не показывала.

Потом она отогнала Зейнаб, продолжавшую прижиматься ко мне:

– Отойди от своей сестры. Ей пуля в поясницу попала. Ты делаешь ей больно.

– Как тебе туда пуля попала? – удивлённо спросила Зейнаб.

– Это снаряд разорвался недалеко, а его осколок попал в меня.

Потом, чтобы отвлечь её, я спросила:

– Ну как тебе в лагере? Ты нашла себе подружку?

– Я играю с детьми, но не дружу с ними, – ответила она.

Наконец, через пару часов они ушли, из-за чего Зейнаб стала плакать и просить остаться со мной. Но, не желая лишний раз докучать семье Бахрам-заде, Да забрала её с собой.

После их ухода я тоже расплакалась. Я всё время переживала, что мы доставляем много неудобств Бахрам-заде и его семье, и это не давало мне покоя. Я всё время спрашивала, есть ли новости с больницы. Но никаких новостей не было. При этом умоляла Всевышнего вернуть меня в Хорремшахр.

Однажды Лейла спросила:

– Ты помнишь Эсмаила Сабари, которого мы хоронили в Джаннатабаде?

– Да, – ответила я.

– Так вот, его брат Эбрахим был с нами в «Сентабе» и тяжело ранен там. Ему раздробило челюсть. Я уже думала, как позвать помощь, чтобы спасти его, как вдруг вижу, подъезжает «Джип» со стороны гарнизонной крепости, машу рукой, показываю на Сабари, чтобы остановились. Но они пролетают мимо, и я крикнула им вслед: «Вы бессовестные. Не видите, тут раненому надо помочь». Не успела я это договорить, вижу с той же стороны идут ещё солдаты. Надеюсь, что они помогут, но тут вернулся тот самый «Джип», и ребята, спрыгнув с него, быстро подняли Эбрахима и крикнули:

– Быстро прыгайте к нам, на той стороне за нами сплошь одни иракские солдаты.

Я была в шоке от рассказанного, подумав, что было бы, если бы они забрали с собой Лейлу. Потом спросила:

– И что дальше?

– Ничего. Сразу за нами появилась иракская машина. Слава Аллаху, ребята меня забрали, иначе попала бы в плен. Повезло, что и Зейнаб не было в тот момент в Джаннатабаде¹.

Едва сдерживая себя, я сказала:

– Если бы ты попала в плен, что бы я делала?

– Ничего. Как и с остальными. Баасисты не смотрят, кто им там попадает в руки.

– Всё, достаточно. Хватит, – отрезала я.

Взяв её за руку, я стала сжимать её. Я не знаю, что бы со мной произошло, если бы это случилось. Что бы я ответила Да? Отец поручил мне Лейлу, я бы и её не сберегла. Слава Аллаху, что он пожалел меня, и Лейла сейчас здесь.

Лейла, видя моё состояние, рассмеялась:

– Зачем ты сейчас так переживаешь? Ничего же не случилось, и я здесь.

Но я никак не могла успокоиться и всё время трогала её и её одежду, чтобы убедиться, что она рядом. Когда она спала, я плакала, осознавая, что могла потерять сестру вслед за отцом и братом. Так проходили дни в доме Бахрам-заде. Я стала выздоравливать. Опухоль с ног спадала, и я могла ходить с посторонней помощью. Наконец, однажды, когда опять в доме было много людей, я сказала дяде забрать нас отсюда.

¹ Потом мы долго искали Зейнаб Рудбари – женщину, в то тяжелое время заменившую нам мать. Один из защитников Хорремшахра уверенно рассказывал, что Зейнаб до последних дней оставалась в городе и была тяжело ранена. Потом её отправили в Тегеран, но в больнице она умирает. Её похоронили там же на кладбище «Бехешт-Захра». Я долго искала её во всех списках администрации «Бехешт-Захры, но ни в старых из них, ни в компьютерной базе данных, нигде я её имя не нашла. Не нашла я в Хорремшахре ни её мужа, ни её дочь Марьям. Я везде искала и всё время думала о ней, скучая по той, которая, внешне была омывальной, но только Всевышний знает, кем она была на самом деле.

Бахрам-заде никак не соглашался отпустить меня. Но где-то через неделю дядя приехал за мной на машине и отвёз в лагерь, который находился в пятнадцати-двадцати минутах от Сарбандара. Лагерь «В» был предназначен для японских, китайских и корейских рабочих нефтехимической компании. Как только началась война, они уехали оттуда, и туда заселили беженцев.

Дядя поместил дорожную кровать в пристройке и уложил меня там. Я стала чувствовать себя лучше на свежем воздухе, испытывая, правда, при этом некоторое смущение. Через несколько минут подошла Да с детьми. Зейнаб тут же подбежала ко мне, а мальчики, испытывая смущение, стояли немного в сторонке. Я их подзвала к себе и разговорилась, обмениваясь шутками.

К обеду приехал Бахрам-заде и сообщил, что звонили из больницы, сказали: вертолёт прилетел. Но я, несмотря на уговоры его и дяди, снова отказалась, от чего они были сильно раздосадованы. Видя столько тяжёлых раненых, некоторые из которых лежали в коме, я считала, что не так сильно ранена, чтобы лишать возможности полететь тем, кому это больше надо.

В ту же ночь у меня снова усилилась боль. Видимо рана начинала гнить. Дядя сообщил в скорую лагеря. Он бедный обрадовался, полагая, что меня заберут в Махшахр и сразу согласился не ехать со мной. Врач быстро осмотрел меня и тут же выписал направление в больницу Ширази. В скорой помимо меня с трудом разместилась семья, в которой все были ранены. В одном месте скорая остановилась, и доктор Мостафави, сопровождавший нас, купил и раздал нам еду. В это время местным зевакам, заглядывавшим внутрь машины, чтобы разглядеть нас, он говорил: «Посмотрите, какие лишения терпят люди в Хорремшахре, чтобы защитить нас всех.

Я слышала, как в одном городе беженцев из Хорремшахра обвиняли в измене, требовали покинуть их город и т.п. Мне было очень горестно слышать такие слова. Люди, столпившиеся вокруг нас, расспрашивали о ситуации в Хорремшахре, некоторые плакали, сочувствуя нам.

До Ширазы мы добирались с большими мучениями. Мне было тяжело так сидеть, я дремала. И, в какой-то момент открыв глаза, я обнаружила себя в больнице. Тут же нас встретили врачи и медсёстры из неотложки и поместили нас в большой комнате, где стали готовить к операции. Здесь, на мой взгляд было очень чисто, и медсёстры были очень добрые. Мне быстро сделали снимок поясницы, потом накинули операционную одежду зелёного цвета. Осматривали меня в основном нейрохирурги. В ногу мне ввели иглу и стали бить по пояснице... Здесь у меня не было анестезии. Я почувствовала, как мои ноги онемели. «Твоя рана начала гнить, и там нельзя делать шов», – сказали мне потом. Я не вникала в то, что мне говорили, только поняла, что речь не идёт об операции и надо узнать мнение доктора Факиха – главврача больницы. Потом начали расспрашивать, как я получила эту рану.

Как мне сказали, ноги мои целы, но возможно задета нервная система и нужно время, чтобы сделать окончательный диагноз. Мне омыли рану, разрезали швы и сделали повязку. Примерно через два часа они позвонили в отделение, и меня перевели туда.

Я уже семь-десять дней лежала в больнице «Намази». Доктор Мостафави, который знал меня ещё с клиники Шейбани, поручил меня и Лейлу медсёстрам отделения. Но мне всё равно было некомфортно в больнице. Раненых было слишком много. Я считала, что для простого лечения больничная койка уже не нужна. Перевязку и уколы антибиотиками можно было делать и за пределами больницы. Но врачи не выписывали меня, объясняя, что сохраняется риск заражения и его надо контролировать.

Со временем я сильнее стала чувствовать боль, а рана увеличилась и продолжила гноиться. Я должна была лежать на животе, так как, повернувшись на бок, я чувствовала, как сильно дрожали ноги. Весь персонал работал раз через несколько дней. Все конечно же устали от того количества раненых, которых привозили из Абадана и Хорремшахра. Мне хотелось встать и узнать от них какие-либо новости. Каждому, кто заглядывал в палату и чьё лицо казалось знакомым я задавала один и тот же

вопрос. Все отвечали коротко и на бегу: иракцы уже очень близко, и город вот-вот падёт.

Когда рассказывали, что иракцы уже взяли город и убивают всех, кто им попадается, я не хотела в это верить. Мне становилось плохо после таких новостей. По ночам я после этого молча плакала. Невозможно было представить, что моя родина, где живут самые дорогие мне люди, попал в руки врагов.

Лейла, видя меня в таком состоянии, сажала в коляску и старалась почаще выводить во двор больницы, где всё кругом было зелено, и росли пальмы. Это единственное, что меня успокаивало. Я вспоминала все улицы города, реку, площадь Фармандари. Всё это теперь казалось для меня чем-то очень далёким.

Однажды я вот также находилась в задумчивом состоянии в больнице, как мимо меня прошёл парень, который, сделав несколько шагов, вернулся и удивлённо спросил:

– Сестра Хосейни, ты ли это?!

– Да, – ответила я. – А вы кто?

– Я из Хорремшахра. Часто вас видел в Центральной мечети. Я очень хорошо знал вашего брата Али.

– Когда ты приехал оттуда? Как там ситуация?

– Уже неделю как. Вы когда приехали?

– Двадцатого мехра¹.

– Слышал, вас ранили. Вам повезло, что не видели, что там происходило. Если б только знали, во что превратили Чехель-Метри. Мясо и мозги детей перемешались с асфальтом. Раненых добивали. Даже тела погибших не жалели, стреляли в них из гранатомёта. Дома все разрушены, даже к мечети не отнеслись с уважением. В общем творилось такое, что можно было назвать кровавой баней.

¹ Двенадцатое октября.

Когда юноша это говорил, у него из глаз текли слёзы. Не смогла себя сдерживать и я, расплакавшись вслед за ним. Он рассказал, что гарнизонная крепость тоже пала, и весь личный состав отступил в Абадан.

– Теперь они хотят его обойти сверху и тоже захватить. В опасном положении находится и Ахваз, так как идёт наступление со стороны гарнизона Хамид. Мы же вынуждены безучастно за этим наблюдать, так как у нас нет ни оружия, ни боеприпасов. В таком положении невозможно воевать.

В его голосе чувствовалась безнадежность. Я пыталась его успокоить, сказав, что с нами Всевышний, и ради него мы продолжим защищаться. В этой войне мы целиком полагаемся на него.

Парень, который, по-видимому, был ранен, немного успокоился и спросил:

– Вы слышали что-нибудь о шейхе Шерифе Гонути?

Тут он совсем изменился в голосе и с тяжким вздохом сказал:

– Шейх принял ужасную смерть.

– В смысле? Как? Что с ним сделали? – спросила я.

– Двадцать четвёртого мехра иракцы дошли до Чехель-Метри. Шейха и ещё несколько человек обстреляли в машине, все были ранены. У одного из парней, что был рядом с шейхом насчитали шестнадцать пуль. Потом иракцы подошли к машине и добились всех. Они вытащили шейха из машины и хотели заставить проклинать Имама. Он конечно не произнёс ни слова. Его стали бить по рту, потом выпустили туда обойму. Так погиб шейх. Его чалму размотали и распустили по улице, крича всем, что убили ещё одного «Хомейни». Ребята, увидевшие эту сцену, были вне себя. В это невозможно было поверить. Они стали истошно рыдать от испытываемого горя.

Через три-четыре дня по радио сообщили о падении Хорремшахра. Голос диктора вещал: «Несмотря на всю отвагу и самоотверженность защитников города, Хуниншахр¹ попадает в руки врага».

¹ В переводе с персидского буквально «Кровавый город» (хунин – кровавый, шахр – город).

Имам, назвав Хорремшахр Хуниншахром, потом сказал: «Я соблезную семьям погибших. Хузестан посвятил себя служению исламу...»

Я уже не могла выдерживать больничную обстановку. Наконец, после долгих уговоров врачи отпустили меня с условием, что буду соблюдать режим и находиться под их наблюдением. Доктор Мостафави предложил переехать к нему домой, где за мной присмотрели бы его мать и сестра. Я конечно не согласилась на его предложение и готова была ехать домой. Но, не имея денег, мы согласились остановиться у него дома, пока не будет попутная скорая, или пока дядя за нами не придет.

Пока я жила у Мостафави, его семья очень обходительно вела себя со мной, оказывая большое уважение и строгий уход. Из больницы регулярно привозили лекарства. После того, как мне стало лучше, мать нашего доктора забрала нас посмотреть мавзолей Шах-Чераг. По дороге я увидела город, живший своей обычной жизнью, война не коснулась Ширази. Да, отца и Али уже не было, но я снова смогла почувствовать тепло семейной жизни.

В мавзолее меня охватило состояние полёта. Я чувствовала невероятное вдохновение. Моя боль значительно уменьшилась. И только, когда стояла, я чувствовала, словно какой-то электрический разряд бьёт мне по пояснице, отчего ноги начинали подкашиваться, и я слегка прихрамывала.

В последний раз, когда мы были в больнице, врачи сказали, что нагноение полностью исчезло, а рана значительно затянулась. Они мне выписали лекарства, и сказали, что теперь могу уходить. Я попросила Мостафави договориться со скорой машиной, что привезла меня в Шираз, отвезти обратно в Махшахр. Но она не ездила туда регулярно. Тогда доктор, не сумев меня уговорить остаться у них, купил нам билеты до Махшахра, и сам поехал с нами, так у него там были дела. С большими мучениями мы ехали в автобусе, страдая от жары. Наконец, мы доехали и, не желая беспокоить мать, я решила сперва зайти к дяде Надали, так как он в такое раннее время уже не спал. Дверь нам открыла его жена. Увидев, что я стою на ногах, они очень обрадовались. Они пригласили и доктора Мостафави

зайти, но тот отказался, сославшись, что у него дела и просто считал долгом довезти меня до дома родных. После этого он попрощался и ушёл.

От радости предвкушения встречи с родными я даже не легла спать, несмотря на свою усталость. Меня сперва навестили родственники жены дяди. Потом кто-то из них сообщил Да. Та пришла ко мне вместе с Зейнаб, которая тут же набросилась на меня.

Из их разговоров я узнала о ситуации в лагере, о том, как им всем трудно приходится там жить в стеснённых условиях и с нехваткой воды. Я потом посетила лагерь «В». Жуткие условия и антисанитария, царившие там, поразили меня. В любой момент беженцев могли поразить инфекционные болезни.

Спустя время Да позвала меня к себе в Сарбандар, чтобы я теперь уже жила с семьёй. Но я не хотела оставаться там, так как боялась увязнуть в повседневных заботах о ней, о детях. У меня были мысли уехать в Абадан. Но Да не отпускала меня, сказав, что я должна дожидаться Али и только потом смогу поехать с ним.

Так моя жизнь в лагере постепенно приходила в естественное русло, и я начала привыкать к его условиям, общаясь с Да и детьми. Иногда на меня вдруг находило какое-то желание, и я выходила за пределы лагеря. Под солнцем я стояла у шоссе, которое вело в Абадан, и размышляла, сколько времени займёт дорога в том направлении и смогу ли я её пройти пешком. Так как рассказывали, что трассу Махшахр-Абадан контролируют иракцы, я подумывала о том, чтобы добраться до Абадана через пустыню. Но это конечно же было невозможно, и это меня злило. В такие минуты Да знала, что нельзя меня беспокоить и надо оставить меня какое-то время в одиночестве. Лейла тоже находилась в подавленном настроении.

Да было ничуть не легче, чем нам. Она всё время вспоминала отца, скучала по Али и ждала его возвращения. В такие моменты я начинала её успокаивать и обнимать, говорила, что приедет Али, и всё наладится. Так я

надеялась вселить в неё успокоение и надежду. Но она только продолжала плакать.

Очень часто, возвращаясь с шоссе, я замечала, как Да беседует с соседями и рассказывает им об отце, какой он человек был, и всё время плакала при этом. Честно говоря, я устала от всей этой обстановки и от постоянного сочувствия, которое соседи выражали матери. Я выражала ей недовольство этим, считая, что она принижает цену героической смерти отца. Она мне ничего не отвечала и внешне была согласна с моими словами. Хотя в душе думала обо всём немного иначе.

Финансовое положение у нас было очень тяжёлое, несмотря на помощь, которую нам оказывал дядя. Постепенно все беженцы в лагере начали выражать недовольство тем, что их тут бросили на произвол судьбы и ничем не помогают. Ни одна структура не занималась беженцами, семьями погибших. Все вынуждены были самостоятельно решать свои проблемы.

Постепенно война приходила и в другие города. Беженцев становилось больше, и они вынуждены были искать себе прибежища в более безопасных местах, там, куда война точно не доберётся.

Так прошло десять дней с того момента, как я прибыла в лагерь, помогая в раздаче еды, одежды беженцам, стараясь участвовать в решении их проблем. И вот однажды приехал Хосейн Таинежад с другими ребятами из Гвардии. Ещё в Хорремшахре я их предупреждала, чтобы не говорили матери о смерти Али. Они были очень недовольны, что им приходится лгать. Вот и на этот раз они сказали Да, что Али занят и потому не смог приехать.

Один день, находясь в палатке помощи, я увидела издалека женщин, помахавших мне руками. Оказалось, это были девчата из клиники Шейбани. От радости я, прихрамывая, помчалась к ним и сразу стала обнимать и целовать их. И, как обычно, Ашраф Фархади, отличавшаяся всегда добрым сердцем, начала рыдать, пуская обильные слёзы.

Чуть поодаль я увидела Абеда Мохаммади и доктора Мостафави. Все они пришли вместе. Мы зашли в дом. Да от вида гостей очень обрадовалась и как обычно спросила:

– Нашего Али не видели? Кого ни спрошу, все, кто приезжает, говорят, что не видели его. Не заходит даже навестить нас.

Потом из термоса, который она привезла с собой из Хорремшахра, разливала чай и шла готовить еду. Потом мы все вышли на улицу и продолжили беседу. Я спросила о новостях, о том, что за время моего отсутствия произошло. Как они рассказывали, двадцать четвёртого числа иракцы дошли до улицы Чехель-Метри, из-за чего нас их оттуда эвакуировали. Больше девушкам возможности оставаться в городе не было.

– А до сих пор где вы были? – спросила я.

– Разъехались по своим семьям, а теперь снова собрались в Абадане, – ответили они.

Потом они рассказали о своих злоключениях в чужом городе, да ещё и без денег. В общем, пока мать готовила обед, они обо всё мне рассказывали и шутили между собой. Меня очень обрадовал их приезд, и я уже была настроена поехать в Абадан. Потом Абед и Мостафави уехали, а мы с девушками продолжали разговаривать, заодно обсуждая способы добраться до Абадана.

Обсуждали всё: получение специальных документов на прохождение по территории военных действий, действия «пятой колонны» и пр. Никто из нас не рассчитывал на помощь ребят из Хорремшахра, которые сейчас расположились в компании «Аби-Ко»¹ на территории Сарбандара. По их словам, враг наступает, и потому ничего нельзя предугадать.

– На территории лагеря есть несколько военных, – сказала я. – Большинство из них я знаю и видела в Хорремшахре, в Центральной мечети. Может они смогут нас прикрепить куда-нибудь.

¹ «Аби-Ко» - импортирующая и экспортирующая компания, связанная с приборами машиностроения. Была вывезена после бомбардировок.

– Лучше начать со штаба командования, – сказали ребята.

Вдруг мать, услышав наш разговор, сказала:

– Я тоже с вами поеду.

Я округлила глаза и спросила:

– Куда ты собралась, Да?

– Я тоже хочу поехать и найти Али.

– Да, а как же дети? Их куда денешь?

Из глаз её полились слёзы, и она вышла из комнаты. Зейнаб, слушавшая нас внимательно, как всегда начала лнуть ко мне, вытянувшись лёжа рядом со мной.

– А где сейчас папа? – спросила она.

Она продолжала расспрашивать о нём, а я рассказывала, как Всевышний его любит, и потому забрал его, чтобы мы не мучились, вспоминая о нём. Я ей говорила всё, чтобы успокоить её.

Мне было тяжело всё объяснять маленькой Зейнаб. Я и себя с трудом сдерживала, чтобы не расплакаться. Видно было, она очень скучала по отцу. И поэтому я старалась контролировать себя, чтобы быть в состоянии успокоить её.

На следующий день утром я, уже окончательно приняв решение, сказала Да, что уезжаю с девушками и неизвестно, когда мы вернёмся. Потом я поручила больше следить за детьми и не оставлять их в лагере без присмотра. Детям я тоже сказала, что уезжаю надолго и чтоб слушались мать. Я их предупредила также, чтобы не общались с незнакомыми людьми.

Зейнаб с вопрошающим взглядом вдруг резко вскочила и, подбежав, обняла меня.

– Почему ты уходишь? – спросила она. – Я буду скучать. Папа ушёл, Али ушёл. Теперь ты и Лейла уходите.

Мне стало не по себе, но я постаралась объяснить ей так, чтобы она не расстроилась:

– Послушай, родная. Нам надо ехать помогать раненым, чтобы их дети не оставались одни.

Оставив её, я подошла к Да и, поцеловав, сказала:

– Будь сильной. Не плачь каждый раз, иначе и дети будут расстраиваться.

Да со слезами на глазах ответила:

– Опять ты меня одну оставляешь на произвол судьбы. Сама уходишь.

Я её стала успокаивать и делать замечания за её такое настроение, после чего поцеловала и, попрощавшись, ушла.

Наконец, мы вышли из лагеря и посетили с девочками «Красный полумесяц», Штаб командования, Гвардию, Морские силы, Штаб по делам беженцев и, в общем, всё, что пришло нам в голову.

Когда мы всем говорили, что хотим попасть в район боевых действий для оказания помощи раненым, нам сразу сказали, что это ребячество. Бесполезно было говорить, что эти самые дети смогли задержать врага.

Наконец, вспомнив, что однажды я была в военном штабе, я всем предложила пойти туда, так как меня там наверняка помнят. Несмотря на наши уговоры, нас туда не пустили.

Тем не менее, нас всё же пропустили в одно из зданий. Там мы увидели спецназовцев, с которыми прежде познакомились в Центральной мечети. На нашу просьбу помочь попасть к членам военного штаба, так как они меня знают, они в ответ засмеялись. Захрэ Фархади, видя, что сейчас вспыхнуло, жестом сдержала меня. Махнув на них рукой, я стала искать других военных.

Но эти ребята не отставали. Зная мои убеждения, они проклинали Имама и всячески провоцировали нас. Тогда я им ответила:

– В отличие от вас, мы находились под пулями и знаем, что это такое.

Они стали вступать с нами в перепалку, заявляя, что мы сдали Хоремшахр. Я в ответ им сказала, что все понимают, что город был сдан не по нашей вине, а из-за предательства. При этом я старалась не называть никаких имён.

Но они продолжали провоцировать меня. Наконец, упрекая их в нападках на Имама, я назвала их приспешниками шахского режима, служившими в жандармерии. Тут несколько человек из них, всплыв, направили на нас оружие.

Наша перепалка привлекла внимание, и нас стали ругать другие спецназовцы за то, что поднимали шум. Эти ребята заявили тем, что задержали изменников. В ответ мы назвали изменниками и трусами их. Тут подошёл человек с серьёзным лицом, видимо офицер. Ему они также сказали, что мы изменники.

Не зная, что ответить, я стала им объяснять ситуацию и зачем мы пришли. Но никто меня не слушал. Наконец, мой взгляд попал на лицо одного из них, который, в отличие от остальных, вёл себя вполне спокойно и, казалось, понимал, что происходит. Я как будто его знала. Меня это успокоило. Придя в себя, я, наконец, расслышала, как офицер говорит, что наши слова угрожают безопасности страны.

– Значит, говорить, что Хорремшах пал – это на пользу стране, а что Банисадр – изменник, это вредит ей, – ответила я.

После этих слов я уже не смогла сдержать себя и расплакалась. Ашраф, видя моё состояние, начала упрекать их:

– Вы не можете с нами так разговаривать и обвинять в измене. Если бы вы только знали, сколько нам довелось пережить и скольким мы помогли, защищая город. Вот эта девушка, на которую вы все напали, своими руками похоронила отца и брата. Она сама только вышла из больницы, так как была ранена.

На этот раз тон офицера снизился, и он пособолезновал мне, добавив:

– Мы прекрасно знаем, что творилось в Хорремшахре, но мы должны сохранять единство, чтобы враг не воспользовался нашими словами.

– Но почему вы это не говорите своим солдатам, которые при этом ещё и обвиняют Имама, – расплакавшись ответила я. – Лучше всех о ситуации осведомлён Джаханара – наш командир. И его ребята должны всем говорить

правду о Хорремшахре. Вы – командир этих ребят, но наш командир – Джаханара. И я буду выполнять его приказы.

После этих обжигающих душу слов Ашраф, Захрэ, Сабах и Лейла тоже расплакались. При этом все успокоились и стали спокойно разговаривать.

В этот момент тот самый человек со спокойным лицом и в привлекательных блестящих очках вышел вперёд и, улыбаясь, спросил:

– Сёстры, вы до какого момента находились в Хорремшахре?

Тут ребята ответили:

– Они были там почти до самого последнего дня.

– Вы были с ними? – спросил он меня.

– Нет, – ответила я.

– И когда вы выехали из Хорремшахра?

– Меня оттуда забрали двадцать второго числа.

– Вы были ранены?

– Да, двадцатого числа, в боях в таможне Хорремшахра.

Он очень удивился, восхитившись моей историей, и, похвалив, сказал:

– Похвально. Вы очень обрадовали сердце Имама. Но ситуация на войне теперь несколько улучшилась, и вам лучше быть рядом со своей семьёй и не попадать в зону боевых действий.

Ребята начали с ним спорить, что хотят продолжать помогать своей стране. На это он отвечал, что и здесь работы вдоволь, и они тут смогут проявить себя. Потом он обратился к солдатам, объяснив им, что мы имеем серьёзные заслуги, и попросил их отпустить нас по домам.

Все успокоились, и солдаты только попросили лишний раз не бросать обвинения в адрес военных, предложив вернуться в свои дома. Я же возразила, сказав, что выполняем только поручения Джаханара, и они, поняв, что уговаривать нас бесполезно, ушли, оставив нас в покое.

Тот спокойный человек стал потом объяснять нам, что сейчас нашей помощи в спасении раненых не требуется, так как все связи уже налажены, больницы работают организованно. Да и раненых не так много. Фронт, на

самом деле, стабилизировался, и иракцы уже не наступают, так как мы их прижали к земле. Сейчас идут только позиционные бои.

Мы попрощались и при выходе прошли мимо спецназовцев, которые вели себя так, что довели нас тогда до слёз. Мы были очень расстроены, что ушли ни с чем. Наконец, все успокоились и даже стали смеяться, рассматривая друг у друга покрасневшие от слёз глаза.

– Представляю, что было бы, если бы они нас забрали, – сказала Захрэ.
– У этих людей нет ни веры, ни совести.

– Мы не должны были плакать, – сказала Сабах. – Так мы показали им свою слабость, и они думают, что напугали нас.

Тем не менее, это нам настроение не испортило, и мы в хорошем настроении продолжали беседовать. Тут один из ребят сказал:

– Всевышний нам послал Чамерана.

– Чамеран?! – удивилась я. – Неужели это был доктор Чамеран?!

– Ну да. Разве ты не слышала, как его несколько раз называли Чамеран?

– Нет, не обратила внимание. Почему я это сразу не поняла.

Я знала, что доктор Чамеран был представителем Имама в Высшем совете обороны. Мне всегда было интересно слышать о нём. Я его раньше видела по телевизору. Но теперь я очень обрадовалась, увидев его вживую. Мне как кажется, он понял всё, что я хотела сказать.

Потом девчата решили посетить причал Махшахра. Мы слышали, что оттуда раненых на баркасе отправляют в Абадан и там их пересаживают на вертолёт. Мы сначала пошли пешком, потом нас подвёз попутный пикап. Мы были уже голодные и, чтобы добраться быстрее, решили пойти напрямик.

Наконец, с мучениями, через нефтяные трубы и строения нефтехимического завода, под палящим солнцем мы добрались до причала. Там была широкая площадка, на которой располагались деревянные ящики с разными товарами и большие бочки. В одном месте стояли машины, а на

берегу стояли корабли и баркасы. Когда мы говорили, что хотим вернуться в Абадан, никто не соглашался.

На другой части площадки, на взлётно-посадочной полосе, стояли вертолётные военно-воздушных сил, один из которых уже взлетел, поднимая вокруг себя пыль. Мы не знали, куда и к кому обратиться, чтобы решить наш вопрос, и безучастно в сторонке наблюдали за происходившим на причале.

В этот момент на пикапе въехали спецназовцы. Некоторых из них мы знали по мечети. Среди них был и Яди, зять Марьям. Когда мы с ними поздоровались, он в очередной раз удивился, завидя нас, и спросил, что мы тут делаем.

– Мы пытаемся вернуться в Абадан, – ответили мы.

– Что вы там забыли? – сказали они. – Вы итак достаточно сделали, чтобы помочь делу. Теперь пусть этим займутся другие.

В ответ мы возразили и рассказали о наших злоключениях в военном штабе. Въезд в Абадан был закрыт, и потому туда можно было проехать только по пропускам. Поэтому Яди предложил поехать с ними на следующий день. Он обещал постараться взять для нас пропуска. Но для начала нам надо было вернуться в лагерь, откуда они нас заберут. Вспомнив о Зейнаб, я спросила у Яди:

– Что-нибудь слышали о Зейнаб-ханум?

– Нет, – ответил он.

Потом я спросила о его теще Марьям-ханум, оказалось, она у него дома.

Закончив свою работу на причале, спецназовцы довели нас до лагеря. Мы с девушками там поужинали. Потом было решено отправить Мохсена к дяде Надали, так как комната у нас была маленькая. Поясница тоже беспокоила меня. С утра я дала ей большую нагрузку.

На рассвете Да вскипятила воду в чайнике и готовила нам завтрак. Она забеспокоилась, когда мы сказали, что едем узнать, берут нас в Абадан или нет. В ответ я ей сказала, чтоб не переживала, так как мы будем осторожны,

когда начнут стрелять. Лейла тоже сказала, что поедет с нами, на что я конечно пыталась возразить, так как кто-нибудь должен присматривать за матерью и детьми.

Потом мы на микроавтобусе доехали до Махшахра. При входе на причал к нам подъехали военные на «Тойоте» и спросили, что мы тут делаем. Среди них я узнала Джаханара. Мы ему всё объяснили.

– Это вы были ранены? – спросил он меня.

– Да, – удивившись, ответила я.

– Зачем вам туда возвращаться? Вы уже считаетесь шахидкой, получив рану. Вы свой долг отдали. Имам тоже так сказал бы.

– Нет, я хочу пойти, и никто не сможет мне запретить сделать это. Мы хотим поехать в Абадан, так как не можем сидеть здесь без дела.

Мы с ним продолжали спорить, вставляя каждая из нас слово. Потом мы заметили, как другой гвардеец в машине осматривал нас недобрым взглядом. Оказалось, это был Реза Мусави – помощник Джаханара.

– Здесь не оставайтесь, – продолжил Джаханара. – Вам опасно здесь оставаться. Была бы такая необходимость, мы бы сами распорядились привезти вас в Абадан.

Потом он замолчал. Я тоже, выдержав паузу, сказала девочатам, что надо уходить. Несмотря на их удивление, я настояла на своём. Перед тем, как уйти, я снова спросила Джаханара:

– Вы точно вызовете нас, если возникнет необходимость?

– Да, – ответил он.

Я хотела зацепиться за сказанное им, чтобы потом напомнить ему о его словах. Когда мы дошли до шоссе, они ещё стояли там, чтобы убедиться, что мы уезжаем. Оглядываясь на причал, мы надеялись, что подъедут спецназовцы, и мы им дадим знать, что ждём их. Немного погодя «Тойота» с Джаханара снова подъехала к нам. Высунувшись из окна, он спросил нас:

– Может поймать для вас машину?

– Нет, нет. Мы здесь на главном шоссе легко поймаем попутный транспорт, – ответила я.

– Куда вы едете?

– В лагерь «В».

Я была уверена, если бы у него было место в машине, он посадил бы нас туда. Но, к счастью, там не было мест. Наконец, когда они удалились и не могли видеть нас в зеркале, мы бегом вернулись на причал. Зейнаб удивилась, что это тот самый Джаханара, который раньше утверждал, что Хорремшахр пал из-за измены, и теперь говорил по-другому. Кто-то из девчат, кто не помню, сказала:

– Они сами в том районе, а нас не пускают. Как будто только нам нельзя туда.

Вернувшись на причал, мы, наконец, дождались спецназовцев, подъехавших на белом пикапе. К сожалению, они не смогли достать нам пропуска. Им их выдали только на пять человек. Тогда Сабах показала на здание, где выдавали пропуска на перелёт вертолётами, и сказала:

– Мы сами достанем их.

Спецназовцы, возразив, сказали, что обязательно достанут нам пропуска, заявив нас как вспомогательные силы.

– Вы здесь не оставайтесь. Приходите после обеда. За это время мы обязательно всё решим.

После многочисленных уговоров мы вернулись в лагерь и, пообедав, снова прибыли на причал. Пятеро спецназовцев из группы Яди улетели обедом на вертолёте. Сам Яди остался вместе с другими парнями из «Такаваран». Пока он занимался получением дополнительных пропусков, к остальным ребятам подошли те самые вчерашние двое парней, из-за которых нас чуть не задержали. Оказалось, они им рассказывали то же самое. Разумеется, «Такаваран» не были детьми и только посмеялись над этими рассказами.

Наконец, Яди вернулся и довольный рассказал, как всеми правдами и неправдами достал для всех пропуска.

– Только, – сказал он, – мы полетим не на вертолётё, а на «ХOVERкرافте». Но он летит только ночью, чтобы его не смогли заметить. Обычно он перевозит только военных.

Никогда я не слышала такого слова прежде и подумала, что это такой тип вертолётё. Как мне объяснили парни, «ХOVERкرافт» – это такое судно на воздушной подушке, которое и на воде, и на суше движется с большой скоростью. Но нам было всё равно. Мы от радости не знали куда себя деть, осознавая, что скоро вернёмся в Абадан.

К десяти вечера вода в реке взволновалась, и послышался лёгкий шум «ХOVERкرافта». Чем ближе он подъезжал, тем больше это непонятная конструкция удивляла меня. Чем-то он напоминал вертолёт «Чинук». Когда он подъехал к причалу, все сели, аккуратно разместившись, в «ХOVERкرافт». Мы никак не могли в этой темноте понять, как он устроен. Горели только два больших и ярких военных прожектора, освещавших путь.

Всем сказали разойтись по сторонам, чтобы сначала пронести боеприпасы. Ящички очень быстро пронесли в судно, потом человек в однотонной военной форме прочитал наши имена согласно пропускам, и все расселись.

Я снова вспомнила Да и стала беспокоиться за неё. Слово прочтя мои мысли, Захрэ, обратившись ко мне и Лейле, сказала:

– Было бы конечно хорошо, если бы кто-то из вас с матерью остался.

– Я не могу остаться, – ответила я.

– Нет, ты-то конечно не сможешь.

– То есть вы хотите сказать, что я должна остаться? – сказала, расстроившись, Лейла.

Захрэ рассмеялась и ответила:

– Клянусь Аллахом, не знаю.

После слов Захры я стала ещё больше переживать за мать. Меня начала мучить совесть от того, что я оставила её и детей одних. Мне казалось, они считают, что я поступила бесчеловечно. После того, как ушли отец и Али, почему я должна быть привязана к детям? Если смерть так прекрасна, почему она меня не берёт? После этих раздумий, я поручилась на волю Всевышнего, чтобы он мне подсказал, как поступить.

Наконец, «ХOVERкрафт» с благословения военных тронулся и отправился в путь. Машина была перегружена и двигалась с трудом. Вдруг через какое-то время мотор заревел, и один из военных крикнул:

– Успокойтесь, мы сейчас возвращаемся. Двигатель загорелся.

Все начали волноваться, я тоже начала размышлять о том, что это Да недовольна моим поступком, и потому это всё произошло из-за того, что мы с Лейлой отправились без её благословения. Мне стало стыдно.

Дым от двигателя становился всё сильнее, пока мы, наконец, не доплыли до берега и не потушили его. При этом все с опаской смотрели на боеприпасы. Первыми вывели всех женщин. Выпрыгнув из судна, мы потом помогли перенести боеприпасы на берег. Ту часть, что загорелась, мы увидели только в отражении воды.

Нам сказали покинуть причал и вернуться рано утром. Спецназовцам мы сказали, что не сможем успеть вернуться домой и обратно приехать. Тут они предложили поехать к ним в штаб и там переждать.

Мы поехали с ними до здания их штаба. Там Яди нашёл для нас комнату и уже собрался принести нам поесть, как вдруг из соседней двери вышли двое вчерашних спецназовцев

– Что они тут делают? – удивлённо спросили они у Яди.

– Завтра они едут с нами в Абадан на «ХOVERкрафте», но нам всем пришлось остановиться здесь, пока его не отремонтируют.

Меня возмутило, что Яди так подробно отчитывается перед ними. Чуть позже вслед за ними вышли ещё спецназовцы и отвели Яди и его друзей в сторону, чтобы поговорить с ними. Те начали спорить с ним и не хотели

внимать аргументам Яди, что он нас знает и уверен в нас. Те же продолжали настаивать на том, что мы лазутчики, и нас следует задержать. Они опять стали ругать Имама, аятоллу Бехешти и всех остальных лидеров революции.

Мы с девушками начали уже волноваться, видя, что обстановка накаляется. Потом я вмешалась в спор, объясняя им, что итак весь мир против нас. А Садама поддерживают как Америка, так и Советский Союз.

Их ответ оказался более чем удивительным. Они сказали, кто я такая, чтобы знать, что это Америка подстрекала Ирака, чтобы напасть на нас. В ответ я им тоже сказала, кто они такие, чтобы бросаться обвинениями, в то время как враг напал на Исламскую Республику Иран и хочет разрушить её.

Тут главный в их группе закричал:

– Я же говорил, что они диверсанты. Несите оружие, мы их отведём в военный трибунал.

Тут сразу восемь человек из них прибежали с оружием. Самый громкий из них вытащил свой «Кольт» и направил на меня. Я была очень довольна, что смогла их вывести из себя. Ведь они ругали Имама и его соратников, что меня выводило из себя. Одновременно между нами продолжался спор. Потом командир отправил одного завести автобус, чтобы отвезти нас. Девчата, все буквально дети, были сильно испуганы. Но после их попыток завязать нам глаза, прежде чем затолкать в автобус, все стали сопротивляться и отказываться идти. Больше всех вспылила Ашраф и начала высказываться:

– Это что? Шутка?! Мы разве ваши пленные, что вы так с нами обходитесь?!

– Заткнись! – ответил один из них.

Когда машина отъехала, мы продолжали думать, что они шутят, и успокаивали себя этими мыслями. В темноте нас отвезли непонятно куда. Потом завели в большую комнату, где нас ждали несколько военных в пятнистой форме и зелёных головных уборах. Они попросили спецназовцев подождать снаружи. Потом стали допрашивать нас.

Я начала объяснять, что эти мужчины со вчерашнего дня стали к нам приставать, обвиняя нас в измене. Я им объяснила весь спор, который имел место между нами в эти дни, и что первопричиной этого стало то, что я обвиняла в измене Банисадра. Тут они переглянулись между собой и сказали:

– Что это за разговоры у вас? Разве вы не понимаете, что Банисадр – это наш президент и главнокомандующий?!

– Ничего подобного. Разве не Имам – глава нашей страны и всех мусульман? Почему они тогда позволяют себе критиковать его и его сподвижников?

Девчата тоже вступились за меня, рассказывая, что мы все участвовали в обороне Хорремшахра, и видели, как вёл там себя Банисадр.

Не выдержав, я сказала:

– Если вы считаете нас шпионами, расстреляйте нас.

В ответ они рассмеялись:

– С чего вы взяли, что мы собираемся расстреливать вас.

– Тогда объясните, что вы от нас хотите.

– Не мы принимаем решение, кого расстреливать, а кого нет.

Тут один из них приказал позвонить и сказать, что у них находятся подозреваемые и надо выяснить, кто они.

Нас с Лейлой посадили в белую машину «Симорг», предварительно посоветовав, чтобы мы не говорили о политике. Посреди ночи нас отвезли в другой отдел. Нам очень хотелось спать. Но, тем не менее, приходилось отвечать на расспросы других военных.

Потом вызвали отдельно меня и приказали выложить все вещи на стол. Среди них была окровавленная фотокарточка Али. Они начали выяснять, кто это и откуда я это достала.

– Это вещи моего брата Али, – ответила я.

– Чем он занимается?

– Разве вы там не видите?

– Отвечайте на вопросы, которые вам задают.

– Я и отвечаю.

– Так кто ваш брат, – снова спросили они.

– Он был гвардейцем.

– Почему был? А сейчас нет?

Тут мой голос задрожал, и я ответила:

– Он стал шахидом.

Им показалось, что я лгу, судя по тому, как они обращались с карточкой и заметили ошибку в дате рождения. Я стала злиться и начала объяснять им, что это он сделал, потому что он очень хотел попасть в Гвардию и потому зависил свой возраст.

Они начали допрашивать, почему я везде говорю, что Банисадр – изменник. Я ответила, что так говорил и мой отец, и все, кто видели, как тот всё делал для того, чтобы сдать Хорремшахр врагу.

– Где сейчас ваш отец? – спросил главный из них.

– Он тоже погиб, – ответила я.

Тут командир прослезился и опустил голову. Наконец, извиняясь, он сказал:

– Сестра, вы поймите, что нам доставили вас, и мы должны были отреагировать и допросить вас. Вы должны были сразу всё с самого начала рассказать.

Узнав, что мы рано утром должны отправиться в Абадан, он предложил, либо довезти нас в лагерь, либо остаться у них и отдохнуть до отъезда. Оценив ситуацию, мы решили ехать в лагерь. Не соображая, что там у нас ребята расспрашивали, мы сразу ушли и легли спать. По пути нам попались те самые спецназовцы, по вине которых с нами случились эти злоключения. Каково же было их удивление, когда они увидели нас после того, как мы по их вине были доставлены к дознавателям, а теперь спокойно тут разъезжаем. Мы перестали отвечать на их расспросы и сказали, чтобы они занимались своими делами.

К счастью для нас, когда мы доехали, Да не было на месте, и мы её не побеспокоили. Когда она пришла, то очень удивилась нам, не зная, то ли обрадоваться, то ли пугаться этому.

Так прошёл остаток ночи, и наступило время ехать. Я была вся расстроена и не знала, что делать. Я расплакалась, понимая, что могу больше никогда не увидеть Да и детей. Но я также не могла отказаться от поездки в Абадан.

Когда Яди приехал за нами, Да и его стала расспрашивать об Али. И он также, будучи предупреждён мною, ничего не сказал. Потом ночью я зашла к дяде Надали и попрощалась с ним. Утром мы позавтракали, и Да, прощаясь с нами, сказала:

– Скажи Али, пусть он, наконец, придет к нам.

– Хорошо, хорошо, – быстро ответила я и поцеловала её.

Доехав до причала, мы увидели, что за нами прилетел вертолёт «Чинук», в который загрузили не только боеприпасы, но и танк. Потом мы попрощались с ребятами и девочками и, наконец, сели в вертолёт, улетев вместе с ним. Через некоторое время полёта он привёз нас в штаб, который организовал тот самый господин Месбах из Центральной мечети Хорремшахра.

Когда мы приземлились и вышли из вертолёта, то оказались между водой и пустыней. Там много людей ждали этого вертолёта, чтобы загрузить в него свои пожитки и покинуть город.

Пройдя к площадке, мы там увидели пикап и, как только собрались сесть в него, водитель попросил у нас пропуска. Несмотря на их наличие, нас не пропустили, объяснив, что у него нет на это разрешения. Яди с его друзьями высадили нас с Лейлой, так как у них было своё задание, и попрощались с нами. При этом они пообещали достать пропуска для нас, чтобы мы смогли прилететь на следующем вертолёте. Мы же должны были вернуться тем же вертолётном, который привёз нас.

Один из ребят предложил разместить нас в семье его жены, на что нам пришлось согласиться, несмотря на все неудобства. Дверь нам открыл старик. С ним оказались девочки примерно тринадцати и семнадцати лет. Они оказали нам такое радушное гостеприимство, что нам было крайне неудобно.

Дождавшись нашего вертолѐта, мы снова сели в него, и пилот, вновь увидев нас, возмутился:

– Это вам что, такси, чтобы возить вас туда и обратно?

Мы конечно стали извиняться, что это не наша вина, так как нас туда не пропустили, и нам приходится возвращаться в Махшахр. Когда нас довезли, мы добрались до лагеря и вернулись к своим прежним делам.

Глава тридцатая

Клиника находилась почти в конце лагеря на главной улице. На самом деле это был большой контейнер с железной крышей голубого цвета с примерной площадью десять на пять метров, а может и больше.

Внутренние и наружные его стены были окрашены в белый цвет. В самом контейнере были оборудованы две комнаты и несколько уборных. Комнату побольше делила на две части пристроенная стена посередине. В одной из них врачи осматривали больных, а в другой были две койки для временной госпитализации. Инъекции и перевязки делали в другой комнате. На этот раз клинику хорошо оборудовали ребята из «Красного полумесяца». Сюда были направлены врачи из Тегерана, Шираза и других городов, добросовестно выполнявших свои обязанности по отношению к проживавшим здесь людям. Туда привозили даже раненых из Сарбандара и Махшахра. Несмотря на всё это, среди беженцев стало распространяться очень много болезней, в том числе и заражение глаз, диарея и рвота. Большую часть времени в клинике было полно людей, и там всегда раздавались голоса детей. Во время дождей больные всё время заносили грязь, будучи одеты в галоши. Когда людей не было мы там подметали, хотя это было нелегко, так как полы были ковровиновые. Нам потом приходилось их мыть мокрыми тряпками, чтобы смыть с них грязь. Дожди нам приносили серьёзные проблемы. Однажды мы промыли полы шлангом и поставили человека, чтобы он заставлял больных снимать обувь при входе в клинику. Это было сделать очень тяжело, так как люди относились небрежно к соблюдению гигиены. При этом, собственно и положение самой клиники было не вполне благополучным.

При входе в лагерь находилось только два больших резервуара для воды, которой снабжался городок. Вода быстро заканчивалась, из-за чего там было мало бань. По этой причине в лагере быстро распространялись болезни.

Временами взрослые люди, приходя в клинику и видя наши инициативы, начинали возмущаться: «Это что за порядки вы тут для нас устроили?»

В ответ мы говорили им, что такие же беженцы, как и они, и стараемся делать всё, что в наших силах, и пусть все вопросы адресуют руководству лагеря.

После этих слов они обычно успокаивались. Потом они начинали с нами делиться новостями с войны, из которых мы многое узнавали. При этом мы больше доверяли тому, что рассказывали люди, чем новостям по радио. Все были уверены, что война долго не продлится, и они скоро вернутся в свои дома. Мы, в свою очередь, старались от своей работы не отвлекаться этими разговорами и быстрее обслуживать больных.

Кроме меня и Лейлы в клинике помогали волонтеры из «Красного полумесяца» Абадана. Клиникой заведовал Ачреш, а Карими, Разийе и Марзийе Али-заде, которые были родными сестрами, Шахназ Кабири и её племянница с несколькими медсестрами, направленные управлением здравоохранения, работали, сменяя друг друга. Они работали с утра до обеда, или же с обеда до вечера и потом уходили. Но волонтеры оставались в клинике круглые сутки.

Однажды Али Ачреш позвал меня и спросил:

– Сестра Хосейни, ты меня помнишь? Я перевозил тело твоего брата Али из Абадана.

– Нет, – ответила я.

– Как не помнишь?! Я был водителем скорой, которая стояла перед Центральной мечетью и ожидала раненых. Когда ты сказала, что хочешь захоронить тело погибшего брата рядом с вашим отцом, я уже не смог отказать. В тот день вы себя странно вели. По возвращении в Хорремшахр я через зеркало только на вас и смотрел, когда вы обнимали тело брата и, разговаривая с ним, плакали. Ваши слова во всех зажгли огонь. Я был не в состоянии вести машину и не видел перед собой ничего. Из-за этого мы очень медленно добирались. Дай Всевышний вам терпения.

В командированной из Тегерана бригаде работал также крупный и относительно полный врач с очками на глазах, больше похожими на стаканы. Выглядел он на сорок-сорок пять лет. Сам он не представился нам и не назвал своё имя. Вот мы его и называли между собой Доктор Алидженаб¹, так как перед тем как его позвать, кто-то, перед тем как произнести имя, назвал его Алидженаб. Он и сам понимал, что его называют Алидженаб. Он был мягким и спокойным человеком. Удивительно, но при виде его я вспоминала доктора Саадата. И намаз совершал как он. По вечерам, когда больных становилось меньше, в фойе за столом дежурил один из волонтеров, чтобы, если обратится больной, сообщить об этом остальным. А мы, тем временем, сидели на полу большей комнаты, и доктор Алидженаб разъяснял нам аяты Корана. Из-за слабого зрения ему очень тяжело было читать из маленького Корана. Попав однажды на книжную выставку в Сарбандаре, я купила Коран с крупным текстом и подарила его доктору. Оно очень обрадовался этому подарку.

По средам и пятницам мы читали молитвы «Тавассуль» и «Кумейль». Я же, сидя в кругу этих людей, окруживших Алидженаба, чувствовала покой и умиротворение.

Спустя время у меня стали чесаться руки в нижней их части. И в один день я заметила, что в том месте появилась выпуклость, словно под нею что-то есть. Я тут же обратилась к врачу в клинике. Осмотрев, он спросил:

– Ханум, у вас раньше там была какая-нибудь рана? По-моему, это осколок.

– Да, осколок попадал мне в руку, но прошёл насквозь, – ответила я.

– Нет, не прошёл. Он зашёл дальше в мышцу и кровотоком продвигался в сторону сердца. Поэтому у вас чешется рука. Надо оперировать.

Потом он дал мне рекомендательное письмо в больницу Имама Хомейни в городе Махшахре. Мне не хотелось из-за одного маленького

¹ «Многоуважаемый доктор» (перс.).

осколка лечь в больницу. Я попросила господина Эсмаили – фельдшера клиники – извлечь осколок, так как тот был также хирургом по специальности. Не прошло и часа, как меня уложили в клинику и сделали укол. Девушки из «Красного полумесяца» ханум Карими и ханум Али-заде омыли мне рану и сделали в том месте обезболивающий укол. Доктор Эсмаили сделал мне разрез в руке и вытащил оттуда осколок размером в монету достоинством в пять риалов.

Работа в этой клинике меня не устраивала, так как возникало ощущение, что здесь моя помощь не требуется. Я всё время вспоминала работу в клинике Шейбани, как там помогала раненым. Но однажды к нам попал мальчик с серьёзной раной на лице, которую он получил от палки, играясь с детьми. Там раны были в нескольких местах, молодой новопривывший врач решил направить его в Махшахр.

Я знала ту больницу и считала, что туда лучше вообще не лечь. Видя, что мальчик спокойный и вполне адекватный, я решила сама зашить ему раны. Промыв раны и побрызгав их обезболивающим спреем, я очень аккуратно сделала ему швы и показала врачу. Молодой врач, увидев это, вспылил и начал в присутствии больных кричать на меня:

– Почему вы не выполняете мои распоряжения, и кто вам позволил зашивать ему рану?!

Я ему стала объяснять, что, пока мальчик доедет до Махшахра, он бы потерял много крови, а так уже всё закончилось. Но он не унимался и даже слушать меня не хотел, продолжая возмущаться. Тут вошла мать мальчика, и довольная, стала говорить, что мы ему очень хорошо зашили рану и даже не видно место пореза.

После этого врач стал извиняться:

– Ханум, я погорячился. Честно говоря, вы очень хорошо сделали ему шов. Я даже не думал, что вы так сможете.

Много ещё случаев было. Когда мы своими силами зашивали раны и делали перевязки.

Однажды вечером в клинику пришла Захра Шаррэ. Я находилась в одной из комнат, когда услышала её голос. Как всегда, она скандалила, и я, выйдя к ней, стала подшучивать:

– Что опять у тебя произошло? Снова какое-то зло сотворила?

Показав на своего сына, она сказала, что у того сильные понос и рвота, и врачи настаивают на его госпитализации.

В тот же вечер мы отвезли их на скорой в больницу Махшахра. Захра успела там поскандалить с врачами, что те напрочь отказывались её укладывать. Я же им объяснила, что у неё не совсем всё в порядке с головой, и болеет, на самом деле, ребёнок. Уложив их в больницу, я вернулась в клинику.

В последующем, когда привозили медицинские материалы, мы оставались по вечерам в клинике. В процедурной спали мы, местные волонтеры, а в комнатах для больных – бригада приезжих врачей. Регулярно в клинику заглядывал господин Аташкаде, ставший руководителем «Красного полумесяца» в Абадане, и приносил нам медикаменты. Нового руководителя бригады врачей звали доктор Хосейни. Он тут же разделил обязанности каждого в клинике. Даже мытьё сосудов и уборка в клинике, которыми раньше занимались только девочки, были теперь распределены согласно установленному расписанию между всеми, кто работал в клинике.

– Ваше дело – заниматься лечением, – говорили мы ему. – Возложите эту обязанность на нас.

Но он не слушал, объясняя, что это тоже работа, и когда больных нет, можно помочь и в других делах.

Между тем, с каждым днём из-за боли в пояснице и ногах мне всё труднее было передвигаться.

В ширазской больнице говорили, что для повторного осмотра и продолжения лечения надо ехать в Тегеран. Я как-то позвонила через одного из гвардейцев господину Джаханара и рассказала ему о своей проблеме. Он сразу подготовил для меня рекомендательно письмо в больницу Гвардии в

Тегеране. Получив его, я не знала, что делать. Я ведь совсем не знала город и у меня не было знакомых в Тегеране, чтобы где-нибудь остановиться.

В те же дни в лагерь «В» приехал Юнус Мохаммади, представитель Хоррамшахра в Меджлисе Исламского Совета, чтобы навестить беженцев от войны. Воспользовавшись случаем, в разговоре с ним я сообщила, что собираюсь ехать в Тегеран, чтобы вылечить свою рану.

Он ответил, что поможет мне, и сам собирается возвращаться в Тегеран. Только сперва он намерен поехать в Бехбехан и навестить семьи беженцев из Хорремшахра. При этом он попросил меня сопровождать его в этой поездке, если имеется такая возможность. Как он объяснил, пострадавшие от войны люди больше доверяют, если в группе есть хоть одна женщина, и охотнее рассказывают ей о своих проблемах. Посоветовавшись потом с Да, я приняла его предложение. Через пару дней вместе с господином Мохаммади, его братом Абдоль-Азимом, Хосровом Ноудусти и ещё двумя незнакомыми мне людьми мы поехали в Махшахр на микроавтобусе. У нас не было транспорта, чтобы сразу доехать до Бехбехана, поэтому пришлось туда добираться на перекладных. Мы прибыли туда вечером и поселились в доме Хосрова Ноудусти¹. Мать, конечно, обрадовалась приезду своего сына. Тут я вспомнила, как эта женщина заметила для своего сына зеленоглазую девушку, работавшую в мечети. Она всё время просила Всевышнего, чтобы быстрее закончилась война, и она, наконец, сыграла сыну свадьбу. Мать Хосрова тепло встретила и нас.

Потом мы посетили дом Хосейна Фахри², жившего по соседству с матерью Хосрова. Они также снимали дом. Фахри, знавший о нашем бедственном положении, обещал поговорить со своим племянником, чтобы тот достал нам билеты на самолёт.

Его племянник был то ли военным комендантом, то ли главой города Бехбехана. Между тем, несколько дней мы посещали семьи беженцев и

¹ Спустя некоторое время погиб.

² Хосейн Фахри – известный и популярный в Хузестане исполнитель хвалебных песен о шиитских имамах.

выслушивали их женщин, делившихся с нами своими проблемами, о которых мы потом рассказывали Мохаммади. Закончив с этим, мы пошли к племяннику Фахри насчёт подготовки билетов. Но, как оказалось, такое по закону не предусмотрено, и он не может достать билеты для нас.

Теперь я думала о том, как самой добраться до Тегерана, не имея при этом денег. Дотуда мне поможет господин Мохаммади, но, по-моему, и у него не было столько денег.

Наконец, какую-то сумму денег для нас всё-таки выделили. Юнус Мохаммади остался со своими делами в Бехбехане, я же, его брат и ещё пару человек поехали на автобусе в Тегеран. Перед отъездом Мохаммади сказал мне зайти к его семье, которая тоже переехала из-за войны в Тегеран. Доехав до Южного терминала¹, я не знала, что делать. Никто из нас не знал, куда ехать. Решив поехать в центр города, мы спросили у людей, где он находится. Нам ответили: площадь Тупхане.

Никогда раньше я не слышала такого названия, и мне стало интересно, почему её так называли. Наконец, мы туда доехали.

Было очень холодно. Поскольку я была очень легко одета, то сразу начала мёрзнуть, и меня стало колотить от холода. Я не могла спокойно разговаривать, так как челюсть тоже дрожала. Мы стояли на площади Тупхане, и я, не зная, куда деться от холода, предложила стать на солнечной стороне.

Мы вышли на солнце. Тем временем, какой-то велосипедист, увидев у меня винтовку «Джи-3», которую дал Мохаммади, уставился на нас. Через несколько минут он отъехал и, вернувшись, привёл с собой вооружённого сотрудника. Показав на нас, он сказал ему:

– Вот они. Похожи на шпионов, и оружие у них есть!

Сотрудник сил безопасности подошёл к нам и спросил документы. Я ему всё рассказала: и откуда оружие у меня, и откуда приехала. Потом

¹ Автостанция.

показала рекомендательно письмо на лечение. Пожелав нам удачи, он попрощался с нами и ушёл.

Мы решили сперва добраться до больницы Мейсагийе, куда я должна была прибыть с письмом. После долгих расспросов у прохожих выяснилось, что теперь она переименована в больницу Мостафы Хомейни.

Наконец, мы добрались до больницы и выяснилось, что меня уже ждали несколько дней, им Джаханара даже звонил, чтобы узнать о моём прибытии.

Меня потом отвели к медсёстрам. Они меня так тепло и с таким уважением встретили, словно знали меня много лет. «От тебя исходит запах Али, – говорили они. – Ты нам напоминаешь его. Мы словно самого шахида сейчас видим». По-видимому, они его успели полюбить за эти три-четыре месяца, что он там лечился.

Потом мне показали палату, в которой лежал Али. У меня внутри всё передёрнуло. Все здесь мне напоминало его. Не выдержав, я расплакалась и выбежала из палаты, оставив в недоумении лежавших там больных и раненых.

Потом я конечно взяла себя в руки. Медсестра также рассказала, что в больнице, узнав о мученической гибели Али, провели траурное мероприятие в его честь. Медсёстры расклеили на стенах постеры с его изображением и информацией о нём.

Врача-специалиста в этот день не было, и меня поставили в очередь. Кроме того, как мне сказали, после моего ранения прошло уже несколько месяцев, то нет необходимости немедленно меня госпитализировать. Но, с другой стороны, врачи хотели выяснить, в чём причина и опасность обострения моей раны.

Мы потом поехали в дом, где проживала семья Мохаммади на окраине Тегерана. Пока у студентов были каникулы, они жили в пустующих во время летних каникул офицерских общежитиях. Меня поселили в комнате матери

Мохаммади вместе с его сёстрами. В те дни было очень холодно, и отопление слабо работало. Мы согревались как могли, одеваясь во что придётся.

Через несколько дней из Хузестана приехал Мохаммади. Однажды вместе со своим братом Абдоль-Азимом он забрал меня в Меджлис Исламского Совета. В те дни туда пройти было не так сложно, как сегодня. Мы могли свободно и без всяких формальностей сопровождать Мохаммади. Он познакомил меня с господами Рафсанджани и Карруби и рассказал им обо мне и моей деятельности. В ответ Рафсанджани сказал: «Мы гордимся такими сёстрами и дочерьми, которые так отважно ведут себя на фронте». Карруби тоже выразил мне своё почтение и дал мне рекомендательное письмо в Организацию по делам шахидов и ветеранов, где я должна была обратиться к господину Мазендерани.

Несколько раз я бывала в Меджлисе и успела за это время познакомиться с господином Хаменеи, доктором Дияламэ, доктором Аятм и ходжатоль-исламом Мохаммадом Монтазери и успела с ними поговорить о войне, о самоотверженности и несчастьях людей и о ситуации в Хорремшахре. Все они говорили, что кто-то из участников этих событий обязательно должен попасть к Иمامу и всё ему рассказать. Общаясь с доктором Дияламэ я увидела, какой он совестливый и порядочный человек, он даже испытывал некоторое стеснение в разговоре со мной. Он преподавал в Тегеранском университете и, говорят, был первым, кто стал читать Молитву «Кумейль».

На одном из заседаний Меджлиса я наблюдала неприятную сцену. В тот день между депутатами шла острая дискуссия об отношениях с Америкой. Противники связей с Америкой говорили, что США должны вернуть всю собственность и заблокированные счета, которые принадлежат Ирану. Но они этого не делают и потому все их действия направлены против них же самих.

Другая группа, которых Мохаммади называл националистами, выступала резко против таких взглядов и придерживалась укрепления связей с Америкой.

Председатель Меджлиса Рафсанджани отсутствовал в те дни из-за серьёзного обострения раны, полученной в результате террористического акта, и его место в кресле председателя занимал господин Сахаби, тоже придерживавшийся взглядов националистов. Один из них яростно выступил в адрес ходжатоля-ислама Монтазери. Последний никак на это не отреагировал и ничего не сказал. Другой из националистов подошёл к нему и крепко выругался ему в ухо.

На это Монтазери всего лишь ответил:

– Это и есть ваши методы политической борьбы?!

Мне не понравилось, что в Меджлис могут легко попасть всякие проходимцы, которые легко могут нарушить законотворческую деятельность. Они были далеки от народа и не знали истинного положения на войне, превращая всё в шутку.

Наконец, после серии непрекращающихся терактов со стороны врагов революции всерьёз взялись за охрану здания парламента. Теперь стал проводиться серьёзный контроль всех, кто заходил в здание Меджлиса.

Однажды, когда мы с Мохаммади вышли из Меджлиса, на доктора Аята напала группа контрреволюционеров и только подоспевшая помощь изнутри парламента смогла разогнать их. В то время от их рук погибло много депутатов, в их числе были доктор Дияламэ, погибший при взрыве у Республиканской партии, и доктор Аят, ставший жертвой террористов, напавших на него возле его дома.

Мохаммади и его семья жили в стеснённых условиях. Однажды его жена заболела и не могла кормить молоком своего ребёнка. Мне было очень неудобно в таких условиях быть обузой для них, и мои проблемы по сравнению с их казались ничтожными.

Однажды по дороге к площади Энгелаб он подробно рассказал нам о службе САВАК, о том, что они американские выкормыши и изменники родины. Я многое узнала о них, о той негативной роли, которую те сыграли в борьбе против революции.

Потом в один из дней я, наконец, с письмом, которое мне дал Карруби, пошла к господину Мазендерани. Не знаю, с какой целью Карруби рекомендовал меня в Организацию по делам шахидов, но Мазендерани очень уважительно меня встретил. Потом он достал три одеяла и пятнадцать тысяч туманов и поставил их передо мной. Я всячески отказывалась, сказав, что пришла не за этим. Но он настоял, объяснив, что сейчас я нахожусь в такой ситуации, что должна всё это принять. Испытывая смущение и стыд, я всё это приняла и первым делом купила себе манто чтобы не мёрзнуть и всё самое необходимое.

Через некоторое время моя очередь к прибывшему врачу наступила, и я пошла в больницу Мостафы Хомейни. В тот день он осмотрел место моего ранения, куда попал осколок. Он принял решение обсудить мою ситуацию на консилиуме, который потом принял решение не оперировать рану. Видя, что врачи ничем не могут помочь, я решила вернуться в Сарбандар и собрала все свои пожитки, готовясь к долгой дороге.

Перед отъездом я хотела посетить Джамеран, чтобы увидеть Имама, но Мохаммади не удалось найти возможность попасть туда. Я также посетила площадь и башню Азади, сняв всё это на фотоаппарат Али, который за время своего пребывания в больнице фотографировал многих уважаемых духовных деятелей, посещавших больницу. Среди них был и аятолла Бехешти. Потом я посетила кладбище шахидов Бехешт-Захра. По настоянию Карруби я ещё раз посетила Организацию по делам шахидов. Он настаивал, чтобы я вместе с семьёй переехала в Тегеран. Но я была против этого. Люди здесь слишком беззаботно жили вдалеке от войны и не чувствовали ту боль, которую испытывали жители Хорремшахра. Я также сходила на площадь Энгелаб и

купила там книги для ребят. Многое из того, что я здесь увидела, убедило меня в том, что я не хочу переезжать в Тегеран.

Меня убеждали, что здесь будет хорошо моим братьям и сёстрам. К тому же им уже надо идти в школу. А там непонятно, сколько продлятся каникулы.

С самого начала войны и до сих пор дети, бежавшие от войны, так и не пошли в школу. Во всей провинции Хузестан школы не работали. Постоянно прилетали самолёты и бомбили города Ахваз, Дизфуль, Андимшак, Махшахр и Сарбандар, в котором жили мы. От имени Организации мне дали письмо, согласно которому мне выделили комнату в здании Кушак¹, где мы с семьёй можем проживать.

Об этом письме я ничего решила не говорить Да и остальным. Не взяла я и вещи Али, боясь напугать Да, и оставила их у Мохаммади. Наконец, я приехала в Сарбандар, и из вещей Али со мной был только его фотоаппарат.

Я вошла в лагерь и застала Да, жарившую рыбу, и Лейлу, стоящую рядом. Неожиданно окликнув, я поймала момент и сфотографировала их. Увидев меня, они переменялись в лице и очень обрадовалась. Я им сказала, что нашла письмо Али, которое он написал Да. Вместо того, чтобы успокоить её, это наоборот побудило её отправиться на его поиски.

Как я ей ни объясняла, что он на задании, что там опасно, она не унималась. Тогда я от имени Али написала ещё письмо, в котором он якобы направлен с его сослуживцами в Бушер и не скоро приедет. Да очень обрадовалась письму, и на некоторое время оно её успокоило. Но спустя время она снова стала всех расспрашивать об Али. В это время к нам навевывались дядя Селим и Сейед-Аббас, муж тёти Салимэ с дядей Надали. Несколько раз к нам приезжал и дядя Хосейни. Каким-то образом к нему попало письмо Карруби, и он однажды сказал: «Собирайтесь. Едем в Тегеран».

¹ Здание Кушак в Тегеране – здание бывшей Организации планирования и бюджета, расположенное на улице Кушак. Эта улица теперь носит имя шахида Тагавви. С одной стороны, она выходит на улицу Саади, а с другой – на улицу Фердоуси.

Мы с Лейлой были категорически против поездки в Тегеран и спрятали письмо, чтобы никто не догадался о нём. Но однажды вечером лагерь посетила ханум Азам Талегани – в то время депутат Меджлиса. Она привезла с собой медикаменты, книги и прочие вещи для беженцев и расспрашивала нас о проблемах в лагере. Мы ей рассказали обо всём, в чём нуждаются беженцы. Потом я ей рассказала о письме Карруби и что хочу поехать с семьёй в Тегеран. На это она возразила: «Зачем вам туда ехать? Там итак полно людей. Им нет дела до вас. Вы должны здесь защищать свою землю и воду».

Я ей потом объяснила, что на самом деле просто хотела рассказать о бедах людей и услышать её мнение обо всём этом. После её слов я упрекнула её, что, будь она на месте этих людей, она бы и дня не выдержала, а людям нужны не её книги, а реальная поддержка.

Ей не понравились мои слова и, передав медикаменты и книги старшему по лагерю, в ту же ночь уехала.

Всё это время мы стали изучать ситуацию в лагере, все его проблемы, чего именно беженцам не хватает для более комфортного проживания. Для этого мы также у всех беженцев спрашивали их мнение и делали для себя выводы.

Тем временем, дядя Хосейни продолжал настаивать на нашем отъезде в Тегеран. Мы старались всячески избегать этой темы, чтобы потихоньку и он сам ушёл от этой мысли, и эта тема сама собой утихла бы.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава тридцать первая

Наступил месяц дей пятьдесят девятого года¹. Однажды рано утром дядя Хосейни приехал за мной и Лейлой. Он забрал нас в Сарбандар и купил нам ткань для чадры. Мы вернулись в лагерь, а дядя уехал в Махшахр, отдав ткань жене господина Бахрам-заде, чтобы та сшила нам из неё чадру. Эти несколько месяцев мы не могли себе позволить сами купить чадру. Вечером дядя вернулся с вышитыми чадрами и сказал:

– Соберите свои вещи. Завтра рано утром выезжаем. Сперва едем в лагерь Малави к Папе и Мими, потом – в Тегеран.

С дядей спорить было бесполезно и после долгих споров и попыток отговорить его мы всё-таки поехали. Некоторые водители в той ситуации брали очень высокую плату за проезд. Дядя с ними поторговался, и мы сели в машину. Мы с Лейлой сидели обе без настроения. Дядя, понимая, что мы очень переживали из-за того, что уезжали оттуда в Тегеран, сказал нам:

– Вы должны думать о своих сестре и братьях. Обстановка в лагере не располагает к тому, чтобы оставаться там. Почему дети должны терпеть все эти условия?!

Дядя был прав. Я сама очень переживала за детей. Отец поручил их мне. Пока работала, я приводила их в клинику. Мансур был уже подростком и мог попасть под дурное влияние в той обстановке. Я забирала Саида, Хасана и Зейнаб в клинику и сажала их в углу. Мы с друзьями находили им развлечение, а также поручали разную работу. Хасан был очень непослушным и всё время шалил. Я всё время следила за ним, чтобы он не натворил чего-нибудь и не убежал из клиники.

¹ Декабрь 1980 года.

К вечеру мы, наконец, выехали в сторону Тегерана и прибыли в лагерь Малави, находившийся между Поль-Дохтаром и Хорремабадом. У реки была широкая площадка, выровненная бульдозером, и на ней были установлены палатки в два ряда напротив друг друга, в которых проживали беженцы, пострадавшие от войны. Приехав в Малави, мы увидели, как все собралось вместе: там были дядя Надали, Папа, тётя Салимэ, двоюродные братья моего отца и родственники жены дяди. Мы очень обрадовались, снова увидев друг друга. Тот день прошёл в угощениях и разговорах. Большинство хотели знать о ситуации в Хорремшахре и как погиб отец. В ту ночь мы за этими разговорами не спали почти до утра.

Перед этим дядя Хосейни, узнавший о смерти Али от дяди Надали, в ту же ночь рассказал об этом Папе. Он до утра плакал в своей палатке. Кроме дяди Хосейни и его жены, дяди Селима и Надали никто больше не знал об этом. В ту ночь все думали, что Папа так опечален из-за смерти отца. Да осталась в его палатке, я же осталась в палатке дяди Надали с его женой и тётей Салимэ. В лагере каждой семье, в которой было от четырёх до шести человек, давали отдельную палатку. Палатка дяди Хосейни находилась в начале лагеря. Через две-три палатки располагалась палатка Надали, и в следующей жили Папа и Мими. Так как все приехали без своих пожитков, то семьям там давали походную мебель, одеяла, посуду и печку для приготовления еды.

Так прошла та ночь. Пол-пятого в пять утра Папа начал читать азан. Голос его звучал печально, словно он взывал с жалобой к Всевышнему. Видно было, что смерть Али сильно надломила его. До самого рассвета он продолжал свои ночные бдения, читая разные молитвы и траурные стихи. Когда он стал произносить сцены из Кербелы о гибели Али Акбара (мир ему), старшего сына Имама, со словами: «Сейед-Али погиб так же, как и Али-Акбар», тут раздались вопли и стоны Да. Все соседи выбежали из палаток, и в палатке Папы стало многолюдно. Когда я зашла туда и увидела

всю эту сцену, Да стала говорить мне: «Ну почему ты молчала? Почему всё это время ты мне ничего не говорила?»

Она была очень зла на меня, гневно высказываясь в мой адрес. Не выдержав, я выбежала из палатки. Наконец, тот момент, которого я боялась больше всего, наступил. Я пошла совершить намаз. Вернувшись, увидела, как Папа продолжает находиться в намазе, все родственники и соседи рыдали, дядя Хосейни говорил: «Вставайте, идите на намаз. Хватит вам всем плакать».

Да, страдая от новости о гибели Али, ещё больше распалаясь от того, что была в неведении о его смерти целых четыре месяца. Она никак не могла мне простить этого. Потом, сорвав кусок ветки с дерева, она стала бить себя. Она так усиленно била себя, что рассекла себе голову, и оттуда потекла кровь. Голову ей пыталась зашить медсестра, прибывшая из Хорремабада, но ей это не удалось. Кровь продолжала течь оттуда. Из страха, что мать может умереть, я сама с большим трудом зашила ей рану и уколола ей антисептик. Все в страхе наблюдали за этой процедурой. Наконец, я завязала ей платок, чтобы окончательно остановить кровотечение. Я столь быстро это всё сделала, что сама не поняла, как это произошло. Дядина жена напоила её сладкой водой. От потери крови Да лежала без чувств. Потом я сделала ей витаминный укол В-12.

Дядя Хосейни заранее сообщил нашим родственникам в Даррешахре и Зарринабаде о проведении траурных мероприятий в Малави. К обеду все приехали и провели особый курдский обряд, чтобы проводить покойного. Оплакивая умершего, все плакали, били в грудь и царапали себя. Потом дядя Хосейни заказал и привёз еду для гостей недалеко от Поль-Дохтара. После обеда все вернулись к себе в Даррешахр и Зарринабад.

В течение всей недели, что мы там были, приходили и уходили родственники, едва узнав о смерти Али и выражая свои соболезнования. Администрация лагеря также оказывала помощь со своей стороны. Но Папа

был надломлен. Он очень любил Али и сильно страдал после того, как узнал о его гибели.

Потом он гладил меня и целовал в голову, приговаривая: «Девочка моя! Как ты смогла всё это вынести?! Воистину ты настоящая львица! Мы гордимся тем, что ты есть, что мы можем прямо держать голову». Этими словами он хотел успокоить меня. Сильно переживала и Мими. Мими и Да за эту неделю совсем были не похожи на себя, сильно состарившись от горя. Все эти дни женщины, приходившие соболезновать, целовали и гладили Зейнаб, которой было не более пяти лет. Саид, напротив, сидел со мной рядом тихо, не проронив ни слова, и смотрел на приходивших и уходивших людей. Только я встану, он всегда следовал за мной.

Но мы больше мы переживали за отъезд дяди Салима на холмы Аллаху-Акбар¹.

Через неделю наш траур завершился, и дядя нам сказал: «Теперь собирайтесь в Тегеран».

Прощание было тяжёлым, словно мы не надеялись увидеться из-за катастрофического положения в стране. Мы прощались как в последний раз.

Сначала мы поехали в Хорремабад и оттуда направились в Тегеран, куда мы прибыли к полудню. Лейла однажды после меня приезжала в Тегеран и получала письмо в Организации по делам шахидов. Там же был указан и адрес дома, в котором мы должны были поселиться. Но, к сожалению, Лейла потеряла то письмо, и адрес она помнила только приблизительно: дом возле какой-то площади!

Хорошо, что я запомнила название улицы Кушак. Расспрашивая у всех, мы с сумками в руках ходили от площади Тупханэ до площади Фирдоуси и снова возвращались на улицу Манучехри, но никто не знал, где находится улица Кушак. Наконец, мы с большим трудом нашли её. Лейла, попав туда, вспомнила то здание, которое видела прежде.

¹ Холмы Аллаху-Акбар – одна из передовых линий фронта, расположенная на высотах Деште-Азадеган. Они считались одной из наиболее чувствительных и стратегических точек.

Нас поселили в одну из комнат, в которой были все условия, включая отопление и горячую воду, но там было грязно. В первую очередь мы занялись уборкой. В комнате было холодно, но при этом там не было ни одеял, ни подушек. Мы спросили дядю, что делать. Так как всё было закрыто, он сказал, что сразу не сможет их достать. Потом он купил нам хлеб барбари, который мы ели в первый раз и очень полюбили.

Не зная, куда деться от холода, дядя пошёл к соседке, которую звали ханум Хоррами и которая жила напротив нашей комнаты, и попросил у неё для нас одеяла. Та дала два одеяла и подушки. Так мы провели первую ночь. На следующий день дядя Хосейни уехал обратно в Сарбандар, чтобы привезти остальные наши вещи.

Тем временем, через пару дней после прибытия в Тегеран Да сильно заболела. Ослабленная после новости о гибели Али, она уже была не в состоянии вынести болезнь. Мы уже боялись потерять её. Через четыре месяца мы уже потихоньку стали забывать о смерти Али, как однажды один из наших родственников рассказал Да, что читал в газете интервью с раненым по имени Сейед-Али Хосейни. «Возможно ваш Али не погиб, а ранен», – сказал он. Да стала верить, что это так. Я же возразила: «Он ошибается. Я собственными руками похоронила его. Не могла же я не узнать брата! Это просто совпадение. Хочешь поедем в Организацию по делам шахидов и посмотрим, сколько там дел с именем Сейед-Али Хосейни».

Выяснилось, что раненый, чей адрес дал Да один наш знакомый, был азербайджанцем и родом из Тебриза. Но Да всё равно не верила в смерть Али. Я уже начала испытывать угрызения совести, почему не рассказала Да о гибели Али в тот же день. Но в таком случае она бы не встала с его могилы. Она слишком его любила, чтобы смириться с его утратой. Настолько она готова была ради него на всё, что, когда он сказал уехать ей из города, только в этом случае она согласилась.

Однажды к нам приехал брат Мазендерани с двумя сотрудниками Организации по делам шахидов и сказал составить список всего, что нам

нужно. Я после долгих уговоров с трудом согласилась принять от них помощь. Дядя Мохсен потом с комендантом здания поехали в Организацию и привезли все вещи. После этого мы вернули одеяла ханум Хоррами, поблагодарив её за помощь в трудные моменты.

Мы потихоньку обживали нашу комнату. На этаже с нами также жила семья Аяльвар из Хорремшахра. Заехав туда в своё время первыми, они присвоили себе кухню и никому не позволяли ею пользоваться. Ханум Акбари – другая их соседка – не возражала, так как готовила в своей комнате. Но вскоре Аяльвар, поправив своё финансовое положение, сняли квартиру в городе и выехали из здания на улице Кушак. После этого комендант сказал, что кухня будет в общем пользовании.

Между тем, мы постепенно обживали Тегеран, привыкая к его беспокойной жизни. Однажды, на одной из остановок, в ожидании автобуса, люди, переговариваясь, стали рассуждать о том, что жители Хорремшахра побросали свои дома у себя в городе и заполонили весь Тегеран. Не выдержав такую несправедливость, я вмешалась в их разговоры и сказала: «Посмотрела бы я, как бы вы там остались жить под рёв самолётов и взрывы бомб. Называя нас трусами, вы сами смогли бы там остаться?» После моих слов все стали молчать, а многие поддержали сказанное мной.

В нашем здании помимо беженцев, пострадавших от войны, жило также много нуждающихся семей, многие из которых жили впроголодь и с трудом находили себе пропитание.

В декаде Фаджра¹ 1980 года Организация по делам шахидов организовала для нас хорошую программу на мероприятиях. Утром семьи шахидов отвезли на стадион Азади, где мы увидели много старых знакомых из нашего города. Программа включала в себя разные спортивные и культурные мероприятия. В какой-то момент там выступил выдающийся

¹ Дахе-ие фаджр (перс. , «Десять дней рассвета») – рассвет новой эры, десятидневное празднование по случаю возвращения аятоллы Хомейни в Иран в 1979 году. Ежегодные празднования длятся с 1 по 11 февраля. Первый день празднования соответствует дню прибытия аятоллы Хомейни в Иран, а последний – дню победы Исламской революции.

богослов Мохаммад-Таги Джафари, который говорил так просто и понятно, что всем было приятно его слушать.

Однажды на стадионе мы увидели Абдоллу Моави. Его туда привезли вместе с ранеными, отдохавшими в санатории. Мы очень обрадовались ему. Когда мы подошли к нему, он меня не узнал, припоминая только Лейлу. Расстроившись, я говорила ему:

– Абдолла, это я – Захра, сестра Сейед-Али, Сейед-Али Хосейни. Не помнишь? Мы вместе в Джаннатабаде работали.

– Не узнаю. Не знаю, – отвечал он.

Удивлённая я пыталась напомнить ему о тех днях, что мы провели вместе:

– Абдолла, ты помнишь, как мы пешком возвращались из Джаннатабада в Центральную мечеть, и за нами погналась собака, которая никак не отставала от нас.

– Нет, не помню, – был его ответ.

Он всё забыл. Когда я спросила у его товарищей, что с ним случилось, те ответили:

– После попадания осколка в голову он потерял память.

Через несколько дней мы его снова увидели. На этот раз Абдолла узнавал меня, но совсем не признавал Лейлу. И каждый раз эта картина с переменным результатом повторялась. Позже я узнала, что он именно из-за воздействия этого осколка и умрёт.

В Тегеране меня никак не отпускала мысль устроиться на работу в больницу для ухода за ранеными. Я решила пройти курсы по оказанию первой помощи и, получив диплом, вернуться в провинцию или остаться работать в тегеранских больницах. Я обратилась в Комитет Красного полумесяца. Но там ответили отказом, так как там применялись английские термины, и для обучения требовалось знание английского языка. Я же, закончив только пять классов начального образования, не знала никакого

языка. Сколько я ни обещала руководителю курсов выучить термины на занятиях, он никак не соглашался.

Однажды в здание на улице Кушак пришёл доктор Камари-заде с группой людей. Они по порядку заходили к семьям беженцев. Мы были с ним знакомы ещё с тех пор, когда он вместе с группой других врачей был прикомандирован в клинику лагеря в Сарбандаре. Я его пригласила к нам в комнату. Он сразу же подчеркнул, как у нас всё чисто и аккуратно.

– Сразу видно, что вы тут убираете всё так же чисто, как и в той клинике, – сказал он.

Он тут же предложил, воспользовавшись знакомством со мной, поработать у него в клинике помощницей, так как там работает слишком много людей, не согласных с нынешней властью, и они постоянно устраивают споры с больными. По этой причине он хотел нанять себе новую помощницу.

Я один день навестила его клинику в городе. До неё было далеко ходить. Да и поскольку клиника была частная, меня это тоже смущало. Я же предпочитала поработать в больнице с ранеными. Поэтому, извинившись, отказалась от предложения доктора.

Жизнь в Тегеране из-за отсутствия работы становилась скучной и надоедливой, потому я периодически ездила в Сарбандар и Хорремабад, забирая с собой детей во время каникул. В свою очередь дядя Хосейни и дядя Надали часто приезжали в Тегеран по своим делам, останавливаясь у нас, а также навещали свою родню в Хорремабаде, который периодически подвергался иракским авиааналётам. Обязанность за всю родню теперь лежала на дяде Хосейни, и ему приходилось много зарабатывать, чтобы обеспечивать всех.

Что касается Мохсена, то, несмотря на то, что он был старше меня, он был не в состоянии нести на себе ответственность за нас. С тех пор, как он упал с крыши дома, это серьёзно сказалось на его памяти. Он любил работать, всегда выбирая самую тяжёлую работу. Поэтому, когда ему

поручили в здании на улице Кушак работать, отвечая на телефонные звонки, он долго там не продержался. По его настоянию Да согласилась его отпустить работать в администрации Хорремшахра вместо отца.

После оккупации города администрация Хорремшахара переехала в его южный район Кут-Шейх. Там согласились принять к себе на работу Мохсена. Его работа заключалась в том, чтобы помогать пожарникам тушить огонь в районах, подвергшихся бомбардировке. Конечно Да не нравилась эта опасная работа, так как боялась потерять ещё одного сына, но Мохсен всё же поехал туда работать.

Поскольку становилось понятным, что война будет долгой, правительство решило упорядочить ситуацию с беженцами. К нам стали приходить разные комиссии и оценивать условия нашего проживания, пересчитав всю утварь в комнате. Потом с нас всех потребовали предъявить различные справки, в том числе и о гибели отца. Для этого нам надо было обратиться в «Бехешт-Захра», где подтвердили бы факт смерти отца. Получив справку, мы потом могли решить все свои вопросы по поводу получения целевой помощи от государства.

Когда мы собрались туда ехать, с нами был Сейед-Аббас – муж тёти Салимэ. Мы не знали дорогу, и потому долго туда добирались. Это была середина недели. Мы стояли на обочине автомагистрали, пока, наконец, не сели в машину и не поехали в канцелярию «Бехешт-Захра». Время было два часа после полудня. Рабочее время у них уже заканчивалось. Я посадила Да во дворе канцелярии и вместе с Сейед-Аббасом зашла внутрь. Мужчина за столом взял у нас паспорта отца и Али, выписал себе в тетрадь оттуда все данные и на последних страницах поставил печать с надписью: «Недействителен». При виде этой сцены я впервые расплакалась из-за смерти отца в присутствии других людей, словно потеряв последнюю нить, соединявшую меня с отцом и Али. Словно до этой печати сохранялась какая-то надежда, что они ещё живы. Эта печать ставила последнюю точку во всём,

что было связано с ними. Когда всё закончилось, мы с поникшими головами вышли из «Бехешт-Захры».

Спустя время каждый раз, когда я посещала могилы шахидов Джаханара, Гаюр-Асли¹ и Хосейна Хамзеи² в «Бехешт-Захра», в те дни я всегда вспоминала ту самую тетрадь.

¹ Один из отважных командиров Гвардии Хузестана, погибший в начале войны.

² Хосейн Хамзеи был одним из солдат Гвардии Хузестана. До войны он работал в магазине для сварочных работ в Куй-Фаршиде. В те времена, когда я возвращалась домой со школы, я несколько раз видела, как он работает.

Глава тридцать вторая

С политической точки зрения ситуация в Тегеране не была столь спокойной. Враги революции каждый день собирались в одном месте и устраивали антиправительственные митинги. Высказываясь вопреки всякой логике, они устраивали столкновения со своими противниками. Одним из таких мест, где они собирались и устраивали там острые дискуссии, был парк «Лале». Я всегда старалась участвовать в их дискуссиях, чтобы находить против них веские аргументы и противодействовать их скоплению в одном месте.

В те дни контрреволюционеры прятались в засаде на пустых улицах и нападали на сторонников революции, чтобы их убить. Сами они говорили; «Мы везде достанем своих врагов».

Пятого марта 1981 года контрреволюционеры во время выступления Банисадра кричали, скопившись в большом количестве. Я тоже там присутствовала. Возвращаясь домой, я почувствовала, что меня преследуют удивительным и наглым образом открыто. Их было три человека: две девушки и один парень. Про себя я подумала, что не нужна им. Но через несколько минут, видя, что я ускоряю шаг, одна из девушек тоже начала бежать в своих кроссовках «Адидас». Зная, что они вооружены как минимум ножом для резки ковровых изделий, и одна не смогу защититься от них, я быстро выбежала к главной улице и растворилась в толпе. После этого они больше не решились продолжить своё преследование.

На улице Фирдоуси находился Комитет. По их просьбе здание на Кушаке рекомендовало меня и Лейлу для сотрудничества с ними как наиболее доверенных людей. Но так как мы плохо знали Тегеран, то вместе с нами предложили Сабах Ватанхах.

В то время Сабах Ватанхах вместе со своей семьёй также проживали в здании на улице Кушак. Наша дружба, которая началась с первых дней войны, продолжилась и там.

Каждый раз, когда сотрудники Комитета задерживали женщин из числа врагов революции с оружием в руках и бомбами, они отправляли за нами, чтобы произвести их личный досмотр. В таких случаях они старались до этого момента избавляться от всего запрещённого. Иногда они отказывались от досмотра. Они мне казались странными людьми. Иногда у них в карманах мы находили перец и соль. Когда мы их спрашивали, для чего они это берут с собой, те наглым образом отвечали: «Чтобы бросить на ваши раны». «Мы итак изранены, вам от этого будет легче?» – спрашивали мы. На это они отвечали: «Да. Почему бы и нет?»

Глава тридцать третья

Тегеран не был для нас приветливым городом, но из-за того, что там жил Имам, мысль, что мы можем однажды увидеть его, успокаивала нас. Я, Лейла и сёстры Ватанхах – Сабах, Салехе и Фавзийе – каждый понедельник и четверг, когда Имам встречался с народом, в шесть утра ходили навестить его в Джамеране. Эти встречи обычно начинались в 8.10 утра. Из-за большого скопления людей в Джамеране начиналось столпотворение, и как мы ни старались прийти пораньше, нам всё равно не удавалось оказаться там раньше других. Все подходы туда заполнялись людьми, и уже никто не мог сдвинуться с места.

Имам приходил и, помахав рукой, уходил обратно. Иногда мы оставались там, чтобы в другой момент увидеть его, но женщины, работавшие там, выгоняли нас, несмотря на все наши мольбы.

Несколько раз мы так видели Имама, но никак не успокаивались. Мы хотели с ним отдельной встречи. Однако на это нам никакой возможности не давали.

Спустя время мы с сёстрами Ватанхах решили вернуться в Абадан. Они работали в больнице «Талегани» Абадана вместе с другими ребятами из Хорремшахра. Тем временем, однажды ближе к обеденному азану мы оказались в хосейние Джамерана. В тот момент мы увидели господина Карруби, подошли к нему и стали умолять отвести нас к Иمامу, на что тот ответил:

– Меня самого с трудом туда пускают, как я вас отведу?!

– Но вы ведь сможете, – говорили мы ему, продолжая просить. – Мы сейчас собираемся ехать в зону боевых действий и не простим себе, если упустим такую возможность.

– Вы не из тех сестёр, кого мне господин Мохаммади представил в Меджлисе?

– Да, это была я, – ответила я ему.

– Я тогда напишу ему письмо, но не обещаю, что он примет.

Сев посреди улицы, он достал из пакета письмо и, написав, что мы скоро уезжаем в зону боевых действий и желаем видеть Имама, передал его нам, чтобы мы отнесли охранникам. Когда мы подошли к дому Имама, гвардейцы, охранявшие его, спросили, с какой целью мы пришли туда. Когда мы одному из них всё объяснили, тот спросил:

– Вы действительно из Хорремшахра?

– Да, – ответила я.

– Приходите завтра, я сам этим займусь.

– Мы можем ещё кого-нибудь привести?

– Да, но чтобы вас не было много.

– Хорошо.

Мы так этому обрадовались, что не сразу поняли, что в этой суете потеряли Салехе Ватанхах. Сев в автобус, из Джамерана мы добрались на нём до Таджриша, откуда пересели на автобус, ехавший напрямик из площади Тупханэ до площади Фирдоуси. Там мы вышли и пешком добрались до дома. И тут вспомнили о Салехе, переспрашивая друг у друга, где она.

Уже уставшие мы решили не возвращаться обратно, потому что точно так все потерялись бы и решили немного подождать в надежде, что она найдёт дорогу. Как оказалось, мы поступили правильно. Не зная город и не имея денег и билета, Салехе сама добралась до здания на улице Кушак. Потом она рассказала, что от Таджриша шла вдоль по улице Валиаср и потом свернула на Фирдоуси.

На следующий день мы рано утром сходили в Джамеран и узнали, что нам назначили приём на среду. В назначенный день после утреннего намаза я забрала Да и Мохсена, которому было уже восемнадцать лет, и вместе с семьёй Ватанхах мы поехали в Джамеран. Там я встретила знакомого человека из Организации по делам шахидов и пообещала передать его

жалобу Иمامу. На это тот шутливо ответил, что хотел попросить Иمامа заключить ему брак с невестой. В ответ я тоже отшутилась.

Мы стали в очередь и через некоторое время оказались в маленьком дворе дома. Имам сидел в балконе на стуле в белой одежде и чалме с накинута на ноги простынёй. Сперва в очереди прошли мужчины, потом наступил черёд женщин. Все через эту простыню целовали руки Иمامу. Меня охватило волнение. Видя Иمامа, я вспоминала отца и Али, особенно Али, который его очень любил и всегда мечтал увидеть его.

Когда провели к нему, я вспоминала его портрет, который видела дома, когда мне было пять лет. Я не хотела отпускать его руки из-под простыни. Мне казалось, что я прикоснулась к самому святому, что есть на свете. Наконец, его зять господин Эшраги попросил, чтобы мы не сильно утомляли Иمامа, и я потом, отойдя в сторону, стала напротив него не в состоянии произнести ни слова. Его помощники представили нас, сказав ему, что все мы – семьи шахидов.

Имам, взглянув, поприветствовал нас и воззвал к Всевышнему с мольбами о нас. Тут я не выдержала и расплакалась. Расплакались и остальные, включая Да. Она также поцеловала ему руку, и Имам успокаивал её, вознося за неё молитвы. Потом мы пошли в хосейние, чтобы вместе с прибывшими туда снова увидеть Иمامа. Эта встреча оказала положительное воздействие на Да. Хотя она ни слова не произнесла ему, но было видно: теперь она приняла смерть Али и впредь стала проявлять терпение.

Я тоже после этого стала чувствовать настоящее успокоение, забыв все те невзгоды, которые преследовали меня после отъезда из захваченного Хорремшахра и переезда в Тегеран. Никогда я не чувствовала себя столь умиротворённой.

У Шахназ Ватанхах была подруга по имени Несрин, проживавшая в переулке Джамеран. Та, увидев нас в хосейние, пригласила к себе домой. Теперь мы по понедельникам и средам приезжали в Джамеран и обедали в доме Несрин. Её семья считала долгом принимать у себя гостей Иمامа. Мне

нравилось их нехитрое угощение: хлеб, сыр, зелень, сливочное масло, варенье, соленья и плов, приготовленный на пару. Что интересно, всё это они готовили сами. Зелень у них была из огорода, варенье сами варили, в общем, ко всему они прикладывали свой труд. Гости чувствовали себя уютно, отдыхая у них дома, совершая намаз и отдавая кусочек хлеба.

Спустя какое-то время состояние Имама ухудшилось, и врачи, беспокоясь за его здоровье, отменили его встречи с народом.

Глава тридцать четвёртая

Каждый раз, когда я уставала от жизни в Тегеране, я уезжала в Малави и жила некоторое время с Папой и Мими. Жители лагеря были очень добры и искренни друг с другом. Выходцы из Андимшака, Шуша, Дизфуля, Хорремшахра, а также из деревни Аббасабад и других деревень вместе проводили время в палатках. Жители Аббасабада, чьё село находилось между городами Шуш и Андимшак, говорили, что враг их постоянно бомбит, чтобы уничтожить находящиеся в их районе базы с дальнебойными ракетами.

Лагерь Малави был окружён горами Загрос. Весной горы зеленели, и на них открывался красивый пейзаж. В самом лагере росли большие и высокие вязы, распложенные в два ряда и создававшие как бы стену вдоль лагеря. Один ряд шёл вдоль реки, создавая очень красивое пространство. Пить воду из этой реки конечно было нельзя, но она вполне была пригодна для стирки одежды и посуды, а также для плавания. В конце лагеря также протекал источник с очень чистой и прохладной водой. Ею жители и пользовались для питья.

В самом начале появления беженцев в этом лагере Управление по делам вынужденных переселенцев выделило им все необходимые вещи, включая одеяла и посуду. Им также выделяли продукты, из которых беженцы сами готовили еду. Всё, что нужно, люди покупали в Поль-Дохтаре. Медицинскую помощь им оказывали врачи и сотрудники «Красного полумесяца». В этой помощи они остро нуждались, так лагерь кишел раками, змеями и тарантулами, часто кусавших жителей лагеря, и для их лечения требовались медикаменты.

Когда беженцев стало много, палатки появились и на той стороне шоссе. Причём условия в новом лагере были лучше, чем в старом, в котором в первое время не было никаких условий, таких как вода и баня. Я себя чувствовала уютно в этом лагере. Мне вспоминались годы, прожитые в

Хорремшахре, и детство, которое я провела вместе с ними в Басре. Папа мне всегда читал Коран и отрывки из «Шахнаме». Дядя Надали был очень похож на него характером. Он часто любил уединяться вдали от лагеря и ловить рыбу. Я, не приближаясь к нему, несколько раз сфотографировала его, но ни в коем случае не беспокоила его, зная, что это ему очень не понравится.

Весной 1981 года Папа и дядя Надали после праздника Новруз переехали в другой лагерь в пяти километрах от Боруджерда. Я тоже ездила туда пару раз. Условия там были намного лучше, чем в Малави. Там даже ездил автобус в определённые часы. В тот год лето было очень жарким, и люди покупали там местный боруджердский дуг¹, который был очень вкусным.

Для отдыха в лагере был построен большой павильон, где беженцы могли отдохнуть. Помимо программ досуга там также вели проповеди разные представители духовенства. Одного из них звали Шейх Моджахед. Он был сам из Ирака и в своё время бежал оттуда. Он свободно владел английским языком и помимо религиозного имел и техническое авиационное образование, которое получил в Англии. Помимо пятничных проповедей и публичных выступлений он также планировал обучать детей английскому и арабскому языкам.

Я, имея только пять классов образования, решила воспользоваться такой возможностью и стала посещать его занятия. Конечно, не зная фарси, ему иногда было тяжело объяснять детям некоторые слова, в том числе и слово «apple», что на английском означало яблоко. Он называл арабский эквивалент «туффах», но дети и этого не знали, пока я, смущаясь и признавшись, что знаю арабский, не подняла руку и сказала детям, что это слово означает «яблоко». Иногда выходили казусы, когда я, не переводя детям на фарси, пыталась объяснить доктору Моджахеду некоторые слова. Но впредь я стала переводить им весь наш разговор.

¹ Дуг – национальный иранский кисломолочный напиток.

Однажды жена дяди Надали рассказала новость, что доктор Бехешти погиб под авиаударами иракцев. У меня в глазах потемнело. Я не могла поверить в это и надеялась, что она, может быть, ошиблась. Я побежала к Папе, он уже сам слушал последние новости по радио. Перед палаткой сидел с покрасневшими от слёз глазами муж тёти Салимэ. Только услышав своими ушами сообщение, что доктор Бехешти погиб, я поверила этому.

Помню, как Бехешти однажды приезжал на открытие лагеря, и они очень тепло поговорили с Папой. Ему он очень понравился из-за его доброжелательного отношения к вынужденным переселенцам.

В тот же день в Бурджерде провели большое траурное шествие памяти доктора Бехешти. Туда собралось очень много людей оплакивать его. Все произносили лозунги, проклинающие баасистов и Америку.

После лета 1981 года Папа и Надали из лагеря в Бурджерде переехали в Хорремабад и сняли там дом. После их переезда я вернулась в Тегеран и постоянно стала проживать там. Больше мне некуда было бежать от тегеранской суеты. Какое-то время я работала, помогая при уборке в месте совершения пятничного намаза. Однажды я встретила там Можде Амбаши. От друзей я слышала, что двадцать четвёртого мехра, то есть в тот самый день, когда погиб шейх Шериф, перевоза раненых в больницу, она сама была ранена на улице Чехель-Метри в Хорремшахре. Но с тех пор я её не видела. Её лицо и руки были повреждены попаданием осколков, а одна нога была неподвижна. Несмотря на это, ей удалось выйти замуж. Увидев её, я очень обрадовалась.

Глава тридцать пятая

Осенью 1981 года я вышла замуж. Конечно, разговор об этом заходил и до войны, и в лагере Малави, и в Тегеране и даже в самый разгар первых дней войны. Но я всегда отвечала отказом.

Мы тогда жили в очень стеснённых материальных условиях. Весь груз по обеспечению нас и ещё нескольких семей взял на себя дядя Хосейни. Помощь оказывал и Джаханара, отправлявший своих людей в разные города, чтобы помочь семьям шахидов. От его лица к нам наведывались господин Мохаммади, брат Бехнама Мохаммади¹ и Махмуд Замани, а также Сейед-Салех Мусави вместе со своей супругой Батуль Казеруни. Кроме Мохаммади я ни с кем из них прежде не была знакома. Когда я спрашивала Да, она тоже не знала. Говорила: «Наверное из друзей Али».

Однажды Да не было дома, а дядя Хосейни и дядя Надали были на работе. Дома были только я и Лейла. К нам зашли двое гвардейцев из Хорремшахра. Приняв их, я услышала, как один из них говорил другому по-арабски:

– Говори теперь.

– А кому говорить, если никого нет? – ответил тот.

Подумав, что они принесли жалование, я про себя сказала: «Ладно, давайте мне деньги. Кого вы ждёте?»

Даже не знаю, почему в тот день Да так поздно пришла. Когда эти двое парней встали и уже собирались идти, я решила их остановить, усадив за стол, и накормить обедом. При этом я рассчитывала, что Да за это время придёт и сможет забрать материальную помощь. Кроме того, их присутствие напоминало мне об Али.

¹ Бехнам Мохаммади – это тот самый тринадцатилетний парнишка, который своим маленьким телом мог прятаться от выстрелов «Джи-3», вытянувшись на земле, и выводил солдат, попавших в окружение, из-под огня противника. В последние дни сопротивления он погиб после попадания осколка в сердце.

Одного из них звали Хабиб Мазали. На фронте он был ранен в руку из гранатомёта, и в больнице Талегани в Абадане ему пришивали пальцы¹. В тот день тоже его руки были перевязаны. Когда я им предложила остаться на обед, тот отказался, сказав, что надо перевязать руку.

– Если вы не возражаете, я смогу сделать вам перевязку, – предложила я. – Для этого у меня есть всё необходимое.

– Если не трудно, буду вам благодарен, – ответил он.

Я принесла перевязочные материалы, потом сняла старую повязку и начала промывать рану. Друг Хабиба вышел из комнаты. Сам Хабиб Мазали стал вспоминать моего брата Али, как тот рассказывал обо мне, что я делаю перевязку раненым, и эти рассказы обо мне глубоко впечатлили его. Он также рассказал, что перед войной намеревался посвататься ко мне, но эти планы нарушились по понятной причине. Теперь он попросил у меня разрешения поговорить с моей семьёй, если буду согласна выйти за него замуж.

От этих слов мне стало так плохо, что начали дрожать руки. С трудом делая перевязку, я ответила, что совсем не думала о замужестве и потому буду абсолютно против.

– Я боялся того дня, когда ты мне откажешь, и из-за этого всегда хотелось убежать куда-нибудь подальше.

Несмотря на то, что я отказала, он оказался очень настойчивым. В конце концов, все его друзья и знакомые, которых я знала, стали уговаривать меня выйти за него. Среди них был и Хосейн Таинежад, близкий друг Али и жених Лейлы. Они уже несколько месяцев были помолвлены. Я же беспокоилась за то, что будет с моей матерью, братьями и сёстрами, если я оставлю их и выйду замуж. Я ведь по завещанию отца взяла ответственность за них на себя.

Наконец, после нескольких месяцев раздумий я согласилась с условием, что не оставлю свою семью и смогу быть рядом с ними. На это он

¹ Его пришитые пальцы и сегодня почти не работают.

ответил, что у него сейчас итак нет дома, и мы сможем быть рядом с моей семьёй. Тем более, что он в основном находится на фронте, и у него нет возможности пока обустроить быт.

Согласившись с этими условиями, мы, наконец, заключили шариатский брак. Не прошло и нескольких дней после этого события, как мы узнали, что Джаханара – командир Корпуса стражей в Хорремшахре – погиб в результате крушения самолёта¹, что стало для всех невосполнимой утратой и тяжким горем. Через три-четыре месяца, в январе 1982 года, Хабиб приехал в Тегеран со своей роднёй, и мы договорились о свадьбе. Договариваясь о размере выкупа за невесту, я настаивала, что он должен быть небольшим. На что Хабиб ответил, что выкуп будет соответствующим, чтобы невеста могла достойно выйти замуж. Тогда дядя Хосейни определил его размер в один том Корана и сто тысяч туманов деньгами, на что все согласились.

Второго января 1982 года мы провели маленькое мероприятие в комнате здания на улице Кушак. Собралась вся моя родня. Со стороны Хабиба были только его отец и братья со своими семьями (Мать Хабиба скончалась в 1979 году). Среди всех подарков для меня самым дорогим оказался букет цветов – подарок Абдоллы.

Количество гостей было ограничено несколькими семьями. Даже Папа и Мими не смогли приехать. Мы многих пригласили, но в таких условиях не все имели возможность приехать. Да и мне было не до этого. Я даже не подумала о покупке всякой утвари и вещей на свадьбу. Сами свадебные расходы, в конечном итоге, составили сумму тринадцать тысяч туманов. Хабиб уехал через несколько дней, чтобы найти нам жильё, и я могла переехать к нему.

Через месяц после свадьбы я и Мохсен решили поехать в Абадан для участия в мероприятиях декады Фаджра. Одиннадцатого бахмана мы

¹ Тридцатого сентября 1981 года в результате победоносной операции «Саменоль-Аэмме», завершившейся снятием блокады с Абадана, самолёт, в котором были Джаханара вместе с несколькими другими командирами, по пути в Тегеран подвергся обстрелу, в результате чего все погибли.

находились на месте проведения мероприятия в отеле «Першн»¹. Оратором мероприятия был Бехруз Моради². Он обладал незаурядным красноречием, от которого все в восхищении застывали на месте. В тот день он говорил, что между внутренними и внешними врагами нет никакой разницы. Говорил и о тех, кто старается на пути революции и т.п.

Мероприятия в тот вечер длились очень долго. Господин Хосамоддин Серадж вместе со своей музыкальной группой исполнял красивую песню «Город в крови». Свою песню исполнил и Ковейтипур под названием «Какими чужими ушли родные из этого дома».

После ранения я не могла долго ни сидеть, ни стоять на одном месте. Из-за затянувшегося мероприятия мне стало плохо и уже совсем не могла встать. Всё моё тело охватила боль. Я не знала к кому обратиться, так как не видела никого из знакомых, как вдруг в конце мероприятия заметила Тахере Бандари-заде³, с которой я дружила ещё со школьных лет. Мы с ней часто горячо спорили, но никогда по-настоящему не ругались.

Я позвала Тахере. Та очень удивилась, увидев меня, и, заметив моё состояние, спросила в чём дело. Я ей всё объяснила и сказала, что не могу сдвинуться с места.

Тахере пошла за подмогой и привела скорую. Две медсестры забрали меня на носилках и увезли напрямик в больницу Нефтяной компании.

После смерти Али я уже во второй раз попала в эту больницу. И это место мне напоминало об этом печальном дне. Там мне поставили диагноз, что рана снова начала гноиться. Я не могла поверить, считая, что это ошибка. Ведь до сих пор она меня не беспокоила.

Тогда было решено сделать рентгеновский снимок, который показал, что там сидит инородный предмет. Мне совсем в голову не приходила мысль,

¹ Отель «Першн» был резиденцией Корпуса стражей (Гвардии) Хорремшахра после взятия города иракцами. Этот отель находится на трассе Абадан-Хорремшахр.

² Бехруз Моради был одним из самых сильных и активных бойцов Гвардии Хорремшахра. Он обучался в Университете искусств. Фотографии Бехруза с театра военных действий, его личные записки в достаточной мере проясняют его выдающуюся личность. Он погиб в 1988 году в Шаламче и похоронен на кладбище «Джаннатабад» в Хорремшахре.

³ Тахере Бандари-заде – в школьные годы мы с ней вместе учились и дружили. Её сёстры числились в Гвардии Хорремшахра.

что это может быть осколок. Но и второй, и третий снимки показали, что этот осколок застрял у меня в пояснице. Так я пролежала в больнице неделю.

Ни Мохсен, ни Хабиб не знали, что со мной стряслось. К тому же я Хабибу сообщала, что приеду с Мохсеном в Абадан, но так и не смогла с ним встретиться. Хабиб тем временем командовал силами в районе Махрези¹. Когда меня пришёл навестить господин Джаббар-Бейги, я его попросила сообщить Хабибу о том, что нахожусь здесь.

Вечером Хабиб удивлённый пришёл ко мне, и я обо всём ему рассказала. Он потом сообщил обо мне Мохсену. Бедный мой брат уже обыскался меня, не зная, где я нахожусь.

После выписки из больницы Хабиб забрал меня в дом, предоставленный ему Гвардией. Это был двухэтажный дом на первой линии улицы в Ахмедабаде. По словам Хабиба там уже два года никто не жил, и поэтому Сейед-Мазфар Мусави и Рахим Эгбальпур выделили для него это жильё. Со мной вместе жила и ханум Эгбальпур.

Так я осталась в Ахмедабаде. Я стала скучать по своей семье. Хабиб приходил только раз в неделю обедом и утром следующего дня снова исчезал на неделю. Зато Мусави и Эгбальпур навещали меня регулярно, рассказывая обо всех новостях с фронта. Мне в такое время хотелось оказаться рядом с Да, и я немного успокаивалась, только когда приезжал Хабиб. Тем временем, я сдружилась с соседями. Мы с ними общались, вместе ходили на базар, готовили еду и т.п. Это меня немного отвлекало от всяких грустных мыслей.

Однажды ближе к обеду приехал Хабиб. С головы до ног он был весь в крови. Я очень испугалась, но оказалось, что с ним ничего не случилось, и это был ранен один из его бойцов, которого он отвёз в больницу.

Взрывная волна задела и его. Ранен был Ияд Бахрам-заде, который из-за попадания осколка ослеп. Хабиб несколько раз из-за этого заезжал домой. Каждый раз он ходил рядом со смертью. Постоянно кто-то из его товарищей был либо ранен, либо убит. Жить в таких условиях конечно было нелегко.

¹ Махрези – юго-восточная часть Хорремшахра, которую контролировали наши войска.

По этой причине было решено открывать дверь только по условленному сигналу. Эгбальпур звонил три раза, Мусави – два раза, Хабиб делал один автомобильный гудок и один звонок в дверь. Потом он привёз домой винтовку «Джи-3» и стал обучать нас стрельбе. Мы с ним поупражнялись несколько раз в стрельбе. Так как «Джи-3» был несколько тяжёлым, Хабиб принёс домой «Калашников». Теперь, когда стучали или звонили в дверь, один из нас держал наготове оружие, спрашивая, кто пришёл.

По наводке предателей иракцы чаще бомбили и обстреливали из орудий те районы города, где ещё жило много людей. Но как только становилось спокойнее, люди снова туда возвращались.

Другой нашей проблемой была нехватка или даже отсутствие горячей воды. Мы разными способами старались выходить из этой ситуации. Либо ходили в баню, что было очень опасно, либо сами каким-нибудь образом грели воду.

Первого апреля 1982 года Корпус стражей Хорремшахра праздновал День Исламской Республики, пригласив в Абадан все семьи шахидов. Много семей туда приехало. К моей радости туда приехала и Да, которую я не видела несколько месяцев. Мы тут же обнялись и расцеловались. От радости, не зная, что сказать, я расплакалась.

Через несколько часов я оставила Да, чтобы сделать омовение и совершить ночной намаз, как вдруг услышала разговор женщин: «Одна семья шахидов, потерявшая отца и сына, потеряла ещё одного своего близкого». Чья семья и как их звали, они не сказали.

Я стала как вкопанная и взглянула на Да, сказав про себя: «Боже! Как теперь я это вынесу? Что я скажу матери? Как я ей сообщу эту новость?»

В то время Мохсен находился вместе с Хабибом на передовой. Я подумала, что это может быть кто-то из них. Совершив намаз, я обратилась к Корану, к аяту «Аль-Курсий» и начала читать, моля Всевышнего о милости и спасении моих близких. Тот вечер прошёл без всяких новостей. На

следующий день выяснилось, что фамилия шахида – Хосейни, но к нам он не имел никакого отношения.

После мероприятий Гвардии Да на несколько дней приехала к нам в Ахмедабад. Хабиб сообщил ей, что я стала матерью. Да очень обрадовалась и, поцеловав несколько раз, сказала, что мне нельзя оставаться здесь под ударами врага.

– Я уже привыкла и полюбила это место. Не могу я уезжать отсюда, – ответила я.

В общем, как она ни уговаривала, я не согласилась уезжать с ней. Пока мать была у меня, я воспользовалась этой возможностью, чтобы сходить в баню. Она в это время отгоняла мышей, сновавших тогда по дому и доставлявших нам немало хлопот. Через неделю Да уехала, забрав с собой Мохсена. Прощаясь с ней, я чувствовала, что меня словно покидает частичка моего тела.

Вскоре началась операция «Фатхоль-Мобин»¹. Мы с Хабибом возвращались из Тегерана в Абадан. Когда мы прибыли туда, ему сказали, что его семье нельзя там оставаться, так как очень опасно, и через пару недель мне пришлось снова уехать в Тегеран.

Однажды охранник здания на улице Кушак сказал, что кто-то просит меня к телефону. К моему удивлению это оказался Хабиб. Он был ранен, и его привезли в Тегеран в больницу Министерства юстиции². Насколько мне было известно, эта больница находилась далеко от нашего дома. Поэтому я попросила перевести его в другую больницу. В следующий раз он позвонил из больницы Моуляви. Вместе с дядей Хосейни и Да мы пошли навестить его.

Вместе с Хабибом в палате были ещё семь-восемь раненых. Дождавшись, пока они завершат намаз, мы подошли к Хабибу. Внешне он

¹ Операция «Фатхоль-Мобин» началась двадцать второго марта 1982 года под позывным «Йа Захра» к западу от Шуша и Дизфуля. В ходе этой операции были освобождены обширные территории: высоты Радар, окрестности Дизфуля, Дешт-Аббас, высоты Мишдаг и др.

² Больница Министерства юстиции находилась на улице Парс возле площади Фирдоуси.

выглядел неплохо. Он был ранен с правой стороны в районе поясницы. Особенно много осколков попало в ногу. Хабиб просил врачей выписать его, но те ответили отказом, так как рана ещё не зажила и потом надо будет провести операцию по извлечению осколков. Однако через некоторое время он уговорил их и переехал к нам домой.

Вскоре Хабиб стал уговаривать меня, чтобы я вытащила ему осколки. Преодолев свой страх, я выполнила его просьбу и вытащила все осколки из его тела, при этом будучи новоиспечённой матерью и имея особую чувствительность ко всему. Я делала ему перевязку и вводила инъекции. Наконец, немного поправившись, через две недели он уехал на фронт.

После завершения освободительной операции я вернулась в Абадан и снова продолжила свою жизнь в Ахмедабаде. Через некоторое время, взяв отпуск, Мусави и Эгбальпур забрали с собой своих жён. Я снова почувствовала себя одинокой. Хабиб, большей частью находясь на передовой, попросил своего товарища Масбуби отвезти меня к его жене, чтобы я могла какое-то время провести с ней. Когда Хабиб приезжал домой раз в неделю, я приезжала туда, потом снова возвращалась обратно.

В ходе этих визитов я заметила, что Хабиб стал плохо видеть. Однажды возвращаясь домой на машине, он не заметил яму и угодил в неё. Мы как-нибудь вернулись домой и вдруг видим: в наш дом попал снаряд, и большую часть второго этажа разнесло вместе с потолком первого этажа. Жить там было уже невозможно, и нам пришлось уехать.

В то время как ханум Мусави и Эгбальпур уехали в Ахваз, я осталась в Абадане. Мы поселились в районе, где в основном жили сотрудники радио и телевидения Абадана. Этот дом находился на окраине района, и там часто ходили коллаборационисты, выведывая, остался ли в каком-либо доме мужчина.

Спустя время началась операция «Бейтоль-Могаддас», и Хабиб попросил меня уехать в Тегеран. Но я отказалась ехать без него. За несколько дней до начала операции к нам пришёл Хосейн Таинежад – муж Лейлы – и,

увидев меня дома, спросил Хабиба, что я там делаю. Тот объяснил ему ситуацию.

Хосейн после долгих объяснений настоял, чтобы я уехала отсюда и была рядом с Лейлой, которая в этот момент нуждалась во мне. Но так как Хабиб не мог оставить свой участок фронта, то Хосейн сам отвёз меня в Исфахан, где они жили вместе с Лейлой. Они поженились через восемь дней после нас и переехали туда. Я не смогла долго там оставаться и через несколько дней уехала в Тегеран, где мне и пришлось остаться.

С началом операции всем мирным жителям запретили въезд в зону боевых действий, и были прерваны все виды связи с теми, кто оставался там. Всю информацию мы узнавали от раненых, которых привозили оттуда в больницы.

Наконец, в два часа, двадцать четвёртого мая 1982 года объявили, об освобождении Хорремшахра. Мы не знали, что делать от радости. Все, кто проживал в здании на улице Кушак в слезах радостно обнимали друг друга и стали праздновать это событие.

Так прошёл этот день, и мы снова не получали с того района никаких новостей. Я постоянно проклинала себя за то, что согласилась вернуться в Тегеран. Ведь в этот момент я должна была находиться там. После первого же звонка Хабиба я сказала ему, что хочу вернуться в Абадан.

Вместе с Мохсеном я сразу же отправилась туда. Среди первых туда вернулись именно семьи гвардейцев.

В ходе операции «Бейтоль-Могаддас» погибло очень много ребят из Хорремшахра: Голям-Реза и Али-Реза Абкар, Абдорреза Мусави, командовавший Корпусом стражей Хорремшахра после Джаханара, Эсмаил Хосрави, муж Робаба Хурси, которая через несколько дней после его гибели родила ему дочь Вадиз.

После Хаммуда Рабии ответственность за участок Махрези была возложена на Хабиба, и он замещал его командование. Во время оккупации Хорремшахра Махрези был первой линией обороны иранских сил против

иракцев. Почти все солдаты и командиры, прибывавшие в зону боевых действий, попадали в Махрези. Аятолла Хаменеи и господин Махдави-Кани, посещая этот район, обязательно прибывали туда. Так как до освобождения Хорремшахра то место считалось передовой линией фронта, то гражданским лицам, особенно женщинам, въезд туда был запрещён. Но я Хабиба всё-таки уговорила, и он забрал меня на передовую. Он был сильно против этого, но видя, как я горела желанием увидеть хотя бы трассу Абадан-Хорремшахр, то отвёз меня до Аэропортовой площади, которая заканчивалась на полуострове Мина.

Глава тридцать шестая

После того как Хорремшахр освободили, я попросила Хабиба при первой же возможности отвезти меня туда. Я хотела увидеть свой город. Пока людей, желавших вернуться в свои дома и уже жить там, туда не пускали. И вот в один день Хабиб говорит: «Поедем, посмотрим Хорремшахр». Я не знала, куда себя деть от радости. Спустя два года мне очень хотелось увидеть свой город. Мне казалось, что Хорремшахр остался прежним, не зная, что ему довелось пережить. Когда мы въехали в город, я застыла от удивления. Мост над рекой, соединявший город с его южной частью – Кут-Шейхом, Махрези и шоссе в Абадан, теперь был разрушен. Мы переплыли на ту сторону на плавучем мосте, который называли Азади.

То, что я увидела, не поддавалось описанию. Всё было разрушено, нельзя было понять на какой улице ты находишься, нас окружали только широкие ровные минированные площадки. Всё превратилось в пустыню. От домов оставались только кучи камней, мусора, пыли и металла. Иракцы везде установили таблички с указанием мин. Они настолько оказались глупы, что при отступлении даже не сняли эти указатели, которые предназначались для их войск.

Сперва мы поехали к Центральной мечети. Она была сильно повреждена, но оставалась целой. Войдя внутрь, я предалась воспоминаниям о первых днях войны. От клиники Шейбани ничего не осталось кроме кучи развалин. Среди этих обломков я стала искать сумку Али. Но, переверосшив всё, я ничего не нашла. Потом Сабах рассказывала, что через несколько дней после моего отъезда сумка пропала.

Когда Хабиб отвез меня к нашему дому, я и там ничего не могла узнать кроме района Талегани, который меньше подвергся бомбардировкам, чем соседние дома. Да и наш дом был настолько разрушен, что я думала, что нахожусь в другой местности. Увидев его, я сразу вспомнила об отце и Али.

Я слышала их голоса в тот день, когда они строили этот дом. Дом, который мы построили своими силами, помогая друг другу. Приспешники Саддама не только убили хозяина дома, но и разрушили его, расхитив всё имущество. Они даже из трёх створок двери две забрали с собой. Железные двери они обычно использовали как крышу над своими окопами. Кухня и уборная были снесены, крыша обвалилась. Несмотря на это, относительно других домов на Талегани наш дом подвергся меньшим разрушениям.

Потом мы поехали в Джаннатабад. Многие могилы были выворочены. Немного пройдясь, я нашла могилы отца и Али. Увидев их, я от удивления даже не смогла заплакать.

У могилы Али Хабиб стал рассказывать:

«Ночью десятого числа до утра следующего дня мы сражались с иракцами на Железнодорожной площади. У них было очень много танков. Потом ребята сказали, что пришёл Сейед-Али. «Какой Сейед-Али?» – спросил я. Они ответили: «Сейед-Али Хосейни».

Через несколько минут я увидел Али. В руках он держал гранатомёт, а напротив него стоял иракский танк. Али встал и выстрелил в него. Но перед этим танк успел выстрелить в его сторону. Снаряд попал в стену сзади него. В этой грязи и пыли мы уже не видели друг друга. Я испугался за Али, так как очень любил его. «Какой шанс оказался у этого парня, только бы он не погиб», – подумал я.

Оставаясь с этими мыслями, я вдруг увидел Али – этого железного человека, выходившего из дыма и пыли. Я тут же подбежал к нему. Мы все были безмерно рады, увидев его живым. С тех пор я его больше не видел. Наш отряд всё так же продолжал бой с иракцами. Наши ребята успели подбить ещё несколько танков. Ближе к вечеру Джаханара сказал нам: «Возвращайтесь. Вы уже устали. Вы здесь с самого вечера, и вам надо отдохнуть. Вместо вас подойдут другие силы».

Мы вернулись отдохнуть в штаб Гвардии в школе «Дарьябод Ресаи». Я, Таги Мохсенифар, Али Ватанхах, Агаджери и ребята из Гвардии Агаджари¹ сидели и разговаривали в фойе на первом этаже. Тут я увидел Мохсенифара, сидевшего напротив меня, и рядом с ним лежал гранатомёт:

– А где Сейед-Али?

– Уехал с Хосейном Таинежадом навестить мать, – ответил тот.

Продолжив разговор, мы потом пошли спать. Как вдруг иракцы начали массированный артиллерийский обстрел по нашему штабу. Один снаряд попал во двор, а другой разорвался прямо посреди нас. В тот момент я только услышал крик Сейед-Али: «Аллаху Акбар». Придя в себя, я вначале не понимал, где нахожусь. Может уже в раю. Но оказалось нет. Потрогав свои руки и ноги, я убедился, что они целы и стал звать Али Ватанхаха.

Через несколько минут он вышел. Мы стали думать, что дальше делать. Иракская артиллерия продолжала стрелять. Несколько ребят из Гвардии Агаджари вышли из школы, не зная куда идти. И вот в этой обстановке, когда все растеряны и пытаются успокоиться, я вижу, как в нашу сторону идёт человек в модной одежде и спрашивает, что случилось. Только потом я понял, что наверняка это был шпион, пришедший убедиться, что его наводка для иракской артиллерии дала нужный результат».

Я ничего не ответила на его рассказ. У меня было желание увидеть весь город, но дальше бойни и дорожной полиции всё ещё нельзя было идти. Иракцы всё ещё оставались в Шаламче. Мы продолжали обходить город. Хабиб, видя моё молчание и состояние шока, продолжал всё комментировать. Мне было больно видеть те ужасы и страдания, которые выпали на долю Хорремшахру.

Спустя время Да приехала с детьми и родственниками отца, приехавшими навестить его могилу. Она всё время плакала, пока мы, наконец, не дошли до Джаннатабада. От вида раскуроченных могил она

¹ Агаджари — газоконденсатно-нефтяное месторождение, гигантское по запасам, одно из крупнейших в мире и в Иране, в пределах нефтегазоносного бассейна Персидского залива. Расположено в 130 км от г. Абадан.

ужаснулась. Казалось, иракцы специально повреждали могилы так, чтобы их родные не смогли их найти.

Она стала целовать землю над ними, говорила с ними и плакала. Больше она разговаривала с Али, при этом как будто стесняясь говорить с отцом в нашем присутствии. Лейла и дети тоже при виде могил расплакались. Я стала их ругать, почему они до сих пор не могут принять их смерть. Но мне никак не получалось успокоить Да.

В конце концов, я отвезла мать в санаторий для ветеранов в Нияваран и показала на ветеранов, потерявших конечности, спрашивая: «Хотела бы ты, чтобы отец и Али остались живы, но в таком состоянии?» Успокоившись, она ответила: «Слава Аллаху, что Али стал шахидом». Нам разрешили остаться жить в Хорремшахре, и Да стала настаивать, что будет каждый день приезжать туда. Но мы её отговорили от этого, сославшись на то, что здесь всё ещё очень опасно. Наконец, она собрала несколько вещей из нашего дома на память и вернулась в Тегеран. Я же решила ничего оттуда не брать кроме фотографий Али, большая часть из которых сгорела в огне.

После освобождения Хорремшахра иракцы ещё сильнее стали бить по городу, нанося ещё большие разрушения. Вдобавок ко всему нас ещё мучила нестерпимая жара. Я при этом ни за что не снимала хиджаба, думая о том, что если погибну, то пусть в достойном виде. Больше я не думала ни о чём, кроме как о моём будущем ребёнке, которого должна была родить здоровым. Из-за этого я стала уговаривать Хабиба, чтобы он ради своего ребёнка достал кондиционер, иначе бы мы не выдержали. На что он отвечал отказом и говорил, что ребёнок должен уметь переносить трудности.

Но он всё-таки достал кондиционер. В тот же вечер Хосейн-Ага – муж Лейлы – сказал Хабибу, что со мной кто-то должен быть рядом в экстренных случаях, так как его часто не бывает дома.

Тогда же решено было позвать Лейлу из Исфохана, чтобы она жила это время с нами. Я очень обрадовалась, что могла скрасить так своё одиночество. Лейла снова стала жить со мной как в нашем далёком детстве.

Мы говорили о многом, вспоминая о прошлом и вместе смеясь над чем-нибудь.

Глава тридцать седьмая

Около месяца я планировала отправиться в больницу «Талегани», расположенную на трассе Абадан-Хорремшахр. Так как в условиях военных действий все операционные комнаты были предназначены для раненых, врачи рекомендовали принимать роды в больнице другого города. Был месяц шахривар. Я с Зейнаб, Саидом и Хасаном, приехавшими на летние каникулы, вернулась в Тегеран в здание на улице Кушак.

Когда я съездила в больницу из-за обострения раны, мне пришлось сделать очередной рентгеновский снимок и принимать назначенные лекарства. Врачи-гинекологи делали всё, чтобы излучение и лекарства не нанесли вред моему ребёнку. Всё время я переживала, думая о том, здоров плод или нет. Я старалась держаться, моля Всевышнего, чтобы пусть он мне послал самого некрасивого ребёнка, но зато здорового.

Через неделю Хабиб приехал в Тегеран. Время родов приближалось, и я себя начинала чувствовать хуже. Чтобы не беспокоить других, я каждую ночь выходила в коридор и начинала ходить, чтобы превозмочь боль. Да тоже выходила за мной и садилась на ступеньки. Наконец, в одну из ночей меня забрали в больницу и после обеда следующего дня у меня родился мальчик. От тяжело перенесённых родов я была в состоянии шока и ничего не чувствовала. Придя в себя, я забеспокоилась за ребёнка. Доктор сказал, что ребёнок здоров, только сердце у него бьётся немного учащённо, возможно из-за постоянных звуков взрыва. Из-за этого меня с ребёнком продержали три дня в больнице.

Десятого мехра я вернулась со своим новорождённым ребёнком к матери, сестре и братьям на улицу Кушак. Лейла и тётя Салимэ, у которой тоже был месячный ребёнок, также приехали в Тегеран навестить меня. В комнатах у матери было полно людей. В одной из них были мы с двумя новорождёнными детьми. В таких условиях нам пришлось принимать гостей, приезжавших навестить меня.

Утром одного дня, когда Хабиб совершал намаз, а я от боли ходила по комнате, вдруг раздался взрыв, и был слышен шум разбитых стёкол. Как говорили, бомба попала в здание разведки на площади Имама, бывшей Тупханэ. Приехали машины скорой помощи, и на следующий день мы узнали, что погибло много людей.

На третий день Да своим поведением стала показывать, что она против, чтобы я называла младенца именем Хосейн или Али. По её настоянию мы дали ему имя Абдолла. Через восемнадцать дней мы решили вернуться в Абадан. Тётя Салимэ предложила сначала поехать в Хорремабад, чтобы Папа мог увидеть Абдоллу, а потом поехать в Абадан.

Папа, увидев младенца, расплакался и сказал, что он вылитый Сейед-Али в детстве. Все те несколько дней, что мы провели у них, Абдолла был, в основном, на руках у Папы. Потом мы поехали в Абадан.

Через месяц Мими приехала увидеть Хорремшахр. Она была также поражена увиденным, как и Да. Потом она посетила могилы отца и Али. В своё время она очень помогла нам, присматривая за Али и Мохсенем, когда у Да не было на это времени. Теперь она осталась на какое-то время и помогала уже нам.

Когда Абдолле исполнилось три месяца, он вдруг почувствовал себя плохо. Я его начала успокаивать и кормить грудью. Потом, успокоив, уложила его в балконе под солнцем. Пока он спал я занималась своими делами, мыла одежду, посуду, гремела тазиками. Как вдруг услышала взрыв. Но, привыкнув, я не обратила на него внимание. Через несколько минут я услышала шум приближающегося снаряда из знакомой мне 230-миллиметровой пушки. Всё вокруг вдруг перевернулось верх дном. Я упала, потом, очнувшись, видела повсюду пыль. Я начала взывать к Всевышнему, ко всем имамам. Потом тут же подбежала к тому месту, где лежал Абдолла. Кругом всё посыпалось. Меня уже терзали мысли, что Абдолла мёртв, и от него остались только мелкие куски. Потом я увидела, как в том месте стоит большой камень и, заглянув под него, увидела своего мальчика. Я взяла его в

руки. На нём не было ни капли крови и внешне он выглядел целым. Потом я послушала его сердце. Оно стучало! Я не знала, как описать свою радость. Присев там же, я впервые после взрыва расплакалась.

Придя в себя, я вдруг поняла, что вокруг меня собрались люди с соседних домов. Потом приехала скорая, спрашивая, кто-нибудь ранен. «Нет», – радостно ответила я. Потом дети во дворе между собой стали рассказывать, как бомба прилетела в дом Хабиба, и его ребёнок обратно вернул её самим иракцам!

Потом выяснилось, что бомба попала не в наш дом, а в крышу соседнего дома ханум Аббаспур. Из-за того, что у нас были смежные стены, нас тоже затрясло. Англичане крепко построили дом, поэтому он выдержал удар и не развалился. К счастью, ханум Аббаспур не было дома. Она уехала из Абадана рожать второго ребёнка. Её муж Юсеф погиб от рук иракцев за несколько месяцев до рождения Абдоллы и завещал назвать ребёнка его именем, если родится мальчик. Сама Аббаспур не вернулась домой. Её дом потом весь освободили, и все вещи отправили к ней.

С тех пор я боялась оставлять Абдоллу на балконе. Теперь я его обкладывала одеялом, тканями и пластиковыми вещами и укладывала у окна. Когда мне подруги говорили, что так он больше подвергается опасности, так как на него может обвалиться крыша, я отвечала им, что на всё воля Всевышнего, и если будет суждено, то ребёнок останется жив.

Глава тридцать восьмая

В феврале 1983 года домой заехал Хабиб. Видя, что он находится в особом настроении, я спросила:

– Что-то случилось?

С неестественной и нервной улыбкой он ответил:

– Хосейн ушёл. Хосейн Эйди стал шахидом.

Эта новость меня шокировала. Я не могла поверить. Хосейн, смуглый парень с взъерошенными волосами, которого я знала с детства, тоже погиб. Он был почти мой ровесник. Удивителен этот мир: все ребята уходят, оставив своих родителей одних.

Присутствие Хосейна напоминало мне первые дни войны. Я к тому времени, уже почти успев подзабыть Абдоллу Моави, каждый раз при виде Хосейна радовалась, что он здоров и невредим. Услышав новость о его гибели, мне самой захотелось умереть.

После смерти Хосейна его мать переехала в дома работников радио и телевидения и осталась там. Поминки по нему она провела там же. Сороковой день Хосейна попал на месяц рамазан. Так как он очень любил кефаль, его мать на ифтар сорокового дня купила много этой рыбы. Я пришла к ней помогать чистить её. В ту же ночь сестра Хосейна родила дочь. Смерть Хосейна сказалась на ней. Она не могла смотреть за ребёнком. Мать Хосейна чувствовала себя намного лучше дочери. Она взяла внучку к себе и присматривала за ней. Я постоянно навещала её к ним.

Глава тридцать девятая

Находясь в Абадане, я всё время думала о детях – моих сестре и братьях – о том, как они там живут в Тегеране, с кем общаются. Я постоянно звонила им и контролировала, спрашивая, как у них дела. У Хасана спрашивала о Мансуре, у Мансура – о Хасане. За Саида я была спокойна. Он всегда был спокойным и рассудительным мальчиком. Хасан тоже был хорошим мальчиком, но при этом озорным и отчаянным. Мне было легче их контролировать, потому что они были ещё маленькими. Больше я переживала за Мансура из-за его кризисного возраста и особых условий, которые ему требовались. К сожалению, в здании на улице Кушак мы сталкивались с проблемой наркотиков и даже алкогольных напитков. Один из мужчин в здании проводил так называемые траурные мероприятия по Иمامу Хусейну, под прикрытием которых он занимался незаконной деятельностью. Я, будучи против вовлечения Мансура в их деятельность и сталкиваясь с таким типом людей прежде, была вынуждена зайти на их мероприятие и забрать оттуда Мансура. «Я не хочу, чтобы ты с ними связывался, – сказала я Мансуру. – Они под именем Имама Хусейна могут совершить много преступлений».

Все мои усилия были направлены на то, чтобы дети не свернули с верного пути. Хотя мне самой нужен был кто-нибудь, кто бы вёл меня по этой жизни, я всё же старалась восполнить отсутствие отца и старшего брата в семье.

В те годы на территории Республиканской партии или в школе шахида Мотаххари проводились молитвы «Тавассуль» и «Кумейль». Ещё до своего замужества, живя в Тегеране, и после него, когда переехала в Абадан, я очень часто вместе с семьёй и с другими жильцами здания на улице Кушак участвовала в этих мероприятиях. Детей я часто забирала в мечети «Каим» или «Джалили», надеясь, что близкая связь с ними удержит их в правильном направлении. Я научила детей совершать намаз, давая обет Хасану, как я это

ещё до войны делала сама. Когда наступало лето, и в школах начинались каникулы, я звонила Да из Абадана и говорила, чтобы дети, сдав свой последний экзамен, приезжали ко мне в Абадан. Если мать не могла из привезти, я сама ездила в Тегеран и привозила их с собой. Хотя дети и любили баловаться, я всё же предпочитала, чтобы они были со мной.

Однажды Хабиб приехал домой на красном пикапе. В его машине всегда можно было найти какое-нибудь оружие. Он пообедал и пошёл немного отдохнуть. Не успел Хабиб прийти домой, как Хасан и Саид выбежали на улицу. Потом они вернулись и сразу поднялись на верхний этаж. Потом их не было слышно. Я подумала про себя: «Странно, эти двое сегодня какие-то спокойные». Через час Хабиб встал и уже собирался уйти. Он вышел, но потом вернулся и спросил:

– Я в машине оставлял две гранаты. Сейчас там только одна. Мог кто-нибудь забрать её?

– Нет, – ответила я. – Тут по району у всех есть оружие, кому твоя граната может понадобиться?

– А куда тогда она могла деться?

– Ты, наверное, ошибаешься. Может, в каком-нибудь другом месте ты её оставил?

– Нет же. Клянусь, я её перед боргом оставлял.

Тут я догадалась, что могло произойти и позвала Хасана и Саида.

– Что ты взял из машины? – спросила я у Хасана.

– Ничего я не взял.

– Принеси то, что взял.

Саид тут же признался:

– Мы забрали гранату.

– И что вы с ней сделали?

– Ничего, – ответил Хасан. – Я отдал гранату Саиду, и он её крепко схватил. Потом я вынул из неё чеку.

Я чуть не сошла с ума. Мы избежали большой опасности. Хасан и Саид обезвредили гранату. Даже не знаю, кто и как их этому научил. Я посмотрела на руки Саида. Он так крепко держал гранату, что на них остались следы от её рельефа.

– Ты должен сделать им серьёзное внушение, – сказала я Хабибу. – Сейчас они сделали это, в следующий раз могут захотеть снаряд обезвредить.

Хабиб, который всегда был очень добр с детьми, сказал:

– Я не могу их обидеть. Они, во-первых, сейиды, а, во-вторых, сыновья шахида. Что я им могу сказать?

– Если ничего не говорить, будет ещё хуже. Их надо как следует отругать.

В общем, я заставила Хабиба отругать детей и отлупить Хасана. После этого, чувствуя себя больше виноватым, чем дети, он сел в машину и уехал. Потом Хасан вдруг исчез и не появлялся. Я никак не могла его найти и обыскала все места. Зашла ко всем соседям, но его и след простыл. Меня стало охватывать беспокойство. Потом я подошла к Саиду и спросила:

– Как это ты своими маленькими ручками смог держать гранату?

– Хасан сказал, что если я её отпущу, то нас разорвёт на части. Ну я и испугался. Держал её, сколько смог.

Потом мне в голову стукнуло, что не дай бог Хасан спрятался в будке трансформатора. Мои предположения оказались верными. При всей своей озорливости Хасан был впечатлительным ребёнком. Он совсем не ожидал, что получит пощёчину. На него это оказало сильное впечатление. Я его привела домой. Хабиб, переживавший за свой поступок, в тот же вечер вернулся и сказал:

– Зачем ты меня заставила отлупить ребёнка? Я сегодня не в состоянии был работать.

Потом он пошёл, обнял и поцеловал Хасана, извинившись перед ним.

В следующий раз они стали рыть в огороде окопы друг напротив друга. Потом вырыли канал и заполнили водой. Они так усердно работали, что

соседи стали восхищаться их трудолюбием. Я-то видела, чем они на самом деле занимаются. Они мне перерыли весь огород. Везде были ямы. Я вслед за ними стала заполнять их. Они тоже мне помогали. Но на следующий день всё повторялось по новой.

За Мохсена и Мансура я была спокойна. Мохсен работал в администрации Хорремшахра пожарником, а Мансур влился в ряды добровольцев «Басидж»¹. Он числился в составе отрядов Хабиба.

Очень часто, когда ситуация в районе становилась беспокойной, и на землю падали бомбы и снаряды, ребята из гвардии старались отправлять свои семьи в другие города. Хабиб тоже иногда отправлял нас к своей сестре в Ахваз. Хотя он тоже считался военным городом, но по сравнению с Абаданом был более безопасным. Не было и дня, чтобы в городе не отпевали хотя бы одного шахида. Когда я бывала в Ахвазе, то всегда ходила на кладбище шахидов этого города.

Со временем я всё больше привязывалась к Хабибу. Мне хотелось, чтобы он всегда был рядом со мной. при этом понимала, что я сама выбрала себе мужа, который всегда находится на фронте. Это было одним из условий.

Хабиб всегда приносил домой букет дамасской розы. Их прекрасный аромат кружил по всему дому. Их можно было найти и во дворе разрушенных домов и в сохранившихся кустах. Он доставал их в любых условиях, даже во время атаки иракцев. Иногда я видела, как его руки были изранены шипами.

Со временем я стала больше переживать за Хабиба из-за тех опасностей, которые подстерегали его на каждом шагу. Когда он уезжал я, крепко обнимая Абдоллу, следовала за ним сперва во двор, потом в парк за домом, провожая его своим взглядом. Хотя я боялась его опускать на

¹ Басидж (перс.: Мобилизация), также Нируе Могавемате Басидж (перс.: Мобилизация сил сопротивления), Сазман-е Басидж-е Мостазафин (перс.: Организация мобилизации угнетённых) – иранское полувоенное ополчение, одна из пяти так называемых «сил» в составе Корпуса Стражей Исламской революции (КСИР).

передовую, но, тем не менее, знала, что он и дня не выдержит вдали от зоны боевых действий.

Когда Абдолле исполнилось три месяца, мы переехали в другой дом. Как раз в те самые дома работников радио и телевидения. Тот первый дом подвергся обстрелу, пока мы были в Ахвазе, и был непригоден для жилья. Этот дом был меньше прежнего, но в нём условия были лучше.

Иногда гвардейцы собирали женщин со всех домов и вели разъяснительную работу по поводу того, что иногда в округе ходят вероотступники и учиняют расправу над людьми. Поводом послужил случай, когда они выследили гвардейца, вышедшего из своего дома, и отрезали ему голову. Соседи потом с трудом нашли его тело.

Однажды ночью отключили свет, и мне послышался подозрительный шум. Как мне показалось, это кошка застряла в вентиляционной трубе. Когда она не работает, мыши легко могут проникнуть через него в дом. Взяв в руки Абдоллу, я постучала в дом к ханум Джаббарбейги и попросила, чтобы её муж что-нибудь сделал с мышами.

Семья Джаббарбейги всегда в отсутствие Хабиба опекала меня. И на этот раз они починили мне вентиляцию, но мыши появились вновь. Мне пришлось охранять сон Абдоллы, чтобы не дай бог они не добрались до него. Но нас мучила и другая проблем. В эту летнюю жару при отключённом электричестве и открытых окнах в дом проникали комары. Я проснулась однажды утром от их укусов. Абдолла тоже был весь искусан. Я боялась, что он заболит, так как вокруг разгуливало много болезней.

Через несколько дней мы поехали в Исфахан, а оттуда вместе с Лейлой в Тегеран. Не доезжая дотуда, Абдолла затемпературил. Мы его потом отвели к педиатру. Ребёнок был очень слаб и постанывал. Врач сказал, что у него простуда и направил нас в больницу. Ему сделали укол, перед этим выпроводив нас из кабинета. Абдолла кричал от укола. Потом дверь открылась, и один из врачей вместе с другим с Абдоллой на руках выбежал в сторону аптеки. Мы с Лейлой побежали за ними. Пять минут они держали

ребёнка под водой из крана в такую прохладную погоду. Я начала беспокоиться, но врачи успокоили меня, сказав, что всё нормально, и ребёнок не замёрзнет.

Когда ребёнка уложили на кушетку, он не шевелился. Врачи сказали, что нет поводов для беспокойства. Он сейчас находится в бессознательном состоянии из-за судороги. Выяснив, что отец ребёнка – военный, они потом взяли с меня согласие на операцию в случае необходимости. В это же время подошла Да и начала меня ругать за то, что я не уследила за ребёнком, ездила из города в город. На что дядя Хосейни сказал ей, что сейчас не время причитать, надо уже думать о том, как спасти Абдоллу.

Когда я сообщила о больном Абдолле Хабибу, он незамедлительно приехал и сразу направился в больницу. Мальчик, весивший двенадцать с половиной килограмм, за несколько дней потерял в весе до четырёх с половиной кило. Хабиб ужаснулся при виде Абдоллы. Потихоньку мальчик стал поправляться, и мы через некоторое время вернулись к себе в Абадан.

Но Абдолла после приезда снова успел заболеть. Когда он снова температурил, я вдруг вспомнила про гранат и сказала Хабибу. Он купил целую корзину гранатов, и я кормила ими Абдоллу. Через некоторое время, возможно из-за того, что мальчик постоянно ел гранат, он поправился. Нас охватила большая радость.

Когда Банисадра отстранили от командования всеми вооружёнными силами, и он с позором бежал из страны, за это время в районе боевых действий было проведено три-четыре крупных успешных операций. Артиллерия врага отступила дальше и стала меньше обстреливать город. Самолёты тоже уже меньше прилетали бомбить Абадан. Ситуация на фронте стабилизировалась.

В 1983 году снова началось массированное наступление иракцев. Шаламче всё ещё оставался в их руках, и наши ребята готовились начать наступление.

В связи с этим командование Гвардии предписало всем жителям переехать в более безопасное место, и мы вместе с остальными жильцами дома работников радио и телевидения уехали оттуда. На следующее утро мы вместе с тётёй Салимэ и её семьёй прибыли в Тегеран в конце февраля 1984 года.

Через месяц у меня должен был родиться второй ребёнок, но он родился уже на следующий день после приезда, и мы его назвали Хода. Мы с ним некоторое время пролежали в больнице. Из-за того, что в доме у Да не было условий, и всё время отключали электричество, мы с детьми вернулись в Абадан.

В тот год иракцы в Шаламче стали широко использовать химическую атаку. Нам снова пришлось уехать в Тегеран и как-нибудь в стеснённых условиях жить в здании на улице Кушак. По моему настоянию Организация по делам шахидов выделила мне две комнаты, хотя Хабиб очень не хотел просить их.

Когда иракцы прилетали бомбить Тегеран и пускали ракеты, окна в доме дрожали и создавали сильный шум. Я всегда укладывала Ходу и Абдоллу в одном месте так, чтобы на них не попали осколки стекла.

После болезни Абдолла приобрёл лёгкую форму астмы. Ему теперь нельзя было давать молочные продукты и летние овощи. По предписанию врача я давала ему специальную капсулу для облегчения дыхания. Я не могла спокойно ночью спать, следя за тем, чтобы вовремя успокоить его кашель и не беспокоить остальных спящих. В такие моменты я всё время мечтала о том, чтобы Хабиб был рядом, но прекрасно понимала, что дела войны важнее. Именно поэтому я готова была перенести все трудности.

Находясь в своей комнате, я всё время думала о матери. Пока мы жили на нижних этажах в этой суеде, общаясь с другими женщинами в кухне, нам как-то не приходилось задумываться о своих проблемах. Но как только я переехала на седьмой этаж, у неё уже появилась такая возможность. Она

развесила на стене фотографии шахидов Хорремшахра и, глядя на них, причитала на курдском и на арабском и начинала плакать.

В 1985 году Хабиба командировали из Гвардии в Тегеран на два года для прохождения специальных оружейных курсов. Но, недоучившись даже первый год, Хабиб вернулся на фронт. Всё это время жизнь в Тегеране тяготила его. Как только начиналась новая боевая операция, он начинал нервничать, возмущаясь, почему он там не находится, а вместо него воюют ребята.

Наконец, он решился и стал собираться в дорогу, чтобы вернуться в зону боевых действий. Я старалась не показывать вида, что каждый его такой отъезд заставляет переживать меня. Как-то он спросил меня:

– Что ты будешь делать, если я погибну?

– Буду себя вести, как и многие жёны шахидов. Я ничем от них не отличаюсь.

Но как только он собирался писать завещание, я его отговаривала от этого, так как мне казалось, что этим он навлекает на себя смерть. «С чего ты взяла, что я погибну?» – смеясь, спрашивал он. «В любом случае я готова к любому исходу», – отвечала я.

В то время из-за войны и экономических санкций против нашей страны товары выдавали по талонам. Дядя Хосейни, придя в два часа после работы, быстро перекусывал и уходил за сухим молоком для Абдоллы и Ходы или искал что-нибудь для дома. В те трудные годы помощь дяди Хосейни и дяди Надали оказалась для нас неоценимым благом. Дядя Хосейни решал все вопросы как хороший командир. Он всегда спрашивал, нужно ли нам что-нибудь ещё, чтобы мы ни в чём не испытывали нужды. Именно тогда я чувствовала, как тяжело без мужчины в доме.

Зарплата Хабиба, когда мы женились, составляла от одной тысячи восьмисот до двух тысяч туманов. Постепенно к 1983 году она выросла у него где-то до трёх-четырёх тысяч туманов. Он полностью давал деньги в

моё распоряжение, и я решила открыть счёт в банке «Меллат» на улице Фирдоуси, чтобы иметь запас на чёрный день.

Мои братья Хасан и Саид очень хотели попасть на фронт, но они были ещё маленькими, и их туда не пустили. Но в 1986 году они всё-таки вместе договорились отправиться на фронт. Их записали на шести- и трёхмесячные курсы подготовки. Мне пришлось ходить с ними вместо матери, чтобы зарегистрировать их и дать согласие.

Когда Хасан уехал на фронт на шесть месяцев, мы с ним часто переписывались. Я очень не любила писать письма. Напротив, Хабиб всегда писал мне, но я постоянно оставляла его письма без ответа. Он почти смирился с этим, но иногда всё-таки отправлял мне письмо.

С Хасаном ситуация была иной. Я писала ему, так как чувствовала ответственность и опекала его. Хабиб постоянно навещался к нему, в том числе следил, чтобы его не отправляли на передовую или держали в гарнизоне. Но опасность всё равно сохранялась, так как иракцы регулярно совершали авианалёты.

В одном из писем Хасан писал, как сбили вражеский самолёт. В его словах чувствовался энтузиазм и воодушевление. Теперь настала очередь Саида проситься на фронт. Он был удивительно спокойным и прилежным в учёбе мальчиком. Он вместе с Хасаном учился в одной школе.

В августе-сентябре 1987 года основным районом проведения боевых операций был запад страны. Однажды ночью я во сне увидела шахида Чамерана. Я много с ним разговаривала. Беспokoясь за Мансура, я спрашивала о нём у шахида. Тот ответил, что его привезут. На другие вопросы он, отшучиваясь, больше не отвечал. В другом сне я была в каком-то бестелесном состоянии и переживала за то, что происходит в мире. Большую часть этих снов я не запоминала. Но у меня в голове запечатлелся мудрый образ Чамерана. Я не смогла рассказать Да ни об одном из снов. О них я рассказала только Фавзие Ватанхах. Ещё до этого в феврале-марте 1986 года я видела сон, как Мансур был ранен в левую ногу и восемь месяцев

пролежал дома. В ногу ему вставили рабочий стержень. Но как только ему сняли гипс, и он смог ходить, то тут же отправился обратно на фронт.

Через два-три дня после увиденных снов я вдруг почувствовала себя плохо. Я попросила Фавзийе пойти со мной в больницу «Амирали» на улице «Кушак». По дороге она стала со мной разговаривать, и чувствовалось, что она хочет что-то сообщить мне, но только сперва подготовить меня к этой новости.

– Говори по сути. Что хотела сказать? – вдруг прервала её я. – Я жду.

Она сказала, что видела в здании человека – представителя Штаба по вопросам шахидов и раненых, который спрашивал меня. Она добавила также, что мой сон сбылся.

Не выдержав, я расплакалась:

– О, Боже! Мать больше этого не выдержит!

– Да нет же! Мансур не погиб, но он действительно серьёзно ранен! Этот человек, оказывается, несколько раз приходил именно к тебе, но никак не застал. При этом он видел Да, но ничего ей не рассказал. Мансур его предупредил.

Закончив мои дела в больнице, мы потом пошли в Штаб по вопросам шахидов и раненых – нынешнее министерство здравоохранения, медицины и медицинского образования – на пересечении улиц Республики и Хафиза. В Штабе я навела справки о Мансуре. Там сказали, что он ранен в ногу и сразу из зоны боевых действий был переведён в одну из больниц Мешхеда.

Я с трудом нашла в себе силы рассказать об этом Да. Наконец, успокоив её, я сказала, что поводов для беспокойства теперь нет, Мансур был ранен в ногу, но его перевели в Мешхед и уже прооперировали.

– Теперь я собираюсь навестить его, – сказала я.

Наконец, обсудив всё, мы с Да и Абдоллой и Хода поехали в Мешхед. Охранник у входа разрешил нам пройти туда только по одному. Не зная истинного состояния Мансура, я не пустила Да зайти первой. Как я ни старалась контролировать себя, но увидев Мансура в палате, я тут же

расплакалась и начала обнимать и целовать его. Он очень похудел. Я рассказала ему, что со мной приехали Да и мои дети.

Он тут же, когда вошла медсестра, попросил её пустить их в палату к нему. Конечно, плач Да был уже слышен, не доходя до палаты, и я не могла её никак успокоить. Мы оставались у Мансура до обеденного азана. Воспользовавшись этой поездкой, мы ещё три дня побывали в Мешхеде и посетили святыню Имама Резы. С трудом мы смогли за эти дни найти себе свободное место в гостинице в городе, где в это время было очень много паломников. Все эти дни мы навещали Мансура. Мы его сажали на коляску и гуляли с ним во дворе больницы. Наконец, попрощавшись, мы вернулись в Тегеран.

Я сразу через знакомого Фавзийе обратилась в Штаб и после долгих просьб добилась, чтобы Мансура перевели в одну из больниц Тегерана. После обследования в больнице «Сахраи» Мансуру хотели ампутировать ногу, но он не дал согласия. В конце концов, врачи согласились попытаться вылечить её, но не гарантировали результат. За время лечения рана на ноге несколько раз воспалялась, и её с трудом удавалось успокоить.

Лечение Мансура продолжалось около года. За это время ему несколько раз меняли гипс, давали лекарства, делали инъекции. Наконец, поначалу он стал вставать, потом смог ходить на обеих ногах, прихрамывая. Таким образом, он очевидно стал идти на поправку.

После 1985 года ситуация в здании поменялась. Постепенно вместо семей беженцев из Хузестана стали заселять семьи погибших из Тегерана, испытывавших проблемы с жильём. Сосуществование людей с разными культурами и разным менталитетом создавало некоторые проблемы, и я была убеждена, что такие семьи нуждаются в непосредственной опеке со стороны руководства. Такие семьи обычно бывают безразличны к проблемам соседей и всё время создают им проблемы, не соблюдая общие правила.

Особенно всем докучала одна семья, хозяин которой потерял на войне ногу. Он постоянно творил беспорядок, и его дети шумели. В их комнате

развились антисанитария, из-за чего микробы оттуда могли перекочёвывать к нам. Сколько соседи с ними не ругались, всё было бесполезно.

Жалобы в Организацию по делам шахидов со стороны жильцов не возымели действия. Они оставались там до конца, пока не расселят всех проживающих. Наконец, сама жена устала от такой жизни, и она развелась со своим мужем. Последний переехал в Мешхед, бросив семью, и женился там повторно.

Мои жалобы в Организацию также не давали результата. «Они тоже семьи шахидов и имеют право проживать там», – отвечали мне там. «Но разве они имеют право бесчинствовать там? Почему из-за нескольких семей должны страдать остальные?» – возражала я им.

В 1982 году Зейнаб училась в школе «Шандиз»¹ на улице Рамсар. Учителя школы, узнав, что мы семья шахидов, попросились к нам в гости. В беседе со мной они также узнали, что я живу в Абадане, они очень заинтересовались ситуацией там. Тогда я их пригласила к себе туда, и в марте-апреле 1983 года они провели там несколько дней у нас. Хабиб, в свою очередь, организовал для них экскурсию по боевым местам.

После основания школы «Шахед» мы стали называть Зейнаб просветителем. Там она занималась культурными программами и читала Коран, за что учителя очень любили её. Учитель общественных знаний ханум Раис-Касем² вместе с другими учителями школы часто приходили нам домой, и я поделилась с ней проблемами жильцов в этом здании. Спустя время школу посетил руководитель Организации по делам шахидов господин Карруби, и ханум Раис-Касем рассказала ему о наших проблемах, сказав, что беспокоится за ученицу своей школы, живущей в неблагоприятных условиях, где имеют место как потребление наркотиков, так и непристойное поведение некоторых жильцов. По его просьбе Зейнаб письменно изложила ему все наши проблемы.

¹ Школы «Шахед» до сих пор не запущены в Иране. Потом эта школа стала называться «Бесат».

² Жена бывшего министра иностранных дел Харази.

Через два года после этого письма в 1987-1988 году моей матери выделили неотресторированную квартирную секцию в конфискованных домах¹. Когда Да переехала из здания на улице Кушак, комната на четвёртом этаже была освобождена. Все жильцы с верхних этажей делали всё, чтобы переселиться в эту комнату. Комендант здания, чтобы не допустить беспорядка, обещал, что комната достанется тем, кто заслуживает в порядке приоритета. Когда Да с детьми уехала, я стала волноваться, что осталась одна на своём восьмом этаже. Но, с другой стороны, это было спокойное место вдали от всей суеты и шума. При этом дядя Хосейни и Да часто сами занимались моими покупками, видя, что я всегда занята детьми и не всегда могу отлучиться. Но чаще всего мне самой надо было ходить по своим делам, ведь они не могли постоянно заниматься мной. Тогда я пошла к коменданту здания господину Сияхпушу² и объяснила, что из-за ранения в поясницу мне тяжело подниматься на восьмой этаж, да и доктор запретил мне подниматься по лестнице. Тот согласился с этим аргументом, сказав, что сам занимается спортом, но даже у него возникает одышка, когда он поднимается на верхние этажи. После этого мы переехали на четвёртый этаж, что вызвало возмущение у многих жильцов.

Да с детьми уехала из здания на улице Кушак в 1988 году. Зейнаб уже исполнилось тринадцать лет, Саиду – пятнадцать, Хасану – семнадцать и Мансуру – двадцать один год. Все уже вышли из детского возраста. С их переездом в дом, где они были уже предоставлены самим себе, я уже была немного спокойна. Теперь у меня самой было трое детей. Третьей на свет у меня появилась Фатемэ, которой было уже три месяца. Я не позволяла Абдолле и Ходэ играть с другими детьми в коридоре здания, так как сама несколько раз видела, как случались несчастные случаи, когда дети играли на

¹ Квартирная секция, которую выделили моей матери, находилась в домах, конфискованных у сионистов. Они принадлежали евреям, проживавшим в Иране и бежавшим после революции из страны. Переулок, где находился этот дом, назывался Харуниан и позже был переименован в честь моего отца – шахиды Сейед-Хосейна Хосейни.

² Сияхпуш был тренером по пинг-понгу и очень порядочным человеком. Он несколько раз ездил на фронт и решал наши проблемы.

лестницах, на перилах. Поэтому я боялась, что что-нибудь подобное могло произойти и с моими детьми. Хотя понимая, что им всё равно хочется поиграть со своими ровесниками, я ходила и присматривала за ними, когда они резвились в коридоре или на улице. Иногда мы ходили в парк. Дома я читала им сказки и рассказывали разные истории.

Много разных историй произошло за годы моего проживания в здании на улице Кушак. Со многими семьями я общалась. Почти у всех были свои проблемы, но жизнь шла своим чередом. Наконец, в июле 1988 года война закончилась.

Но Хабиб, будучи командиром специальных сил, оставался в зоне конфликта. Дети выросли, и проблемы, связанные с ними, тоже выросли. Они уже пошли в школу, и вся ответственность за них легла на меня. В те годы керосин раздавали по талонам и без них его невозможно было достать. Когда приезжала машина с керосином, мы быстро становились в очередь, чтобы талон не сгорел. При этом всегда было проблемой поднимать наверх бидоны и фляги с керосином и газовые баллоны. Именно поэтому все старались селиться этажом как можно ниже.

За те несколько лет, что я жила на улице Кушак, несколько раз к нам приезжал Папа, который до этого из Хорремабада переехал жить в Даррешахр. Как всегда, он был в той же самой дишдаше с чёрным платком на поясице, с абой на плечах и чалмой на голове. Абу он снимал только во время работы. Всё потому что он считал, что сейиды должны носить соответствующую одежду. В первый его приезд Абдолле было три года, который по утрам любил заходить в комнату моей матери. В то утро, когда вместо неё он увидел Папу, то детским голосом воскликнул:

– Мама, смотри! К нам приехал Имам Хомейни!

Я удивлённая побежала в комнату Да и увидела там Папу. Каждый раз, когда он приезжал, он проводил несколько дней у нас и несколько дней у дяди Хосейни. Его и мои дети любили проводить время с Папой и играли с ним в разные игры.

Через несколько дней Папа поехал к Да. Я тоже забрала детей и вместе с ним поехала в Тегеран. Последний раз, когда он там был, ему стало плохо. Когда дядя Хосейни отвёл его к врачу, выяснилось, что все органы у него, в том числе сердце и лёгкие в полном порядке, и ухудшения связаны только с преклонным возрастом. Я за ним постоянно ухаживала, стирала ему одежду, приносила воду для омовения, за что он был очень благодарен.

В те дни у нас было особое чувство, что мы Папу больше не увидим, и эти дни никогда не повторятся. Папа настоял на том, чтобы вернуться в Даррешахр. В своё время все они вместе с Мими, дядей Надали и его семьёй из-за ракетных обстрелов Хорремабада переехали туда. За ними туда переехали дядя Салим и тётя Салимэ. До появления беженцев Даррешахр был небольшой деревней со строгими нравами. Постепенно он превратился в город, и там были построены большие мечеть¹ и больница. Прежде, пока Папа и дяди туда не переехали, я никогда не слышала названия «Даррешахр²».

Однажды вечером Папа замёрз и серьёзно заболел. Не выдержав болезни, он через два месяца после того, как мы в последний раз с ним виделись, упокоился и, согласно его завещанию, был похоронен на кладбище «Эмам-заде Эбрахим» в Зарринабаде в шахрестане Дехлоран посреди зелёных холмов. Папа больше не был в Хорремшахре после его освобождения. Мне казалось, что ему тяжело было ехать туда, где погибли Али и отец, и видеть их могилы. Он никак не мог принять это, сколько я ни ругала его. При этом он напевал одну лурскую песню:

По всему небу тёмные тучи, и всё вокруг охвачено мраком,
В котором погибли отец и сын.

¹ Муж тёти Салимэ, которого мы звали дядя Аббас работал в этой мечети.

² Даррешахр в эпоху существования эламского государства считался одним из важных городов и был резиденцией правителей Элама. В древности он назывался Мадакту, будучи частью мидийской культуры. В последние годы велись активные археологические раскопки на территории этого города, расположенного в 110 километрах от Андимшака, недалеко от Поль-Дохтара. Это красивый город посреди долины, мимо которого протекает река Самирэ, и который окружают горы со всех сторон.

Под небом и тёмными тучами он подразумевал горе, которое ложилось тяжким бременем в его душе.

Глава сороковая

В девяносто третьем году Хабиб, наконец, вернулся.

До этого времени на приграничной линии даже в присутствии мирных наблюдателей ООН наши военные всё ещё попадали в плен или погибали. Хабиб только тогда согласился приехать в Тегеран, когда ситуация на границе стабилизировалась и там стало безопасней. Все те годы, что его не было рядом, нам было очень тяжело. Мне приходилось преодолевать в одиночку множество проблем. Но я никогда не жаловалась ему и занималась всем сама. Я молилась только Всевышнему, чтобы он вернулся живой, как и Мансур с Мохсеном, и Хасан с Саидом, которые тоже потом отправились на фронт. При этом я чувствовала, что Хабиб не испытывает никакой привязанности к семье, и всегда ищет возможности, чтобы уехать по делам. Однажды он увидел во сне Хосейна Эйди, ставшего шахидом, как и многие ребята, где тот звал Хабиба к себе, сказав, что они его заждались. Хабиб пересказал этот сон мне. Из-за этого он стал меньше проводить времени с Абдоллой и Ходой, и не любил, когда я просила присмотреть за ними, чтобы заняться домашними делами.

Меня удивляло, как можно так далеко держаться от своей семьи, при этом очень любя своих домочадцев, но при этом проявляя со своей стороны чёрствость.

Через некоторое время после приезда Хабиба мы переехали вместе с четырьмя нашими детьми – одним сыном и тремя дочерьми из здания на улице Кушак в дом на площади Фирдоуси, который Хабиб заранее подготовил для нас.

Спустя годы Да всё ещё тяжело переносила смерть отца и Али и при каждом поводе ездила в Хорремшахр. Пока я там жила, она приезжала под предлогом, что хочет навестить Абдоллу или помочь мне. А после моего переезда в Тегеран она уже находила иные причины, чтобы только навестить

могилы отца и Али. При этом врач рекомендовал ей ограничивать свои поездки. Да это не останавливало, и она делала всё, что считала нужным.

Но годы стали брать своё. Пережив все трудности в своей жизни, смерть родных, она сильно постарела и согнулась в пояснице, с трудом передвигаясь. Руки и челюсть у неё дрожали. Она всё время вспоминала прожитую всеми нами жизнь и то дерево, тень, прохлада и зелень от которого так и не уберегли нас от жизненных проблем.

Все мои сёстры и братья разъехались по всей стране и были заняты своей жизнью. Лейла жила в Ахвазе, а Сейед-Мохсен и Сейед-Мансур – в Хорремшахре. Дядя Селим и тётя Салимэ остались в Даррешахре. Мими скончалась в марте 2007 года. В 2004 году мне представилась возможность поехать в Басру. У меня не было свободного времени, но я всё же осмотрела улицы города и заглянула в дом, где жили мы. Я нашла дом Папы и Мими, оживив в памяти все воспоминания своего детства. Мне снова захотелось стать ребёнком, когда Мими усаживалась во дворе и все мы – я, Али и остальные дети – лежали рядом с ней и каждый раз просили её рассказать нам сказку. В тот момент Мими снова для меня пела:

Эй, месяц прекрасный. Эй, месяц прекрасный,
Не видел ли ты деда моего в пути,
С ружьём на плече
Идущего в чашу львов?

Сейде Азам Хосейни

Роман

Да: Воспоминания Сейде Захры Хосейни.

ISBN 978-5-6043820-4-2



Отпечатано в типографии ООО «Паблит»

127214, г. Москва, Полярная ул., д.31В, стр.1, Э/ПОМ/К 3/1/1

Тел.: (495) 230-20-52

